

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

*в двенадцати
томах*

Под общей редакцией
*В. В. ЕРМИЛОВА, К. Д. МУРАТОВОЙ,
З. С. ПАПЕРНОГО, А. И. РЕВЯКИНА*

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том десятый

**ИЗ СИБИРИ
ОСТРОВ САХАЛИИ
ФЕЛЬЕТНЫ, СТАТЬИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
ДНЕВНИКИ**

1882—1904

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

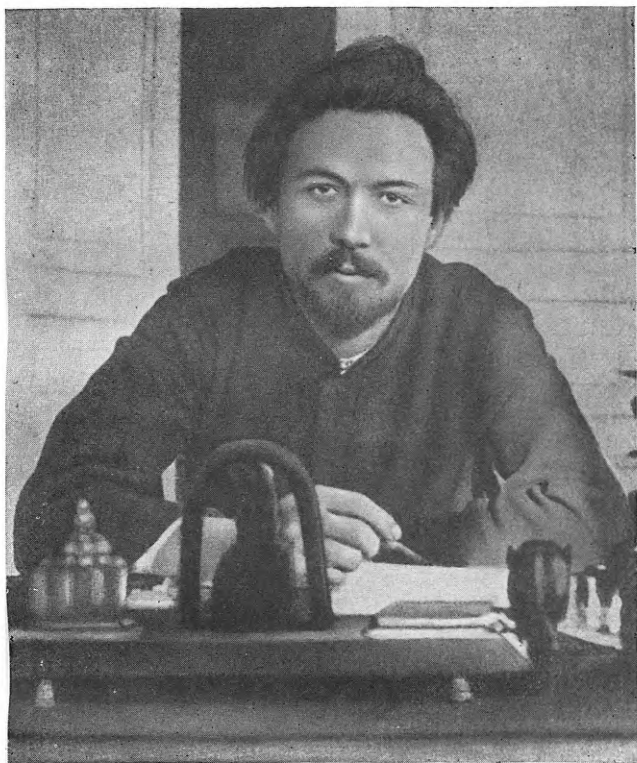
Примечания

М. Л. Семановой («Из Сибири», «Остров Сахалин»)

и Е. Н. Коншиной (Фельетоны, статьи, записные книжки, дневники)

Оформление художника

Н. ШИШЛОВСКОГО

А. П. ЧЕХОВ

1891

ИЗ СИБИРИ
ОСТРОВ САХАЛИН

ИЗ СИБИРИ

I

— Отчего у вас в Сибири так холодно?

— Богу так угодно! — отвечает возница.

Да, уже май, в России зеленеют леса и заливаются соловьи, на юге давно уже цветут акации и сирень, а здесь, по дороге от Тюмени до Томска, земля бурая, леса голые, на озерах матовый лед, на берегах и в оврагах лежит еще снег...

Зато никогда в жизни не видал я такого множества дичи. Я вижу, как дикие утки ходят по полю, как плавают они в лужах и придорожных канавах, как вспархивают почти у самого возка и лениво летят в березняк. Среди тишины вдруг раздается знакомый мелодический звук, глядишь вверх и видишь невысоко над головой пару журавлей, и почему-то становится грустно. Вот пролетели дикие гуси, пронеслась вереница белых, как снег, красивых лебедей... Стонут всюду кулики, плачут чайки...

Обгоняем две кибитки и толпу мужиков и баб. Это переселенцы.

— Из какой губернии?

— Из Курской.

Позади всех плетется мужик, не похожий на других. У него бритый подбородок, седые усы и какой-то непонятный клапан позади на сермяге; под мышками

две скрипки, завернутые в платки. Не нужно спрашивать, кто он и откуда у него эти скрипки. Непутевый, не степенный, хворый, чувствительный к холоду, неравнодушный к водочке, робкий, всю свою жизнь прожил он лишним, ненужным человеком сначала у отца, потом у брата. Его не отделяли, не женили... Нестоящий человек! На работе он зябнул, хмелел от двух рюмок, болтал зря и умел только играть на скрипке да возиться с ребятами на печке. Играл он и в кабаке, и на свадьбах, и в поле, и, ах, как играл! Но вот брат продал избу, скот и все хозяйство и идет с семьей в далекую Сибирь. И бобыль тоже идет — деваться некуда. Берет он с собой и обе скрипки... А когда придет на место, станет он зябнуть от сибирского холода, зачахнет и умрет тихо, молча, так, что никто не заметит, а его скрипки, заставлявшие когда-то родную деревню и веселиться и грустить, пойдут за двугривенный чужаку-писарю или ссыльному; ребята чужака оборвут струны, сломают кобылки, нальют в нутро воды... Вернись, дядя!

Переселенцев я видел еще, когда плыл на пароходе по Каме. Помнится мне мужик лет сорока с русской бородой; он сидит на скамье на пароходе; у ног его мешки с домашним скарбом, на мешках лежат дети в лапотках и жмутся от холодного, резкого ветра, дующего с пустынного берега Камы. Лицо его выражает: «Я уже смирился». В глазах ирония, но эта ирония устремлена вовнутрь, на свою душу, на всю прошедшую жизнь, которая так жестоко обманула.

— Хуже не будет! — говорит он и улыбается одной только верхней губой.

В ответ ему молчишь и ни о чем не спрашиваешь, но через минуту он повторяет:

— Хуже не будет!

— Будет хуже! — говорит с другой скамьи какой-то рыжий мужичонка-переселенец с острым взглядом. — Будет хуже!

Эти, что плетутся теперь по дороге, около своих кибиток, молчат. Лица серьезные, сосредоточенные... Я гляжу на них и думаю: порвать навсегда с жизнью,

которая кажется ненормальной, пожертвовать для этого родным краем и родным гнездом может только необыкновенный человек, герой...

Затем, немного погодя, мы обгоняем этап. Звеня кандалами, идут по дороге тридцать — сорок арестантов, по сторонам их солдаты с ружьями, а позади — две подводы. Один арестант похож на армянского священника, другого, высокого, с орлиным носом и с большим лбом, я как будто видел где-то в аптеке за прилавком, у третьего — бледное, истощенное и серьезное лицо, как у монаха-постника. Не успеваешь оглядеть всех. Арестанты и солдаты выбились из сил: дорога плоха, нет мочи идти... До деревни, где они будут ночевать, осталось еще десять верст. А когда придут в деревню, наскоро закусят, напьются кирпичного чаю и тотчас же повалятся спать, и тотчас же их облепят клопы — злейший, непобедимый враг тех, кто изнемог и кому страстно хочется спать.

Вечером земля начинает промерзать, и грязь обращается в комья. Возок прыгает, грохочет и визжит на разные голоса. Холодно! Ни жилья, ни встречных... Ничто не шевелится в темном воздухе, не издает ни звука, и только слышно, как стучит возок о мерзлую землю, да когда закуриваешь папиросу, около дороги с шумом вспархивают разбуженные огнем две-три утки...

Подъезжаем к реке. Надо переправляться на ту сторону на пароме. На берегу ни души.

— Уплыли на ту сторону, язви их душу! — говорит возница. — Давай, ваше благородие, реветь.

Кричать от боли, плакать, звать на помощь, вообще звать — здесь значит реветь, и потому в Сибири режут не только медведи, но и воробьи и мыши. «Попалась кошке — и ревет», — говорят про мышку.

Начинаем реветь. Река широкая, в потемках не видно того берега... От речной сырости стынют ноги, потом все тело... Ревем мы полчаса, час, а парома все нет. Надоедают скоро и вода, и звезды, которыми усыпано небо, и эта тяжелая, гробовая тишина. От скуки разговариваю я с дедом и узнаю от него, что женился он шестнадцати лет, что у него было восем-

надцать детей, из которых умерло только трое, что у него живы еще отец и мать; отец и мать—«киржаки», то есть раскольники, не курят и за всю свою жизнь не видали ни одного города, кроме Ишима, а он, дед, как молодой человек, позволяет себе побаловаться—курить. Узнаю от него, что в этой темной, суровой реке водятся стерляди, нельмы, налимы, шуки, но что ловить их некому и нечем.

Но вот наконец слышится мерный плеск, и на реке показывается что-то неуклюжее, темное. Это паром. Он имеет вид небольшой баржи; на нем человек пять гребцов, и их два длинных весла с широкими лопастями похожи на рачьи клешни.

Пристав к берегу, гребцы первым делом начинают браниться. Бранятся они со злобой, без всякой причины, очевидно спросонок. Слушая их отборную ругань, можно подумать, что не только у моего возницы, у лошадей и у них самих, но и у воды, у парома и у весел есть матери. Самая мягкая и безобидная брань у гребцов, это—«чтоб тебя уязвило» или «язвина тебе в рот!» Какая здесь желается язва, я не понял, хотя и расспрашивал. Я в полушубке, больших сапогах и в шапке; в потемках не видно, что я «ваше благородие», и один из гребцов кричит мне хриплым голосом:

— Эй ты, язва, что стоишь, рот разинул? Отпрягай пристяжную!

Въезжаем на паром. Перевозчики, бранясь, берутся за весла. Это не местные крестьяне, а ссыльные, присланные сюда по приговорам обществ за порочную жизнь. В деревне, где они приписаны, им не живется—скучно, пахать землю не умеют или отвыкли, да и не мила чужая земля, и пошли они сюда, на перевоз. Лица у них испытые, истасканные, битые. А какие выражения на лицах! Видно, что эти люди, пока плыли сюда на арестантских баржах, скованные попарно наручниками, и пока шли этапом по тракту, ночуя в избах, где их тело невыносимо жгли клопы, одеревенели до мозга костей; а теперь, болтаясь день и ночь в холодной воде и не видя ничего, кроме голых берегов, навсегда утратили все тепло, какое име-

ли, и осталось у них в жизни только одно: водка, девка, девка, водка... На этом свете они уже не люди, а звери, а по мнению деда, моего возницы, и на том свете им будет худо: пойдут за грехи в ад.

II

Из большого села Абатского (375 верст от Тюмени), в ночь под 6 мая, везет меня старик лет шестидесяти; незадолго перед тем, как запрягать, он парился в бане и ставил себе кровососные банки. Для чего банки? Говорит, что поясница болит. Он боек не по летам, подвижен, словоохотлив, но ходит нехорошо: кажется, у него спинная сухотка.

Я сижу в высоком, некрытом тарантасике, везет пара. Старик помахивает кнутом и покрикивает, но уж не кричит по-прежнему, а только кряхтит или стонет, как египетский голубь.

По сторонам дороги и вдаль на горизонте змееобразные огни: это горит прошлогодняя трава, которую здесь нарочно поджигают. Она сыра и туго поддается огню, и потому огненные змеи ползут медленно, то разрываясь на части, то потухая, то опять вспыхивая. Огни искрятся, и над каждым из них белое облако дыма. Красиво, когда огонь вдруг охватит высокую траву: огненный столб вышиною в сажень поднимается над землей, бросит от себя к небу большой клуб дыма и тотчас же падает, точно проваливается сквозь землю. Еще красивее, когда змейки ползают в березняке; весь лес освещен насквозь, белые стволы отчетливо видны, тени от березок переливаются со световыми пятнами. Немножко жутко от такой иллюминации.

Навстречу, во весь дух, гремя по кочкам, несется почтовая тройка. Старик спешит свернуть вправо, и тотчас же мимо нас пролетает громадная, тяжелая почтовая телега, в которой сидит обратный ящик. Но вот слышится новый гром: несется навстречу другая тройка и тоже во весь дух. Мы торопимся свернуть вправо, но, к великому моему недоумению и

страху, тройка сворачивает почему-то не вправо, а влево и прямо летит на нас. А что, если столкнемся? Едва я успеваю задать себе этот вопрос, как раздаётся треск, наша пара и почтовая тройка мешаются в одну темную массу, тарантас становится на дыбы, и я падаю на землю, а на меня все мои чемоданы и узлы... Пока я, ошеломленный, лежу на земле, мне слышно, что несется третья тройка. «Ну, думаю, эта, наверное, убьет меня». Но, слава богу, я ничего не сломал себе, ушибся не больно и могу встать с земли. Вскакиваю, отбегаю в сторону и кричу не своим голосом:

— Стой, стой!

Со дна пустой почтовой телеги поднимается фигура, берется за вожжи, и третья тройка останавливается почти у самых моих вещей.

Минуты две проходят в молчании. Какое-то тупое недоумение, точно все мы никак не можем понять того, что произошло. Оглобли сломаны, сбруи порваны, дуги с колокольчиками валяются на земле, лошади тяжело дышат; они тоже ошеломлены и, кажется, больно ушиблены. Старик, кряхтя и охая, поднимается с земли; первые две тройки возвращаются, подъезжает еще четвертая тройка, потом пятая...

Затем начинается неистовая ругань.

— Чтоб тебя уязвило! — кричит ямщик, столкнувшийся с нами. — Язвина тебе в рот! Где у тебя глаза были, старая собака?

— А кто виноват? — кричит плачущим голосом старик. — Ты виноват, да ты же и ругаешься?

Как можно понять из ругани, причиной столкновения было следующее. Ехало в Абатское пять обратных троек, возивших почту; по закону, обратные ямщики должны ехать шагом, но передний ямщик, соскучившись и желая скорее попасть в тепло, погнался лошадей во весь дух, в задних же четырех телегах ямщики спали и некому было править тройками; за первую во весь дух побежали и остальные четыре. Если бы я спал в тарантасе или если бы третья тройка бежала тотчас же за второй, то, конечно, дело не обошлось бы для меня так благополучно.

Ямщики ругаются во все горло, так, что их, должно быть, за десять верст слышно. Ругаются нестерпимо. Сколько остроумия, злости и душевной нечистоты потрачено, чтобы придумать эти гадкие слова и фразы, имеющие целью оскорбить и осквернить человека во всем, что ему свято, дорого и любо! Так умеют браниться только сибирские ямщики и перевозчики, а научились они этому, говорят, у арестантов. Из ямщиков громче и злее всех бранится виноватый.

— Ты не бранись, дурак! — защищается старик.

— А что? — спрашивает виноватый ямщик, мальчишка лет девятнадцати, с угрожающим видом подходит к старику и становится лицом к лицу.— А что?

— Ты не очень!

— А что? Отвечай: что же будет? Возьму обломок оглобли, да обломком тебя, язвина!

По тону судя, быть драке. Ночью, перед рассветом, среди этой дикой ругающейся орды, в виду близких и далеких огней, пожирающих траву, но ни на каплю не согревающих холодного ночного воздуха, около этих беспокойных, норовистых лошадей, которые столпились в кучу и ржут, я чувствую такое одиночество, какое трудно описать.

Старик, ворча и высоко поднимая ноги,— это он от болезни,— ходит вокруг тарантаса и лошадей и отвязывает, где только можно, веревочки и ремешки, чтобы связать ими сломанную оглоблю, потом он, зажигая спичку за спичкой, ползает на брюхе по дороге и ищет постромку. Идут в дело и мои багажные ремни. Уж занялась заря на востоке, уж давно кричат проснувшиеся дикие гуси, наконец уж уехали ямщики, а мы все еще стоим на дороге и починаемся. Пробовали было ехать дальше, но связанная оглобля — трах!.. и нужно опять стоять... Холодно!

Кое-как шагом доплетаемся до деревни. Останавливаемся около двухэтажной избы.

— Илья Иваныч, кони дома? — кричит старик.

— Дома! — отвечает кто-то глухо за окном.

В избе встречает меня высокий человек в красной рубахе и босой, сонный и чему-то спросонок улыбающийся.

— Клопы одолели, приятель! — говорит он, почесываясь и улыбаясь еще шире.— Нарочно горницу не топим. Когда холодно, они не ходят.

Здесь клопы и тараканы не ползают, а ходят; путешественники не едут, а бегут. Спрашивают: «Куда, ваше благородие, бежишь?» Это значит: «Куда едешь?»

Пока на дворе подмазывают возок и позвякивают колокольчиками, пока одевается Илья Иваныч, который сейчас повезет меня, я отыскиваю в углу удобное местечко, склоняю голову на мешок с чем-то, кажется с зерном, и тотчас же мною овладевает крепкий сон; уж снятся мне моя постель, моя комната, снится, что я сижу у себя дома за столом и рассказываю своим, как моя пара столкнулась с почтовой тройкой; но проходят две-три минуты, и я слышу, как Илья Иваныч дергает меня за рукав и говорит:

— Вставай, приятель, лошади готовы.

Какое издевательство над ленью, над отвращением к холоду, который змейкой пробегает по спине и вдоль и поперек! Опять еду... Уже светло, и золотится перед восходом небо. Дорога, трава в поле и жалкие молодые березки покрыты изморозью, точно засахарились. Где-то токуют тетерева...

8 мая

III

По сибирскому тракту, от Тюмени до Томска, нет ни поселков, ни хуторов, а одни только большие села, отстоящие одно от другого на 20, 25 и даже на 40 верст. Усадеб по дороге не встречается, так как помещиков здесь нет; не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постоянных дворов... Единственное, что по пути напоминает о человеке, это телеграфные проволоки, завывающие под ветер, да верстовые столбы.

В каждом селе — церковь, а иногда и две; есть и школы, тоже, кажется, во всех селах. Избы деревянные, часто двухэтажные, крыши тесовые. Около каждой избы на заборе или на березке стоит скворешня

и так низко, что до нее можно рукой достать. Скворцы здесь пользуются общею любовью, и их даже кошки не трогают. Садов нет.

Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды, я сижу в избе вольного ямщика, в горнице, и пью чай. Горница — это светлая, просторная комната, с обстановкой, о какой нашему курскому или московскому мужику можно только мечтать. Чистота удивительная: ни соринки, ни пятнышка. Стены белые, полы непременно деревянные, крашенные или покрытые цветными холщовыми постилками; два стола, диван, стулья, шкаф с посудой, на окнах горшки с цветами. В углу стоит кровать, на ней целая гора из пуховиков и подушек в красных наволочках; чтобы взобраться на эту гору, надо подставлять стул, а ляжешь — утонешь. Сибиряки любят мягко спать.

От образа в углу тянутся по обе стороны лубочные картины; тут портрет государя, непременно в нескольких экземплярах, Георгий Победоносец, «европейские государи», среди которых очутился почему-то и шах персидский, затем изображения святых с латинскими и немецкими подписями, поясной портрет Баттенберга, Скобелева, опять святые... На украшение стен идут и конфетные бумажки, и водочные ярлыки, и этикетки из-под папирос, и эта бедность совсем не вяжется с солидной постелью и крашеными полами. Но что делать? Спрос на художество здесь большой, но бог не дает художников. Посмотрите на дверь, на которой нарисовано дерево с синими и красными цветами и с какими-то птицами, похожими больше на рыб, чем на птиц; дерево это растет из вазы, и по этой вазе видно, что рисовал его европеец, то есть ссыльный; ссыльный же малевал и круг на потолке и узоры на печке. Немудрая живопись, но здешнему крестьянину и она не под силу. Девять месяцев не снимает он рукавиц и не распрямляет пальцев: то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето — спина болит от работы и тянутся жилы. Когда уж тут рисовать? Оттого, что круглый год ведет он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант,

не певец. По деревне вы редко услышите гармонику и не ждите, чтоб ямщик затянул песню.

Дверь открыта, и сквозь сени видна другая комната, светлая и с деревянными полами. Там кипит работа. Хозяйка, женщина лет двадцати пяти, высокая, худощавая, с добрым, кротким лицом, месит на столе тесто; утреннее солнце бьет ей в глаза, в грудь, в руки, и, кажется, она замешивает тесто с солнечным светом; хозяйская сестра-девушка печет блины, стряпка обваривает кипятком только что зарезанного поросенка, хозяин катает из шерсти валенки. Ничего не делают только старики. Бабушка сидит на печке, свесив ноги, стонет и охает; дедушка лежит на полатах и кашляет, но, заметив меня, сползает вниз и идет через сени в горницу. Ему хочется поговорить... Начинает он с того, что весна теперь холодная, какой давно не было. Помилуйте, завтра Николин день, послезавтра вознесенье, а ночью шел снег, и по дороге к селу замерзла какая-то женщина; скот тощает от бескормицы, у телят от морозов понос... Потом он спрашивает меня, откуда я, куда бегу и зачем, женат ли я, и правду ли говорят бабы, что скоро будет война.

Слышится детский плач. Теперь только я замечаю, что между кроватью и печью висит маленькая люлька. Хозяйка бросает тесто и бежит в горницу.

— Однако какой у нас случай, купец! — говорит она мне, качая люльку и кротко улыбаясь. — Месяца два назад приехала к нам из Омска мещанка с ребеночком... Барыней одета, однако... Ребеночка она родила в Тюкалинске, там и крестила; после родов-то в дороге разнемоглась и стала жить у нас вот в этой горнице. Говорит, что замужняя, а кто ее знает? На лице не написано, а паспорта при ней нет. Может, ребеночек незаконный...

— Не наше дело судить, — бормочет дедушка.

— Прожила она у нас неделю, — продолжает хозяйка, — потом и говорит: «Я поеду в Омск к мужу, а мой Саша пусть у вас останется; я за ним через неделю приеду. Теперь боюсь, как бы не замерз дорогой...» Я ей и говорю: «Послушай, сударыня, бог посылает людям детей, кому десять, кому и двенадцать,

а меня с хозяином наказал, ни одного не дал; оставь нам своего Сашу, мы его себе в сыночки возьмем». Она подумала и говорит: «Однако погодите, я мужа своего спрошу и через неделю вам письмо пришло. Без мужа не смею». Оставила нам Сашу и уехала. И вот уж два месяца прошло, а она ни сама не едет, ни письма не шлет. Наказание господне! Полюбили мы Сашу, как родного, а сами теперь не знаем, наш он или чужой.

— Надо вам этой мещанке письмо написать,— советую я.

— Стало быть, надо! — говорит из сеней хозяин.

Он входит в горницу и молча смотрит на меня: не дам ли я еще какого-нибудь совета?

— Да как ты ей напишешь? — говорит хозяйка.— Фамилии своей она нам не сказывала. Марья Петровна — вот и все. А Омск, тоже сказать, город большой, не найдешь ее там. Ищи ветра в поле!

— Стало быть, не найдешь,— соглашается хозяин и смотрит на меня так, как будто хочет сказать: «Помоги же, бога ради!»

— Привыкли мы к Саше,— говорит хозяйка, давая ребенку соску.— Закричит днем или ночью, и на сердце иначе станет, словно и изба у нас другая. А вот, неровен час, вернется та и возьмет от нас...

Глаза хозяйки краснеют, наливаются слезами, и она быстро выходит из горницы. Хозяин кивает ей вслед, усмехается и говорит:

— Привыкла... Известно, жалко!

Он и сам привык, ему тоже жалко, но он мужчина, и сознаться ему в этом неловко.

Какие хорошие люди! Пока я пью чай и слушаю про Сашу, мои вещи лежат на дворе в возке. На вопрос, не украдут ли их, мне отвечают с улыбкой:

— Кому же тут красть? У нас и ночью не крадут.

И в самом деле, по всему тракту не слышно, чтоб у проезжего что-нибудь украли. Нравы здесь в этом отношении чудесные, традиции добрые. Я глубоко убежден, что если бы я обронил в возке деньги, то нашедший их вольный ямщик возвратил бы мне их, не заглянув даже в бумажник. На почтовых я ездил

мало и про почтовых ямщиков могу сказать только одно: в жалобных книгах, которые я читал от скуки на станциях, мне попалась на глаза только одна жалоба на покражу: у проезжего пропал мешочек с сапогами, но и эта жалоба, что видно из резолюции почтового начальства, оставлена без последствий, так как мешочек был скоро найден и возвращен проезжему. О грабежах на дороге здесь не принято даже говорить. Не слышно про них. А встречные бродяги, которыми меня так пугали, когда я ехал сюда, здесь так же страшны для проезжего, как зайцы и утки.

К чаю мне подают блинов из пшеничной муки, пирогов с творогом и яйцами, оладий, сдобных калачей. Блины тонкие, жирные, а калачи вкусом и видом напоминают те желтые, ноздреватые бублики, которые в Таганроге и в Ростове-на-Дону хохлы продают на базарах. Хлеб везде по сибирскому тракту пекут вкуснейший; пекут его ежедневно и в большом количестве. Пшеничная мука здесь дешевая: 30—40 копеек за пуд.

На одном хлебе сыт не будешь. Если в полдень попросишь чего-нибудь вареного, то везде предлагают одной только «утячьей похлебки» и больше ничего. А эту похлебку есть нельзя: мутная жидкость, в которой плавают кусочки дикой утки и потроха, не совсем очищенные от содержимого. Невкусно, и смотреть тошно. В каждой избе — дичина. В Сибири никаких охотничьих законов не знают и стреляют птиц в продолжение всего года. Но едва ли здесь скоро истребят дичь. На расстоянии 1500 верст от Тюмени до Томска дичи много, но не найдется ни одного порядочного ружья, и из ста охотников только один умеет стрелять влёт. Обыкновенно охотник ползет к уткам на животе по кочкам и мокрой траве и стреляет только из-за куста, в 20—30 шагах в сидячую, причем его поганое ружье раз пять дает осечку, а выстрелив, сильно отдаёт в плечо и в щеку; если удастся попасть в цель, то тоже не малое горе: снимай сапоги и шаровары и полезай в холодную воду. Охотничьих собак здесь нет.

9 мая

Подул холодный, резкий ветер, начались дожди, которые идут день и ночь не переставая. В 18 верстах от Иртыша мужик Федор Павлович, к которому привез меня вольный ямщик, говорит, что дальше ехать нельзя, так как от дождей по берегу Иртыша затопило луга; вчера из Пустынского приехал Кузьма, так он едва лошадей не утопил; надо ждать.

— А до каких пор ждать? — спрашиваю.

— А кто ж его знает? Спроси у бога.

Иду в избу. Там в горнице сидит старик в красной рубахе, тяжело дышит и кашляет. Я даю ему Доверов порошок — полегчало, но он в медицину не верит и говорит, что ему стало легче оттого, что он «отсиделся».

Сажу и думаю: остаться ночевать? Но ведь всю ночь будет кашлять этот дед, пожалуй, есть клопы, да и кто поручится, что завтра вода не разольется еще шире? Нет, уж лучше ехать!

— Поедем, Федор Павлович! — говорю я хозяину. — Не стану я ждать.

— Это как вам угодно, — кротко соглашается он. — Только бы нам в воде не ночевать.

Едем. Дождь не идет, а, как говорится, лупит во всю мочь; тарантас же у меня не крытый. Первые верст восемь проезжаем по грязной дороге, но все-таки рысью.

— Ну, погода! — говорит Федор Павлович. — Признаться, сам я давно там не был, не видел разлива, да вот Кузьма напугал. Может, бог даст, и проедем.

Но вот перед глазами расстилается широкое озеро. Это затопленные луга. Ветер гуляет по нему, шумит и поднимает зыбь. То там, то сям видны островки и еще не залитые полоски земли. Направление дороги указывают мосты и гати, которые размокли, раскисли и почти все сдвинуты с места. Вдали за озером тянется высокий берег Иртыша, бурый и угрюмый, а над ним нависли тяжелые, серые облака; кое-где по берегу бежит снег.

Начинаем ехать по озеру. Неглубоко, колеса сидят в воде только на четверть аршина. Ехать, пожалуй, было бы сносно, если бы не мосты. Около каждого моста нужно вылезть из тарантаса и становиться в грязь или в воду; чтобы въехать на мост, нужно сначала к его приподнятому краю подложить доски и бревна, которые разбросаны тут же на мосту. Лошадей по мосту водим поодиночке. Федор Павлович отпрягает пристяжных и дает мне держать; я держу их за холодные грязные поводья, а они, норовистые, пятятся назад, ветер хочет сорвать с меня одежду, дождь больно бьет в лицо. Не вернуться ли? Но Федор Павлович молчит и, вероятно, ждет, когда я сам предложу вернуться; я тоже молчу.

Берем приступом один мост, другой, потом третий... В одном месте увязли в грязь и едва не опрокинулись, в другом заупрямились лошади, а утки и чайки носятся над нами и точно смеются. По лицу Федора Павловича, по неторопливым движениям, по его молчанию вижу, что он не впервые так бьется, что бывает и хуже, и что давно-давно уже привык он к невылазной грязи, воде, холодному дождю. Неदेशево достается ему жизнь!

Въезжаем на островок. Тут избушка без крыши; по мокрому навозу ходят две мокрые лошади. На зов Федора Павловича из избушки выходит бородатый мужик с длинной хворостиной и берется показать нам дорогу. Он молча идет вперед, измеряет хворостиной глубину и пробует грунт, а мы за ним. Выводит он нас на длинную, узкую полосу, которую называет «хребтом»; мы должны ехать по этому хребту, а когда он кончится, взять влево, потом вправо и въехать на другой хребет, который тянется до самого перевоза.

Темнеет в воздухе; нет уж ни уток, ни чаек. Бородатый мужик научил нас, как ехать, и давно уж вернулся. Кончился первый хребет, опять полощемся в воде, берем влево, потом вправо. Но вот наконец и второй хребет. Он тянется по самому краю берега.

Иртыш широк. Если Ермак переплывал его во время разлива, то он утонул бы и без кольчуги. Тот берег высок, крут и совершенно пустынен. Видна ло-

щина; в этой ложине, как говорит Федор Павлович, идет дорога на гору, в село Пустынное, куда мне нужно ехать. Этот же берег отлогий, на аршин выше уровня; он гол, изгрызен и склизок на вид; мутные валы с белыми гребнями со злобой хлещут по нему и тотчас же отскакивают назад, точно им гадко прикасаться к этому неуклюжему, осклизлому берегу, на котором, судя по виду, могут жить одни только жабы и души больших грешников. Иртыш не шумит и не ревет, а похоже на то, как будто он стучит у себя на дне по гробам. Проклятое впечатление!

Подъезжаем к избе, где живут перевозчики. Выходит один и говорит, что плыть на ту сторону нельзя, мешает непогода, что нужно ждать утра.

Остаюсь ночевать. Всю ночь слушаю, как храпят перевозчики и мой возница, как в окна стучит дождь и ревет ветер, как сердитый Иртыш стучит по гробам... Ранним утром иду к реке; дождь продолжает идти, ветер же стал тише, но все-таки плыть на пароме нельзя. Меня переправляют на лодке.

Перевоз здесь держит артель из хозяев-крестьян; среди перевозчиков нет ни одного ссыльного, а все свои. Народ добрый, ласковый. Когда я, переплыв реку, взбираюсь на скользкую гору, чтобы выбраться на дорогу, где ждет меня лошадь, вслед мне желают и счастливого пути, и доброго здоровья, и успеха в делах... А Иртыш сердится...

12 мая

V

Наказание с этим разливом! В Колывани мне не дают почтовых лошадей; говорят, что по берегу Оби затопило луга, нельзя ехать. Задержали даже почту и ждут насчет ее особого распоряжения.

Станционный писарь советует мне ехать на вольных в какой-то Вьюн, а оттуда в Красный Яр; из Красного Яра меня повезут верст 12 на лодке в Дубровино, и там уж мне дадут почтовых лошадей. Так и делаю: еду во Вьюн, потом в Красный Яр... Приводят меня к мужику Андрею, у которого есть лодка.

— Есть лодка, есть! — говорит Андрей, мужик лет пятидесяти, худошавый, с русой бородкой. — Есть лодка! Рано утром она повезла в Дубровино заседателя писаря и скоро будет назад. Вы подождите и пока чайку покушайте.

Пью чай, потом взбираюсь на гору из пуховиков и подушек... Просыпаюсь, спрашиваю про лодку — не вернулась еще. В горнице, чтоб не было холодно, бабы затопили печь и, кстати, заодно пекут хлеб. Горница нагрелась, и хлеб уж испекся, а лодки все еще нет.

— Парня ненадежного послали! — вздыхает хозяин, покачивая головой. — Неповоротливый, как баба, должно, ветра испугался и не едет. Ишь ведь какой ветер! Ты бы, барин, еще чайку покушал, что ли? Небось тоскливо тебе?

Дурачок, в изодранной сермяге и босой, вымокший на дожде, таскает в сени дрова и ведра с водой. Он то и дело заглядывает ко мне в горницу; покажет свою лохматую, нечесаную голову, быстро проговорит что-то, промычит, как теленок, — и назад. Кажется, что, глядя на его мокрое лицо и немигающие глаза и слушающая его голос, скоро сам начнешь бредить.

После полудня к хозяину приезжает очень высокий и очень толстый мужик, с широким, бычьим затылком и с громадными кулаками, похожий на русского ожиревшего целовальника. Зовут его Петром Петровичем. Живет он в соседнем селе и держит там с братом пятьдесят лошадей, возит вольных, доставляет на почтовую станцию тройки, землю пашет, скотом торгует, а теперь едет в Колывань по какому-то торговому делу.

— Вы из России? — спрашивает он меня.

— Из России.

— Ни разу не был. У нас тут кто в Томск съездил, тот уж и нос дерет, словно весь свет объездил. А вот скоро, пишут в газетах, к нам железную дорогу проведут. Скажите, господин, как же это так? Машина паром действует — это я хорошо понимаю. Ну, а если, положим, ей надо через деревню проходить, ведь она избы сломает и людей подавит!

Я ему объясняю, а он внимательно слушает и говорит: «Ишь ты!» Из разговора узнаю, что этот жирный человек бывал и в Томске, и в Иркутске, и в Ирбите, что он, будучи уже женатым, выучился самоучкой читать и писать. На хозяина, который бывал только в Томске, он смотрит снисходительно, слушает его неохотно. Когда ему что-нибудь предлагают или подают, он вежливо говорит: «Не беспокойтесь».

Хозяин и гость садятся пить чай. Молодая бабенка, жена хозяйского сына, подает им чай на подносе и низко кланяется, они берут чашки и молча пьют. В стороне, около печки, кипит самовар. Я опять лезу на гору из пуховиков и подушек, лежу и читаю, потом спускаюсь вниз и пишу; проходит много времени, очень много, а бабенка все еще кланяется, и хозяин с гостем все еще пьют чай.

— Бе-ба! — кричит в сенях дурачок. — Ме-ма!

А лодки нет! На дворе темнеет, и в горнице зажигают сальную свечу. Петр Петрович долго расспрашивает меня о том, куда и зачем я еду, будет ли война, сколько стоит мой револьвер, но уж и ему надоело говорить; сидит он молча за столом, подпер щеки кулаками и задумался. На свечке нагорел фитиль. Отворяется бесшумно дверь, входит дурачок и садится на сундук; он оголил себе руки до плеч, а руки у него худые, тонкие, как палочки. Сел и уставился на свечку.

— Ступай отсюда, ступай! — говорит хозяин.

— Ме-ма! — мычит он и, согнувшись, выходит в сени. — Бе-ба!

Дождь стучит в окна. Хозяин и гость садятся есть утячью похлебку; есть им обоим не хочется, и едят они только так, от скуки... Потом бабенка постилает на полу пуховики и подушки; хозяин и гость раздеваются и ложатся рядом.

Какая скука! Чтобы развлечь себя, переносюсь мыслями в родные края, где уже весна и холодный дождь не стучит в окна, но, как нарочно, мне вспоминается жизнь вялая, серая, бесполезная; кажется, что

и там нагорел фитиль, что и там кричат: «Ме-ма! ба-ба!..» Нет охоты возвращаться назад.

Постилаю себе полушубок на полу, ложусь и ставлю у изголовья свечу. Петр Петрович приподнимает голову и смотрит на меня.

— Я вот что хочу вам объяснить...— говорит он вполголоса, чтобы хозяин не услышал.— Народ здесь, в Сибири, темный, бесталаный. Из России везут ему сюда и полушубки, и ситец, и посуду, и гвозди, а сам он ничего не умеет. Только землю пашет да вольных возит, а больше ничего... Даже рыбы ловить не умеет. Скучный народ, не дай бог, какой скучный! Живешь с ними и только жиреешь без меры, а чтоб для души и для ума — ничего, как есть! Жалко смотреть, господин! Человек-то ведь здесь стоящий, сердце у него мягкое, он и не украдет, и не обидит, и не очень чтоб пьяница. Золото, а не человек, но, гляди, пропадает ни за грош, без всякой пользы, как муха, или, скажем, комар. Спросите его: для чего он живет?

— Человек работает, сыт, одет,— говорю я.— Что же ему еще нужно?

— Все-таки он должен понимать, для какой надобности он живет. В России небось понимают!

— Нет, не понимают.

— Это никак невозможно,— говорит Петр Петрович, подумав.— Человек не лошадь. Примерно, у нас по всей Сибири нет правды. Ежели и была какая, то уж давно замерзла. Вот и должен человек эту правду искать. Я мужик богатый, сильный, у заседателя руку имею и могу вот этого самого хозяина завтра же обидеть: он у меня в тюрьме сгниет, и дети его по миру пойдут. И нет на меня никакой управы, а ему защиты, потому — без правды живем... Значит, в метрике только записано, что мы люди, Петры да Андреи, а на деле выходим — волки. Или вот в рассуждении бога... Дело не шуточное, страшное, а хозяин ложился и только три раза лоб перекрестил, как будто это и все; наживает и прячет деньги небось, гляди, уж сот восемь скопил, все новых лошадей прикупает, а спросил бы себя, для чего это? Ведь на тот свет не возьмешь! Он и спросил бы, да не понимает: ума мало.

Долго говорит Петр Петрович... Но вот и он кончил; вот уж и светает, и поют петухи.

— Ме-ма! — мычит дурачок. — Бе-ба!

А лодки все еще нет!

13 мая

VI

В Дубровине мне дают лошадей, и я еду дальше. Но в 45 верстах от Томска мне опять говорят, что ехать нельзя, что река Томь затопила луга и дороги. Опять надо плыть на лодке. И тут та же история, что в Красном Яру: лодка уплыла на ту сторону, но не может вернуться, так как дует сильный ветер и по реке ходят высокие валы... Будем ждать!

Утром идет снег и покрывает землю на полтора вершка (это 14 мая!), в полдень идет дождь и смывает весь снег, а вечером, во время захода солнца, когда я стою на берегу и смотрю, как борется с течением подплывающая к нам лодка, идут и дождь и крупа... И в это же время происходит явление, которое совсем не вяжется со снегом и холодом: я ясно слышу раскаты грома. Ямщики крестятся и говорят, что это к теплу.

Лодка велика. Кладут в нее сначала пудов двадцать почты, потом мой багаж, и все покрывают мокрыми рогожами... Почтальон, высокий пожилой человек, садится на тюк, я — на свой чемодан. У ног моих помещается маленький солдатик, весь в веснушках. Шинель его хоть выжми, и с фуражки за шею течет вода.

— Господи благослови! Отчаливай!

Плывем по течению, около кустов тальника. Гребцы рассказывают, что только что, минут десять назад, утонули две лошади, а мальчик, который сидел на телеге, едва спасся, уцепившись за куст тальника.

— Гребь, гребь, ребята, после расскажешь! — говорит рулевой. — Понатужься!

По реке, как это бывает перед грозой, проносится порыв ветра... Голый тальник наклоняется к воде и шумит, река вдруг темнеет, заходили беспорядочно валы...

— Ребята, сворачивай в кусты, переждать надо! — говорит тихо рулевой.

Уж стали поворачивать к тальнику, но кто-то из гребцов замечает, что в случае непогоды всю ночь просидим в тальнике и все-таки утонем, и потому не плыть ли дальше? Предлагают решать большинством голосов и решают плыть дальше...

Река становится темнее, сильный ветер и дождь бьют нам в бок, а берег все еще далеко, и кусты, за которые, в случае беды, можно бы уцепиться, остаются позади... Почтальон, выдавший на своем веку виды, молчит и не шевелится, точно застыл, гребцы тоже молчат... Я вижу, как у солдатика вдруг побагровела шея. На сердце у меня становится тяжело, и я думаю только о том, что если опрокинется лодка, то я сброшу с себя сначала полушубок, потом пиджак, потом...

Но вот берег все ближе и ближе, гребцы работают веселее; мало-помалу с души спадает тяжесть, и когда до берега остается не больше трех сажен, становится вдруг легко, весело, и я уж думаю:

«Хорошо быть трусом! Немногого нужно, чтобы ему вдруг стало очень весело!»

15 мая

VII

Я не люблю, когда интеллигентный ссыльный стоит у окна и молча глядит на крышу соседнего дома. О чем он думает в это время? Не люблю, когда он разговаривает со мною о пустяках и при этом смотрит мне в лицо с таким выражением, как будто хочет сказать: «Ты вернешься домой, а я нет». Не люблю потому, что в это время мне бесконечно жаль его.

Часто употребляемое выражение, что смертная казнь практикуется теперь только в исключительных случаях, не совсем точно; все высшие карательные меры, которые заменили смертную казнь, все-таки продолжают носить самый важный и существенный признак ее, а именно — пожизненность, вечность, и у всех у них есть цель, унаследованная ими прямо от

смертной казни, — удаление преступника из нормальной человеческой среды *навсегда*, и человек, совершивший тяжкое преступление, умирает для общества, в котором он родился и вырос, так же как и во времена господства смертной казни. В нашем русском законодательстве, сравнительно гуманном, высшие наказания, и уголовные и исправительные, почти все пожизненны. Каторжные работы непременно сопряжены с поселением навсегда; ссылка на поселение страшна именно своею пожизненностью; приговоренный к арестантским ротам, по отбытии наказания, если общество не соглашается принять его в свою среду, ссылается в Сибирь; лишение прав почти во всех случаях носит пожизненный характер и т. д. Таким образом, все высшие карательные меры не дают преступнику вечного успокоения в могиле, именно того, что могло бы мирить мое чувство со смертною казнью, а с другой стороны, пожизненность, сознание, что надежда на лучшее невозможна, что во мне гражданин умер навеки и что никакие мои личные усилия не воскресят его во мне, позволяют думать, что смертная казнь в Европе и у нас не отменена, а только облечена в другую, менее отвратительную для человеческого чувства форму. Европа слишком долго привыкала к смертной казни, чтобы отказаться от нее без долгих и утомительных проволочек.

Я глубоко убежден, что через 50—100 лет на пожизненность наших наказаний будут смотреть с тем же недоумением и чувством неловкости, с какими мы теперь смотрим на рвание ноздрей или лишение пальца на левой руке. И я глубоко убежден также, что, как бы искренно и ясно мы ни сознавали устарелость и предрассудочность таких отживающих явлений, как пожизненность наказаний, мы совершенно не в силах помочь беде. Чтобы заменить эту пожизненность чем-нибудь более рациональным и более отвечающим справедливости, в настоящее время у нас недостает ни знаний, ни опыта, а стало быть, и мужества; все попытки в этом направлении, нерешительные и односторонние, могли бы повести нас только к серьезным ошибкам и крайностям. — такова участь всех начина-

ний, не основанных на знании и опыте. Как это ни грустно и странно, мы не имеем даже права решать модного вопроса о том, что пригоднее для России — тюрьма или ссылка, так как мы совершенно не знаем, что такое тюрьма и что такое ссылка. Взгляните-ка вы на нашу литературу по части тюрьмы и ссылки: что за нищенство! Две-три статейки, два-три имени, а там хоть шаром покати, точно в России нет ни тюрьмы, ни ссылки, ни каторги. Уже 20—30 лет наша мыслящая интеллигенция повторяет фразу, что всякий преступник составляет продукт общества, но как она равнодушна к этому продукту! Причина такого индифферентизма к заключенным и томящимся в ссылке, непонятого в христианском государстве и в христианской литературе, кроется в чрезвычайной необразованности нашего русского юриста; он мало знает и так же не свободен от профессиональных предрассудков, как и осмеянное им крапивное семя. Он сдает университетские экзамены только для того, чтобы уметь судить человека и приговаривать его к тюрьме и ссылке; поступив на службу и получая жалованье, он только и судит и приговаривает, а куда идет преступник после суда и зачем, что такое тюрьма и что такое Сибирь, ему неизвестно, неинтересно и не входит в круг его компетенции: это уж дело конвойных и тюремных смотрителей с красными носами!

По отзывам местных обывателей, чиновников, ямщиков, извозчиков, с которыми мне приходилось говорить, интеллигентные ссыльные — все эти бывшие офицеры, чиновники, нотариусы, бухгалтеры, представители золотой молодежи, присланные сюда за подлоги, растраты, мошенничества и т. п., — ведут жизнь замкнутую и скромную. Исключение составляют только субъекты, обладающие темпераментом Ноздрева; эти всюду и во все возрасты и во всех положениях остаются самими собою; но они не сидят на месте, ведут в Сибири цыганскую кочевую жизнь и до такой степени подвижны, что почти неуловимы для наблюдающего глаза. Кроме Ноздревых, нередко встречаются среди интеллигентных «несчастливых» люди глубоко испорченные, безнравственные, откровенно подлые,

но эти почти все на счету, их знает всякий, и на них указывают пальцами. Громадное же большинство, повторяю, живет скромно.

По прибытии на место ссылки интеллигентные люди в первое время имеют растерянный, ошеломленный вид; они робки и словно забиты. Большинство из них бедно, малосильно, дурно образованно и не имеет за собою ничего, кроме почерка, часто никуда не годного. Одни из них начинают с того, что по частям распродают свои сорочки из голландского полотна, простыни, плажки, и кончают тем, что через 2—3 года умирают в страшной нищете (так, недавно в Томске умер Кузовлев, игравший видную роль в процессе таганрогской таможни; он был похоронен на счет одного великодушного человека, тоже из ссыльных); другие же мало-помалу пристраиваются к какому-нибудь делу и становятся на ноги; они занимаются торговлей, адвокатурой, пишут в местных газетах, поступают в писцы и т. п. Заработок их редко превышает 30—35 рублей в месяц.

Живется им скучно. Сибирская природа в сравнении с русскою кажется им однообразной, бедной, беззвучной; на вознесенье стоит мороз, а на троицу идет мокрый снег. Квартиры в городах скверные, улицы грязные, в лавках все дорого, не свежо и скудно, и многого, к чему привык европеец, не найдешь ни за какие деньги. Местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет неизяшно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж задает вам вопрос: «А не выпить ли нам водки?» И от скуки пьет с ним ссыльный, сначала морщится, потом привыкает и в конце концов, конечно, спивается. Если говорить о пьянстве, то не ссыльные деморализуют население, а население ссыльных. Женщина здесь так же скучна, как сибирская природа; она не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поет, не смеется, не миловидна и, как выразился один старожил в разговоре со мной: «жестка на ощупь». Когда в Сибири со временем народятся свои собственные романисты и

поэты, то в их романах и поэмах женщина не будет героинею; она не будет вдохновлять, возбуждать к высокой деятельности, спасать, идти «на край света». Если не считать плохих трактиров, семейных бань и многочисленных домов терпимости, явных и тайных, до которых такой охотник сибирский человек, то в городах нет никаких развлечений. В длинные осенние и зимние вечера ссыльный сидит у себя дома или идет к старожилу пить водку; выпьют вдвоем бутылки две водки и полдюжины пива, и потом обычный вопрос: «А не поехать ли нам *туда?*», то есть в дом терпимости. Тоска и тоска! Чем развлечь свою душу? Прочтет ссыльный какую-нибудь завалящую книжку, вроде «Болезни воли» Рибо, или в первый солнечный весенний день наденет светлые брюки,— вот и все. Рибо скучноват, да и кстати ли читать о болезнях воли, коли самой воли нет? В светлых брюках холодно, но все-таки разнообразие!

18 мая

VIII

Сибирский тракт — самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете. От Тюмени до Томска, благодаря не чиновникам, а природным условиям местности, она еще сносна; тут безлесная равнина; утром шел дождь, а вечером уж высохло; и если до конца мая тракт покрыт горами льда от тающего снега, то вы можете ехать по полю, выбирая на просторе любой окольный путь. От Томска же начинаются тайга и холмы; сохнет почва здесь не скоро, выбирать окольный путь не из чего, поневоле придется ехать по тракту. И потому-то только после Томска проезжающие начинают браниться и усердно сотрудничать в жалобных книгах. Господа чиновники аккуратно прочитывают их жалобы и на каждой пишут: «Оставить без последствий». Зачем писать? Китайские чиновники давно бы уж завели штемпель.

Со мною от Томска до Иркутска едут два поручика и военный доктор. Один поручик пехотный, в

мохнатой папахе, другой — топограф с аксельбантом. На каждой станции мы, грязные, мокрые, сонные, замученные медленной ездой и тряской, валимся на диваны и возмущаемся: «Какая скверная, какая ужасная дорога!» А станционные писаря и старосты говорят нам:

— Это еще ничего, а вот погодите, что на Козульке будет!

Пугают Козулькой на каждой станции, начиная с Томска — писаря загадочно улыбаясь, а встречные проезжающие с злорадством: «Я, мол, проехал, так теперь ты поезжай!» И до того запугивают воображение, что таинственная Козулька начинает сниться в виде птицы с длинным клювом и зелеными глазами.

Козулькой называется расстояние в 22 версты между станциями Чернореченской и Козульской (это между городами Ачинском и Красноярском). За две, за три станции до страшного места начинают уж показываться предвестники. Один встречный говорит, что он четыре раза опрокинулся, другой жалуется, что у него ось сломалась, третий угрюмо молчит и на вопрос, хороша ли дорога, отвечает: «Очень хороша, черт бы ее взял!» На меня все смотрят с сожалением, как на покойника, потому что у меня собственный экипаж.

— Наверное, сломаете и застрянете в грязи! — говорят мне со вздохом. — Лучше бы вам на перекладных ехать!

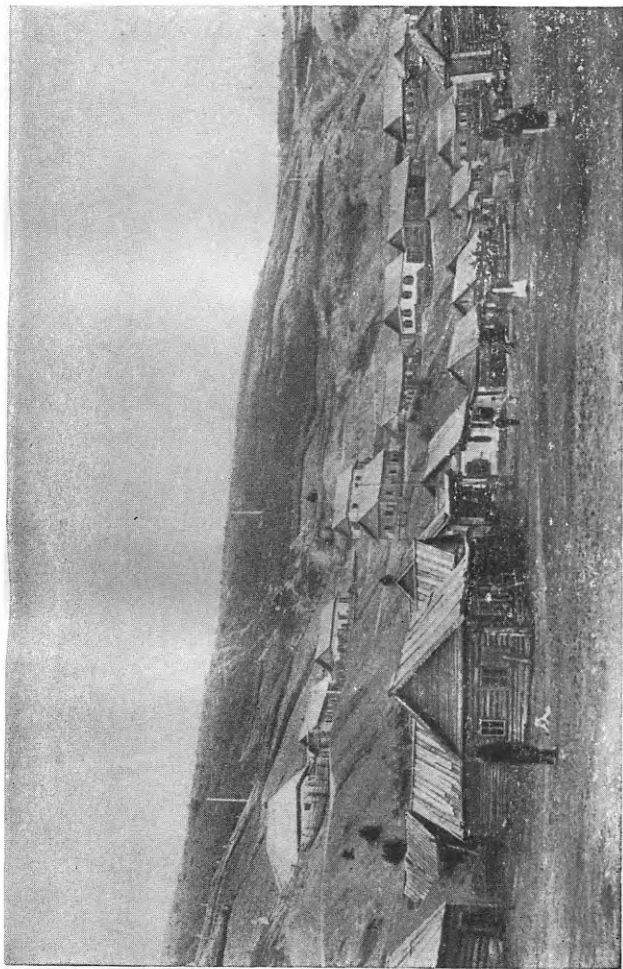
Чем ближе к Козульке, тем страшнее предвестники. Недалеко от станции Чернореченской, вечером, возок с моими спутниками вдруг опрокидывается, и поручики и доктор, а с ними и их чемоданы, узлы, шашки и ящик со скрипкой летят в грязь. Ночью наступает моя очередь. У самой станции Чернореченской ящик вдруг объявляет мне, что у моей повозки согнулся курок (железный болт, соединяющий передок с осевой частью; когда он гнется или ломается, то повозка ложится грудью на землю). На станции начинается починка. Человек пять ящиков, от которых пахнет чесноком и луком так, что делается душ-

но и тошно, опрокидывают грязную повозку набок и начинают выбивать из нее молотом согнувшийся курок. Они говорят мне, что в повозке треснула еще какая-то подушка, опустился подлизок, отскочили три гайки, но я ничего не понимаю, да и не хочется понимать... Темно, холодно, скучно, спать хочется...

В комнате на станции тускло горит лампочка. Пахнет керосином, чесноком и луком. На одном диване лежит поручик в папахе и спит, на другом сидит какой-то бородатый человек и лениво натягивает сапоги; он только что получил приказ ехать куда-то починять телеграф, а ему хочется спать, а не ехать. Поручик с аксельбантом и доктор сидят за столом, положили отяжелевшие головы на руки и дремлют. Слышно, как храпит папаха и как на дворе стучат молотом.

Разговаривают... Все эти станционные разговоры везде по тракту ведутся на одну и ту же тему: критикуют местное начальство и бранят дорогу. Больше всего достается почтово-телеграфному ведомству, хотя оно по сибирскому тракту только царствует, но не управляет. Утомленному проезжающему, которому осталось еще до Иркутска более тысячи верст, все, что рассказывается на станциях, кажется просто ужасным. Все эти разговоры о том, как какой-то член Географического общества, ехавший с женою, раза два ломал свой экипаж и в конце концов вынужден был заночевать в лесу, как какая-то дама от тряски разбила себе голову, как какой-то акцизный просидел 16 часов в грязи и дал мужикам 25 рублей за то, что те его вытащили и довели до станции, как ни один собственник экипажа не доезжал благополучно до станции,— все подобные разговоры отдаются эхом в душе, как крики зловещей птицы.

Судя по рассказам, больше всех страдает почта. Если бы нашелся добрый человек, который взял бы на себя труд проследить движение сибирской почты от Перми хотя бы до Иркутска и записал свои впечатления, то получилась бы повесть, которая могла бы вызвать у читателей слезы. Начать с того, что

Пост Дуэ, поселок сыльных. Фотография. 1890.

все эти кожаные тюки и кули, несущие в Сибирь религию, просвещение, торговлю, порядок и деньги, без всякой надобности ночуют целые сутки в Перми только потому, что ленивые пароходы всегда опаздывают к поезду. От Тюмени до Томска весною до самого июня почта воюет с чудовищными разливами рек и с невылазною грязью; помнится, на одной из станций благодаря разливу я должен был ждать около суток; со мною ждала и почта. Через реки и затопленные луга тяжелые почты перевозятся на маленьких лодках, которые не опрокидываются только потому, что за сибирских почтальонов, вероятно, горячо молятся их матери. От Томска же до Иркутска почтовые телеги по 10—20 часов просиживают в грязи около разных Козулек и Чернореченских, которым нет числа. 27 мая на одной из станций мне рассказывали, что недавно на речке Каче под почтою провалился мост и что едва не утонули лошади и почта,— это одно из обычных приключений, которые давно уже стали для сибирской почты привычными. Пока я ехал до Иркутска, меня в продолжение шести суток не обгоняла почта из Москвы; это значит, что она опоздала больше, чем на неделю, и что целую неделю терпела какие-то приключения.

Сибирские почтальоны — мученики. Крест у них тяжелый. Это герои, которых упорно не хочет признать отечество. Они много работают, воюют с природой, как никто, подчас страдают невыносимо, но их увольняют, отчисляют и штрафуют гораздо чаще, чем награждают. Знаете ли, сколько они получают жалованья, и видали ли вы в своей жизни хоть одного почтальона с медалью? Быть может, они гораздо полезнее тех, которые пишут: «Оставить без последствий», но посмотрите, как они запуганы, забиты, как робки в вашем присутствии...

Но вот наконец объявляют, что экипаж готов. Можно ехать дальше.

— Вставайте! — будит доктор папаху. — Чем раньше проедем эту проклятую Козульку, тем лучше.

— Господа, не так страшен черт, как его малю-

ют,— утешает бородатый человек.— Право, Козулька ничем не хуже других станций. Да и к тому же, если боитесь, то двадцать две версты можно пешком пройти...

— Да, если в грязи не увязнешь...— добавляет писарь.

На небе брезжит утренняя заря. Холодно... Ямщики еще не выехали со двора, но уж говорят: «Ну, дорога, не дай господи!» Едем сначала по деревне... Жидкая грязь, в которой тонут колеса, чередуется с сухими кочками и ухабами; из гатей и мостков, утонувших в жидком навозе, ребрами выступают бревна, езда по которым у людей выворачивает души, а у экипажей ломает оси...

Но вот деревня кончилась, и мы на страшной Козульке. Дорога тут в самом деле отвратительна, но я не нахожу, чтобы она была хуже, чем, например, около Мариинска или той же Чернореченской. Представьте вы себе широкую просеку, вдоль которой тянется насыпь в сажени четыре ширины, из глины и мусора,— это и есть тракт. Если глядеть на эту насыпь сбоку, то кажется, что из земли, как в открытой музыкальной шкатулке, выдается большой органный вал. По обе стороны его — канавы. Вдоль вала тянутся колеи, глубиною в пол-аршина и более, эти перерезываются множеством поперечных, и таким образом, весь вал представляет из себя ряд горных цепей, среди которых есть свои Казбеки и Эльборусы; вершины гор уже высохли и стучат по колесам, у подножий же еще хлюпает вода. Только разве очень искусный фокусник мог бы поставить на этой насыпи экипаж так, чтобы он стоял прямо, обыкновенно же экипаж всегда находится в положении, которое, пока вы не привыкли, каждую минуту заставляет вас кричать: «Ямщик, мы опрокидываемся!» То правые колеса погружаются в глубокую колею, а левые стоят на вершинах гор, то два колеса увязли в грязи, третье на вершине, а четвертое болтается в воздухе... Тысячи положений принимает коляска, вы же в это время хватаете себя то за голову, то за бока, кланяетесь во все стороны и прикусываете себе

язык, а ваши чемоданы и ящики бунтуют и громятся друг на друга и на вас самих. А посмотрите на ямщика: как этот акробат умудряется сидеть на козлах?

Если бы кто посмотрел на нас со стороны, то сказал бы, что мы не едем, а сходим с ума. Мы хотим держаться подальше от насыпи и едем по опушке, стараясь найти окольный путь; но и тут колеи, кочки, ребра и мостки. Проехав немного, ямщик останавливается; он думает минуту и, беспомощно крикнув, с таким выражением, как будто хочет сейчас совершить большую подлость, правит к тракту, прямо на канаву. Раздается треск: трах по передним колесам, трах по задним! — это мы через канаву едем. Потом взбираемся на насыпь, тоже с треском. С лошадей валит пар, вальки отрываются, шлеи и дуги ползут в сторону... «Но, матушка! — кричит ямщик, хлеща изо всей силы кнутом. — Но, дружок! У, язви твою душу!» Протащив возок шагов десять, лошади останавливаются; теперь, как ни хлещи по ним, как ни обзывай, а уж не пойдут дальше. Нечего делать, опять правим на канаву и спускаемся с насыпи, опять ищем окольной дороги, потом опять раздумье и поворот к насыпи — и так без конца.

Тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта безобразная, рябая полоса земли, эта черная оспа есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью! И по такой жиле в Сибирь, говорят, течет цивилизация! Да, говорят, говорят много, и если бы нас подслушали ямщики, почтальоны или эти вот мокрые, грязные мужики, которые по колена вязнут в грязи около своего обоза, везущего в Европу чай, то какого бы мнения они были об Европе, об ее искренности!

Кстати посмотрите на обоз. Возов сорок с чайными цибуками тянется по самой насыпи... Колеса наполовину спрятались в глубоких колеях, тощие лошаденки вытягивают шеи... Около возов идут возчики; вытягивая ноги из грязи и помогая лошадям, они давно уже выбились из сил... Вот часть обоза остановилась.

Что такое? У одного из возов сломалось колесо... Нет, уж лучше не смотреть!

Чтобы поглумиться над замученными ямщиками, почтальонами, возчиками и лошадьми, кто-то распорядился насыпать по сторонам дороги кучи кирпичного мусора и камня. Это для того, чтобы каждую минуту напоминать, что в скором времени дорога будет еще хуже. Говорят, что в городах и селах, по сибирскому тракту, живут люди, которые получают жалованье за то, что починяют дорогу. Если это правда, то надо прибавить им жалованья, чтобы они, пожалуйста, не трудились починять, так как от их починок дорога становится все хуже и хуже. По словам крестьян, ремонт дороги, вроде Козульской, производится так. В конце июня или в начале июля, в самый сезон мошкеры — местной египетской казни, «сгоняют» из сел народ и велят ему засыпать высохшие колеи и ямы хворостом, кирпичным мусором и камнем, который стирается между пальцами в порошок; ремонт продолжается до конца лета. Потом идет снег и покрывает дорогу ухабами, единственными в свете, указывающими до морской болезни; потом весна и грязь, потом опять ремонт — и так из года в год.

До Томска мне пришлось познакомиться с одним заседателем и проехать вместе с ним две-три станции. Помнится, когда мы сидели в избе у какого-то еврея и ели уху из окуней, вошел сотский и доложил заседателю, что в таком-то месте дорога совсем испортилась и что дорожный подрядчик не хочет починять ее...

— Позови его сюда! — распорядился заседатель.

Немного погодя вошел маленький мужичонка, лохматый, с кривой физиономией. Заседатель сорвался со стула и бросился на него...

— Ты как же смеешь, подлец, не починять дорогу? — стал он кричать плачущим голосом. — По ней проехать нельзя, шеи ломают, губернатор пишет, исправник пишет, я выхожу у всех виноват, а ты, мерзавец, язви твою душу, анафема, окаянная твоя рожка, — что смотришь? А? Гадина ты этакая! Чтоб завтра же была починена дорога! Завтра буду ехать назад, и если увижу, что дорога не починена, то я

тебе рожу раскроваю, искалечу разбойника! Пошел вон!

Мужичонка заморгал глазами, вспотел, сделал лицо еще кривее и юркнул в дверь. Заседатель вернулся к столу, сел и сказал улыбаясь:

— Да, конечно, после петербургских и московских вам здешние женщины не могут понравиться, но если хорошенько поискать, то и здесь можно найти девочку...

Интересно бы знать, что успел мужичонка сделать до завтра? И что можно сделать в такой короткий срок? Не знаю, к счастью или к несчастью для сибирского тракта, заседатели недолго сидят на одном месте; их часто меняют. Рассказывают, что один вновь назначенный заседатель, прибыв в свой участок, согнал крестьян и приказал им копать по сторонам дороги канавы; его преемник, не желая уступать ему в оригинальности, согнал крестьян и приказал им зарывать канавы. Третий распорядился в своем участке покрыть дорогу слоем глины в пол-аршина. Четвертый, пятый, шестой, седьмой — каждый постарался принести в улей свою долю меда...

В продолжение всего года дорога остается невозможной: весною — грязь, летом — кочки, ямы и ремонт, зимою — ухабы. Та быстрая езда, которая когда-то захватывала дух у Ф. Ф. Вигеля и позднее у И. А. Гончарова, теперь бывает мыслима только разве зимою в первопутку. Правда, и современные писатели восхищаются быстротою сибирской езды, но это только потому, что неловко же, побывав в Сибири, не испытать быстрой езды, хотя бы только в воображении...

Трудно надеяться, чтобы Козулька когда-нибудь перестала ломать оси и колеса. Сибирские чиновники на своем веку не видали ведь дороги лучше; им и эта нравится, а жалобные книги, корреспонденции и критика проезжающих в Сибири приносят дорогам так же мало пользы, как и деньги, которые ассигнуются на их починку...

Приезжаем мы на Козульскую станцию, когда уже высоко стоит солнце. Мои спутники едут дальше, а я остаюсь починять свой экипаж.

Если пейзаж в дороге для вас не последнее дело, то, едучи из России в Сибирь, вы проскучаете от Урала вплоть до самого Енисея. Холодная равнина, кривые березки, лужицы, кое-где озера, снег в мае да пустынные, унылые берега притоков Оби — вот и все, что удастся памяти сохранить от первых двух тысяч верст. Природа же, которую боготворят ино-родцы, уважают наши беглые и которая со временем будет служить неисчерпаемым золотым прииском для сибирских поэтов, природа оригинальная, величавая и прекрасная начинается только с Енисея.

Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. На Волге человек начал удалюю, а кончил стоном, который зовется песнью; яркие золотые надежды сменились у него немочью, которую принято называть русским пессимизмом, на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалюю, какая нам и во сне не снилась. Так по крайней мере думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан. В берегах Енисею тесно. Невысокие валы обгоняют друг друга, теснятся и описывают спиральные круги, и кажется странным, что этот силач не смыл еще берегов и не пробуравил дна. На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напомнившие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега! Я завидовал Сибирякову, который, как я читал, из Петербурга плывет на пароходе в Ледовитый океан, чтобы оттуда пробраться в устье Енисея; я жалел, что университет открыт в Томске, а не тут, в Красноярске.

Много у меня было разных мыслей, и все они путались и теснились, как вода в Енисее, и мне было хорошо...

Скоро после Енисея начинается знаменитая тайга. О ней много говорили и писали, а потому от нее ждешь не того, что она может дать. Вначале как будто немного разочаровываешься. По обе стороны дороги непрерывно тянутся обыкновенные леса из сосны, лиственницы, ели и березы. Нет ни деревьев в пять обхватов, ни верхушек, при взгляде на которые кружится голова; деревья несколько не крупнее тех, которые растут в московских Сокольниках. Говорили мне, что тайга беззвучна и растительность ее не имеет запаха. Я ожидал этого, но все время, пока я ехал по тайге, заливались птицы, жужжали насекомые; хвой, пригретые солнцем, насыщали воздух густым запахом смолы, поляны и опушка у дороги были покрыты нежно-голубыми, розовыми и желтыми цветами, которые ласкали не одно только зрение. Очевидно, писавшие о тайге наблюдали ее не весной, а летом, когда и в России леса беззвучны и не издают запаха.

Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелетные птицы знают, где она кончается. В первые сутки не обращаешь на нее внимания; во вторые и в третьи удивляешься, а в четвертые и пятые переживаешь такое настроение, как будто никогда не выберешься из этого земного чудовища. Взберешься на высокий холм, покрытый лесом, глянешь вперед на восток, по направлению дороги, и видишь внизу лес, дальше холм, кудрявый от леса, за ним другой холм, такой же кудрявый, за ним третий, и так без конца; через сутки опять взглянешь с холма вперед — и опять та же картина... Впереди, все-таки знаешь, будут Ангара и Иркутск, а что за лесами, которые тянутся по сторонам дороги на север и юг, и на сколько сотен верст они тянутся, неизвестно даже ямщикам и крестьянам, родившимся в тайге. Их фантазия смелее, чем наша, но и они не решаются наобум определять размеры тайги и на ваш вопрос отвечают: «Конца

нет!» Им только известно, что зимою через тайгу приезжают с далекого севера на оленях какие-то люди, чтобы купить хлеба, но что это за люди и откуда они, не знают даже старики.

Вот около сосен плетется беглый с котомкой и с котелком на спине. Какими маленькими, ничтожными представляются в сравнении с громадною тайгой его злодеяния, страдания и он сам! Пропадет он здесь в тайге, и ничего в этом не будет ни мудреного, ни ужасного, как в гибели комара. Пока нет густого населения, сильна и непобедима тайга, и фраза: «Человек есть царь природы» — нигде не звучит так робко и фальшиво, как здесь. Если бы, положим, все люди, которые живут теперь по сибирскому тракту, стоворились уничтожить тайгу и взялись бы для этого за топор и огонь, то повторилась бы история синицы, хотевшей зажечь море. Случается, пожар сожрет лесу верст на пять, но в общей массе пожарище едва заметно, а проходят десятки лет, и на месте выжженного леса вырастает молодой, гуще и темнее прежнего. Один ученый в бытность свою на восточном берегу нечаянно поджег лес; в одно мгновение вся видимая зеленая масса была охвачена пламенем. Потрясенный необычайной картиною ученый назвал себя «причиною страшного бедствия». Но что значит для громадной тайги какой-нибудь десяток верст? Наверное, на месте бывшего пожара растет теперь непроходимый лес, гуляют в нем безмятежно медведи, летают рябчики, и труды ученого оставили в природе гораздо больше следа, чем напугавшее его страшное бедствие. Обычная человеческая мерка в тайге не годится.

А сколько тайн прячет в себе тайга! Вот между деревьев крадется дорога или тропинка и исчезает в лесных сумерках. Куда она ведет? В тайный ли винокурный завод, в село ли, о существовании которого не слыхал еще ни исправник, ни заседатель, или, быть может, в золотые прииски, открытые артелью бродяжек? И какую бесшабашную, обольстительную свободу веет от этой загадочной тропинки!

По рассказам ямщиков, в тайге живут медведи, волки, сохатые, соболи и дикие козы. Мужики, живущие по тракту, когда дома нет работы, целые недели проводят в тайге и стреляют там зверей. Охотничье искусство здесь очень просто: если ружье выстрелило, то слава богу, если же дало осечку, то не проси у медведя милости. Один охотник жаловался мне, что ружье у него делает по пяти осечек подряд и выстреливает только после шестого раза; идти с таким сокровищем на охоту без ножа или рогатки — большой риск. Привозные ружья здесь плохи и дороги, и потому не редкость встретить по тракту кузнецов, умеющих делать ружья. Вообще говоря, кузнецы талантливые люди, и особенно это заметно в тайге, где они не затерялись в массе других талантов. Мне по необходимости пришлось коротко познакомиться с одним кузнецом, которого ямщик рекомендовал мне так: «У-у, это большой мастер! Он даже ружья делает!» И тон и выражение лица у ямщика живо напомнили мне наши разговоры о знаменитых художниках. У меня сломался тарантас, понадобилось починять, и по рекомендации ямщика явился ко мне на станцию худощавый бледный человек с нервными движениями, по всем приметам талант и большой пьяница. Как хороший врач-практик, которому скучно лечить неинтересную болезнь, он мельком и нехотя оглядел мой тарантас, коротко и ясно поставил диагноз, подумал и, ни слова не сказав мне, лениво поплелся по дороге, потом оглянулся и сказал ямщику:

— Что ж? Пожалуй, вези тарантас в кузницу.

Починять тарантас помогали ему четыре плотника. Работал он небрежно, нехотя, и казалось, что железо принимало разнообразные формы помимо его воли; он часто курил, без всякой надобности рылся в куче железного мусора, глядел вверх на небо, когда я торопил его, — так ломаются артисты, когда их просят спеть или прочесть что-нибудь. Изредка, точно из кокетства или желая удивить меня и плотников, он высоко поднимал молот, сыпал во все стороны искрами и одним ударом решал какой-нибудь очень сложный и мудреный вопрос. От неуклюжего, тяжелого

удара, от которого, казалось бы, должна была рассыпаться наковальня и вздрогнуть земля, легкая железная пластинка получила желаемую форму, так что и блоха не могла бы придрататься. За работу получил он от меня пять с полтиной; пять взял себе, а полтинник отдал четверем плотникам. Те сказали спасибо и потащили тарантас к станции, завидуя, вероятно, таланту, который и в тайге так же знает себе цену и так же деспотичен, как и у нас в больших городах.

20 июня

ОСТРОВ САХАЛИН

Из путевых записок

I

Г Николаевск-на-Амуре.— Пароход «Байкал».— Мыс Пронге и вход в Лиман.— Сахалин полуостров.— Лаперуз, Браунтон, Крузенштерн и Невельский.— Японские исследователи.— Мыс Джаоре.— Татарский берег.— Де-Кастри.

Пятого июля 1890 г. я прибыл на пароходе в г. Николаевск, один из самых восточных пунктов нашего отечества. Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 верст; место величественное и красивое, но воспоминания о прошлом этого края, рассказы спутников о лютой зиме и о не менее лютых местных нравах, близость каторги и самый вид заброшенного, вымирающего города совершенно отнимают охоту любоваться пейзажем.

Николаевск был основан не так давно, в 1850 г., известным Геннадием Невельским, и это едва ли не единственное светлое место в истории города. В пятидесятые и шестидесятые годы, когда по Амуру, не щадя солдат, арестантов и переселенцев, насаждали культуру, в Николаевске имели свое пребывание чиновники, управлявшие краем, наезжало сюда много всяких русских и иностранных авантюристов, селились поселенцы, прельщаемые необычайным изобилием рыбы и зверя, и, по-видимому, город не был чужд человеческих интересов, так как был даже случай, что

один заезжий ученый нашел нужным и возможным прочесть здесь в клубе публичную лекцию. Теперь же почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темные окна без рам глядят на вас, как глазные впадины черепа. Обыватели ведут сонную, пьяную жизнь и вообще живут впроголодь, чем бог послал. Пробавляются поставками рыбы на Сахалин, золотым хищничеством, эксплуатацией инородцев, продажей понтов, то есть оленьих рогов, из которых китайцы готовят возбудительные пилюли. На пути от Хабаровки до Николаевска мне приходилось встречать немало контрабандистов; здесь они не скрывают своей профессии. Один из них, показывавший мне золотой песок и пару понтов, сказал мне с гордостью: «И мой отец был контрабандист!» Эксплуатация инородцев, кроме обычного спаивания, одурачения и т. п., выражается иногда в оригинальной форме. Так, николаевский купец Иванов, ныне покойный, каждое лето ездил на Сахалин и брал там с гиляков дань, а неисправных плательщиков истязал и вешал.

Гостиницы в городе нет. В общественном собрании мне позволили отдохнуть после обеда в зале с низким потолком — тут зимою, говорят, даются балы; на вопрос же мой, где я могу переночевать, только пожали плечами. Делать нечего, пришлось две ночи провести на пароходе; когда же он ушел назад в Хабаровку, я очутился как рак на мели: ка́мо пойду? Багаж мой на пристани; я хожу по берегу и не знаю, что с собой делать. Как раз против города, в двух-трех верстах от берега, стоит пароход «Байкал», на котором я пойду в Татарский пролив, но говорят, что он отойдет дня через четыре или пять, не раньше, хотя на его мачте уже развевается отходный флаг. Разве взять и поехать на «Байкал»? Но неловко: пожалуй, не пустят,— скажут, рано. Подул ветер, Амур нахмурился и заволновался, как море. Становится тоскливо. Иду в собрание, долго обедаю там и слушаю, как за соседним столом говорят о золоте, о понтах, о фокуснике, приезжавшем в Николаевск, о каком-то японце, дергающем зубы не шипцами, а просто паль-

цами. Если внимательно и долго прислушиваться, то, боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусьвают здесь водку, и кончая разговорами, во всем чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому ненужны, наша история скучна, и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами. В отношении религиозном и политическом я замечал здесь полнейшее равнодушие. Священники, которых я видел на Амуре, едят в пост скоромное, и, между прочим, про одного из них, в белом шелковом кафтане, мне рассказывали, что он занимается золотым хищничеством, соперничая со своими духовными чадами. Если хотите заставить амурца скучать и зевать, то заговорите с ним о политике, о русском правительстве, о русском искусстве. И нравственность здесь какая-то особенная, не наша. Рыцарское обращение с женщиной возводится почти в культ и в то же время не считается предосудительным уступить за деньги приятелю свою жену; или вот еще лучше: с одной стороны, отсутствие сословных предрассудков — здесь и с ссыльным держат себя, как с ровней, а с другой — не грех подстрелить в лесу китайца-бродягу, как собаку, или даже поохотиться тайком на горбачиков.

Но буду продолжать о себе. Не найдя приюта, я под вечер решил отправиться на «Байкал». Но тут новая беда: развело порядочную зыбь, и лодочники-гиляки не соглашались везти ни за какие деньги. Опять я хожу по берегу и не знаю, что с собой делать. Между тем уже заходит солнце, и волны на Амуре темнеют. На этом и на том берегу неистово воют гиляцкие собаки. И зачем я сюда поехал? — спрашиваю я себя, и мое путешествие представляется мне крайне легкомысленным. И мысль, что каторга уже близка, что через несколько дней я высажусь

на сахалинскую почву, не имея с собой ни одного рекомендательного письма, что меня могут попросить уехать обратно,—эта мысль неприятно волнует меня. Но вот наконец два гиляка соглашаются везти меня за рубль, и на лодке, сбитой из трех досок, я благополучно достигаю «Байкала».

Это пароход морского типа средней величины, купец, показавшийся мне после байкальских и амурских пароходов довольно сносным. Он совершает рейсы между Николаевском, Владивостоком и японскими портами, возит почту, солдат, арестантов, пассажиров и грузы, главным образом казенные; по контракту, заключенному с казной, которая платит ему солидную субсидию, он обязан несколько раз в течение лета заходить на Сахалин: в Александровский пост и в южный Корсаковский. Тариф очень высокий, какого, вероятно, нет нигде в свете. Колонизация, которая прежде всего требует свободы и легкости передвижения, и высокие тарифы—это уж совсем непонятно. Кают-компания и каюты на «Байкале» тесны, но чисты и обставлены вполне по-европейски; есть пианино. Прислуга тут—китайцы с длинными косами, их называют по-английски—бой. Повар тоже китаец, но кухня у него русская, хотя все кушанья бывают горьки отпряного кери и пахнут какими-то духами вроде корилопсиса.

Начитавшись о бурях и льдах Татарского пролива, я ожидал встретить на «Байкале» китобоев с хриплыми голосами, брызгающих при разговоре табачною жвачкой, в действительности же нашел людей вполне интеллигентных. Командир парохода г. Л., уроженец западного края, плавает в северных морях уже более 30 лет и прошел их вдоль и поперек. На своем веку он видел много чудес, много знает и рассказывает интересно. Покружив полжизни около Камчатки и Курильских островов, он, пожалуй, с большим правом, чем Отелло, мог бы говорить о «бесплоднейших пустынях, страшных безднах, утесах неприступных». Я обязан ему многими сведениями, пригодившимися мне для этих записок. У него три помощника: г. Б., племянник известного астронома

Б., и два шведа — Иван Мартыныч и Иван Вениаминыч, добрые и приветливые люди.

Восьмого июля, перед обедом, «Байкал» снялся с якоря. С нами шли сотни три солдат под командой офицера и несколько арестантов. Одного арестанта сопровождала пятилетняя девочка, его дочь, которая, когда он поднимался по трапу, держалась за его кандалы. Была, между прочим, одна каторжная, обращавшая на себя внимание тем, что за нею добровольно следовал на каторгу ее муж¹. Кроме меня и офицера, было еще несколько классных пассажиров обоего пола и, между прочим, даже одна баронесса. Читатель пусть не удивляется такому изобилию интеллигентных людей здесь, в пустыне. По Амуру и в Приморской области интеллигенция при небольшом вообще населении составляет немалый процент, и ее здесь относительно больше, чем в любой русской губернии. На Амуре есть город, где одних лишь генералов, военных и штатских, насчитывают шестнадцать. Теперь их там, быть может, еще больше.

День был тихий и ясный. На палубе жарко, в каютах душно; в воде +18°. Такую погоду хоть Черному морю впору. На правом берегу горел лес; сплошная зеленая масса выбрасывала из себя багровое пламя; клубы дыма слились в длинную, черную, неподвижную полосу, которая висит над лесом... Пожар громадный, но кругом тишина и спокойствие, никому нет дела до того, что гибнут леса. Очевидно, зеленое богатство принадлежит здесь одному только богу.

После обеда, часов в шесть, мы уже были у мыса Пронге. Тут кончается Азия, и можно было бы сказать, что в этом месте Амур впадает в Великий океан, если бы поперек не стоял о. Сахалин. Перед глазами широко расстилается Лиман, впереди чуть видна ту-

¹ На амурских пароходах и «Байкале» арестанты помещаются на палубе вместе с пассажирами III класса. Однажды, выйдя на рассвете прогуляться на бак, я увидел, как солдаты, женщины, дети, два китайца и арестанты в кандалах крепко спали, прижавшись друг к другу; их покрывала роса, и было прохладно. Конвойный стоял среди этой кучи тел, держась обеими руками за ружье, и тоже спал.

манная полоса — это каторжный остров; налево, теряясь в собственных извилинах, исчезает во мгле берег, уходящий в неведомый север. Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плавал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами. И в самом деле, справа, при самом повороте в Лиман, где на отмели приютилась гиляцкая деревушка, на двух лодках несутся к нам какие-то странные существа, вопят на непонятном языке и чем-то машут. Трудно понять, что у них в руках, но когда они подплывают поближе, я различаю серых птиц.

— Это они хотят продать нам битых гусей,— объясняет кто-то.

Поворачиваем направо. На всем нашем пути поставлены знаки, показывающие фарватер. Командир не сходит с мостика, и механик не выходит из машины; «Байкал» начинает идти все тише и тише и идет точно ощупью. Осторожность нужна большая, так как здесь нетрудно сесть на мель. Пароход сидит 12½, местами же ему приходится идти 14 фут., и был даже момент, когда нам послышалось, как он прополз килем по песку. Вот этот-то мелкий фарватер и особенная картина, какую дают вместе Татарский и Сахалинский берега, послужили главной причиной тому, что Сахалин долго считали в Европе полуостровом. В 1787 г., в июне, известный французский мореплаватель, граф Лаперуз, высадился на западном берегу Сахалина, выше 48°, и говорил тут с туземцами. Судя по описанию, которое он оставил, на берегу застал он не одних только живших здесь айно, но и приехавших к ним торговать гиляков, людей бывалых, хорошо знакомых и с Сахалином и с Татарским берегом. Чертя на песке, они объяснили ему, что земля, на которой они живут, есть остров и что остров этот отделяется от материка и Иессо (Японии) проливами¹.

¹ Лаперуз пишет, что свой остров они называли Чоко, но, вероятно, название это гиляки относили к чему-нибудь другому, и он их не понял. На карте нашего Крашенинникова (1752 г.)

Затем, плывя дальше на север вдоль западного берега, он рассчитывал, что найдет выход из Северо-Японского моря в Охотское и тем значительно сократит свой путь в Камчатку; но чем выше подвигался он, тем пролив становился все мельче и мельче. Глубина уменьшалась через каждую милю на одну сажень. Плыл он к северу до тех пор, пока ему позволяли размеры его корабля, и, дойдя до глубины 9 сажен, остановился. Постепенное равномерное повышение дна и то, что в проливе течение было почти незаметно, привели его к убеждению, что он находится не в проливе, а в заливе и что, стало быть, Сахалин соединен с материком перешейком. В де-Кастри у него еще раз происходило совещание с гиляками. Когда он начертил им на бумаге остров, отделенный от материка, то один из них взял у него карандаш и, проведя через пролив черту, пояснил, что через этот перешеек гилякам приходится иногда перетаскивать свои лодки и что на нем даже растет трава,— так понял Лаперуз. Это еще крепче убедило его, что Сахалин — полуостров¹.

Девятью годами позже его в Татарском проливе был англичанин В. Браунтон (Broughton). Судно у него было небольшое, сидевшее в воде не глубже 9 фут., так что ему удалось пройти несколько выше Лаперуза. Остановившись на глубине двух сажен, он послал к северу для промера своего помощника; этот на пути своем встречал среди мелей глубины, но они постепенно уменьшались и приводили его то к сахалинскому берегу, то к низменным песчаным берегам другой стороны, и при этом получалась такая картина, как будто оба берега сливались; казалось, залив оканчивался здесь и никакого прохода не было. Таким образом, и

на западном берегу Сахалина показана река Чуха. Не имеет ли эта Чуха чего-нибудь общего с Чоко? Кстати сказать, Лаперуз пишет, что, рисуя остров и называя его Чоко, гиляк нарисовал и речку. Чоко переводится словом «мы».

¹ Тут кстати привести одно наблюдение Невельского: туземцы проводят обыкновенно между берегами черту для того, чтобы показать, что от берега к берегу можно проплыть на лодке, то есть что существует между берегами пролив.

Браутон должен был заключить то же самое, что Лаперуз.

Наш знаменитый Крузенштерн, исследовавший берега острова в 1805 г., впал в ту же ошибку. Плыл он к Сахалину уже с предвзятою мыслью, так как пользовался картою Лаперуза. Он прошел вдоль восточного берега и, обогнув северные мысы Сахалина, вступил в самый пролив, держась направления с севера на юг, и, казалось, был уже совсем близок к разрешению загадки, но постепенное уменьшение глубины до $3\frac{1}{2}$ сажень, удельный вес воды, а главное, предвзятая мысль заставили и его признать существование перешейка, которого он не видел. Но его все-таки точил червь сомнения. «Весьма вероятно,— пишет он,— что Сахалин был некогда, а может быть, еще в недавние времена, островом». Возвращался он назад, по-видимому, с беспокойною душой: когда в Китае впервые попались ему на глаза записки Браутона, то он «обрадовался немало»¹.

Ошибка была исправлена в 1849 году Невельским. Авторитет его предшественников, однако, был еще так велик, что, когда он донес о своих открытиях в Петербург, то ему не поверили, сочли его поступок дерзким и подлежащим наказанию и «заклучили» его разжаловать, и неизвестно, к чему бы это повело, если бы не заступничество самого государя, который нашел его поступок молодецким, благородным и патриотическим². Это был энергический, горячего темперамента

¹ То обстоятельство, что трое серьезных исследователей точно сговорившись повторили одну и ту же ошибку говорит уже само за себя. Если они не открыли входа в Амур, то потому, что имели в своем распоряжении самые скудные средства для исследования, а главное,— как гениальные люди, подозревали и почти угадывали другую правду и должны были считаться с ней. Что перешеек и полуостров Сахалин — не мифы, а существовали когда-то на самом деле, в настоящее время уже доказано.

Обстоятельная история исследования Сахалина имеется в книге А. М. Никольского «Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных». В этой же книге можно найти и довольно подробный указатель литературы, относящейся к Сахалину.

² Подробности в его книге: «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849—1855 гг.».

человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, чистый нравственно. Один из знавших его пишет: «более честного человека мне не случалось встречать». На восточном побережье и на Сахалине он сделал себе блестящую карьеру в какие-нибудь пять лет, но потерял дочь, которая умерла от голода, состарился, состарилась и потеряла здоровье его жена, «молоденькая, хорошенькая и приветливая женщина», переносившая все лишения геройски¹.

¹ Жена Невельского, Екатерина Ивановна, когда ехала из России к мужу, сделала верхом 1100 верст в 23 дня, будучи больною, по топким болотам и диким гористым тайгам и ледникам охотского тракта. Самый даровитый сподвижник Невельского, Н. К. Бошняк, открывший Императорскую гавань, когда ему было еще только 20 лет, «мечтатель и дитя»,— так называет его один из сослуживцев,— рассказывает в своих записках: «На транспорте «Байкал» мы все вместе перешли в Аян и там пересели на слабый барк «Шелехов». Когда барк стал тонуть, никто не мог уговорить г-жу Невельскую первую съехать на берег. «Командир и офицеры съезжают последними,— говорила она,— и я съеду с барка тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на судне». Так она и поступила. Между тем барк уже лежал на боку...» Дальше Бошняк пишет, что, часто находясь в обществе г-жи Невельской, он с товарищами не слышал ни одной жалобы или упрека,— напротив, всегда замечалось в ней спокойное и гордое сознание того горького, но высокого положения, которое предназначило ей провидение. Она проводила зиму обыкновенно одна, так как мужчины были в командировках, в комнатах с 5° тепла. Когда в 1852 г. из Камчатки не пришли суда с провиантом, то все находились в более чем отчаянном положении. Для грудных детей не было молока, больным не было свежей пищи, и несколько человек умерло от цинги. Невельская отдала свою единственную корову во всеобщее распоряжение; все, что было свежего, поступало в общую пользу. Обращалась она с туземцами просто и с таким вниманием, что это замечалось даже неотесанными дикарями. А ей было тогда только 19 лет» (Лейт. Бошняк, Экспедиция в приамурском крае— «Морской сборник», 1859, II). Об ее трогательном обращении с гиляками упоминает и ее муж в своих записках, «Екатерина Ивановна,— пишет он,— усаживала их (гиляков) в кружок на пол, около большой чашки с кашей или чаем, в единственной бывшей во флигеле у нас комнате, служившей и залом, и гостиной, и столовой. Они, наслаждаясь подобным угощением, весьма часто трепали хозяйку по плечу, посылая ее то за тамчи (табак), то за чаем».

Чтобы покончить с вопросом о перешейке и полуострове, считаю не лишним сообщить еще некоторые подробности. В 1710 г. пекинскими миссионерами, по поручению китайского императора, была начертана карта Татарию; при составлении ее миссионеры пользовались японскими картами, и это очевидно, так как в то время о проходимости Лаперузова и Татарского проливов могло быть известно только японцам. Она была прислана во Францию и стала известною, потому что вошла в атлас географа д'Анвилля¹. Эта карта послужила поводом к небольшому недоразумению, которому Сахалин обязан своим названием. У западного берега Сахалина, как раз против устья Амура, на карте есть надпись, сделанная миссионерами: «Saghalien-angahata», что по-монгольски значит «скалы черной реки». Это название относилось, вероятно, к какому-либо утесу или мысу у устья Амура, во Франции же поняли иначе и отнесли к самому острову. Отсюда и название Сахалин, удержанное Крузенштерном и для русских карт. У японцев Сахалин называли Карафто или Карафту, что значит китайский остров.

Работы японцев попадали в Европу или слишком поздно, когда в них уже не нуждались, или же подвергались неудачным поправкам. На карте миссионеров Сахалин имел вид острова, но д'Анвилль отнесся к ней с недоверием и положил между островом и материком перешеек. Японцы первые стали исследовать Сахалин, начиная с 1613 г., но в Европе придавали этому так мало значения, что когда впоследствии русские и японцы решали вопрос о том, кому принадлежит Сахалин, то о праве первого исследования говорили и писали только одни русские².

¹ «Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartaire, Chinoise et de Thibet», 1737.

² Японец, землемер Мамяи Ринзо, в 1808 г., путешествуя в лодке вдоль западного берега, побывал на Татарском берегу у самого устья Амура и не раз плавал с острова на материк и обратно. Он первый доказал, что Сахалин остров. Наш натуралист Ф. Шмидт отзываясь с большою похвалою об его карте, находя, что она «особенно замечательна, так как, очевидно, основана на самостоятельных съемках».

Давно уже на очереди новое, возможно тщательное исследование берегов Татарии и Сахалина. Терперешние карты неудовлетворительны, что видно хотя бы из того, что суда, военные и коммерческие, часто садятся на мель и на камни, гораздо чаще, чем об этом пишут в газетах. Благодаря, главным образом, плохим картам командиры судов здесь очень осторожны, мнительны и нервны. Командир «Байкала» не доверяет официальной карте и смотрит в свою собственную, которую сам чертит и исправляет во время плавания.

Чтобы не сесть на мель, г. Л. не решился плыть ночью, и мы после захода солнца бросили якорь у мыса Джаоре. На самом мысу, на горе, стоит одиноко избушка, в которой живет морской офицер г. Б., ставящий знаки на фарватере и имеющий надзор за ними, а за избушкой непроходимая дремучая тайга. Командир послал г. Б. свежего мяса; я воспользовался этим случаем и поплыл на шлюпке к берегу. Вместо пристани куча больших скользких камней, по которым пришлось прыгать, а на гору к избе ведет ряд ступеней из бревнушек, врытых в землю почти отвесно, так что, поднимаясь, надо крепко держаться руками. Но какой ужас! Пока я взбирался на гору и подходил к избе, меня окружали тучи комаров, буквально тучи, было темно от них, лицо и руки мои жгло, и не было возможности защищаться. Я думаю, что если здесь остаться ночевать под открытым небом, не окружив себя кострами, то можно погибнуть или, по меньшей мере, сойти с ума.

Изда разделяется сенями на две половины: налево живут матросы, направо — офицер с семьей. Хозяина дома не было. Я застал изящно одетую, интеллигентную даму, его жену, и двух дочерей, маленьких девочек, искусанных комарами. В комнатах все стены покрыты еловой зеленью, окна затянуты марлей, пахнет дымом, но комары, несмотря ни на что, все-таки есть и жалят бедных девочек. В комнате обстановка не богатая, лагерная, но в убранстве чувствуется что-то милое, вкусное. На стене висят этюды и,

между прочим, женская головка, набросанная карандашом. Оказывается, что г. Б.— художник.

— Хорошо ли вам тут живетесь? — спрашиваю я даму.

— Хорошо, да вот только комары.

Свежему мясу она не обрадовалась: по ее словам, она и дети давно уже привыкли к солонине и свежего мяса не любят.

— Впрочем, вчера варили форелей,— добавила она.

Провожал меня до шлюпки угрюмый матрос, который, как будто догадавшись, о чем мне хочется спросить его, вздохнул и сказал:

— По доброй воле сюда не заедешь!

На другой день рано утром пошли дальше при совершенно тихой и теплой погоде. Татарский берег горист и изобилует пиками, то есть острыми, коническими вершинами. Он слегка подернут синеватою мглой: это — дым от далеких лесных пожаров, который здесь, как говорят, бывает иногда так густ, что становится опасен для моряков не меньше, чем туман. Если бы птица полетела напрямик с моря через горы, то, наверное, не встретила бы ни одного жилья, ни одной живой души на расстоянии пятисот верст и больше... Берег весело зеленеет на солнце и, по-видимому, прекрасно обходится без человека. В шесть часов были в самом узком месте пролива, между мысами Погоби и Лазарева, и очень близко видели оба берега, в восемь проходили мимо Шапки Невельского — так называется гора с бугром на вершине, похожим на шапку. Утро было яркое, блестящее, и наслаждение, которое я испытывал, усиливалось еще от гордого сознания, что я вижу эти берега.

Во втором часу вошли в бухту де-Кастри. Это единственное место, где могут во время бури укрываться суда, плавающие по проливу, и не будь ее, судоходство у сахалинских берегов, которые сплошь негостеприимны, было бы невысказанно¹. Даже есть такое выражение: «Удирать в де-Кастри». Бухта прекрасная и устро-

¹ О назначении этой бухты в настоящем и будущем см. К Скальковского, «Русская торговля в Тихом океане», стр. 75.

ена природой, точно по заказу. Это круглый пруд, версты три в диаметре, с высокими берегами, защищающими от ветров, с нешироким выходом в море. Если судить по наружному виду, то бухта идеальная, но, увы! — это только кажется так; семь месяцев в году она бывает покрыта льдом, мало защищена от восточного ветра и так мелка, что пароходы бросают якорь в двух верстах от берега. Выход в море сторожат три острова, или, вернее, рифа, придающие бухте своеобразную красоту; один из них назван Устричным: очень крупные и жирные устрицы водятся на его подводной части.

На берегу несколько домиков и церковь. Это Александровский пост. Тут живут начальник поста, его делопроизводитель и телеграфисты. Один местный чиновник, приехавший к нам на пароход обедать, скучный и скучающий господин, много говорил за обедом, много пил и рассказал нам старый анекдот про гусей, которые, наевшись ягод из-под наливки и опьяневши, были приняты за мертвых, ошипаны и выброшены воп и потом, проспавшись, голые вернулись домой; при этом чиновник побожился, что история с гусями происходила в де-Кастри в его собственном дворе. Священника при церкви нет, и он, когда нужно, приезжает из Мариинска. Хорошая погода бывает здесь очень редко, так же как в Николаевске. Говорят, что весной этого года здесь работала промерная экспедиция, и во весь май было только три солнечных дня. Извольте работать без солнца!

На рейде мы застали военные суда «Бобр» и «Тунгус» и две миноноски. Вспоминается и еще одна подробность: едва мы бросили якорь, как потемнело небо, собралась гроза, и вода приняла необыкновенный, ярко-зеленый цвет. «Байкалу» предстояло выгрузить четыре тысячи пудов казенного груза, и потому остались в де-Кастри ночевать. Чтобы скоротать время, я и механик удили с палубы рыбу, и нам попадались очень крупные, толстоголовые бычки, каких мне не приходилось ловить ни в Черном, ни в Азовском море. Попадалась и камбала.

Выгружают здесь пароходы всегда томительно долго, с раздражением и порчей крови. Впрочем, это горькая участь всех наших восточных портов. В де-Кастри выгружают на небольшие баржи-шаланды, которые могут приставать к берегу только во время прилива и потому нагруженные часто садятся на мель; случается, что благодаря этому пароход простаивает из-за какой-нибудь сотни мешков муки весь промежуток времени между отливом и приливом. В Николаевске беспорядков еще больше. Там, стоя на палубе «Байкала», я видел, как буксирный пароход, тащивший большую баржу с двумя сотнями солдат, утерял свой буксирный канат; баржу понесло течением по рейду, и она пошла прямо на якорную цепь парусного судна, стоявшего недалеко от нас. Мы с замиранием сердца ждали, что вот еще один момент, и баржа будет перерезана цепью, но, к счастью, добрые люди вовремя перехватили канат, и солдаты отделались одним только испугом.

II

Краткая география.— Прибытие в Северный Сахалин.— Пожар.— Пристань.— В слободке.— Обеду г. Л.— Знакомства.— Ген. Кононович.— Приезд генерал-губернатора.— Обед и иллюминация.

Сахалин лежит в Охотском море, загораживая собою от океана почти тысячу верст восточного берега Сибири и вход в устье Амура. Он имеет форму удлиненную с севера на юг, и фигурую, по мнению одного из авторов, напоминает стерлядь. Географическое положение его определяется так: от $45^{\circ}54'$ до $54^{\circ}53'$ с. ш. и от $141^{\circ}40'$ до $144^{\circ}53'$ в. д. Северная часть Сахалина, через которую проходит линия вечно промерзлой почвы, по своему положению соответствует Рязанской губ., а южная — Крыму. Длина острова 900 верст; наибольшая его ширина равняется 125 и наименьшая 25 верстам. Он вдвое больше Греции и в полтора раза больше Дании.

Прежнее деление его на северный, средний и южный неудобно в практическом отношении, и теперь

делят только на северный и южный. Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения и потому в счет не идет; средняя треть называется Северным Сахалином, а нижняя — Южным; строго определенной границы между двумя последними не существует. Ссылные в настоящее время живут в Северном, по реке Дуйке и по реке Тыми; Дуйка впадает в Татарский пролив, а Тымь — в Охотское море, и обе реки на карте встречаются своими верховьями. Живут также и по западному побережью, на небольшом пространстве вверх и вниз от устья Дуйки. В административном отношении Северный Сахалин делится на два округа: Александровский и Тымовский.

Переночевавши в де-Кастри, мы на другой день, 10 июля, в полдень пошли поперек Татарского пролива к устью Дуйки, где находится Александровский пост. Погода и в этот раз была тихая, ясная, какая здесь бывает очень редко. По совершенно гладкому морю, пуская вверх фонтаны, гуляли парочками киты, и это прекрасное, оригинальное зрелище развлекало нас на всем пути. Но настроение духа, признаюсь, было невеселое, и чем ближе к Сахалину, тем хуже. Я был непокоен. Офицер, сопровождавший солдат, узнав, зачем я еду на Сахалин, очень удивился и стал уверять меня, что я не имею никакого права подходить близко к каторге и колонии, так как я не состою на государственной службе. Конечно, я знал, что он не прав, но все же от слов его становилось мне жутко, и я боялся, что и на Сахалине, пожалуй, я встречу точно такой же взгляд.

Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. Сквозь потемки и дым, стлавшийся по морю, я не видел пристани и построек и мог только разглядеть тусклые постовые огоньки, из которых два были красные. Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастическою. На левом плане горят чудовищные костры, выше них — горы, из-за гор поднимается высоко к небу багровое зарево от дальних по-

жаров; похоже, как будто горит весь Сахалин. Вправо темною тяжелою массой выдается в море мыс Жонкьер, похожий на крымский Аю-Даг; на вершине его ярко светится маяк, а внизу, в воде, между нами и берегом стоят три остроконечных рифа — «Три брата». И все в дыму, как в аду.

К пароходу подошел катер, таща за собою на буксире баржу. Это привезли каторжных для разгрузки парохода. Слышались татарский говор и брань.

— Не пускать их на пароход! — раздался крик с борта. — Не пускать! Они ночью весь пароход обокрадут!

— Тут в Александровске еще ничего, — сказал мне механик, заметив, какое тяжелое впечатление произвел на меня берег, — а вот вы увидите Дуэ! Там берег совсем отвесный, с темными ущельями и с угольными пластами... мрачный берег! Бывало, мы возили на «Байкале» в Дуэ по двести — триста каторжных, так я видел, как многие из них при взгляде на берег плакали.

— Не они, а мы тут каторжные, — сказал с раздражением командир. — Теперь здесь тихо, но посмотрели бы вы осенью: ветер, пурга, холод, волны валяют через борт, — хоть пропадай!

Я остался ночевать на пароходе. Рано утром, часов в пять, меня шумно разбудили: «Скорее, скорее! Катер в последний раз уходит к берегу! Сейчас снимаемся!» Через минуту я уже сидел в катере, а рядом со мной молодой чиновник с сердитым заспанным лицом. Катер засвистел, и мы пошли к берегу, таща за собой две баржи с каторжными. Изморенные ночью работой и бессонницей, арестанты были вялы и угрюмы, все время молчали. Лица их были покрыты росой. Мне припоминается теперь несколько кавказцев с резкими чертами и в меховых шапках, надвинутых до бровей.

— Позвольте познакомиться, — сказал мне чиновник, — коллежский регистратор Д.

Это был мой первый сахалинский знакомый, поэт, автор обличительного стихотворения «Сахалино», которое начиналось так: «Скажи-ка, доктор, ведь недаром...» Потом он часто бывал у меня и гулял со мной

по Александровску и его окрестностям, рассказывая мне анекдоты или без конца читая стихи собственного сочинения. В длинные зимние ночи он пишет либеральные повести, но при случае любит дать понять, что он коллежский регистратор и занимает должность X класса; когда одна баба, придя к нему по делу, назвала его господином Д., то он обиделся и сердито крикнул ей: «Я тебе не господин Д., а ваше благородие!» По пути к берегу я расспрашивал его насчет сахалинской жизни, как и что, а он зловеще вздыхал и говорил: «А вот вы увидите!» Солнце стояло уже высоко. То, что было вчера мрачно и темно и так пугало воображение, теперь утопало в блеске раннего утра; толстый, неуклюжий Жонкьер с маяком, «Три брата» и высокие крутые берега, которые видны на десятки верст по обе стороны, прозрачный туман на горах и дым от пожара давали при блеске солнца и моря картину недурную.

Гавани здесь нет и берега опасны, о чем внушительно свидетельствует шведский пароход «Atlas», потерпевший крушение незадолго до моего приезда и лежащий теперь на берегу. Пароходы останавливаются обыкновенно в версте от берега и редко ближе. Пристань есть, но только для катеров и барж. Это большой, в несколько сажен сруб, выдающийся в море в виде буквы Т; толстые листовые сваи, крепко вбитые в дно морское, образуют ящики, которые доверху наполнены камнями; настилка из досок, по ней вдоль всей пристани проложены рельсы для вагонеток. На широком конце Т стоит хорошенький домик — контора пристани — и тут же высокая черная мачта. Сооружение солидное, но недолговечное. Во время хорошего шторма, как говорят, волна иногда хватает до окон домика и брызги долетают даже до мачтовой реи, причем дрожит вся пристань.

Возле пристани по берегу, по-видимому, без дела, бродило с полсотни каторжных: одни в халатах, другие в куртках или пиджаках из серого сукна. При моем появлении вся полсотня сняла шапки, — такой чести до сих пор, вероятно, не удостоивался еще ни один литератор. На берегу стояла чья-то лошадь, запряженная

в безрессорную линейку. Каторжные взвалили мой багаж на линейку, человек с черною бородой, в пиджаке и в рубахе навыпуск, сел на козлы. Мы поехали.

— Куда прикажете, ваше высокоблагородие? — спросил он, оборачиваясь и снимая шапку.

Я спросил, не отдается ли тут где-нибудь внаймы квартира, хотя бы в одну комнату.

— Точно так, ваше высокоблагородие, отдается.

Две версты от пристани до Александровского поста я ехал по превосходному шоссе. В сравнении с сибирскими дорогами это чистенькое, гладкое шоссе, с канавами и фонарями, кажется просто роскошью. Рядом с ним проложена рельсовая дорога. Но природа по пути поражает своею бедностью. Вверху на горах и холмах, окружающих Александровскую долину, по которой протекает Дуйка, обгорелые пни, или торчат, как иглы дикобраза, стволы лиственниц, высушенных ветром и пожарами, а внизу по долине кочки и кислые злаки — остатки недавно бывшего здесь непроходимого болота. Свежий разрез земли в канавах обнажает во всем ее убожестве болотную перегорелую почву с полувершковым слоем плохого чернозема. Ни сосны, ни дуба, ни клена — одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрызенная, которая служит здесь не украшением лесов и парков, как у нас в России, а признаком дурной болотистой почвы и сурового климата.

Александровский пост, или, короче, Александровск, представляет из себя небольшой благообразный городок сибирского типа, тысячи на три жителей. В нем нет ни одной каменной постройки, а все сделано из дерева, главным образом из лиственницы: и церковь, и дома, и тротуары. Здесь резиденция начальника острова, центр сахалинской цивилизации. Тюрьма находится близ главной улицы, но по внешнему виду она мало отличается от военной казармы, и потому Александровск совсем не носит того мрачного острожного характера, какой я ожидал встретить.

Возница привез меня в Александровскую слободку, предместье поста, к крестьянину из ссыльных П. Мне показали квартиру. Небольшой дворик, мощный по-

сибирски бревнами, кругом навесы; в доме пять просторных, чистых комнат, кухня, но ни следа мебели. Хозяйка, молодая бабенка, принесла стол, потом минут через пять табурет.

— Эта квартира у нас ходила с дровами двадцать два рубля, а без дров пятнадцать,— сказала она.

А когда час спустя вносила самовар, сказала со вздохом:

— Заехали в эту пропасть!

Она девушкой пришла сюда с матерью за отцом-каторжным, который до сих пор еще не отбыл своего срока; теперь она замужем за крестьянином из ссыльных, мрачным стариком, которого я мельком видел, проходя по двору; он был болен чем-то, лежал на дворе под навесом и кряхтел.

— Теперь у нас, в Тамбовской губернии, чай, жнут,— сказала хозяйка,— а тут глаза бы мои не глядели.

И в самом деле не интересно глядеть: в окно видны грядки с капустною рассадой, около них безобразные канавы, вдали маячит тощая, засыхающая листовница. Охая и держась за бока, вошел хозяин и стал мне жаловаться на неурожай, холодный климат, нехорошую землю. Он благополучно отбыл каторгу и поселение, имел теперь два дома, лошадей и коров, держал много работников и сам ничего не делал, был женат на молоденькой, а главное, давно уже имел право переселиться на материк — и все-таки жаловался.

В полдень я ходил по слободке. На краю слободки стоит хорошенький домик с палисадником и с медною дощечкой на дверях, а возле домика в одном с ним дворе лавочка. Я зашел купить себе чего-нибудь поесть. «Торговое дело» и «Торгово-комиссионный склад» — так называется эта скромная лавочка в сохранившихся у меня печатном и рукописном прејскурантах — принадлежит ссыльнопоселенцу Л., бывшему гвардейскому офицеру, осужденному лет двенадцать тому назад петербургским окружным судом за убийство. Он уже отбыл каторгу и занимается теперь торговлей, исполняет также разные поручения по до-

рожной и иным частям, получая за это жалованье старшего надзирателя. Жена его свободная, из дворянок, служит фельдшерницей в тюремной больнице. В лавочке продаются и звездочки к погонам, и рахат-лукум, и пилы поперечные, и серпы, и «шляпы дамские, летние, самые модные, лучших фасонов от 4 р. 50 к. до 12 р. за штуку». Пока я разговаривал с приказчиком, в лавочку вошел сам хозяин в шелковой жакетке и в цветном галстуке. Мы познакомились.

— Не будете ли добры отобедать у меня? — предложил он.

Я согласился, и мы пошли в дом. Обстановка у него комфортабельная. Венская мебель, цветы, американский аристон и гнутое кресло, на котором Л. качается после обеда. Кроме хозяйки, я застал в столовой еще четырех гостей, чиновников. Один из них, старик без усов и с седыми бакенами, похожий лицом на драматурга Ибсена, оказался младшим врачом местного лазарета, другой, тоже старик, отрекомендовался штаб-офицером оренбургского казачьего войска. С первых же слов этот офицер произвел на меня впечатление очень доброго человека и большого патриота. Он кроток и добродушно рассудителен, но когда говорят о политике, то выходит из себя и с неподдельным пафосом начинает говорить о могуществе России и с презрением о немцах и англичанах, которых отродясь не видел. Про него рассказывают, что когда он, идучи морем на Сахалин, захотел в Сингапуре купить своей жене шелковый платок и ему предложили заменить русские деньги на доллары, то он будто бы обиделся и сказал: «Вот еще, стану я менять наши православные деньги на какие-то эфиопские!» И платок не был куплен.

За обедом подавали суп, цыплят и мороженое. Было и вино.

— Когда приблизительно идет здесь последний снег? — спросил я.

— В мае, — ответил Л.

— Неправда, в июне, — сказал доктор, похожий на Ибсена.

— Я знаю поселенца,— сказал Л.,— у которого калифорнская пшеница дала сам-двадцать два.

И опять возражение со стороны доктора:

— Неправда. Ничего ваш Сахалин не дает. Проклятая земля.

— Позвольте, однако,— сказал один из чиновников,— в восемьдесят втором году пшеница уродилась сам-сорок. Я это отлично знаю.

— Не верьте,— сказал мне доктор.— Это вам очки втирают.

За обедом же была рассказана такая легенда: когда русские заняли остров и затем стали обижать гиляков, то гиляцкий шаман проклял Сахалин и предсказал, что из него не выйдет никакого толку.

— Так оно и вышло,— вздохнул доктор.

После обеда Л. играл на аристоне. Доктор пригласил меня переехать к нему, и в тот же день вечером я поселился на главной улице поста, в одном из домов, ближайших к присутственным местам. С этого вечера началось мое посвящение в сахалинские тайны. Доктор рассказал мне, что незадолго до моего приезда, во время медицинского осмотра скота на морской пристани, у него произошло крупное недоразумение с начальником острова и что будто бы даже в конце концов генерал замахнулся на него палкой; на другой же день он был уволен по прошению, которого не подавал. Доктор показал мне целую кипу бумаг, написанных им, как он говорил, в защиту правды и из чело-веколюбия. Это были копии с прошений, жалоб, рапортов и... доносов¹.

— А генералу не понравится, что вы у меня остановились,— сказал доктор и значительно подмигнул глазом.

На другой день я был с визитом у начальника острова В. О. Кононовича. Несмотря на усталость и недосуг, генерал принял меня чрезвычайно любезно и

¹ Вот образчик доноса по телеграфу: «Долгом совести, семьсот двенадцатой статьи, том третий, поставлен необходимость утрудить ваше-ство прибегнуть защите правосудия против безнаказанности за совершаемые Н лихоимство, подлоги, истязания».

беседовал со мною около часа. Он образован, начитан и, кроме того, обладает большою практическою опытностью, так как до своего назначения на Сахалин в продолжение 18 лет заведовал каторгой на Каре; он красиво говорит и красиво пишет и производит впечатление человека искреннего, проникнутого гуманными стремлениями. Я не могу забыть о том удовольствии, какое доставляли мне беседы с ним, и как приятно в первое время поражало постоянно высказываемое им отвращение к телесным наказаниям. Ж. Кеннан в своей известной книге отзываясь о нем восторженно.

Узнав, что я намерен пробыть на Сахалине несколько месяцев, генерал предупредил меня, что жить здесь тяжело и скучно.

— Отсюда все бегут,— сказал он,— и каторжные, и поселенцы, и чиновники. Мне еще не хочется бежать, но я уже чувствую утомление от мозговой работы, которой требуется здесь так много, благодаря, главным образом, разбросанности дела.

Он обещал мне полное содействие, но просил ожидать: на Сахалине готовились к встрече генерал-губернатора, и все были заняты.

— А я рад, что вы остановились у нашего врага,— сказал он, прощаясь со мной.— Вы будете знать наши слабые стороны.

До приезда генерал-губернатора я жил в Александровске, в квартире доктора. Жизнь была не совсем обыкновенная. Когда я просыпался утром, самые разнообразные звуки напоминали мне, где я. Мимо открытых окон по улице, не спеша, с мерным звоном проходили кандалные; против нашей квартиры в военной казарме солдаты-музыканты разучивали к встрече генерал-губернатора свои марши, и при этом флейта играла из одной пьесы, тромбон из другой, фагот из третьей, и получался невообразимый хаос. А в комнатах у нас неугомонно свистали канарейки, и мой хозяин-доктор ходил из угла в угол и, перелистывая на ходу законы, мыслил вслух:

— Если на основании статьи такой-то я подам прошение туда-то, и т. д.

Или же он вместе со своим сыном садился писать какую-нибудь кляузу. Выйдешь на улицу, тут жарко. Жалуются даже на засуху, и офицеры ходят в кителях, а это бывает не каждое лето. Движение на улицах здесь гораздо значительнее, чем в наших уездных городах, и это легко объяснить приготовлениями к встрече начальника края, главным же образом — преобладанием в здешнем населении рабочего возраста, который большую часть дня проводит вне дома. К тому же здесь на небольшом пространстве сгруппированы: тюрьма более чем на тысячу и военные казармы на 500 человек. Спешно строят мост через Дуйку, воздвигают арки, чистят, красят, подметают, маршируют. По улицам носятся тройки и пары с колокольчиками, — это готовят для генерал-губернатора лошадей. Такая спешка, что работают даже в праздники.

Вот по улице, направляясь к полицейскому управлению, идет толпа гиляков, здешних аборигенов, и на них сердито лают смиренные сахалинские дворняжки, которые лают почему-то на одних только гиляков. Вот другая группа: кандалные каторжные в шапках и без шапок, звеня цепями, тащат тяжелую тачку с песком, сзади к тачке цепляются мальчишки, по сторонам плетутся конвойные с потными красными лицами и с ружьями на плечах. Высыпав песок на площадке перед домом генерала, кандалные возвращаются той же дорогой назад, и звон кандалов слышится непрерывно. Каторжный в халате с бубновым тузом ходит из двора во двор и продает ягоду голубику. Когда идешь по улице, сидящие встают и все встречные снимают шапки.

Каторжные и поселенцы, за немногими исключениями, ходят по улицам свободно, без кандалов и без конвоя, и встречаются на каждом шагу толпами и в одиночку. Они во дворе и в доме, потому что они кучера, сторожа, повара, кухарки и няньки. Такая близость в первое время с непривычки смущает и приводит в недоумение. Идешь мимо какой-нибудь постройки, тут каторжные с топорами, пилами и молотками. А ну, думаешь, замахнется и трахнет! Или придешь к знакомому и, не заставши дома, сядешь писать

ему записку, а сзади в это время стоит и ждет его слуга каторжный с ножом, которым он только что чистил в кухне картофель. Или, бывало, рано утром, часа в четыре, просыпаешься от какого-то шороха, смотришь — к постели на дыпочках, чуть дыша, крадется каторжный. Что такое? Зачем? «Сапожки почистить, ваше высокоблагородие». Скоро я пригляделся и привык. Привыкают все, даже женщины и дети. Здешние дамы бывают совершенно покойны, когда отпускают своих детей гулять с няньками бессрочнокаторжными.

Один корреспондент пишет, что вначале он трусил чуть не каждого куста, а при встречах на дороге и тропинках с арестантом ощупывал под пальто револьвер, потом успокоился, придя к заключению, что «каторга в общем — стадо баранов, трусливых, ленивых, полуголодных и заискивающих». Чтобы думать, что русские арестанты не убивают и не грабят встречного только из трусости и лени, надо быть очень плохого мнения о человеке вообще или не знать человека.

Приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф прибыл на Сахалин 19 июля, на военном судне «Бобр». На площади, между домом начальника острова и церковью, он был встречен почетным караулом, чиновниками и толпою поселенцев и каторжных. Играла та самая музыка, о которой я только что говорил. Благообразный старик, бывший каторжный, разбогатевший на Сахалине, по фамилии Потемкин, поднес ему хлеб-соль на серебряном блюде местного изделия. На площади же стоял мой хозяин-доктор в черном фраке и в картузе и держал в руках прошение. Я в первый раз видел сахалинскую толпу, и от меня не укрылась ее печальная особенность: она состояла из мужчин и женщин рабочего возраста, были старики и дети, но совершенно отсутствовали юноши. Казалось, будто возраста от 13 до 20 лет на Сахалине вовсе не существует. И я невольно задал себе вопрос: не значит ли это, что молодежь, подрастая, оставляет остров при первой возможности?

На другой же день по приезде генерал-губернатор приступил к осмотру тюрем и поселений. Всюду посе-

ленцы, ожидавшие его с большим нетерпением, подавали ему прошения и словесно заявляли просьбы. Говорили каждый за себя или один за все селение, и так как ораторское искусство процветает на Сахалине, то дело не обошлось и без речей; в Дербинском поселенце Маслов в своей речи несколько раз назвал начальство «всемиловиднейшим правительством». К сожалению, далеко не все, обращавшиеся к барону А. Н. Корфу, просили того, что нужно. Тут, как и в России в подобных случаях, сказались досадная мужицкая темнота: просили не школ, не правосудия, не заработков, а разных пустяков: кто казенного довольствия, кто усыновления ребенка,— одним словом, подавали прошения, которые могли быть удовлетворены и местным начальством. А. Н. Корф отнесся к их просьбам с полным вниманием и доброжелательством; глубоко тронутый их бедственным положением, он давал обещания и возбуждал надежды на лучшую жизнь¹. Когда в Аркове помощник смотрителя тюрьмы отрапортовал: «В селении Аркове все обстоит благополучно», барон указал ему на озимые и яровые всходы и сказал: «Все благополучно, кроме только того, что в Аркове нет хлеба». В Александровской тюрьме по случаю его приезда арестантов кормили свежим мясом и даже оленями; он обошел все камеры, принимал прошения и приказал расковать многих кандалных.

Двадцать второго июля после молебна и парада (был табельный день) прибежал надзиратель и доложил, что генерал-губернатор желает меня видеть. Я отправился. А. Н. Корф принял меня очень ласково и беседовал со мной около получаса. Наш разговор происходил в присутствии ген. Кононовича. Между прочим, мне был предложен вопрос, не имею ли я какого-либо официального поручения. Я ответил: нет.

— По крайней мере нет ли у вас поручения от какого-либо ученого общества или газеты? — спросил барон.

¹ И даже несбыточные надежды. В одном селении, говоря о том, что крестьяне из ссыльных теперь уже имеют право переезда на материк, он сказал: «А потом можете и на родину, в Россию».

У меня в кармане был корреспондентский бланк, но так как я не имел в виду печатать что-либо о Сахалине в газетах, то, не желая вводить в заблуждение людей, относившихся ко мне, очевидно, с полным доверием, я ответил: нет.

— Я разрешаю вам бывать где и у кого угодно, — сказал барон. — Нам скрывать нечего. Вы осмотрите здесь все, вам дадут свободный пропуск во все тюрьмы и поселения, вы будете пользоваться документами, необходимыми для вашей работы, — одним словом, вам двери будут открыты всюду. Не могу я разрешить вам только одного: какого бы то ни было общения с политическими, так как разрешать вам это я не имею никакого права.

Отпуская меня, барон сказал:

— Завтра мы еще поговорим. Приходите с бумагой.

В тот же день я присутствовал на торжественном обеде в квартире начальника острова. Тут я познакомился почти со всею сахалинскою администрацией. За обедом играла музыка, произносились речи. А. Н. Корф, в ответ на тост за его здоровье, сказал короткую речь, из которой мне теперь припоминаются слова: «Я убедился, что на Сахалине «несчастливым» живется легче, чем где-либо в России и даже Европе. В этом отношении вам предстоит сделать еще многое, так как путь добра бесконечен». Он пять лет назад был на Сахалине и теперь находил прогресс значительным, превосходившим всякие ожидания. Его похвальное слово не мирилось в сознании с такими явлениями, как голод, повальная проституция ссыльных женщин, жестокие телесные наказания, но слушатели должны были верить ему: настоящее в сравнении с тем, что происходило пять лет назад, представлялось чуть ли не началом золотого века.

Вечером была иллюминация. По улицам, освещенным площадками и бенгальским огнем, до позднего вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Река Дуйка, всегда убогая, грязная, с лысыми берегами, а теперь украшенная по обе стороны разноцветными фонарями и бенгальскими

огнями, которые отражались в ней, была на этот раз красива, даже величественна, но и смешна, как кухаркина дочь, на которую для примерки надели барышнину платье. В саду генерала играла музыка и пели певчие. Даже из пушки стреляли, и пушку разорвало. И все-таки, несмотря на такое веселье, на улицах было скучно. Ни песен, ни гармоники, ни одного пьяного; люди бродили, как тени, и молчали, как тени. Каторга и при бенгальском освещении остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышит человек, который никогда уже не вернется на родину, наводит только смертную тоску.

Когда я явился к генерал-губернатору с бумагой, он изложил мне свой взгляд на сахалинскую каторгу и колонию и предложил записать все, сказанное им, что я, конечно, исполнил очень охотно. Все записанное он предложил мне озаглавить так: «Описание жизни несчастных». Из нашей последней беседы и из того, что я записал под его диктовку, я вынес убеждение, что это великодушный и благородный человек, но что «жизнь несчастных» была знакома ему не так близко, как он думал. Вот несколько строк из описания: «Никто не лишен надежды сделаться полноправным; пожизненности наказания нет. Бессрочная каторга ограничивается двадцатью годами. Каторжные работы не тягостны. Труд подневольный не дает работнику личной пользы — в этом его тягость, а не в напряжении физическом. Цепей нет, часовых нет, бритых голов нет».

Дни стояли хорошие, с ясным небом и с прозрачным воздухом, похожие на наши осенние дни. Вечера были превосходные; припоминается мне пылающий запад, темно-синее море и совершенно белая луна, выходящая из-за гор. В такие вечера я любил кататься по долине между постом и деревней Ново-Михайловкой; дорога здесь гладкая, ровная, рядом с ней рельсовый путь для вагонеток, телеграф. Чем дальше от Александровска, тем долина становится уже, потемки густеют, гигантские лопухи начинают казаться тропическими растениями; со всех сторон надвигаются темные горы. Вон вдали огни, где жгут

уголь, вон огонь от пожара. Восходит луна. Вдруг фантастическая картина: мне навстречу по рельсам, подпираясь шестом, катит на небольшой платформе каторжный в белом. Становится жутко.

— Не пора ли назад? — спрашиваю кучера.

Кучер-каторжный поворачивает лошадей, потом оглядывается на горы и огни и говорит:

— Скучно здесь, ваше высокоблагородие. У нас в России лучше.

III

Перепись — Содержание статистических карточек.— О чем я спрашивал и как отвечали мне.— Изба и ее жильцы.— Мнения ссыльных о переписи.

Чтобы побывать по возможности во всех населенных местах и познакомиться поближе с жизнью большинства ссыльных, я прибегнул к приему, который в моем положении казался мне единственным. Я сделал перепись. В селениях, где я был, я обошел все избы и записал хозяев, членов их семей, жильцов и работников. Чтобы облегчить мой труд и сократить время, мне любезно предлагали помощников, но так как, делая перепись, я имел главной целью не результаты ее, а те впечатления, которые дает самый процесс переписи, то я пользовался чужою помощью только в очень редких случаях. Эту работу, произведенную в три месяца одним человеком, в сущности нельзя назвать переписью; результаты ее не могут отличаться точностью и полнотой, но, за неимением более серьезных данных ни в литературе, ни в сахалинских канцеляриях, быть может, пригодятся и мои цифры.

Для переписи я пользовался карточками, которые были напечатаны для меня в типографии при полицейском управлении. Самый процесс переписи заключался в следующем. Прежде всего на каждой карточке в первой строке я отмечал название поста или селения. Во второй строке: номер дома по казенной подворной описи. Затем в третьей строке звание записываемого: каторжный, поселенец, крестьянин из

ссылных, свободного состояния. Свободных я записывал только в тех случаях, если они принимали непосредственное участие в хозяйстве ссылного, например, состояли с ним в браке, законном или незаконном, и вообще принадлежали к семье его или проживали в его избе в качестве работника или жильца и т. п. Званию в сахалинском обиходе придается большое значение. Каторжного, несомненно, стесняет его звание; на вопрос, какого он звания, он отвечает: «Рабочий». Если же до каторги он был солдатом, то непременно добавляет еще к этому: «Из солдат, ваше высокоблагородие». Отбыв или, как сам он выражается, отслужив свой срок, он становится поселенцем. Это новое звание не считается низким уже потому, что слово «поселенец» мало чем отличается от поселянина, не говоря уже о правах, какие сопряжены с этим званием. На вопрос, кто он, поселенец обыкновенно отвечает так: «Вольный». Через десять, а при благоприятных условиях, оговоренных в уставе о ссылных, через шесть лет поселенец получает звание крестьянина из ссылных. На вопрос, какого он звания, крестьянин отвечает не без достоинства, как будто уж не может идти в счет с прочими и отличается от них чем-то особенным: «Я крестьянин». Но без прибавки «из ссылных». Я не спрашивал ссылных о прежнем их звании, так как по этому пункту в канцеляриях имеется достаточно сведений. Сами они, кроме солдат, ни мещане, ни купцы, ни духовные, не распространяются насчет своего утерянного звания, как будто оно уже забыто, а называют свое прежнее состояние коротко — волей. Если кто заводит разговор о своем прошлом, то обыкновенно начинает так: «Когда я жил на воле...» и т. д.

Четвертая строка: имя, отчество и фамилия. Насчет имен могу только вспомнить, что я, кажется, не записал правильно ни одного женского татарского имени. В татарской семье, где много девочек, а отец и мать едва понимают по-русски, трудно добиться толку и приходится записывать наугад. И в казенных бумагах татарские имена пишутся тоже неправильно.

Случается, что православный русский мужичок на вопрос, как его зовут, отвечает не шутя: «Карл». Это бродяга, который по дороге сменился именем с каким-то немцем. Таких, помнится, записано мною двое: Карл Лангер и Карл Карлов. Есть каторжный, которого зовут Наполеоном. Есть женщина-бродяга Прасковья, она же Марья. Что касается фамилий, то по какой-то странной случайности на Сахалине много Богдановых и Беспаловых. Много курьезных фамилий: Шкандыба, Желудок, Безбожный, Зевака. Татарские фамилии, как мне говорили, сохраняют и на Сахалине, несмотря на лишение всех прав состояния, приставки и частицы, означающие высокие звания и титулы. Насколько это верно, не знаю, но ханов, султанов и оглы записал я немало. У бродяг самое употребительное имя Иван, а фамилия Непомнящий. Вот несколько бродяжеских прозвищ: Мустафа Непомнящий, Василий Безотечества, Франц Непомнящий, Иван Непомнящий 20 лет, Яков Беспрованья, бродяга Иван 35 лет¹, Человек Неизвестного Звания.

В этой же строке я отмечал отношение записываемого к хозяину: жена, сын, сожительница, работник, жилец, сын жильца и т. д. Записывая детей, я отличал законно и незаконно рожденных, родных и приемных. Кстати сказать, приемыши часто встречаются на Сахалине, и мне приходилось записывать не только приемных детей, но и приемных отцов. Многие из живущих в избах относятся к хозяевам как совладельцы или половинщики. В обоих северных округах на одном участке сидят по два и даже по три владельца, и так — больше, чем в половине хозяйств; поселенец садится на участок, строит дом и обзаводится хозяйством, а через два-три года ему сажают совладельца или же один участок дают сразу двум поселенцам. Это происходит от нежеланья и неумения администрации прискивать новые места для поселений. Бывает и так, что отбывший каторгу просит, чтобы ему позволили поселиться в таком посту или селении, где усадебных

¹ Это число составляет часть фамилии. В действительности ему 48 лет.

мест уже нет, и его поневоле приходится сажать уже на готовое хозяйство. Количество совладельцев особенно увеличивается после объявления высочайших манифестов, когда администрация бывает вынуждена приискивать места сразу для нескольких сотен душ.

Пятая строка: возраст. Женщины, которым уже за сорок, плохо помнят свои лета и отвечают на вопрос подумав. Армяне из Эриванской губ. совсем не знают своего возраста. Один из них ответил мне так: «Может, тридцать, а может, уже и пятьдесят». В таких случаях приходилось определять возраст приблизительно, на глаз, и потом проверять по статейному списку. Молодежь 15 и постарше обыкновенно убавляет свои лета. Иная уже невеста или давно уже занимается проституцией, а все еще 13—14 лет. Дело в том, что дети и подростки в беднейших семьях получают от казны кормовые, которые выдаются только до 15 лет, и тут молодых людей и их родителей простой расчет побуждает говорить неправду.

Шестая строка относилась к вероисповеданию.

Седьмая: где родился? На этот вопрос мне отвечали без малейшего затруднения, и только бродяги отвечали каким-нибудь острожным каламбуром или «не помню». Девушка Наталья Непомнящая, когда я спросил ее, какой она губернии, сказала мне: «Всех понемножку». Земляки заметно держатся друг друга, вместе ведут компанию, и коли бегут, то тоже вместе; туляк предпочитает идти в совладельцы к туляку, бакинец к бакинцу. По-видимому, существуют землячества. Когда случалось спрашивать про отсутствующего, то земляки давали о нем самые подробные сведения.

Восьмая строка: с какого года на Сахалине? Редкий сахалинец отвечал на этот вопрос сразу, без напряжения. Год прибытия на Сахалин — год страшного несчастья, а между тем его не знают или не помнят. Спрашиваешь каторжную бабу, в каком году ее привезли на Сахалин, а она отвечает вяло, не думая: «Кто ж его знает? Должно, в восемьдесят третьем». Вмешивается муж или сожитель: «Ну, что зря языком болтать? Ты пришла в восемьдесят пятом». — «Может,

и в восемьдесят пятом»,— соглашается она со вздохом. Начинаем считать, и мужик выходит прав. Мужчины не так туги, как бабы, но и они дают ответ не сразу, а подумав и поговорив.

— Тебя в каком году пригнали на Сахалин? — спрашиваю я поселенца.

— Я одного сплава с Гладким,— говорит он неуверенно, поглядывая на товарищей.

Гладкий первого сплава, а первый сплав, то есть первый «Доброволец», пришел на Сахалин в 1879 г. Так и записываю. Или бывает такой ответ: «В торговле я пробыл шесть лет, да вот в поселенцах уж третий год... Вот и считайте». — «Значит, ты на Сахалине уже девятый год?» — «Никак нет. До Сахалина я еще в центре отсидел два года». И т. д. Или такой ответ: «Я пришел в тот год, когда Дербина убили». Или: «Тогда Мицуль помер». Для меня было особенно важно получать верные ответы от тех, которые пришли сюда в шестидесятых и семидесятых годах; мне хотелось не пропустить ни одного из них, что, по всей вероятности, не удалось мне. Сколько уцелело из тех, которые пришли сюда 20—25 лет назад? — вопрос, можно сказать, роковой для сахалинской колонизации.

В девятой строке я записывал главное занятие и ремесло.

В десятой — грамотность. Обыкновенно вопрос предлагают в такой форме: «Знаешь ли грамоте?» — я же спрашивал так: «Умеешь ли читать?» — и это во многих случаях спасало меня от неверных ответов, потому что крестьяне, не пишущие и умеющие разбирать только по-печатному, называют себя неграмотными. Есть и такие, которые из скромности прикидываются невеждами. «Где уж нам? Какая наша грамота?» — и лишь при повторении вопроса говорят: «Разбирал когда-то по-печатному, да теперь, знать, забыл. Народ мы темный, одно слово — мужики». Неграмотными называют себя также плохо видящие глазами и слепые.

Одиннадцатая относилась к семейному состоянию: женат, вдов, холост? Если женат, то где: на родине,

на Сахалине? Слова «женат, вдов, холост» на Сахалине еще не определяют семейного положения; здесь очень часто женатые бывают обречены на одинокую безбрачную жизнь, так как супруги их живут на родине и не дают им развода, а холостые и вдовы живут семейно и имеют по полдюжине детей; поэтому ведущих холостую жизнь не формально, а на самом деле, хотя бы они значились женатыми, я считал лишним отмечать словом «одинок». Нигде в другом месте России незаконный брак не имеет такого широкого и гласного распространения и нигде он не облечен в такую оригинальную форму, как на Сахалине. Незаконное или, как называют здесь, свободное сожительство не встречает себе противников ни в начальстве, ни в духовенстве, а, наоборот, поощряется и санкционируется. Есть поселения, где не встретишь ни одного законного сожительства. Свободные пары составляют хозяйства на тех же основаниях, как и законные; они рожают для колонии детей, а потому нет причин при регистрации создавать для них особые правила.

Наконец, двенадцатая строка: получает ли пособие от казны? Из ответов на этот вопрос я хотел выяснить, какая часть населения не в состоянии обойтись без материальной поддержки от казны, или, другими словами, кто кормит колонию: она сама себя или казна? Пособие от казны, кормовое или вещевое, или денежное, обязательно получают все каторжные, поселенцы в первые годы по отбытии каторги, богдельщики и дети беднейших семей. Кроме этих официально признанных пенсионеров, я отметил живущими на счет казны также и тех ссыльных, которые получают от нее жалованье за разные услуги, например: учителя, писаря, надзиратели и т. п. Но ответ получился неполный. Кроме обычных пайков, кормовых и жалований, в широких размерах практикуется еще выдача таких пособий, которые невозможно отметить на карточках, например: пособие при вступлении в брак, покупка у поселенцев зерна по умышленно дорогой цене, а главное, выдача семян, скота и проч. в долг. Иной поселенец должен в казну не-

сколько сот рублей и никогда их не отдаст, но я поневоле должен был записать его не получающим пособия.

Каждую женскую карточку я перечеркивал вдоль красным карандашом и нахожу, что это удобнее, чем иметь особую рубрику для отметки пола. Я записывал только наличных членов семьи; если мне говорили, что старший сын уехал во Владивосток на заработки, а второй служит в селении Рыковском в рабочих, то я первого не записывал вовсе, а второго заносил на карточку в месте его жительства.

Я ходил из избы в избу один; иногда сопровождал меня какой-нибудь каторжный или поселенец, бравший на себя от скуки роль проводника. Иногда за мной, или на некотором расстоянии, следовал, как тень, надзиратель с револьвером. Это посылали его на случай, если я потребую каких-нибудь разъяснений. Когда я обращался к нему с каким-нибудь вопросом, то лоб у него мгновенно покрывался потом и он отвечал: «Не могу знать, ваше высокоблагородие!» Обыкновенно спутник мой, босой и без шапки, с моею чернильницей в руках, забегал вперед, шумно отворял дверь и в сенях успевал что-то шепнуть хозяину — вероятно, свои предположения насчет моей переписи. Я входил в избу. На Сахалине попадаются избы всякого рода, смотря по тому, кто строил — сибиряк, хохол или чухонец, но чаще всего — это небольшой сруб, аршин в шесть, двух- или трехконный, без всяких наружных украшений, крытый соломой, корьем и редко тесом. Двора обыкновенно нет. Возле ни одного деревца. Сараишко или банька на сибирский манер встречаются редко. Если есть собаки, то вялые, не злые, которые, как я говорил уже, лают на одних только гиляков, вероятно, потому, что те носят обувь из собачьей шкуры. И почему-то эти смиренные, безобидные собаки на привязи. Если есть свинья, то с колодкой на шее. Петух тоже привязан за ногу.

— Зачем это у тебя собака и петух привязаны? — спрашиваю хозяина.

— У нас на Сахалине все на цепи, — острит он в ответ. — Земля уж такая.

В избе одна комната, с русской печкой. Полы деревянные. Стол, два-три табурета, скамья, кровать с постелью, или же постлано прямо на полу. Или так, что нет никакой мебели и только среди комнаты лежит на полу перина, и видно, что на ней только что спали; на окне чашка с объедками. По обстановке это не изба, не комната, а скорее камера для одиночного заключения. Где есть женщины и дети, там, как бы ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но все же и там чувствуется отсутствие чего-то важного; нет деда и бабки, нет старых образов и дедовской мебели, стало быть, хозяйству недостает прошлого, традиций. Нет красного угла или он очень беден и тускл, без лампы и без украшений, — нет обычаев; обстановка носит случайный характер, и похоже, как будто семья живет не у себя дома, а на квартире, или будто она только что приехала и еще не успела освоиться; нет кошки, по зимним вечерам не бывает слышно сверчка... а главное, нет родины.

Картины, которые я встречал, обыкновенно не говорили мне о домовитости, уютиности и о прочности хозяйств. Чаще всего я встречал в избе самого хозяина, одинокого, скучающего бобыля, который, казалось, окоченел от вынужденного безделья и скуки; на нем вольное платье, но по привычке шинель накинута на плечи по-арестантски, и если он недавно вышел из тюрьмы, то на столе у него валяется фуражка без козырька. Печка не топлена, посуды только и есть, что котелок да бутылка, заткнутая бумажкой. Сам он о своей жизни и о своем хозяйстве отзывается насмешливо, с холодным презрением. Говорит, что уже всякие способы перепробовал, но никакого толку не выходит; остается одно: махнуть на все рукой. Пока говоришь с ним, в избу собираются соседи и начинается разговор на разные темы: о начальстве, климате, женщинах... От скуки все готовы говорить и слушать без конца. Бывает и так, что, кроме хозяина, застаешь в избе еще целую толпу жильцов и работников; на пороге сидит жилец-каторжный с ремешком на волосах и шьет чирки; пахнет кожей и сапожным варом; в сенях на лохмотьях лежат его дети, и тут

же в темном и тесном углу его жена, пришедшая за ним добровольно, делает на маленьком столике вареники с голубикой; это недавно прибывшая из России семья. Дальше, в самой избе, человек пять мужчин, которые называют себя кто — жильцом, кто — работником, а кто — сожителем; один стоит около печки и, надув щеки, выпучив глаза, паяет что-то; другой, очевидно, шут, с деланно-глупою физиономией, бормочет что-то, остальные хохочут в кулаки. А на постели сидит вавилонская блудница, сама хозяйка Лукерья Непомнящая, лохматая, тощая, с веснушками; она старается посмешнее отвечать на мои вопросы и болтает при этом ногами. Глаза у нее нехорошие, мутные, и по испитому, апатичному лицу я могу судить, сколько на своем еще коротком веку переиспытала она тюрем, этапов, болезней. Эта Лукерья задает в избе общий тон жизни, и благодаря ей на всей обстановке сказывается близость ошалелого, беспутного бродяги. Тут уж о серьезном хозяйстве не может быть и речи. Приходилось также заставить в избе целую компанию, которая до моего прихода играла в карты; на лицах смущение, скука и ожидание: когда я уйду, чтобы опять можно было приняться за карты? Или входишь в избу, и намек нет на мебель, печь голая, а на полу у стен рядышком сидят черкесы, одни в шапках, другие с непокрытыми стриженными и, по-видимому, очень жесткими головами, и смотрят на меня не мигая. Если я заставал дома одну только сожительницу, то обыкновенно она лежала в постели, отвечала на мои вопросы, зевая и потягиваясь, и, когда я уходил, опять ложилась.

Ссылное население смотрело на меня, как на лицо официальное, а на перепись — как на одну из тех формальных процедур, которые здесь так часты и обыкновенно ни к чему не ведут. Впрочем, то обстоятельство, что я не здешний, не сахалинский чиновник, возбуждало в ссыльных некоторое любопытство. Меня спрашивали:

— Зачем это вы всех нас записываете?

И тут начинались разные предположения. Одни говорили, что, вероятно, высшее начальство хочет рас-

пределить пособие между ссыльными, другие — что, должно быть, уж решили наконец переселять всех на материк, — а здесь упорно и крепко держится убеждение, что рано или поздно каторга с поселениями будет переведена на материк, — третьи, прикидываясь скептиками, говорили, что они не ждут уже ничего хорошего, так как от них сам бог отказался, и это для того, чтобы вызвать с моей стороны возражение. А из сеней или с печки, как бы в насмешку над всеми этими надеждами и догадками, доносился голос, в котором слышались усталость, скука и досада на беспокойство:

— И всё они едят, и всё они едят, и всё они едят, царица небесная!

Голодать и вообще терпеть какие-либо лишения во время моих разъездов по Сахалину мне не приходилось. Я читал, будто агроном Мицуль, исследуя остров, терпел сильную нужду и даже вынужден был съесть свою собаку. Но с тех пор обстоятельства значительно изменились. Теперешний агроном ездит по отличным дорогам; даже в самых бедных селениях есть надзирательские, или так называемые станки, где всегда можно найти теплое помещение, самовар и постель. Исследователи, когда отправляются в глубь острова, в тайгу, то берут с собой американские консервы, красное вино, тарелки, вилки, подушки и все, что только можно взвалить на плечи каторжным, заменяющим на Сахалине вьючных животных. Случается и теперь, что люди питаются гнилушками с солью и даже поедают друг друга, но это относится не к туристам и не к чиновникам.

В следующих главах я буду описывать посты и селения и попутно знакомить читателя с каторжными работами и тюрьмами, поскольку я сам успел познакомиться с ними в короткое время. На Сахалине каторжные работы разнообразны в высшей степени; они не специализировались на золоте или угле, а обнимают весь обиход сахалинской жизни и разбросаны по всем населенным местам острова. Корчевка леса, постройки, осушка болот, рыбные ловли, сенокос, нагрузка пароходов — все это виды каторжных работ,

которые по необходимости до такой степени слились с жизнью колонии, что выделять их и говорить о них как о чем-то самостоятельно существующем на острове можно разве только при известном рутинном взгляде на дело, который на каторге ищет прежде всего рудников и заводских работ.

Я начну с Александровской долины, с селений, расположенных на реке Дуйке. На Северном Сахалине эта долина была первая избрана для поселений не потому, что она лучше всех исследована или отвечает целям колонизации, а просто случайно, благодаря тому обстоятельству, что она была ближайшей к Дуэ, где впервые возникла каторга.

IV

Река Дуйка.— Александровская долина.— Слободка Александровка.— Бродяга Красивый.— Александровский пост.— Его прошлое.— Юрты.— Сахалинский Париж.

Река Дуйка, или, как ее иначе называют, Александровка, в 1881 г., когда ее исследовал зоолог Поляков, в своем нижнем течении имела до десяти сажень в ширину, на берега ее были намыты громадные кучи деревьев, обрушившихся в воду, низина во многих местах была покрыта старым лесом из пихты, лиственницы, ольхи и лесной ивы, и кругом стояло непроходимое топкое болото. В настоящее же время эта река имеет вид длинной узкой лужи. Шириной, совершенно голыми берегами и своим слабым течением она напоминает московскую Канаву.

Надо прочесть у Полякова описание Александровской долины и взглянуть на нее теперь, хотя мельком, чтобы понять, какая масса тяжкого, воистину каторжного труда уже потрачена на культуру этого места. «С высоты соседних гор,— пишет Поляков,— Александровская долина кажется спертою, глухою и лесистою... огромный хвойный лес покрывает значительные пространства на дне ее». Он описывает болота, непроходимые трясины, отвратительную почву и леса, где «кроме громадных, стоящих на корню де-

ревьев, почва нередко усеяна огромными полусгнившими стволами, свалившимися от старости или от бурь; между стволами у корней деревьев торчат часто кочки, заросшие мхом, рядом с ними ямы и рытвины». Теперь же на месте тайги, трясин и рытвин стоит целый город, проложены дороги, зеленеют луга, ржаные поля и огороды, и слышатся уже жалобы на недостаток лесов. К этой массе труда и борьбы, когда в трясине работали по пояс в воде, прибавить морозы, холодные дожди, тоску по родине, обиды, розги — и в воображении встанут страшные фигуры. И недаром один сахалинский чиновник, добряк, всякий раз, когда мы вдвоем ехали куда-нибудь, читал мне некравскую «Железную дорогу».

Около самого устья в Дуйку, с правой стороны, впадает небольшая речка, которая называется Малою Александровкой. По обе ее стороны расположено селение Александровское, или Слободка. О ней я уже упоминал. Она составляет предместье поста и уже слилась с ним, но так как она отличается от него некоторыми особенностями и живет самостоятельно, то о ней следует говорить особо. Это одно из самых старых селений. Колонизация началась здесь вскоре после учреждения в Дуэ каторжных работ. Выбрать именно это место, а не какое-нибудь другое, побудили, как пишет Мицуль, роскошные луга, хороший строевой лес, судоходная река, плодородная земля... «По-видимому, — пишет этот фанатик, видевший в Сахалине обетованную землю, — нельзя было и сомневаться в успешном исходе колонизации, но из 8 человек, высланных с этою целью на Сахалин в 1862 г., только 4 поселились около реки Дуйки». Но что могли сделать эти 4? Они обрабатывали землю киркой и заступом, сеяли, случалось, весной, вместо яровых, озимые и кончили тем, что стали проситься на материк. В 1869 г. на месте Слободки была основана сельскохозяйственная ферма. Тут предполагалось решить очень важный вопрос: возможно ли рассчитывать на успешность применения к сельскому хозяйству принудительного труда ссыльных? Каторжные в течение трех лет корчевали, строили дома, осушали болота,

проводили дороги и занимались хлебопашеством, но по отбытии срока не пожелали остаться здесь и обратились к генерал-губернатору с просьбой о переводе их на материк, так как хлебопашество не давало ничего, а заработков не было. Просьба их была уважена. Но то, что называлось фермой, продолжало существовать. Дуйские каторжные с течением времени становились поселенцами, из России прибывали каторжные с семьями, которых нужно было сажать на землю; приказано было считать Сахалин землею плодородною и годною для сельскохозяйственной колонии, и где жизнь не могла привиться естественным порядком, там она мало-помалу возникла искусственным образом, принудительно, ценой крупных денежных затрат и человеческих сил. В 1879 г. д-р Августинович застал уже в Слободке 28 домов¹.

В настоящее время в Слободке 15 хозяйств. Дома здесь крытые тесом, просторные, иногда в несколько комнат, хорошие надворные постройки, при усадьбах огороды. На каждые два дома приходится одна баня.

Всего показано в описи под пашней $39\frac{3}{4}$, под сенокосом $24\frac{1}{2}$ дес. Лошадей 23 и рогатого скота, крупного и мелкого, 47.

По составу своих хозяев Слободка считается аристократическим селением: один надворный советник, женатый на дочери поселенца, один свободный, прибывший на остров за матерью каторжною, семь крестьян из ссыльных, четыре поселенца и только два каторжных.

Из 22 семей, живущих здесь, только 4 незаконные. И по возрастному составу населения Слободка приближается к нормальной деревне; рабочий возраст не преобладает так резко, как в других селениях, тут есть и дети, и юноши, и старики старше 65 и даже 75 лет.

Чем же, спрашивается, объяснить такое сравнительно благополучное состояние Слободки даже ввиду заявлений самих же местных хозяев, что «хлебопаше-

¹ Августинович, Несколько сведений о Сахалине. Извлечение из путевого журнала.— «Современность», 1880 г., № 1. Есть еще его статья: «Пребывание на о. Сахалине».— «Правительств. вестник», 1879 г., № 276.

ством здесь не проживешь»? В ответ можно бы указать на несколько причин, которые при обычных условиях располагают к правильной, оседлой, зажиточной жизни. Например, большой процент старожилов, прибывших на Сахалин до 1880 года и уже успевших привыкнуть к здешней земле и освоиться. Очень важно также, что за 19-ю мужами прибыли на Сахалин их жены, и почти все садившиеся на участки имели уже семьи. Женщин сравнительно достаточно, так что одиноко живущих только 9, причем ни один не живет бобылем. Вообще Слободке посчастливилось, и, как на одно из благоприятных обстоятельств, можно еще указать на высокий процент грамотных: 26 мужчин и 11 женщин.

Не говоря о надворном советнике, занимающем на Сахалине должность землемера, почему хозяева свободного состояния и крестьяне из ссыльных не уходят на материк, если имеют на то право? Говорят, удерживают их в Слободке успехи в сельском хозяйстве, но ведь это относится не ко всем. Ведь слободские сенокосы и пахотная земля находятся в пользовании не у всех хозяев, а лишь у некоторых. Луга и скот есть только у 8 хозяев, пашут землю 12, и, как бы ни было, размеры сельского хозяйства здесь не настолько серьезны, чтобы ими можно было объяснить исключительно хорошее экономическое положение. Посторонних заработков нет никаких, ремеслами не занимаются, и один лишь Л., бывший офицер, имеет лавочку. Официальных данных, которые бы объяснили, почему жители Слободки богаты, тоже нет, и потому за решением загадки поневоле приходится обратиться к единственному в этом случае источнику — к дурной славе. В прежнее время в Слободке в самых широких размерах производилась тайная торговля спиртом. На Сахалине строго запрещены ввоз и продажа спирта, и это создало особый вид контрабанды. Спирт привозили и в жестянках, имевших форму сахарной головы, и в самоварах, и чуть ли не в поясах, а чаще всего просто в бочках и в обыкновенной посуде, так как мелкое начальство было подкуплено, а крупное смотрело сквозь пальцы.

В Слободке бутылка плохой водки продавалась за 6 и даже 10 рублей; все тюрьмы Северного Сахалина получали водку именно отсюда. Не брезговали ею и горькие пьяницы из чиновников; я знаю одного такого, который во время запоя за бутылку спирта отдавал арестантам буквально последнее.

В настоящее время насчет спирта в Слободке стало гораздо потише. Теперь поговаривают о другом промысле — о торговле старыми арестантскими вещами — «барахлом». Скупают за бесценок халаты, рубахи, полушубки, и всю эту рвань сплавляют для сбыта в Николаевск. Затем еще тайные ссудные кассы. Барон А. Н. Корф как-то в разговоре назвал Александровский пост сахалинским Парижем. Все, что есть в этом шумном и голодном Париже увлекающегося, пьяного, азартного, слабого, когда хочется выпить или сбыть краденое, или продать душу нечистому, идет именно в Слободку.

На пространстве между морским берегом и постом, кроме рельсовой дороги и только что описанной Слободки, есть еще одна достопримечательность. Это перевоз через Дуйку. На воде, вместо лодки или парома, большой, совершенно квадратный ящик. Капитаном этого единственного в своем роде корабля состоит каторжный Красивый, не помнящий родства. Ему уже 71 год. Горбат, лопатки выпятились, одно ребро сломано, на руке нет большого пальца, и на всем теле рубцы от плетей и шпицрутенов, полученных им когда-то. Седых волос почти нет; волосы как бы полиняли, глаза голубые, ясные, с веселым добродушным взглядом. Одет в лохмотья и бос. Очень подвижен, говорлив и любит посмеяться. В 1855 г. он бежал из военной службы «по глупости» и стал бродяжить, называя себя непомнящим родства. Его задержали и отправили в Забайкалье, как он говорит, в казаки.

— Я тогда думал, — рассказывал он мне, — что в Сибири люди под землей живут, взял и убежал по дороге из Тюмени. Дошел до Камышлова, там меня задержали и присудили, ваше высокоблагородие, на двадцать лет в каторгу и к девяноста плетям. По-

слали в Кару, вlepили там эти самые плети, а оттуда сюда на Сахалин в Корсаков; я из Корсакова бежал с товарищем, но дошел только до Дуи: тут заболел, не смог дальше идти. А товарищ до Благовещенска дошел. Теперь уж я отслуживаю второй срок, а всего живу тут на Сахалине двадцать два года. И преступления моего было всего, что из военной службы ушел.

— Зачем же ты теперь скрываешь свое настоящее имя? Какая надобность?

— Летось я сказывал чиновнику свое имя.

— И что же?

— Да ничего. Чиновник говорит: «Пока справки делать будем, так ты помрешь. Живи и так. На что тебе?» Это правда, без ошибки... Все равно жить недолго. А все-таки, господин хороший, родные узнали бы, где я.

— Как тебя зовут?

— Мое здешнее имя Игнатъев Василий, ваше высокоблагородие.

— А настоящее?

Красивый подумал и сказал:

— Никита Трофимов. Я Скопинского уезда, Рязанской губернии.

Стал я переправляться в коробочке через реку. Красивый упирается длинным шестом о дно, и при этом напрягается все его тощее, костистое тело. Работа нелегкая.

— А тебе небось тяжело?

— Ничего, ваше высокоблагородие. Меня никто в шею не гонит, я легонько.

Он рассказывает, что на Сахалине за все 22 года он ни разу не был сечен и ни разу не сидел в карцере.

— Потому что посылают лес пилить — иду, дают вот эту палку в руки — беру, велят печи в канцелярии топить — топлю. Повиноваться надо. Жизнь, нечего бога гневить, хорошая. Слава тебе господи!

Летом он живет в юрте около перевоза. В юрте у него лохмотья, каравай хлеба, ружье и спертый, кислый запах. На вопрос, для чего ему ружье, говорит — от воров, и куликов стрелять — и смеется. Ружье испорчено и стоит тут только для виду. Зимой пре-

вращается он в дровотаска и живет в конторе на пристани. Однажды я видел, как он, высоко подсучив панталоны и показывая свои жилистые, лиловые ноги, ташил с китайцем сеть, в которой серебрились горбуши, каждая величиною с нашего судака. Я окликнул его, и он радостно ответил мне.

Александровский пост основан в 1881 г. Один чиновник, который живет на Сахалине уже 10 лет, говорил мне, что когда он в первый раз приехал в Александровский пост, то едва не утонул в болоте. Иеромонах Иракий, проживавший до 1886 г. в Александровском посту, рассказывал, что вначале тут было только три дома и в небольшой казарме, где теперь живут музыканты, помещалась тюрьма. На улицах были пни. Там, где теперь кирпичный завод, в 1882 г. охотились на соболей. Для церкви о. Иракию была предложена надзирательская будка, но он отказался от нее, ссылаясь на тесноту. В хорошую погоду служил он на площади, а в дурную — в казарме или где придется, одну обедницу.

— Служишь, а тут бряцанье кандалов, — рассказывал он, — шум, жар от котла. Тут «слава святей единосушной», а рядом — «растакую твою...»

Настоящий рост Александровска начался с издания нового положения Сахалина, когда было учреждено много новых должностей, в том числе одна генеральская. Для новых людей и их канцелярий понадобилось новое место, так как в Дуэ, где до того времени находилось управление каторгой, было тесно и мрачно. В шести верстах от Дуэ на открытом месте уже стояла Слободка, была уже на Дуйке тюрьма, и вот по соседству мало-помалу стала вырастать резиденция: помещения для чиновников и канцелярий, церковь, склады, лавки и проч. И возникло то, без чего Сахалин обойтись бы не мог, а именно город, сахалинский Париж, где находит себе соответствующие общество и обстановку и кусок хлеба городская публика, которая может дышать только городским воздухом и заниматься только городскими делами.

Разные постройки, раскорчевка и осушение почвы производились каторжными. До 1888 года, пока не бы-

ла выстроена теперешняя тюрьма, жили они тут в юртах-землянках. Это были срубы, врытые в землю на 2—2½ аршина, с двухскатными земляными крышами. Окна были маленькие, узкие, в уровень с почвою, было темно, особенно зимою, когда юрты заносило снегом. От поднятия почвенной воды иногда до пола, от постоянного застоя влаги в земляных крышах и в рыхлых, гниющих стенах сырость в этих погребах была ужасная. Спали люди в полушубках. Почва вокруг, а также и колодец с водой были постоянно загрязняемы человеческими испражнениями и всякими отбросами, так как отхожих мест и мусорных ям не было вовсе. В юртах каторжные жили со своими женами и детьми.

В настоящее время Александровск занимает на плане площадь около двух квадратных верст; но так как он уже слился со Слободкой и одною своею улицей подходит к селению Корсаковскому, чтобы в самом недалеком будущем слиться с ним, то размеры его в самом деле более внушительны. Он имеет несколько прямых, широких улиц, которые, однако, называются не улицами, а, по старой памяти, слободками. На Сахалине есть манера давать названия улицам в честь чиновников еще при их жизни; называют улицы не только по фамилиям, но даже по именам и отчествам¹. Но по какой-то счастливой случайности Александровск не увековечил еще ни одного чиновника, и улицы его сохранили до сих пор названия слободок, из которых они образовались: Кирпичная, Пейсиковская, Касьяновская, Писарская, Солдатская. Происхождение всех этих названий понять нетрудно, кроме Пейсиковской. Говорят, будто она названа так каторжными в честь пейсов еврея, который торговал здесь, когда еще на месте слободки была тайга; по другой же версии, жила тут и торговала поселка Пейсикова.

На улицах деревянные тротуары, всюду чистота и порядок, и даже на отдаленных улицах, где теснятся

¹ Если, положим, чиновника зовут Иваном Петровичем Кузнецовым, то одну улицу называют Кузнецовской, другую Ивановской, а третью Иваново-Петровской.

беднота, нет луж и мусорных куч. Главную суть поста составляет его официальная часть: церковь, дом начальника острова, его канцелярия, почтово-телеграфная контора, полицейское управление с типографией, дом начальника округа, лавка колонизационного фонда, военные казармы, тюремная больница, военный лазарет, строящаяся мечеть с минаретом, казенные дома, в которых квартируют чиновники, и ссыльно-каторжная тюрьма с ее многочисленными складами и мастерскими. Дома большею частью новые, на европейский лад, крытые железом и часто выкрашенные снаружи. На Сахалине нет известки и хорошего камня, и потому каменных построек нет.

Если не считать квартир чиновников и офицеров и Солдатской слободки, где живут солдаты, женатые на свободных,— элемент подвижной, меняющийся здесь ежегодно,— то всех хозяйств в Александровске 298. Жителей 1499: из них мужчин 923, женщин 576. Если сюда прибавить свободное население, военную команду и тех каторжных, которые ночуют в тюрьме и не участвуют в хозяйствах, то получится цифра около 3000. В сравнении с Слободкой здесь очень мало крестьян, но зато каторжные составляют треть всего числа хозяев. Устав о ссыльных разрешает жить вне тюрьмы, а стало быть, и обзаводиться хозяйством только каторжным разряда исправляющихся, но этот закон постоянно обходится ввиду его непрактичности; в избах живут не одни только исправляющиеся, но также испытываемые, долгосрочные и даже бессрочные. Не говоря уже о писарях, чертежниках и хороших мастерах, которым по роду их занятий жить в тюрьме не приходится, на Сахалине немало семейных каторжников, мужей и отцов, которых непрактично было бы держать в тюрьмах отдельно от их семей: это вносило бы немалую путаницу в жизнь колонии. Пришлось бы держать семьи тоже в тюрьмах или же продовольствовать их квартирой и пищей на счет казны, или же удерживать на родине все время, пока отец семейства отбывает каторгу.

Каторжные разряда испытываемых живут в избах и часто поэтому несут более слабое наказание, чем ис-

правляющиеся. Тут резко нарушается идея равномерности наказания, но этот беспорядок находит себе оправдание в тех условиях, из которых сложилась жизнь колонии, и к тому же он легко устраним: стоит только перевести из тюрьмы в избы остальных арестантов. Но, говоря о семейных каторжных, нельзя мириться с другим беспорядком — с нерасчетливостью администрации, с какою она разрешает десяткам семейств селиться там, где нет ни усадебной, ни пахотной земли, ни сенокосов, в то время как в селениях других округов, поставленных в этом отношении в более благоприятные условия, хозяйничают только бобыли, и хозяйства не задаются вовсе благодаря недостатку женщин. В Южном Сахалине, где урожай бывает ежегодно, есть селения, в которых нет ни одной женщины, между тем в сахалинском Париже одних лишь женщин свободного состояния, прибывших за мужьями добровольно из России, живет 158.

В Александровске уже нет усадебной земли. В прежнее время, когда было просторно, давали под усадьбы 100—200 и даже 500 квадратных сажен, теперь же сажают на 12 и даже на 9 и 8. Я сосчитал 161 хозяйство, которые ютятся со своими стройками и огородами на усадьбах, имеющих каждая не более 20 кв. сажен. Виноваты в этом главным образом естественные условия Александровской долины: двигаться назад к морю нельзя, не годится здесь почва, с боков пост ограничен горами, а вперед он может расти теперь только в одном направлении, вверх по течению Дуйки, по так называемой Корсаковской дороге: здесь усадьбы тянутся в один ряд и тесно жмутся друг к другу.

По данным подворной описи, пахотную землей пользуются только 36 хозяев, а сенокосом только 9. Величина участков пахотной земли колеблется между 300 саж. и 1 десятиной. Картофель сажают почти все. Лошади есть только у 16, а коровы у 38, причем скот держат крестьяне и поселенцы, занимающиеся не хлебопашеством, а торговлей. Из этих немногих цифр следует заключить, что хозяйства в Александровске держатся не на хлебопашестве. Какою слабою притя-

гательную силой обладает здешняя земля, видно уже из того, что здесь почти совсем нет хозяев-старожитов. Из тех, которые сели на участок в 1881 г., не осталось ни одного; с 1882 г. сидят только 6, с 1883 г. — 4, с 1884 г. — 13, с 1885 г. — 68. Значит, остальные 207 хозяев сели после 1885 года. Судя по очень малому числу крестьян — их только 19, — нужно заключить, что каждый хозяин сидит на участке столько времени, сколько нужно ему для получения крестьянских прав, то есть права бросить хозяйство и уехать на материк.

Вопрос, на какие средства существует население Александровска, до сих пор остается для меня не вполне решенным. Допустим, что хозяева со своими женами и детьми, как ирландцы, питаются одним картофелем и что им хватает его на круглый год; но что едят те 241 поселенцев и 358 каторжных обоюго пола, которые проживают в избах в качестве сожителей, сожительниц, жильцов и работников? Правда, почти половина населения получает пособие от казны в виде арестантских пайков и детских кормовых. Есть и заработки. Более ста человек заняты в казенных мастерских и в канцеляриях. У меня отмечено на карточках немало мастеров, без которых не обойтись в городе: столяры, обойщики, ювелиры, часовые мастера, портные и т. п. В Александровске за поделки из дерева и металлов платят очень дорого, а давать «на чай» не принято меньше рубля. Но чтобы изо дня в день вести городскую жизнь, достаточно ли арестантских пайков и мелких заработков, очень жалких? У мастеров предложение несоизмеримо превышает спрос, а чернорабочие, например плотники, работают за 10 коп. в день на своих харчах. Население здесь перебивается кое-как, но оно тем не менее все-таки каждый день пьет чай, курит турецкий табак, ходит в вольном платье, платит за квартиры; оно покупает дома у крестьян, отъезжающих на материк, и строит новые. Около него бойко торгуют лавочки, и наживают десятки тысяч разные кулаки, выходящие из арестантской среды.

Тут много неясного, и я остановился на предположениях, что в Александровске поселяются большею частью те, которые приезжают сюда из России с день-

гами, и что для населения большим подспорьем в жизни служат нелегальные средства. Покупка арестантских вещей и сбыт их большими партиями в Николаевск, эксплуатация инородцев и новичков-арестантов, тайная торговля спиртом, дача денег в ссуду за очень высокие проценты, азартная игра в карты на большие куши,—этим занимаются мужчины. А женщины, ссыльные и свободные, добровольно пришедшие за мужьями, промышляют развратом. Когда одну женщину свободного состояния спросили на следствии, откуда у нее деньги, она ответила: «Заработала своим телом».

Всех семей 332: из них законных 185 и свободных 147. Сравнительно большое количество семейных объясняется не какими-либо особенностями хозяйств, располагающими к семейной, домовитой жизни, а случайностями: легкомыслием местной администрации, сажающей семейных на участки в Александровске, а не в более подходящем для этого месте, и тою сравнительною легкостью, с какою здешний поселенец, благодаря своей близости к начальству и тюрьме, получает женщину. Если жизнь возникла и течет не обычным естественным порядком, а искусственно, и если рост ее зависит не столько от естественных и экономических условий, сколько от теорий и произвола отдельных лиц, то подобные случайности подчиняют ее себе существенно и неизбежно и становятся для этой искусственной жизни как бы законами.

У

Александровская ссыльнокааторжная тюрьма.— Общие камеры.— Кандальные.— Золотая Ручка.— Отхожие места.— Майдан.— Каторжные работы в Александровске.— Прислуга.— Мастерские.

В Александровской ссыльнокааторжной тюрьме я был вскоре после приезда¹. Это большой четырехугольный двор, огороженный шестью деревянными

¹ Лучшая характеристика русских тюрем вообще сделана Н. В. Муравьевым в его статье «Наши тюрьмы и тюремный во-

бараками казарменного типа и забором между ними. Ворота всегда открыты, и около них ходит часовая. Двор чисто подметен; на нем нигде не видно ни камней, ни мусора, ни отбросов, ни луж от помоев. Эта примерная чистота производит хорошее впечатление.

Двери у всех корпусов открыты настежь. Я вхожу в одну из дверей. Небольшой коридор. Направо и налево двери, ведущие в общие камеры. Над дверями черные дощечки с белыми надписями: «Казарма № такой-то. Кубического содержания воздуха столько-то. Помещается каторжных столько-то». Прямо в тупике коридора тоже дверь, ведущая в небольшую каморку: здесь два политических, в расстегнутых жилетках и в чирках на босую ногу, торопливо мнут перину, набитую соломой; на подоконнике книжка и кусок черного хлеба. Сопровождающий меня начальник округа объясняет мне, что этим двум арестантам было разрешено жить вне тюрьмы, но они, не желая отличаться от других каторжных, не воспользовались этим разрешением.

— Смирно! Встать! — раздается крик надзирателя.

Входим в камеру. Помещение на вид просторное, вместимостью около 200 куб. сажен. Много света, окна открыты. Стены некрашенные, занозистые, с паклею между бревен, темные; белы одни только голландские печи. Пол деревянный, некрашенный, совершенно сухой. Вдоль всей камеры по середине ее тянется одна сплошная нара, со скатом на обе стороны, так что каторжные спят в два ряда, причем головы одного ряда обращены к головам другого. Места для каторжных не нумерованы, ничем не отделены одно от другого, и потому на нарах можно поместить 70 человек и 170. Постелей совсем нет. Спят на жестком или подстилают под себя старые драные мешки, свою одежду и всякое гнилье, чрезвычайно непривлекательное на вид. На нарах лежат шапки, обувь, кусочки хлеба, пустые

прос» («Русский вестник», 1878 г., кн. IV). О сибирских' тюрьмах, послуживших прототипом для сахалинских, см. исследование С. В. Максимова «Сибирь и каторга».

бутылки из-под молока, заткнутые бумажкой или тряпочкой, сапожные колодки; под нарами сундучки, грязные мешки, узлы, инструменты и разная ветошь. Около нар прогуливается сытая кошка. На стенах одежда, котелки, инструменты, на полках чайники, хлеб, ящички с чем-то.

На Сахалине свободные при входе в казармы не снимают шапок. Эта вежливость обязательна только для ссыльных. Мы в шапках ходим около нар, а арестанты стоят руки по швам и молча глядят на нас. Мы тоже молчим и глядим на них, и похоже на то, как будто мы пришли покупать их. Мы идем дальше, в другие камеры, и здесь та же ужасная нищета, которой так же трудно спрятаться под лохмотьями, как мухе под увеличительным стеклом, та же сарайная жизнь, в полном смысле нигилистическая, отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сон.

Арестанты, живущие в Александровской тюрьме, пользуются относительною свободой; они не носят кандалов, могут выходить из тюрьмы в продолжение дня куда угодно, без конвоя, не соблюдают однообразия в одежде, а носят что придется, судя по погоде и работе. Подследственные, недавно возвращенные с бегов и временно арестованные по какому-либо случаю, сидят под замком в особом корпусе, который называется «кандалной». Самая употребительная угроза на Сахалине такая: «Я посажу тебя в кандалную». Вход в это страшное место стерегут надзиратели, и один из них рапортует нам, что в кандалной все обстоит благополучно.

Гремит висячий замок, громадный, неуклюжий, точно купленный у антиквария, и мы входим в небольшую камеру, где на этот раз помещается человек 20, недавно возвращенных с бегов. Оборванные, немытые, в кандалах, в безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками; одна половина головы разлохмачена, другая, бритая, уже начинает зарастать. Все они отощали и словно облезли, но глядят бодро. Постелей нет, спят на голых нарах. В углу стоит «парашка»; каждый может совершать свои есте-

ственные надобности не иначе, как в присутствии 20 свидетелей. Один просит, чтобы его отпустили, и клянется, что уж больше не будет бегать; другой просит, чтобы сняли с него кандалы; третий жалуется, что ему дают мало хлеба.

Есть камеры, где сидят по двое и по трое, есть одиночные. Тут встречается немало интересных людей.

Из сидящих в одиночных камерах особенно обращает на себя внимание известная Софья Блювштейн — Золотая Ручка, осужденная за побег из Сибири в каторжные работы на три года. Это маленькая, худенькая, уже седеющая женщина с помятым, старушечьим лицом. На руках у нее кандалы; на ногах одна только шубейка из серой овчины, которая служит ей и теплою одеждой и постелью. Она ходит по своей камере из угла в угол, и кажется, что она все время нюхает воздух, как мышь в мышеловке, и выражение лица у нее мышинное. Глядя на нее, не верится, что еще недавно она была красива до такой степени, что очаровывала своих тюремщиков, как, например, в Смоленске, где надзиратель помог ей бежать и сам бежал вместе с нею. На Сахалине она в первое время, как и все присылаемые сюда женщины, жила вне тюрьмы, на вольной квартире; она пробовала бежать и нарядилась для этого солдатом, но была задержана. Пока она находилась на воле, в Александровском посту было совершено несколько преступлений: убили лавочника Никитина, украли у поселенца еврея Юрковского 56 тысяч. Во всех этих преступлениях Золотая Ручка подозревается и обвиняется как прямая участница или пособница. Местная следственная власть запутала ее и самое себя такую густою проволокой всяких несообразностей и ошибок, что из дела ее решительно ничего нельзя понять. Как бы то ни было, 56 тысяч еще не найдены и служат пока сюжетом для самых разнообразных фантастических рассказов.

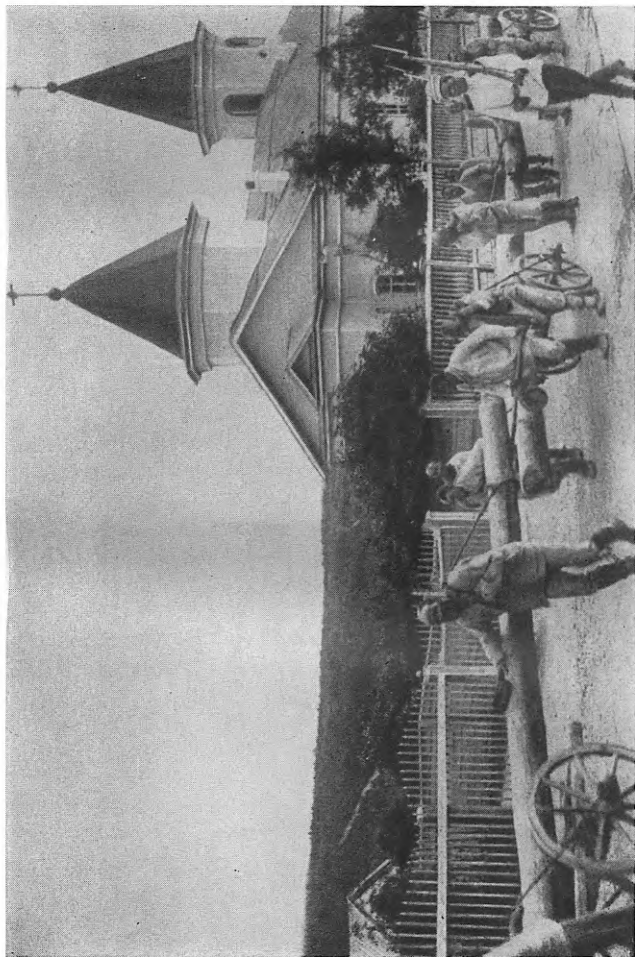
О кухне, где при мне готовился обед для 900 человек, о провизии и о том, как едят арестанты, я буду говорить в особой главе. Теперь же скажу несколько слов об отхожем месте. Как известно, это удобство у

громадного большинства русских людей находится в полном презрении. В деревнях отхожих мест совсем нет. В монастырях, на ярмарках, в постоянных дворах и на всякого рода промыслах, где еще не установлен санитарный надзор, они отвратительны в высшей степени. Презрение к отхожему месту русский человек приносит с собой и в Сибирь. Из истории каторги видно, что отхожие места всюду в тюрьмах служили источником удушливого смрада и заразы и что население тюрем и администрация легко мирились с этим. В 1872 г. на Каре, как писал г. Власов в своем отчете, при одной из казарм совсем не было отхожего места, и преступники выводились для естественной надобности на площадь, и это делалось не по желанию каждого из них, а в то время, когда собиралось несколько человек. И таких примеров я мог бы привести сотню. В Александровской тюрьме отхожее место, обыкновенная выгребная яма, помещается в тюремном дворе в отдельной пристройке между казармами. Видно, что при устройстве его прежде всего старались, чтоб оно обошлось возможно дешевле, но все-таки сравнительно с прошлым замечается значительный прогресс. По крайней мере оно не возбуждает отвращения. Помещение холодное и вентилируется деревянными трубами. Стойчаки устроены вдоль стен; на них нельзя стоять, а можно только сидеть, и это главным образом спасает здесь отхожее место от грязи и сырости. Дурной запах есть, но незначительный, маскируемый обычными снадобьями, вроде дегтя и карболки. Отперто отхожее место не только днем, но и ночью, и эта простая мера делает ненужными параша; последние ставятся теперь только в кандалной.

Около тюрьмы есть колодец, и по нему можно судить о высоте почвенной воды. Вследствие особого строения здешней почвы почвенная вода даже на кладбище, которое расположено на горе у моря, стоит так высоко, что я в сухую погоду видел могилы, наполовину заполненные водою. Почва около тюрьмы и во всем посту дренирована канавами, но недостаточно глубокими, и от сырости тюрьма совсем не обеспечена.

В хорошую теплую погоду, которая здесь бывает не часто, тюрьма вентилируется превосходно: окна и двери открываются настежь, и арестанты большую часть дня проводят на дворе или далеко вне тюрьмы. Зимой же и в дурную погоду, то есть в среднем почти 10 месяцев в году, приходится довольствоваться только форточками и печами. Лиственный и еловый лес, из которого сделаны тюрьма и ее фундамент, представляет хорошую естественную вентиляцию, но ненадежную; вследствие большой влажности сахалинского воздуха и изобилия дождей, а также испарений, идущих изнутри, в порах дерева скопляется вода, которая зимою замерзает. Тюрьма вентилируется слабо, а между тем на каждого ее обитателя приходится не много воздуха. У меня в дневнике записано: «Казарма № 9. Кубического содержания воздуха 187 саж. Помещается каторжных 65». Это в летнее время, когда ночует в тюрьме только половина всех каторжных. А вот цифры из медицинского отчета за 1888 г.: «Кубическая вместимость арестантских помещений в Александровской тюрьме 970 саж.; числилось арестантов: наибольшее 1950, наименьшее 1623, среднее годовое 1785; помещалось на ночлег 740; приходилось на одного человека воздуха 1,31 саж.». Наименьшее скопление каторжных в тюрьме бывает в летние месяцы, когда они командируются в округ на дорожные и полевые работы, и наибольшее — осенью, когда они возвращаются с работ и «Доброволец» привозит новую партию в 400—500 человек, которые живут в Александровской тюрьме впредь до распределения их по остальным тюрьмам. Значит, меньше всего воздуха приходится на каждого арестанта именно в то время, когда вентиляция бывает наименее действительна.

С работ, производимых чаще в ненастную погоду, каторжный возвращается в тюрьму на ночлег в промокшем платье и в грязной обуви; просушиться ему негде; часть одежды развешивает он около нар, другую, не дав ей просохнуть, подстилает под себя вместо постели. Тулуп его издаст запах овчины, обувь пахнет кожей и дегтем. Его белье, пропитанное насквозь кож-

Каторжные работы. Фотография. 1890.

ными отделениями, не просушенное и давно не мытое, перемешанное со старыми мешками и гниющими обносками, его портянки с удушливым запахом пота, сам он, давно не бывший в бане, полный вшей, курящий дешевый табак, постоянно страдающий метеоризмом; его хлеб, мясо, соленая рыба, которую он часто вялит тут же в тюрьме, крошки, кусочки, косточки, остатки щей в котелке; клопы, которых он давит пальцами тут же на нарах,— все это делает казарменный воздух вонючим, промозглым, кислым; он насыщается водяными парами до крайней степени, так что во время сильных морозов окна к утру покрываются изнутри слоем льда и в казарме становится темно; сероводород, аммиачные и всякие другие соединения мешаются в воздухе с водяными парами, и происходит то самое, от чего, по словам надзирателей, «душу воротит».

При системе общих камер соблюдение чистоты в тюрьме невозможно, и гигиена никогда не выйдет здесь из той тесной рамки, какую ограничили для нее сахалинский климат и рабочая обстановка каторжного, и какими бы благими намерениями ни была проникнута администрация, она будет бессильна и никогда не избавится от нареканий. Надо или признать общие камеры уже отжившими и заменить их жилищами иного типа, что уже отчасти и делается, так как многие каторжные живут не в тюрьме, а в избах, или же мириться с нечистотой, как с неизбежным, необходимым злом, и измерения испорченного воздуха кубическими саженями предоставить тем, кто в гигиене видит одну только пустую формальность.

В пользу системы общих камер, я думаю, едва ли можно сказать что-нибудь хорошее. Люди, живущие в тюремной общей камере,— это не община, не артель, налагающая на своих членов обязанности, а шайка, освобождающая их от всяких обязанностей по отношению к месту, соседу и предмету. Приказывать каторжному, чтобы он не приносил на ногах грязи и навоза, не плевал бы на пол и не разводил клопов — дело невозможное. Если в камере вонь или нет никому житья от воровства, или поют грязные песни, то виноваты

в этом все, то есть никто. Я спрашиваю каторжного, бывшего почетного гражданина: «Почему вы так неопрятны?» Он мне отвечает: «Потому что моя опрятность была бы здесь бесполезна». И в самом деле, какую цену может иметь для каторжного собственная его чистоплотность, если завтра приведут новую партию и положат с ним бок о бок соседа, от которого ползут во все стороны насекомые и идет душливый запах?

Общая камера не дает преступнику одиночества, необходимого ему хотя бы для молитвы, для размышлений и того углубления в самого себя, которое считают для него обязательным все сторонники исправительных целей. Свирепая картежная игра с разрешения подкупленных надзирателей, ругань, смех, болтовня, хлопанье дверями, а в кандалной звон оков, продолжающиеся всю ночь, мешают утомленному рабочему спать, раздражают его, что, конечно, не остается без дурного влияния на его питание и психику. Стадная сарайная жизнь с ее грубыми развлечениями, с неизбежным воздействием дурных на хороших, как это давно уже признано, действует на нравственность преступника самым растлевающим образом. Она отучает его мало-помалу от домовитости, то есть того самого качества, которое нужно беречь в каторжном больше всего, так как по выходе из тюрьмы он становится самостоятельным членом колонии, где с первого же дня требуют от него, на основании закона и под угрозой наказания, чтобы он был хорошим хозяином и добрым семьянином.

В общих камерах приходится терпеть и оправдывать такие безобразные явления, как ябедничество, наушничество, самосуд, кулачество. Последнее находит здесь выражение в так называемых майданах, перешедших сюда из Сибири. Арестант, имеющий и любящий деньги и пришедший из-за них на каторгу, кулак, скопидом и мошенник, берет на откуп у товарищей-каторжных право монопольной торговли в казарме, и если место бойкое и многолюдное, то арендная плата, поступающая в пользу арестантов, может простираться даже до нескольких сотен рублей в год.

Майданщик, то есть хозяин майдана, официально называется парашечником, так как берет на себя обязанность выносить из камер параши, если они есть, и следить за чистотою. На наре его обыкновенно стоит сундучок аршина в полтора, зеленый или коричневый, около него и под ним разложены кусочки сахара, белые хлебцы, величиною с кулак, папиросы, бутылки с молоком и еще какие-то товары, завернутые в бумажки и грязные тряпочки¹.

Под смиренными кусочками сахара и булками прячется зло, которое распространяет свое влияние далеко за пределы тюрьмы. Майдан — это игорный дом, маленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к штосу и другим азартным играм. Около майдана и карт непременно ютится всегда готовое к услугам ростовщичество, жестокое и неумолимое. Тюремные ростовщики берут по 10% в день и даже за один час; не выкупленный в течение дня заклад поступает в собственность ростовщика. Отбыв свой срок, майданщики и ростовщики выходят на поселение, где не оставляют своей прибыльной деятельности, и поэтому нечего удивляться, что на Сахалине есть поселенцы, у которых можно украсть 56 тысяч.

Летом 1890 г., в бытность мою на Сахалине, при Александровской тюрьме числилось более двух тысяч каторжных, но в тюрьме жило только около 900. Вот цифры, взятые наудачу: в начале лета, 3 мая 1890 г., довольствовались из котла и ночевало в тюрьме 1279, в конце лета, 29 сентября, 675 человек. Что касается каторжных работ, производимых в самом Александровске, то здесь приходится наблюдать, главным образом, строительные и всякие хозяйственные работы: возведение новых построек, ремонт старых, содержание на городской манер улиц, площадей и проч. Самыми тяжкими считаются плотницкие работы. Арестанты

¹ Пачка из 9—10 папирос стоит 1 коп., белая булочка 2 коп., бутылка молока 8—10, кусочек сахара 2 коп. Продажа производится на наличные, в долг и в обмен на вещи. Майдан продает также водку, карты, свечные огарки для игры в ночное время — это негласно. Карты дает и напрокат.

стант, бывший на родине плотником, несет здесь настоящую каторгу, и в этом отношении он гораздо несчастливее маляра или кровельщика. Вся тягость работы не в самой постройке, а в том, что каждое бревно, идущее в дело, каторжный должен притащить из леса, а рубка в настоящее время производится за 8 верст от поста. Летом люди, запряженные в бревно в пол-аршина и толще, а в длину в несколько сажен, производят тяжелое впечатление; выражение их лиц страдальческое, особенно если они, как это я часто наблюдал, уроженцы Кавказа. Зимой же, говорят, они отмораживают себе руки и ноги и часто даже замерзают, не дотащив бревна до поста. Для администрации плотницкие работы представляются тоже нелегкими, потому что людей, способных на систематический тяжкий труд, на Сахалине вообще мало, и недостаток работников — явление здесь обычное, хотя каторжные считаются тысячами. Ген. Кононович говорил мне, что затевать здесь новые постройки и строиться очень трудно, — людей нет; если достаточно плотников, то некому таскать бревна; если людей ушлют за бревнами, то не хватает плотников. К нелегким работам относятся здесь также обязанности дровотасков, которые каждый день рубят дрова, готовят их и под утро, когда еще все спят, топят печи. Чтобы судить о степени напряженности труда, об его тяжести, нужно брать во внимание не одну только затрачиваемую на него мышечную силу, но также условия места и особенности труда, зависящие от этих условий. Сильные морозы зимой и сырость в течение всего года в Александровске ставят черно-рабочего в положение иной раз едва выносимое, какого он при той же работе, например при обыкновенной рубке дров, не испытал бы в России. Закон ограничивает труд каторжного «урочным положением», приближая его к обыкновенному крестьянскому и фабричному труду;¹ он же предоставляет разные об-

¹ «Урочное положение для строительных работ, высочайше утвержденное 17 апреля 1869 г», Петербург, 1887 г. По этому положению при определении на разного рода работы принимаются в основание: физические силы рабочего и степень навыка

легчения каторжным разряда исправляющихся; но практика поневоле не всегда сообразуется с законом именно в силу местных условий и особенностей труда. Нельзя же ведь определить, сколько часов каторжный должен тащить бревно во время метели, нельзя освободить его от ночных работ, когда последние необходимы, нельзя ведь по закону освободить исправляющегося от работы в праздник, если он, например, работает в угольной яме вместе с испытуемым, так как тогда бы пришлось освободить обоих и прекратить работу. Часто оттого, что работами заведуют люди некомпетентные, неспособные и неловкие, затрачивается на работы больше напряжения, чем бы следовало. Например, нагрузка и выгрузка пароходов, не требующие в России от рабочего исключительного напряжения сил, в Александровске часто представляются для людей истинным мучением; особенной команды, подготовленной и выученной специально для работ на море, нет; каждый раз берутся все новые люди, и оттого случается нередко наблюдать во время волнения страшный беспорядок; на пароходе бранятся, выходят из себя, а внизу на баржах, бьющихся о пароход, стоят и лежат люди с зелеными, искривленными лицами, страдающие от морской болезни, а около барж плавают утерянные весла. Благодаря этому работа затягивается, время пропадает даром и люди терпят ненужные мучения. Однажды во время выгрузки парохода я слышал, как смотритель тюрьмы сказал: «У меня люди целый день не ели».

Немало каторжного труда затрачивается на удовлетворение потребностей тюрьмы. В тюрьме каждый день работают кашевары, хлебопеки, портные, сапожники, водоносы, поломойки, дневальные, скотники и т. п. Каторжным трудом пользуются также военное и телеграфное ведомства, землемер; около 50 человек

к работе. Положение определяет также число рабочих часов в день, сообразно временам года и полосам России. Сахалин отнесен к средней полосе России. Максимум рабочих часов — $12\frac{1}{2}$ в сутки — приходится на май, июнь и июль, а минимум — 7 час. — на декабрь и январь.

прикомандировано к тюремному лазарету, неизвестно в качестве кого и для чего, и не сочтешь тех, которые находятся в услужении у гг. чиновников. Каждый чиновник, даже состоящий в чине канцелярского служителя, насколько я мог убедиться, может брать себе неограниченное количество прислуги. Доктор, у которого я квартировал, живший сам-друг с сыном, имел повара, дворника, кухарку и горничную. Для младшего тюремного врача это очень роскошно. У одного смотрителя тюрьмы было 8 человек штатной прислуги: швея, сапожник, горничная, лакей, он же рассыльный, нянька, прачка, повар, поломойка. Вопрос о прислуге на Сахалине — обидный и грустный вопрос, как, вероятно, везде на каторге, и не новый. В своем «Кратком очерке неурядиц, существующих на каторге» Власов писал, что в 1871 г., когда он прибыл на остров, его «прежде всего поразило то обстоятельство, что каторжные с разрешения бывшего генерал-губернатора составляют прислугу начальника и офицеров». Женщины, по его словам, раздавались в услуги лицам управления, не исключая и холостых надзирателей. В 1872 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Синельников запретил отдачу преступников в услужение. Но это запрещение, имеющее силу закона и до настоящего времени, обходится самым бесцеремонным образом. Коллежский регистратор записывает на себя полдюжины прислуги, и когда отправляется на пикник, то посылает вперед с провизией десяток каторжных. Начальники острова гг. Гинце и Кононович боролись с этим злом, но недостаточно энергично; по крайней мере я нашел только три приказа, относящихся к вопросу о прислуге, и таких, которые человек заинтересованный мог широко толковать в свою пользу. Генерал Гинце, как бы в отмену генерал-губернаторского предписания, разрешил в 1885 г. (приказ № 95) чиновникам брать себе в прислуги ссыльнокаторжных женщин с платою по два рубля в месяц и чтобы деньги были обращаемы в казну. Генерал Кононович в 1888 г. отменил приказ своего предшественника, определив: «ссыльнокаторжных как мужчин, так и женщин, в прислугу к чинов-

никам не назначать и платы за женщин никакой не взыскивать. А так как казенные здания и службы при них не могут оставаться без надзора и без удовлетворения, то к каждому таковому зданию разрешаю назначать потребное число мужчин и женщин, показывая их по наряду по этим назначениям как сторожей, дровотасков, поломоек и проч., смотря по потребности» (приказ № 276). Но так как казенные здания и службы при них в громадном большинстве составляют не что иное, как квартиры чиновников, то этот приказ понимается как разрешение иметь каторжную прислугу, и притом бесплатную. Во всяком случае, в 1890 г., когда я был на Сахалине, все чиновники, даже не имеющие никакого отношения к тюремному ведомству (например, начальник почтово-телеграфной конторы), пользовались каторжными для своего домашнего обихода в самых широких размерах, причем жалованья этой прислуге они не платили, и кормилась она на счет казны.

Отдача каторжных в услужение частным лицам находится в полном противоречии со взглядом законодателя на наказание: это — не каторга, а крепостничество, так как каторжный служит не государству, а лицу, которому нет никакого дела до исправительных целей или до идеи равномерности наказания; он — не ссыльнокаторжный, а раб, зависящий от воли барина и его семьи, угождающий их прихотям, участвующий в кухонных дрызгах. Становясь поселенцем, он является в колонии повторением нашего дворового человека, умеющего чистить сапоги и жарить котлеты, но неспособного к земледельческому труду, а потому и голодного, брошенного на произвол судьбы. Отдача же в услужение каторжных женщин, кроме всего этого, имеет еще свои специальные неудобства. Не говоря уже о том, что в среде подневольных фавориты и содержанки вносят всегда струю чего-то подлого, в высшей степени унижительного для человеческого достоинства, они в частности совершенно коверкают дисциплину. Мне один из священников рассказывал, что бывали случаи на Сахалине, когда женщина свободного состояния или солдат, будучи в прислугах,

должны были при известных обстоятельствах убирать и выносить после каторжной¹.

То, что в Александровске с важностью зовется «заводскою промышленностью», с внешней стороны обставлено красиво и шумно, но не имеет пока серьезного значения. В литейной мастерской, которою заведует механик-самоучка, я видел колокола, вагонные и тачечные колеса, ручную мельницу, машинку для ажурной работы, краны, приборы для печей и т. п., но все это производит игрушечное впечатление. Вещи прекрасны, но ведь сбыта нет никакого, а для местных надобностей было бы выгоднее приобретать их на материке или в Одессе, чем заводить свои локомобили и целый штат платных рабочих. Конечно, не было бы жаль никаких затрат, если бы мастерские здесь были школами, где каторжные учились бы мастерствам; на самом же деле в литейной и слесарной работают не каторжные, а опытные мастера поселенцы, состоящие на положении младших надзирателей, с жалованьем по 18 руб. в месяц. Здесь слишком заметно увлечение вещью; гремят колеса и молот и свистят локомобили только во имя качества вещи и сбыта ее; коммерческие и художественные соображения не имеют здесь никакого отношения к наказанию, а между тем на Сахалине, как и везде на каторге, всякое предприятие должно иметь свою ближайшую и отдаленную целью только одно — исправление преступника, и здешние

¹ Власов в своем отчете пишет: «Такое странное отношение лиц: офицера, каторжной в качестве его любовницы и солдата в роли ее кучера,— не может не вызвать удивления и сожаления». Говорят, что это зло допускается только ввиду невозможности иметь прислугу из лиц свободного состояния. Но это неправда. Во-первых, возможно ограничить количество прислуги; ведь находят же возможным офицеры иметь только по одному денщику. Во-вторых, чиновники здесь, на Сахалине, получают хорошее жалованье и могут нанимать себе прислугу из среды поселенцев, крестьян из ссыльных и женщин свободного состояния, которые в большинстве случаев нуждаются и потому не отказались бы от заработка. Мысль эта приходила, вероятно, и начальству, так как есть приказ, в котором одной поселке, как неспособной к земледельческому труду, разрешалось «приобретать средства к существованию наймом в прислуги у гг. чиновников» (приказ № 44-й 1889 г.).

мастерские должны стремиться к тому, чтобы сбывать на материк прежде всего не печные дверцы и не краны, а полезных людей и хорошо подготовленных мастеров.

Паровая мельница, лесопильня и кузница содержатся в отличном порядке. Люди работают весело потому, вероятно, что сознают производительность труда. Но и здесь работают главным образом специалисты, которые уже на родине были мельниками, кузнецами и проч., а не те, которые, живя на родине, не умели работать, ничего не знали и теперь больше чем кто-либо нуждаются в мельницах и кузницах, где бы их обучили и поставили на ноги ¹.

VI

Рассказ Егора

Доктор, у которого я квартировал, уехал на материк вскоре после увольнения от службы, и я поселился у одного молодого чиновника, очень хорошего человека. У него была только одна прислуга, старуха хохлушка, каторжная, и изредка, этак раз в день, навещался к нему каторжный Егор, дровотаск, который прислугою его не считался, но «из уважения» приносил дров, убирал помой на кухне и вообще исполнял обязанности, которые были не под силу ста-

¹ Мельница и слесарная находятся в одном здании и получают приводы от двух локобилей. В мельнице четыре постава с размолом в 1500 пуд. в день. В лесопильне работает старый локобиль, привезенный сюда еще кн. Шаховским; его топят опилками. В кузнице производится работа день и ночь, в две смены, работает шесть горнов. Всего занято в мастерской 105 человек. Каторжные в Александровске занимаются также добычей угля, но это дело едва ли будет иметь когда-нибудь успех. Уголь из местных копей гораздо хуже дуйского: он грязнее на вид и смешан со сланцем. Обходится он здесь не дешево, так как в шахтах работает постоянный штат рабочих под наблюдением особого горного инженера. Существование местных копей не вызывается необходимостью, так как до Дуэ недалеко, и от туда во всякое время можно получить превосходный уголь. Открыты они, впрочем, с доброю целью — дать в будущем заработок поселенцам.

рушке. Бывало, сидишь и читаешь, или пишешь что-нибудь, и вдруг слышишь какой-то шорох и пыхтенье, и что-то тяжелое ворочается под столом около ног; взглянешь — это Егор, босой, собирает под столом бумажки или вытирает пыль. Ему лет под сорок, и представляет он из себя человека неуклюжего, неповоротливого, как говорится, увальня, с простодушным, на первый взгляд глуповатым лицом и с широким, как у налима, ртом. Он рыжий, борода у него жидкая, глаза маленькие. На вопрос он сразу не отвечает, а сначала искоса посмотрит и спросит: «Чаво?» или: «Кого ты?» Величает вашим высокоблагородием, но говорит *ты*. Он не может сидеть без работы ни одной минуты и находит ее всюду, куда бы ни пришел. Говорит с вами, а сам ищет глазами, нет ли чего убрать или починить. Он спит два-три часа в сутки, потому что ему некогда спать. В праздники он обыкновенно стоит где-нибудь на перекрестке, в пиджаке поверх красной рубахи, выпятив вперед живот и расставив ноги. Это называется «гулять».

Здесь, на каторге, он сам построил себе избу, делает ведра, столы, неуклюжие шкафы. Умеет делать всякую мебель, но только «про себя», то есть для собственной надобности. Сам никогда не дрался и бит не бывал; только когда-то в детстве отец высек его за то, что горох стерег и петуха впустил.

Однажды у меня с ним происходил такой разговор:

— За что тебя сюда прислали? — спросил я.

— Чаво ты говоришь, ваше высокоблагородие?

— За что тебя прислали на Сахалин?

— За убийство.

— Ты расскажи мне с самого начала, как было дело.

Егор стал у косяка, заложил назад руки и начал:

— Ходили мы к барину Владимиру Михайлычу, рядились о дровах, о пилке и поставке на станцию. Хорошо. Порядились и пошли домой. Этак не далеко отошедши от села, послал меня народ в контору с условием — засвидетельствовать. Я был на лошади. По дороге к конторе Андрюха воротил меня: был большой разлив, нельзя было проехать. «Завтра, говорит,

я поеду в контору об земле своей рендовой и это условие засвидетельствую». Ладно. Отсюда пошли мы вместе: я на лошади, а кумпаня пешком. Дошли мы до Парахина. Мужики зашли закуривать к кабаку, мы с Андрюхой сзади остались на тротуаре около трактира. Он и говорит. «Нет ли у тебя, братко, пяточка? Выпить, говорит, хотно». А я ему. «Да ты, брат, говорю, такой человек: зайдешь выпить на пяточок, да тут и запьянничаешь». А он говорит: «Нет, не буду, выпью, да и пойду домой». Подошли к мужикам, сговорили на четверть, собрали на четверть, в кабак зашли, четверть водки купили. Сели за стол пить.

— Ты покороче,— замечаю я.

— Постой, не перебивай, ваше высокоблагородие. Роспили мы эту водку, вот он, Андрюха то есть, еще взял перцовки сороковку. По стакану налил себе и мне. Мы по стакану вместе с ним и выпили. Ну, вот тут пошли весь народ домой из кабака, и мы с ним сзади пошли тоже. Меня переломило верхом-то ехать, я слез и сел тут на бережку. Я песни пел да шутил. Разговору не было худого. Потом этого встали и пошли.

— Ты расскажи мне про убийство,— перебиваю я.

— Постой. Дома я лег и спал до утра, пока не разбудили: «Ступай, кто из вас побил Андрея»? Тут уж и Андрея привезли, и урядник приехал. Урядник стал допрашивать нас всех, никто мы не признаемся к этому делу. А Андрей еще живой был и говорит: «Ты, Сергуха, ударил меня стягом, а больше я ничего не помню». Сергуха не признается. Мы все так и думали, что Сергуха, и начали глядеть за ним, чтобы не сделал себе чего. Через сутки Андрей помер. Сергея и подучи там свои, сестра да тесть: «Ты, Сергей, не отпирайся, тебе все равно. Признавайся да подтягивай, кого ближе захватил. Тебе влегота будет». Как только что помер Андрей, мы весь народ и собрались к старосте и Сергея оповестили. Сергея допрашиваем, а он не признается. Потом пустили его к себе ночевать в свой дом. Некоторые его здесь стерегли, не сделал бы себе чего. У него тут ружьишко было. Опасно. Поутру хватились — его нет, тут соскопили

у него обыск делать, и по деревне искали, и в поле бегали, искали его. Потом уж пришли из стану и объявили, что Сергей уже там. Тут нас начали забирать. А Сергей, знаешь, прямо к становому да к уряднику, на коленки стал и говорит на нас, что Ефремовы дети уже года три нанимали побить Андриюху. «Дорогой, говорит, шли мы втроем — Иван, да Егор, да я — и сговорились вместе побить. Я, говорит, корчечкой ударил Андриюху, а Иван да Егор схватились бить его, а я испужался да назад, говорит, побежал, за задними мужиками». Потом нас — Ивана, Қиршу, меня и Сергея — забрали и в тюрьму в город.

— А кто такие Иван и Қирша?

— Братья мои родные. В тюрьму пришел купец Петр Михайлыч и взял нас на поруки. И были на поруках у него до покрова. Жили мы хорошо, сохранно. На другой день покрова нас судили в городе. У Қирши были свидетели — задние мужики выправили, а меня так, брат, и влопало. Я на суде говорил то, что тебе вот рассказываю, как есть, а суд не верит: «Тут все так говорят и глаза крестят, а все неправда». Ну, осудили, да в острог. В остроге жили под замком, но только был я парашечником, подметал камеры и обед подносил. Давали мне за это каждый по пайку хлеба в месяц. Фунта три будет с человека. Как слышали выход, телеграмму домой послали. Перед Николой было дело. Женка и брат Қирша приехали нас проведать и кое-чего тут привезли из платья, да и еще кое-чего... Женка плакала-выла, да ничего не поделаешь. Как поехала, я ей туда домой два пайка хлеба дал в гостинцы. Поплакали и поклон послали детям и всем крещеным. Дорогой мы были скованы нарушнями. По два человека шли. Я шел с Иваном. В Новгороде с нас карточки снимали, тут заковали нас и головы брили. Потом в Москву погнали. В Москве, когда сидели, на помилование прошение посылали. Как ехал в Одессу, не помню. Хорошо ехал. В Одессе нас спрашивали в докторской, скидывали одежду всю, оглядывали. Потом собрали нас и погнали на пароход. Тут казаки и солдаты нас рядом вели по ступенькам и посадили нас в нутро. Сидим на нарах, да и

все. Всяк на свое место. На верхней наре пять человек нас сидело. Сперва мы не понимали, а потом говорят: «Поехали, поехали!» Ехали, ехали, а потом начало качать. Жар такой, голые стояли народ. Кто блевал, а другой — ничего. Тут, конечно, больше лежали. А шторм горазд был. Во все стороны кидало. Ехали, ехали, потом и наехали. Нас так и толконуло. День туманливый. Сталось темно. Как толконуло, и установилось, качается, знашь, на скалах; думали, что рыбина это качает под низом, ворочает пароход¹. Наперед дергали, дергали — не сдернуть, да назад зачали дергать. Назад стали дергать посередке и проломило снизу. Начали парусом дыру затягивать; затягивали, затягивали — ничего способу нет. Вода накопилась до самого полу, где народ сидит, и стала под народ выходить вода на пол. Народ просит: «Не дайте погибнуть, ваше благородие!» И он сперва: «Не ломитесь, не проситесь, не дам погибнуть ничего». Потом стало накапливаться под нижние нары. Крещеные стали проситься да ломиться. Барин и говорит: «Ну, ребята, выпущу вас, только чтоб не бунтовать, а нет — всех перестреляю». Потом выпустил. Сделали богомоление, чтобы господь усмирил, не погибнуть бы. Молились на коленках. После богомоления выдавали нам галеты, сахар, и море засмирилось. На другой день стали вывозить народ на баржах на берег. На берегу было богомоление. Потом нас перегрузили на другое судно, турецкое², и привезли сюда, в Александровск. Сняли нас засветло на пристань, да тут долго нас продержали, и отправились мы с пристани уже в потемушках. Крещеные так плетнем и шли, а тут еще навалилась куриная слепота. Друг за дружку держатся; кто видит, а кто и нет — вот и цеплялись. Я за собой десяток крещеных вел. Пригнали в тюрьму на двор и стали разбирать по казармам, кого куда. Ужинали перед сном, что было у кого, а утром нам начали выдавать, что следует. Дня два отдыхали, на третий в баню, а на четвертый работать

¹ Речь идет о крушении «Костромы» у западного берега Сахалина в 1886 г

² Пароход Добровольного флота «Владивосток».

погнали. Перво-наперво копали канавы под здание, где лазарет теперь. Корчевали, обирали, копали и все прочее — этак неделю или две, а может, и с месяц. Потом мы возили бревна из-под Михайловки. Таском тащили версты за три и в груды у моста сваливали. Потом на огород погнали ямы для воды копать. А как наступил сенокос, стали собирать крещеных: спрашивают, кто косить умеет, — ну, кто признавался, того и писали. Выдали нам на всю артель хлеб, крупу, мясо и погнали с надзирателем на сенокос в Армуданы. Жил я ничего, бог здоровья давал, и косил я хорошо. Других надзиратель колотил, а я дурного слова не слыхивал. Ругается только народ, зачем бойко идешь, — ну, да ничего. В слободное время или когда дождь, я плел себе ступни. Люди спать с работы, а я сижу да плету. Ступни продавал, две порции говядины за ступни, а это четыре копейки стоит. Сенокос выставивши, пошли домой. Домой пришли, сняли нас в тюрьму. Потом взяли меня к поселенцу Сашке на Михайловку в работники. У Сашки я делал все по крестьянской работе: жал, убирал, молотил, картошку копал, а Сашка за меня в кóзну бревна возил. Ели все свое, что получали из кóзны. Отработал я два месяца и четыре дня. Обещал Сашка денег, да не дал ничего. Только и дал что пуд картошки. Привез меня Сашка в тюрьму и сдал. Выдали мне топор и веревку — дрова таскать. Семь печей отоплял. Я в юрте жил, за камарщика воду носил и подметал. У татарина-магзы¹ майдан сторожил. Как приду с работы, мне он свой майдан уверял, я продавал, а он мне за это пятнадцать копеек в сутки платил. Весной, когда дни стали подолже, я стал плести лапти. Брал по десять копеек. А летом рекой дрова гонял. Накопил я их кучу большую и потом этого продал жиду-банщику. Накопил я также лесу шестьдесят деревьев и продал по пятнадцати копеек. Вот и живу помаленьку, как бог дает. А только, ваше высокоблагородие, разговаривать мне с тобой некогда, надо по воду идти.

¹ Китаец-манза.

- В поселенцы скоро выйдешь?
- Лет через пять.
- Скучаешь по дому?
- Нет. Одно вот только — детей жалко. Глупы.
- Скажи, Егор, о чем ты думал, когда тебя в Одессе на пароход вели?
- Бога молил.
- О чем?
- Чтобы детям ума-разума послал.
- Отчего ты жену и детей не взял с собой на Сахалин?
- Потому что им и дома хорошо.

VII

Маяк.— Корсаковское.— Коллекция д-ра П. И. Супруненко.— Метеорологическая станция.— Климат Александровского округа.— Ново-Михайловка.— Потемкин.— Экс-палач Терский.— Красный Яр.— Бутаково.

Прогулки по Александровску и его окрестностям с почтовым чиновником, автором «Сахалино́», оставили во мне приятное воспоминание. Чаще всего мы ходили к маяку, который стоит высоко над долиной, на мысе Жонкиер. Днем маяк, если посмотреть на него снизу, — скромный белый домик с мачтой и с фонарем, ночью же он ярко светит в потемках, и кажется тогда, что каторга глядит на мир своим красным глазом. Дорога к домику поднимается круто, оборачиваясь спиралью вокруг горы, мимо старых лиственниц и елей. Чем выше поднимаешься, тем свободнее дышится; море раскидывается перед глазами, приходят мало-помалу мысли, ничего общего не имеющие ни с тюрьмой, ни с каторгой, ни с ссыльною колонией, и тут только сознаешь, как скучно и трудно живется внизу. Каторжные и поселенцы изо дня в день несут наказание, а свободные от утра до вечера говорят только о том, кого драли, кто бежал, кого поймали и будут драть; и странно, что к этим разговорам и интересам сам привыкаешь в одну неделю и, проснув-

шись утром, принимаешься прежде всего за печатные генеральские приказы — местную ежедневную газету, и потом целый день слушаешь и говоришь о том, кто бежал, кого подстрелили и т. п. На горе же, в виду моря и красивых оврагов, все это становится донельзя пошло и грубо, как оно и есть на самом деле.

Говорят, что по дороге на маяк когда-то стояли скамьи, но что их вынуждены были убрать, потому что каторжные и поселенцы во время прогулок писали на них и вырезывали ножами грязные пасквили и всякие сальности. Любителей так называемой заборной литературы много и на воле, но на каторге цинизм превосходит всякую меру и не идет в сравнение ни с чем. Здесь не только скамьи и стены задворков, но даже любовные письма отвратительны. Замечательно, что человек пишет и вырезывает на скамье разные мерзости, хотя в то же время чувствует себя потерянным, брошенным, глубоко несчастным. Иной уже старик и толкует, что ему свет постыл и умирать пора, у него жестокий ревматизм и плохо видят глаза, но с каким аппетитом произносит он без передышки извозчицью брань, растянутую в длинную вязь из всяких отборных ругательных слов и вычурную, как заклинание от лихорадки. Если же он грамотен, то в уединенном месте ему бывает трудно подавить в себе задор и удержаться от искушения нацарапать на стене хотя бы ногтем какое-нибудь запретное слово.

Около домика рвется на цепи злая собака. Пушка и колокол; говорят, что скоро привезут и поставят здесь ревун, который будет реветь во время туманов и нагонять тоску на жителей Александровска. Если, стоя в фонаре маяка, поглядеть вниз на море и на «Трех братьев», около которых пенятся волны, то кружится голова и становится жутко. Неясно виден Татарский берег и даже вход в бухту де-Кастри; смотритель маяка говорит, что ему бывает видно, как входят и выходят из де-Кастри суда. Широкое, сверкающее от солнца море глухо шумит внизу, далекий берег соблазнительно манит к себе, и становится грустно и тоскливо, как будто никогда уже не выберешься из этого Сахалина. Глядишь на тот берег, и кажется, что

будь я каторжным, то бежал бы отсюда непременно, несмотря ни на что.

За Александровском, вверх по течению Дуйки, следует селение *Корсаковское*. Основано оно в 1881 г. и названо так в честь М. С. Корсакова, бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири. Интересно, что на Сахалине дают названия селениям в честь сибирских губернаторов, смотрителей тюрем и даже фельдшеро́в, но совершенно забывают об исследователях, как Невельской, моряк Корсаков, Бошняк, Поляков и многие другие, память которых, полагаю, заслуживает большего уважения и внимания, чем какого-нибудь смотрителя Дербина, убитого за жестокость¹.

В Корсаковке жителей 272: 153 м. и 119 ж. Всех хозяев 58. По составу своих хозяев, из которых 26 имеют крестьянское звание и только 9 — каторжные, по количеству женщин, сенокоса, скота и проч. Корсаковка мало отличается от зажиточной Александровской слободки, 8 хозяев имеют по два дома, и на каждые 9 домов приходится одна баня. Лошадей имеют 45 хозяев, коров 4—9. Многие из них имеют по 2 лошади и по 3—4 коровы. По количеству старожилов Корсаковка занимает на Северном Сахалине едва ли не первое место — 43 хозяина сидят на своих участках с самого основания селения. Переписывая жителей, я встретил 8 человек, которые прибыли на Сахалин до 1870 г., а один из них прислан даже в 1866 г. А высокий процент старожилов в колонии — это добрый знак.

Внешностью своею Корсаковка до обмана похожа на хорошую русскую деревушку и притом глухую,

¹ Для ссыльной колонии до настоящего времени больше всех сделали, в смысле ее созидания и ответственности за нее, два человека: М. С. Мицуль и М. Н. Галкин-Враский. В честь первого названо маленькое селение из десяти дворов, бедное и недолговечное, а в честь второго — селение, которое уже имело старое и прочное местное название Сянцы, так что только на бумагах, да и то не на всех, оно называется Галкино-Враское. Между тем имя М. С. Корсакова носят на Сахалине селение и большой пост не за какие-либо особенные заслуги или жертвы, а только потому, что он был генерал-губернатором и мог нагнать страху.

которой еще не коснулась цивилизация. Я тут был в первый раз в воскресенье после обеда. Была тихая, теплая погода, и чувствовался праздник. Мужики спали в тени или пили чай; у ворот и под окнами бабы искали друг у друга в головах. В палисадниках и в огородах цветы, в окнах герань. Много детей, все на улице и играют в солдаты или в лошадки и возятся с сытыми собаками, которым хочется спать. А когда пастух, старый бродяга, пригнал стадо больше чем в полтораста голов и воздух наполнился летними звуками,—мычанье, хлопанье бича, крик баб и детей, загоняющих телят, глухие удары босых ног и копыт по пыльной унавоженной дороге,—и когда запахло молоком, то иллюзия получилась полная. И даже Дуйка здесь привлекательна. Местами течет она по задворкам, мимо огородов; тут берега у нее зеленые, поросшие тальником и осокой; когда я видел ее, на ее совершенно гладкую поверхность ложились вечерние тени; она была тиха и, казалось, дремала.

Здесь, как и в богатой Александровской слободке, мы находим высокий процент старожилов, женщин и грамотных, большое число женщин свободного состояния и почти ту же самую «историю прошлого», с тайною продажей спирта, кулачеством и т. п.; рассказывают, что в былое время тут в устройстве хозяйств также играл заметную роль фаворитизм, когда начальство легко давало в долг и скот, и семена, и даже спирт, и тем легче, что корсаковцы будто бы всегда были политиканами и даже самых маленьких чиновников величали вашим превосходительством. Но в отличие от Александровской слободки здесь главной причиной зажиточности являются все-таки не продажа спирта, не фаворитизм или близость сахалинского Парижа, а несомненные успехи в хлебопашестве. В то время как в слободке четверть хозяев обходится без пахотной земли, а другая четверть имеет ее очень мало, здесь, в Корсаковке, все хозяева пашут землю и сеют зерновые хлеба; там половина хозяев обходится без скота и все-таки сыта, здесь же почти все хозяева находят нужным держать скот. По многим причинам нельзя относиться к сахалинскому земле-

делию иначе как скептически, но что оно в Корсаковке поставлено серьезно и дает сравнительно хорошие результаты, признать необходимо. Нельзя же ведь допустить, чтобы корсаковцы бросали ежегодно в землю две тысячи пудов зерна только из упрямства или из желания угодить начальству. У меня нет точных цифр относительно урожаев, а показаниям самих корсаковцев верить нельзя, но по некоторым признакам, как, например, большое количество скота, внешняя обстановка жизни и то, что здешние крестьяне не торопятся уезжать на материк, хотя давно уже имеют на это право, следует заключить, что урожаи здесь не только кормят, но и дают некоторый избыток, располагающий поселенца к оседлой жизни.

Почему корсаковцам удается хлебопашество, в то время как жители соседних селений терпят крайнюю нужду от целого ряда неудач и уже отчаялись кормиться когда-либо своим хлебом, объяснить нетрудно. Там, где расположилась Корсаковка, долина реки Дуйки наиболее широка, и корсаковцы уже с самого начала, когда садились на участки, имели в своем распоряжении громадную площадь земли. Они могли не только брать, но и выбирать. В настоящее время 20 хозяев имеют под пашней от 3 до 6 и редко кто меньше 2 десятин. Если читатель пожелает сравнить здешние участки с нашими крестьянскими наделами, то он должен еще иметь в виду, что пахотная земля здесь не ходит под паром, а ежегодно засеивается вся до последнего вершка, и потому здешние две десятины в количественном отношении стоят наших трех. Пользование исключительно большими участками земли и составляет весь секрет успеха корсаковцев. При сахалинских урожаях, колеблющихся в среднем между сам-друг и сам-три, земля может дать достаточно хлеба только при одном условии: когда ее много. Много земли, много семян и дешевый, ничего не стоящий труд. В те годы, когда зерновой хлеб совсем не родится, корсаковца выручают овощи и картофель, которые занимают здесь тоже солидную площадь — 33 десятины.

Недавно существующая ссыльная колония со своим маленьким подвижным населением еще не созрела для статистики; при том скудном цифровом материале, какой она до сих пор успела дать, волей-неволей приходится строить свои выводы лишь на одних намеках и догадках при всяком подходящем случае. Если не бояться упрека в поспешности вывода и данными, относящимися к Корсаковке, воспользоваться для всей колонии, то, пожалуй, можно сказать, что при ничтожных сахалинских урожаях, чтобы не работать в убыток и быть сытым, каждый хозяин должен иметь более двух десятин пахотной земли, не считая сенокосов и земли под овощами и картофелем. Установить более точную норму в настоящее время невозможно, но, по всей вероятности, она равняется четырем десятинам. Между тем, по «Отчету о состоянии сельского хозяйства в 1889 году», на Сахалине на каждого владельца приходится пахотной земли в среднем только полдесятины (1555 кв. саж.).

В Корсаковке есть дом, который своими размерами, красною крышей и уютным садом напоминает помещицью усадьбу средней руки. Хозяин этого дома, заведующий медицинской частью, д-р П. И. Супруненко, уехал весною, чтоб экспонировать на тюремной выставке и потом навсегда остаться в России, и в опустевших комнатах я застал только остатки роскошной зоологической коллекции, собранной доктором. Я не знаю, где теперь эта коллекция и кто изучает по ней фауну Сахалина, но по немногим оставшимся экземплярам, в высшей степени изящным, и по рассказам я мог судить о богатстве коллекции и о том, сколько знания, труда и любви затрачено доктором Супруненко на это полезное дело. Он начал собирать коллекцию в 1881 г. и за десять лет успел собрать почти всех позвоночных, встречаемых на Сахалине, а также много материала по антропологии и этнографии. Его коллекция, если б она осталась на острове, могла бы послужить основанием для превосходного музея.

При доме находится метеорологическая станция. До последнего времени она находилась в ведении д-ра Супруненко, теперь же заведует ею инспектор

сельского хозяйства. При мне наблюдения производил писарь, ссыльнокаторжный Головацкий, толковый и обязательный человек, снабдивший меня метеорологическими таблицами. Уже можно сделать вывод из наблюдений за девять лет, и я постараюсь дать некоторое понятие о климате Александровского округа. Владивостокский городской голова как-то сказал мне, что у них во Владивостоке и вообще по всему восточному побережью «нет никакого климата», про Сахалин же говорят, что климата здесь нет, а есть дурная погода, и что этот остров — самое ненастное место в России. Не знаю, насколько верно последнее; при мне было очень хорошее лето, но метеорологические таблицы и краткие отчеты других авторов дают в общем картину необычайного ненастья. Климат Александровского округа морской и отличается своим непостоянством, то есть значительными колебаниями средней температуры года¹, числа дней с осадками и проч.; низкая средняя температура года, громадное количество осадков и пасмурных дней составляют его главные особенности. Для сравнения я возьму средние месячные температуры Александровского округа и Череповецкого уезда, Новгородской губернии, где «суровый, сырой, непостоянный и неблагоприятный для здоровья климат»: ²

	Алекс. окр.	Черепов. уезд
Январь	— 18,9	— 11,0
Февраль	— 15,1	— 8,2
Март	— 10,1	— 1,8
Апрель	+ 0,1	+ 2,8
Май	+ 5,9	+ 12,7
Июнь	+ 11,0	+ 17,5
Июль	+ 16,3	+ 18,5

¹ Средняя температура года колеблется между +1,2 и —1,2; число дней с осадками между 102 и 209; тихих безветренных дней в 1881 г. было только 35, в 1884 г. в три раза больше — 112.

² П. Грязнов, «Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда», 1880 г. Градусы по Реомюру у г. Грязнова я перевожу на Цельсия.

Август	+ 17,0	+ 13,5
Сентябрь	+ 11,4	+ 6,8
Октябрь	+ 3,7	+ 1,8
Ноябрь	— 5,5	— 5,7
Декабрь	— 13,8	— 12,8

Средняя годовая температура в Александровском округе равна $+0,1$, то есть почти 0, а в Череповецком уезде $+2,7$. Зима в Александровском округе суровее, чем в Архангельске, весна и лето — как в Финляндии, и осень — как в Петербурге, средняя годовая температура — как в Соловецких островах, где она тоже равна нулю. В долине Дуйки наблюдается вечная мерзлота. Поляков нашел ее 20 июня на глубине $\frac{3}{4}$ аршина. Он же 14 июля нашел под кучами мусора и в ложбинах около гор снег, который растаял только в конце июля. 24 июля 1889 г. на горах, которые здесь невысоки, выпал снег и все нарядились в шубы и тулупы. Вскрытия Дуйки за 9 лет наблюдались: самое раннее 23 апреля и самое позднее 6 мая. За все девять зим ни разу не было оттепели. 181 день в году бывает мороз и в 151 — дует холодный ветер. Все это имеет важное практическое значение. В Череповецком уезде, где лето теплее и продолжительнее, по Чернову, не могут хорошо вызреть греча, огурцы и пшеница, а в Александровском округе, по свидетельству здешнего инспектора сельского хозяйства, ни в один год не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полного вызревания овса и пшеницы.

Наибольшего внимания со стороны агронома и гигиениста заслуживает здешняя чрезмерная влажность. В году бывает дней с осадками в среднем 189: 107 со снегом и 82 с дождем (в Череповецком уезде 81 день с дождем и 82 со снегом). Небо по целым неделям бывает сплошь покрыто свинцовыми облаками, и безотрадная погода, которая тянется изо дня в день, кажется жителям бесконечною. Такая погода располагает к угнетающим мыслям и унылому пьянству. Быть может, под ее влиянием многие холодные люди стали жестокими и многие добряки и слабые духом, не видя по целым неделям и даже месяцам солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую

жизнь. Поляков пишет про июнь 1881 г., что не было ни одного ясного дня в течение всего месяца, а из отчета инспектора сельского хозяйства видно, что за четырехлетний период в промежуток от 18 мая по 1 сентября число ясных дней в среднем не превышает восьми. Туманы здесь довольно частое явление, особенно на море, где они представляют для моряков настоящее бедствие; соленые морские туманы, как говорят, действуют разрушающим образом на прибрежную растительность, и на деревья, и на луга. Ниже я буду говорить о селениях, жители которых, благодаря главным образом этим туманам, уже перестали сеять зерновые хлеба и всю свою пахотную землю пускают под картофель. Однажды в ясную солнечную погоду я видел, как с моря надвигалась стена тумана совершенно белого, молочного цвета; походило на то, как будто с неба на землю опустился белый занавес.

Метеорологическая станция снабжена инструментами, проверенными и приобретенными в главной физической обсерватории в Петербурге. Библиотеки при ней нет. Кроме вышеупомянутого писаря Головацкого и его жены, на станции я еще записал шесть работников и одну работницу. Что они тут делают, не знаю.

В Корсаковке есть школа и часовня. Был и больничный околоток, где вместе помещались 14 сифилитиков и 3 сумасшедших; один из последних заразился сифилисом. Говорят также, что сифилитики приготавливали для хирургического отделения морской канат и корпию. Но я не успел побывать в этом средневековом учреждении, так как в сентябре оно было закрыто молодым военным врачом, исправлявшим временно должность тюремного врача. Если бы здесь сумасшедших сожигали на кострах по распоряжению тюремных врачей, то и это не было бы удивительно, так как местные больничные порядки отстали от цивилизации по крайней мере лет на двести.

В одной избе уже в сумерках я застал человека лет сорока, одетого в пиджак и в брюки навыпуск; бритый подбородок, грязная, некрахмаленная сорочка, подобие галстука — по всем видимостям при-

вилегированный. Он сидел на низкой скамеечке и из глиняной чашки ел солонину и картофель. Он назвал свою фамилию с окончанием на *кий*, и мне почему-то показалось, что я вижу перед собой одного бывшего офицера, тоже на *кий*, который за дисциплинарное преступление был прислан на каторгу.

— Вы бывший офицер? — спросил я.

— Никак нет, ваше высокоблагородие, я священник.

Не знаю, за что его прислали на Сахалин, да и не спрашивал я об этом; когда человек, которого еще так недавно звали отцом Иоанном и батюшкой и которому целовали руку, стоит перед вами навытяжку, в жалком поношенном пиджаке, то думаешь не о преступлении. В другой избе я наблюдал такую сцену. Молодой каторжный, брюнет с необыкновенно грустным лицом, одетый в щегольскую блузу, сидит у стола, подперев голову обеими руками, хозяйка каторжная убирает со стола самовар и чашки. На мой вопрос, женат ли он, молодой человек отвечает, что за ним на Сахалин прибыла добровольно его жена с дочерью, но что вот уже два месяца, как она уехала с ребенком в Николаевск и не возвращается, хотя он послал ей уже несколько телеграмм. «И не вернется,— говорит хозяйка с каким-то злорадством.— Что ей тут делать? Сахалина твоего не видала, что ли? Легко ли дело!» Он молчит, а она опять: «И не вернется. Баба она молодая, вольная,— чего ей? Залетела, как птица,— и была такова, ни слуху ни духу. Вот не то, что я да ты. Не убивала бы я мужа, а ты бы не поджигал, и мы тоже были бы теперь вольные, а теперь вот сиди и жди ветра в поле, свою женушку, да пускай вот твое сердце кровью обливается...» Он страдает, на душе у него, по-видимому, свинец, а она пилит его и пилит; выхожу из избы, а голос ее все слышно.

В Корсаковке вместе со мной ходил по избам каторжный Кисляков, довольно странный человек. Судебные репортеры, вероятно, еще не забыли его. Это тот самый Кисляков, из военных писарей, который в Петербурге на Николаевской убил молотком свою

жену и сам явился к градоначальнику объявить о своем преступлении. По его рассказу, жена у него была красавица и он очень любил ее, но как-то раз, повздорив с ней, он поклялся перед образом, что убьет ее, и с этого времени до самого убийства какая-то невидимая сила не переставала шептать ему на ухо: «Убей, убей!» До суда он сидел в больнице св. Николая; вероятно, поэтому сам считает себя психопатом, так как не раз просил меня похлопотать о том, чтобы его признали сумасшедшим и заточили в монастырь. Вся его каторга заключается в том, что в тюрьме ему поручено делать колышки для прикрепления привесков к хлебным порциям — работа, кажется, нетрудная, но он нанимает вместо себя другого, а сам «дает уроки», то есть ничего не делает. Одет он в пиджачный костюм из парусинки и наружность имеет благообразную. Парень недалекий, но говорун и философ. «Где блохи, там и дети», — говорил он сладким бархатным баритоном всякий раз при виде детей. Когда спрашивали при нем, зачем я делаю перепись, он говорил: «Затем, чтобы всех нас отправить на луну. Знаешь, где луна?» А когда мы поздно вечером возвращались пешком в Александровск, он несколько раз, что называется, ни к селу ни к городу, повторил: «Мечь есть самое благородное чувство».

Дальше вверх по Дуйке следует селение *Ново-Михайловское*, основанное в 1872 г. и названное так потому, что Мицуля звали Михаилом. У многих авторов оно называется Верхним Урочищем, а у здешних поселенцев — Пашней. Жителей в селении 520: 287 м. и 233 ж. Хозяев 133, и из них двое имеют совладельцев. Пахотные участки показаны в подворной описи у всех хозяев, крупный скот имеется у 84, но тем не менее все-таки избы, за немногими исключениями, поражают свою бедностью, и жители в один голос заявляют, что на Сахалине не проживешь «никаким родом». Рассказывают, что в прежние годы, когда бедность в Ново-Михайловке была вопиющая, из селения вела в Дуэ тропинка, которую протоптали каторжные и свободные женщины, ходившие в Дуйскую и Воеводскую тюрьмы продавать себя арестантам за медные

гроши. Могу удостоверить, что тропинка эта не заросла еще и до сих пор. Те из жителей, которые, подобно корсаковцам, имеют большие пахотные участки, от 3 до 6 и даже 8 десятин, не бедствуют, но таких участков мало и с каждым годом становится все меньше и меньше, и в настоящее время больше половины хозяев владеют участками от $\frac{1}{8}$ до $1\frac{1}{2}$ дес., а это значит, что хлебопашество дает им одни только убытки. Хозяева-старожилы, искушенные опытом, сеют только ячмень и свои пахотные участки стали пускать под картофель.

Земля здесь не служит приманкой и не располагает к оседлой жизни. Из тех хозяев, которые сели на участки в первые четыре года после основания селения, не осталось ни одного; с 1876 г. сидят 9, с 1877 г.—7, с 1878 г.—2, с 1879 г.—4, а все остальные — новички.

В Ново-Михайловке телеграфная станция, школа, казарма для богадельщиков и остов недостроенной деревянной церкви. Есть пекарня, где пекут хлеб для каторжных, занятых дорожными работами в районе Ново-Михайловки; пекут, должно быть, без всякого контроля со стороны начальства, так как хлеб здесь отвратительный.

Каждому проезжающему через Ново-Михайловку не миновать познакомиться с живущим здесь крестьянином из ссыльных Потемкиным. Когда на Сахалин приезжает какое-нибудь важное лицо, то Потемкин подносит ему хлеб-соль; когда хотят доказать, что сельскохозяйственная колония удалась, то указывают обыкновенно на Потемкина. В подворной описи у него показано 20 лошадей и 9 голов рогатого скота, но говорят, что лошадей у него вдвое больше. Он имеет лавочку, и есть у него еще лавочка в Дуэ, где торгует его сын. Впечатление производит он делового, умного и зажиточного раскольника. В комнатах у него чисто, стены оклеены обоями и есть картина: *Мариенбад, морские купанья близ Либавы*. Сам он и его жена-старушка степенны, рассудительны и в разговоре политичны. Когда я пил у него чай, то он и его жена говорили мне, что жить на Сахалине можно и земля

хорошо родит, но что все горе в том, что нынче народ обленился, избаловался и не старается. Я спросил его: правду ли говорят, что он угощал одну важную особу арбузами и дынями из собственных огородов? Он не моргнув глазом и ответил: «Это точно, дыни здесь, случается, поспевают»¹.

В Ново-Михайловке проживает еще одна сахалинская знаменитость — поселенец Терский, бывший палач. Он кашляет, держится за грудь бледными, костлявыми руками и жалуется, что у него живот надорван. Стал он чахнуть с того дня, как по приказанию начальства за какую-то провинность был наказан теперешним александровским палачом Комелевым. Комелев так постарался, что «чуть души не вышиб». Но скоро провинился в чем-то Комелев — и наступил праздник для Терского. Этот дал себе волю и в отместку отодрал коллегу так жестоко, что у того, по рассказам, до сих пор гноится тело. Говорят, что если двух ядовитых пауков посадить в одну банку, то они заедят друг друга до смерти.

До 1888 г. Ново-Михайловка была последним селением по Дуйке, теперь же есть еще *Красный Яр* и *Бутаково*. К этим селениям от Ново-Михайловки проводят дорогу. Первую половину пути к Красному Яру, версты три, мне пришлось ехать по новой, гладкой и прямой, как линейка, дороге, а вторую по живописной тайговой просеке, на которой пни уже выкорчеваны и езда легка и приятна, как по хорошей проселочной дороге. Крупные строевые экземпляры деревьев по пути почти везде уже срублены, но тайга все еще внушительна и красива. Березы, осины, тополи, ивы, ясени, бузина, черемуха, таволга, боярышник, а между ними трава в рост человека и выше; гигантские папоротники и лопухи, листья которых имеют более аршина в диаметре, вместе с кустарниками и де-

¹ Потемкин прибыл на Сахалин уже богатым. Д-р Августинович, видевший его через три года после его прибытия на Сахалин, пишет, что «лучше всех дом ссыльного Потемкина». Если за трехлетний период каторжный Потемкин успел построить себе хороший дом, завести лошадей и выдать дочь за сахалинского чиновника, то, я думаю, сельское хозяйство тут ни при чем.

ревьями сливаются в густую непроницаемую чашу, дающую приют медведям, соболям и оленям. По обе стороны, где кончается узкая долина и начинаются горы, зеленою стеной стоят хвойные леса из пихт, елей и лиственниц, выше их опять лиственный лес, а вершины гор лысы или покрыты кустарником. Таких громадных лопухов, как здесь, я не встречал нигде в России, и они-то главным образом придают здешней чаще, лесным полянам и лугам оригинальную физиономию. Я уже писал, что ночью, особенно при лунном свете, они представляются фантастическими. В этом отношении декорацию пополняет еще одно великолепное растение из семейства зонтичных, которое, кажется, не имеет на русском языке названия: прямой ствол вышиною до десяти футов и толщиной в основании три дюйма, пурпурово-красный в верхней части, держит на себе зонтик до одного фута в поперечнике; около этого главного зонтика группируются 4—6 зонтов меньшего размера, придающие растению вид канделябра. По-латыни это растение называется *angelophyllum ursinum*^{1*}.

Красный Яр существует только второй год. В нем одна широкая улица, но дороги еще нет, и от избы к избе ходят по кочкам, по кучам глины и стружкам и прыгают через бревна, пни и канавы, в которых застоялась коричневая вода. Избы еще не готовы. Один хозяин делает кирпичи, другой мажет печку, третий тащит через улицу бревно. Всех хозяев 51. Из них трое — и между ними китаец Пен-Оги-Цой — побросали свои начатые избы, ушли, и неизвестно никому, где они теперь. А кавказцы, их здесь семеро, уже прекратили работы, сбились все в одну избу и жмутся от холода, хотя еще только 2 августа. Что селение

¹ Большинству авторов здешний пейзаж не нравится. Это оттого, что они приезжали на Сахалин, находясь еще под свежим впечатлением цейлонской и японской или амурской природы, и оттого, что они начинали с Александровска и Дуэ, где природа в самом деле жалка. Виновата в этом и здешняя погода. Как бы ни был красив и оригинален сахалинский пейзаж, но если он по неделям прячется в тумане или в дожде, то трудно оценить его по достоинству.

* медвежий корень (лат.).

еще молодо и едва начинает свою жизнь, видно также из цифр. Жителей 90, причем мужчины относятся к женщинам, как 2 к 1; законных семей — 3, а свободных — 20, и детей до пятилетнего возраста только 9. Лошадей имеют 3 хозяина, коров — 9. В настоящее время все хозяева получают арестантский паек, но чем они будут питаться впоследствии, пока неизвестно; на хлебопашество же во всяком случае надежды плохие. До сих пор успели найти и раскорчевать под пашню и картофель только $24\frac{1}{4}$ дес., то есть меньше чем $\frac{1}{2}$ дес. на хозяйство. Сенокосов нет вовсе. А так как долина здесь узка и с обеих сторон стиснута горами, на которых ничего не родится, и так как администрация не останавливается ни перед какими соображениями, когда ей нужно сбыть с рук людей, и, наверно, ежегодно будет сажать сюда на участки десятки новых хозяев, то пахотные участки останутся такими же, как теперь, то есть в $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ дес., а пожалуй, и меньше. Я не знаю, кто выбирал место для Красного Яра, но по всему видно, что это возложено было на людей некомпетентных, никогда не бывавших в деревне, а главное, меньше всего думавших о сельскохозяйственной колонии. Тут даже порядочной воды нет. Когда я спросил, откуда берут воду для питья, то мне указали на канаву.

Все избы здесь на одинаковый фасон, двухоконные, строятся из плохого и сырого леса, с единственным расчетом — отбыть как-нибудь поселенческий срок и уехать на материк. Контроля над постройками со стороны администрации нет, вероятно, по той причине, что между чиновниками нет ни одного, который знал бы, как нужно строить избы и класть печи. По штату, впрочем, на Сахалине полагается архитектор, но при мне его не было, да и заведует он, кажется, одними только казенными постройками. Веселее и приветливее всех смотрит казенный дом, где живет надзиратель Убиенных, маленький, тщедушный солдатик, с выражением, которое вполне подходит к его фамилии; на лице у него в самом деле что-то убиенное, горько-недоумевающее. Быть может, это оттого, что с ним в одной комнате живет высокая и полная по-

селка, его сожительница, подарившая его многочисленным семейством. Он состоит уже на старшем надзирательском окладе, и вся служба его заключается только в докладах приезжающим, что все на этом свете обстоит благополучно. Но и ему не нравится Красный Яр и хочется вон из Сахалина. Он меня спрашивал: пустят ли его сожительницу с ним вместе, когда он выйдет в запас и пойдет на материк? Этот вопрос его очень беспокоит.

В Бутакове¹ я не был. По данным подворной описи, часть которых я мог проверить и дополнить по исповедной книге священника, всех жителей там 39. Взрослых женщин только 4. Хозяев 22. Готовы пока 4 дома, а у остальных хозяев стоят еще срубы. Земли под пашней и картофелем всего 4½ дес. Скота и птицы пока нет еще ни у одного хозяина.

Покончив с долиной Дуйки, перехожу к небольшой речке Аркай, на которой стоят три селения. Избрана долина Аркай для поселений не потому, чтобы она была лучше других исследована или удовлетворяла потребностям колонии, а просто случайно, только потому, что она находится к Александровску ближе других долин.

VIII

Река Аркай.— Арковский кордон.— Первое, Второе и Третье Арково.— Арковская долина.— Селения по западному побережью: Мгачи, Танги, Хоз, Трамбаус, Виакты и Ванги.— Туннель — Кабельный домик.— Дуэ.— Казармы для семейных.— Дуйская тюрьма.— Каменноугольные копи.— Воеводская тюрьма.— Прикованные к тачкам.

Речка Аркай впадает в Татарский пролив, верст на 8—10 севернее Дуйки. Еще недавно она была настоящей рекой и в ней ловили рыбу горбушу, теперь же, вследствие лесных пожаров и порубок, она обмелела и к лету пересыхает совершенно. Впрочем, во время сильных дождей она разливается по-весеннему,

¹ Названо так селение в честь А. М. Бутакова, начальника Тымовского округа.

бурно и шумно, и тогда дает себя знать. Уже случилось не раз, что она смывала с берегов огороды и уносила в море сено и весь поселенческий урожай. Уберечься от такой беды невозможно, так как долина узка и уйти от реки можно только на горы¹.

У самого устья Аркая при повороте на долину стоит гиялецкая деревушка Аркай-во, давшая название арковскому кордону и трем селениям: Первому, Второму и Третьему Арково. Из Александровска в арковскую долину ведут две дороги: одна — горная, по которой при мне не было проезда, так как во время лесных пожаров на ней сгорели мосты, и другая — по берегу моря; по этой последней езда возможна только во время отлива. В первый раз я выехал к Аркаю 31 июля в 8 часов утра. Отлив начинался. Пахло дождем. Пасмурное небо, море, на котором не видать ни одного паруса, и крутой глинистый берег были суровы; глухо и печально шумели волны. С высокого берега смотрели вниз чахлые, больные деревья; здесь на открытом месте каждое из них в одиночку ведет жестокую борьбу с морозами и холодными ветрами, и каждому приходится осенью и зимой, в длинные страшные ночи, качаться неугодноно из стороны в сторону, гнуться до земли, жалобно скрипеть, — и никто не слышит этих жалоб.

Арковский кордон находится около гиялецкой деревушки. Прежде он имел значение сторожевого пункта, в нем жили солдаты, которые ловили беглых, теперь же здесь живет надзиратель, исполняющий должность, кажется, смотрителя поселений. Верстах в двух

¹ Лет пять назад один важный человек, беседуя с поселенцами о сельском хозяйстве и давая им советы, сказал, между прочим: «Имейте в виду, что в Финляндии сеют хлеб по склонам гор». Но Сахалин — не Финляндия, климатические, а главным образом почвенные условия исключают какую бы то ни было культуру на здешних горах. Инспектор сельского хозяйства в своем отчете советует завести овец, которые могли бы «с выгодой использовать те скудные, но многочисленные выгоны по склонам гор, на которых крупный скот не наедается». Но совет этот не имеет практического значения, так как овцы могли бы «использовать» выгоны только в течение короткого лета, а в длинную зиму они околевали бы с голоду.

от кордона расположилось *Первое Арково*. Оно имеет одну только улицу и благодаря условиям места может расти только в длину, но не в ширину. Когда со временем все три Арково сольются вместе, то Сахалин будет иметь очень большое село, состоящее из одной только улицы. Основано Первое Арково в 1883 г. Жителей 136: 83 м. и 53 ж. Хозяев 28, и все они живут семейно, кроме каторжной Павловской, католички, у которой недавно умер сожитель, настоящий хозяин дома; она убедительно просила меня: «Назначь мне хозяина!» Трое имеют по два дома. *Второе Арково* основано в 1884 г. В нем жителей 92: 46 м. и 46 ж. Хозяев 24, все живут семейно. Из них двое имеют по два дома. *Третье Арково* основано одновременно со Вторым, и из этого видно, как спешили заселить арковскую долину. Жителей 41: 19 м. и 22 ж. Хозяев 10, и при них один совладелец. Семейно живут 9.

В трех Арково пахотная земля показана у всех хозяев и величина участков колеблется между $\frac{1}{2}$ и 2 дес. У одного показано 3 дес. Сеют в немалом количестве пшеницу, ячмень и рожь, сажают картофель. У большинства есть скот и домашняя птица. Если судить по данным подворной описи, собранным смотрителем поселений, то можно прийти к выводу, что все три Арково в короткий срок своего существования значительно преуспели в сельском хозяйстве; недаром один анонимный автор пишет про здешнее земледелие: «Труд этот с избытком вознаграждается благодаря почвенным условиям этой местности, которые весьма благоприятны для земледелия, что сказывается в силе лесной и луговой растительности». На самом же деле это не так. Все три Арково принадлежат к беднейшим селениям Северного Сахалина. Здесь есть пахотная земля, есть скот, но ни разу не было урожая. Помимо неблагоприятных условий, общих для всего Сахалина, здешние хозяева встречают серьезного врага еще в особенностях арковской долины и прежде всего в почве, которую так хвалит только что цитированный автор. Почва здесь вершковый слой перегоя, а подпочва — галька, которая

в жаркие дни нагревается так сильно, что сушит корни растений, а в дождливую пору не пропускает влаги, так как лежит на глине; от этого корни гниют. На такой почве, по-видимому, без вреда для себя могут уживаться только растения с крепкими, глубоко сидящими корнями, как, например, лопухи, а из культурных только корнеплоды, брюква и картофель, для которых к тому же почва обрабатывается лучше и глубже, чем для злаков. О бедствиях, причиняемых рекой, я уже говорил. Сенокосов совсем нет, сено косят на клочках в тайге или жнут его серпами где попадется, а кто побогаче, те покупают его в Тымовском округе. Рассказывают про целые семьи, которые в течение зимы не имели ни куска хлеба и питались одною только брюквой. Незадолго до моего приезда во Втором Аркове умер с голода поселенец Скорин. По рассказам соседей, он в продолжение трех дней съедал только один фунт хлеба, и так очень долгое время. «Всех нас ждет та же участь», — говорили мне соседи, напуганные его смертью. Описывая свое житье-бытье, помню, три женщины принимались плакать. В одной избе без мебели, с темною унылою печью, занимавшею полкомнаты, около бабы-хозяйки плакали дети и пищали цыплята; она на улицу — дети и цыплята за ней. Она, глядя на них, смеется и плачет, и извиняется передо мной за плач и писк; говорит, что это с голоду, что она ждет не дождется, когда вернется муж, который ушел в город продавать голубику, чтобы купить хлеба. Она рубит капустные листья и дает цыплятам, те с жадностью бросаются и, обманутые, поднимают еще больший писк. В одной избе помещается мужик, мохнатый, как паук, с нависшими бровями, каторжный, грязный, и с ним другой такой же мохнатый и грязный; у обоих большие семьи, а в избе, как говорится, срамота и злыдни — даже гвоздя нет. А кроме плача, писка и таких фактов, как смерть Скорина, сколько всякого рода косвенных выражений нужды и голода! В Третьем Аркове изба поселенца Петрова стоит заперта, потому что сам он «отправлен за нерадение к хозяйству и самовольный зарез на мясо телка в Воеводскую

тюрьму, где и находится». Очевидно, теленок зарезан из нужды и продан в Александровске. Семена, взятые из казны в долг для посева, значатся в подворной описи посеянными, на самом же деле они наполовину съедены, и сами поселенцы в разговоре не скрывают этого. Скот, какой есть, взят из казны в долг и кормится на казенный счет. Чем дальше в лес, тем больше дров: все арковцы должны, задолженность их растет с каждым новым посевом, с каждою лишнею головой скота, а у некоторых она простирается уже до неоплатной цифры — двух- и даже трехсот рублей на душу.

Между Вторым и Третьим Арково находится *Арковский Станок*, где меняют лошадей, когда едут в Тымовский округ. Это почтовая станция или постоянный двор. Если мерить на наш русский аршин, то, при здешней довольно скромной гоньбе, достаточно было бы на Станке двух-трех работников при одном надзирателе. Но на Сахалине любят все на широкую ногу. Кроме надзирателя, на Станке живут еще писарь, рассыльный, конюх, два хлебопека, три дровотаска и еще четыре работника, которые на вопрос, что они тут делают, ответили мне: «Ношу сено».

Если художнику-пейзажисту случится быть на Сахалине, то рекомендую его вниманию арковскую долину. Это место, помимо красоты положения, чрезвычайно богато красками, так что трудно обойтись без устаревшего сравнения с пестрым ковром или калейдоскопом. Вот густая сочная зелень с великанами-лопухами, блестящими от только что бывшего дождя, рядом с ней на площадке не больше, как сажени в три, зеленеет рожь, потом клочок с ячменем, а там опять лопух, за ним клочок земли с овсом, потом грядка с картофелем, два недоросля подсолнуха с поникшими головами, затем клинышком входит густо-зеленый конопляник, там и сям гордо возвышаются растения из семейства зонтичных, похожие на канделябры, и вся эта пестрота усыпана розовыми, ярко-красными и пунцовыми пятнышками мака. По дороге встречаются бабы, которые укрылись от дождя большими листьями лопуха, как косынками, и оттого похожи на зеленых

жуков. А по сторонам горы,— хотя и не Кавказские, но все-таки горы.

По западному побережью, выше устья Аркая, имеются шесть незначительных селений. Я не был ни в одном из них, и относящиеся к ним цифры взяты мною из подворной описи и исповедной книги. Основывались они на выдающихся в море мысах или устьев небольших речек, от которых и получали свои названия. Началось со сторожевых пикетов, иногда из 4—5 человек, с течением же времени, когда одних этих пикетов оказалось недостаточно, решено было (в 1882 г.) заселить самые большие мысы между Дуэ и Погоби благонадежными, преимущественно семейными поселенцами. Цель учреждения этих селений и кордонов при них: «Дать возможность проезжающей из Николаевска почте, пассажирам и каюрам иметь приют и охрану во время пути и установить общий полицейский надзор за береговой линией, представляющею из себя единственный (?) возможный путь для беглых арестантов, а равно провоза запрещенного для вольной продажи спирта». Дорог к береговым поселениям еще нет, сообщение возможно только пешком по берегу во время отлива, а зимою на собаках. Возможно также сообщение на лодках и паровых катерах, но только в очень хорошую погоду. В направлении с юга на север эти селения расположены в таком порядке:

Мгачи. Жителей 38: 20 м. и 18 ж. Хозяев 14. Семейно живут 13, незаконных семей только 2. Пахотной земли все имеют около 12 дес., но вот уже три года, как не сеют зерновых хлебов и пускают всю землю под картофель. 11 хозяев сидят на участке с самого основания селения, и 5 из них уже имеют крестьянское звание. Есть хорошие заработки, чем и объясняется, что крестьяне не спешат на материк. 7 человек занимаются каюрьством, то есть держат собак, на которых в зимнее время возят почту и пассажиров. Один занимается охотой как промыслом. Что касается рыбных ловель, о которых говорится в отчете главного тюремного управления за 1889 г., то их тут нет совсем.

Танги. Жителей 19: 11 м. и 8 ж. Хозяев 6. Пахотной земли около 3 дес., но тоже, как в Мгачах, вследствие частых морских туманов, мешающих росту зерновых хлебов, сажают на ней только картофель. Два хозяина имеют лодки и занимаются рыболовством.

Хоэ, на мысе того же названия, который сильно выдается в море и виден из Александровска. Жителей 34: 19 м. и 15 ж. Хозяев 13. Тут еще не совсем разочаровались и продолжают сеять пшеницу и ячмень. Трое занимаются охотой.

Трамбаус. Жителей 8: 3 м. и 5 ж. Счастливое селение, где женщин больше, чем мужчин. Хозяев 3.

Виакты, на реке Виакту, соединяющей озеро с морем и в этом отношении напоминающей Неву. Говорят, что в озере ловятся сизи и осетры. Жителей 17: 9 м. и 8 ж. Хозяев 7.

Ванги — самое северное селение. Жителей 13: 9 м. и 4 ж. Хозяев 8.

По описаниям ученых и путешественников, чем выше к северу, тем природа беднее и печальнее. Начиная с Трамбауса, вся северная треть острова представляет из себя равнину, совершенную тундру, на которой главный водораздельный хребет, идущий вдоль всего Сахалина, имеет вид невысоких волнообразных возвышенностей, принимаемых некоторыми авторами за наносы со стороны Амура. По красной болотистой равнине там и сям тянутся полосы кривого хвойного леса; у лиственницы ствол не выше одного фута, и крона ее лежит на земле в виде зеленой подушки, ствол кедрового кустарника стелется по земле, а между полосками чахлого леса лишайники и мхи, и, как и на русских тундрах, встречается здесь всякая грубая, кислого или сильно вяжущего вкуса ягода — моховка, голубика, костеника, клюква. Только на самом северном конце равнины, где местность вновь делается холмистою, природа на небольшом пространстве, у преддверия в вечно холодное море, точно хочет улыбнуться на прощанье; на карте Крузенштерна, относящейся к этой местности, изображен стройный лиственничный лес.

Но как ни сурова и ни бедна природа, жителям береговых селений, по свидетельству сведущих людей, все-таки живется сравнительно лучше, чем, например, арковцам или александровцам.

Объясняется это тем, что их мало, и те блага, какие имеются в их распоряжении, приходится делить между немногими. Для них не обязательны хлебопашество и урожай, они предоставлены самим себе и сами выбирают для себя занятия и промыслы. Через селения проходит зимняя дорога из Александровска в Николаевск; сюда приезжают зимою гиляки и якуты-промышленники для торговых операций, и поселенцы продают им и меняют без посредства комиссионеров. Здесь нет лавочников, майданщиков, жидов-перекупщиков и нет канцеляристов, которые выменивают за спирт роскошные лисьи меха и потом с блаженною улыбкой показывают их своим гостям.

По направлению к югу новых селений не основывают. Южнее Александровска по западному побережью есть только один населенный пункт — *Дуэ*, страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место, в котором по своей доброй воле могут жить только святые или глубоко испорченные люди. Это пост; население называет его портом. Основан он в 1857 г., название же его Дуэ, или Дуи, существовало раньше и относилось вообще к той части берега, где находятся теперь дуйские копи. В узкой долине, где он расположен, протекает мелкая речка Хойнджи. Из Александровска в Дуэ ведут две дороги: одна — горная, а другая — по берегу моря. Мыс Жонкиер всею своею массой навалился на береговую отмель, и проезд по ней был бы невозможен вовсе, если бы не прорыли туннеля. Рыли его, не посоветовавшись с инженером, без затей, и в результате вышло темно, криво и грязно. Сооружение это стоило очень дорого, но оно оказалось ненужным, так как, при существовании хорошей горной дороги, нет нужды ездить по береговой, проезд по которой стеснен условиями отлива и прилива. На этом туннеле превосходно сказалась склонность русского человека тратить последние средства на всякого рода выкрутасы, когда не удовле-

творены самые насущные потребности. Рыли туннель, заведующие работами катались по рельсам в вагоне с надписью «Александровск — Пристань», а каторжные в это время жили в грязных, сырых юртах, потому что для постройки казарм не хватало людей.

Тотчас по выходе из туннеля у береговой дороги стоят солеварня и кабельный домик, из которого спускается по песку в море телеграфный кабель. В домике живет каторжный столяр, поляк, со своею сожительницей, которая, по рассказам, родила, когда ей было 12 лет, после того, как какой-то арестант изнасиловал ее в этапе. На всем пути к Дуэ обрывистый, отвесный берег представляет осыпи, на которых там и сям чернеют пятна и полосы, шириною от аршина до сажени. Это уголь. Пласты угля здесь, по описанию специалистов, сдавлены пластами песчаников, глинистых сланцев, сланцевых глин и глинистых песков, приподнятых, изогнутых, сдвинутых или сброшенных породами базальтовыми, диоритовыми и порфировыми, вышедшими во многих местах большими массами. Должно быть, это своеобразно красиво, но предубеждение против места засело так глубоко, что не только на людей, но даже на растения смотришь с сожалением, что они растут именно здесь, а не в другом месте. Верстах в семи берег прерывается расщелиной. Это Воеводская падь; здесь одиноко стоит страшная Воеводская тюрьма, в которой содержатся тяжкие преступники и между ними прикованные к тачкам. Около тюрьмы ходят часовые; кроме них, кругом не видно ни одного живого существа, и кажется, что они стерегут в пустыне какое-то необыкновенное сокровище.

Дальше, в версте, начинаются каменноугольные ломки, потом с версту еще едешь голым, безлюдным берегом и, наконец, другая расщелина, в которой и находится Дуэ, бывшая столица сахалинской каторги. В первые минуты, когда въезжаешь на улицу, Дуэ дает впечатление небольшой старинной крепости: ровная и гладкая улица, точно плац для маршировки, белые чистенькие домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатления не хватает

только барабанной дробью. В домиках живут начальник военной команды, смотритель дуйской тюрьмы, священник, офицеры и проч. Там, где короткая улица кончается, поперек ее стоит серая деревянная церковь, которая загораживает от зрителя неофициальную часть порта; тут расщелина двоятся в виде буквы «игрек», посылая от себя канавы направо и налево. В левой находится слободка, которая прежде называлась Жидовской, а в правой — всякие тюремные постройки и слободка без названия. В обеих, особенно в левой, тесно, грязно, неудобно; тут уже нет белых чистеньких домиков; избушки ветхие, без дворов, без зелени, без крылец, в беспорядке лепятся внизу у дороги, по склону горы и на самой горе. Участки усадебной земли, если только в Дуэ можно назвать ее усадебной, очень малы: у четырех хозяев в подворной описи показано ее только по 4 кв. саж. Тесно, яблоку упасть негде, но в этой тесноте и вонючий дуйский палач Толстых все-таки нашел местечко и строит себе дом. Не считая команды, свободного населения и тюрьмы, в Дуэ жителей 291: 167 м. и 124 ж. Хозяев 46 и при них совладельцев 6. Большинство хозяев — каторжные. Что побуждает администрацию сажать на участки их и их семьи именно здесь, в расщелине, а не в другом месте, понять невозможно. Пахотной земли в подворной описи показано на все Дуэ только $\frac{1}{8}$ дес., а сенокосов нет вовсе. Допустим, что мужчины заняты на каторжных работах, но что же делают 80 взрослых женщин? На что уходит у них время, которое здесь благодаря бедности, дурной погоде, непрерывному звону цепей, постоянному зрелищу пустынных гор и шуму моря, благодаря стонам и плачу, которые часто доносятся из надзирательской, где наказывают плетью и розгами, кажется длиннее и мучительнее во много раз, чем в России? Это время женщины проводят в полном бездействии. В одной избе, состоящей чаще всего из одной комнаты, вы застаете семью каторжного, с нею солдатскую семью, двух-трех каторжных жильцов или гостей, тут же подростки, две-три колыбели по углам, тут же куры, собака, а на улице около избы отбросы, лужи от по-

моев, заняться нечем, есть нечего, говорить и браниться надоело, на улицу выходить скучно — как все однообразно уныло, грязно, какая тоска! Вечером с работ возвращается муж каторжный; он хочет есть и спать, а жена начинает плакать и причитывать: «Погубил ты нас, проклятый! Пропала моя головушка, пропали дети!» — «Ну, завывала!» — проворчит на печке солдат. Уже все позаснули, дети переплакали и тоже угомонились давно, а баба все не спит, думает и слушает, как ревет море; теперь уж ее мучает тоска: жалко мужа, обидно на себя, что не удержалась и попрекнула его. А на другой день опять та же история.

Если судить только по одному Дуэ, то сельскохозяйственная колония на Сахалине обременена излишком женщин и семейных каторжных. За недостатком места в избах 27 семейств живут в старых, давно уже обреченных на снос постройках, в высшей степени грязных и безобразных, которые называются «казармами для семейных». Тут уже не комнаты, а камеры с нарами и парашами, как в тюрьме. По составу своему население этих камер отличается крайним разнообразием. В одной камере с выбитыми стеклами в окнах и с удушливым запахом отхожего места живут: каторжный и его жена свободного состояния; каторжный, жена свободного состояния и дочь; каторжный, жена-поселка и дочь; каторжный и его жена свободного состояния, поселенец-поляк и его сожительница каторжная; все они со своим имуществом помещаются в одной камере и спят рядом на одной сплошной наре. В другой: каторжный, жена свободного состояния и сын; каторжная татарка и ее дочь; каторжный татарин, его жена свободного состояния и двое татарчат в ермолках; каторжный, жена свободного состояния и сын; поселенец, бывший на каторге 35 лет, но еще молодцеватый, с черными усами, за неимением сапог ходящий босиком, но страстный картежник;¹ рядом с ним на нарах его любовница каторж-

¹ Он говорил мне, что во время игры в штос у него «в жилах электричество»: от волнения руки сводит. Одно из самых приятных воспоминаний у него то, как он когда-то в дни моло-

ная — вялое, сонное и жалкое на вид существо; далее каторжный, жена свободного состояния и трое детей; каторжный не семейный; каторжный, жена свободного состояния и двое детей; поселенец; каторжный, чистенький старичок с бритым лицом. Тут же по камере ходит поросенок и чавкает; на полу осклизлая грязь, воняет клопами и чем-то кислым; от клопов, говорят, житья нет. В третьей: каторжный, жена свободного состояния и двое детей; каторжный, жена свободного состояния и дочь; каторжный, жена свободного состояния и семеро детей: одна дочь 16, другая 15 лет; каторжный, жена свободного состояния и сын; каторжный, жена свободного состояния и сын; каторжный, жена свободного состояния и четверо детей. В четвертой: надзиратель унтер-офицер, его жена 18 лет и дочь; каторжный и его жена свободного состояния; поселенец; каторжный и т. д. По этим варварским помещениям и их обстановке, где девушки 15 и 16 лет вынуждены спать рядом с каторжниками, читатель может судить, каким неуважением и презрением окружены здесь женщины и дети, добровольно последовавшие на каторгу за своими мужьями и отцами, как здесь мало дорожат ими и как мало думают о сельскохозяйственной колонии.

Дуйская тюрьма меньше, старше и во много раз грязнее Александровской. Здесь тоже общие камеры и сплошные нары, но обстановка беднее и порядки хуже. Стены и полы одинаково грязны и до такой степени потемнели уже от времени и сырости, что едва ли станут чище, если их помыть. По данным медицинского отчета за 1889 г., на каждого арестанта приходится здесь воздуха 1,12 куб. саж. Если летом, при открытых окнах и дверях, пахнет помоями и отхожим местом, то, воображаю, какой ад бывает здесь зимою, когда внутри тюрьмы по утрам находят иней

дости вытащил часы у самого полицеймейстера. Про игру в штос рассказывает он с азартом Помню, фразу — «ткнешь, не туда попало!» — проговорил он с отчаянием охотника, сделавшего промах. Для любителей я записал некоторые его выражения: «транспорт скушан! напè! наперипè! угол! по рублю очко маз! в цвет и в масть, артиллерия!»

и сосульки. Смотрителем тюрьмы здесь бывший военный фельдшер из поляков, состоящий в чине канцелярского служителя. Кроме Дуйской, он заведует также еще Воеводскою тюрьмой, рудниками и постом Дуэ. Дистанция совсем не по чину.

В дуйских карцерах содержатся тяжкие преступники, большею частью рецидивисты и подследственные. На вид это самые обыкновенные люди с добродушными и глуповатыми физиономиями, которые выражали только любопытство и желание ответить мне возможно почтительнее. И преступления у большинства из них не умнее и не хитрее их физиономий. Обыкновенно присылаются за убийство в драке лет на 5—10, потом бегут; их ловят, они опять бегут, и так, пока не попадут в бессрочные и неисправимые. Преступления почти у всех ужасно неинтересны, ординарны, по крайней мере со стороны внешней занимательности, и я нарочно привел выше *Рассказ Егора*, чтобы читатель мог судить о бесцветности и бедности содержания сотни рассказов, автобиографий и анекдотов, какие мне приходилось слышать от арестантов и людей, близких к каторге. Впрочем, один седой старик лет 60—65, по фамилии Терехов, сидящий в темном карцере, произвел на меня впечатление настоящего злодея. Накануне моего приезда он был наказан плетьюми и, когда у нас зашла речь об этом, показал мне свои ягодицы, сине-багровые от кровоподтеков. По рассказам арестантов, этот старик убил на своем веку 60 человек; у него будто бы такая манера: он высматривает арестантов-новичков, какие побогаче, и сманивает их бежать вместе, потом в тайге убивает их и грабит, а чтобы скрыть следы преступления, режет трупы на части и бросает в реку. В последний раз, когда его ловили, он отмахивался от надзирателей дубиной. Глядя на его мутные оловянные глаза и большой, наполовину бритый, угловатый, как булыжник, череп, я готов был верить всем этим рассказам. Один хохол, сидящий тоже в темном карцере, тронул меня своею откровенностью; он обратился с просьбой к смотрителю — возвратит ему 195 рублей, отобраанные у него при обыске. «А где

ты взял эти деньги?» — спросил смотритель. «Выиграл в карты», — ответил он и побожился, и, обращаясь ко мне, стал уверять, что в этом нет ничего удивительного, так как почти вся тюрьма играет в карты и между картежниками-арестантами не редкость такие, которые располагают суммами в две и три тысячи рублей. В карцерах же я видел бродягу, который отрубил себе два пальца; рана повязана грязною тряпочкой. У другого бродяги сквозная огнестрельная рана: пуля счастливо прошла по наружному краю седьмого ребра. Рана и у этого тоже перевязана грязной тряпкой¹.

В Дуэ всегда тихо. К мерному звону кандалов, шуму морского прибора и гудению телеграфных проводов скоро привыкает ухо, и от этих звуков впечатление мертвой тишины становится сильнее. Печать суровости лежит не на одних только полосатых столбах. Если бы на улице кто-нибудь невзначай засмеялся громко, то это прозвучало бы резко и неестественно. С самого основания Дуэ здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать только в неумолимо-жесточких, безнадежных звуках, и свирепый холодный ветер, который в зимние ночи дует с моря в расщелину, только один поет именно то, что нужно. Бывает поэтому странно, когда среди тишины раздается вдруг пение дуйского чудака Шкандыбы. Это каторжный, старик, который с первого же дня приезда своего на Сахалин отказался работать, и перед его непобедимым, чисто звериным упрямством спасовали все принудительные меры; его сажали в темную, несколько раз секли, но он стоически выдерживал наказание и после каждой экзекуции восклицал: «А все-таки я не буду работать!» Повозились с ним и в конце концов бросили. Теперь он гуляет по Дуэ и поет².

¹ Я встречал немало раненых и страдающих язвами, но ни разу не слышал запаха иодоформа, хотя на Сахалине ежегодно расходуется его больше полупуда

² У публики Дуэ пользуется преувеличенно дурною репутацией. На «Байкале» мне рассказывали, что один пассажир, че-

Добыча каменного угля, как я уже сказал, производится в версте от поста. Я был в руднике, меня водили по мрачным, сырым коридорам и предупредительно знакомили с постановкой дела, но очень труд-

ловек уже пожилой и чиновный, когда пароход остановился на дуйском рейде, долго всматривался в берег и наконец спросил: — Скажите, пожалуйста, где же тут на берегу столб, на котором вешают каторжников и потом бросают их в воду?

Дуэ — колыбель сахалинской каторги. Существует мнение, что мысль избрать это место для ссыльной колонии пришла впервые самим каторжным: будто бы некий Иван Лапшин, осужденный за отцеубийство и отбывавший каторгу в г. Николаевске, попросил у местных властей позволения переселиться на Сахалин и в сентябре 1858 г. был доставлен сюда. Поселившись недалеко от Дуйского поста, он стал заниматься огородничеством и хлебопашеством и, по словам г. Власова, отбывал тут каторжные уроки. Вероятно, он был доставлен на остров не один, так как в 1858 г. уголь близ Дуэ добывался уже при участии каторжных (см. «С Амура и берегов Великого океана» в «Московских ведомостях», 1874 г., № 207). Вышеславцев в своих «Очерках пером и карандашом» пишет, что в апреле 1859 г. он застал в Дуэ около 40 человек и при них двух офицеров и одного инженерного офицера, заведующего работами. «Какие славные огороды, — восторгается он, — окружают их уютные, чистенькие домики! А овощи вызревают два раза в лето».

Время возникновения настоящей сахалинской каторги относится к шестидесятым годам, когда неурядицы нашей департаментальной системы достигли своего высшего напряжения. Время было таково, что начальник отделения департамента полиции исполнительной, коллежский советник Власов, пораженный всем, что он встретил на каторге, прямо заявил, что строй и система наших наказаний служат развитию важных уголовных преступлений и понижают гражданскую нравственность. Приблизительное исследование каторжных работ на месте привело его к убеждению, что их в России почти не существует (см. его «Краткий очерк неурядиц, существующих на каторге»). Главное тюремное управление, давая в своем десятилетнем отчете критический обзор каторги, замечает, что в описываемое время каторга перестала быть высшею карательною мерой. Да, то была высочайшая мера беспорядка, какой когда-либо создавали невежество, равнодушие и жестокость. Вот главные причины бывших неурядиц: а) Ни составители законов о ссыльных, ни исполнители их не имели ясного представления о том, что такое каторга, в чем она должна заключаться, для чего она нужна. И практика, несмотря на свою продолжительность, не дала не только системы, но даже материала для юридического определения каторги. в) Исправительные и уголовные цели наказания приносились в жертву разного рода экономическим и финансовым соображениям. На каторжного смотрели как на рабочую

но описать все это, не будучи специалистом. Я воздержусь от технических подробностей, и тот, кто интересуется ими, пусть прочтет специальное сочинение

силу, которая должна была приносить доход государственному казначейству. Если его труд не давал выгоды или шел в убыток, то предпочитали держать его в тюрьме без всякого дела. Убыточному безделью отдавалось предпочтение перед убыточной работой. Приходилось также считаться еще с колонизационными целями. с) Незнакомство с местными условиями и потому отсутствие определенного взгляда на характер и сущность работ, что видно хотя бы из недавно упраздненного деления на работы в рудниках, заводах и крепостях. На практике бессрочный, приговоренный к работам в рудниках, сидел без дела в тюрьме, приговоренный к четырехлетней каторге на заводах работал в руднике, а в тобольской каторжной гюрьме арстанты занимались переноскою с одного места на другое ядер, пересыпкой песка и т. п. В обществе и отчасти в литературе установился взгляд, что настоящая, самая тяжкая и самая позорная каторга может быть только в рудниках. Если бы в «Русской женщине» Некрасова герой, вместо того чтобы работать в руднике, ловил для тюрьмы рыбу или рубил лес, то многие читатели остались бы неудовлетворенными. d) Отсталость нашего устава о ссыльных. На очень многие вопросы, ежедневно возбуждаемые практикой, он совсем не дает ответа, отсюда широкое поле для произвольных толкований и незаконных действий; в самых затруднительных положениях он является часто совершенно бесполезною книгой, и отчасти поэтому, вероятно, г. Власов в некоторых управлениях при каторжных тюрьмах совсем не нашел устава. e) Отсутствие единства в управлении каторгой. f) Отдаленность каторжных работ от Петербурга и полное отсутствие гласности. Официальные отчеты стали печататься только недавно, со времени учреждения главного тюремного управления. g) Немалою помехой к упорядочению ссылки и каторги служило также настроение нашего общества. Когда у общества нет определенных взглядов на что-нибудь, то приходится считаться с его настроением. Общество всегда возмущалось тюремными порядками и в то же время всякий шаг к улучшению быта арстантов встречало протестом, вроде, например, такого замечания: «Нехорошо, если мужик в тюрьме или на каторге будет жить лучше, чем дома». Если мужик часто живет дома хуже, чем на каторге, то по логике такого замечания каторга должна быть адом. Когда арстантам давали в вагонах вместо воды квас, то это называлось «нянчиться с убийцами и поджигателями» и т. п. Впрочем, как бы в противовес такому настроению, у лучших русских писателей замечалось стремление к идеализации каторжных, бродяг и беглых.

В 1863 г. был высочайше утвержден комитет, имевший целью изыскать и указать меры для организации каторжных работ на более правильных началах. Комитет признал, что необходимо

горного инженера г. Кеппена, когда-то заведовавшего здешними копиями¹.

В настоящее время дуйские копи находятся в исключительном пользовании частного общества «Сахалин», представители которого живут в Петербурге. По контракту, заключенному в 1875 г. на 24 года, общество пользуется участком на западном берегу Сахалина на две версты вдоль берега и на одну версту в глубь острова; ему предоставляются бесплатно свободные удобные места для склада угля в Приморской области и прилегающих к ней островах; нужный для построек и работ строительный материал общество получает также бесплатно, ввоз всех предметов,

«высылать тяжких преступников в отдаленную колонию для употребления там в принудительные работы с преимущественною целью водворения в месте ссылки». И, выбирая между отдаленными колониями, комитет остановился на Сахалине. Arpiögi [не проверяя — лат.] он признал за Сахалином следующие достоинства: 1) географическое положение, обеспечивающее материк от побегов; 2) наказание получает надлежащую репрессивную силу, так как ссылка на Сахалин может быть признана безвозвратною; 3) простор для деятельности преступника, решившего начать новую трудовую жизнь; 4) с точки зрения государственной пользы; сосредоточение ссыльных на Сахалине представляется залогом для упрочения обладания нашего островом; 5) угольные залежи могут быть с выгодою эксплуатируемы ввиду громадной потребности в угле. Предполагалось также, что сосредоточение на острове всего контингента ссыльнокаторжных сократит расходы на содержание их.

¹ «Остров Сахалин, его каменноугольные месторождения и развивающаяся на нем каменноугольная промышленность», 1875 г. Об угле, кроме г. Кеппена, писали еще горные инженеры. Носов I, Заметки об острове Сахалине и каменноугольных ломках, на нем производимых.— «Горный журнал», 1859 г., № 1. И. А. Лопатин, Извлечение из письма.— Приложение к отчету Сибирского отдела имп. Русского геогр. общества за 1868 г. Его же, Рапорт к генерал-губернатору Восточной Сибири.— «Горный журнал», 1870 г., № 10. Дейхман, Остров Сахалин в горнопромышленном отношении.— «Горный журнал», 1871 г., № 3. К. Скальковский, Русская торговля в Тихом океане, 1883 г. О качествах сахалинского угля писали в разное время командиры судов сибирской флотилии в своих рапортах, которые печатались в «Морском сборнике». Для полноты, пожалуй, можно упомянуть еще о статьях Я. Н. Бутковского: «Остров Сахалин».— «Исторический вестник», 1882 г., X, и «Сахалин и его значение».— «Морской сборник», 1874 г., № 4.

необходимых для технических и хозяйственных работ и устройство рудников, предоставляется беспошлинно; за каждый пуд угля, покупаемый морским ведомством, общество получает от 15 до 30 коп.; ежедневно в распоряжение общества командировается для работ не менее 400 каторжных; если же на работы будет выслано меньше этого числа, то за каждого недостающего рабочего казна платит обществу штрафу один рубль в день; нужное обществу число людей может быть отпускаемо и на ночь.

Чтоб исполнять принятые на себя обязательства и охранять интересы общества, казна содержит около рудников две тюрьмы, Дуйскую и Воеводскую, и военную команду в 340 человек, что ежегодно обходится ей в 150 тысяч рублей. Стало быть, если, как говорят, представителей общества, живущих в Петербурге, только пять, то охранение доходов каждого из них обходится ежегодно казне в 30 тысяч, не говоря уже о том, что из-за этих доходов приходится, вопреки задачам сельскохозяйственной колонии и точно в насмешку над гигиеной, держать более 700 каторжных, их семьи, солдат и служащих в таких ужасных ямах, как Воеводская и Дуйская пади, и не говоря уже о том, что, отдавая каторжных в услужение частному обществу за деньги, администрация исправительные цели наказания приносит в жертву промышленным соображениям, то есть повторяет старую ошибку, которую сама же осудила.

На все это общество, с своей стороны, отвечает тремя серьезными обязательствами: оно должно вести разработку дуйских копей правильно и держать в Дуэ горного инженера, который наблюдал бы за правильностью разработки; аккуратно два раза в год вносить арендную плату за уголь и плату за труд каторжных; при разработке копей пользоваться исключительно трудом каторжных по всем видам работ, соединенных с этим предприятием. Все эти три обязательства существуют только на бумаге и, по-видимому, давно уже забыты. Разработка копей ведется недобросовестно, на кулаческих началах. «Никаких улучшений в технике производства или изысканий

для обеспечения ему прочной будущности не предпринималось,— читаем в докладной записке одного официального лица,— работы, в смысле их хозяйственной постановки, имели все признаки хищничества, о чем свидетельствует и последний отчет окружного инженера». Горного инженера, которого общество обязано иметь по контракту, нет, и копиями заведует простой штейгер. Что касается платежей, то и тут приходится говорить только о том, что в своем докладе только что упомянутое официальное лицо именует «признаками хищничества». И копиями и трудом каторжных общество пользуется бесплатно. Оно обязано платить, но почему-то не платит; представители другой стороны, ввиду такого явного правонарушения, давно уже обязаны употребить власть, но почему-то медлят и, мало того, продолжают еще расходовать 150 тысяч в год на охрану доходов общества, и обе стороны ведут себя так, что трудно сказать, когда будет конец этим ненормальным отношениям. Общество засело на Сахалине так же крепко, как Фома в селе Степанчикове, и неумолимо оно, как Фома. К 1 января 1890 г. оно состояло должным казне 194 337 р. 15 к.; десятая же часть этих денег по закону приходится на долю каторжных, как вознаграждение за труд. Когда и как рассчитываются с дуйскими каторжниками, кто им платит и получают ли они что-нибудь, мне неизвестно.

Ежедневно назначается на работы 350—400 каторжных, остальные же 350—400 из живущих в Дуйской и Воеводской тюрьмах составляют резерв. Без резерва же не обойтись, так как в контракте оговорены на каждый день «способные к труду» каторжные. Назначенные на работы в руднике в пятом часу утра, на так называемой раскомандировке, поступают в ведение рудничной администрации, то есть небольшой группы частных лиц, составляющих «контору». От усмотрения этой последней зависит назначение на работы, количество и степень напряжения труда на каждый день и для каждого отдельного каторжного; от нее, по самой постановке дела, зависит наблюдать за тем, чтобы арестанты несли наказание равномер-

но; тюремная же администрация оставляет за собою только надзор за поведением и предупреждение побегов, в остальном же, по необходимости, умывает руки.

Имеются два рудника: старый и новый. Каторжные работают в новом; тут высота угольного пласта около 2 аршин, ширина коридоров такая же; расстояние от выхода до места, где теперь происходит разработка, равняется 150 саж. Рабочий с санками, которые весят пуд, взбирается ползком вверх темным и сырым коридором: это самая тяжелая часть работы; потом, нагрузив сани углем, возвращается назад. У выхода уголь нагружается в вагонетки и по рельсам доставляется в склады. Каждый каторжный должен подняться вверх с санками не менее 13 раз в день — в этом заключается урок. В 1889—90 г. каждый каторжный добывал, в среднем, 10,8 пуда в день, на 4,2 пуда менее нормы, установленной рудничною администрацией. В общем производительность рудника и рудничных каторжных работ невелика: она колеблется между 1½ и 3 тыс. пудов в день.

В дуйских копиях работают также поселенцы по вольному найму. Поставлены они в более тяжелые условия, чем каторжные. В старом руднике, где они работают, пласт не выше аршина, место разработки находится в 230 саж. от выхода, верхний слой пласта дает сильную течь, отчего работать приходится в постоянной сырости; живут они на собственном продовольствии, в помещении, которое во много раз хуже тюрьмы. Но, несмотря на все это, труд их гораздо производительнее каторжного — на 70 и даже на 100%. Таковы преимущества вольнонаемного труда перед принудительным. Наемные рабочие выгоднее для общества, чем те, которых оно обязано иметь по контракту, и потому, если, как здесь принято, каторжный нанимает вместо себя поселенца или другого каторжного, то рудничная администрация охотно мирится с этим беспорядком. Третье обязательство давно уже трещит по швам. С самого основания Дуэ ведется, что бедняки и простоватые работают за себя и за других, а шулера и ростовщики в это время пьют

чай, играют в карты или без дела бродят по пристани, позвякивая кандалами, и беседуют с подкупленным надзирателем. На этой почве здесь постоянно разыгрываются возмутительные истории. Так, за неделю до моего приезда один богатый арестант, бывший петербургский купец, присланный сюда за поджог, был высечен розгами будто бы за нежелание работать. Это человек глуповатый, не умеющий прятать деньги, неумеренно подкупавший, наконец утомился давать то надзирателю 5, то палачу 3 рубля и как-то в недобрый час наотрез отказал обоим. Надзиратель пожаловался смотрителю, что вот-де такой-то не хочет работать, этот приказал дать 30 розог, и палач, разумеется, постарался. Купец, когда его секли, кричал: «Меня еще никогда не секли!» После экзекуции он смирился, заплатил надзирателю и палачу и как ни в чем не бывало продолжает нанимать вместо себя поселенца.

Исключительная тяжесть рудничных работ заключается не в том, что приходится работать под землей в темных и сырых коридорах, то ползком, то согнувшись; строительные и дорожные работы под дождем и на ветре требуют от работника большего напряжения физических сил. И кто знаком с постановкой дела в наших донецких шахтах, тому дуйский рудник не покажется страшным. Вся исключительная тяжесть не в самом труде, а в обстановке, в тупости и недобросовестности всяких мелких чинов, когда на каждом шагу приходится терпеть от наглости, несправедливости и произвола. Богатые чай пьют, а бедняки работают, надзиратели у всех на глазах обманывают свое начальство, неизбежные столкновения рудничной и тюремной администраций вносят в жизнь массу дрызг, сплетней и всяких мелких беспорядков, которые ложатся своею тяжестью прежде всего на людей подневольных, по пословице: паны дерутся — у хлопцев чубы болят. А между тем каторжник, как бы глубоко он ни был испорчен и несправедлив, любит всего больше справедливость, и если ее нет в людях, поставленных выше его, то он из года в год впадает в озлобление, в крайнее неверие. Сколько благодаря это-

му на каторге пессимистов, угрюмых стариков, которые с серьезными, злыми лицами толкуют без умолку о людях, о начальстве, о лучшей жизни, а тюрьма слушает и хохочет, потому что в самом деле выходит смешно. Работа в дуйских рудниках тяжела также потому, что каторжник здесь в продолжение многих лет без перерыва видит только рудник, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его как бы ушла в эту узкую береговую отмель между глинистым берегом и морем.

Около рудничной конторы стоит барак для поселенцев, работающих в копях, небольшой старый сарай, кое-как приспособленный для ночевки. Я был тут в 5 часов утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка! Головы разлохмаченные, точно всю ночь у этих людей происходила драка, лица желто-серые и, спросонья, выражения как у больных или сумасшедших. Видно, что они спали в одежде и в сапогах, тесно прижавшись друг к другу, кто на наре, а кто и под нарой, прямо на грязном земляном полу. По словам врача, ходившего со мной в это утро, здесь 1 куб. саж. воздуха приходится на 3—4 человека. Между тем это было как раз то время, когда на Сахалине ожидали холеру и для судов был назначен карантин.

В это же утро я был в *Воеводской тюрьме*. Она была построена в семидесятих годах, и для образования площади, на которой она теперь стоит, пришлось срывать гористый берег на пространстве 480 кв. саж. В настоящее время из всех сахалинских тюрем это самая безобразная, которая уцелела от реформ вполне, так что может служить точною иллюстрацией к описаниям старых порядков и старых тюрем, возбуждавших когда-то в очевидцах омерзение и ужас. Воеводская тюрьма состоит из трех главных корпусов и одного малого, в котором помещаются карцеры. Конечно, о кубическом содержании воздуха или вентиляциях говорить не приходится. Когда я входил в тюрьму, там кончали мыть полы, и влажный, промозглый воздух еще не успел разределиться после ночи и был тяжел. Полы были мокры и неприятны

на вид. Первое, что я услышал здесь, это — жалобы на клопов. От клопов житья нет. Прежде их изводили хлорною известью, вымораживали во время сильных морозов, но теперь и это не помогает. В помещениях, где живут надзиратели, тоже тяжкий запах отхожего места и кислоты, тоже жалобы на клопов.

В Воеводской тюрьме содержатся прикованные к тачкам. Всех их здесь восемь человек. Живут они в общих камерах вместе с прочими арестантами и время проводят в полном бездействии. По крайней мере в «Ведомости о распределении ссыльнокааторжных по родам работ» прикованные к тачкам показаны в числе неработающих. Каждый из них закован в ручные и ножные кандалы; от середины ручных кандалов идет длинная цепь аршина в 3—4, которая прикрепляется ко дну небольшой тачки. Цепи и тачка стесняют арестанта, он старается делать возможно меньше движений, и это, несомненно, отражается на его мускулатуре. Руки до такой степени привыкают к тому, что всякое даже малейшее движение сопряжено с чувством тяжести, что арестант после того уж, как наконец расстается с тачкой и ручными кандалами, долго еще чувствует в руках неловкость и делает без надобности сильные, резкие движения; когда, например, берется за чашку, то расплескивает чай, как страдающий *chorea minor*¹. Ночью во время сна арестант держит тачку под нарой, и, чтобы это было удобнее и легче сделать, его помещают обыкновенно на краю общей нары.

Все восемь человек — рецидивисты, которые на своем веку судились уже по нескольку раз. Один из них, старик 60 лет, прикован за побеги, или, как сам он говорит, «за глупости». Он болен, по-видимому, чахоткой, и бывший смотритель тюрьмы из жалости распорядился поместить его поближе к печке. Другой, когда-то служивший кондуктором на железной дороге, прислан за святотатство и на Сахалине попался в подделке 25-рублевых бумажек. Когда кто-то из ходивших вместе со мной по камерам стал журить его

¹ судорожные подергивания (лат.).

за то, что он ограбил церковь, то он сказал: «Что ж? Богу деньги не нужны». И, заметив, что арестанты не смеются и что эта фраза произвела на всех неприятное впечатление, он добавил: «Зато я людей не убивал». Третий, бывший военный матрос, прислан на Сахалин за дисциплинарное преступление: он бросился на офицера с поднятыми кулаками. На каторге он точно так же бросался на кого-то; в последний раз бросился на зрителя тюрьмы, когда тот приказал наказать его розгами. Его защитник на военно-полевом суде объяснял эту его манеру бросаться на людей болезненным состоянием; суд приговорил его к смертной казни, а барон А. Н. Корф заменил это наказание пожизненной каторгой, плетью и прикованием к тачке. Остальные все прикованы за убийство.

Утро было сырое, пасмурное, холодное. Беспокойно шумело море. Помнится, по дороге от старого рудника к новому мы на минутку остановились около старика-кавказца, который лежал на песке в глубоком обмороке; два земляка держали его за руки, беспомощно и растерянно поглядывая по сторонам. Старик был бледен, руки холодные, пульс слабый. Мы поговорили и пошли дальше, не подав ему медицинской помощи. Врач, который сопровождал меня, когда я заметил ему, что не мешало бы дать старику хоть валериановых капель, сказал, что у фельдшера в Воеводской тюрьме нет никаких лекарств.

IX

Тынь, или Тыми — Лейт. Бошняк. — Поляков. — Верхний Армудан. — Нижний Армудан. — Дербинское. — Прогулка по Тыми. — Усково. — Цыгане. — Прогулка по тайге. — Воскресенское.

Второй округ Сев. Сахалина находится по ту сторону водораздельного хребта и называется Тымовским, так как большинство его селений лежит на реке Тыми, впадающей в Охотское море. Когда из Александровска едешь в Ново-Михайловку, то на переднем плане возвышается хребет, загораживая собою

горизонт, и та его часть, которая видна отсюда, называется Пилингой. С высоты этой Пилинги открывается роскошная панорама с одной стороны на долину Дуйки и моря, а с другой — на широкую равнину, которая на протяжении более чем 200 верст к северо-востоку орошается Тымью и ее притоками. Эта равнина во много раз больше и интереснее Александровской. Богатство воды, разнообразный строевой лес, трава выше человеческого роста, баснословное изобилие рыбы и залежи угля предполагают сытое и довольное существование целого миллиона людей. Так бы оно могло быть, но холодные течения Охотского моря и льдины, которые плавают у восточного берега даже в июне, свидетельствуют с неумолимою ясностью, что когда природа создавала Сахалин, то при этом она меньше всего имела в виду человека и его пользу. Если бы не горы, то равнина была бы тундрой, холоднее и безнадежнее, чем около Виахту.

Первый был на р. Тыми и описал ее лейт. Бошняк. В 1852 г. он был послан сюда Невельским, чтобы проверить сведения насчет залежей каменного угля, полученные от гиляков, затем пересечь поперек остров и выйти на берег Охотского моря, где, как говорили, находится прекрасная гавань. Ему даны были нарта собак, дней на 35 сухарей, чаю да сахару, маленький ручной компас и вместе с крестом Невельского ободрение, что «если есть сухарь, чтоб утолить голод, и кружка воды напиться, то с божией помощью дело делать еще возможно». Проехавшись по Тыми до восточного берега и обратно, он кое-как добрался до западного берега, весь ободранный, голодный, с нарывами на ногах. Собаки отказывались идти дальше, так как были голодны. В самую пасху он притаился в уголке (гиляцкой) юрты, решительно выбившись из сил. Сухарей не было, разговеться нечем, нога болела страшно. В исследованиях Бошняка самое интересное, конечно, личность самого исследователя, его молодость, — ему шел тогда 21-й год, — и его беззаветная, геройская преданность делу. Тымь тогда была покрыта глубоким снегом, так как на дворе

стоял март, но все же это путешествие дало ему в высшей степени интересный материал для записок¹.

Серьезное и тщательное исследование Тыми, с научною и практическою целью, было произведено в 1881 г. зоологом Поляковым². Направляясь из Александровска, он 24 июля на волах, с большими трудностями, перевалил через Пилингу. Были тут только пешеходные тропинки, по которым спускались и поднимались каторжные, таскавшие тогда на своих плечах продовольствие из Александровского округа в Тымовский. Высота хребта здесь две тысячи футов. На притоке Тыми Адмво, ближайшем к Пилинге, стоял *Ведерниковский Станок*, от которого уцелело теперь только одно — должность смотрителя Ведерниковского Станка³. Притоки Тыми быстры, извилисты, мелководны и порожисты, сообщение на лодках невозможно, и Полякову поэтому пришлось пробираться на волах до самой Тыми. В селении Дербинском он со своими спутниками сел в лодки и поплыл вниз по течению.

Утомительно читать описание этого его путешествия благодаря добросовестности, с какою он пересчитывает все пороги и перекаты, встреченные им на пути. На протяжении 272 верст от Дербинского он должен был побороть 110 препятствий: 11 порогов, 89 перекатов и 10 таких мест, где фарватер был запружен наносными деревьями и карчами. Значит,

¹ Четыре года спустя по Тыми спустился на восточный берег Л. И. Шренк и тем же путем вернулся назад. Но дело происходило тоже зимой, когда река была покрыта снегом.

² Его уже нет в живых. Он умер вскоре после своего путешествия на Сахалин. Если судить по его наскоро написанным эскизным запискам, то это был талантливый и всесторонне образованный человек. Вот его статьи: 1) «Путешествие на остров Сахалин в 1881—1882 гг.» (письма к секретарю общества), прилож. к XIX т. «Изв. имп. Русского геогр. общества», 1883 г., 2) «Отчет об исследованиях на острове Сахалине и в Южно-Уссурийском крае». Приложение № 6 к XLVIII т. «Записок имп. Академии наук» 1884 г. и 3) «На Сахалине». — «Новь», 1885 г., № 1.

³ Этот смотритель по отношению к Станку изображает из себя теперь нечто вроде экс-короля и несет обязанности, ничего общего со Станком не имеющие.

река средним числом на каждых двух верстах мелководна или засорена. Около Дербинского она имеет в ширину 20—25 саж., и чем она шире, тем мельче. Частые ее изгибы и завороты, стремительность течения и мелководье не позволяют надеяться, что она когда-нибудь будет судоходной в серьезном значении этого слова. По мнению Полякова, она годится быть только сплавной рекой. Лишь на последних 70—100 верстах до устья, то есть там, где меньше всего следует рассчитывать на колонизацию, она становится глубже и прямее, течение тут тише, порогов и перекатов нет вовсе; здесь может ходить паровой катер и даже мелко сидящий буксирный пароход.

Когда здешние богатейшие рыбные ловли попадут в руки капиталистов, то, по всей вероятности, будут сделаны солидные попытки к очистке и углублению фарватера реки; быть может, даже по берегу до устья пройдет железная дорога, и, нет сомнения, река с лихвою окупит все затраты. Но это в далеком будущем. В настоящем же, при существующих средствах, когда приходится иметь в виду лишь ближайшие цели, богатства Тыми почти призрачны. Ссылному населению она дает до обидного мало. По крайней мере тымовский поселенец живет так же впроголодь, как и александровский.

Долина реки Тыми, по описанию Полякова, усеяна озерами, старицами, оврагами, ямами; на ней нет ровных гладких пространств, заросших питательными кормовыми травами, нет поемных заливных лугов и только изредка попадаются луговины с осокой: это заросшие травой озера. По склонам гористого берега растет густой хвойный лес, на отлогом берегу — берега, ива, ильма, осина и целые рощи из тополя. Тополь очень высок; у берега он подмывается, падает в воду и образует карчи и запруды. Из кустарников здесь черемуха, ивняк, шиповник, боярышник... Комаров тьма. 1 августа утром был иней.

Чем ближе к морю, тем растительность беднее. Мало-помалу исчезает тополь, ива обращается в кустарник, в общей картине уже преобладает песчаный или торфяной берег с голубикой, морошкой и мохом.

Постепенно река расширяется до 75—100 саж., кругом уже тундра, берега низменны и болотисты... С моря подуло холодком.

Тынь впадает в Ныйский залив, или Тро — маленькая водная пустыня, служащая преддверием в Охотское море или, что все равно, в Тихий океан. Первая ночь, которую Поляков провел на берегу этого залива, была ясная, прохладная, и на небе сияла небольшая комета с раздвоенным хвостом. Поляков не пишет, какие мысли наполняли его, пока он любовался на комету и прислушивался к ночным звукам. Сон «превозмог» его. На другой день утром судьба наградила его неожиданным зрелищем: в устье у входа в залив стояло темное судно с белыми бортами, с прекрасною оснасткой и рубкой; на носу сидел живой привязанный орел¹.

Берег залива произвел на Полякова унылое впечатление; он называет его типичным характерным образчиком ландшафта полярных стран. Растительность скудная, корявая. От моря залив отделяется узкою длинною песчаною косой дюнного происхождения, а за этою косой беспредельно, на тысячи верст раскинулось угрюмое злое море. Когда с мальчика, начитавшегося Майн Рида, падает ночью одеяло, он зябнет, и тогда ему снится именно такое море. Это — кошмар. Поверхность свинцовая, над нею «тяготееет однообразное серое небо». Суровые волны бьются о пустынный берег, на котором нет деревьев, они режут, и редко-редко черным пятном промелькнет в них кит или тюлень².

В настоящее время, чтобы попасть в Тымовский округ, нет надобности переваливать через Пилингу по крутизнам и ухабам. Я уже говорил, что в Тымовский округ из Александровска ездят теперь через

¹ У устья двухсаженный шест не хватал дна реки. В заливе может стоять судно большого размера. Если бы на Охотском море близ Сахалина было развито судоходство, то суда находили бы себе тут в заливе тихую и вполне безопасную стоянку.

² Горный инж. Лопатин в середине июня видел здесь лед, который покрывал море; лед этот простоял до июля. На Петров день в чайнике замерзла вода.

Арковскую долину и меняют лошадей в Арковском Станке. Дороги здесь превосходные, и лошади ездят быстро. В 16 верстах от Арковского Станка находится первое по тракту селение Тымовского округа, с названием точно в восточной сказке — *Верхний Армудан*. Оно основано в 1884 г. и состоит из двух частей, которые расположились по склону горы около речки Армудан, притока Тыми. Жителей здесь 178 : 123 м. и 55 ж. Хозяев 75 и при них совладельцев 28. Поселенец Васильев имеет даже двух совладельцев. В сравнении с Александровским округом в большинстве селений Тымовского, как увидит читатель, очень много совладельцев или половинщиков, мало женщин и очень мало законных семей. В Верхнем Армудане из 42 семей только 9 законные. Жен свободного состояния, пришедших за мужьями, только 3, то есть столько же, как в Красном Яре или Бутакове, существующих не больше года. Этот недостаток женщин и семей в селениях Тымовского округа, часто поразительный, не соответствующий общему числу женщин и семей на Сахалине, объясняется не какими-либо местными или экономическими условиями, а тем, что все вновь прибывающие партии сортируются в Александровске, и местные чиновники, по пословице «своя рубашка ближе к телу», задерживают большинство женщин для своего округа, и притом, «лучшеньких себе, а что похуже, то нам», как говорили мне тымовские чиновники.

Избы в В. Армудане крыты соломой или корьем, в некоторых окна не вставлены или наглухо забиты. Бедность воистину вопиющая. 20 человек не живут дома, ушли на заработки. Разработанной земли на всех 75 хозяев и 28 совладельцев приходится только 60 дес., посеяно зерна 183 пуда, то есть меньше, чем по 2 пуда на хозяйство. Да едва ли можно рассчитывать здесь на хлебопашество, сколько бы ни сеяли. Селение лежит высоко над уровнем моря и не защищено от северных ветров; снег тает здесь на две недели позже, чем, например, в соседнем селении Мало-Тымове. Ловить рыбу летом ходят за 20—

25 верст к реке Тыми, а охота на пушного зверя имеет характер забавы и так мало дает в экономии поселенца, что о ней даже говорить не стоит.

Хозяев и домочадцев я заставлял дома; все ничего не делали, хотя никакого праздника не было, и, казалось бы, в горячую августовскую пору все, от мала до велика, могли бы найти себе работу в поле или на Тыми, где уже шла периодическая рыба. Хозяева и их сожительницы, видимо, скучали и были готовы посидеть, поговорить о том о сем. От скуки они смеялись и для разнообразия принимались плакать. Это — неудачники, в большинстве неврастеники и нытики, «лишние люди», которые все уже испробовали, чтобы добыть кусок хлеба, выбились из сил, которых у них так мало, и в конце концов махнули рукой, потому что нет «никакого способу» и не проживешь «никаким родом». Вынужденное безделье мало-помалу перешло в привычное, и теперь они, точно у моря ждут погоды, томятся, нехотя спят, ничего не делают и, вероятно, уже не способны ни на какое дело. Разве вот только в картишки перекинуться. Как это ни странно, в В. Армудане картежная игра процветает, и здешние игроки славятся на весь Сахалин. За недостатком средств армуданцы играют по очень маленькой, но играют зато без передышки, как в пьесе: «30 лет, или Жизнь игрока». С одним из самых страстных и неутомимых картежников, поселенцем Сизовым, у меня происходил такой разговор:

— Отчего нас, ваше превосходительство, не пускают на материк? — спросил он.

— А зачем тебе туда? — пошутил я. — Там, гляди, играть не с кем.

— Ну, там-то и игра настоящая.

— В штос играете? — спросил я, помолчав.

— Точно так, ваше превосходительство, в штос.

Потом, уезжая из В. Армудана, я спросил у своего кучера-каторжного:

— Ведь они на интерес играют?

— Известно, на интерес.

— Но что же они проигрывают?

— Как что? Казенный пай, хлеб там или копченую рыбу. Харчи и одежду проиграет, а сам голодный и холодный сидит.

— А что же он ест?

— Чего? Ну, выиграет — и поест, а не выиграет — и так спать ляжет, не евши.

Ниже, на том же притоке, есть еще селение поменьше — *Нижний Армудан*. Сюда я приехал поздно вечером и ночевал в надзирательской на чердаке, около печного борова, так как надзиратель не пустил меня в комнату. «Ночевать здесь нельзя, ваше высокоблагородие; клопов и тараканов видимо-невидимо — сила! — сказал он, беспомощно разводя руками. — Пожалуйте на вышку». На вышку пришлось взбираться в темноте по наружной лестнице, мокрой и скользкой от дождя. Когда я наведалься вниз за табаком, то увидел в самом деле «силу», изумительную, возможную, вероятно, на одном только Сахалине. Стены и потолок, казалось, были покрыты траурным крепом, который двигался, как от ветра; по быстро и беспорядочно снующим отдельным точкам на крепе можно было догадаться, из чего состояла эта кипящая, переливающаяся масса. Слышались шуршанье и громкий шепот, как будто тараканы и клопы спешили куда-то и совещались¹.

Жителей в Нижнем Армудане 101: 76 м. и 25 ж. Хозяев 47 и при них совладельцев 23. Законных семей 4, незаконных 15. Женщин свободного состояния только 2. Нет ни одного жителя в возрасте 15—20 лет. Народ бедствует. Только 6 домов покрыты тесом, остальные же корьем, и так же, как в Верхнем Армудане, кое-где окна не вставлены вовсе или наглухо забиты. Я не записал ни одного работника; очевидно, самим хозяевам делать нечего. Ушло на заработки 21. Земли разработано под пашню и огороды с 1884 г.,

¹ Кстати, у сахалинцев существует мнение, будто клопов и тараканов приносят из лесу во мхе, которым здесь конопатят постройки. Мнение это выводят из того, что не успеют-де проконопатить стен, как уже в щелях появляются клопы и тараканы. Понятно, мох тут ни при чем; насекомых приносят на себе плотники, ночующие в тюрьме или в поселенческих избах.

когда селение было основано, только 37 десятин, то есть по $\frac{1}{2}$ дес. на каждого хозяина. Посеяно озимого и ярового хлеба 183 пуд. Селение совсем не похоже на хлебопашескую деревню. Здешние жители — это беспорядочный сброд русских, поляков, финляндцев, грузин, голодных и оборванных, сошедшихся вместе не по своей воле и случайно, точно после кораблекрушения.

Следующее по тракту селение лежит на самой Тыми. Основано оно в 1880 г. и названо *Дербинским* в честь смотрителя тюрьмы Дербина, убитого арестантом за жестокое обращение. Это был еще молодой, но тяжелый, крутой и неумолимый человек. По воспоминаниям людей, знавших его, он всегда ходил в тюрьму и по улицам с палкой, которую брал с собой для того только, чтобы бить людей. Его убивали в пекарне; он боролся и упал в квашню и окровавил тесто. Его смерть вызвала среди арестантов всеобщую радость, и они собрали его убийце по мелочам 60 рублей.

Прошлое у селения Дербинского вообще не радостное. Одна часть равнины, на которой оно теперь стоит, узкая, была покрыта сплошным березовым и осиновым лесом, а на другой части, более просторной, но низменной и болотистой и, казалось бы, негодной для поселения, рос густой еловый и лиственничный лес. Едва покончили с рубкой леса и раскорчевкой под избы, тюрьму и казенные склады, потом с осушкой, как пришлось бороться с бедой, которой не предусмотрели колонизаторы: речушка Амга в весеннее половодье заливала все селение. Нужно было рыть для нее другое русло и давать ей новое направление. Теперь Дербинское занимает площадь больше чем в квадратную версту и имеет вид настоящей русской деревни. Въезжаешь в него по великолепному деревянному мосту; река веселая, с зелеными берегами, с ивами, улицы широкие, избы с тесовыми крышами и с дворами. Новые тюремные постройки, всякие склады и амбары и дом смотрителя тюрьмы стоят среди селения и напоминают не тюрьму, а господскую экономию. Смотритель все ходит от амбара к амбару и

звонит ключами — точь-в-точь как помещик доброго старого времени, денно и нощно пекущийся о запасах. Жена его сидит около дома в палисаднике, величественная, как маркиза, и наблюдает за порядком. Ей видно, как перед самым домом из открытого парника глядят уже созревшие арбузы и около них почтительно, с выражением рабского усердия, ходит каторжный садовник Каратаев; ей видно, как с реки, где арестанты ловят рыбу, несут здоровую, отборную кету, так называемую «серебрянку», которая идет не в тюрьму, а на балычки для начальства. Около палисадника прогуливаются барышни, одетые, как ангельчики; на них шьет каторжная модистка, присланная за поджог. И кругом чувствуются тихая, приятная сытость и довольство; ступают мягко, по-кошачьи, и выражаются тоже мягко: рыбка, балычки, казенненькое довольствие...

Жителей в Дербинском 739: 442 м. и 297 ж., а с тюрьмою будет всего около тысячи. Хозяев 250 и при них совладельцев 58. Как по наружному виду, так и по количеству семей и женщин, по возрастному составу жителей и вообще по всем относящимся к нему цифрам, это одно из немногих селений на Сахалине, которое серьезно можно назвать селением, а не случайным сбродом людей. Законных семей в нем 121, свободных 14, и между законными женами значительно преобладают женщины свободного состояния, которых здесь 103; дети составляют треть всего населения. Но при попытке понять экономическое состояние дербинцев опять-таки наталкиваешься прежде всего на разные случайные обстоятельства, которые здесь играют такую же главную и подчиняющую роль, как и в других селениях Сахалина. И здесь естественные и экономические законы как бы уходят на задний план, уступая свое первенство таким случайностям, как, например, большее или меньшее количество неспособных к труду, больных, воров или бывших горожан, которые здесь занимаются хлебопашеством только поневоле; количество старожил, близость тюрьмы, личность окружного начальника и т. д.—

все это условия, которые могут меняться через каждые пять лет и даже чаще. Те дербинцы, которые, отбыв каторгу до 1880 г., селились тут первые, вынесли на своих плечах тяжелое прошлое селения, обтерпелись и мало-помалу захватили лучшие места и куски, и те, которые прибыли из России с деньгами и семьями, также живут не бедно; 220 десятин земли и ежегодный улов рыбы в 3 тысячи пудов, показываемые в отчетах, очевидно, определяют экономическое положение только этих хозяев; остальные же жители, то есть больше половины Дербинского, голодны, оборваны и производят впечатление ненужных, лишних, не живущих и мешающих другим жить. В наших русских деревнях даже после пожаров не наблюдается такой резкой разницы.

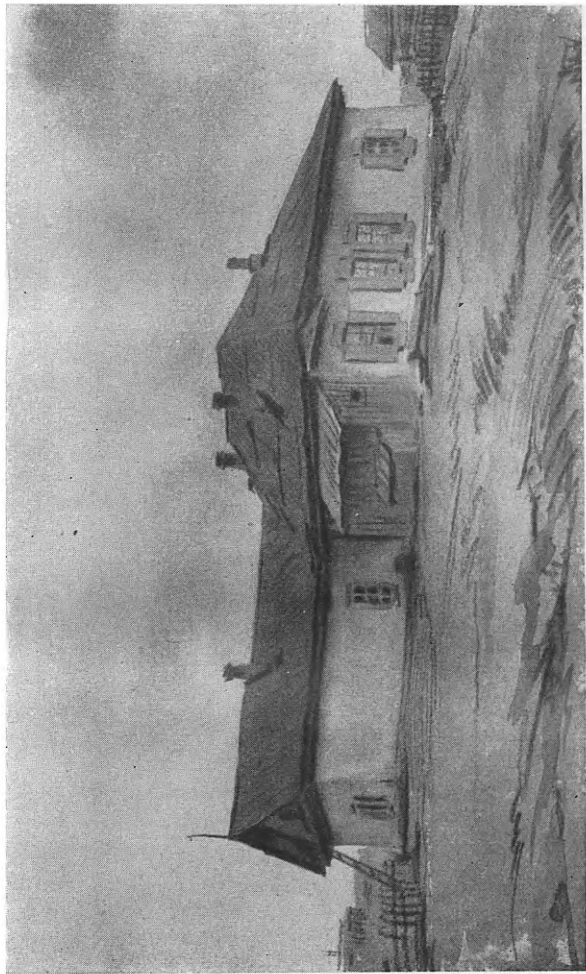
Когда я приехал в Дербинское и потом ходил по избам, шел дождь, было холодно и грязно. Смотритель тюрьмы, за неимением места в его тесной квартире, поместил меня в новом, недавно выстроенном амбаре, в котором была сложена венская мебель. Мне поставили кровать и стол и приделали к дверям завертку, чтобы можно было запирается изнутри. С вечера часов до двух ночи я читал или делал выписки из подворных описей и алфавита. Дождь, не переставая, стучал по крыше, и редко-редко какой-нибудь запоздалый арестант или солдат, шлепая по грязи, проходил мимо. Было спокойно и в амбаре и у меня на душе, но едва я тушил свечу и ложился в постель, как слышались шорох, шепот, стуки, плесканье, глубокие вздохи... Капли, падавшие с потолка на решетки венских стульев, производили гулкий, звенящий звук, и после каждого такого звука кто-то шептал в отчаянии: «Ах, боже мой, боже мой!» Рядом с амбаром находилась тюрьма. Уж не каторжные ли лезут ко мне подземным ходом? Но вот порыв ветра, дождь застучал сильнее, где-то зашумели деревья — и опять глубокий, отчаянный вздох: «Ах, боже мой, боже мой!»

Утром выхожу на крыльцо. Небо серое, унылое, идет дождь, грязно. От дверей к дверям торопливо ходит смотритель с ключами.

— Я тебе пропишу такую записку, что потом неделю чесаться будешь! — кричит он. — Я тебе покажу записку!

Эти слова относятся к толпе человек в двадцать каторжных, которые, как можно судить по немногим долетевшим до меня фразам, просят в больницу. Они оборваны, вымокли на дожде, забрызганы грязью, дрожат; они хотят выразить мимикой, что им в самом деле больно, но на озябших, застывших лицах выходит что-то кривое, лживое, хотя, быть может, они вовсе не лгут. «Ах, боже мой, боже мой!» — вздыхает кто-то из них, и мне кажется, что мой ночной кошмар все еще продолжается. Приходит на ум слово «парии», означающее в обиходе состояние человека, ниже которого уже нельзя упасть. За все время, пока я был на Сахалине, только в поселенческом бараке около рудника да здесь, в Дербинском, в это дождливое, грязное утро, были моменты, когда мне казалось, что я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти.

В Дербинском живет каторжная, бывшая баронесса, которую здешние бабы называют «рабочею барыней». Она ведет скромную рабочую жизнь и, как говорят, довольна своим положением. Один бывший московский купец, торговавший когда-то на Тверской-Ямской, сказал мне со вздохом: «А теперь в Москве скачки!» — и, обращаясь к поселенцам, стал им рассказывать, что такое скачки и какое множество людей по воскресеньям движется к заставе по Тверской-Ямской. «Верите ли, ваше высокородие,— сказал он мне, взволнованный своим рассказом,— я бы все отдал, жизнь бы свою отдал, чтобы только взглянуть не на Россию, не на Москву, а хоть бы на одну только Тверскую». В Дербинском, между прочим, живут два Емельяна Самохвалова, однофамильцы, и во дворе у одного из этих Емельянов, помнится, я видел петуха, привязанного за ногу. Всех дербинцев, в том числе и самих Емельянов Самохваловых, забавляет эта странная и очень сложная комбинация обстоятельств, которая двух человек, живших в разных кон-

Александровск. Домик, в котором жил А. П. Чехов.
Художник С. С. Чехов. 1938.

цах России и схожих по имени и фамилии, в конце концов привела сюда, в Дербинское.

Двадцать седьмого августа приехали в Дербинское ген. Кононович, начальник Тымовского округа А. М. Бутаков и еще один чиновник, молодой человек,— все трое интеллигентные и интересные люди. Они и я, вчетвером, совершили небольшую прогулку, которая, однако, от начала до конца была обставлена такими неудобствами, что вышла у нас не прогулка, а как будто пародия на экспедицию. Начать с того, что шел сильный дождь. Грязно, скользко; за что ни возьмешься — мокро. С намочшего затылка течет за ворот вода, в сапогах холодно и сыро. Закурить папиросу — это сложная, тяжелая задача, которую решали все сообща. Мы около Дербинского сели в лодку и поплыли вниз по Тыми. По пути мы останавливались, чтоб осмотреть рыбные ловли, водяную мельницу, тюремные пашни. Ловли я опишу в своем месте; мельницу мы единогласно признали превосходной, а пашни не представляют из себя ничего особенного и обращают на себя внимание разве только своими скромными размерами; серьезный хозяин назвал бы их баловством. Течение реки быстрое, четыре гребца и рулевой работали дружно; благодаря быстроте и частым изгибам реки картины перед нашими глазами менялись каждую минуту. Мы плыли по горной тайговой реке, но всю ее дикую прелесть, зеленые берега, крутизны и одинокие неподвижные фигуры рыболовов я охотно променял бы на теплую комнату и сухую обувь, тем более что пейзажи были однообразны, не новы для меня, а главное, покрыты серою дождевою мглой. Впереди на носу сидел А. М. Бутаков с ружьем и стрелял по диким уткам, которых мы вспугивали своим появлением.

По Тыми к северо-востоку от Дербинского пока основано только два селения: *Воскресенское* и *Усково*. Чтобы заселить всю реку до устья, таких селений с промежутками в десять верст понадобится по меньшей мере 30. Администрация намерена основывать их ежегодно по одному — по два и соединять их дорогою, в расчете, что со временем между Дербинским и Ный-

ским заливом проляжет тракт, оживляемый и охраняемый целою линиею селений. Когда мы плыли мимо Воскресенского, на берегу стоял навтыжку надзиратель, очевидно, поджидая нас. А. М. Бутаков крикнул ему, что на обратном пути из Ускова мы будем ночевать у него и чтоб он приготовил побольше соломы.

Вскоре после этого сильно запахло гниющею рыбой. Мы подходили к гиляцкой деревушке Уск-во, давшей название теперешнему Ускову. На берегу нас встретили гиляки, их жены, дети и куцые собаки, но уж того удивления, какое возбудил здесь когда-то своим прибытием покойный Поляков, мы не наблюдали. Даже дети и собаки глядели на нас равнодушно. Русское селение находится в двух верстах от берега. Здесь, в Ускове, та же картина, что и в Красном Яре. Широкая, дурно раскорчеванная, кочковатая, покрытая лесною травой улица и по сторонам ее неоконченные избы, поваленные деревья и кучи мусора. Все вновь строящиеся сахалинские селения одинаково производят впечатление разрушенных неприятелем или давно брошенных деревень, и только по свежему, ясному цвету срубов и стружек видно, что здесь происходит процесс, как раз противоположный разрушению. В Ускове 77 жителей: 59 м. и 18 ж., хозяев 33, и при них лишних людей, или, иначе, совладельцев, 20. Семейно живут только 9. Когда усковцы со своими семьями собрались около надзирательской, где мы пили чай, и когда женщины и дети, как более любопытные, вышли вперед, то толпа стала походить на цыганский табор. Между женщинами на самом деле было несколько смуглых цыганок с лукавыми притворно-печальными лицами, и почти все дети были цыганята. В Ускове водворены несколько каторжных цыган, и их горькую участь разделяют их семьи, пришедшие за ними добровольно. Две-три цыганки мне были немножко знакомы и раньше: за неделю до приезда в Усково я видел в Рыковском, как они с мешками за плечами ходили под окнами и предлагали погадать¹.

¹ Один автор, бывший на Сахалине года два спустя после меня, видел уже около Ускова целый табун лошадей.

Усковцы живут очень бедно. Земли под пашню и огород обработано пока только 11 дес., то есть почти $\frac{1}{5}$ дес. на хозяйство. Все живут на счет казны, получая от нее арестантское довольствие, которое достается им, впрочем, не дешево, так как по бездорожью они таскают его из Дербинского на своих плечах через тайгу.

Отдохнувши, часов в пять пополудни мы пошли пешком назад в Воскресенское. Расстояние небольшое, всего шесть верст, но от непривычки путешествовать по тайге я стал чувствовать утомление после первой же версты. Шел по-прежнему сильный дождь. Тотчас же по выходе из Ускова пришлось иметь дело с ручьем в сажень ширины, через который были перекинуты три тонких кривых бревна; все прошли благополучно, я же оступился и набрал в сапог. Перед нами лежала длинная прямая просека, прорубленная для проектированной дороги; на ней не было буквально ни одного сажня, по которому можно было бы пройти, не балансируя и не спотыкаясь. Кочки, ямы, полные воды, жесткие, точно провололочные, кусты или корневища, о которые спотыкаешься, как о порог, и которые предательски скрылись под водою, а главное, самое неприятное — это валежник и груды деревьев, поваленных здесь при рубке просеки. Победишь одну грудку, вспотеешь и продолжаешь идти по болоту, как опять новая грудка, которой не минуешь, опять взбираешься, а спутники кричат мне, что я иду не туда, надо взять влево от груды или вправо и т. д. Сначала я старался только об одном — не набрать бы в другой сапог, но скоро махнул на все рукой и предоставил себя течению обстоятельств. Слышится тяжелое дыхание трех поселенцев, которые плетутся сзади и тащат наши вещи... Томит духота, одышка, хочется пить... Идем без фуражек, — этак легче.

Генерал, задыхаясь, садится на толстое бревно. Садимся и мы. Даем по папироске поселенцам, которые не смеют сесть.

— Уф! Тяжко!

— Сколько верст осталось еще до Воскресенского

— Да версты три осталось.

Бодрее всех идет А. М. Бутаков. Раньше он хаживал пешком по тайге и тундре на далекие расстояния, и теперь какие-нибудь шесть верст составляют для него суший пустык. Он рассказывал мне про свое путешествие вдоль реки Пороная к заливу Терпения и обратно: в первый день идти мучительно, выбиваешься из сил, на другой день болит все тело, но идти все-таки уж легче, а в третий и затем следующие дни чувствуешь себя как на крыльях, точно ты не идешь, а несет тебя какая-то невидимая сила, хотя ноги по-прежнему путаются в жестком багульнике и вязнут в трясине.

На полдороге стало темнеть, и скоро нас окутала настоящая тьма. Я уже потерял надежду, что когда-нибудь будет конец этой прогулке, и шел ощупью, болтаясь по колена в воде и спотыкаясь о бревна. Кругом меня и моих спутников там и сям мелькали или млели неподвижно блуждающие огоньки; светились фосфором целые лужи и громадные гниющие деревья, а сапоги мои были усыпаны движущимися точками, которые горели, как ивановские свегляки.

Но вот, слава богу, вдали заблестел огонь, не фосфорический, а настоящий. Кто-то окликнул нас, мы ответили; показался надзиратель с фонарем; широко шагая через лужи, в которых отсвечивал его фонарь, он через все Воскресенское, которое едва было видно в потемках, повел нас к себе в надзирательскую¹. У спутников моих было с собою сухое платье для перемены, и они, придя в надзирательскую, поспешили переодеться, у меня же с собою ничего не было, хотя я промок буквально насквозь. Мы напились чаю, поговорили и легли спать. Кровать в надзирательской была только одна, ее занял генерал, а мы, простые смертные, легли на полу на сене.

¹ На то, чтобы пройти шесть верст из Ускова в Воскресенское, нам понадобилось три часа. Если читатель вообразит пешехода, навьюченного мукой, солониной или казенными вещами, или больного, который идет из Ускова в рыковскую больницу, то ему станет вполне понятно, какое значение имеют на Сахалине слова: «Нет дороги». Проехать невозможно ни на колесах, ни верхом. Бывали случаи, что при попытках проехать верхом лошади ломали себе ноги.

Воскресенское почти вдвое больше Ускова. Жителей 183:175 м. и 8 ж. Свободных семей 7 и ни одной венчанной пары. Детей в селении немного: только одна девочка. Хозяев 97, при них совладельцев 77.

Х

Рыковское.— Здешняя тюрьма — Метеорологическая станция М. Н. Галкина-Враского.— Палево.— Микрюков.— Вальзы и Лонгари.— Мало-Тымово.— Андре-Ивановское.

У верховьев Тыми. в самой южной части ее бассейна, мы встречаем более развитую жизнь. Здесь, как бы то ни было, все-таки теплее, тоны у природы мягче, и голодный, озябший человек находит для себя более подходящие естественные условия, чем по среднему или нижнему течению Тыми. Тут даже местность похожа на Россию. Это сходство, очаровательное и трогательное для ссыльного, особенно заметно в той части равнины, где находится селение *Рыковское*, административный центр Тымовского округа. Здесь равнина имеет до шести верст ширины; с востока слегка защищает ее невысокий хребет, идущий вдоль Тыми, а с западной стороны синеют отроги большого водораздельного хребта. На ней нет холмов и возвышений, это совершенно ровное, по виду обыкновенное русское поле с пашнями, покосами, выгонами и зелеными рощами. При Полякове вся поверхность долины была покрыта кочками, ямами, промоинами, озерками и мелкими речушками, впадавшими в Тымь; верховая лошадь вязла то по колена, то по брюхо; теперь же все раскорчевано, осушено, и из Дербинского до Рыковского на протяжении 14 верст проходит щегольская дорога, изумительная по своей гладкости и совершенной прямизне.

Рыковское, или Рыково, основано в 1878 г.; место для него довольно удачно выбрал и указал смотритель тюрьмы унтер-офицер Рыков. Оно отличается своим быстрым ростом, необыкновенным даже для сахалинского селения: в последние пять лет площадь его и население увеличились в четыре раза. В настоящее время

оно занимает три квадратных версты, и жителей в нем 1368: 831 м. и 537 ж., а с тюрьмой и командой будет более двух тысяч. Оно не похоже на Александровский пост; то городок, маленький Вавилон, имеющий уже в себе игорные дома и даже семейные бани, содержимые жидом, это же настоящая серая русская деревня без каких-либо претензий на культурность. Когда едешь или идешь по улице, которая тянется версты на три, то она скоро прискучает своею длиной и однообразием. Тут улицы не называются, по-сибирски, слободками, как в Александровске, а улицами, и большинство их сохраняют названия, данные им самими поселенцами. Есть улица Сизовская, названная так потому, что на краю стоит изба поселки Сизовой, есть улица Хребтовая, Малороссийская. В Рыковском много хохлов, и потому, должно быть, нигде в другом селении вы не встретите столько великолепных фамилий, как здесь: Желтоног, Желудок, девять человек Безбожных, Зарывай, Река, Бублик, Сивокобылка, Колода, Замоздря и т. д. Среди селения большая площадь, на ней деревянная церковь и кругом по краю не лавки, как у нас в деревнях, а тюремные постройки, присутственные места и квартиры чиновников. Когда проходишь по площади, то воображение рисует, как на ней шумит веселая ярмарка, раздаются голоса усковских цыган, торгующих лошадьми, как пахнет дегтем, навозом и копченою рыбой, как мычат коровы, и визгливые звуки гармоник мешаются с пьяными песнями; но мирная картина рассеивается в дым, когда слышишь вдруг опостылевший звон цепей и глухие шаги арестантов и конвойных, идущих через площадь в тюрьму.

Хозяев в Рыковском 335, и при них половинщиков, совместно ведущих хозяйства и считающих себя тоже хозяевами, 189. Законных семей 195, свободных 91; большинство законных жен — свободные, пришедшие за мужьями. Их здесь 155. Это высокие цифры, но утешаться и увлекаться ими не следует, они обещают мало хорошего. Уже по количеству половинщиков, этих сверштатных хозяев, видно, как много здесь лишнего элемента, не имеющего средств

и возможности самостоятельно вести хозяйство, и как уже здесь тесно и голодно. Сахалинская администрация сажает людей на участки как-нибудь, не соображаясь с обстоятельствами и не заглядывая в будущее, а при таком нехитром способе создавать новые населенные пункты и хозяйства, селения, поставленные даже в сравнительно благоприятные условия, как Рыковское, в конце концов все-таки дают картину полного обнищания и доходят до положения Верхнего Армудана. Для Рыковского, при существующем количестве земли, годной для хлебопашества, и при условиях здешней урожайности, принимая даже во внимание возможные заработки, двухсот хозяев было бы, как говорится, за глаза, а между тем их тут вместе с сверхштатными более пятисот, и каждый год начальство будет приваливать все новых и новых.

Тюрьма в Рыковском новая. Построена она по типу, общему для всех сахалинских тюрем: деревянные казармы, камеры в них и нечистота, нищета и неудобства, свойственные этим предназначаемым для стадной жизни помещениям. С недавнего времени, впрочем, рыковская тюрьма благодаря некоторым своим особенностям, которых трудно не заметить, стала считаться лучшею тюрьмой во всем Сев. Сахалине. Мне она тоже показалась лучшею. Так как в районе каждой тюрьмы мне приходилось прежде всего пользоваться канцелярским материалом для справок и услугами грамотных людей, то во всем Тымовском округе, и особенно в Рыковском, я не мог не заметить на первых порах того обстоятельства, что здешние писаря хорошо подготовлены и дисциплинированы, как будто прошли специальную школу; подворные описи и алфавиты они ведут в образцовом порядке. Затем, когда я бывал в тюрьме, то же впечатление порядка и дисциплины производили на меня кашевары, хлебопеки и проч.; даже старшие надзиратели не казались здесь такими сытыми, величаво-тупыми и грубыми, как в Александровске или Дуэ.

В тех частях тюрьмы, где соблюдение чистоты возможно, требование опрятности, по-видимому, до-

ведено до крайности. В кухне, например, и пекарне— в самом помещении, мебели, посуде, воздухе, одежде прислуги— такая чистота, что могла бы удовлетворить самый придирчивый санитарный надзор, и очевидно, что эта опрятность бывает наблюдаема здесь постоянно, независимо от чьих-либо посещений. Когда я был в кухне, там варили в котлах похлебку из свежей рыбы— кушанье нездоровое, так как от периодической рыбы, пойманной в верховьях реки, арестанты заболевают острым катаром кишок; но, несмотря даже на это обстоятельство, вся постановка дела как бы говорила, что здесь арестант полностью получает все то количество пищевого довольствия, какое ему полагается по закону. Оттого, что для работ внутри тюрьмы, в качестве заведующих, распорядителей и проч., привлечены привилегированные ссыльные, которые отвечают за качество и количество арестантской пищи, я думаю, стали невозможны такие безобразные явления, как вонючие щи или хлеб с глиной. Из множества суточных хлебных порций, приготовленных для выдачи арестантам, я взял несколько наудачу и свесил, и каждая весила непременно три фунта с походцем.

Отхожее место устроено здесь тоже по системе выгребных ям, но содержится иначе, чем в других тюрьмах. Требование опрятности здесь доведено до степени, быть может, даже стеснительной для арестантов, в помещении тепло и дурной запах совершенно отсутствует. Последнее достигается особого рода вентиляцией, описанной в известном руководстве проф. Эрисмана, кажется, под названием обратной тяги¹.

¹ В рыковской тюрьме эта тяга устроена так: в помещении над выгребною ямой топят печи, и при этом дверцы закрываются вплотную, герметически, а ток воздуха, необходимый для горения, печи получают из ямы, так как соединены с нею трубой. Таким образом все зловонные газы поступают из ямы в печь и по дымовой трубе выходят наружу. Помещение над ямой нагревается от печей, и воздух отсюда идет в яму через дыры и затем в дымовую трубу; пламя спички, поднесенной к дыре, заметно тянется вниз.

Смотритель рыковской тюрьмы, г. Ливин, человек даровитый, с серьезным опытом, с инициативой, и тюрьма всем тем, что в ней есть хорошего, обязана главным образом ему. К сожалению, он имеет сильное пристрастие к розге, которое уже однажды было ознаменовано покушением на его жизнь. На него, как на зверя, с ножом бросился арестант, и это нападение имело гибельные последствия для нападавшего. Постоянная заботливость г. Ливина о людях и в то же время розги, упоение телесными наказаниями, жестокость, как хотите, сочетание ни с чем несообразное и необъяснимое. Капитан Венцель в гаршинских «Записках рядового Иванова», очевидно, не выдуман.

В Рыковском есть школа, телеграф, больница и метеорологическая станция имени М. Н. Галкина-Враского, которую неофициально заведует привилегированный ссыльный, бывший мичман, человек замечательно трудолюбивый и добрый; он исправляет еще также должность церковного старосты. За четыре года, пока существует станция, собрано не много данных, но все-таки уже достаточно определилась разница между обоими северными округами. Если в Александровском округе климат морской, то в Тымовском он континентальный, хотя между станциями обоих округов не более 70 верст. Колебания температуры и числа дней с осадками в Тымовском уже не так значительны. Лето здесь теплее, зима суровее; средняя температура года ниже нуля, то есть ниже даже, чем на Соловецком острове. Тымовский округ находится выше над уровнем моря, чем Александровский, но благодаря тому, что он окружен горами и лежит как бы в котловине, среднее число безветренных дней в году здесь больше почти на 60 и, в частности, дней с холодным ветром меньше на 20. Наблюдается также небольшая разница в числе дней с осадками: в Тымовском их больше — 116 со снегом и 76 с дождем; сумма же осадков в обоих округах дает более значительную разницу, почти на 300 мм., причем наибольшее количество сырости приходится на долю Александровского.

24 июля 1889 г. был утренник, который попортил в Дербинском картофельный цвет; 18 же августа во всем округе побил морозом картофельную ботву.

Южнее Рыковского, на месте бывшей гиляцкой деревушки Пальво, на притоке Тыми того же названия, стоит селение *Палево*, основанное в 1886 г. От Рыковского ведет сюда хорошая проселочная дорога по гладкой равнине, мимо рощ и полей, чрезвычайно напоминавших мне Россию, быть может, потому, что я проезжал здесь в очень хорошую погоду. Расстояние 14 верст. В направлении от Рыковского до Палева скоро проляжет почтово-телеграфный тракт, давно уже проектированный, который соединит Северный Сахалин с Южным. Дорога здесь уже строится.

В Палеве 396 жителей: 345 м. и 51 ж. Хозяев 183 и при них половинщиков 137, хотя, по местным условиям, было бы достаточно и 50 владельцев. Трудно найти на Сахалине другое селение, в котором сошлось бы вместе столько разных обстоятельств, неблагоприятных для сельскохозяйственной колонии, как здесь. Почва — галька; когда-то, по рассказам старожилов, на месте нынешнего Палева тунгусы пасли своих оленей. Даже поселенцы толкуют, что эта местность во времена оны была дном морским и будто гиляки теперь находят на ней вещи с кораблей. Земли разработано только 108 дес., считая тут и пашни, и огород, и сенокосы, а хозяев между тем больше трехсот. Взрослых женщин только 30, по одной на 10 человек, и точно в насмешку, чтобы дать сильнее почувствовать печальный смысл этой пропорции, не так давно смерть заглянула в Палево и похитила в короткое время трех сожительниц. Почти третья часть хозяев до ссылки не занималась хлебопашеством, так как принадлежала к городским условиям. К сожалению, перечень неблагоприятных обстоятельств не кончается на этом. Почему-то еще, вероятно, по пословице — на бедного Макара все шишки валятся, ни в одном селении на Сахалине нет такого множества воров, как именно здесь, в многострадальном, судьбою обиженном Палеве. Тут каж-

дую ночь воруют; накануне моего приезда троих отправили в кандалную за кражу ржи. Кроме таких, которые воруют из нужды, в Палеве не мало еще так называемых «пакостников», которые вредят своим односельчанам только из любви к искусству. Без всякой надобности убивают ночью скотину, выдергивают из земли еще не созревший картофель, выставляют из окон рамы и т. п. Все это влечет за собой потери и истощает вконец жалкие нищенские хозяйства и, что едва ли не менее важно, держит население в постоянном страхе.

Обстановка жизни говорит только о бедности и ни о чем другом. Крыши на избах покрыты корьем и соломой, дворов и надворных построек нет вовсе; 49 домов еще не окончены и, по-видимому, брошены своими хозяевами. 17 владельцев ушли на заработки.

Когда я в Палеве ходил по избам, за мной неотступно следовал надзиратель из поселенцев, родом пскович. Помнится, я спросил у него: среда сегодня или четверг? Он ответил:

— Не могу упомнить, ваше высокоблагородие.

В казенном доме живет отставной квартирмейстер Карп Ерофеич Микрюков, старейший из сахалинских надзирателей. Прибыл он на Сахалин в 1860 году, в ту пору, когда еще только начиналась сахалинская каторга, и из всех ныне здравствующих сахалинцев только он один мог бы написать всю ее историю. Он словоохотлив, на вопросы отвечает с видимым удовольствием и старчески длинно; память уже стала изменять ему, так что отчетливо помнит он только давнопрошедшее. Обстановка у него приличная, вполне хозяйственная, даже есть два портрета, написанных масляными красками: на одном он сам, на другом его покойница жена с цветком на груди. Родом он из Вятской губ., лицом живо напоминает покойного писателя Фета. Свои настоящие годы он скрывает, говорит, что ему только 61, на самом же деле ему больше 70. Женат он вторым браком на дочери поселенца, молодой женщине, от которой имеет шестерых детей в возрасте от 1 до 9 лет. Младший еще грудной.

Моя беседа с Карпом Ерофеичем затянулась далеко за полночь, и все истории, которые он мне рассказывал, касались только каторги и ее героев, как, например, смотритель тюрьмы Селиванов, который под горячую руку отбивал кулаком замки у дверей и в конце концов был убит арестантами за жестокое с ними обращение.

Когда Микрюков отправился в свою половину, где спали его жена и дети, я вышел на улицу. Была очень тихая, звездная ночь. Стучал сторож, где-то вблизи журчал ручей. Я долго стоял и смотрел то на небо, то на избы, и мне казалось каким-то чудом, что я нахожусь за десять тысяч верст от дому, где-то в Палеве, в этом конце света, где не помнят дней недели, да и едва ли нужно помнить, так как здесь решительно все равно — среда сегодня или четверг...

Еще южнее, по линии проектированного почтового тракта, есть селение *Вальзы*, основанное в 1889 г. Тут 40 мужчин и ни одной женщины. За неделю до моего приезда из Рыковского были посланы три семьи еще южнее, для основания селения *Лонгари*, на одном из притоков реки Пороная. Эти два селения, в которых жизнь едва только начинается, я оставляю на долю того автора, который будет иметь возможность проехать к ним по хорошей дороге и видеть их близко.

Чтобы кончить с обзором селений Тымовского округа, мне остается упомянуть еще только о двух селениях: *Мало-Тымове* и *Андрее-Ивановском*. Оба они расположены на реке Малой Тыми, берущей начало около Пилинги и впадающей в Тынь около Дербинского. Первое, самое старое селение Тымовского округа, основано в 1877 г. В былое время, когда переваливали через Пилингу, путь к Тыми шел через это селение. В нем теперь 190 жителей: 111 м. и 79 ж. Хозяев с совладельцами 67. Когда-то Мало-Тымово было главным селением и центром местности, составляющей нынешний Тымовский округ, теперь же оно стоит в стороне и похоже на заштатный городок, в котором замерло все живое; о прежнем величии го-

ворят здесь только небольшая тюрьма да дом, где живет тюремный смотритель. В настоящее время в должности мало-тымовского смотрителя состоит г. К., интеллигентный и добрейший молодой человек, петербуржец, по-видимому, сильно тоскующий по России. Громадная казенная квартира с высокими и широкими комнатами, в которых гулко и одиноко раздаются шаги, и длинное, тягучее время, которое некуда девать, угнетают его до такой степени, что он чувствует себя, как в плену. Как нарочно, молодой человек просыпается рано, в четвертом или пятом часу. Встал, напился чаю, сходил в тюрьму... а потом что делать? Потом ходит по своему лабиринту, поглядывая на деревянные с паклею стены, ходит, ходит, потом опять чаю напьется и займется ботаникой, а потом ходит опять, и ничего ему не слышно, кроме собственных шагов и завывания ветра. В Мало-Тымове много старожилов. Между ними я встретил татарина Фуражиева, который вместе с Поляковым ездил когда-то к Ныйскому заливу; он с удовольствием вспоминает теперь и об экспедиции и о Полякове. Из стариков, пожалуй, в бытовом отношении может показаться интересным еще поселенец Богданов, раскольник, занимающийся ростовщичеством. Он долго не впускал меня к себе, а впустивши, распространился на тему о том, что теперь много всякого народу ходит,— впусти, так, чего доброго, ограбят и т. д.

Селение Андрее-Ивановское названо так потому, что кого-то звали Андреем Ивановичем. Основано оно в 1885 г., на болоте. Жителей 382: 277 м. и 105 ж. Хозяев вместе с совладельцами 231, хотя и здесь, как в Палеве, было бы совершенно достаточно 50. Состав здешнего населения тоже нельзя назвать удачным. Как в населении Палева наблюдается быток мещан и разночинцев, никогда не бывших хлебопашцами, так здесь, в Андрее-Ивановском, много неправославных; они составляют четверть всего населения: 47 католиков, столько же магометан и 12 лютеран. А среди православных немало инородцев,

например, грузин¹. Такая пестрота придает населению характер случайного сброда и мешает ему слиться в сельское общество.

XI

Проектированный округ.— Каменный век.— Была ли вольная колонизация? — Гиляки.— Их численный состав, натурность, сложение, пища, одежда, жилища, гигиеническая обстановка.— Их характер.— Попытки к их обрусению.— Орочи.

Оба северные округа, как может видеть читатель из только что конченного обзора селений, занимают площадь, равную небольшому русскому уезду. Вычислить пространство, занимаемое ими, в квадратных верстах в настоящее время едва ли возможно, так как протяжение обоих округов к югу и северу не обусловлено никакими границами. Между административными центрами обоих округов, Александровским постом и Рыковским, по кратчайшей дороге с перевалом через Пилингу считается 60, а через Арковскую долину 74 версты. По-здешнему, это не близко. Не говоря уже про Танги и Ванги, даже Палево считается далеким селением, а основание новых селений немного южнее Палева, по притокам Пороная, поставило даже на очередь вопрос об учреждении нового округа. Как административная единица, округ соответствует уезду; по сибирским понятиям, так может называться только почтенная дистанция, которую в целый месяц не объедешь, например Анадырский округ, и чиновнику-сибиряку, работающему в одиночку на пространстве двух-трех сот верст, дробление Сахалина на мелкие округа может показаться роскошью. Но сахалинское население живет при исключительных условиях, и механизм управления

¹ Между прочим, живут здесь бывшие кутаисские дворяне братья Чиковани, Алексей и Теймурас. Был еще третий брат, но тот умер от чахотки. В их избе нет никакой мебели, и только на полу лежит перина. Один из них болен.

здесь гораздо сложнее, чем в Анадырском округе. Дробление ссыльной колонии на мелкие административные участки вызывается самою практикой, которая, кроме многого другого, о чем еще придется говорить, указала, во-первых, что чем короче расстояния в ссыльной колонии, тем легче и удобнее управлять ею, и, во-вторых, дробление на округа вызвало усиление штатов и прилив новых людей, а это, несомненно, имело на колонию благотворное влияние. С усилением состава интеллигентных людей в количественном отношении получилась значительная прибавка и в качественном.

На Сахалине я застал разговор о новом проектированном округе; говорили о нем как о земле Хананской, потому что на плане через весь этот округ вдоль реки Пороная лежала дорога на юг; и предполагалось, что в новый округ будут переведены каторжники, живущие теперь в Дуэ и в Воеводской тюрьме, что после переселения останется одно только воспоминание об этих ужасных местах, что угольные копи отойдут от общества «Сахалин», которое давно уже нарушило контракт, и добыча угля будет производиться уже не каторжными, а поселенцами на артельных началах¹.

¹ Между приказами ген. Кононовича есть один, касающийся давно желанного упразднения Дуэ и Воеводской тюрьмы: «Осмотрев Воеводскую тюрьму, я лично убедился в том, что ни условия местности, в которой она находится, ни значение содержащихся в ней преступников, большею частью долгосрочных или заключенных за новые преступления, не могут оправдать того порядка надзора или, лучше сказать, отсутствия всякого фактического наблюдения, в котором эта тюрьма находится с самого ее основания. Положение дел в настоящее время таково: тюрьма выстроена в узкой долине севернее поста Дуэ версты на полторы, сообщение с постом существует только по берегу моря и прерывается два раза в сутки приливами, сообщение горами летом затруднительно, зимою невозможно; смотритель тюрьмы имеет пребывание в Дуэ, помощник его тоже; местная команда, от которой содержится караул и высылается потребное число конвоя для различных работ по условию с обществом «Сахалин», расположена также в упомянутом посту, а при тюрьме — никого, кроме нескольких надзирателей и ежедневно приходящего на смену караула, который остается вне постоянного ближайшего наблюдения военного начальства. Не входя в разбор

Прежде чем покончить с Северным Сахалином, считаю не лишним сказать немного о тех людях, которые жили здесь в разное время и теперь живут независимо от ссыльной колонии. В долине Дуйки Поляков нашел ножеобразный осколок обсидиана, наконечники стрел из камня, точильные камни, каменные топоры и проч.; эти находки дали ему право заключить, что в долине Дуйки, в отдаленные времена, жили люди, которые не знали металлов; это были жители каменного века. Черепки, медвежьи и собачьи кости и грузила от неводов, находимые на месте их бывшего жилья, указывают на то, что они знакомы были с гончарным делом, охотились на медведей и ловили неводом рыбу и что на охоте им помогала собака. Поделки из кремня, которого нет на Сахалине, они получали, очевидно, от соседей, с материка и ближайших островов; очень может быть, что во время их передвижений собака играла ту же роль, что и теперь, то есть была езжалой. И в долине Тыми Поляков находил также остатки первобытных сооружений и грубых орудий. Вывод его таков, что в Северном Сахалине «возможно существование для племен, стоящих даже на относительно низкой степени умственного развития; очевидно, здесь жили люди и веками выработали способы защищаться от холода, жажды и голода; весьма вероятно при этом, что древние обитатели жили здесь сравнительно небольшими общинами и не были народом вполне оседлым».

Посылая Бошняка на Сахалин, Невельской, между прочим, поручил ему также проверить слух относительно людей, оставленных на Сахалине лейт. Хвостовым и живших, как передавали гиляки, на

обстоятельств, причиною которых было устройство тюрьмы в столь несоответствующем месте и оставление ее вне всякой возможности непосредственного надзора, я, впредь до испрошения разрешения вовсе упразднить как Дуйскую, так равно и Воеводскую тюрьмы и перевести их в другие местности, должен хотя отчасти исправить существующие недостатки» и т. д. (приказ № 348, 1888 г.).

р. Тыми¹. Бошняку удалось напасть на след этих людей. В одном из селений по Тыми гиляки выменяли ему за 3 арш. китайки 4 листа, вырванных из молитвенника, и объяснили ему при этом, что книга принадлежала жившим здесь русским. На одном из листов, который был в книге заглавным, едва разборчивым почерком было написано: «Мы, Иван, Данила, Петр, Сергей и Василий, высажены в анивском селении Томари-Анива Хвостовым 17 августа 1805 года, перешли на реку Тыми в 1810 году, в то время когда пришли в Томари японцы». Осмотрев затем место, где жили русские, Бошняк пришел к заключению, что помещались они в трех избах и имели огороды. Туземцы говорили ему, что последний из русских, Василий, умер недавно, что русские были хорошие люди, вместе с ними ходили на рыбный и звериный промыслы и одевались так же, как и они, но волосы стригли. В другом месте туземцы сообщили такую подробность: двое русских имели детей от жен-туземок. В настоящее время русские, оставленные Хвостовым на Северном Сахалине, уже забыты, и об их детях ничего не известно.

¹ См. Давыдова «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. С предуведомлением Шишкова, 1810 г.». В своем предисловии адм. Шишков говорит, что «Хвостов соединял в душе своей две противности: кротость агнца и пылкость льва». Давыдов же, по его словам, «нравом вспыльчивее и горячее Хвостова, но уступал ему в твердости и мужестве» Кротость агнца, однако, не помешала Хвостову в 1806 г. уничтожить японские магазины и взять в плен четырех японцев в Южном Сахалине на берегу Анивы, а в 1807 г. он вместе со своим другом Давыдовым разгромил японские фактории на Курильских островах и еще раз поразбойничал на Южном Сахалине. Эти храбрые офицеры воевали с Японией без ведома правительства, в полной надежде на безнаказанность. Оба они кончили жизнь не совсем обыкновенно: утонули в Неве, через которую торопились перейти в то самое время, когда разводили мост. Их подвиги, наделавшие в свое время очень много шума, возбудили в обществе некоторый интерес к Сахалину, о нем говорили, и, кто знает, быть может, уже тогда была предрешена участь этого печального, пугавшего воображение, острова. В своем предуведомлении Шишков высказывает мнение, ни на чем не основанное, будто русские в прошедшем столетии хотели завладеть островом и будто основали там колонию.

Бошняк пишет, между прочим, в своих записках, что, разузнавая постоянно, нет ли где-нибудь на острове поселившихся русских, он узнал от туземцев в селении Танги следующее: лет 35 или 40 назад у восточного берега разбилось какое-то судно, экипаж спасся, выстроил себе дом, а через несколько времени и судно; на этом судне неизвестные люди через Лаперузов пролив прошли в Татарский и здесь опять потерпели крушение близ села Мгачи, и на этот раз спасся только один человек, который называл себя Кемцем. В скором времени после этого прибыли с Амура двое русских, Василий и Никита. Они присоединились к Кемцу и в Мгачах выстроили себе дом; они занимались охотой на пушных зверей, как промыслом, и ездили для торговли к маньчжурам и японцам. Один из гиляков показывал Бошняку зеркало, подаренное будто бы Кемцем его отцу; гиляк не хотел продать ни за что этого зеркала, говоря, что хранит его, как драгоценный памятник друга своего отца. Василий и Никита очень боялись русского царя, из чего видно было, что они принадлежали к числу беглых. Все трое кончили свою жизнь на Сахалине.

Японец Мамя-Ринзо¹ слышал в 1808 г. на Сахалине, что по западную сторону острова часто появлялись русские суда и что русские в конце концов своими разбойничествами заставили туземцев одну их часть изгнать, другую перебить. Мамя-Ринзо называет имена этих русских: Камуци, Симена, Мому и Васире. «В трех последних,— говорит Шренк,— нетрудно узнать русские имена: Семен, Фома и Василий. А Камуци, по его мнению, очень похож на Кемца».

Этот очень короткую историю восьми сахалинских Робинзонов исчерпываются все данные, относящиеся к вольной колонизации Северного Сахалина. Если необыкновенная судьба пяти хвостовских мат-

¹ Его сочинение называется «Тó-tats Кí Ко». Я, конечно, его не читал и в данном случае пользуюсь цитатами Л. И. Шренка, автора книги «Об инородцах Амурского края».

росов и Кемца с двумя беглыми похожа на попытку к вольной колонизации, то эту попытку следует признать ничтожной и во всяком случае неудавшейся. Поучительна она для нас разве в том отношении, что все восемь человек, жившие на Сахалине долго, до конца дней своих, занимались не хлебопашеством, а рыбным и звериным промыслом.

Теперь для полноты остается упомянуть еще о местном коренном населении — гиляках. Живут они в Северном Сахалине, по западному и восточному побережью и по рекам, главным образом по Тыми;¹ селения старые, и те их названия, какие упоминаются у старых авторов, сохранились и по сие время, но жизнь все-таки нельзя назвать вполне оседлой, так как гиляки не чувствуют привязанности к месту своего рождения и вообще к определенному месту, часто оставляют свои юрты и уходят на промыслы, кочуя вместе с семьями и собаками по Северному Сахалину. Но в своих кочевьях, даже когда приходится предпринимать далекие путешествия на материк, они остаются верными острову, и гиляк-сахалинец по языку и обычаям отличается от гиляка, живущего на материке, быть может, не меньше, чем малоросс от москвича. Ввиду этого, мне кажется, было бы не очень трудно сосчитать гиляков-сахалинцев и не смешать их с теми, которые приезжают сюда для промысла с Татарского берега. А их не мешало бы считать хотя бы раз в 5—10 лет, иначе важный вопрос о влиянии ссыльной колонии на их численный состав долго еще будет открытым и решаться произвольно.

¹ Гиляки в виде немногочисленного племени живут по обоим берегам Амура, в нижнем его течении, начиная примерно с Софийска, затем по Лиману, по смежному с ним побережью Охотского моря и в северной части Сахалина; в продолжение всего того времени, за которое имеются исторические сведения об этом народе, то есть за 200 лет, никаких сколько-нибудь значительных изменений в положении их границ не произошло. Предполагают, что когда-то родиною гиляков был один только Сахалин и что только впоследствии они перешли оттуда на близлежащую часть материка, теснимые с юга айнами, которые двигались из Японии, в свою очередь теснимые японцами.

По сведениям, собранным Бошняком, всех гиляков на Сахалине в 1856 г. было 3270. Приблизительно этак лет через 15 Мицуль уже писал, что число всех гиляков на Сахалине можно принять до 1500, а по новейшим данным, относящимся к 1889 г. и взятым мною из казенной «Ведомости о числе инородцев», в обоих округах гиляков всего только 320. Значит, если верить цифрам, через 5—10 лет на Сахалине не останется ни одного гиляка. Не могу судить, насколько верны цифры Бошняка и Мицуля, но официальная — 320, к счастью, по некоторым причинам, не может иметь никакого значения. Ведомости об инородцах составляются канцеляристами, не имеющими ни научной, ни практической подготовки и даже не вооруженными никакими инструкциями; если сведения собираются ими на месте, в гиляцких селениях, то делается это, конечно, начальническим тоном, грубо, с досадой, между тем как деликатность гиляков, их этикет, не допускающий высокомерного и властного отношения к людям, и их отвращение ко всякого рода переписям и регистрациям требуют особенного искусства в обращении с ними. Помимо того, сведения собираются администрацией без всякой определенной цели, лишь мимоездом, причем исследователь вовсе не соотносится с этнографической картой, а действует произвольно. В ведомость Александровского округа вошли лишь те гиляки, которые живут южнее селения Ванги, а в Тымовском округе их считали только вблизи селения Рыковского, где они не живут, а бывают мимоходом.

Несомненно, что численность сахалинских гиляков постоянно уменьшается, но судить об этом приходится только на глаз. И как велико это уменьшение? Отчего оно происходит? Оттого ли, что гиляки вымирают, или оттого, что они переселяются на материк или северные острова? За неимением надежных цифровых данных и наши толки о губительном влиянии русского нашествия основаны на одних лишь аналогиях, и очень возможно, что влияние это до сих пор было ничтожно, равно почти нулю, так как саха-

линские гиляки живут преимущественно по Тыми и восточному побережью, где русских еще нет¹.

Гиляки принадлежат не к монгольскому и не к тунгусскому, а к какому-то неизвестному племени, которое, быть может, когда-то было могущественно и владело всей Азией, теперь же доживает свои последние века на небольшом клочке земли в виде немногочисленного, но все еще прекрасного и бодрого народа. Благодаря своей необыкновенной общительности и подвижности гиляки издавна успели породниться со всеми соседними народами, и потому встретить теперь гиляка *pur sang*², без примеси монгольских, тунгусских или аинских элементов, почти невозможно. Лицо у гиляка круглое, плоское, лунообразное, желтоватого цвета, скуластое, немытое, с косым разрезом глаз и с жидкою, иногда едва заметною бородкой; волосы гладкие, черные, жесткие, собранные на затылке в косичку. Выражение лица не выдает в нем дикаря; оно у него всегда осмысленное, кроткое, наивно-внимательное; оно или широко, блаженно улыбается, или же задумчиво-скорбно, как у вдовы. Когда он со своею жидкою бородкой и с косичкой, с мягким, бабьим выражением стоит в профиль, то с него можно писать Кутейкина, и отчасти становится понятным, почему некоторые путешественники относили гиляков к кавказскому племени.

Желающих обстоятельно познакомиться с гиляками я отсылаю к специалистам этнографам, например к Л. И. Шренку³. Я же ограничусь лишь теми

¹ На Сахалине есть должность: переводчик гиляцкого и аинского языков. Так как этот переводчик ни одного слова не знает по-гиляцки и аински, а гиляки и айны в большинстве понимают по-русски, то эта ненужная должность может служить хорошим *pendant*'ом [дополнением — *франц.*] к вышеупомянутому смотрителю несуществующего Ведерниковского Станка. Если бы вместо переводчика значился по штату чиновник, научным образом знакомый с этнографией и статистикой, то это было бы куда лучше.

² чистокровного (*франц.*).

³ К его превосходному сочинению «Инородцы Амурского края» приложены этнографическая карта и две таблицы с рисунками г. Дмитриева-Оренбургского; на одной из таблиц изображены гиляки.

частностями, которые характерны для местных естественных условий и которые могут дать прямо или косвенно указания, практически полезные для новиков-колонистов.

У гиляка крепкое, коренастое сложение; он среднего, даже малого роста. Высокий рост стеснял бы его в тайге. Кости у него толсты и отличаются сильным развитием всех отростков, гребней и бугорков, к которым прикрепляются мышцы, а это заставляет предполагать крепкие, сильные мышцы и постоянную, напряженную борьбу с природой. Тело у него худощаво, жилисто, без жировой подкладки; полные и тучные гиляки не встречаются. Очевидно, весь жир расходуется на тепло, которого так много должно вырабатывать в себе тело сахалинца, чтобы возмещать потери, вызываемые низкой температурой и чрезмерною влажностью воздуха. Понятно, почему гиляк потребляет в пищу так много жиров. Он ест жирную тюленину, лососей, осетровый и китовый жир, мясо с кровью, все это в большом количестве, в сыром, сухом и часто мерзлом виде, и оттого, что он ест грубую пищу, места прикрепления жевательных мышц у него необыкновенно развиты и все зубы сильно пообтерлись. Пища исключительно животная, и редко, лишь когда случается обедать дома или на пирушке, к мясу и рыбе прибавляются маньчжурский чеснок или ягоды. По свидетельству Невельского, гиляки считают большим грехом земледелие: кто начнет рыть землю или посадит что-нибудь, тот непременно умрет. Но хлеб, с которым их познакомили русские, едят они с удовольствием, как лакомство, и теперь не редкость встретить в Александровске или в Рыковском гиляка, несущего под мышкой ковригу хлеба.

Одежда гиляка приспособлена к холодному, сырому и резко переменчивому климату. В летнее время он бывает одет в рубаху из синей китайки или дáбы и в такие же штаны, а на плечи про запас, на всякий случай, накинут полушубок или куртка из тюленьего или собачьего меха; ноги обуты в меховые

сапоги. Зимой же он носит меховые штаны. Даже самая теплая одежда скроена и сшита так, чтобы не стеснять его ловких и быстрых движений на охоте и во время езды на собаках. Иногда из франтовства он носит арестантский халат. Крузенштерн 85 лет назад видел гиляка в пышном, шелковом платье, «со многими истканными на нем цветами»; теперь же на Сахалине такого щеголя и с огнем не сыщешь.

Что касается гиляцких юрт, то и тут на первом плане требования сырого и холодного климата. Существуют летние и зимние юрты. Первые построены на столбах, вторые представляют из себя землянки со стенами из накатника, имеющие форму четырехугольных усеченных пирамид; снаружи накатник посыпан землей. Бошняк ночевал в юрте, которая состояла из ямы в 1½ арш. глубиной, вырытой в земле и покрытой тонкими бревнами наподобие кровли, и все это было обвалено землей. Эти юрты сделаны из дешевого материала, который всегда под руками, при нужде их не жалко бросить; в них тепло и сухо. И во всяком случае они оставляют далеко за собой те сырые и холодные шалаши из коры, в которых живут наши каторжники, когда работают на дорогах или в поле. Летние юрты положительно следовало бы рекомендовать огородникам, угольщикам, рыбакам и вообще всем тем каторжным и поселенцам, которые работают вне тюрьмы и не дома.

Гиляки никогда не умываются, так что даже этнографы затрудняются назвать настоящий цвет их лица; белья не моют, а меховая одежда их и обувь имеют такой вид, точно они содраны только что с дохлой собаки. Сами гиляки издают тяжелый, терпкий запах, а близость их жилищ узнается по противному, иногда едва выносимому запаху вяленой рыбы и гниющих рыбных отбросов. Около каждой юрты обыкновенно стоит сушильня, наполненная доверху распластанною рыбой, которая издали, особенно когда она освещена солнцем, бывает похожа на коралловые нити. Около этих сушилен Крузенштерн видел множество мелких червей, которые на дюйм покрывали землю. Зимой юрта бывает полна едкого дыма,

идушего из очага, и к тому же еще гиляки, их жены и даже дети курят табак. О болезненности и смертности гиляков ничего не известно, но надо думать, что эта нездоровая гигиеническая обстановка не остается без дурного влияния на их здоровье. Быть может, ей они обязаны своим малым ростом, одутловатостью лица, некоторою вялостью и ленью своих движений; быть может, ей отчасти следует приписать и то обстоятельство, что гиляки всегда проявляли слабую стойкость перед эпидемиями. Известно, например, какие опустошения производила на Сахалине оспа. На северной оконечности Сахалина, между мысами Елизаветы и Марии, Крузенштерн встретил селение, состоявшее из 27 домов; П. П. Глен, участник знаменитой сибирской экспедиции, бывший здесь в 1860 г., уже застал одни только следы селения, да и в других местах острова, по его словам, ему встречались лишь следы прежнего более густого народонаселения. Гиляки говорили ему, что в течение последних 10 лет, то есть после 1850 г., народонаселение Сахалина значительно уменьшилось благодаря оспе. И едва ли те страшные оспенные эпидемии, которые в былые годы опустошали Камчатку и Курильские острова, миновали Сахалин. Понятно, что страшна не сама оспа, а слабая способность сопротивления, и если в колонию будет завезен сыпной тиф или дифтерит и проникнет в гиляцкие юрты, то получится тот же эффект, что и от оспы. Мне не приходилось слышать на Сахалине ни про какие эпидемии; можно сказать, что за последние 20 лет их не было тут вовсе, кроме, впрочем, эпидемического конъюнктивита, который наблюдается и в настоящее время.

Ген. Кононович разрешил принимать больных инородцев в окружной лазарет и содержать их тут на счет казны (приказ № 335-й 1890 г.). Прямых наблюдений над болезненностью гиляков у нас нет, но о ней можно составить себе некоторое понятие по наличности болезнетворных причин, как неопрятность, неумеренное употребление алкоголя, давнее

общение с китайцами и японцами¹, постоянная близость собак, травмы, и проч. и проч. Нет сомнения, что они часто болеют и нуждаются в медицинской помощи, и если обстоятельства позволят им воспользоваться разрешением лечиться, то местные врачи получат возможность наблюдать их поближе. Медицина не в силах задержать рокового вымирания, но, быть может, врачам удастся изучить условия, при которых наше вмешательство в жизнь этого народа могло бы принести ему наименее вреда.

О характере гиляков авторы толкуют различно, но все сходится в одном, что это народ не воинственный, не любящий ссор и драк и мирно уживающийся со своими соседями. К приезду новых людей они относились всегда подозрительно, с опасением за свое будущее, но встречали их всякий раз любезно, без малейшего протеста, и самое большее, если они при этом лгали, описывая Сахалин в мрачных красках и думая этим отвести иностранцев от острова. Со спутниками Крузенштерна они обнимались, а когда заболел Л. И. Шренк, то весть об этом быстро разнеслась среди гиляков и вызвала искреннюю печаль. Они лгут только когда торгуют или беседуют с подозрительным и, по их мнению, опасным человеком, но, прежде чем сказать ложь, переглядываются друг с другом — чисто детская манера. Всякая ложь и хвастовство в обычной, не деловой сфере им противны. Помнится, как-то в Рыковском два гиляка, которым показалось, что я солгал им, убедили меня в этом. Дело было под вечер. Два гиляка — один с бородкой, другой с пухлым бабьим лицом — лежали на траве перед избой поселенца. Я проходил мимо. Они подозвали меня к себе и стали просить, чтобы я пошел в избу и вынес оттуда их верхнее платье, которое они оставили у поселенца утром; сами они

¹ Наши приамурские инородцы и камчадалы получили сифилис от китайцев и японцев, русские же тут ни при чем. Один китаец, купец, большой любитель опия, говорил мне, что одна бабушка, то есть жена, живет у него в Чифу, а другая бабушка, родом гилячка, — около Николаевска. При таких порядках трудно перезаразить весь Амур и Сахалин.

не смели сделать этого. Я сказал, что я тоже не имею права входить в чужую избу, когда нет хозяина. Помолчали.

— Ты политичка (то есть политический)? — спросил меня гияк с бабьим лицом.

— Нет.

— Значит, ты пиши-пиши (то есть писарь)? — спросил он, увидев в моих руках бумагу.

— Да, я пишу.

— А сколько ты получаешь жалованья?

Я зарабатывал около трехсот рублей в месяц. Эту цифру я и назвал. Надо было видеть, какое неприятное, даже болезненное впечатление произвел мой ответ. Оба гияка вдруг схватились за животы и, пригнувшись к земле, стали покачиваться, точно от сильной боли в желудке. Лица их выражали отчаяние.

— Ах, зачем ты можешь так говорить? — услышал я. — Зачем ты так нехорошо говорил? Ах, нехорошо так! Не надо так!

— Что же дурного я сказал? — спросил я.

— Бутаков, окружной начальник, большой человек, получает двести, а ты никакой начальник, мало-мало пиши — тебе триста! Нехорошо говорил! Не надо так!

Я стал объяснять им, что окружной начальник хотя и большой человек, но сидит на одном месте и потому получает только двести, а я хотя только пиши-пиши, но зато приехал издалека, сделал больше десяти тысяч верст, расходов у меня больше, чем у Бутакова, потому и денег мне нужно больше. Это успокоило гияков. Они переглянулись, поговорили между собой по-гияцки и перестали мучиться. По их лицам видно было, что они уже верили мне.

— Правда, правда... — живо сказал гияк с бородкой. — Хорошо. Ступай.

— Правда, — кивнул мне другой. — Иди.

Принятые на себя поручения гияки исполняют аккуратно, и не было еще случая, чтобы гияк бросил на полдороге почту или растратил чужую вещь. Поляков, которому приходилось иметь дело с гия-

ками-лодочниками, писал, что они оказываются точными исполнителями принятого обязательства, чем отличаются при доставке казенных грузов. Они бойки, смыслены, веселы, развязны и не чувствуют никакого стеснения в обществе сильных и богатых. Ничьей власти над собой не признают, и кажется, у них нет даже понятий «старший» и «младший». В «Истории Сибири» И. Фишера говорится, что известный Поярков приходил к гилякам, которые тогда «ни под какую чужую власть не состояли». У них есть слово «джанчин», означающее превосходство, но так они называют одинаково и генералов и богатых купцов, у которых много китайки и табаку. Глядя у Невельского на портрет государя, они говорили, что это должен быть физически сильный человек, который дает много табаку и китайки. Начальник острова пользуется на Сахалине огромною и даже страшною властью, но однажды, когда я ехал с ним из Верхнего Армудана в Арково, встретившийся гилык не постеснился крикнуть нам повелительно: «Стой!» — и потом спрашивать, не встречалась ли нам по дороге его белая собака. У гилыков, как говорят и пишут, не уважается также и семейное старшинство. Отец не думает, что он старше своего сына, а сын не почитает отца и живет, как хочет; старуха мать в юрте имеет не больше власти, чем девочка-подросток. Бошняк пишет, что ему не раз случалось видеть, как сын колотит и выгоняет из дому родную мать, и никто не смел сказать ему слова. Члены семьи мужского пола равны между собой; если вы угощаете гилыков водкой, то должны подносить также и самым маленьким. Члены же женского пола одинаково бесправны, будь то бабка, мать или грудная девочка; они третируются, как домашние животные, как вещь, которую можно выбросить вон, продать, толкнуть ногой, как собаку. Собак гилыки все-таки ласкают, но женщин никогда. Брак считается пустым делом, менее важным, чем, например, попойка, его не обставляют никакими религиозными или суеверными обрядами. Копье, лодку или собаку гилык променивает на девушку, везет ее к себе в юрту и ло-

жится с ней на медвежью шкуру — вот и все. Многоженство допускается, но широкого развития оно не получило, хотя женщин, по-видимому, больше, чем мужчин. Презрение к женщине, как к низкому существу или вещи, доходит у гиляка до такой степени, что в сфере женского вопроса он не считает предосудительным даже рабство в прямом и грубом смысле этого слова. По свидетельству Шренка, гиляки часто привозят с собой айнских женщин в качестве рабынь; очевидно, женщина составляет у них такой же предмет торговли, как табак или дáба. Шведский писатель Стриндберг, известный женоненавистник, желающий, чтобы женщина была только рабыней и служила прихотям мужчины, в сущности единомышленник гиляков; если б ему случилось приехать на Сев. Сахалин, то они долго бы его обнимали.

Ген. Кононович говорил мне, что он хочет обрушить сахалинских гиляков. Не знаю, для чего это нужно. Впрочем, обрусение началось еще задолго до приезда генерала. Началось оно с того, что у некоторых чиновников, получающих даже очень маленькое жалованье, стали появляться дорогие лисьи и собольи шубы, а в гиляцких юртах появилась русская водочная посуда;¹ затем гиляки были приглашены к участию в поимке беглых, причем за каждого убитого или пойманного беглого положено было денежное вознаграждение. Ген. Кононович приказал нанимать гиляков в надзиратели; в одном из его приказов сказано, что это делается ввиду крайней необходимости в людях, хорошо знакомых с местностью, и для облегчения сношений местного начальства с инородцами; на словах же он сообщил мне, что это нововведение имеет целью

¹ Начальник Дуйского поста, майор Николаев, говорил одному корреспонденту в 1866 г.:

— Летом я с ними дела не имею, а зимой зачастую скупаю у них меха, и скупаю довольно выгодно; часто за бутылку водки или ковригу хлеба от них можно достать пару отличных соболей

Корреспондента изумило то большое количество мехов, какое он увидел у майора (Лукашевич, Мои знакомцы в Дуэ, на Сахалине.— «Кронштадтский вестник», 1868 г., №№ 47 и 49). Об этом легендарном майоре еще придется говорить.

также и обрусение. Сначала были утверждены в звании тюремных надзирателей гиляки Васька, Ибалка, Оркун и Павлинка (приказ № 308-й 1889 г.), затем Ибалку и Оркуна уволили «за продолжительную неявку за получением распоряжений» и утвердили Софронку (приказ № 426-й 1889 г.). Я видел этих надзирателей; у них бляхи и револьверы. Из них особенно популярен и чаще всех попадает на глаза гиляк Васька, ловкий, лукавый и пьяный человек. Однажды, придя в лавку колонизационного фонда, я встретил там целую толпу интеллигентов; у дверей стоял Васька; кто-то, указывая на полки с бутылками, сказал, что если все это выпить, то можно быть пьяным, и Васька подобострастно ухмыльнулся и весь засиял радостью подхалима. Незадолго до моего приезда гиляк-надзиратель по долгу службы убил каторжного, и местные мудрецы решали вопрос о том, как он стрелял — спереди или сзади, то есть отдавать гиляка под суд или нет.

Что близость к тюрьме не обрусит, а лишь вконец развратит гиляков, доказывать не нужно. Они далеки еще до того, чтобы понять наши потребности, и едва ли есть какая-нибудь возможность толковать им, что каторжных ловят, лишают свободы, ранят и иногда убивают не из прихоти, а в интересах правосудия; они видят в этом лишь насилие, проявление зверства, а себя, вероятно, считают наемными убийцами¹. Если уж необходимо обрусить и нельзя обойтись без этого, то, я думаю, при выборе средств для этого надо брать в расчет прежде всего не наши, а их потребности. Вышеупомянутый приказ о разрешении принимать инородцев в окружной лазарет, выдача пособий мукой и крупой, как было в 1886 г., когда гиляки терпели почему-то голод, и приказ о том, чтоб у них не отбирали имущества за долг, и проше-

¹ Суда у них нет, и они не знают, что значит правосудие. Как им трудно понять нас, видно хотя бы из того, что они до сих пор еще не понимают вполне назначения дорог. Даже там, где уже проведены дороги, они все еще путешествуют по тайге. Часто приходится видеть, как они, их семьи и собаки гусем пробираются по трясине около самой дороги.

ние самого долга (приказ 204-й 1890 г.),— подобные меры, быть может, скорее приведут к цели, чем выдача блях и револьверов.

Кроме гиляков, в Сев. Сахалине проживают еще в небольшом числе *ороки*, или *орочи*, тунгузского племени. Но так как в колонии о них едва слышно и в пределах их распространения нет еще русских селений, то я ограничусь одним только упоминанием о них.

ХИ

Мой отъезд на юг.— Жизнерадостная дама.— Западный берег.— Течения.— Маука.— Крильон.— Анива.— Корсаковский пост.— Новые знакомства.— Норд-ост.— Климат Южного Сахалина.— Корсаковская тюрьма.— Пожарный обоз.

Десятого сентября я уже опять был на знакомом читателю «Байкале», чтобы на этот раз плыть в Южный Сахалин. Уезжал я с большим удовольствием, так как север мне уже наскучил и хотелось новых впечатлений. «Байкал» снялся с якоря в десятом часу вечера. Было очень темно. Я стоял один на корме и, глядя назад, прощался с этим мрачным мирком, оберегаемым с моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались в воздухе и были похожи впотьмах на трех черных монахов; несмотря на шум парохода, мне было слышно, как волны бились об эти рифы. Но вот Жонкиер и Братья остались далеко позади и исчезли впотьмах — навсегда для меня; шум бьющихся волн, в котором слышалась бессильная, злобная тоска, мало-помалу затих... Проплыли верст восемь — и на берегу заблестели огни: это была страшная Воеводская тюрьма, а еще немного — показались огни Дуэ. Но скоро и это все исчезло, и остались лишь потемки да жуткое чувство, точно после дурного, зловещего сна.

Спустившись потом вниз, я застал там веселое общество. Кроме командира и его помощников, в кают-компании находилось еще несколько пассажиров: молодой японец, дама, интендантский чиновник и

иеромонах Ираклий, сахалинский миссионер, ехавший следом за мною на юг, чтобы оттуда вместе отправиться в Россию. Наша спутница, жена моряка-офицера, бежала из Владивостока, испугавшись холеры, и теперь, немного успокоившись, возвращалась назад. У нее был завидный характер. Достаточно было самого пустого повода, чтобы она закатилась самым искренним, жизнерадостным смехом до упада, до слез; начнет рассказывать что-нибудь картавя, и вдруг хохот, веселость бьет фонтаном, а глядя на даму, начинаю смеяться и я, за мною о. Ираклий, потом японец. «Ну!» — говорит в конце концов командир, махнув рукой, и тоже заражается смехом. Вероятно, никогда в другое время в Татарском проливе, обыкновенно сердитом, не хохотали так много. На другой день утром на палубе сошлись для беседы иеромонах, дама, японец и я. И опять смех, и недоставало только, чтобы киты, высунув морды из воды, стали хохотать, глядя на нас.

И как нарочно, погода была теплая, тихая, веселая. Слева близко зеленел Сахалин, именно та его пустынная, девственная часть, которой еще не коснулась каторга; справа в ясном, совершенно прозрачном воздухе еле-еле мерещился Татарский берег. Здесь уже пролив более похож на море и вода не так мутна, как около Дуэ; здесь просторнее и легче дышится. По своему географическому положению нижняя треть Сахалина соответствует Франции, и если бы не холодные течения, то мы владели бы прелестным краем и жили бы в нем теперь, конечно, не одни только Шкандыбы и Безбожные. Холодные течения, идущие от северных островов, где даже в конце лета бывает ледоход, омывают Сахалин с обеих сторон, причем восточному берегу, как более открытому течениям и холодным ветрам, приходится принимать наибольшую долю страданий; природа его безусловно суровая, и флора его носит настоящий полярный характер. Западный же берег много счастливее; здесь влияние холодного течения смягчается теплым японским течением, известным под названием Куро-Сиво; не подлежит сомнению, что чем

южнее, тем теплее, и на южной части западного берега наблюдается сравнительно богатая флора, но все-таки, увы, до Франции или Японии далеко¹.

Интересно, что в то время, как сахалинские колонизаторы вот уже 35 лет сеют пшеницу на тундре и проводят хорошие дороги к таким местам, где могут прозябать одни только низшие моллюски, самая теплая часть острова, а именно южная часть западного побережья, остается в совершенном пренебрежении. С парохода видны в бинокль и простым глазом хороший строевой лес и береговые скаты, покрытые ярко-зеленою и, должно быть, сочною травой, но ни жилья, ни одной живой души. Впрочем, раз — это было на вторые сутки нашего плавания — командир обратил мое внимание на небольшую группу изб и сарайных построек и сказал: «Это *Маука*». Тут, в *Мауке*, издавна производится добыча морской капусты, которую очень охотно покупают китайцы, и так как дело поставлено серьезно и уже дало хороший заработок многим русским и иностранцам, то это место очень популярно на Сахалине. Находится оно на 400 верст южнее Дуэ, на широте 47°, и отличается сравнительно хорошим климатом. Когда-то промысел находился в руках японцев; при Мицуле в *Мауке* было более 30 японских зданий, в которых постоянно жило 40 душ обоего пола, а весною приезжало сюда из Японии еще около 300 человек, работавших вместе с айносами, которые тогда составляли

¹ Кто-то предлагал проект — в самом узком месте пролива устроить плотину, которая задерживала бы на пути холодное течение. Этот проект находит себе естественно-историческое оправдание: известно, что когда существовал перешеек, то климат Сахалина отличался мягкостью. Но осуществление его едва ли принесло бы теперь какую-нибудь пользу. Флора южной части западного берега, пожалуй, обогатилась бы десятком новых видов, но климат всей нижней части острова едва ли изменился бы к лучшему. Ведь вся южная часть лежит близко к Охотскому морю, в котором льдины и даже ледяные поля плавают среди лета, и нынешний Корсаковский округ в главной своей части отделен от этого моря лишь невысоким хребтом, за которым вплоть до моря идет низменность, покрытая озерами и доступная холодным ветрам.

тут главную рабочую силу. Теперь же капустным промыслом владеет русский купец Семенов, сын которого постоянно живет в Мауке; делом заведует шотландец Демби, уже не молодой и, по-видимому, знающий человек. Он имеет собственный дом в Нагасаки в Японии, и когда я, познакомившись с ним, сказал ему, что, вероятно, буду осенью в Японии, то он любезно предложил мне остановиться у него в доме. У Семенова работают манзы, корейцы и русские. Наши поселенцы стали ходить сюда на заработки лишь с 1886 г., и, вероятно, по собственному почину, так как зрители тюрем всегда больше интересовались кислую капустой, чем морскойю. Первые попытки были не совсем удачны: русские мало были знакомы с чисто технической стороной дела; теперь же они попривыкли, и хотя Демби не так доволен ими, как китайцами, но все-таки уже можно серьезно рассчитывать, что со временем будут находить себе здесь кусок хлеба сотни поселенцев. Маука причислена к Корсаковскому округу. В настоящее время здесь живут на поселении 38 душ: 33 м. и 5 ж. Все 33 ведут хозяйства. Из них трое уже имеют крестьянское звание. Женщины же все каторжные и живут в качестве сожительниц. Детей нет, церкви нет, и скука, должно быть, страшная, особенно зимою, когда уходят с промыслов рабочие. Здешнее гражданское начальство состоит из одного лишь надзирателя, а военное — из ефрейтора и трех рядовых¹.

¹ В Мауке Семенов держит лавку, которая летом торгует очень недурно; цены на съестные припасы высокие, так что поселенцы оставляют здесь половину своего заработка. В рапорте командира клипера «Всадник», относящемся к 1870 г., сказано, что клипер имеет в виду, подойдя к местечку Мауке, посадить там 10 человек солдат с тем, чтобы они приготовили место под огороды, так как в продолжение лета в этом месте предполагалось основать новый пост. Замечу кстати, что это было время, когда по западному побережью между русскими и японцами происходили маленькие недоразумения. Я еще нашел также корреспонденцию в «Кронштадтском вестнике», 1880 г., № 112: «Остров Сахалин. Несколько интересных сведений относительно Маука-Коув (Maucha Cove)». Тут идет речь о том, что Маука есть главное местопребывание компании, получившей от русского правительства право в течение 10 лет собирать морские водо-

Сравнение Сахалина со стерлядью особенно годится для его южной части, которая в самом деле похожа на рыбий хвост. Левая лопасть хвоста называется мысом Крильон, правая — мысом Анивским, а полукруглый залив между ними — Анивой. Крильон, около которого пароход делает крутой поворот к северо-востоку, при солнечном освещении представляет из себя довольно привлекательное местечко, и стоящий на нем одиноко красный маяк похож на барскую дачу. Это большой мыс, покатый к морю, зеленый и гладкий, как хороший заливной луг. Поле далеко кругом покрыто бархатною травой, и в сентиментальном пейзаже недостает только стада, которое бродило бы в холодке у края леса. Но говорят, что травы здесь неважные и сельскохозяйственная культура едва ли возможна, так как Крильон большую часть лета бывает окутан солеными морскими туманами, которые действуют на растительность губительным образом¹.

росли, и что население его состоит из 3 европейцев, 7 русских солдат и 700 рабочих-корейцев, айно и китайцев.

Что капустный промысел выгоден и расширяется, видно из того, что гг. Семенов и Демби уже находят себе подражателей. Некий Бирич, поселенец, бывший учителем и приказчиком у Семенова, взявши взаймы денег, построил все необходимое для промысла близ Кусунная и стал приглашать к себе поселенцев. Работает у него теперь около 30 человек. Дело ведется неофициально, нет тут даже надзирателя. Пост Кусунная, давно уже заброшенный, находится верст на сто севернее Мауки, у устья реки Кусунная, которая когда-то считалась границей между русскими и японскими владениями на Сахалине.

¹ Немного севернее Крильона я видел камни, на которые несколько лет назад наткнулся и сел пароход «Кострома», обманутый этими туманами. А. В. Щербак, доктор, сопровождавший на «Костроме» каторжных, во время крушения пускал сигнальные ракеты. Он рассказывал мне потом, что в ту пору ему пришлось пережить нравственно три долгих фазиса: первый, самый долгий и мучительный, — уверенность в неминуемой гибели; каторжниками овладела паника, и они выли; детей и женщин пришлось отправить в шлюпке под командой офицера по тому направлению, где предполагался берег, и шлюпка скоро исчезла в тумане; второй фазис — некоторая надежда на спасение. с Крильонского маяка донесся пушечный выстрел, извещавший, что женщины и дети достигли берега благополучно; третий — полная уверенность в спасении, когда в туманном воздухе вдруг

Мы обогнули Крильон и вошли в залив Аниву 12 сентября перед полуднем; виден весь берег от одного мыса до другого, хотя залив имеет в диаметре около 80—90 верст¹. Почти в середине полукруглый берег образует небольшую выемку, которая называется бухтою или губою Лососей, и тут, у этой губы, находится *Корсаковский пост*, административный центр южного округа. Нашу спутницу, жизнерадостную даму, ожидала приятная случайность: на Корсаковском рейде стоял пароход Добровольного флота «Владивосток», только что пришедший из Камчатки, и на нем находился ее муж, офицер. Сколько по этому поводу было восклицаний, неудержимого смеха, суеты!

Пост имеет с моря приличный вид городка, не сибирского, а какого-то особенного типа, который я не берусь назвать; основан он был почти 40 лет назад, когда по южному берегу там и сям были разбросаны японские дома и сараи, и очень возможно, что это близкое соседство японских построек не обошлось без влияния на его внешность и должно было придать

раздались звуки корнет-а-пистона, на котором играл возвращавшийся офицер.

В 1885 г. в октябре беглые каторжники напали на Крильонский маяк, разграбили все имущество и убили матроса, бросив его со скалы в пропасть.

¹ Берег Анивы был впервые исследован и описан русским офицером Н. В. Рудановским, одним из сподвижников Г. И. Невельского. Подробности см. в дневнике Н. В. Буссе, тоже участника в Амурской экспедиции: «Остров Сахалин и экспедиция 1853—54 гг.», затем в статье Г. И. Невельского и Рудановского «По поводу воспоминаний Н. В. Буссе». — «Вестник Европы», 1872 г., VIII, и в записках самого Невельского. Майор Н. В. Буссе, господин нервный и неуживчивый, пишет, что «обращение Невельского с подчиненными и дух бумаг его не довольно серьезны», а про Рудановского, что он «тяжел, как подчиненный, и несносный товарищ» и что Рудановский «делал бестолковые замечания», а про Бошняка, что он «мечтатель и дитя». Когда Невельской медленно раскуривал свою трубку, то это его раздражало. Зимую с Рудановским на Аниве и будучи старше его чином, майор назойливо требовал от него чиновничества и соблюдения всех правил субординации, и это в пустыне, почти с глазу на глаз, когда молодой человек весь был погружен в серьезную научную работу.

ей особые черты. Годом основания Корсаковского считается 1869 год, но это справедливо лишь по отношению к нему, как к пункту ссыльной колонии; на самом же деле первый русский пост на берегу бухты Лососей был основан в 1853—54 гг. Лежит он в пади, которая и теперь носит японское название Хахка-Томари, и с моря видна только одна его главная улица, и кажется издали, что мостовая и два ряда домов круто спускаются вниз по берегу; но это только в перспективе, на самом же деле подъем не так крут. Новые деревянные постройки лоснятся и отсвечивают на солнце, белеет церковь старой, простой и потому красивой архитектуры. На всех домах высокие шести, вероятно, для флагов, и это придает городку неприятное выражение, как будто он ошетинился. Здесь так же, как и на северных рейдах, пароход останавливается в одной и даже двух верстах от берега, и пристань имеется только для парового катера и барж. К нашему пароходу сначала подошел катер с чиновниками, и тотчас же послышались радостные голоса: «Бой, пива! Бой, рюмку коньяку!» Потом подошел вельбот; гребли каторжные, наряженные матросами, и у руля сидел окружной начальник И. И. Белый, который, когда вельбот подходил к трапу, командовал по-военному: «Суши весла!»

Через несколько минут я и г. Б. были уже знакомы; вместе потом мы съехали на берег, и я обедал у него. Из разговора с ним я узнал, между прочим, что он только что вернулся на «Владивостоке» с берега Охотского моря, из так называемой Тарайки, где каторжные строят теперь дорогу.

Квартира у него небольшая, но хорошая, барская. Он любит комфорт и хорошую кухню, и это заметно отражается на всем его округе; разъезжая впоследствии по округу, я находил в надзирательских или станках не только ножи, вилки и рюмки, но даже чистые салфетки и сторожей, которые умеют варить вкусный суп, а, главное, клопов и тараканов здесь не так безобразно много, как на севере. По рассказу г. Б., в Тарайке на дорожных работах он жил в большой палатке, с комфортом, имел при себе повара и на

досуге читал французские романы¹. По происхождению он малоросс, по образованию — бывший студент-юрист. Он молод, не старше сорока лет, а это возраст, кстати сказать, средний для сахалинского чиновника. Времена изменились; теперь для русской каторги молодой чиновник более типичен, чем старый, и если бы, положим, художник изобразил, как наказывают плетью бродягу, то на его картине место прежнего капитана-пропойцы, старика с сине-багровым носом, занимал бы интеллигентный молодой человек в новеньком вицмундире.

Мы разговорились; между тем наступил вечер, зажгли огонь. Я простился с гостеприимным г. Б. и отправился к секретарю полицейского управления, у которого мне была приготовлена квартира. Было темно и тихо, море глухо шумело, и звездное небо хмурилось, как будто видело, что в природе готовится что-то недоброе. Когда я прошел всю главную улицу почти до моря, пароходы еще стояли на рейде, и когда я повернул направо, послышались голоса и громкий смех, и в темноте показались ярко освещенные окна, и стало похоже, будто я в захолустном городке осенью ночью пробираюсь к клубу. Это была квартира секретаря. По ветхим скрипучим ступеням я поднялся на террасу и вошел в дом. В зале, точно боги на облаках, в табачном дыму и в тумане, какой бывает в трактирах и сырых помещениях, двигались военные и штатские. С одним из них, г. фон Ф., инспектором сельского хозяйства, я уже был знаком, — раньше мы встречались в Александровске, — с остальными же я теперь виделся впервые, хотя все они отнеслись к моему появлению с таким благодушием, как

¹ И почти уже забыто то время, когда офицеры и чиновники, служившие на Южном Сахалине, терпели настоящую нужду. В 1876 г. за пуд белой муки они платили 4 р., за бутылку водки 3 р. и «свежего мяса никто почти никогда не видит» («Русский мир», 1877 г., № 7), а о людях попроще и говорить нечего. Эти буквально бедствовали. Корреспондент «Владивостока», не дальше как 5 лет назад, сообщал, что «ни у кого не было полрюмки водки, табак маньчжурский (то есть вроде нашей махорки) до 2 р. 50 к. за фунт; поселенцы и некоторые надзиратели курили байховый и кирпичный чай» (1886 г., № 22).

будто были знакомы со мною уже давно. Меня подвели к столу, и я тоже должен был пить водку, то есть спирт, наполовину разведенный водой, и очень плохой коньяк, и есть жесткое мясо, которое жарил и подавал к столу ссыльнокаторжный Хоменко, хохол с черными усами. Из посторонних, кроме меня, на этой вечеринке присутствовал также директор Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории Э. В. Штеллинг, прибывший на «Владивостоке» из Камчатки и Охотска, где он хлопотал об учреждении метеорологических станций. Тут же я познакомился с майором Ш., смотрителем Корсаковской ссыльнокаторжной тюрьмы, служившим раньше при ген. Гресере в петербургской полиции: это — высокий, полный мужчина, с тою солидною, импонирующею осанкой, какую мне до сих пор случалось наблюдать только у частных и участковых приставов. Рассказывая мне о своем коротком знакомстве со многими известными писателями в Петербурге, майор называл их просто Миша, Ваня и, приглашая меня к себе завтракать и обедать, невзначай раза два сказал мне *ты*¹.

Когда во втором часу ушли гости и я лег в постель, послышались рев и свист. Это задул норд-ост. Значит, недаром с вечера хмурилось небо. Хоменко, придя со двора, доложил, что пароходы ушли, а между тем на море поднялась сильная буря. «Ну, небось вернутся! — сказал он и засмеялся. — Где им совладать?» В комнате стало холодно и сыро, было, вероятно, не больше шести-семи градусов. Бедный Ф., секретарь полицейского управления, молодой человек, никак не мог уснуть от насморка и кашля. Капитан К., живший вместе с ним на одной квартире, тоже не

¹ Майор Ш., надо отдать ему справедливость, относился с полным уважением к моей литературной профессии и все время, пока я жил в Корсаковске, всячески старался, чтобы мне не было скучно. Раньше, за несколько недель до моего приезда на юг, он так же возился с англичанином Говардом, искателем приключений и тоже литератором, потерпевшим в Аниве крушение на японской джонке и потом написавшим порядочный вздор об аинцах в своей книге «The Life wirth Trans — Siberian savages».

спал; он постучал из своей комнаты в стену и сказал мне:

— Я получаю «Неделю». Не желаете ли?

Утром было холодно и в постели, и в комнате, и на дворе. Когда я вышел наружу, шел холодный дождь и сильный ветер гнул деревья, море ревело, а дождевые капли при особенно жестоких порывах ветра били в лицо и стучали по крышам, как мелкая дробь. «Владивосток» и «Байкал» в самом деле не совладали со штормом, вернулись и теперь стояли на рейде, и их покрывала мгла. Я прогулялся по улицам, по берегу около пристани; трава была мокрая, с деревьев текло.

На пристани около сторожки лежит скелет молодого кита, когда-то счастливого, резвого, гулявшего на просторе северных морей, теперь же белые кости богатыря лежали в грязи и дождь точил их... Главная улица шоссирована и содержится в порядке, на ней тротуары, фонари и деревья, и метет ее каждый день клейменный старик. Тут только присутственные места и квартиры чиновников, и нет ни одного дома, в котором жили бы ссыльные. Дома большею частью новые и приятные на вид, и нет той тяжелой казенщины, как, например, в Дуэ. Вообще же в Корсаковском посту, если говорить о всех его четырех улицах, старых построек больше, чем новых, и не редкость дома, построенные 20—30 лет назад. И старых зданий и старожилов среди служащих в Корсаковске относительно больше, чем на севере, а это, быть может, значит, что здешний юг более располагает к оседлой и покойной жизни, чем оба северных округа. Здесь, как я заметил, и патриархальности больше, и люди консервативнее, и обычаи, даже дурные, держатся крепче. Так, в сравнении с севером, здесь чаще прибегают к телесным наказаниям, и бывает, что в один прием секут по 50 человек, и только на юге уцелел дурной обычай, введенный когда-то каким-то давно уже забытым полковником, а именно — когда вам, свободному человеку, встречается на улице или на берегу группа арестантов, то уже за 50 шагов вы слышите крик надзирателя: «Смир-р-рно!»

Шапки долой!» И мимо вас проходят угрюмые люди с обнаженными головами и глядят на вас исподлобья, точно если бы они сняли шапки не за 50, а за 20—30 шагов, то вы побили бы их палкой, как г. Z или г. N.

Я жалею, что не застал в живых старейшего сахалинского офицера, штабс-капитана Шишмарева, который долготую дней своих и как старожил мог бы поспорить даже с палевским Микрюковым. Он умер за несколько месяцев до моего приезда, и я видел только дом-особняк, в котором он жил. Поселился он на Сахалине еще в доисторические времена, когда не началась каторга, и это казалось до такой степени давно, что даже сочинили легенду о «происхождении Сахалина», в которой имя этого офицера тесно связано с геологическими переворотами: когда-то, в отдаленные времена, Сахалина не было вовсе, но вдруг, вследствие вулканических причин, поднялась подводная скала выше уровня моря, и на ней сидели два существа — сивуч и штабс-капитан Шишмарев. Говорят, что он ходил в вязаном сюртуке с погонями и инородцев в казенных бумагах называл так: «дикие обитатели лесов». Он принимал участие в нескольких экспедициях и, между прочим, плывал по Тыми с Поляковым, и из описания экспедиции видно, что они поссорились.

Жителей в Корсаковском посту 163: 93 м. и 70 ж., а со свободными, солдатами, их женами и детьми, и с арестантами, ночующими в тюрьме, наберется немного более тысячи.

Хозяйств 56, но все это хозяйства не деревенские, а скорее городские, мещанские, с сельскохозяйственной точки зрения они представляются совершенно ничтожными. Земли пахотной всего 3 дес., а лугов, которыми пользуется также и тюрьма, 18 дес. Надо видеть, как тесно жмутся усадьбы одна к другой и как живописно лепятся они по склонам и на дне оврага, образующего падь, чтобы понять, что тот, кто выбирал место для поста, вовсе не имел в виду, что тут, кроме солдат, будут еще жить сельские хозяева. На вопрос, чем они занимаются и чем живут, хозяева отвечали: работишка, торговлишка... Относительно

сторонних заработков, как увидит ниже читатель, южный сахалинец поставлен далеко не в такое безвыходное положение, как северный; при желании он находит себе заработок, по крайней мере в весенние и летние месяцы, но корсаковцев это мало касается, так как на заработки они уходят очень редко и, как истые горожане, живут на неопределенные средства,— неопределенные в смысле их случайности и непостоянства. Один живет на деньги, которые он привез с собой из России, и таких большинство, другой — в писарях, третий — в дьячках, четвертый — держит лавочку, хотя по закону не имеет на это права, пятый — променивает арестантский хлам на японскую водку, которую продает, и проч. и проч. Женщины, даже свободного состояния, промышляют проституцией; не составляет исключения даже одна привилегированная, про которую говорят, что она кончила в институте. Здесь меньше голода и холода, чем на севере; каторжные, жены которых торгуют собой, курят турецкий табак по 50 коп. за четвертку, и потому здешняя проституция кажется более злокачественной, чем на севере, хотя — не все ли равно?

Семейно живут 41, причем 21 пара состоит в незаконном браке. Женщин свободного состояния только 10, то есть в 16 раз меньше, чем в Рыковском, и даже в 4 раза меньше, чем в такой щели, как Дуэ.

Среди ссыльных в Корсаковске попадаются интересные личности. Упомяну о бессрочном каторжном Пищикове, преступление которого дало материал Г. И. Успенскому для очерка «Один на один». Этот Пищиков засек нагайкой свою жену, интеллигентную женщину, беременную на девятом месяце, и истязание продолжалось шесть часов; сделал он это из ревности к добрачной жизни жены: во время последней войны она была увлечена пленным турком. Пищиков сам носил письма к этому турку, уговаривал его приходиться на свидание и вообще помогал обеим сторонам. Потом, когда турок уехал, девушка полюбила Пищикова за его доброту; Пищиков женился на ней и имел от нее уже четырех детей, как вдруг под сердцем завозилось тяжелое, ревнивое чувство...

Это высокий, худощавый человек, благообразный, с большою бородой. Он служит писарем в полицейском управлении и потому ходит в вольном платье. Трудолюбив и очень вежлив, и, судя по выражению, весь ушел в себя и замкнулся. Я был у него на квартире, но не застал его дома. Занимает он в избе небольшую комнату; у него аккуратная чистая постель, покрытая красным шерстяным одеялом, а около постели на стене в рамочке портрет какой-то дамы, вероятно жены.

Интересна также семья Жакомини: отец, ходивший когда-то шкипером в Черном море, его жена и сын. Все трое в 1878 году были преданы в г. Николаеве военно-полевому суду за убийство и осуждены, как они сами уверяют, невинно. Старуха и сын уже отбыли каторгу, а старик Карп Николаевич, 66 лет, все еще каторжный. Они держат лавочку, и в комнатах у них очень прилично, лучше даже, чем у новомихайловского богача Потемкина. Старики Жакомини шли на Сахалин сухим путем, через Сибирь, а сын морем, и сын прибыл на место тремя годами раньше. Разница огромная. Если послушать старика, то становится страшно. Каких ужасов нагляделся и чего только он не вынес, пока его судили, мытарили по тюрьмам и потом три года тащили через Сибирь; на пути его дочь, девушка, которая пошла добровольно за отцом и матерью на каторгу, умерла от изнурения, а судно, которое везло его и старуху в Корсаковск, около Мауки потерпело аварию. Старик рассказывает все это, а старуха плачет. «Ну, да что! — говорит старик, махнув рукой. — Значит, богу так угодно».

В культурном отношении Корсаковский пост заметно отстал от своих северных собратий. Так, в нем до сих пор еще нет телеграфа и метеорологической станции¹. О климате Южного Сахалина мы можем

¹ Э. В. Штеллинг при мне хлопотал об устройстве станции, и в этом ему сильно помогал военный врач З—кий, корсаковский старожил и очень хороший человек. Но мне кажется, что станцию следует устроить не в Корсаковском посту, открытом для восточных ветров, а в каком-нибудь более центральном пункте округа, например, в селении Владимировке. Впрочем, на Южном

судить пока лишь по отрывочным случайным наблюдениям разных авторов, которые служили здесь или же, подобно мне, приезжали сюда ненадолго. По этим данным, в Корсаковском посту, если брать средние температуры, лето, осень и весна теплее, чем в Дуэ, почти на 2°, а зима мягче почти на 5°. Между тем на той же Аниве, но только немного восточнее Корсаковского поста, в Муравьевском, температура уже значительно ниже и скорее подходит к дуйской, чем к корсаковской. А на 88 верст севернее Корсаковского поста, в Найбучи, командир «Всадника» утром 11 мая 1870 г. записал два градуса мороза; шел снег. Как видит читатель, здешний юг мало похож на юг: зима здесь такая же суровая, как в Олонецкой губ., а лето — как в Архангельске. Крузенштерн в половине мая видел на западном берегу Анивы снег. На севере Корсаковского округа, именно в Кусуннае, где добывают морскую капусту, наблюдалось в году 149 ненастных дней, а на юге, в Муравьевском посту, 130. Но тем не менее все-таки в южном округе климат мягче, чем в обоих северных, и жить здесь поэтому должно быть легче. На юге среди зимы бывает оттепель, чего ни разу не наблюдали около Дуэ и Рыковского; реки вскрываются раньше и солнце выглядывает из-за облаков чаще.

Корсаковская тюрьма занимает самое возвышенное место в посту и, вероятно, самое здоровое. Там, где главная улица упирается в тюремный забор, находятся ворота, очень скромные на вид, и что это не простые, обывательские ворота, а вход в тюрьму, видно только по надписи да по тому еще, что каждый вечер тут толпятся каторжные, которых впускают в калитку поодиночке и при этом обыскивают. Тюрем-

Сахалине, что ни место, то свой климат, и правильное всего было бы учредить метеорологические наблюдательные пункты одновременно в нескольких местах: у залива Буссе, в Корсаковске, Крильоне, Мауке, Владимировке, Найбучи и Тарайке. Это, конечно, не легко, но и не так уже трудно. По-моему, для этого можно воспользоваться услугами грамотных ссыльных, которые, как показал уже опыт, скоро приучаются самостоятельно вести наблюдения, и нужен только человек, который взял бы на себя труд руководить ими.

ный двор расположен на наклонной плоскости и уже с середины его, несмотря на забор и окружающие постройки, видны голубое море и далекий горизонт, и поэтому кажется, что здесь очень много воздуха. При осмотре тюрьмы прежде всего замечается стремление местной администрации к резкому обособлению каторжных от поселенцев. В Александровске тюремные мастерские и квартиры нескольких сот каторжных разбросаны по всему посту, здесь же в тюремном дворе помещаются все мастерские и даже пожарный сарай, и жить вне тюрьмы, за очень редкими исключениями, не позволено даже каторжным разряда исправляющихся. Здесь пост сам по себе, а тюрьма сама по себе, и можно долго прожить в посту и не заметить, что в конце улицы находится тюрьма.

Казармы здесь старые, в камерах тяжелый воздух, отхожие места много хуже, чем в северных тюрьмах, хлебопекарня темная, карцеры для одиночного заключения темные, без вентиляции, холодные; я и сам несколько раз видел, как заключенные в них дрожали от холода и сырости. Здесь одно только лучше, чем на севере: просторная кандалная, и кандалных сравнительно меньше. Чище всех живут в казармах бывшие моряки; они и одеты чище¹. При мне

¹ И. И. Белому удалось организовать из них искусную команду для работ на море. Старшим среди них считается каторжный Голицын, маленького роста, с бакенами. Любит пофилософствовать. Когда он сидит у руля и командует: «Руби рангоут!» или «Весла на воду!» — то делает это не без начальственной суровости. Несмотря на его почтенную наружность и старшинство, при мне его секли раза два-три за пьянство и, кажется, за грубости. После него искуснейшим моряком считается каторжный Медведев, человек умный и отважный. Как-то японский консул г. Кузе возвращался из Тарайки, у руля был Медведев; кроме них, в вельботе находился еще надзиратель. К вечеру засвежело, стало темно... Когда подплыли к Найбучи, то уже не было видно входа в реку Найбу, пристать же прямо к берегу было опасно, и Медведев решил ночевать в море, несмотря на сильный шторм. Надзиратель хватил его по уху, г. Кузе строго приказывал держаться берега, но Медведев не слушался и упрямо уходил в море все дальше и дальше. Всю ночь штормовало; волны трепали лодку, и каждую минуту казалось, что они зальют или опрокинут ее. Консул потом рас-

в тюрьме ночевало только 450 человек, все же остальные находились в командировке, главным образом на дорожных работах. Всего в округе числилось каторжных 1205.

Здесь смотритель тюрьмы больше всего любит показывать приезжим пожарный обоз. Обоз в самом деле великолепен, и в этом отношении Корсаковск перещеголял многие большие города. Бочки, пожарные насосы, топоры в чехлах — все это игрушечно и блестит, точно приготовлено для выставки. Ударили тревогу, из всех мастерских тотчас же повыскакивали каторжные без шапок, без верхнего платья, — одним словом, кто в чем был, — в одну минуту впряглись и с громом покатали по главной улице к морю. Зрелище было эффектное, и майор Ш., творец этого образцового обоза, был очень доволен и все спрашивал, нравится ли мне. Жаль только, что вместе с молодыми впряглись и побежали также старики, которых следовало бы щадить, хотя бы ради их слабого здоровья.

сказывал мне, что это была ночь самая страшная в его жизни. Когда на рассвете Медведев пошел к устью речки, то все-таки на баре вельбот захлебнул воды. С тех пор г. Белый, отпуская кого-нибудь с Медведевым, всякий раз говорит:

— Что бы он ни делал, пожалуйста, молчите и не протестуйте.

В тюрьме обращают на себя также внимание два родных брата, бывшие персидские принцы, которых и по сие время в письмах, приходящих сюда из Персии, титулуют высочествами. Присланы они за убийство, совершенное ими на Кавказе. Ходят они по-персидски, в высоких мерлушковых шапках, лбы наружу. Они еще в разряде испытуемых и поэтому не имеют права иметь при себе деньги, и один из них жаловался, что ему не на что купить табаку, а от курения, ему кажется, кашель у него становится легче. Он клеит для канцелярии конверты, довольно неуклюжие; поглядевши на его работу, я сказал: «Очень хорошо» И, по-видимому, эта похвала доставила бывшему принцу большое удовольствие.

Писарем при тюрьме состоит каторжный Гейман, полный, красивый брюнет, служивший когда-то околоточным в московской полиции и осужденный за растление. В тюрьме он следовал за мною по пятам и, когда я оглядывался, всякий раз почтительно снимал шапку.

Здесьний палач носит фамилию Минаева; он из купеческих сынов, человек еще молодой. В тот день, когда я его видел, он, по его словам, наказал розгами 8 человек.

ХШ

Поро-ан-Томари.— Муравьевский пост.— Первая, Вторая и Третья Падь.— Соловьевка.— Лютога.— Голый Мыс.— Мицулька.— Лиственичное.— Хомутовка.— Большая Елань.— Владимировка.— Ферма, или фирма.— Луговое.— Поповские Юрты.— Березники.— Кресты.— Большое и Малое Такоз.— Галкино-Враское.— Дубки.— Найбучи.— Море,

Обзор населенных мест Корсаковского округа я начну с селений, которые расположены по берегу Анивы. Первое, на четыре версты восточнее и южнее поста, называется по-японски *Поро-ан-Томари*. Основано оно было в 1882 г. на месте бывшей здесь когда-то аинской деревушки. Жителей 72: 53 м. и 19 ж. Хозяев 47, и из них 38 живут бобылями. Как ни кажется просторно вокруг селения, а все же на каждого хозяина приходится только $\frac{1}{4}$ дес. пахотной земли и меньше чем $\frac{1}{2}$ дес. покосной; значит, добыть больше негде или очень трудно. Тем не менее все-таки, если бы Поро-ан-Томари было на севере, то в нем давно бы уже было 200 хозяев и при них 150 совладельцев; южная администрация в этом отношении более умеренна и предпочитает основывать новые селения, чем расширять старые.

Тут я записал девять стариков в возрасте от 65 до 85 лет. Один из них, Ян Рыцборский, 75 лет, с физиономией солдата времен очаковских, до такой степени стар, что, вероятно, уже не помнит, виноват он или нет, и как-то странно было слышать, что всё это бессрочные каторжники, злодеи, которых барон А. Н. Корф, только во внимание к их преклонным летам, приказал перевести в поселенцы.

Костин, поселенец, спасается в землянке: сам не выходит наружу и никого к себе не пускает, и все молится. Поселенца Горбунова зовут все «рабом божьим», потому что на воле он был странником; по профессии он маляр, но служит пастухом в Третьей Пади, быть может, из любви к одиночеству и созерцанию.

Верст на 40 восточнее есть еще, впрочем уже только на карте, *Муравьевский пост*. Основан он был

сравнительно давно, в 1853 г., на берегу бухты Лосо-сей; когда же в 1854 г. прошли слухи о войне, то он был снят и возобновлен лишь через 12 лет на берегу залива Буссе, или Двенадцатифутовой гавани,— так называется неглубокое озеро, соединенное с морем протоком, куда могут входить только мелкосидящие суда. При Мацуле в нем жило около 300 солдат, которые сильно болели цингой. Целью основания поста было упрочение русского влияния на Южном Сахалине; после же трактата 1875 г. он был упразднен за ненадобностью и покинутые избы, как говорят, сожжены были беглыми¹.

К селениям, которые лежат западнее Корсаковского поста, ведет веселая дорога у самого моря; направо глинистые крутизны и осыпи, кучерявые от зелени, а налево шумящее море. На песке, где волны уже разбиваются в пену и, точно утомленные, катятся назад, коричневым бордюром лежит по всему побережью морская капуста, выброшенная морем. Она издает приторно-сладкавый, но не противный запах гниющей водоросли, и для южного моря этот запах так же типичен, как ежеминутный взлет диких морских уток, которые развлекают вас все время, пока вы едете по берегу. Пароходы и парусные суда здесь редкие гости; ничего не видно ни возле, ни на горизонте, и потому море представляется пустынным. И изредка разве покажется неуклюжая сеноплавка, которая движется еле-еле, иногда на ней темный, некрасивый парус, или каторжный бредет по колена в воде и тащит за собою на веревке бревно,— вот и все картины.

¹ Тут когда-то были Муравьевские копи, в которых добыча угля производилась постовыми солдатами из разряда штрафованных, то есть была тут своя маленькая каторга; назначало их на работы местное начальство в наказание «за незначительные, впрочем, преступления» (Мицуль). В чью пользу, однако, поступила бы выручка, если бы добытый солдатами уголь был продан, сказать нельзя, так как весь он сгорел вместе с постройками.

До 1870 г. военными властями были основаны еще посты Чибисанский, Очехпокский, Мануйский, Малковский и многие другие. Все они уже брошены и забыты.

Вот крутой берег прерывается длинною и глубокою долиной. Тут течет речка Унтанай или Унта, и возле была когда-то казенная Унто́вская ферма, которую каторжные называли Дранкой,— понятно, почему. В настоящее время здесь тюремные огороды и стоят только три поселенческие избы. Это — *Первая Падь*.

Затем следует *Вторая Падь*, в которой шесть дворов. Тут у одного зажиточного старика крестьянина из ссыльных живет в сожительницах старуха, девушка Ульяна. Когда-то, очень давно, она убила своего ребенка и зарыла его в землю, на суде же говорила, что ребенка она не убила, а закопала его живым,— этак, думала, скорей оправдают; суд приговорил ее на 20 лет. Рассказывая мне об этом, Ульяна горько плакала, потом вытерла глаза и спросила: «Капустки кисленькой не купите ли?»

В *Третьей Пади* 17 дворов.

Во всех этих трех селениях жителей 46, в том числе женщин 17. Хозяев 26. Люди здесь всё основательные, зажиточные, имеют много скота и некоторые даже промышляют им. Главною причиной такого благосостояния следует признать, вероятно, климат и почвенные условия, но я думаю также, что если пригласить сюда чиновников из Александровска или Дуэ и попросить их распорядиться, то через год же во всех трех Падях будет не 26, а 300 хозяев, не считая совладельцев, и все они окажутся «домонерачители и самовольные» и будут сидеть без куска хлеба. Примера этих трех маленьких селений, я думаю, достаточно, чтобы наконец взять за правило, что в настоящее время, пока еще колония молода и не окрепла, чем меньше хозяев, тем лучше, и что чем длиннее улица, тем она беднее.

На четвертой версте от поста находится *Соловьевка*, основанная в 1882 году. Из всех сахалинских селений она занимает наиболее выгодное положение: она при море, и, кроме того, недалеко от нее находится устье рыбной речки Сусуи. Население держит коров и торгует молоком. Занимается также хлебопашеством. Жителей 74: 37 м. и 37 ж. Хозяев 26.

Все они имеют пахотную и покосную землю, в среднем по одной десяatine на душу. Земля хороша только сколо моря, по скатам берега, дальше же она плоха, из-под ели и пихты.

Есть еще одно селение на берегу Анивы, далеко в стороне, верст за 25 или, если плыть к нему морем, в 14 милях от поста. Оно называется *Лютота*, находится в пяти верстах от устья реки того же имени и основано в 1886 г. Сообщение с постом крайне неудобное: пешком по берегу или же на катере, а для поселенцев — на сеноплавке. Жителей 53: 37 м. и 16 ж. Хозяев 33.

Что же касается береговой дороги, то она, минуя Соловьевку, около устья Сусуи круто поворачивает вправо и идет уже по направлению к северу. На карте Сусуя своими верховьями подходит к реке Найбе, впадающей в Охотское море, и вдоль этих обеих рек, почти по прямой линии от Анивы до восточного берега, протянулся длинный ряд селений, которые соединены непрерывною дорогой, имеющею в длину 88 верст. Этот ряд селений составляет главную суть южного округа, его физиономию, а дорога служит началом того самого магистрального почтового тракта, которым хотят соединить Сев. Сахалин с Южным.

Я утомился или обленился и уж на юге работал не так усердно, как на севере. Часто целые дни уходили у меня на прогулки и пикники, и уже не хотелось ходить по избам, и когда мне любезно предлагали помощь, то я не уклонялся от нее. В первый раз до Охотского моря и назад я проехался в обществе г. Белого, которому хотелось показать мне свой округ, а затем, когда я делал перепись, меня всякий раз сопровождал смотритель поселений Н. Н. Ярцев¹.

¹ В сентябре и в начале октября, исключая те дни, когда дул норд-ост, погода стояла превосходная, летняя. Едучи со мной, г. Б. жаловался мне, что он сильно тоскует по Малороссии и что ничего ему так не хочется теперь, как посмотреть на вишню в то время, когда она висит на дереве. На ночлегах в надзирательских он просыпался очень рано; проснешься на рассвете, а он стоит у окна и читает вполголоса: «Белый свет за-

Селения южного округа имеют свои особенности, которых не может не заметить человек, только что приехавший с севера. Прежде всего здесь значительно меньше нищеты. Неоконченных, брошенных изб или забитых наглухо окон я не видел вовсе, и тесовая крыша здесь такое же заурядное и привычное для глаз явление, как на севере солома и корье. Дороги и мосты хуже, чем на севере, особенно между Малым Такоэ и Сиянцами, где в половодье и после сильных дождей бывает непроходимая слякоть. Сами жители выглядят моложе, здоровее и бодрее своих северных товарищей, и это так же, как и сравнительное благосостояние округа, быть может, объясняется тем, что главный контингент ссыльных, живущих на юге, составляют краткосрочные, то есть люди по преимуществу молодые и в меньшей степени изнуренные каторгой. Встречаются такие, которым еще только 20—25 лет, а они уже отбыли каторгу и сидят на участках, и немало крестьян из ссыльных в возрасте между 30 и 40 годами¹. В пользу южных селений говорит также и то обстоятельство, что здешние крестьяне не торопятся уезжать на материк: так, в только что описанной Соловьевке из 26 хозяев 16 имеют крестьянское звание. Женщин очень мало; есть селения, где нет ни одной женщины. Сравнительно с мужчинами

нялся над столицей, крепко спит молодая жена...» И г. Я. тоже все читал наизусть стихотворения. Бывало, как скучно станет в дороге, попросишь его прочесть что-нибудь, и он прочтет с чувством какое-нибудь длинное стихотворение, а то и два.

¹ По той же причине, например, в Корсаковском посту поселенцы в возрасте от 20 до 45 лет составляют 70% всего числа жителей. Прежде был скорее обычай, чем правило, при распределении вновь прибывающих арестантов по округам, назначать краткосрочных, как менее преступных и закоренелых, на юг, где теплее. Но при определении долго- и краткосрочных по статейным спискам не всегда соблюдалась необходимая осторожность. Так, бывший начальник острова ген. Гинце, как-то прочитывая на пароходе статейные списки, сам отобрал краткосрочных и назначил их к отправке на юг; потом же среди этих счастливых оказалось 20 бродяг и непомятых, то есть самых закоренелых и безнадежных. В настоящее время упомянутый обычай, по-видимому, уже оставлен, так как на юг присылаются долгосрочные и даже бессрочные, а в страшной Воеводской тюрьме и в руднике я встречал краткосрочных.

они выглядят в большинстве больными и старухами, и приходится верить здешним чиновникам и поселенцам, которые жалуются, что с севера всякий раз присылают им одних только «завалыщеньких», а молодых и здоровых оставляют себе. Доктор З — кий говорил мне, что как-то, исполняя должность тюремного врача, он вздумал осмотреть партию вновь прибывших женщин, и все они оказались с женскими болезнями.

На юге в обиходе совсем не употребляется слово совладелец, или половинщик, так как здесь на каждый участок полагается только по одному хозяину, но так же, как и на севере, есть хозяева, которые лишь причислены к селению, но домов не имеют. Как в посту, так и в селениях совсем нет евреев. В избах на стенах встречаются японские картинки; приходилось также видеть японскую серебряную монету.

Первое селение на Сусуе — *Голый Мыс*; существует оно лишь с прошлого года, и избы еще не построены. Здесь 24 мужчины и ни одной женщины. Стоит селение на бугре, который и раньше назывался голым мысом. Речка здесь не близко от жилья — надо к ней спускаться; колодца нет.

Второе селение — *Мицулька*, названное так в честь М. С. Мицуля¹. Когда дороги еще не было, то на ме-

¹ В экспедиции 1870 г., посланной из Петербурга под начальством Власова, принимал участие также агроном Михаил Семенович Мицуль, человек редкого нравственного закала, труженик, оптимист и идеалист, увлекавшийся и притом обладавший способностью сообщать свое увлечение и другим. Ему в ту пору было около 35 лет. К возложенному на него поручению он отнесся с замечательною добросовестностью. Исследуя почву, флору и фауну Сахалина, он исходил пешком нынешние Александровский и Тымовский округа, западное побережье, всю южную часть острова; тогда на острове совсем не было дорог, лишь кое-где попадались жалкие тропинки, исчезающие в тайге и болотах, и всякое передвижение, конное или пешее, было истинным мучением. Идея ссыльнохозяйственной колонии поразила и увлекла Мицуля. Он отдался ей всею душой, полюбил Сахалин, и подобно тому, как мать не видит в своем любимом детище недостаток, так он на острове, который сделался его второю родиной, не замечал промерзлой почвы и туманов. Он находил его цветущим уголком земли, и этому не могли мешать ни метеорологические данные, которых, впрочем, тогда почти

сте теперешней Мицульки стояла станция, на которой держали лошадей для чиновников, едущих по казенной надобности; конюхам и работникам позволено было строиться до срока, и они поселились около станции и завели собственные хозяйства. Дворов тут только 10, а жителей 25: 16 м. и 9 ж. После 1886 г. окружной начальник не позволял уже никому селиться в Мицулке, и хорошо делал, так как земля здесь неважная и лугов хватает только на десять дворов. Теперь в селении 17 коров и 13 лошадей, не считая мелкого скота, и в казенной ведомости показаны 64 курицы, но всего этого не станет вдвое больше, если удвоить число дворов.

Говоря об особенностях селений южного округа, я забыл упомянуть еще об одной: здесь часто отравляются борцом (*Aconitum Napellus*). В Мицулке у поселенца Такового свинья отравилась борцом; он сжадничал и поел ее печенки, и едва не умер. Когда я был у него в избе, то он стоял через силу и говорил слабым голосом, но о печенке рассказывал со смехом, и по его все еще опухшему, сине-багровому лицу можно было судить, как дорого обошлась ему эта печенка. Немного раньше его отравился борцом старик Коньков и умер, и дом его теперь пустует. Этот дом составляет одну из достопримечательностей Мицульки. Несколько лет тому назад бывший смотритель тюрьмы, Л., принявши какое-то вьющееся растение за виноград, доложил генералу Гинце, что в Южном Сахалине есть виноград, который с успехом можно культивировать. Генерал Гинце немедленно приказал узнать, нет ли среди арестантов человека, работавшего когда-либо на виноградниках. Такой скоро нашелся. Это был поселенец Раевский,

не было, ни горький опыт прошлых лет, к которому он относился, по-видимому, недоверчиво. А тут еще дикий виноград, бамбук, гигантский рост трав, японцы... Дальнейшая история острова застает его уже заведующим, статским советником, все еще увлекающимся и неутомимо работающим. Умер он на Сахалине от тяжелого нервного расстройства, 41 года. И я видел его могилу. После него осталась книга «Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении», 1873 г. Это длинная ода в честь сахалинского плодородия.

мужчина, по преданию, очень высокого роста. Он объявил себя специалистом, ему поверили и на первом же отходящем пароходе отправили при бумаге из Александровского поста в Корсаковский. Тут его спросили: «Зачем приехал?» Он ответил: «Разводить виноград». Посмотрели на него, прочли бумагу и только плечами пожали. Виноградарь пошел бродить по округу, заломив шапку; так как он был командирован начальником острова, то не считал нужным явиться к смотрителю поселений. Произошло недоразумение. В Мицульке его высокий рост и достоинство, с каким он держал себя, показались подозрительными, его приняли за бродягу, связали и отправили в пост. Тут долго держали его в тюрьме и наводили справки, потом выпустили. В конце концов он поселился в Мицульке, здесь и умер, а Сахалин так и остался без виноградников. Дом Раевского пошел в казну за долг и был продан Конькову за 15 рублей. Старик Коньков, когда платил деньги за дом, лукаво подмигнул глазом и сказал окружному начальнику: «А вот, погодите, умру, и вы опять с этим домом хлопотать будете». И в самом деле в скором времени отравился борцом, и теперь казне опять приходится возиться с домом¹.

В Мицульке живет сахалинская Гретхен, дочь поселенца Николаева, Таня, уроженка Псковской губ.,

¹ Один ссыльнокаторжный подал мне что-то вроде прошения с таким заглавием: «Конфиденциально. Кое-что из нашего захолустья. Великодушному и благосклонному литератору господину Ч., осчастливившему посещением недостойный о-в Сахалин Пост Корсаковский». В этом прошении я нашел стихотворение под заглавием «Борец»:

Горделиво растет над рекой,
На болотистом месте, в ложине,
Листик тот синий — красивый такой,
Аконитом слывет в медицине.

Этот корень борца,
Посаженный рукою творца,
Часто народ соблазняет,
В могилу кладет,
К Аврааму на лоно ссылает.

16 лет. Она белокура, тонка, и черты у нее тонкие, мягкие, нежные. Ее уже просватали за надзирателя. Бывало, едешь через Мицульку, а она все сидит у окна и думает. А о чем может думать молодая, красивая девушка, попавшая на Сахалин, и о чем она мечтает, — известно, должно быть, одному только богу.

В пяти верстах от Мицульки находится новое селение *Лиственничное*, и дорога здесь идет просекой через лиственничный лес. Называется оно также Христофоровкой, потому что когда-то гиляк Христофор ставил здесь на реке петли для соболей. Выбор этого места под селение нельзя назвать удачным, так как почва здесь дурная, негодная для культуры¹. Жителей 15. Женщин нет.

Немного дальше, на речке Христофоровке, несколько каторжных занимались когда-то разными поделками из дерева; им разрешено было построиться до срока. Но место, где они поселились, было признано неудобным, и в 1886 г. их четыре избы были перенесены на другое место, к северу от Лиственничного версты на четыре, что и послужило основанием для селения *Хомутовки*. Называется оно так потому, что поселенец из вольных крестьянин Хомутов занимался здесь когда-то охотой. Жителей 38: 25 м. и 13 ж. Хозяев 25. Это одно из самых неинтересных селений, хотя, впрочем, и оно может похвалиться достопримечательностью: в нем живет поселенец Броновский, известный всему югу как страстный и неутомимый вор.

Далее, через три версты, находится селение *Большая Елань*, основанное года два тому назад. Еланями здесь называются приречные долины, в которых растут ильма, дуб, боярка, бузина, ясень, береза. Обыкновенно они бывают защищены от холодных ветров, и в то время как на соседних горах и трясинах расти-

¹ Для тех, кто выбирает места под новые селения, лиственница служит признаком дурной, болотистой почвы. Так как подпочва-глина не пропускает воду, то образуется торф, появляются багульник, клюква, мох, сама лиственница портится, делается корявой, покрывается ягелем. Поэтому-то здесь лиственницы некрасивы, мелкоствольны и высыхают, не дожив до старости.

тельность поражает своею скудостью и мало отличается от полярной, здесь, в еланях, мы встречаем роскошные рощи и траву раза в два выше человеческого роста; в летние, не пасмурные дни земля здесь, как говорится, парит, во влажном воздухе становится душно, как в бане, и согретая почва гонит все злаки в солому, так что в один месяц, например, рожь достигает почти сажени вышины. Эти елани, напоминающие малороссу родные левады, где луга чередуются с садами и рощами, наиболее пригодны для поселений¹.

Жителей в Большой Елани 40: 32 м. и 8 ж. Хозяев 30. Когда поселенцы раскорчевывали землю под свои усадьбы, то им было приказано щадить старые деревья, где это возможно. И селение благодаря этому не кажется новым, потому что на улице и во дворах стоят старые, широколиственные ильмы,—точно их деды посадили.

Из здешних поселенцев обращают на себя внимание братья Бабичи, из Киевской губ.; сначала они жили в одной избе, потом стали ссориться и просить начальство, чтобы их разделили. Один из Бабичей, жалуясь на своего родного брата, выразился так: «Я боюсь его, как змия».

Еще через пять верст — селение *Владимировка*, основанное в 1881 году и названное так в честь одного майора, по имени Владимира, заведовавшего каторжными работами. Поселенцы зовут ее также Черною Речкой. Жителей 91: 55 м. и 36 ж. Хозяев 46, из них 19 живут бобылями и сами доят коров. Из 27 семей только 6 законные. Как сельскохозяйственная колония это селение стоит обоих северных округов, взятых вместе, а между тем из массы женщин, приходящих на Сахалин за мужьями, свободных и не испорченных тюрьмой, то есть наиболее ценных для колонии, здесь поселена только одна, да и та недавно заключена в тюрьму по подозрению в убийстве мужа. Несчастные женщины свободного состояния, которых северные чи-

¹ Тут растут: пробковое дерево и виноград, но они выросли и так же мало похожи на своих предков, как сахалинский бамбуковый тростник на цейлонский бамбук.

новники томят в Дуэ «в казармах для семейных», пригодились бы здесь как нельзя кстати; во Владимировке одного рогатого скота больше 100 голов, 40 лошадей, хорошие покосы, но нет хозяек и, значит, нет настоящих хозяйств¹.

Во Владимировке, при казенном доме, где живет смотритель поселений г. Я. со своей женой-акушеркой, находится сельскохозяйственная ферма, которую поселенцы и солдаты называют фирмой. Г-н Я. интересуется естественными науками и особенно ботаникой, растения называет не иначе, как по-латыни, и когда у него подают за обедом, например, фасоль, то он говорит: «Это — *faseolus*». Своей черной собачонке он дал кличку Favus. Из всех сахалинских чиновников он наиболее сведущ в агрономии и относится к делу добросовестно и любовно, но на его образцовой ферме урожаи часто бывают хуже, чем у поселенцев, и это вызывает всеобщее недоумение и даже насмешки. Поэтому, эта случайная разница в урожаях имеет такое же отношение к г. Я., как и ко всякому другому чиновнику. Ферма, на которой нет ни метеорологической станции, ни скота, хотя бы для навоза, ни порядочных построек, ни знающего человека, который от утра до вечера занимался бы только хозяйством, — это не ферма, а в самом деле одна лишь фирма, то есть пустая забава под фирмой образцового сельского хозяйства. Даже опытным полем нельзя назвать эту фирму, так как в ней только пять десятин, и по качествам своим, как сказано в одной казенной бумаге, земля нарочно выбрана ниже среднего достоинства, «с целью показать населению примером, что при известном уходе и лучшей обработке можно и на ней добиться удовлетворительного результата».

¹ В одном из своих приказов ген. Кононович удостоверяет, «что отчасти по причине своего изолированного положения и затруднительности сообщений с ним, отчасти вследствие различных частных соображений и расчетов, которые на глазах моих предместников разъедали дело и портили его везде, куда только достигало их тлетворное дыхание, Корсаковский округ постоянно был обходим и обделяем и что ни одна из самых вопиющих нужд его не была разобрана, удовлетворена или представлена на разрешение» (приказ № 318-й 1889 г.).

Здесь, во Владимировке, произошла любовная история. Некий Вукол Попов, крестьянин, застал свою жену с отцом, размахнулся и убил старика. Его приговорили к каторжным работам, прислали в Корсаковский округ и тут определили на фирму, к г. Я., в кучера. Это был богатырского сложения человек, еще молодой и красивый, характера кроткого и сосредоточенного,— все, бывало, молчит и о чем-то думает,— и с первого же времени хозяева стали доверять ему, и когда уезжали из дому, то знали, что Вукол и денег не вытащит из комода, и спирта в кладовой не выпьет. Жениться на Сахалине ему было нельзя, так как на родине оставалась у него жена и развода ему не давала. Таков приблизительно герой. Героиня — ссыльнокаторжная Елена Тертышная, сожительница поселенца Кошелева, баба вздорная, глупая и некрасивая. Она стала ссориться со своим сожителем, тот пожаловался, и окружной начальник в наказание назначил ее работницей на фирму. Тут увидел ее Вукол и влюбился. Она его тоже полюбила. Сожитель Кошелев, вероятно, заметил это, потому что стал усердно просить ее, чтоб она вернулась к нему.

— Ну да ладно, знаю вас! — говорила она. — Женись на мне, тогда пойду.

Кошелев подал докладную записку о вступлении в брак с девицей Тертышной, и начальство разрешило ему этот брак. Между тем Вукол объяснялся Елене в любви, умоляя ее жить с ним; она тоже искренно клялась в любви и при этом говорила ему:

— Приходи так — я могу, а жить постоянно — нет; ты женатый, а мое дело женское, должна я о себе подумать, пристроиться за хорошего человека.

Когда Вукол узнал, что она просватана, то пришел в отчаяние и отравился борцом. Елену потом допрашивали, и она созналась: «Я с ним четыре ночи ночевала». Рассказывали, что недели за две до смерти он, глядя на Елену, мывшую пол, говорил:

— Эх, бабы, бабы! На каторгу из-за бабы пошел и тут, должно, из-за бабы придется кончить!

Во Владимировке я познакомился с ссыльным Василием Смирновым, присланным за подделку кредитных бумажек. Он отбыл каторгу и поселенчество и занимается теперь охотой на соболей, что, по-видимому, доставляет ему большое удовольствие. Он рассказывал мне, что когда-то фальшивые бумажки давали ему по 300 рублей в день, но попался он после того уж, как бросил этот промысел и занялся честным трудом. О фальшивых бумажках рассуждает тоном специалиста; по его мнению, подделывать теперешние кредитки может даже баба. О прошлом говорит он спокойно, не без иронии, и очень гордится тем, что его когда-то на суде защищал г. Плевако.

Тотчас за Владимировкой начинается громадный луг в несколько сот десятин; он имеет вид полукруга, версты четыре в диаметре. У дороги, где он кончается, стоит селение *Луговое*, или *Лужки*, основанное в 1888 г. Здесь 69 мужчин и только 5 женщин.

Далее следует опять короткий промежуток в 4 версты, и мы въезжаем в *Поповские Юрты*, селение, основанное в 1884 г. Его хотели назвать Ново-Александровкой, но это название не привилось. Поехал о. Симеон Казанский, или, попросту, поп Семен, на собаках в Найбучи «постить» солдат, на обратном пути его захватила сумасшедшая вьюга, и он сильно захворал (другие же говорят, что он возвращался из Александровска). К счастью, попались аинские рыбацьи юрты, он приютился в одной из них, а своего возницу послал во Владимировку, где тогда жили вольные поселенцы; эти приехали за ним и доставили его еле живого в Корсаковский пост. После этого аинские юрты стали называться поповскими; это название удержала за собою и местность.

Сами поселенцы зовут свое селение также Варшавой, так как в нем много католиков. Жителей 111: 95 м. и 16 ж. Из 42 хозяев семейно живут только 10.

Поповские Юрты стоят как раз на середине пути между Корсаковским постом и Найбучи. Тут кончается бассейн реки Сусуи, и после некрутого, едва заметного перевала через водораздельный хребет мы

спускаемся в долину, орошаемую Найбой. Первое селение этого бассейна находится в 8 верстах от Юрт и называется *Березники*, потому что около когда-то было много березы. Из всех южных селений это самое большое. Тут жителей 159: 142 м. и 17 ж. Хозяев 140. Уже есть четыре улицы и площадь, на которой, как предполагают, со временем будут выстроены церковь, телеграфная станция и дом смотрителя поселений. Предполагают также, что если колонизация удастся, то в Березниках будет волость. Но это селение очень скучно на вид, и люди в нем скучные, и думают они не о волости, а только о том, как бы скорее отбыть срок и уехать на материк. Один поселенец на вопрос, женат ли он, ответил мне со скукой: «Был женат и убил жену». Другой, страдающий кровохарканием, узнав, что я врач, все ходил за мной и спрашивал, не чахотка ли у него, и пытливо засматривал мне в глаза. Ему было страшно от мысли, что он не дождетя крестьянских прав и умрет на Сахалине.

Далее через 5 верст следует селение *Кресты*, основанное в 1885 г. Тут когда-то были убиты двое бродяг и на месте их могил стояли кресты, которых теперь уже нет; или иначе: хвойный лес, который давно уже вырублен, пересекал здесь когда-то елань в виде креста. Оба объяснения поэтичны; очевидно, название *Кресты* дано самим населением.

Находятся *Кресты* на реке Такоэ, как раз при впадении в нее притока; почва — суглинок с хорошим налетом ила, урожай бывают почти каждый год, лугов много, и люди, по счастью, оказались порядочными хозяевами; но в первые годы селение мало отличалось от Верхнего Армудана и едва не погибло. Дело в том, что посажено было здесь на участки сразу 30 человек; это было как раз то время, когда из Александровска долго не присылали инструментов, и поселенцы отправились к месту буквально с голыми руками. Из жалости им были даны из тюрьмы старые топоры, чтобы они могли нарубить себе лесу. Потом целых три года подряд им не выдавали

скота,— по той же причине, по какой из Александровска не присылали инструментов.

Жителей 90: 63 м. и 27 ж. Хозяев 52.

Здесь есть лавочка, в которой торгует отставной фельдфебель, бывший ранее надзирателем в Тымовском округе; торгует он бакалейным товаром. Есть и медные браслеты и сардинки. Когда я пришел в лавочку, то фельдфебель принял меня, вероятно, за очень важного чиновника, потому что вдруг без всякой надобности доложил мне, что он был когда-то замешан в чем-то, но оправдан, и стал торопливо показывать мне разные одобрительные аттестации, показал, между прочим, и письмо какого-то г. Шнейдера, в конце которого, помнится, есть такая фраза: «А когда потеплеет, жарьте талые». Потом фельдфебель, желая доказать мне, что он уже никому не должен, принялся рыться в бумагах и искать какие-то расписки, и не нашел их, и я вышел из лавочки, унося с собою уверенность в его полной невинности и фунт простых мужицких конфет, за которые он, однако, содрал с меня полтинник.

Следующее после Крестов селение находится у реки с японским названием Такоэ, впадающей в Найбу. Долина этой реки называется Такойской, и знаменита она тем, что на ней когда-то жили вольные поселенцы. Селение *Большое Такоэ* существует официально с 1884 г., но основано было гораздо раньше. Хотели назвать его Власовским в честь г. Власова, но название это не удержалось. Жителей 71: 56 м. и 15 ж. Хозяев 47. Здесь живет постоянно классный фельдшер, которого поселенцы называют первоклассным. За неделю до моего приезда отравилась борцом его жена, молодая женщина.

Вблизи селения, а особенно по дороге к Крестам, встречаются превосходные строевые ели. Вообще много зелени и притом сочной, яркой, точно умытой. Флора Такойской долины несравненно богаче, чем на севере, но северный пейзаж живее и чаще напоминал мне Россию. Правда, природа там печальна и сурова, но сурова она по-русски, здесь же она улыбается

и грустит, должно быть, по-аински и вызывает в русской душе неопределенное настроение¹.

В Такойской же долине, в 4¹/₂ верстах от Большого, находится *Малое Такоэ* на небольшой речушке, впадающей в Такоэ². Основано селение в 1885 г. Жителей 52: 37 м. и 15 ж. Хозяев 35. Из них живут семейно только 9, и нет ни одной венчанной пары.

Дальше, в 8 верстах, на месте, которое у японцев и аинцев называлось Сиянча и где когда-то стоял японский рыбный сарай, находится селение *Галкино-Враское*, или Сиянцы, основанное в 1884 г. Местоположение красивое — при впадении Такоэ в Найбу, но очень неудобное. Весною и осенью, да и летом в дождливую погоду, Найба, капризная, как все вообще горные реки, разливается и затопляет Сиянчу; сильное течение запирает вход для Такоэ, и эта тоже выходит из берегов; то же происходит и с мелкими речками, впадающими в Такоэ. Галкино-Враское представляет из себя тогда Венецию, и ездят по нем на аинских лодках; в избах, построенных на низине, пол бывает залит водой. Место для селения выбирал некий г. Иванов, понимающий в этом деле так же мало, как в гиляцком и аинском языках, переводчиком которых он официально считается; впрочем, в ту пору он был помощником смотрителя тюрьмы и исправлял должность нынешнего смотрителя поселений. Аинцы и поселенцы предупреждали его, что место тут топкое, но он не слушал их. Кто жаловался, тех секли. В одно из наводнений погиб бык, в другое — лошадь.

¹ В версте от Большого Такоэ на реке стоит мельница, построенная по приказанию ген. Кононовича немцем Лаксом, каторжным; он же построил мельницу и на Тыми близ Дербинского. На такойской мельнице берут за помол по 1 ф. муки и 1 коп. с пуда. Поселенцы довольны, потому что раньше платили по 15 коп. с пуда или же мололи дома на ручных мельницах собственного изделия с ильмовыми жерновами. Для мельницы пришлось рыть канал и строить плотину.

² Я не называю мелких притоков, на которых стоят селения Сусуйского и Найбинского бассейнов, потому что все они имеют трудно усвояемые аинские или японские названия, вроде Экуреки или Фуфкасаманай.

Впадение Такоэ в Найбу образует полуостров, на который ведет высокий мост. Тут очень красиво; место как раз соловьиное. В надзирательской светло и очень чисто; есть даже камин. С террасы вид на реку, во дворе садик. Сторожем здесь старик Савельев, каторжный, который, когда здесь ночуют чиновники, служит за лакея и повара. Как-то прислуживая за обедом мне и одному чиновнику, он подал что-то не так, как нужно, и чиновник крикнул на него строго: «Дурак!» Я посмотрел тогда на этого безответного старика и, помнится, подумал, что русский интеллигент до сих пор только и сумел сделать из каторги, что самым пошлым образом свел ее к крепостному праву.

Жигелей в Галкине-Враском 74: 50 м. и 24 ж. Хозяев 45, и из них 29 имеют крестьянское звание.

Последнее селение по тракту — *Дубки*, основанное в 1886 г. на месте бывшего здесь дубового леса. На пространстве 8 верст, между Сиянцами и Дубками, встречаются горелые леса и между ними луговины, на которых, говорят, растет капорский чай. Когда едешь, показывают, между прочим, речку, где поселенец Маловечкин ловил рыбу; теперь эта речка носит его имя. Жителей в Дубках 44: 31 м. и 13 ж. Хозяев 30. Местоположение считается хорошим по теории, что там, где растет дуб, почва должна быть хороша для пшеницы. Большая часть площади, которая занята теперь под пашней и покосом, недавно еще была болотом, но поселенцы, по совету г. Я., выкопали канаву до Найбы, в сажень глубины, и теперь стало хорошо.

Быть может, оттого, что это маленькое селение стоит с краю, как бы особняком, здесь значительно развиты картежная игра и пристанодержательство. В июне здешний поселенец Лифанов проигрался и отравился борцом.

От Дубков до устья Найбы остается только 4 версты, на пространстве которых селиться уже нельзя, так как у устья заболочина, а по берегу моря песок и растительность песчано-морская: шиповник с очень крупными ягодами, волосянец и проч. Дорога про-

должается до моря, но можно проехать и по реке, на аинской лодке.

У устья стоял когда-то пост *Найбучи*. Он был основан в 1866 г. Мицуль застал здесь 18 построек, жилых и не жилых, часовню и магазин для провианта. Один корреспондент, бывший в Найбучи в 1871 г., пишет, что здесь было 20 солдат под командой юнкера; в одной из изб красивая высокая солдатка угостила его свежими яйцами и черным хлебом, хвалила здешнее житье и жаловалась только, что сахар очень дорог¹. Теперь и следа нет тех изб, и красивая высокая солдатка, когда оглянешься кругом на пустыню, представляется каким-то мифом. Тут строят новый дом, надзирательскую или станцию, и только. Море на вид холодное, мутное, ревет, и высокие седые волны бьются о песок, как бы желая сказать в отчаянии: «Боже, зачем ты нас создал?» Это уже Великий, или Тихий, океан. На этом берегу Найбучи слышно, как на постройке стучат топорами каторжные, а на том берегу, далеко, воображаемом, Америка. Налево видны в тумане сахалинские мысы, направо тоже мысы... а кругом ни одной живой души, ни птицы, ни мухи, и кажется непонятным, для кого здесь ревут волны, кто их слушает здесь по ночам, что им нужно и, наконец, для кого они будут реветь, когда я уйду. Тут, на берегу, овладевают не мысли, а именно думы; жутко, и в то же время хочется без конца стоять, смотреть на однообразное движение волн и слушать их грозный рев.

XLV

Тарайка.— Вольные поселенцы.— Их неудачи.— Аино, границы их распространения, численный состав, наружность, пища, одежда, жилища, их нравы.— Японцы.— Кусун-Котан.— Японское консульство.

В местности, которая называется Тарайкою, на одном из самых южных притоков Пороная, впадающего в залив Терпения, находится селение *Сиска*. Вся Та-

¹ Мичман В. Витгефт, Два слова об о-ве Сахалине — «Кронштадтский вестник», 1872 г., №№ 7, 17 и 34.

райка причисляется к южному округу, разумеется, с большою натяжкой, так как от нее до Корсаковска будет верст 400, и климат здесь отвратительный, хуже, чем в Дуэ. Тот проектированный округ, о котором я говорил в X главе, будет называться Тарайкинским, и в него войдут все селения по Пороною, в том числе и Сиска; пока же здесь селят южан. В казенной ведомости показано жителей только 7: 6 м. и 1 ж. В Сиске я не был, но вот выдержка из чужого дневника: «Как селение, так и местность самая безотрадная; прежде всего отсутствие хорошей воды, дров; жители пользуются из колодцев, в которых во время дождей вода красная, тундровая. Берег, где расположено селение, песчаный, вокруг везде тундра... В общем вся местность производит тяжелое, удручающее впечатление»¹.

Теперь, чтобы покончить с Южным Сахалином, остается мне сказать несколько слов еще о тех людях, которые жили когда-либо здесь и теперь живут независимо от ссыльной колонии. Начну с попыток к вольной колонизации. В 1868 г. одною из канцелярий Восточной Сибири было решено поселить на юге Сахалина до 25 семейств; при этом имелись в виду крестьяне свободного состояния, переселенцы, уже селившиеся по Амуру, но так неудачно, что устройство их поселений один из авторов называет плачевным, а их самих горемыками. Это были хохлы, уроженцы Черниговской губ., которые раньше, до прихода на Амур, уже селились в Тобольской губ., но тоже неудачно. Администрация, предлагавшая им переселиться на Сахалин, давала обещания в высшей степени заманчивые. Обещали безвозмездно в течение двух лет до-

¹ Селение стоит на перепутье; едущие зимою из Александровска в Корсаковск или наоборот непременно останавливаются здесь. В 1869 г. около теперешнего, тогда японского, селения был построен станок. Жили здесь солдаты с женами, а позднее и ссыльные. В течение зимы, весны и конца лета тут кипела бойкая ярмарочная жизнь. Зимою наезжали сюда тунгусы, якуты, амурские гиляки, которые вели торговлю с южанами-инородцами, а весной и в конце лета на джонках приходили японцы для рыбных промыслов. Название станка — *Тихменевский пост* — сохранилось и до настоящего времени.

~~Содержание~~ *В. Дух*

Дворъ № *Куж*

Званіе *поселенецъ*

Имя, отчество, фамилія, отношенія къ хозяину:

Михаилъ Канзисскій
Солодовъ

ушелецъ

Лѣтъ *35*

Вѣроисповѣданіе *правосл.*

Гдѣ родился *Воронежъ*

Съ какого года на Сахалинѣ *1882*

Главное занятіе *кам. ур.*

Грамотенъ, неграмотенъ, образованъ

Женатъ на родинѣ, на Сахалинѣ, вдовъ, холостъ.

Получаетъ ли пособіе отъ казны? Да, нѣтъ.

Чѣмъ болѣнъ.

Карточка переписи ссыльнокаторжных, заполненная
А. П. Чеховым. 1890.

вольствовать их мукой и крупой, снабдить каждую семью заимообразно земледельческими орудиями, скотом, семенами и деньгами, с уплатою долга через пять лет, и освободить их на 20 лет от податей и рекрутской повинности. Переселиться изъявили желание 10 амурских семейств и, кроме того, 11 семейств из Балаганского уезда, Иркутской губ., всего 101 душа. В 1869 г., в августе, их отправили на транспорте «Манджур» в Муравьевский пост, чтобы отсюда перевезти вокруг Анивского мыса Охотским морем в пост Найбучи, от которого до Такойской долины, где предполагалось положить начало вольной колонии, было только 30 верст. Но наступила уже осень, свободного судна не было, и тот же «Манджур» доставил их вместе с их скарбом в Корсаковский пост, откуда они рассчитывали пробраться в Такойскую долину сухим путем. Дороги тогда не было вовсе. Прапорщик Дьяконов, по выражению Мицуля, «двинулся» с 15 рядовыми делать неширокую просеку. Но двигался он, вероятно, очень медленно, потому что 16 семейств не стали дожидаться окончания просеки и отправились в Такойскую долину прямо через тайгу на вычных волах и телегах; на пути выпал глубокий снег, и они должны были часть телег бросить, а часть положить на полозья. Прибывши в долину 20 ноября, они немедленно стали строить себе бараки и землянки, чтоб укрыться от холода. За неделю до рождества пришли остальные 6 семейств, но поместиться им было негде, строиться поздно, и они отправились искать пристанища в Найбучи, оттуда в Кусуннайский пост, где и перезимовали в солдатских казармах; весною же вернулись в Такойскую долину.

«Но тут-то и начала сказываться вся неряшливость и неумелость чиновничества»,— пишет один из авторов. Обещали разных хозяйственных предметов на 1000 рублей и по 4 головы разного скота на каждую семью, но когда отправляли переселенцев на «Манджуре» из Николаевска, то не было ни жерновов, ни рабочих волов, лошадям не нашлось места на судне, и сохи оказались без сошников. Зимой сошники были привезены на собаках, но только 9 штук,

и когда впоследствии переселенцы обратились к начальству за сошниками, то просьба их «не обратила на себя должного внимания». Быков прислали осенью 1869 г. в Кусуннай, но изнуренных, полуживых, и в Кусуннае вовсе не было заготовлено сена, и из 41 околело за зиму 25 быков. Лошади остались зимовать в Николаевске, но так как кормы были дороги, то их продали с аукциона, и на вырученные деньги купили новых в Забайкалье, но эти лошади оказались хуже прежних, и крестьяне забраковали нескольких. Семена отличались дурною всхожестью, яровая рожь была перемешана в мешках с озимью, так что хозяева потеряли скоро к семенам всякое доверие и хотя и брали их из казны, но скармливали скоту или съедали сами. Так как жерновов не было, то зерен не мололи, а только запаривали их и ели, как кашу.

После ряда неурожаев в 1875 г. случилось наводнение, которое окончательно отняло у переселенцев охоту заниматься на Сахалине сельским хозяйством. Стали опять переселяться. На берегу Анивы, почти на полдороге от Корсаковского поста к Муравьевскому, в так называемой Чибисани, образовался выселок в 20 дворов. Потом стали просить позволения переселиться в Южно-Уссурийский край; ожидали они разрешения, как особой милости, с нетерпением, десять лет, а пока кормились охотой на соболя и рыбною ловлей. Только лишь в 1886 г. они отбыли в Уссурийский край. «Дома свои бросают,—пишет корреспондент,—едут с весьма тощими карманами; берут кое-какой скарб да по одной лошади» («Владивосток», 1886 г., № 22). В настоящее время между селениями Большое и Малое Такоэ, несколько в стороне от дороги, находится пожарище; тут стояло когда-то вольное селение Воскресенское; избы, оставленные хозяевами, были сожжены бродягами. В Чибисани же, говорят, до сих пор еще сохранились в целости избы, часовня и даже дом, в котором помещалась школа. Я там не был.

Из вольных поселенцев осталось на острове только трое: Хомутов, о котором я уже упоминал, и

две женщины, родившиеся в Чибисани. Про Хомутова говорят, что он «шатается где-то» и живет, кажется, в Муравьевском посту. Его редко видят. Он охотится на соболей и ловит в бухте Буссе осетров. Что касается женщин, то одна из них, Софья, замужем за крестьянином из ссыльных Барановским и живет в Мицульке, другая, Анисья, за поселенцем Леоновым, живет в Третьей Пади. Хомутов скоро умрет, Софья и Анисья уедут с мужьями на материк, и таким образом, о вольных поселенцах скоро останется одно только воспоминание.

Итак, вольную колонизацию на юге Сахалина следует признать неудавшеюся. Виноваты ли в этом естественные условия, которые на первых же порах встретили крестьян так сурово и недружелюбно, или же все дело испортили неумелость и неряшливость чиновников, решить трудно, так как опыт был непродолжителен, и к тому же еще приходилось производить эксперимент над людьми, по-видимому, неусидчивыми, приобретшими в своих долгих скитаниях по Сибири вкус к кочевой жизни. Трудно сказать, к чему бы привел опыт, если б он был повторен¹. Соб-

¹ Этот опыт касается одного только Сахалина, между тем Д. Г. Тальберг, в своем очерке «Ссылка на Сахалин» («Вестник Европы», 1879 г., V), придает ему общее значение и, говоря по поводу его вообще о нашей неспособности к колонизации, приходит даже к такому выводу: «Не пора ли нам отказаться от всяких колонизационных попыток на Востоке?» В своем примечании к статье проф. Тальберга редакция «Вестника Европы» говорит, что «мы едва ли найдем другой пример колонизаторских способностей, какие представил русский народ в своем прошлом, когда он овладевал всем европейским Востоком и Сибирью», и при этом почтенная редакция ссылается на труд покойного проф. Ешевского, который представил «изумительную картину русской колонизации».

В 1869 г. некий промышленник привез на юг Сахалина с острова Кадьяка 20 алеутов обоего пола для охоты на зверя. Их поселили около Муравьевского поста и выдавали им провизию. Но они ровно ничего не делали, а только ели и пили, и через год промышленник увез их на один из Курильских островов. Приблизительно в то же самое время в Корсаковском посту поселили двух китайцев, политических изгнанников. Так как они выразили желание заниматься сельским хозяйством, то генерал-губернатор Восточной Сибири приказал выдать каждому из них

ственно для ссыльной колонии неудавшийся опыт пока может быть поучителен в двух отношениях: во-первых, вольные поселенцы сельским хозяйством занимались не долго и в последние десять лет до переезда на материк промышляли только рыбной ловлей и охотой; и в настоящее время Хомутов, несмотря на свой преклонный возраст, находит для себя более подходящим и выгодным ловить осетров и стрелять соболей, чем сеять пшеницу и сажать капусту; во-вторых, удержать на юге Сахалина свободного человека, когда ему изо дня в день толкуют, что только в двух днях пути от Корсаковска находится теплый и богатый Южно-Уссурийский край,— удержать свободного человека, если к тому же он здоров и полон жизни, невозможно.

Коренное население Южного Сахалина, здешние инородцы, на вопрос, кто они, не называют ни племени, ни нации, а отвечают просто: айно. Это значит — человек. В этнографической карте Шренка площадь распространения айно, или айну, обозначена желтой краской, и эта краска сплошь покрывает японский остров Матсмай и южную часть Сахалина до залива Терпения. Живут они также еще на Курильских островах и называются поэтому у русских курилами. Численный состав айно, живущих на Сахалине, не определен точно, но не подлежит сомнению все-таки, что племя это исчезает и притом с необыкновенною быстротой. Врач Добротворский, 25 лет назад служивший на Южном Сахалине¹, говорит, что было время, когда около одной лишь бух-

шесть быков, лошадь, корову, семена для посева и продовольствие на два года. Но ничего этого они не получили, по неимению будто бы свободных запасов, и в конце концов их отправили на материк. К вольным колонизаторам, тоже неудачным, пожалуй, можно отнести также и николаевского мещанина Семенова, маленького, тощенького человека лет 40, который бродит в настоящее время по всему югу и старается отыскать золото

¹ После него остались две серьезные работы: «Южная часть острова Сахалина» (извлечение из военно-медицинского отчета), изд. сиб. отд. имп. Русского геогр. общества, 1870 г., т. I, №№ 2 и 3, и «Аинско-русский словарь».

ты Буссе было 8 больших айнских селений и число жителей в одном из них доходило до 200; около Найбы он видел следы многих селений. Для своего времени он гадательно приводит три цифры, взятые из разных источников: 2885, 2418, 2050, и последнюю считает наиболее достоверной. По свидетельству одного автора, его современника, от Корсаковского поста в обе стороны по берегу шли айнские селения. Я же около поста не застал уже ни одного селения и видел несколько айнских юрт только около Большого Такоэ и Сиянцы. В «Ведомости о числе проживающих инородцев за 1889 г. по Корсаковскому округу» численный состав айно определяется так: 581 мужчин и 569 женщин.

Причинами исчезания айно Добротворский считает опустошительные войны, будто бы происходившие когда-то на Сахалине, незначительную рождаемость вследствие неплодовитости айнок, а главное, болезни. У них всегда наблюдались сифилис, цинга; бывала, вероятно, и оспа¹.

Но все эти причины, обуславливающие обыкновенно хроническое вымирание инородцев, не дают объяснения, почему айно исчезают так быстро, почти на наших глазах; ведь в последние 25—30 лет не было ни войн, ни значительных эпидемий, а между тем в этот промежуток времени племя уменьшилось больше чем наполовину. Мне кажется, вернее будет предположить, что это быстрое исчезание, похожее на таяние, происходит не от одного вымирания, но также и от переселения айно на соседние острова.

До занятия Южного Сахалина русскими айно находились у японцев почти в крепостной зависимости, и поработить их было тем легче, что они кротки,

¹ Трудно предположить, чтобы эта болезнь, производившая опустошения на Северном Сахалине и Курильских островах, щадила бы Южный Сахалин. А. Полонский пишет, что юрту, в которой случился покойник, айно оставляют и вместо нее строят другую на новом месте. Такой обычай, очевидно, произошел в те времена, когда айно в страхе перед эпидемиями покидали свои зараженные жилища и селились на новых местах.

безответны, а главное, были голодны и не могли обходиться без рису¹.

Занявши Южный Сахалин, русские освободили их и до последнего времени охраняли их свободу, защищая от обид и избегая вмешиваться в их внутреннюю жизнь. Беглые каторжники в 1884 году перерезали несколько аинских семейств; рассказывают также, будто был высечен розгами какой-то аинец-каюр, который отказывался везти почту, и бывали покушения на целомудрие айнок, но о подобного рода притеснениях и обидах говорят как об отдельных и в высшей степени редких случаях. К сожалению, русские вместе со свободой не принесли рису; с уходом японцев никто уже не ловил рыбы, заработки прекратились, и айно стали испытывать голод. Кормиться, подобно гилякам, одною рыбой и мясом они уже не могли,— нужен был рис, и вот, несмотря на свое нерасположение к японцам, побуждаемые голодом, начали они, как говорят, выселяться на Матсмай. В одной корреспонденции («Голос», 1876 г., № 16) я прочел, будто бы депутация от айно приходила в Корсаковский пост и просила дать работы или по крайней мере семян для разводки картофеля и научить их возделывать под картофель землю; в работе будто бы было отказано и семена картофеля обещали прислать, но обещания не исполнили, и айно, бедствуя, продолжали переселяться на Матсмай. В другой корреспонденции, относящейся к 1885 г. («Владивосток», № 28), говорится тоже, что айно делали какие-то заявления, которые, по-видимому, не были уважены, и что они сильно желают выбраться с Сахалина на Матсмай.

Айно смуглы, как цыгане; у них большие окладистые бороды, усы и черные волосы, густые и жесткие; глаза у них темные, выразительные, кроткие. Роста они среднего и сложения крепкого, коренастого, черты лица крупны, грубоваты, но в них, по вы-

¹ Римскому-Корсакову айно говорили: «Сизам спит, а айно работает для него: рубит лес, ловит рыбу; айно не хочет работать — сизам его колотит».

ражению моряка В. Римского-Корсакова, нет ни монгольской приплюсности, ни китайского узкоглазия. Находят, что бородатые айно очень похожи на русских мужиков. В самом деле, когда айно надевает свой халат вроде нашей чуйки и подпоясывается, то становится похожим на купеческого кучера¹.

Тело айно покрыто темными волосами, которые на груди иногда растут густо, пучками, но до мохнатости еще далеко, между тем борода и волосатость, составляющая такую редкость у дикарей, поражали путешественников, которые по возвращении домой описывали айно, как мохнатых. И наши казаки, в прошлом столетии бравшие с них ясак на Курильских островах, тоже называли их мохнатыми.

Аино живут в близком соседстве с народами, у которых растительность на лице отличается скудостью, и не мудрено поэтому, что их широкие бороды ставят этнографов в немалое затруднение; наука до сих пор еще не отыскала для айно настоящего места в расовой системе. Аино относят то к монгольскому, то к кавказскому племени; один англичанин нашел даже, что это потомки евреев, заброшенных во времена оны на японские острова. В настоящее время наиболее вероятными представляются два мнения: одно, что айно принадлежат к особой расе, населявшей некогда все восточноазиатские острова, другое же, принадлежащее нашему Шренку, что это народ палеазиатский, издавна вытесненный монгольскими племенами с материка Азии на его островную окраину, и что путь этого народа из Азии на острова лежал через Корею. Во всяком случае, айно двигались с юга на север, из тепла в холод, меняя постоянно лучшие условия на худшие. Они не воинственны, не терпят насилия; покорять, поработать или вытеснить их было нетрудно. Из Азии их вытеснили монголы, из Ниппона и Матсмая — японцы, на Сахалине гиляки не пустили их выше Тарайки, на Куриль-

¹ В книге Шренка, о которой я уже говорил, есть таблица с изображением айно. См. также книгу Фр. Гельвальда «Естественная история племен и народов», т. II, где айно изображен во весь рост, в халате.

ских островах они встретились с казаками и таким образом в конце концов очутились в положении безвыходном. В настоящее время айно, обыкновенно без шапки, босой и в портах, подсученных выше колен, встречаясь с вами по дороге, делает вам реверанс и при этом взглядывает ласково, но грустно и болезненно, как неудачник, и как будто хочет извиниться, что борода у него выросла большая, а он все еще не сделал себе карьеры.

Подробности об айно см. у Шренка, Добротворского и А. Полонского¹. То, что было сказано о пище и одежде у гиляков, относится и к айно, с тою лишь прибавкой, что недостаток риса, любовь к которому айно унаследовали от прадедов, живших когда-то на южных островах, составляет для них серьезное лишение; русского хлеба они не любят. Пища у них отличается большим разнообразием, чем у гиляков; кроме мяса и рыбы, они едят разные растения, моллюсков и то, что итальянские нищие называют вообще *frutti di mare*². Едят они понемногу, но часто, почти каждый час; прожорливости, свойственной всем северным дикарям, у них не замечается. Так как грудным детям приходится с молока переходить прямо на рыбу и китовый жир, то их отнимают от груди поздно. Римский-Корсаков видел, как аинку сосал ребенок лет трех, который отлично уже двигался сам и даже имел на ременном поясе ножик, как большой. На одежде и жилищах чувствуется сильное влияние юга,—не сахалинского, а настоящего юга. Летом айно ходят в рубахах, сотканных из травы или луба, а раньше, когда были не так бедны, носили шелковые халаты. Шапок они не носят, лето и всю осень до снега ходят босиком. В юртах у них дымно и смрадно, но все-таки гораздо светлее, опрятнее и, так сказать, культурнее, чем у гиляков. Около юрт обыкновенно стоят сушильни с рыбой, распространяющей далеко вокруг промозглый, удушли-

¹ Исследование А. Полонского «Курилы» напечатано в «Записках имп. Русского геогр. общества», 1871 г., т. IV.

² плоды моря (итал.).

вый запах; воют и грызутся собаки; тут же иногда можно увидеть небольшой сруб-клетку, в котором сидит молодой медведь: его убьют и съедят зимой на так называемом медвежьем празднике. Я видел однажды утром, как аинская девочка-подросток кормила медведя, просовывая ему на лопаточке сушеную рыбу, смоченную в воде. Сами юрты сложены из накатника и тесу; крыша, из тонких жердей, покрыта сухой травой. Внутри у стен тянутся нары, выше их полки с разной утварью; тут, кроме шкур, пузырей с жиром, сетей, посуды и проч., вы найдете корзины, циновки и даже музыкальный инструмент. На наре обыкновенно сидит хозяин и не переставая курит трубочку, и если вы задаете ему вопросы, то отвечает неохотно и коротко, хотя и вежливо. Посреди юрты стоит очаг, на котором горят дрова; дым уходит через отверстие в крыше. Над огнем висит на крюке большой черный котел; в нем кипит уха, серая, пенистая, которую, я думаю, европеец не стал бы есть ни за какие деньги. Около котла сидят чудовища. Насколько солидны и благообразны айномужчины, настолько непривлекательны их жены и матери. Наружность аинских женщин авторы называют безобразной и даже отвратительной. Цвет смугло-желтый, пергаментный, глаза узкие, черты крупные; невыющиеся жесткие волосы висят через лицо патлами, точно солома на старом сарае, платье неопрятное, безобразное, и при всем том — необыкновенная худощавость и старческое выражение. Мужские красят себе губы во что-то синее, и от этого лица их совершенно утрачивают образ и подобие человеческие, и когда мне приходилось видеть их и наблюдать ту серьезность, почти суровость, с какою они мешают ложками в котлах и снимают грязную пену, то мне казалось, что я вижу настоящих ведьм. Но девочки и девушки не производят такого отталкивающего впечатления¹.

¹ Н. В. Буссе, редко отзывавшийся о ком-нибудь милостиво, между прочим, так аттестует аинка: «Вечером пришел ко мне пьяный аин, известный мне как большой пьяница. Он привел с собою свою жену, и сколько я мог понять, с целью пожертво-

Айно никогда не умываются, ложатся спать не раздеваясь.

Почти все, писавшие об айно, отзывались об их нравах с самой хорошей стороны. Общий голос таков, что это народ кроткий, скромный, добродушный, доверчивый, общительный, вежливый, уважающий собственность, на охоте смелый и, по выражению д-ра Rollen'a, спутника Лаперуза, даже интеллигентный. Бескорыстие, откровенность, вера в дружбу и щедрость составляют их обычные качества. Они правдивы и не терпят обманов. Крузенштерн пришел от них в совершенный восторг; перечислив их прекрасные душевные качества, он заключает: «Такие подлинно редкие качества, коими обязаны они не возвышенному образованию, но одной только природе, возбудили во мне то чувство, что я народ сей почитаю лучшим из всех прочих, которые доныне мне известны»¹. А Рудановский пишет: «Более

вать верностью ее супружескому ложу и тем выманить у меня хорошие подарки. Аинка, довольно красивая собою, казалось, готова была помочь своему мужу, но я подавал вид, что не понимаю их объяснений... Выйдя из дому моего, муж и жена без церемонии перед моим окошком и в виду часового отдали долг природе. Вообще аинка эта не показывала большого женского стыда. Груды ее почти не были закрыты ничем. Аинки носят такое же платье, как и мужчины, то есть несколько распашных коротких халатов, низко перепоясанных кушаком. Рубашек и нижнего платья они не имеют, и потому малейший беспорядок в их платье выказывает все скрытые прелести». Но даже и этот суровый автор признается, что «между молодыми девушками были некоторые довольно хорошенькие, с приятными и мягкими чертами лица и с пылкими черными глазами». Как бы то ни было, аинка сильно отстала в физическом развитии; она старится и блекнет раньше мужчины. Быть может, это следует приписать тому, что во время вековых скитаний народа львиная доля лишений, тяжкого труда и слез выпала женщине.

¹ Вот эти качества: «При посещении нашем одного аинского жилища на берегу залива Румянцева, заметил я в семействе оною, состоявшем из 10 человек, счастливейшее согласие, или, почти можно сказать, совершенное между сочленами его равенство. Находившись несколько часов в оном, не могли мы никак узнать главы семейства. Старейшие не изъявляли против молодых никаких знаков повелительства. При оделении их подарками не показал никто ни малейшего вида неудовольствия, что ему досталось меньше, нежели другому. Наперерыв оказывали нам всякого рода услуги».

мирного и скромного населения, какое мы встретили в южной части Сахалина, быть не может». Всякое насилие возбуждает в них отвращение и ужас. А. Полонский рассказывает следующий печальный эпизод, почерпнутый им из архивов. Дело происходило давно, в прошлом столетии. Казацкому сотнику Черному, приводившему курильских айно в русское подданство, вздумалось наказать некоторых розгами: «При одном виде приготовлений к наказанию айно пришли в ужас, а когда двум женщинам стали вязать руки назад, чтобы удобнее расправиться с ними, некоторые из айно убежали на неприступный утес, а один айно с 20 женщинами и детьми ушел на байдаре в море... Не успевших убежать женщин высекли, а мужчин шесть человек взяли с собою на байдары, а чтобы воспрепятствовать побегу, им связали руки назад, но так немилостиво, что один из них умер. Когда его, распухшего и как будто с обваренными руками, бросили с камнем в море, Черный в назидание прочим его товарищам проговорил: «У нас по-русски так водится».

В заключение несколько слов об японцах, играющих такую видную роль в истории Южного Сахалина. Известно, что южная треть Сахалина принадлежит безусловно России лишь с 1875 года, раньше же ее относили к японским владениям. В «Руководстве к практической навигации и мореходной астрономии» кн. Е. Голицына 1854 г.,— в книге, которою моряки пользуются до сегодня,— к Японии отнесен даже Северный Сахалин с мысами Марии и Елизаветы. Многие, в том числе Невельской, сомневались, что Южный Сахалин принадлежит Японии, да и сами японцы, по-видимому, не были уверены в этом до тех пор, пока русские странным поведением не внушили им, что Южный Сахалин в самом деле японская земля. Впервые японцы появились на юге Сахалина лишь в начале этого столетия, но не раньше. В 1853 г. Н. В. Буссе записал свой разговор со стариками айно, которые помнили время независимости своей и говорили: «Сахалин — земля айнов, японской земли на Сахалине нет». В 1806 г., в год подвигов

Хвостова, на берегу Анивы было только одно японское селение, и постройки в нем все были из новых досок, так что было очевидно, что японцы поселились тут очень недавно. Крузенштерн был в Аниве в апреле, когда шла сельдь, и от необычайного множества рыбы, китов и тюленей вода, казалось, кипела, между тем сетей и неводов у японцев не было, и они черпали рыбу ведрами, и, значит, о богатых рыбных ловлях, которые были поставлены на такую широкую ногу впоследствии, тогда и помину не было. По всей вероятности, эти первые японские колонисты были беглые преступники или же побывавшие на чужой земле и за это изгнанные из отечества.

В начале же этого столетия впервые обратила внимание на Сахалин и наша дипломатия. Посол Резанов, уполномоченный заключить торговый союз с Японией, должен был также еще «приобрести остров Сахалин, независимый ни от китайцев, ни от японцев». Вел он себя крайне бестактно. «В рассуждении нетерпимости японцами христианской веры» он запретил экипажу креститься и приказал отобрать у всех без изъятия кресты, образа, молитвенники и «все, что только изображает христианство и имеет на себе крестное знамение». Если верить Крузенштерну, то Резанову на аудиенции было отказано даже в стуле, не позволили ему иметь при себе шпагу и «в рассуждении нетерпимости» он был даже без обуви. И это — посол, русский вельможа! Кажется, трудно меньше проявить достоинства. Потерпевши полное фиаско, Резанов захотел мстить японцам. Он приказал морскому офицеру Хвостову поугагать сахалинских японцев, и приказ этот был отдан не совсем в обычном порядке, как-то криво. в запечатанном конверте, с непременным условием вскрыть и прочитать лишь по прибытии на место¹.

¹ Хвостов разгромил на берегу Анивы японские дома и сараи и наградил одного аинского старшину серебряною медалью на владимирской ленте. Этот разбой сильно встревожил японское правительство и заставил его быть настороже. Несколько позднее на Курильских островах был взят в плен капитан Головин и его спутники, точно в военное время. Когда потом мат-

Итак, Резанов и Хвостов первые признали, что Южный Сахалин принадлежит японцам. Но японцы не заняли своих новых владений, а лишь послали землемера Мамиа-Ринзо исследовать, что это за остров. Вообще во всей этой сахалинской истории японцы, люди ловкие, подвижные и хитрые, вели себя как-то нерешительно и вяло, что можно объяснить только тем, что у них было так же мало уверенности в своем праве, как и у русских.

По-видимому, у японцев, после того как они познакомились с островом, возникла мысль о колонии, быть может, даже сельскохозяйственной, но попытки в этом направлении, если они были, могли повести только к разочарованию, так как работники из японцев, по словам инж. Лопатина, переносили с трудом или вовсе не могли выносить зимы. На Сахалин приезжали только японские промышленники, редко с женами, жили здесь, как на бивуаках, и зимовать оставалась только небольшая часть, несколько десятков. остальные же возвращались на джонках домой; они ничего не сеяли, не держали огородов и рогатого скота, а все необходимое для жизни привозили с собой из Японии. Единственное, что привлекало их на Южн. Сахалин, была рыба; она приносила им большой доход, так как ловилась в изобилии, и айно, на которых лежала вся тяжесть труда, обходились им почти даром. Доход с промыслов простирался сначала до 50, а потом до 300 тыс. рублей ежегодно, и не мудрено поэтому, что хозяева-японцы носили по семи шелковых халатов. В первое время японцы имели свои фактории только на берегу Анивы и в Мауке, и главный их пункт находился в пади Кусун-Котан, где теперь живет японский консул¹.

смайский губернатор отпускал пленных, то торжественно объявил им: «Все вы по причине грабительства Хвостова были взяты, а теперь от охотского начальства прислано объяснение, что грабительства Хвостова были только разбойничьи поступки. Это ясно, и потому о возвращении вашем объявляю».

¹ Подробности у Венюкова: «Общий обзор постепенного расширения русских пределов Азии и способов обороны их. Первый участок: остров Сахалин» — «Военный сборник», 1872 г., № 3.

Позднее они прорубили просеку от Анивы до Такойской долины; тут, около нынешнего Галкина-Враского, находились у них магазины; просека не заросла до настоящего времени и называется японской. Доходили японцы и до Тарайки, где ловили периодическую рыбу в Поронае и основали селение Сиску. Судя их доходили даже до Ныйского залива; то судно с красивою оснасткой, которое Поляков застал в 1881 году в Тро, было японское.

Сахалин интересовал японцев исключительно только с экономической стороны, как американцев Тюлений остров. После же того, как в 1853 году русские основали Муравьевский пост, японцы стали проявлять и политическую деятельность. Соображение, что они могут потерять хорошие доходы и даровых рабочих, заставило их внимательно следить за русскими, и они уже старались усилить свое влияние на острове в противовес русскому влиянию. Но опять-таки, вероятно, за отсутствием уверенности в своем праве, эта борьба с русскими была нерешительна до смешного, и японцы держали себя, как дети. Они ограничивались только тем, что распускали среди айно сплетни про русских и хвастали, что они перережут всех русских, и стоило русским в какой-нибудь местности основать пост, как вскорости в той же местности, но только на другом берегу речки, появлялся японский пикет, и, при всем своем желании казаться страшными, японцы все-таки оставались мирными и милыми людьми: посылали русским солдатам осетров, и когда те обращались к ним за неводом, то они охотно исполняли просьбу.

В 1867 г. заключен был договор, по которому Сахалин стал принадлежать обоим государствам на праве общего владения; русские и японцы признали друг за другом одинаковое право распоряжаться на острове,— значит, ни те, ни другие не считали остров своим¹. По трактату же 1875 г., Сахалин окон-

¹ Вероятно, по желанию японцев, чтобы порабощение айно происходило на законном основании, в договор был включен, между прочим, рискованный пункт, по которому инородцы, буде они войдут в долги, могут производить уплату их работою или

чательно вошел в состав Российской империи, а Япония получила в вознаграждение все наши Курильские острова¹.

Рядом с падью, в которой находится Корсаковский пост, есть еще падь, сохранившая свое название с того времени, когда здесь было японское селение Кусун-Котан. От японских построек не уцелело здесь ни одной; есть, впрочем, лавочка, в которой торгует японская семья бакалейными и мелочными товарами,—я покупал тут жесткие японские груши,—но эта лавочка уже позднейшего происхождения. В пади на самом видном месте стоит белый дом, на котором иногда развевается флаг — красный круг на белом фоне. Это японское консульство.

Как-то утром, когда дул норд-ост, а в квартире моей было так холодно, что я кутался в одеяло, ко мне пришли с визитом японский консул г. Кузе и его секретарь г. Сугиама. Первым делом я стал извиняться, что у меня очень холодно.

— О нет,—отвечали мои гости,—у вас чрезвычайно тепло!

И они на лицах и в тоне голоса старались показать, что у меня не только очень тепло, но даже жарко и что моя квартира — во всех отношениях рай земной. Оба они кровные японцы с монгольским типом лица, среднего роста. Консулу около сорока лет, бороды у него нет, усы едва заметны, сложения он

какою другою услугой. А между тем на Сахалине не было ни одного айно, которого японцы не считали бы своим должником.

¹ Невельской настойчиво признавал Сахалин русским владением по праву занятия его нашими тунгусами в XVII столетии, первоначального его описания в 1742 г. и занятия южной части его в 1806 г. русскими. Русскими тунгусами считал он орочей, с чем этнографы не согласны; первоначальное описание Сахалина сделано не русскими, а голландцами, что же касается занятия его в 1806 г., то первоначальность тут опровергается фактами. Несомненно, что право первого исследования принадлежит японцам, и японцы первые заняли Южный Сахалин. Но все-таки в своей щедрости мы, кажется, хватили через край; можно было бы «из уважения», как говорят мужики, отдать японцам пять-шесть Курильских островов, ближайших к Японии, а мы отдали 22 острова, которые, если верить японцам, приносят им теперь миллион ежегодного дохода.

плотного; секретарь же лет на десять моложе, носит синие очки, по всем видимостям, фтизик — жертва сахалинского климата. Есть еще другой секретарь, г. Сузуки; он ниже среднего роста, у него большие усы, концы которых опущены книзу на китайский манер, глаза узкие, косые, — с японской точки зрения неотразимый красавец. Как-то, рассказывая про одного японского министра, г. Кузе выразился так: «Он красивый и мужественный, как Сузуки». Вне дома они ходят в европейском платье, говорят по-русски очень хорошо; бывая в консульстве, я нередко заставлял их за русскими или французскими книжками; книг у них полон шкаф. Люди они европейски образованные, изысканно вежливые, деликатные и радушные. Для здешних чиновников японское консульство — хороший, теплый угол, где можно забыть от тюрьмы, каторги и служебных дразг и, стало быть, отдохнуть.

Консул служит посредником между японцами, приезжающими на промыслы, и местною администрацией. В высокаторжественные дни он и его секретари, в полной парадной форме, из пади Кусун-Котан идут в пост к начальнику округа и поздравляют его с праздником; г. Белый платит им тем же: ежегодно 1 декабря он со своими сослуживцами отправляется в Кусун-Котан и поздравляет там консула с днем рождения японского императора. При этом пьют шампанское. Когда консул бывает на военных судах, то ему салютуют семь раз. Случилось, что при мне были получены ордена, Анна и Станислав третьей степени, пожалованные гг. Кузе и Сузуки. Г-н Белый, майор Ш. и секретарь полицейского управления г. Ф., в мундирах, торжественные, отправились в Кусун-Котан вручать ордена; и я поехал с ними. Японцы были очень тронуты и орденами, и торжественностью, до которой они такие охотники; подали шампанское. Г-н Сузуки не скрывал своего восторга и оглядывал орден со всех сторон блестящими глазами, как ребенок игрушку; на его «красивом и мужественном» лице я читал борьбу: ему хотелось поскорее побежать к себе и показать орден

своей молоденькой жене (он недавно женился), и в то же время вежливость требовала, чтобы он остался с гостями¹.

Кончивши обзор населенных мест Сахалина, перехожу теперь к частностям, важным и неважным, из которых в настоящее время слагается жизнь колонии.

ХУ

Хозяева-каторжные.— Перечисление в поселенцы.— Выбор мест под новые селения.— Домообзаводство.— Половищики.— Перечисление в крестьяне.— Переселение крестьян из ссыльных на материк.— Жизнь в селениях.— Близость тюрьмы.— Состав населения по месту рождения и по условиям.— Сельские власти.

Когда наказание, помимо своих прямых целей — мщения, устрашения или исправления, задается еще другими, например колонизационными, целями, то оно по необходимости должно постоянно приспособ-

¹ Отношения у местной администрации и японцев великолепные, какие и быть должны. Помимо взаимного угощения шампанским в торжественных случаях, обе стороны находят и другие средства для поддержания этих отношений. Привожу дословно одну из бумаг, полученных от консула: «Господину начальнику Корсаковского округа. На отношение от 16 августа сего года за № 741 мною сделано распоряжение о раздаче присланных вами для довольствия потерпевших крушение на бриге и джонке четырех бочек соленой рыбы и пять кульков соли. Притом я, по имени оных бедных, имею честь выразить вам, милостивый государь, весьма искреннюю признательность о ваших сочувствии и пожертвовании дружественной вашей соседней нации вещами, которые здесь для них столь важны, об этом я вполне уверен, что всегда остаются в них доброй памяти. Консул Японской империи Кузе». Кстати, это письмо может дать понятие о тех успехах, какие делают в короткое время молодые японские секретари при изучении русского языка. Германские офицеры, изучающие русский язык, и иностранцы, занимающиеся переводом русских литературных произведений, пишут несравненно хуже.

Японская вежливость не приторна и потому симпатична, и как бы много ее ни было перепущено, она не вредит, по пословице — масло каши не портит. Один токарь-японец в Нагасаки, у которого наши моряки офицеры покупали разные безделушки, из вежливости всегда хвалил все русское. Увидит у офицера брелок или кошелек и ну восхищаться: «Какая замечательная

ляться к потребностям колонии и идти на уступки. Тюрьма — антагонист колонии, и интересы обеих находятся в обратном отношении. Жизнь в общих камерах порабощает и с течением времени перерождает арестанта; инстинкты оседлого человека, домовитого хозяина, семьянина заглушаются в нем привычками стадной жизни, он теряет здоровье, старится, слабеет морально, и чем позже он покидает тюрьму, тем больше причин опасаться, что из него выйдет не деятельный, полезный член колонии, а лишь бремя для нее. И потому-то колонизационная практика потребовала прежде всего сокращения сроков тюремного заключения и принудительных работ, и в этом смысле наш «Устав о ссыльных» делает значительные уступки. Так, для каторжных отряда исправляющихся десять месяцев считаются за год, и если каторжные второго и третьего разряда, то есть осужденные на сроки от 4 до 12 лет, назначаются на рудничные работы, то каждый год, проведенный ими на этих работах, засчитывается за полтора года¹. Каторжным по переходе в разряд исправляющихся закон разрешает жить вне тюрьмы, строить себе дома, вступать в брак и иметь деньги. Но действительная жизнь в этом направлении пошла еще дальше «Устава». Чтобы облегчить переход из каторжного состояния в более самостоятельное, приамурский генерал-губернатор в 1888 г. разрешил освобождать трудолюбивых и доброго поведения каторжных до срока; объявляя об этом приказе (№ 302), ген. Кононович обещает увольнять от работ за два

вещь! какая изящная вещь!» Один из офицеров как-то привез из Сахалина деревянный портсигар грубой топорной работы. «Ну, теперь,— думает,— подведу я токаря. Увидим, что он теперь скажет». Но когда японцу показали портсигар, то он не потерялся. Он потряс им в воздухе и сказал с восторгом: «Какая прочная вещь!»

¹ На Сахалине в каждой канцелярии имеется «Таблица исчисления сроков». Из нее видно, что осужденный, положим, на 17½ лет проводит на каторге в действительности 15 лет и 3 месяца; если же он попал под манифест, то только 10 лет 4 месяца; осужденный на 6 лет освобождается через 5 лет и 2 мес., а в случае манифеста — через 3 года и 6 мес.

и даже за три года до окончания полного срока работ. И без всяких статей и приказов, а по необходимости, потому что это полезно для колонии, вне тюрьмы, в собственных домах и на вольных квартирах, живут все без исключения ссыльнокаторжные женщины, многие испытуемые и даже бессрочные, если у них есть семьи или если они хорошие мастера, землемеры, каюры и т. п. Многим позволяется жить вне тюрьмы просто «по-человечности» или из рассуждения, что если такой-то будет жить не в тюрьме, а в избе, то от этого не произойдет ничего худого, или если бессрочному Z. разрешается жить на вольной квартире только потому, что он приехал с женой и детьми, то не разрешить этого краткосрочному N. было бы уже несправедливо.

К 1 января 1890 г. во всех трех сахалинских округах состояло каторжных обоюго пола 5905. Из них осужденных на сроки до 8 лет было 2124 (36%), от 8 до 12 — 1567 (26,5%), от 12 до 15 — 747 (12,7%), от 15 до 20 — 731 (12,3%), бессрочных 386 (6,5%) и рецидивистов, осужденных на сроки от 20 до 50 лет, — 175 (3%). Краткосрочные, осужденные на сроки до 12 лет, составляют 62,5%, то есть немного больше половины всего числа. Средний возраст только что осужденного каторжного мне не известен, но, судя по возрастному составу ссыльного населения в настоящее время, он должен быть не меньше 35 лет; если к этому прибавить среднюю продолжительность каторги 8—10 лет и если принять еще во внимание, что на каторге человек старится гораздо раньше, чем при обыкновенных условиях, то станет очевидным, что при буквальном исполнении судебного приговора и при соблюдении «Устава», со строгим заключением в тюрьме, с работами под военным конвоем и проч., не только долгосрочные, но и добрая половина краткосрочных поступала бы в колонию с уже утраченными колонизаторскими способностями.

При мне каторжных-хозяев обоюго пола, сидевших на участках, было 424; каторжных обоюго пола, проживавших в колонии в качестве жен, сожителей, сожительниц, работников, жильцов и проч., записано

мною 908. Всего жило вне тюрьмы в собственных избах и на вольных квартирах 1332, что составляло 23% всего числа каторжных¹. Как хозяева, каторжные в колонии почти ничем не отличаются от хозяев-поселенцев. Каторжные, состоящие при хозяйствах в качестве работников, делают то же, что наши деревенские работники. Отдача арестанта в работники к хорошему хозяину мужику, тоже ссыльному, составляет пока единственный вид каторги, выработанный русскою практикой и, несомненно, более симпатичный, чем австралийское батрачество. Жильцы-каторжные лишь ночуют на квартирах, но на раскомандировки и работы должны являться так же аккуратно, как и их товарищи, живущие в тюрьме. Мастерские, например сапожники и столяры, часто отбывают свой каторжный урок у себя на квартире².

Оттого, что четверть всего состава ссыльно-каторжных живет вне тюрьмы, особенных беспорядков не замечается, и я охотно признал бы, что упорядочить нашу каторгу нелегко именно потому, что остальные три четверти живут в тюрьмах. Говорить о преимуществе изб перед общими камерами мы можем, конечно, только с вероятностью, так как точных наблюдений по этой части у нас пока нет вовсе. Никто еще не доказал, что среди каторжников, живущих в избах, случаи преступлений и побегов наблюдаются реже, чем у живущих в тюрьме, и что труд первых производительнее, чем вторых, но весьма вероятно, что тюремная статистика, которая рано или поздно должна будет заняться этим вопросом, сде-

¹ Я не считаю здесь каторжных, живущих у чиновников в качестве прислуги. В общем, я думаю, живущие вне тюрьмы составляют 25%, то есть из каждых четырех каторжных одного тюрьма уступает колонии. Процент этот значительно повысится, когда 305 статья «Устава», разрешающая исправляющимся жить вне тюрьмы, распространится также и на Корсаковский округ, в котором, по желанию г. Белого, все без исключения каторжные живут в тюрьме.

² В Александровске почти все хозяева держат жильцов, и это придает ему городскую физиономию. В одной избе я записал 17 человек. Но такие многолюдные квартиры мало чем отличаются от общих камер.

лает свой окончательный вывод в пользу изб. Пока несомненно одно, что колония была бы в выигрыше, если бы каждый каторжный, без различия сроков, по прибытии на Сахалин тотчас же приступал бы к постройке избы для себя и для своей семьи и начинал бы свою колонизаторскую деятельность возможно раньше, пока он еще относительно молод и здоров; да и справедливость ничего бы не проиграла от этого, так как, поступая с первого же дня в колонию, преступник самое тяжелое переживал бы до перехода в поселенческое состояние, а не после.

Когда кончается срок, каторжного освобождают от работ и переводят в поселенцы. Задержек при этом не бывает. Новый поселенец, если у него есть деньги и протекция у начальства, остается в Александровске или в том селении, которое ему нравится, и покупает или строит тут дом, если еще не обзавелся им, когда был на каторге; для такого сельское хозяйство и труд не обязательны. Если же он принадлежит к серой массе, составляющей большинство, то обыкновенно садится на участок в том селении, где прикажет начальство, и если в этом селении тесно и нет уже земли, годной под участки, то его сажают уже на готовое хозяйство, в совладельцы или половинщики, или же его посылают селиться на новое место¹. Выбор мест под новые селения, требующий опыта и некоторых специальных знаний, возложен на местную администрацию, то есть на окружных начальников, смотрителей тюрем и смотрителей поселений. Каких-нибудь определенных законов и инструкций на этот счет нет, и все де-

¹ Сахалин относится к отдаленнейшим местам Сибири. Вероятно, ввиду исключительно сурового климата, вначале водворяли здесь только тех поселенцев, которые отбывали каторгу на Сахалине же и успевали, таким образом, предварительно если не привыкнуть, то хоть приглядеться к месту. Теперь же, по видимому, хотят изменить этот порядок. При мне, по приказанию барона А. Н. Корфа, был прислан на Сахалин и водворен в Дербинском некий Иуда Гамберг, приговоренный к ссылке в Сибирь на поселение; в Дубках проживает поселенец Симон Саулат, отбывавший каторгу не на Сахалине, а в Сибири. Есть уже здесь и административные ссыльные.

ло поставлено в зависимость от такого случайного обстоятельства, как тот или другой состав служащих: находятся ли они на службе уже давно и знакомы с ссыльным населением и с местностью, как, например, г. Бутаков на севере и гг. Белый и Ярцев на юге, или же это недавно поступившие, в лучшем случае филологи, юристы и пехотные поручики и в худшем — совершенно необразованные люди, раньше нигде не служившие, в большинстве молодые, не знающие жизни горожане. Я уже писал о чиновнике, который не поверил инородцам и поселенцам, когда те предупреждали его, что весной и во время сильных дождей место, которое он выбрал для селения, заливается водой. При мне один чиновник со свитой поехал за 15—20 верст осматривать новое место и вернулся домой в тот же день, успевши в два-три часа подробно осмотреть место и одобрить его; он говорил, что прогулка вышла очень милая.

Старшие и более опытные чиновники уходят на поиски новых мест редко и неохотно, так как всегда бывают заняты другими делами, а младшие неопытны и равнодушны; администрация проявляет медленность, дело затягивается, и в результате получается переполнение уже существующих селений. И поневоле в конце концов приходится обращаться за помощью к каторжным и солдатам-надзирателям, которые, по слухам, иногда удачно выбирали места. В 1888 г. в одном из своих приказов (№ 280) генерал Кононович, ввиду того что ни в Тымовском, ни в Александровском округах нет уже места для отвода участков, между тем как число нуждающихся в них быстро возрастает, предложил «немедленно организовать партии из благонадежных ссыльнокаторжных под надзором вполне расторопных, более опытных в этом деле и грамотных надзирателей, или даже чиновников, и таковые отправлять к отысканию мест, годных под поселения». Эти партии бродят по совершенно неисследованной местности, на которую никогда еще не ступала нога топографа; места отыскивают, но неизвестно, как высоко лежат они над уровнем моря, какая тут почва, какая вода и проч.;

о пригодности их к заселению и сельскохозяйственной культуре администрация может судить только гадательно, и потому обыкновенно ставится окончательное решение в пользу того или другого места прямо наудачу, на авось, и при этом не спрашивают мнения ни у врача, ни у топографа, которого на Сахалине нет, а землемер является на новое место, когда уже земля раскорчевана и на ней живут¹.

Генерал-губернатор после объезда селений, передавая мне свои впечатления, выразился так: «Каторга начинается не на каторге, а на поселении». Если тяжесть наказания измерять количеством труда и физических лишений, то на Сахалине часто поселенцы несут более суровое наказание, чем каторжные. На новое место, обыкновенно болотистое и покрытое лесом, поселенец является, имея с собой только плотничий топор, пилу и лопату. Он рубит лес, корчует, роет канавы, чтобы осушить место, и все вре-

¹ Со временем выбор новых мест будет возложен в каждом округе на комиссию из чинов тюремного ведомства, топографа, агронома и врача, и тогда по протоколам этой комиссии можно будет судить, почему выбрана та или другая местность. В настоящее время некоторая правильность замечается в том, что людей охотнее всего селят по долинам рек и около дорог, существующих или проектированных. Но и тут видна скорее rutina, чем какая-нибудь определенная система. Если выбирают какую-нибудь приречную долину, то не потому, что она лучше других исследована и наиболее пригодна для культуры, а потому только, что она находится недалеко от центра. Юго-западное побережье отличается сравнительно мягким климатом, но оно отстоит от Дуэ или Александровска дальше, чем Арковская долина и долина реки Армудана, и потому последние предпочитают. Когда же селят на линии проектированной дороги, то при этом имеются в виду не жители нового селения, а те чиновники и каюры, которые со временем будут ездить по этой дороге. Если бы не эта скромная перспектива — оживлять и охранять тракт и давать приют проезжающим, то было бы трудно понять, для чего нужны, например, селения, проектируемые по тракту вдоль Тыми, от верховьев этой реки до Ныйского залива. За охранение и оживление тракта жители, вероятно, будут получать от казны денежное и пищевое довольствие. Если же эти селения будут продолжением теперешней сельскохозяйственной колонии, и администрация рассчитывает на рожь и пшеницу, то Сахалин приобретет еще несколько тысяч голодных, потерянных бедняков, питающихся неизвестно чем,

мя, пока идут эти подготовительные работы, живет под открытым небом, на сырой земле. Прелести сахалинского климата с его пасмурностью, почти ежедневными дождями и низкой температурой нигде не чувствуются так резко, как на этих работах, когда человек в продолжение нескольких недель ни на одну минуту не может отделаться от чувства пронизывающей сырости и озноба. Это настоящая febris sachalinensis¹ с головною болью и ломотою во всем теле, зависящая не от инфекции, а от климатических влияний. Сначала строят селение и потом уже дорогу к нему, а не наоборот, и благодаря этому совершенно непроизводительно расходуется масса сил и здоровья на переноску тяжестей из поста, от которого к новому месту не бывает даже тропинок; поселенец, навьюченный инструментом, продовольствием и проч., идет дремучею тайгой, то по колена в воде, то карабкаясь на горы валежника, то путаясь в жестких кустах багульника. 307 статья «Устава о ссыльных» говорит, что поселяющимся вне острога отпускается лес для постройки домов; здесь эта статья понимается так, что поселенец сам должен нарубить себе лесу и заготовить его. В прежнее время на помощь поселенцам отпускались каторжные и выдавались деньги на наем плотников и покупку материалов, но этот порядок был оставлен на том основании, что «в результате, как рассказывал мне один чиновник, получались лодыри; каторжные работают, а поселенцы в это время в орлянку играют». Теперь поселенцы устраиваются общими силами, помогая друг другу. Плотник ставит сруб, печник мажет печь, пильщики готовят доски. У кого нет сил и умения работать, но есть деньжонки, тот нанимает своих же товарищей. Крепкие и выносливые люди несут самую тяжелую работу, слабосильные же или отвыкшие в тюрьме от крестьянства, если не играют в орлянку или в карты, или если не прячутся от холода, то занимаются какою-нибудь сравнительно легкой работой. Многие изнемогают, падают духом и поки-

¹ сахалинская лихорадка (лат.).

дают свои недостроенные дома. Манзы и кавказцы, не умеющие строить русских изб, обыкновенно бегут в первый же год. Почти половина хозяев на Сахалине не имеет домов, и это следует объяснить, как мне кажется, прежде всего трудностями, с которыми поселенец встречается при первоначальном обзаведении. Бездомовные хозяева, по данным, которые я беру из отчета инспектора сельского хозяйства, в 1889 г. в Тымовском округе составляли 50% всего числа, в Корсаковском — 42%, в Александровском же округе, где устройство хозяйств обставлено меньшими трудностями и поселенцы чаще покупают дома, чем строят, только 20%. Когда кончен сруб, хозяину выдаются в ссуду стекла и железо. Об этой ссуде начальник острова говорит в одном из своих приказов: «К величайшему сожалению, эта ссуда, как и многое другое, долго заставляет себя ждать, парализуя охоту к домообзаводству... В прошедшем году осенью, во время объезда поселений Корсаковского округа, мне приходилось видеть дома, ожидающие стекол, гвоздей и железа к задвижкам в печах, ныне я тоже застал эти дома в подобном ожидании» (приказ № 318, 1889 г.)¹.

¹ Вот тут-то поселенцу как нельзя кстати могли бы пригодиться те деньги, которые он должен был бы получать в течение каторжного срока в вознаграждение за труд. По закону, арестанту, осужденному к ссылке в каторжные работы, за всякий труд назначается из вырученного дохода одна десятая часть. Если, положим, на дорожных работах поденщина оценивается в 50 коп., то каторжный должен получать ежедневно по 5 коп. Во время содержания под стражей арестанту позволено расходовать на свои надобности не более половины заработанных денег, а остающиеся затем суммы выдаются ему при освобождении. На заработанные деньги не могут быть обращаемы никакие гражданские взыскания или судебные издержки, и в случае смерти арестанта они выдаются его наследникам. В «Деле об устройстве о. Сахалина» за 1878 г. кн. Шаховской, заведовавший в семидесятых годах дуйскою каторгой, высказывает мнение, которое следовало бы теперешним администраторам принять и к сведению и к руководству: «Вознаграждение каторжных за работы дает хотя какую-нибудь собственность арестанту, а всякая собственность прикреплает его к месту; вознаграждение позволяет арестантам по взаимном соглашении улучшать свою пищу, держать в большей чистоте одежду и помеще-

Не находят нужным исследовать новое место, даже когда уже заселяют его. Посылают на новое место 50—100 хозяев, затем ежегодно прибавляют десятки новых, а между тем никому не известно, на какое количество людей хватит там удобной земли, и вот причина, почему обыкновенно вскорости после заселения начинают уже обнаруживаться теснота, излишек людей. Этого не замечается только в Корсаковском округе, посты же и селения обоих северных округов все до одного переполнены людьми. Даже такой, несомненно, заботливый человек, как А. М. Бутаков, начальник Тымовского округа, сажает людей на участки как-нибудь, не соображаясь насчет будущего, и ни в одном округе нет такого множества совладельцев или сверхкомплектных хозяев, как именно у него. Похоже, как будто сама администрация не верит в сельскохозяйственную колонию и мало-помалу успокоилась на мысли, что земля нужна поселенцу ненадолго, всего на шесть лет, так как, получив крестьянские права, он непременно покинет остров, и что при таких условиях вопрос об участках может иметь одно лишь формальное значение.

Из записанных мною 3522 хозяев 638, или 18%, составляют совладельцы, а если исключить Корсаковский округ, где на участки сажают только по од-

ние, а всякая привычка к удобствам производит тем большее страдание в лишении их, чем удобств этих более; совершенное же отсутствие последних и всегда угрюмая, неприветливая обстановка выработывает в арестантах такое равнодушие к жизни, а тем более к наказаниям, что часто, когда число наказываемых доходило до 80% наличного состава, приходилось отчаиваться в победе розог над теми пустыми природными потребностями человека, ради выполнения которых он ложится под розги; вознаграждение каторжных, образуя между ними некоторую самостоятельность, устраняет растрату одежды, помогает домообзаводству и значительно уменьшает затраты казны в отношении прикрепления их к земле по выходе на поселение».

Инструмент выдается в ссуду на пять лет с условием, что поселенец ежегодно будет уплачивать пятую часть. В Корсаковском округе плотничий топор стоит 4 руб., продольная пила 13 руб., лопата 1 р. 80 к., подпилы 44 коп., гвозди 10 коп. за фунт. Дворорубный топор дают за 3 руб. 50 коп. в ссуду лишь в том случае, если поселенец не берет плотничьего,

ному хозяину, то процент этот будет значительно выше. В Тымовском округе чем моложе селение, тем выше в нем процент половинщиков; в Воскресенском, например, хозяев 97, а половинщиков 77; это значит, что находить новые места и отводить участки поселенцам с каждым годом становится все труднее¹.

Устройство хозяйства и правильное ведение его ставится поселенцу в непререкаемую обязанность. За леность, нерадение и нежелание устраиваться хозяйством его обращают в общественные, то есть каторжные, работы на один год и переводят из избы в тюрьму. Статья 402 «Устава» разрешает приамурскому генерал-губернатору «содержать на казенном довольствии тех из сахалинских поселенцев, кои, по признанию местных властей, не имеют к тому собственных средств». В настоящее время большинство сахалинских поселенцев в продолжение первых двух и редко трех лет по освобождении из каторжных работ получают от казны одежное и пищевое довольствие в размере обычного арестантского пайка. Оказывать такую помощь поселенцам побуждают администрацию соображения гуманного и практического свойства. В самом деле, трудно ведь допустить, чтобы поселенец мог в одно и то же время строить себе избу, готовить землю под пашню и вместе с тем ежедневно добывать себе кусок хлеба. Но не редкость встретить в приказах, что такой-то поселенец смещается с довольствия за нерадение, за леность, за то, что «он не приступил к постройке дома», и т. п.².

¹ Хозяин и совладелец живут в одной избе и спят на одной печи. Владеть совместно участком не мешает различие вероисповеданий и даже полов. Помнится, в Рыковском у поселенца Голубева половинщик еврей Любарский. Там же у поселенца Ивана Хавриевича совладелица Марья Бродяга.

² В какой бедности, несмотря на пособия и постоянные ссуды из казны, здешние сельские жители отбывают свои сроки, мне уже приходилось говорить. Вот картинное изображение этой почти нищенской жизни, принадлежащее перу официального лица: «В деревне Лютоге я вошел в самую бедную лачугу, принадлежащую поселенцу Зеричу, по ремеслу плохому портному, уже четыре года устраивающемуся. Бедность и недоста-

По истечении десяти лет пребывания в поселенческом состоянии поселенцам предоставляется перечисляться в крестьяне. Это новое звание сопряжено с большими правами. Крестьянин из ссыльных может оставить Сахалин и водвориться, где пожелает, по всей Сибири, кроме областей Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской, приписываться к крестьянским обществам, с их согласия, и жить в городах для занятия ремеслами и промышленностью; он судится и подвергается наказаниям уже на основании законов общих, а не «Устава о ссыльных»; он получает и отправляет корреспонденцию тоже на общих основаниях, без предварительной цензуры, установленной для каторжных и поселенцев. Но в этом его новом состоянии все-таки еще остается главный элемент ссылки: он не имеет права вернуться на родину¹.

Получение крестьянских прав через десять лет в «Уставе» не обставлено никакими особенными усло-

ток во всем поразительные: кроме ветхого стола и обрубка дерева вместо стула, никаких следов мебели; кроме жестяного чайника из керосиновой банки, никаких признаков посуды и домашней утвари; вместо постели кучка соломы, на которой лежит полушубок и вторая рубаха; по мастерству тоже ничего, кроме нескольких иголок, нескольких серых ниток, нескольких пуговиц и медного наперстка, служащего вместе с тем и трубкой, так как портной, просверлив в нем отверстие, по мере надобности вставляет туда тоненький мундштучок из местного камыша; табак оказался не больше как на полнаперстка» (приказ № 318, 1889 г.).

¹ До 1888 г. лицам, получившим крестьянские права, был запрещен выезд из Сахалина. Это запрещение, отнимавшее у сахалинца всякую надежду на лучшую жизнь, внушало людям ненависть к Сахалину и, как репрессивная мера, могло только увеличить число побегов, преступлений и самоубийств; ее призрачной практичности приносилась в жертву сама справедливость, так как сахалинским ссыльным было запрещено то, что позволялось сибирским. Эта мера вызвана была соображением, что если крестьяне будут покидать остров, то в конце концов Сахалин будет лишь местом для срочной ссылки, а не колонией. Но разве пожизненность сделала бы из Сахалина вторую Австралию? Жизненность и процветание колонии зависят не от запрещений или приказов, а от наличности условий, которые гарантируют покойную и обеспеченную жизнь если не самим ссыльным, то хотя их детям и внукам.

виями. Кроме случаев, предусмотренных в примечании к 375 ст., единственное условие тут — десятилетний срок, независимо от того, был ли поселенец хозяином-хлебопашцем или подмастерьем. Инспектор тюрем Приамурского края г. Каморский, когда у нас зашла речь об этом, подтвердил мне, что держать ссыльного в поселенческом состоянии дольше десяти лет или обставлять какими-либо условиями получение крестьянских прав по истечении этого срока администрация не имеет права. Между тем на Сахалине мне приходилось встречать стариков, которые пробыли в поселенцах дольше десяти лет, но крестьянского звания еще не получили. Показаний их, впрочем, я не успел проверить по статейным спискам и потому не могу судить, насколько они справедливы. Старики могут ошибаться в счете или просто лгать, хотя, при распушенности и бестолковости писарей и неумелости младших чиновников, от сахалинских канцелярий можно ожидать всяких капризов. Для тех поселенцев, которые «вели себя совершенно одобрительно, занимались полезным трудом и приобрели оседлость», десятилетний срок может быть сокращен до шести лет. 377-й статьей, разрешающей эту льготу, начальник острова и окружные начальники пользуются в широких размерах; по крайней мере почти все крестьяне, которых я знаю, получили это звание через шесть лет. Но, к сожалению, «полезный труд» и «оседлость», которыми в «Уставе» обусловлено получение льготы, во всех трех округах понимаются различно. В Тымовском округе, например, поселенца не произведут в крестьяне, пока он должен в казну и пока у него изба не покрыта тесом. В Александровске поселенец сельским хозяйством не занимается, инструменты и семена ему не нужны и поэтому долгов он делает меньше; ему и права получить легче. Ставят непременно условием, чтобы поселенец был хозяином, между ссыльными же чаще, чем в какой-либо другой среде, встречаются люди, которые по натуре не способны быть хозяевами и чувствуют себя на своем месте, когда служат в работниках. На вопрос, может ли восполь-

зоваться льготой и вообще получить крестьянские права поселенец, который не имеет своего хозяйства, потому что служит поваром у чиновника или подмастерьем у сапожника, в Корсаковском округе ответили мне утвердительно, а в обоих северных—неопределенно. При таких условиях, конечно, о каких-либо нормах не может быть и речи, и если новый окружной начальник потребует от поселенцев железных крыш и умения петь на клиросе, то доказать ему, что это произвол, будет трудно.

Когда я был в Сиянцах, смотритель поселений приказал 25 поселенцам собраться около надзирательской и объявил им, что постановлением начальника острова они перечислены в крестьянское сословие. Постановление было подписано генералом 27 января, а объявлено поселенцам 26 сентября. Радостное известие было принято всеми 25 поселенцами молча; ни один не перекрестился, не поблагодарил, а все стояли с серьезными лицами и молчали, как будто всем им взгрустнулось от мысли, что на этом свете все, даже страдания, имеет конец. Когда я и г. Ярцев заговорили с ними о том, кто из них останется на Сахалине, а кто уедет, то ни один из двадцати пяти не выразил желания остаться. Все говорили, что их тянет на материк и уехали бы с удовольствием тотчас же, но средств нет, надо обдумать. И пошли разговоры о том, что мало одних денег на дорогу,—небось материк тоже деньги любит: придется хлопотать о принятии в общество и угощать, покупать землишку и строиться, то да се—гляди, рублей полтора ста понадобится. А где их взять? В Рыковском, несмотря на его сравнительно большие размеры, я застал только 39 крестьян, и все они были далеки от намерения пускаться здесь корни; все собирались на материк. Один из них, по фамилии Беспалов, строит на своем участке большой двухэтажный дом с балконом, похожий на дачу, и все смотрят на постройку с недоумением и не понимают, зачем это; то, что богатый человек, имеющий взрослых сыновей, быть может, останется навсегда в Рыковском в то время, как отлично мог бы устро-

иться где-нибудь на Зее, производит впечатление странного каприза, чудачества. В Дубках один крестьянин-картежник на вопрос, поедет ли он на материк, ответил мне, глядя надменно в потолок: «Постараюсь уехать»¹.

Гонят крестьян из Сахалина сознание необеспеченности, скука, постоянный страх за детей... Главная же причина — это страстное желание хотя перед смертью подышать на свободе и пожить настоящею, не арестантскою жизнью. А Уссурийский край и Амур, о котором говорят все как о земле обетованной, так близки: проплыть на пароходе три-четыре дня, а там — свобода, тепло, урожай... Те, которые уже переселились на материк и устроились там, пишут своим сахалинским знакомым, что на материке подают им руку и водка за бутылку стоит только 50 коп. Как-то, гуляя в Александровске на пристани, я зашел в катерный сарай и увидел там старика 60—70 лет и старуху с узлами и с мешками, очевидно, собравшихся в дорогу. Разговорились. Старик недавно получил крестьянские права и теперь уезжал с женою на материк, сначала во Владивосток, а потом «куда бог даст». Денег, по их словам, у них не было. Пароход должен был отойти через сутки, но они уже прибрели на пристань и теперь со своим скарбом прятались в катерном сарае в ожидании парохода, будто боялись, чтобы их не вернули назад. О материке они говорили с любовью, с благоговением и с уверенностью, что там-то и есть настоящая счастливая жизнь. На Александровском кладбище я видел черный крест с изображением божией матери и с такою надписью: «Здесь покоится прах Девыцы Афимьи Курниковой, скончалась в 1888 Году: мая 21 дня. Лет ей Отроду 18-ть. Крест сей поставлен

¹ Только одного я встретил, который выразил желанье остаться на Сахалине навсегда: это несчастный человек, черниговский хуторянин, пришедший за изнасилование родной дочери; он не любит родины, потому что оставил там дурную память о себе, и не пишет писем своим, теперь уже взрослым детям, чтобы не напоминать им о себе; не едет же на материк потому, что лета не позволяют.

в Знак памяти и Отъезда родителей на материк 1889 года июня дня».

Крестьянина не отпускают на материк, если он не благонадежного поведения и должен в казну. Если он состоит в сожительстве с ссыльною женщиной и имеет от нее детей, то билет на отлучку выдается ему только в том случае, если он обеспечит своим имуществом дальнейшее существование своей сожительницы и незаконно прижитых с нею детей (приказ № 92, 1889 г.). На материке крестьянин приписывается к облюбованной им волости; губернатор, в ведении которого находится волость, дает знать начальнику острова, и последний в приказе предлагает полицейскому управлению исключить крестьянина такого-то и членов его семьи из списков — и формально одним «несчастливым» становится меньше. Барон А. Н. Корф говорил мне, что если крестьянин дурно ведет себя на материке, то он административным порядком высылается на Сахалин уже навсегда.

По слухам, сахалинцы живут на материке хорошо. Письма их я читал, но видеть, как они живут на новых местах, мне не приходилось. Впрочем, я видел одного, но не в деревне, а в городе. Как-то во Владивостоке я и иеромонах Иракий, сахалинский миссионер и священник, выходили вместе из магазина, и какой-то человек в белом фартуке и высоких блестящих сапогах, должно быть дворник или артельщик, увидев о. Иракия, очень обрадовался и подошел под благословение; оказалось, что это духовное чадо о. Иракия, крестьянин из ссыльных. О. Иракий узнал его, вспомнил имя его и фамилию. «Ну, как живешь тут?» — спросил он. «Слава богу, хорошо!» — ответил тот с оживлением.

Крестьяне, пока еще не отбыли на материк, живут в постах или селениях и ведут хозяйства при тех же неблагоприятных условиях, как поселенцы и каторжные. Они всё еще продолжают зависеть от тюремного начальства и снимать шапки за 50 шагов, если живут на юге; с ними обходятся лучше и не секут их, но все же это не крестьяне в настоящем смысле, а арестанты. Они живут возле тюрьмы и ви-

дят ее каждый день, а ссыльнокааторжная тюрьма и мирное земледельческое существование немислимы рядом. Некоторые авторы видели в Рыковском хоро-воды и слышали здесь гармонику и разудалые песни; я же ничего подобного не видел и не слышал и не могу себе представить девушек, ведущих хоро-воды около тюрьмы. Даже если бы мне случилось услышать, кроме звона цепей и крика надзирателей, еще разудалую песню, то я почел бы это за дур-ной знак, так как добрый и милосердный человек около тюрьмы не запоет. Крестьян и поселенцев и их свободных жен и детей гнетет тюремный режим; тю-ремное положение, подобно военному, с его исключи-тельными строгостями и неизбежно начальственной опекой, держит их в постоянном напряжении и стра-хе; тюремная администрация огбирает у них для тюрьмы луга, лучшие места для рыбных ловель, луч-ший лес; беглые, тюремные ростовщики и воры оби-жают их; тюремный палач, гуляющий по улице, пу-гает их; надзиратели развращают их жен и дочерей, а, главное, тюрьма каждую минуту напоминает им об их прошлом и о том, кто они и где они.

Здесьние сельские жители еще не составляют об-ществ. Взрослых уроженцев Сахалина, для которых остров был бы родиной, еще нет, старожилы очень мало, большинство составляют новички; население меняется каждый год; одни прибывают, другие вы-бывают; и во многих селениях, как я говорил уже, жители производят впечатление не сельского обще-ства, а случайного сброда. Они называют себя бра-тьями, потому что страдали вместе, но общего у них все-таки мало и они чужды друг другу. Они веруют не одинаково и говорят на разных языках. Старики презирают эту пестроту и со смехом говорят, что ка-кое может быть общество, если в одном и том же селении живут русские, хохлы, татары, поляки, ев-реи, чухонцы, киргизы, грузины, цыгане?.. О том, как неравномерно распределен по селениям нерусский элемент, мне уже приходилось упоминать¹.

¹ На вопрос: «Какой губернии?» — мне ответили 5791 чело-век. Тамбовская дала — 260, Самарская — 230, Черниговская —

Неблагоприятно отзываясь на росте каждого селения также еще пестрота иного рода: в колонию поступает много старых, слабых, больных физически и психически, преступных, неспособных к труду, практически не подготовленных, которые на родине жили в городе и не занимались сельским хозяйством. 1 января 1890 г., по данным, взятым мною из казенных ведомостей, на всем Сахалине, в тюрьмах и колонии, дворян было 91 и городских сословий, то есть почетных граждан, купцов, мещан и иностранных подданных, 924, что вместе составляло 10% всего числа ссыльных¹.

В каждом селении есть староста, который избирается из домохозяев, непременно из поселенцев и крестьян, и утверждается смотрителем поселений. В старосты попадают обыкновенно люди степенные, смышленные и грамотные; должность их еще не определена вполне, но они стараются походить на рус-

201, Киевская — 201, Полтавская — 199, Воронежская — 198, Донская область — 168, Саратовская — 153, Курская — 151, Пермская — 148, Нижегородская — 146, Пензенская — 142, Московская — 133, Тверская — 133, Херсонская — 131, Екатеринославская — 125, Новгородская — 122, Харьковская — 117, Орловская — 115; на каждую из остальных губерний приходится меньше ста. Кавказские губернии все вместе дали 213, или 3,6%. В тюрьмах кавказцы дают больший процент, чем в колонии, а это значит, что они неблагополучно отбывают каторгу и далеко не все выходят на поселение; причины тут — частые побеги и, вероятно, высокая смертность. Губернии Царства Польского все вместе дали 455, или 8%. Финляндия и остзейские губернии — 167, или 2,8%. Эти цифры могут дать лишь приблизительное понятие о составе населения по месту рождения, но едва ли кто решится выводить из них заключение, что Тамбовская губерния самая преступная и малороссы, которых, кстати сказать, очень много на Сахалине, преступнее русских.

¹ Дворяне и вообще привилегированные не умеют пахать и рубить изб; надо работать, надо нести наказание, какое все несут, но сил нет. Поневоле они ищут легкого труда и даже часто ничего не делают. Но зато они находятся в постоянном страхе, что судьба изменится и их пошлют в рудник, телесно накажут, закуют в кандалы и проч. В большинстве это люди, уже утомленные жизнью, скромные, грустные, и когда глядишь на них, то никак не можешь представить себе их в роли уголовных преступников. Но попадают также пройдохи и нахалы, вконец испорченные, одержимые *total insanity* [душевной извращен-

ских старост: решают разные мелкие дела, назначают подводы по наряду, вступаются за своих, когда нужно, и проч., а у рыковского старосты есть даже своя печать. Некоторые получают жалованье.

В каждом селении живет также надзиратель, чаще всего нижний чин местной команды, безграмотный, который докладывает проезжим чиновникам, что все обстоит благополучно, и наблюдает за поведением поселенцев и за тем, чтоб они без спросу не отлучались и занимались сельским хозяйством. Он ближайший начальник селения, часто единственный судья, и его донесения по начальству — это документы, имеющие немаловажное значение при оценке, насколько поселенец преуспел в одобрительном поведении, домообзаводстве и оседлости. Вот образчик надзирательского донесения:

ностью — *англ.*], производящие впечатление каких-то осторожных выскокочек; их манера говорить, улыбки, походка, лакейская услужливость — все это нехорошего, пошловатого тона. Как бы то ни было, страшно быть на их месте. Один каторжный, бывший офицер, когда его везли в арестантском вагоне в Одессу, видел в окно «живописную и поэтическую рыбную ловлю с помощью зажженных смоляных веток и факелов... поля Малороссии уже зеленели. В дубовых и липовых ее лесах близ полотна дороги можно заметить фиалки и ландыши; так и слышится аромат цветов и потерянной воли вместе» («Владивосток, 1888 г., № 14). Бывший дворянин, убийца, рассказывая мне о том, как приятели провожали его из России, говорил: «У меня проснулось сознание, я хотел только одного — стусеваться, провалиться, но знакомые не понимали этого и наперерыв старались утешать меня и оказывать мне всякое внимание». На привилегированных арестантов, когда их ведут по улице или везут, ничто так неприятно не действует, как любопытство свободных, особенно знакомых. Если в толпе арестантов хотят узнать известного преступника и спрашивают про него громко, называя по фамилии, то это причиняет ему сильную боль. К сожалению, нередко глумятся над уже осужденными привилегированными преступниками и в тюрьме, и на улице, и даже в печати. В одной ежедневной газете я читал про бывшего коммерции советника, что будто бы где-то в Сибири, идучи этапом, он был приглашен завтракать, и когда после завтрака его повели дальше, то хозяева не досчитались одной ложки: украл коммерции советник! Про бывшего камерюнкера писали, будто в ссылке ему не скучно, так как шампанского-де у него разлитое море и цыганок сколько хочешь. Это жестоко.

Список

*жителей селения Верхнего Армудана, кои дурнова
поведения:*

	Фамилии и имена	Отметка почему именно
1	Издугин Ананий	Вор
2	Киселев Петр Васильев	Тоже
3	Глыбин Иван	Тоже
1	Галынский Семен	Домонерачитель и самовольный
2	Казанкин Иван	Тоже

XVI

*Состав ссыльного населения по полам.— Женский вопрос.—
Каторжные женщины и поселки.— Сожители и сожитель-
ницы.— Женщины свободного состояния.*

В ссыльной колонии на 100 мужчин приходится 53 женщины¹. Это отношение правильно только для населения, живущего в избах. Есть же еще мужчины, ночующие в тюрьмах, и холостые солдаты, для которых «необходимым предметом для удовлетворения естественных потребностей», как выразился когда-то один из здешних начальников, служат все те же ссыльные или прикосновенные к ссылке женщины. Но если при определении состава населения колонии по полам и по семейному положению следует брать в расчет и этот разряд людей, то не иначе, как с оговоркой. Они, пока живут в тюрьмах или казармах, смотрят на колонию лишь с точки зрения потребностей; их визиты в колонию играют роль вредного внешнего влияния, понижающего рождаемость и повышающего болезненность, и притом случайного, которое может быть больше или меньше, смотря по тому, на каком расстоянии от селения находится тюрьма

¹ По 10-й ревизии в русских губерниях (1857—1860 гг.) в среднем на 100 мужчин было 104,8 женщины.

или казарма; это то же, что в жизни русской деревни золоторотцы, работающие по соседству на железной дороге. Если взять огулом всех мужчин, включая тюрьму и казармы, то 53 сократится приблизительно на половину и мы получим отношение 100 : 25.

Как ни малы цифры 53 и 25, но для молодой ссыльной колонии, развивающейся к тому же при самых неблагоприятных условиях, их нельзя признать слишком низкими. В Сибири женщины среди каторжных и поселенцев составляют менее 10%, а если обратиться к нерусской депортационной практике, то встретим там колонистов, уже почтенных фермеров, которые до такой степени не были избалованы в этом отношении, что с восторгом встречали проституток, привозимых из метрополии, и платили судовщикам 100 фунтов табаку за каждую. Так называемый женский вопрос на Сахалине поставлен безобразно, но менее гадко, чем в западноевропейских ссыльных колониях в первое время их развития. На остров поступают не одни только преступницы и проститутки. Благодаря главному тюремному управлению и Добровольному флоту, которым вполне удалось установить скорое и удобное сообщение между Европейскою Россией и Сахалином, задача жен и дочерей, желающих следовать за мужьями и родителями в ссылку, значительно упростилась. Не так еще давно одна добровольно следовавшая жена приходилась на 30 преступников, в настоящее же время присутствие женщин свободного состояния стало типическим для колонии, и уже трудно вообразить, например, Рыковское или Ново-Михайловку без этих трагических фигур, которые «ехали жизнь мужей поправить и свою потеряли». Это, быть может, единственный пункт, по которому наш Сахалин в истории ссылки займет не последнее место.

Начну с каторжных женщин. К 1 января 1890 г. во всех трех округах преступницы составляли 11,5% всего числа каторжных¹. С колонизационной точки

¹ Эта цифра может служить лишь для определения состава каторжных по полам, для сравнительной же оценки нравственности обоих полов она не дает надежного материала. Женщины

зрения эти женщины имеют одно важное преимущество: они поступают в колонию в сравнительно молодом возрасте; это в большинстве женщины с темпераментом, осужденные за преступления романтического и семейного характера: «за мужа пришла», «за свекровь пришла...» Это все больше убийцы, жертвы любви и семейного деспотизма. Даже те из них, которые пришли за поджог или подделку денежных знаков, несут, в сущности, кару за любовь, так как были увлекаемы в преступление своими любовниками.

Любовный элемент играет в их печальном существовании роковую роль и до суда и после суда. Когда их везут на пароходе в ссылку, то между ними начи-

реже попадают на каторгу не потому, что они нравственнее мужчин, а потому, что по самому строю жизни и отчасти по свойствам своей организации в меньшей степени, чем мужчины, подвержены внешним влияниям и риску совершать тяжкие уголовные преступления. Они не служат в канцеляриях и на военной службе, не уходят в отхожие промыслы, не работают в лесах, рудниках, на море, а потому не знают преступлений по должности и против военной дисциплины и преступлений, прямое участие в которых требует мужской физической силы, например: ограбление почты, разбой на большой дороге и т. п.; статьи о преступлениях против целомудрия, об изнасиловании, растлении и сверхъестественных пороках касаются одних лишь мужчин. Но зато они убивают, истязуют, наносят тяжкие увечья и укрывают убийства относительно чаще, чем мужчины: среди последних убийцы составляют 47%, а среди преступниц 57%. Что же касается осужденных за отравление, то среди женщин их больше не только относительно, но даже абсолютно. В 1889 г. по всем трем округам отравительниц было показано абсолютно почти в три раза больше, чем отравителей, а относительно в 23 раза. Как бы то ни было, женщин поступает в колонию меньше мужчин, и даже несмотря на ежегодно прибывающие партии женщин свободного состояния, мужчины все-таки дают подавляющий перевес. Такое неравномерное распределение полов неизбежно в ссылке колонии, и уравнивание может произойти только с прекращением ссылки или когда на остров начнет приливать иммиграционный элемент, который сольется со ссылкой, или появится у нас своя мистрис Фрей, которая будет энергически пропагандировать мысль об отправлении на Сахалин для развития семейственности транспорта честных девушек из бедных семейств.

О ссылке западноевропейской и русской, и в частности о женском вопросе, см. у проф. И. Л. Фойницкого в его известной книге «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением».

нает бродить слух, что на Сахалине их против воли выдадут замуж. И это волнует их. Был случай, когда они обратились к судовому начальству с просьбой ходатайствовать, чтобы их не выдавали насильно.

Лет 15—20 назад каторжные женщины по прибытии на Сахалин тотчас же поступали в дом терпимости. «На юге Сахалина,— писал Власов в своем отчете,— женщины за неимением особого помещения помещаются в здании пекарни... Начальник острова Депрерадович распорядился обратить женское отделение тюрьмы в дом терпимости». О каких-либо работах не могло быть и речи, так как «только провинившиеся или не заслужившие мужской благосклонности» попадали на работу в кухне, остальные же служили «потребностям» и пили мертвую, и в конце концов женщины, по словам Власова, были развращаемы до такой степени, что в состоянии какого-то ошеломления «продавали своих детей за штоф спирта».

Теперь, когда прибывает партия женщин в Александровск, то ее прежде всего торжественно ведут с пристани в тюрьму. Женщины, согнувшись под тяжестью узлов и котомок, плетутся по шоссе, вялые, еще не пришедшие в себя от морской болезни, а за ними, как на ярмарке за комедиантами, идут целые толпы баб, мужиков, ребятишек и лиц, причастных к канцеляриям. Картина, похожая на ход сельдей в Аниве, когда вслед за рыбой идут целые полчища китов, тюленей и дельфинов, желающих полакомиться икряною селедкой. Мужики-поселенцы идут за толпой с честными, простыми мыслями: им нужна хозяйка. Бабы смотрят, нет ли в новой партии землячек. Писарям же и надзирателям нужны «девочки». Это обыкновенно происходит перед вечером. Женщин запирают на ночь в камере, заранее для того приготовленной, и потом всю ночь в тюрьме и в посту идут разговоры о новой партии, о прелестях семейной жизни, о невозможности вести хозяйство без бабы и т. п. В первые же сутки, пока еще пароход не ушел в Корсаковск, происходит распределение вновь прибывших женщин по округам. Распределяют александровские чинов-

ники, и потому округ их получает львиную долю в смысле и количества и качества; немного поменьше и похуже получает ближайший округ — Тымовский. На севере происходит тщательный выбор; тут, как на фильтре, остаются самые молодые и красивые, так что счастье жить в южном округе выпадает на долю только почти старух и таких, которые «не заслуживают мужской благосклонности». При распределении вовсе не думают о сельскохозяйственной колонии, и потому на Сахалине, как я уже говорил, женщины распределены по округам крайне неравномерно, и притом чем хуже округ, чем меньше надежды на успехи колонизации, тем больше в нем женщин: в худшем, Александровском, на 100 мужчин приходится 69 женщин, в среднем, Тымовском — 47, и в лучшем, Корсаковском — только 36¹.

Из женщин, выбранных для Александровского округа, часть назначается в прислуги к чиновникам. После тюрем, арестантского вагона и пароходного трюма в первое время чистые и светлые чиновничьи комнаты кажутся женщине волшебным замком, а сам барин — добрым или злым гением, имеющим над нею неограниченную власть; скоро, впрочем, она свыкается со своим новым положением, но долго еще потом слышатся в ее речи тюрьма и пароходный трюм: «не могу знать», «кушайте, ваше высокоблагородие», «точно так». Другая часть женщин поступает в гаремы писарей и надзирателей, третья же, бо́льшая, в избы поселенцев, причем женщин получают только те, кто побогаче и имеет протекцию. Женщину может получить и каторжный, даже из разряда испытуемых, если он человек денежный и пользуется влиянием в тюремном мире.

В Корсаковском посту вновь прибывших женщин

¹ Д-р А. В. Шербак в одном из своих фельетонов пишет: «Выгрузка окончена была только утром другого дня. Оставалось еще принять ссыльнокаторжных, назначенных в Корсаковский пост, и получить различные сдаточные квитанции. Первых, в числе 50 мужчин и 20 женщин, прислали без замедления. В статейных списках мужчин не значилось ремесел, а женщины были очень стары. Спускали поплоше» («С ссыльнокаторжными» — «Новое время», № 5381).

тоже помещают в особый барак. Начальник округа и смотритель поселений вместе решают, кто из поселенцев и крестьян достоин получить бабу. Преимущество дается уже устроившимся, домовитым и хорошего поведения. Этим немногим избранныкам посылается приказ, чтобы они в такой-то день и час приходили в пост, в тюрьму, за получением женщин. И вот в назначенный день по всему длинному тракту от Найбучи до поста там и сям встречаются идущие к югу, как их здесь не без иронии величают, женихи или молодые. Вид у них какой-то особенный, в самом деле жениховский; один нарядился в красную кумачовую рубаху, другой в какой-то необыкновенной плантаторской шляпе, третий в новых блестящих сапогах с высокими каблуками, купленных неизвестно где и при каких обстоятельствах. Когда все они приходят в пост, их впускают в женский барак и оставляют тут вместе с женщинами. В первые четверть-полчаса платится необходимая дань смущению и чувству неловкости; женихи бродят около нар и молча и сурово поглядывают на женщин, те сидят потупившись. Каждый выбирает; без кислых гримас, без усмешек, а совершенно серьезно, относясь «по-человечеству» и к некрасоте, и к старости, и к арестантскому виду; он присматривается и хочет угадать по лицам: какая из них хорошая хозяйка? Вот какая-нибудь молодая или пожилая «показалась» ему; он садится рядом и заводит с нею душевный разговор. Она спрашивает, есть ли у него самовар, чем крыта у него изба, тесом или соломой. Он отвечает на это, что у него есть самовар, лошадь, телка по второму году и изба крыта тесом. Только уж после хозяйственного экзамена, когда оба чувствуют, что дело кончено, она решается задать вопрос:

— А обижать вы меня не будете?

Разговор кончается. Женщина приписывается к поселенцу такому-то, в селение такое-то — и гражданский брак совершен. Поселенец отправляется со своею сожительницей к себе домой и для финала, чтобы не ударить лицом в грязь, нанимает подводу, часто на последние деньги. Дома сожительница пер-

вым делом ставит самовар, и соседи, глядя на дым, с завистью толкуют, что у такого-то есть уже баба.

Каторжных работ для женщин на острове нет. Правда, женщины иногда моют полы в канцеляриях, работают на огородах, шьют мешки, но постоянного и определенного, в смысле тяжелых принудительных работ, ничего нет и, вероятно, никогда не будет. Каторжных женщин тюрьма совершенно уступила колонии. Когда их везут на остров, то думают не о наказании или исправлении, а только об их способности рожать детей и вести сельское хозяйство. Каторжных женщин раздают поселенцам под видом работниц, на основании ст. 345 «Устава о ссыльных», которая разрешает незамужним ссыльным женщинам «пропитываться услугою в ближайших селениях старожилов, пока не выйдут замуж». Но эта статья существует только как прикрытие от закона, запрещающего блуд и прелюбодеяние, так как каторжная или поселка, живущая у поселенца, не батрачка прежде всего, а сожительница его, незаконная жена с ведома и согласия администрации; в казенных ведомостях и приказах жизнь ее под одною крышей с поселенцем отмечается, как «совместное устройство хозяйства» или «совместное домообзаводство»¹, он и она вместе называются «свободною семьей». Можно сказать, что, за исключением небольшого числа привилегированных и тех, которые прибывают на остров с мужьями, все каторжные женщины поступают в сожительницы. Это следует считать за правило. Мне рассказывали, что когда одна женщина во Владимировке не захотела идти в сожительницы и заявила, что она пришла сюда на каторгу, чтобы работать, а не для чего-нибудь другого, то ее слова будто бы привели всех в недоумение².

Местная практика выработала особенный взгляд

¹ Например, приказ: «Согласно ходатайства г. начальника Александровского округа, изложенного в рапорте от 5 января, за № 75, ссыльнокаторжная Александровской тюрьмы Акулина Кузнецова переводится в Тымовский округ для совместного домообзаводства с поселенцем Алексеем Шараповым» (1889 г., № 25).

² Да и трудно понять, где жили бы женщины, если бы отказывались от сожительства. Особого помещения для них на ка-

на каторжную женщину, существовавший, вероятно, во всех ссыльных колониях: не то она человек, хозяйка, не то существо, стоящее даже ниже домашнего животного. Поселенцы селения Сиска подали окружному начальнику такое прошение: «Просим покорнейше ваше высокоблагородие отпустить нам рогатого скота для млекопитания в вышеупомянутую местность и женского пола для устройства внутреннего хозяйства». Начальник острова, беседуя в моем присутствии с поселенцами селения Ускова и давая им разные обещания, сказал между прочим:

— И насчет женщин вас не оставлю.

— Нехорошо, что женщин присылают сюда из России не весной, а осенью,— говорил мне один чиновник.— Зимой бабе нечего делать, она не помощница мужику, а только лишний рот. Потому-то хорошие хозяева берут их осенью неохотно.

Так рассуждают осенью о рабочих лошадях, когда предвидятся зимою дорогие кормы. Человеческое достоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются в расчет ни в каком случае; как бы подразумевается, что все это выжжено в ней ее позором или утеряню ею, пока она таскалась по тюрьмам и этапам. По крайней мере когда ее наказывают телесно, то не стесняются соображением, что ей может быть стыдно. Но унижение ее личности все-таки никогда не доходило до того, чтобы ее насильно выдавали замуж или принуждали к сожительству. Слухи о насилиях в этом отношении такие же пустые сказки, как виселица на берегу моря или работа в подземелье¹.

К сожительству не служат помехой ни старость

торге не существует. Заведующий медицинской частью в своем отчете за 1889 г. пишет: «По прибытии на Сахалин им предоставляется самим заботиться о помещении... для оплаты которого приходится некоторым из них не пренебрегать способами для добывания средств».

¹ Лично я всегда относился с сомнением к этим слухам, но все-таки проверил их на месте и собрал все случаи, которые могли послужить поводом к ним. Рассказывают, что года 3—4 назад, когда начальником острова был генерал Гинце, в Александровске одна каторжная, иностранка, была выдана против воли за быв-

женщины, ни различие вероисповеданий, ни бродяжеское состояние. Сожительниц, имеющих 50 и более лет, я встречал не только у молодых поселенцев, но даже у надзирателей, которым едва минуло 25. Бывает, что приходят на каторгу старуха мать и взрослая дочь; обе поступают в сожительницы к поселенцам, и обе начинают рожать как бы вперегонку. Католики, лютеране и даже татары и евреи нередко живут с русскими. В Александровске в одной избе я встретил русскую бабу в большой компании киргиз и кавказцев, которым она прислуживала за столом, и записал ее сожительницей татарина, или, как она называла его, чеченца. В Александровске всем известный здесь татарин Кербалай живет с русской Лопушиной и имеет от нее троих детей¹. Бродяги тоже устраиваются на семейную ногу, и один из них, бродяга Иван 35 лет, в Дербинском, даже заявил мне с улыбкой, что у него две сожительницы: «Одна здесь, другая по билету в Николаевске». Иной поселенец живет с женщиной, не помнящей родства, уже лет

шего околоточного надзирателя. Каторжная Ягельская, в Корсаковском округе, получила 30 розог за то, что захотела уйти от своего сожителя, поселенца Котлярова. Там же поселенец Яроватый пожаловался, что его баба отказывается жить с ним. Последовало распоряжение: «NN., всыпьте ей». — «Сколько?» — «Семьдесят». Бабу высекли, но она все-таки настояла на своем и перешла к поселенцу Маловечкину, который теперь не нахвалится ею. Поселенец Резвцов, старик, застал свою сожительницу с поселенцем Родиным и пошел жаловаться. Последовало распоряжение: «Позвать ее сюда!» Баба явилась. «Так ты, такая-сякая, не хочешь жить с Резвцовым? Розог!» И Резвцову приказано было собственноручно наказать сожительницу, что тот и исполнил. В конце концов она все-таки взяла верх, и я уже записал ее сожительницей не Резвцова, а Родина. Вот и все случаи, о которых помнит население. Если каторжная женщина из сварливого характера или из распутства слишком часто меняет сожителей, то ее наказывают, но и такие случаи бывают редко и возникают только вследствие жалоб поселенцев.

¹ В Верхнем Армудане у татарина Тухватулы я записал сожительницей Екатерину Петрову; она имеет от него детей; работник в этой семье магометанин, гости тоже. В Рыковском поселенец Магомет Усте-Нор живет с Авдотьей Медведевой. В Нижнем Армудане у лютеранина поселенца Перецкого сожительница еврейка Лея Пермут Броха, а в Большом Такоэ крестьянин из ссыльных Калевский сожительствует с аинкой.

десять, как с женой, а все еще не знает ее настоящего имени и откуда она родом.

На вопрос, как им живется, поселенец и его сожительница обыкновенно отвечают: «Хорошо живем». А некоторые каторжные женщины говорили мне, что дома в России от мужей своих они терпели только озорства, побои да попреки куском хлеба, а здесь, на каторге, они впервые увидели свет. «Слава богу, живу теперь с хорошим человеком, он меня жалеет». Ссылные жалеют своих сожительниц и дорожат ими.

— Здесь, за недостатком женщин, мужик сам и пашет, и стряпает, и корову доит, и белье починяет,— говорил мне барон А. Н. Корф,— и уж если к нему попадет женщина, то он крепко держится за нее. Посмотрите, как он наряжает ее. Женщина у ссылных пользуется почетом.

— Что, впрочем, не мешает ей ходить с синяками,— прибавил от себя ген. Кононович, присутствовавший при разговоре.

Бывают и ссоры, и драки, и дело доходит до синяков, но все же поселенец учит свою сожительницу с опаской, так как сила на ее стороне: он знает, что она у него незаконная и во всякое время может бросить его и уйти к другому. Понятно, что ссылные жалеют своих женщин не из одной только этой опаски. Как ни просто складываются на Сахалине незаконные семьи, но и им бывает не чужда любовь в самом ее чистом, привлекательном виде. В Дуэ я видел сумасшедшую, страдающую эпилепсией каторжную, которая живет в избе своего сожителя, тоже каторжного; он ходит за ней, как усердная сиделка, и когда я заметил ему, что, вероятно, ему тяжело жить в одной комнате с этою женщиной, то он ответил мне весело: «Ничего-о, ваше высокоблагородие, по человечности!» В Ново-Михайловке у одного поселенца сожительница давно уже лишилась ног и день и ночь лежит среди комнаты на лохмотьях, и он ходит за ней, и когда я стал уверять его, что для него же было бы удобнее, если бы она лежала в больнице, то и он тоже заговорил о человечности.

С хорошими и заурядными семьями попеременно

встречается и тот разряд свободных семей, которому отчасти обязан такую дурную репутацией ссылочный «женский вопрос». В первую же минуту эти семьи отталкивают свою искусственностью и фальшью и дают почувствовать, что тут, в атмосфере, испорченной тюрьмой и неволей, семья давно уже сгнила, а на месте ее выросло что-то другое. Много мужчин и женщин живут вместе, потому что так надо, так принято в ссылке; сожительства стали в колонии традиционным порядком, и эти люди, как слабые, безвольные натуры, подчинились этому порядку, хотя никто не принуждал их к тому. Хохлушка лет 50 в Ново-Михайловке, пришедшая сюда с сыном, тоже каторжным, из-за невестки, которая была найдена мертвой в колоде, оставившая дома старика мужа и детей, живет здесь с сожителем, и, по-видимому, это самой ей гадко, и ей стыдно говорить об этом с посторонним человеком. Своего сожителя она презирает и все-таки живет с ним и спит вместе: так надо в ссылке. Члены подобных семей чужды друг другу до такой степени, что как бы долго они ни жили под одною крышей, хотя бы 5—10 лет, не знают, сколько друг другу лет, какой губернии, как по отчеству... На вопрос, сколько ее сожителю лет, баба, глядя вяло и лениво в сторону, отвечает обыкновенно: «А черт его знает!» Пока сожитель на работе или играет где-нибудь в карты, сожительница валяется в постели, праздная, голодная; если кто-нибудь из соседей войдет в избу, то она нехотя приподнимется и расскажет, зевая, что она «за мужа пришла», невинно пострадала: «Его, черта, хлопцы убили, а меня в каторгу». Сожитель возвращается домой: делать нечего, говорить с бабой не о чем; самовар бы поставить, да сахару и чаю нет... При виде валяющейся сожительницы чувство скуки и праздности, несмотря на голод и досаду, овладевает им, он вздыхает и тоже — бултых в постель. Если женщины из таких семей промышляют проституцией, то сожители их обыкновенно поощряют это занятие. В проститутке, добывающей кусок хлеба, сожитель видит полезное домашнее животное и уважает ее, то есть сам ставит для нее самовар и молчит, когда она

бранится. Она часто меняет сожителей, выбирая тех, кто побогаче или у кого есть водка, или меняет просто от скуки, для разнообразия.

Каторжная женщина получает арестантский пай, который она съедает вместе с сожителем; иногда этот бабий пай служит единственным источником пропитания семьи. Так как сожительница формально считается работницей, то поселенец платит за нее в казну, как за работницу: он обязуется свезти пудов двадцать груза из одного округа в другой или доставить в пост десяток бревен. Эта формальность, впрочем, обязательна только для поселенцев-мужиков и не требуется от ссыльных, которые живут в постах и ничего не делают. Отбывши срок, каторжная женщина перечисляется в поселенческое состояние и уже перестает получать кормовое и одежное довольствие; таким образом, на Сахалине перевод в поселки совсем не служит облегчением участи: каторжницам, получающим от казны пай, живется легче, чем поселкам, и чем дольше срок каторги, тем лучше для женщины, а если она бессрочная, то это значит, что она обеспечена куском хлеба бессрочно. Крестьянские права поселка получает обыкновенно на льготных основаниях, через шесть лет.

Женщин свободного состояния, добровольно пришедших за мужьями, в настоящее время в колонии больше, чем каторжных женщин, а ко всему числу ссыльных женщин они относятся как 2 : 3. Я записал 697 женщин свободного состояния; каторжных женщин, поселок и крестьянок было 1041,— значит, свободные в колонии составляют 40% всего наличного состава взрослых женщин¹. Покидать родину и идти в ссылку за преступными мужьями побуждают женщин разнообразные причины. Одни идут из любви и жалости; другие из крепкого убеждения, что разлучить мужа и жену может один только бог; третьи бегут из дому от стыда; в темной деревенской среде по-

¹ В первые десять лет с начала морской перевозки, с 1879 по 1889 г., на пароходах Добровольного флота было перевезено каторжных мужчин и женщин 8430 и добровольно следовавших за ними членов их семейств 1146.

зор мужей все еще падает на жен: когда, например, жена осужденного полощет на реке белье, то другие бабы обзывают ее каторжанкой; четвертые увлекаются на Сахалин мужьями, как в ловушку, путем обмана. Еще в трюме парохода многие арестанты пишут домой, что на Сахалине и тепло, и земли много, и хлеб дешевый, и начальство доброе; из тюрьмы они пишут то же самое, иногда по нескольку лет, придумывая все новые соблазны, и расчет их на темноту и легкоеверие жен, как показали факты, часто оправдывается¹. Наконец, пятые идут потому, что все еще продолжают находиться под сильным нравственным влиянием мужей; такие, быть может, сами принимали участие в преступлении или пользовались плодами его и не попали под суд только случайно, по недостатку улик. Наиболее часты две первые причины: сострадание и жалость до самопожертвования и непоколебимая сила убеждения. Среди жен, добровольно пришедших за мужьями, кроме русских, есть также татарки, еврейки, цыганки, польки и немки².

Когда женщины свободного состояния прибывают на Сахалин, то их встречают здесь не особенно приветливо. Вот характерный эпизод. 19 октября 1889 г. на пароходе Добровольного флота «Владивосток» прибыло в Александровск 300 женщин свободного со-

¹ Один арестант в письме хвалился даже, что у него есть иностранная серебряная монета. Тон подобных писем жизнерадостный, игривый.

² Случается, что за женами приходят в ссылку мужья. На Сахалине таких мужей только трое: отставные солдаты Андрей Найдуш и Андрей Ганин в Александровске и крест. Жигулин в Дербинском. Последний, пришедший за женой и детьми, старик, разыгрывает из себя чудака, похож на пьяного и служит посмешищем для всей улицы. Один немец-старик пришел с женой к сыну Готлибу. Он ни слова не говорит по-русски. Я спросил его, между прочим, сколько ему лет.

— Я родился в 1832 году,— сказал он по-немецки, потом написал на столе мелом 1890 и вычел 1832.

С одним каторжным, бывшим купцом, приехал его приказчик, который, впрочем, пожил в Александровске только месяц и вернулся в Россию. По 264 ст. «Устава о ссыльных», мужья-евреи не могут следовать в ссылку за своими осужденными женами, и последним предоставляется брать с собой лишь грудных детей, и то не иначе, как с согласия мужей.

стояния, подростков и детей. Плыли они из Владивостока 3—4 суток на холоде, без горячей пищи, и среди них, как передавал мне доктор, было найдено 26 больных скарлатиной, оспой и корью. Пароход пришел поздно вечером. Командир, опасаясь, вероятно, дурной погоды, потребовал, чтобы приняли пассажиров и груз непременно ночью. Выгружали с 12 до 2 часов ночи. Женщин и детей заперли на пристани в катерном сарае и в амбаре, построенном для склада товаров, а больных — в сарае, который приспособлен для карантинного содержания больных. Вещи пассажиров свалили в беспорядке в баржу. К утру прошел слух, что баржу ночью сорвало волнением и унесло в море. Поднялся плач. У одной женщины вместе с вещами пропало 300 рублей. Составили протокол и обвинили во всем бурю, между тем на другой же день стали находить в тюрьме у каторжных пропавшие вещи.

Свободная женщина, в первое время по прибытии на Сахалин, имеет ошеломленный вид. Остров и каторжная обстановка поражают ее. Она с отчаянием говорит, что, едучи к мужу, не обманывала себя и ожидала только худого, но действительность оказалась страшнее всяких ожиданий. Едва она поговорила с теми женщинами, которые прибыли раньше ее, и поглядела на их житье-бытье, как у нее уже является уверенность, что она и дети ее погибли. Хотя до окончания срока осталось еще более 10—15 лет, но она уже бредит о материке и слышать не хочет про здешнее хозяйство, которое кажется ей ничтожным, не стоящим внимания. Она плачет день и ночь с причитываниями, поминая своих покинутых родных, как усопших, а муж, сознавая свою великую вину перед ней, молчит угрюмо, но, наконец, выйдя из себя, начинает бить ее и бранить за то, что она приехала сюда.

Если свободная женщина приехала без денег или привезла их так мало, что хватило только на покупку избы, и если ей и мужу ничего не присылают из дому, то скоро наступает голод. Заработков нет, милостыню просить негде, и ей с детьми приходится кормиться тою же арестантскою порцией, которую получает из

тюрьмы ее муж-каторжник и которой едва хватает на одного взрослого¹. Изю дня в день мысль работает все в одном направлении: чего бы поесть и чем бы покормить детей. От постоянной проголоди, от взаимных попреков куском хлеба и от уверенности, что лучше не будет, с течением времени душа черствеет, женщина решает, что на Сахалине деликатными чувствами сыт не будешь, и идет добывать пятаки и гривенники, как выразилась одна, «своим телом». Муж тоже очерствел, ему не до чистоты, и все это кажется неважным. Едва дочерям минуло 14—15 лет, как их тоже пускают в оборот; матери торгуют ими дома или же отдают их в сожительницы к богатым поселенцам и надзирателям. И все это совершается с тем большею легкостью, что свободная женщина проводит здесь время в полнейшей праздности. В постах делать совсем нечего, а в селениях, особенно в северных округах, хозяйства в самом деле ничтожны.

Кроме нужды и праздности, у свободной женщины есть еще третий источник всяких бед — это муж. Он может пропить или проиграть в карты свой пай, женино и даже детское платье. Он может впасть в новое преступление или удариться в бег. Поселенец Тымовского округа Бышевец при мне содержался в карцере в Дуэ, — его обвиняли в покушении на убийство; жена его и дети жили поблизости в казармах для семейных, а дом и хозяйство были брошены. В Мало-Тымове бежал поселенец Кучеренко, оставив жену и детей. Если муж не из таких, которые убивают или бегают, то все-таки каждый день жене приходится бояться, как бы его не наказали, не взвели бы на него напраслины, как бы он не надорвался, не заболел, не умер.

Годы уходят, близится старость; муж отбыл уже каторгу и поселенческий срок и хлопочет о крестьян-

¹ Тут резко бросается в глаза разница положений этой свободной женщины, законной жены, и ее соседки каторжной, сожительницы, получающей от казны ежедневно по три фунта хлеба. Во Владимировке одна женщина свободного состояния подозревается в убийстве мужа; если ее осудят в каторжные работы, то она начнет получать паек, — значит, попадет в лучшее положение, чем была до суда.

ских правах. Прошлое предается забвению, прощается, и с отъездом на материк мерещится вдали новая, разумная, счастливая жизнь. Бывает и иначе. Жена умирает от чахотки, а муж уезжает на материк, старый и одинокий; или же она остается вдовой и не знает, что ей делать, куда ехать. В Дербинском жена свободного состояния Александра Тимофеева ушла от своего мужа молокана к пастуху Акиму, живет в тесной, грязной лачужке и уже родила пастуху дочь, а муж взял к себе другую женщину, сожительницу. Женщины свободного состояния Шуликина и Федина в Александровске тоже ушли от мужей в сожительницы. Ненила Карпенко овдовела и живет теперь с поселенцем. Каторжный Алтухов ушел бродяжить, а его жена Екатерина, свободная, состоит в незаконном браке ¹.

¹ «Устав о ссыльных» отводит у себя место также и женщинам свободного состояния. По ст. 85, «женщины, идущие по собственной воле, во все время следования не должны быть отделяемы от мужей и не подлежат строгости надзора». В Европейской России или на пароходе Добровольного флота они свободны от надзора, в Сибири же, когда партия идет пешком и на подводах, конвойным не время разбирать в толпе, где тут ссыльные и свободные. В Забайкалье мне случилось видеть, как в реке купались вместе мужчины, женщины и дети; конвойные, ставши возле полукругом, не позволяли выходить за границы этого полукруга никому, даже ребятам. По ст. 173 и 253, женщины, добровольно следующие за мужьями, «получают одежду, обувь и кормовые деньги во все продолжение пути до места назначения» в размере арестантского пайка. Но в «Уставе» не говорится, как должны женщины свободного состояния следовать через Сибирь — пешком или на подводах. По ст. 406, им, с согласия мужей, дозволяются временные отлучки с места ссылки во внутренние губернии империи. Если муж умрет в ссылке или если брак будет расторгнут вследствие нового преступления, то жена, по ст. 408, может возвратиться на родину на казенный счет.

Описывая положение жен ссыльнокаторжных и их детей, повинных только в том, что судьба поставила их в родство с преступниками, Власов говорит в своем отчете, что это «едва ли не самая мрачная сторона всей нашей депортационной системы». О том, как неравномерно женщины свободного состояния распределяются по округам и поселениям и как мало дорожит ими местная администрация, я говорил уже. Пусть читатель вспомнит про дуйские казармы для семейных. То, что свободные женщины и их дети содержатся в общих камерах, как в тюрьме, при отвратительной обстановке, вместе с тюремными картежниками, с

XVII

*Состав населения по возрастам.— Семейное положение
ссылных.— Браки.— Рождаемость.— Сахалинские дети*

Цифры, относящиеся к возрастному составу ссылного населения, если бы даже они отличались идеальной точностью и несравненно большею полнотой, чем собранные мною, то все-таки давали бы почти ничего. Во-первых, они случайны, так как обусловлены не естественными или экономическими условиями, а юридическими теориями, существующим уложением о наказаниях, волей лиц, составляющих тюремное ведомство. С изменением взгляда на ссылку вообще и на сахалинскую в частности изменится и возрастной состав населения; то же случится, когда станут присылать в колонию вдвое больше женщин или когда с проведением Сибирской железной дороги начнется свободная иммиграция. Во-вторых, на ссылном острове, при исключительном строе жизни эти цифры имеют совсем не то значение, что при обыкновенных условиях в Череповецком или Московском уезде. Например, ничтожный процент стариков на Сахалине означает не какие-либо неблагоприятные условия вроде высокой смертности, а то лишь, что ссылные в большинстве успевают отбыть наказание и уехать на материк до наступления старости.

В настоящее время в колонии занимают первое место возрасты от 25 до 35 (24,3%) и от 35 до 45 (24,1%)¹. Возрасты от 20 до 55 лет, которые д-р Гряз-

их любовницами и с их свиньями, содержатся в Дуэ, то есть в самом жутком и безнадежном месте острова, достаточно рисует колониционную и сельскохозяйственную политику здешних властей.

¹ Вот составленная мною табличка возрастов:

От	До	М.	Ж.	От	До	М.	Ж.
0	5 л.	493	473	35	45 л.	1405	578
5	10 »	319	314	45	55 »	724	236
10	15 »	215	234	55	65 »	318	56
15	20 »	89	96	65	75 »	90	12
20	25 »	134	136	75	85 »	17	1
25	35 »	1419	680	85	95 »	—	1

Неизвестен возраст: м. 142, ж. 35.

нов называет рабочими, дают в колонии 64,6%, то есть почти в полтора раза больше, чем в России вообще¹. Увы, высокий процент и даже избыток рабочих или производительных возрастов на Сахалине совсем не служит показателем экономического благосостояния; тут он указывает лишь на избыток рабочих рук, благодаря чему, несмотря даже на громадное число голодных, праздных и неспособных, на Сахалине строятся города и проводятся превосходные дороги. Не дешево стоящие сооружения и рядом с этим необеспеченность и нищенство производительных возрастов наводят на мысль о некотором сходстве настоящего колонии с теми временами, когда так же искусственно создавался излишек рабочих рук, возводились храмы и цирки, а производительные возрасты терпели крайнюю, изнурительную нужду.

Дети, то есть возрасты от 0 до 15 лет, дают тоже высокую цифру — 24,9%. Сравнительно с однородными русскими цифрами² она мала, для ссыльной же колонии, где семейная жизнь находится в таких неблагоприятных условиях, она высока. Плодовитость сахалинских женщин и невысокая детская смертность, как увидит ниже читатель, скоро поднимут процент детей еще выше, быть может, даже до русской нормы. Это хорошо, потому что, помимо всяких колонизационных соображений, близость детей оказывает ссыльным нравственную поддержку и живет, чем что-либо другое, напоминает им родную русскую деревню; к тому же заботы о детях спасают ссыльных женщин от праздности; это и худо, потому что непродуцибельные возрасты, требуя от населения затрат и сами не давая ничего, осложняют экономические затруднения; они усиливают нужду, и в этом отношении колония поставлена даже в более неблагоприятные условия, чем русская деревня: сахалинские дети, ставши

¹ В Череповецком уезде рабочие возрасты составляют 44,9%, в Московском 45,4%, в Тамбовском 42,7%. См. книгу В. И. Никольского «Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности», 1885 г.

² В Череповецком уезде 37,3%, в Тамбовском около 39%.

подростками или взрослыми, уезжают на материк, и, таким образом, затраты, понесенные колонией, не возвращаются.

Возрасты, составляющие надежду и основу, если не созревшей уже, то созревающей колонии, на Сахалине дают самый ничтожный процент. Лиц от 15 до 20 лет во всей колонии только 185: м. 89 и ж. 96, то есть около 2%. Из них только 27 человек настоящие дети колонии, так как родились на Сахалине или на пути следования в ссылку, остальные же все — пришлый элемент. Но и эти родившиеся на Сахалине ждут только отъезда родителей или мужей на материк, чтобы уехать вместе с ними. Почти все 27 — это дети зажиточных крестьян, уже отбывших наказания и остающихся пока на острове ради округления капиталов. Таковы, например, Рачковы в селении Александровском. Даже Мария Барановская, дочь вольного поселенца, родившаяся в Чибисани, — ей теперь 18 лет, — не останется на Сахалине и уедет на материк с мужем. Из тех, которые родились на Сахалине 20 лет назад и которым пошел уже 21 год, не осталось на острове уже ни одного. Всех вообще в колонии двадцатилетков 27: из них 13 присланы сюда на каторгу, 7 прибыли добровольно за мужьями и 7 — сыновья ссыльных, молодые люди, уже знающие дорогу во Владивосток и на Амур¹.

На Сахалине 860 законных семей и 782 свободных, и эти цифры достаточно определяют семейное положение ссыльных, живущих в колонии. Вообще говоря, благами семейной жизни пользуется почти половина

¹ Из таблицы видно, что в детских возрастах помы распределяются почти равномерно, а в возрастах от 15 до 20 и от 20 до 25 наблюдается даже некоторый избыток женщин; но затем в возрасте от 25—35 мужчины перевешивают больше чем вдвое, а в пожилом и преклонном возрастах этот перевес можно назвать подавляющим. Малое число стариков и почти отсутствие старух указывают на недостаток в сахалинских семьях элемента опытности, традиций. Кстати сказать, всякий раз при посещении тюрем мне казалось, что в них стариков относительно больше, чем в колонии.

всего взрослого населения. Женщины в колонии все заняты, следовательно, другую половину, то есть около трех тысяч душ, живущих одиноко, составляют одни мужчины. Впрочем, это отношение, как случайное, подвержено постоянным колебаниям. Так, когда вследствие высочайшего манифеста из тюрьмы выпускается на участки сразу около тысячи новых поселенцев, то процент бессемейных в колонии повышается; когда же, как это случилось вскоре после моего отъезда, сахалинским поселенцам разрешено было работать на Уссурийском участке Сибирской железной дороги, то процент этот понизился. Как бы то ни было, развитие семейного начала среди ссыльных считается чрезвычайно слабым, и как на главную причину, почему колония до сих пор не удалась, указывают именно на большое число бессемейных¹. Теперь на очереди вопрос, почему в колонии получили такое широкое развитие незаконные или свободные сожителства и почему при взгляде на цифры, относящиеся к семейному положению ссыльных, получается такое впечатление, как будто ссыльные упорно уклоняются от законного брака? Ведь если бы не жены свободного состояния, добровольно пришедшие за мужьями, то свободных семей в колонии было бы в 4 раза больше, чем законных². Такое положение дела генерал-губернатор, диктуя мне в тетрадку, на-

¹ Хотя ниоткуда не видно, чтобы упрочение колонии в первое время зависело главным образом от развития в ней семейного начала; мы знаем, что благосостояние Виргинии было упрочено раньше, чем туда стали привозить женщин.

² Если судить по одним голым цифрам, то можно вывести заключение, что церковная форма брака для русских ссыльных самая неподходящая. Из казенных ведомостей, например за 1887 г., видно, что в Александровском округе было каторжных женщин 211. Из них только 34 состояли в законе, а 136 сожительствовали с каторжными и поселенцами. В Тымовском округе в том же году из 194 каторжных женщин 11 жили с законными мужьями, а 161 состояли в сожительстве. Из 198 поселок 33 были замужем, а 118 сожительствовали. В Корсаковском округе ни одна из каторжных женщин не жила с мужем; 115 состояли в незаконном браке; из 21 поселок только четыре были замужем.

зывает «вопиющим» и обвинял при этом, конечно, не ссыльных. Как люди в большинстве патриархальные и религиозные, ссыльные предпочитают законный брак. Незаконные супруги часто просят у начальства дозволения перевенчаться, но по большинству этих прошений приходится отказывать по причинам, не зависящим ни от местной администрации, ни от самих ссыльных. Дело в том, что хотя с лишением всех прав состояния поражаются супружеские права осужденного и он уже не существует для семьи, как бы умер, но тем не менее все-таки его брачные права в ссылке определяются не обстоятельствами, вытекающими из его дальнейшей жизни, а волею супруга не осужденного, оставшегося на родине. Необходимо, чтобы этот супруг согласился на расторжение брака и дал развод, и тогда только осужденный может вступить в новый брак. Оставшиеся же супруги обыкновенно не дают этого согласия: одни из религиозного убеждения, что развод есть грех, другие — потому, что считают расторжение браков ненужным, праздным делом, прихотью, особенно когда обоим супругам уже близко к сорока. «В его ли годы жениться,— рассуждает жена, получив от мужа письмо насчет развода.— О душе бы, старый пес, подумал». Третьи отказывают потому, что боятся начинать такое в высшей степени сложное, хлопотливое и недешевое дело, как развод, или просто потому, что не знают, куда обратиться с прошением и с чего начать. В том, что ссыльные не вступают в законный брак, часто бывают виноваты также несовершенства статейных списков, создающие в каждом отдельном случае целый ряд всяких формальностей, томительных, во вкусе старинной волокиты, ведущих к тому лишь, что ссыльный, истратившись на писарей, гербовые марки и телеграммы, в конце концов безнадежно машет рукой и решает, что законной семьи у него не быть. У многих ссыльных совсем нет статейных списков; попадают такие списки, в которых совсем не показано семейное положение ссыльного или же показано неясно или неверно; между тем, кроме статейного списка, у ссыль-

ного нет никаких других документов, на которые он мог бы сослаться в случае надобности¹.

Сведения о числе браков, совершаемых в колонии, можно добыть из метрических книг; но так как законный брак здесь составляет роскошь, доступную не для всякого, то эти сведения далеко не определяют истинной потребности населения в брачной жизни; здесь венчаются не когда нужно, а когда можно. Средний возраст брачующихся здесь совершенно праздная цифра: заключать по ней о преобладании поздних или ранних браков и делать отсюда какие-либо выводы невозможно, так как семейная жизнь у большинства ссыльных начинается задолго до совершения церковного обряда, и венчаются обыкновенно пары, уже имеющие детей. Из метрических книг пока видно лишь, что за последние десять лет наибольшее число браков было совершено в январе; на этот месяц падает почти треть всех браков. Осеннее повышение в сравнении с январским слишком ничтожно, так что о сходстве с нашими земледельческими уездами не может быть и речи. Браки, совершавшиеся при нормальных условиях, когда женились дети ссыльных, свободные, все до одного были ранние; женихи были в возрасте от 18 до 20, а невесты от 15 до 19 лет. Но в возрасте от 15

¹ Кн. Шаховской в своем «Деле об устройстве о. Сахалина» писал, между прочим «Немалыми затруднениями к беспрепятственному заключению браков представляют семейные списки, в которых часто не проставляется вероисповедание и семейное положение, а главное, неизвестно, произошел ли развод с оставшимся в России супругом; узнать об этом, а тем более исходатайствовать развод через консисторию с о. Сахалина дело почти невозможное».

Вот для образчика примеры, как в колонии устранивается семья В Малом Такоэ каторжная Соловьева Прасковья сожительствует с поселенцем Кудриным, который не может жениться на ней, потому что на родине у него осталась жена; дочь этой Прасковьи, Наталья, 17 лет, свободного состояния, сожительствует с поселенцем Городинским, который не женится на ней по той же причине. Поселенец Игнатьев в Ново-Михайловке жаловался мне, что его не венчают с сожительницей потому, что за давностью лет не могут определить его семейного положения; сожительница его умоляла меня похлопотать и при этом говорила: «Грех так жить, мы уже не молодые». Подобных примеров можно привести несколько сот.

до 20 лет девушек свободного состояния больше, чем мужчин, которые обыкновенно оставляют остров до наступления брачного возраста; и, вероятно, за недостатком молодых женихов и отчасти из экономических соображений было совершено много неравных браков; молодые свободные девушки, почти девочки, были выдаваемы родителями за пожилых поселенцев и крестьян. Унтер-офицеры, ефрейторы, военные фельдшера, писаря и надзиратели женились часто, но осчастливливали только 15—16-летних¹.

Свадьбы играют скромно и скучно; в Тымовском округе, говорят, бывают иногда веселые свадьбы, шумные, и особенно шумят хохлы. В Александровске, где есть типография, в обычае у ссыльных рассылать перед свадьбой печатные пригласительные билеты. Наборщики-каторжные соскучились над приказами и бывают рады шегольнуть своим искусством, и их билеты по внешности и тексту мало отличаются от московских. На каждую свадьбу из казны отпускается бутылка спирту.

¹ Унтеры, особенно надзиратели, считаются на Сахалине за видными женихами; в этом отношении они хорошо знают себе цену и держат себя с невестами и с их родителями с тою разнузданною надменностью, за которую Н. С. Лесков так не любит «несытых архиерейских скотин». За 10 лет было совершено несколько *mésalliances* ов [неравных браков — франц.]. Коллежский регистратор женился на дочери каторжного, надворный советник — на дочери поселенца, капитан — на дочери поселенца, купец — на крестьянке из ссыльных, дворянка вышла за поселенца. Эти редкие примеры, когда интеллигентные люди женятся на дочерях ссыльных, чрезвычайно симпатичны и, вероятно, не остаются без хорошего влияния на колонию. В январе 1880 г. в Дуэской церкви был повенчан каторжный на гиялячке. В Рыжковском я записал Григория Сивокобылку, 11 лет, у которого мать была гиялячка. Вообще браки между русскими и инородцами бывают очень редко. Рассказывали мне про одного надзирателя, живущего с гиялячкой, которая родила сына и хочет креститься, чтобы затем обвенчаться. О. Иракий знал ссыльного якута, который был женат на грузинке; оба плохо понимали по-русски. Что касается магометан, то они и в ссылке не отказываются от многоженства и некоторые из них имеют по две жены; так, у Джаксанбетова в Александровске две жены — Батыма и Сасена, у Абубакирова в Корсаковском тоже две — Ганоста и Верхониса. В Андрее-Ивановском я видел чрезвычайно красивую татарку 15 лет, которую муж купил у ее отца за 100 рублей;

Рождаемость в колонии сами ссыльные считают чрезмерно высокой, и это дает повод к постоянным насмешкам над женщинами и к разным глубокомысленным замечаниям. Говорят, что на Сахалине самый климат располагает женщин к беременности; рожают старухи и даже такие, которые в России были бесплодны и не надеялись уже иметь когда-либо детей. Женщины точно торопятся населить Сахалин и часто рожают двойней. Одна роженица во Владимировке, пожилая женщина, имеющая уже взрослую дочь, наслышавшись разговоров о двойнях, ожидала, что у нее тоже родятся двое, и была огорчена, когда родился только один. «Поищите еще», — попросила она акушерку. Но роды двойнями случаются здесь не чаще, чем в русских уездах. За десятилетний период до 1 января 1890 г. в колонии родилось 2275 детей обоего пола, а так называемых плодущих родов было только 26¹. Все эти несколько преувеличенные толки о чрезмерной плодовитости женщин, о двойнях и т. п.

когда мужа нет дома, она сидит на кровати, а в дверь из сеней смотрят на нее поселенцы и любят.

«Устав о ссыльных» разрешает ссыльнокаторжным обоего пола браки только через 1—3 года по поступлении в разряд исправляющихся; очевидно, женщина, поступившая в колонию, но находящаяся еще в разряде испытуемых, может быть только сожительницей, а не женой. Ссыльным мужчинам разрешается жениться на преступницах, лица же женского пола, лишенные всех прав состояния, до перечисления в крестьянское сословие, могут выходить только за ссыльных. Женщине свободного состояния, которая выйдет за ссыльного, вступающего в Сибирь в первый брак, выдается из казны 50 руб.; поселенцу, вступившему в Сибирь в первый брак со ссыльною, выдается 15 рублей безвозвратно и столько же заимообразно.

В «Уставе» ничего не говорится о браках бродяг. По каким документам определяется семейное положение и возраст их при вступлении в брак, я не знаю. Что их венчают на Сахалине, я узнал впервые из следующей бумаги, написанной по форме прошения: «Его высокопревосходительству господину начальнику острова Сахалина. Удостоверение поселенца Тьмовского округа, селения Рыковского, не помнящего родства Ивана, 35 лет. Что я, Непомнящий, принял законное бракосочетание на поселке Березниковой Марии в прошлом 1888 году 12 ноября». За неграмотностью расписались два поселенца.

¹ Эти цифровые сведения, взятые мною из приходских метрических книг, касаются одного только православного населения.

указывают на то, с каким интересом ссыльное население относится к рождаемости и какое она имеет здесь важное значение.

Оттого, что численный состав населения подвержен колебаниям вследствие постоянных приливов и отливов, притом случайных, как на рынке, определение коэффициента общей рождаемости в колонии за несколько лет можно считать недостижимой роскошью; он уловим тем труднее, что цифровой материал, собранный мною и другими, имеет очень скромный объем; численный состав населения за прошлые годы неизвестен, и приведение его в известность, когда я знакомился с канцелярским материалом, представлялось мне египетскою работою, обещавшею притом самые сомнительные результаты. Можно определить коэффициент лишь приблизительно и только для настоящего времени. В 1889 г. во всех четырех приходах родилось 352 детей обоего пола; при обыкновенных условиях в России такое количество детей рождается ежегодно в местах с населением в семь тысяч душ;¹ именно семь тысяч с прибавкою нескольких сотен жило в колонии в 1889 г. Здешний коэффициент рождаемости, очевидно, лишь немного выше, чем вообще в России (49,8) и в русских уездах, например, Череповецком (45,4). Можно признать, что рождаемость на Сахалине в 1889 г. была относительно так же велика, как вообще в России, и если была разница в коэффициентах, то небольшая, не имеющая, вероятно, особенного значения. А так как из двух местностей с одинаковыми коэффициентами общей рождаемости плодовитость женщин в той выше, в которой их относительно меньше, то, очевидно, можно признать также еще, что плодовитость женщин на Сахалине значительно выше, чем в России вообще.

Голод, тоска по родине, порочные наклонности, неволя — вся сумма неблагоприятных условий ссылки не исключает у ссыльных производительной способности; стало быть, наличность ее не означает благополучия. Причиной повышенной плодовитости женщин

¹ Считая по Ясону, 49,8, или почти 50, рождений на 1000.

и такой же рождаемости служит, во-первых, праздность ссыльных, живущих в колонии, вынужденное домоседство мужей и сожителей, вследствие отсутствия у них отхожих промыслов и заработков, и монотонность жизни, при которой удовлетворение половых инстинктов является часто единственным возможным развлечением, и, во-вторых, то обстоятельство, что большинство женщин принадлежит здесь к производительным возрастам. Кроме этих ближайших причин, существуют, вероятно, еще отдаленные, пока недоступные непосредственному наблюдению. Быть может, на сильную рождаемость следует смотреть, как на средство, какое природа дает населению для борьбы с вредными, разрушительными влияниями и прежде всего с такими врагами естественного порядка, как малочисленность населения и недостаток женщин. Чем бóльшая опасность угрожает населению, тем больше рождается, и в этом смысле неблагоприятные условия могут быть названы причиною высокой рождаемости¹.

Из 2275 рождений за десятилетний период максимум приходится на осенние месяцы (29,2%), минимум на весенние (20,8%), и зимою (26,2%) рождалось больше, чем летом (23,6%). Наибольшее число зачатий и рождений происходило до сих пор в полугодие с августа до февраля, и в этом отношении время с короткими днями и длинными ночами было наиболее благоприятным, чем пасмурная и дождливая весна и такое же лето.

В настоящее время на Сахалине всего детей 2122, включая сюда и тех подростков, которым в 1890 г. исполнилось 15 лет. Из них прибыло из России с родителями 644, родилось на Сахалине и по пути следования в ссылку 1473; детей, месторождение которых мне неизвестно, 5. Первых меньше почти

¹ Острые, скоро проходящие катастрофы, как неурожай, война и т. п., понижают рождаемость, хронические же бедствия, как высокая детская смертность и, быть может, также плен, крепостное состояние, ссылка и т. п., усиливают ее. В некоторых семьях вместе с психическим вырождением наблюдается также усиленная рождаемость.

в три раза; в большинстве они прибыли на остров уже в тех возрастах, когда дети сознают: они помнят и любят родину; вторые же, сахалинские уроженцы, никогда не видели ничего лучше Сахалина и должны тяготеть к нему, как к своей настоящей родине. Вообще обе группы значительно разнятся одна от другой. Так, в первой группе незаконнорожденных только 1,7%, во второй же 37,2%¹. Представители первой группы называют себя свободными; в громадном большинстве они были рождены или зачаты до суда и сохраняют поэтому все права своего состояния. Дети же, рожденные в ссылке, не называют себя никак; со временем они припишутся к податным условиям и будут называться крестьянами или мещанами, теперь же их социальное положение определяется так: незаконный сын ссыльнокаторжной, дочь поселенца, незаконная дочь поселки и т. д. Когда одна дворянка, жена ссыльного, узнала, что ее ребенка записали в метрическую книгу сыном поселенца, то, говорят, горько заплакала.

Детей грудных и моложе 4-х лет почти нет совсем в первой группе: здесь перевес на стороне так называемых школьных возрастов. Во второй же группе, у сахалинских уроженцев, наоборот, преобладают самые ранние возрасты, и притом чем старше дети, тем меньше сверстников, и если бы мы изобразили детские возрасты этой группы графически, то получили бы резкое крутое падение кривой. В этой группе детей моложе одного года 203, от 9 до 10 лет — 45, от 15 до 16 — только 11. Из двадцатилетков, родившихся на Сахалине, как я говорил уже, не осталось ни одного. Таким образом, недостаток подростков и юношей пополняется пришлыми, которые пока одни только дают из своей среды молодых женихов и невест. Невысокий процент детей старших возрастов среди сахалинских уроженцев объясняется и детской смертностью и тем, что в прошлые годы было на

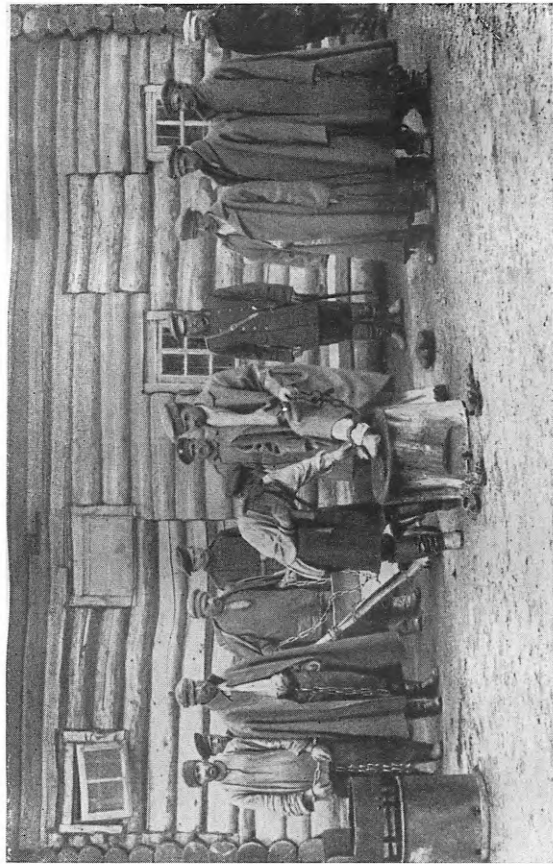
¹ Незаконнорожденные первой группы — это дети каторжных женщин, рожденные большей частью после суда в тюрьмах; в семьях же, добровольно пришедших за супругами и родителями, незаконнорожденных нет вовсе.

острове меньше женщин и потому меньше рождалось детей, но больше всего виновата тут эмиграция. Взрослые, уезжая на материк, не оставляют детей, а увозят их с собой. Родители сахалинского уроженца обыкновенно начинают отбывать наказание еще задолго до появления его на свет, и пока он родится, растет и достигает 10-летнего возраста, они в большинстве уже успевают получить крестьянские права и уехать на материк. Положение же пришлого совсем иное. Когда его родителей присылают на Сахалин, то ему бывает уже 5—8—10 лет; пока они отбывают каторгу и поселение, он выходит из детского возраста, и пока потом родители хлопочут о крестьянских правах, становится уже работником и, прежде чем совсем уехать на материк, успевает несколько раз побывать на заработках во Владивостоке и в Николаевске. Во всяком случае, в колонии не остаются ни пришлые, ни местные уроженцы, и поэтому все сахалинские посты и селения до настоящего времени вернее было бы называть не колонией, а местами временного водворения.

Рождение каждого нового человека в семье встречается неприветливо; над колыбелью ребенка не поют песен и слышатся одни только зловещие причитывания. Отцы и матери говорят, что детей нечем кормить, что они на Сахалине ничему хорошему не научатся, и «самое лучшее, если бы господь милосердный прибрал их поскорее». Если ребенок плачет или шалит, то ему кричат со злобой: «Замолчи, чтоб ты издох!» Но все-таки что бы ни говорили и как бы ни причитывали, самые полезные, самые нужные и самые приятные люди на Сахалине—это дети, и сами ссыльные хорошо понимают это и дорого ценят их. В огрубевшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносят элемент нежности, чистоты, кротости, радости. Несмотря на свою непорочность, они больше всего на свете любят порочную мать и разбойника отца, и если ссыльного, отвыкшего в тюрьме от ласки, трогает ласковость собаки, то какую цену должна иметь для него любовь ребенка! Я уже говорил, что присутствие детей оказывает ссыльным

нравственную поддержку, теперь же еще прибавлю, что дети часто составляют то единственное, что привязывает еще ссыльных мужчин и женщин к жизни, спасает от отчаяния, от окончательного падения. Мне однажды пришлось записывать двух женщин свободного состояния, прибывших добровольно за мужьями и живших на одной квартире; одна из них, бездетная, пока я был в избе, все время роптала на судьбу, смеялась над собой, обзывала себя душой и окаянной за то, что пошла на Сахалин, судорожно сжимала кулаки, и все это в присутствии мужа, который находился тут же и виновато смотрел на меня, а другая, как здесь часто говорят, детная, имеющая несколько душ детей, молчала, и я подумал, что положение первой, бездетной, должно быть ужасно. Помнится, записывая в одной избе татарского мальчика трех лет, в ермолке, с широким расстоянием между глазами, я сказал ему несколько ласковых слов, и вдруг равнодушное лицо его отца, казанского татарина, прояснилось, и он весело закивал головой, как бы соглашаясь со мной, что его сын очень хороший мальчик, и мне показалось, что этот татарин счастлив.

Под какими влияниями воспитываются сахалинские дети и какие впечатления определяют их душевную деятельность, читателю понятно из всего вышесказанного. Что в России, в городах и деревнях, страшно, то здесь обыкновенно. Дети провожают равнодушными глазами партию арестантов, закованных в кандалы; когда кандалные везут тачку с песком, то дети цепляются сзади и хохочут. Играют они в солдаты и в арестанты. Мальчик, выйдя на улицу, кричит своим товарищам: «Равняйся!», «Отставить!» Или же он кладет в мешок свои игрушки и кусок хлеба и говорит матери: «Я иду бродяжить». — «Гляди-кось, часом солдат подстрелит», — шутит мать; он идет на улицу и бродяжит там, а товарищи, изображающие солдат, ловят его. Сахалинские дети говорят о бродягах, розгах, плетях, знают, что такое палач, кандалные, сожитель. Обходя избы в Верхнем Армудане, я в одной не застал старших; дома был только мальчик лет десяти, беловолосый, сутулый, босой; бледное

Заковывают в кандалы. Фотография. 1890.

лицо покрыто крупными веснушками и кажется мраморным.

— Как по отчеству твоего отца? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он.

— Как же так? Живешь с отцом и не знаешь, как его зовут? Стыдно.

— Он у меня не настоящий отец.

— Как так — не настоящий?

— Он у мамки сожитель.

— Твоя мать замужняя или вдова?

— Вдова. Она за мужа пришла.

— Что значит — за мужа пришла?

— Убила.

— Ты своего отца помнишь?

— Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Каре родила.

Сахалинские дети бледны, худы, вялы; они одеты в рубища и всегда хотят есть. Как увидит ниже читатель, умирают они почти исключительно от болезней пищеварительного канала. Жизнь впроголодь, питание иногда по целым месяцам одною только брюквой, а у достаточных — одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убивают детский организм чаще всего медленно, изнуряющим образом, мало-помалу перерождая все его ткани; если бы не эмиграция, то через два-три поколения, вероятно, пришлось бы иметь дело в колонии со всеми видами болезней, зависящих от глубокого расстройства питания. В настоящее время дети беднейших поселенцев и каторжных получают от казны так называемые «кормовые»: детям от одного года до 15 лет выдается по 1¹/₂, а круглым сиротам, калекам, уродам и близнецам по 3 рубля в месяц. Право ребенка на эту помощь определяется личным усмотрением чиновников, которые слово «беднейший» понимают каждый по-своему; ¹ по-

¹ Размер выдачи зависит также от того, понимает ли чиновник под калеками и уродами только хромых, безруких и горбатых или также еще бугорчатных, слабоумных, слепых.

Как помочь сахалинским детям? Прежде всего, мне кажется, право на помощь не следует обставлять требованиями такого ценза, как «беднейший», «калека» и т. п. Надо помогать всем

лученные 1½ или 3 рубля тратятся по усмотрению отцов и матерей. Эту денежную помощь, зависящую от стольких усмотрений и благодаря бедности и не-

просящим без исключения и при этом не бояться обмана: лучше быть обманутым, чем самому обмануться. Форма помощи определяется местными условиями. Если бы от меня зависело, то на те деньги, которые расходуются теперь на «кормовые», я устроил бы в постах и селениях чайные для всех женщин и детей, выдавал бы кормовое и одежное довольствие всем без исключения беременным женщинам и кормящим грудью, а «кормовые» 1½—3 руб. в месяц сохранил бы только для девушек с 13 лет до замужества и выдавал бы им эти деньги прямо на руки.

Ежегодно из Петербурга благотворители присылают сюда для раздачи детям полушубки, фартучки, валенки, чепчики, гармоника, душеспасительные книжки, перья. Начальник острова, получив эти вещи, приглашает местных дам заняться распределением и раздачей подарков. Говорят, что вещи эти пропиваются и проигрываются отцами, что лучше бы вместо гармоники прислали хлеба и т. д., но подобные замечания не должны смущать великодушных людей. Дети обыкновенно бывают очень рады, а отцы и матери бесконечно благодарны. Было бы вполне уместно, если бы благотворители, интересующиеся судьбою детей ссыльных, получали ежегодно возможно подробные сведения о сахалинских детях, о числе их, о составе их по полам и возрастам, о числе грамотных, нехристиан и т. д. Если благотворителю известно, например, сколько среди детей грамотных, то уж он будет знать, сколько нужно послать книжек или карандашей, чтобы никого не обидеть, а назначать игрушки и одежду удобнее всего, соображаясь с полом, возрастом и национальностью детей. На самом же Сахалине необходимо все дела, имеющие какое-либо отношение к благотворительности, изъять из ведения полицейских управлений, которые и без того завалены делами, и организацию помощи предоставить местной интеллигенции; среди нее немало людей, которые были бы рады взять на себя это живое дело. В Александровске иногда по зимам даются любительские спектакли в пользу детей. Недавно в Корсаковском посту служащие собрали по подписке денег и купили разных материй, а жены их нашили платьев и белья и роздали детям.

Дети составляют бремя в экономическом отношении и наказание божие за грехи, но это не мешает ссыльным, если у них нет своих детей, принимать и усыновлять чужих. Детные выражают желание, чтоб их дети умерли, а бездетные берут чужих сирот себе в дети. Бывает, что ссыльные усыновляют сирот и бедных детей в расчете на кормовые и всякого рода пособия и даже на то, что приемыш будет просить на улице милостыню, но в большинстве, вероятно, ссыльными руководят чистые побуждения. В «дети» поступают не одни только дети, но также взрослые и даже старики. Так, поселенец Иван Новиков

добросовестности родителей редко достигающую своего назначения, давно бы уже следовало отменить. Она не уменьшает бедности, а только маскирует ее, заставляя людей непосвященных думать, что на Сахалине дети обеспечены.

ХVIII

Занятия ссыльных.— Сельское хозяйство.— Охота.— Рыболовство. Периодическая рыба: кета и сельдь.— Тюремные ловли.— Мастерства.

Мысль о приурочении труда ссыльнокаторжных и поселенцев к сельскому хозяйству, как я уже говорил, возникла в самом начале сахалинской ссылки. Эта мысль сама по себе очень заманчива: земледельческий труд, по-видимому, содержит все элементы, необходимые для того, чтобы занять ссыльного, приохотить его к земле и даже исправить. К тому же этот труд пригоден для громадного большинства ссыльных, так как наша каторга — учреждение по преимуществу мужицкое, и из каторжных и поселенцев только одна десятая часть не принадлежит к земледельческому классу. И эта мысль имела успех; по крайней мере до последнего времени главным занятием ссыльных на Сахалине считалось сельское хозяйство и колония не переставала называться сельскохозяйственной.

1-й, 60 лет, считается приемным сыном поселенца Евгения Ефимова, 42 лет. В Рыковском Елисей Маклаков, 70 лет, записался приемным сыном Ильи Минаева.

По «Уставу о ссыльных», малолетние дети, следующие в Сибирь при ссылаемых или же переселяемых туда родителями, отправляются туда на подводах, причем одна подвода дается на пять душ; какие дети в этом случае относятся к малолетним, в «Уставе» не сказано. Дети, следующие за родителями, получают одежду, обувь и кормовые деньги во все продолжение пути. Когда за осужденным по доброй воле следует в ссылку его семья, то дети, достигшие 14-летнего возраста, отправляются только по собственному желанию. Дети, достигшие 17-летнего возраста, могут покидать место ссылки и возвращаться на родину без разрешения родителей.

На Сахалине за все время существования колонии ежегодно пахали и сеяли; перерыва не было, и с увеличением населения ежегодно расширялась и площадь посевов. Труд здешнего землепашца был не только принудительным, но и тяжким, и если основными признаками каторжного труда считать принуждение и напряжение физических сил, определяемое словом «тяжкий», то в этом смысле трудно было подыскать более подходящее занятие для преступников, как земледелие на Сахалине; до сих пор оно удовлетворяло самым суровым карательным целям.

Но было ли оно производительным, удовлетворяло ли также колонизационным целям, об этом с самого начала сахалинской ссылки до последнего времени были выражаемы самые разнообразные и чаще всего крайние мнения. Одни находили Сахалин плодороднейшим островом и называли его так в своих отчетах и корреспонденциях и даже, как говорят, посылали восторженные телеграммы о том, что ссыльные наконец в состоянии сами прокормить себя и уже не нуждаются в затратах со стороны государства, другие же относились к сахалинскому земледелию скептически и решительно заявляли, что сельскохозяйственная культура на острове немыслима. Такое разногласие происходило оттого, что о сахалинском земледелии судили большею частью люди, которым истинное положение дела было незнакомо. Колония была основана на острове еще не исследованном; с научной точки зрения представлял он совершенную *terram incognitam*¹, и об его естественных условиях и о возможности на нем сельскохозяйственной культуры судили только по таким признакам, как географическая широта, близкое соседство Японии, присутствие на острове бамбука, пробкового дерева и т. п. Для случайных корреспондентов, судивших чаще всего по первым впечатлениям, имели решающее значение хорошая или дурная погода, хлеб и масло, которыми их угощали в избах, и то, попадали ли они сначала в такое мрачное место, как Дуэ, или в такое на вид жизнерадост-

¹ неизвестную землю (лат.).

ное, как Сиянцы. Чиновники, которым вверена была сельскохозяйственная колония, в громадном большинстве до своего поступления на службу не были ни помещиками, ни крестьянами и с сельским хозяйством не были знакомы вовсе; для своих ведомостей они всякий раз пользовались только теми сведениями, которые собирали для них надзиратели. Местные же агрономы были малосведущи в своей специальности и ничего не делали, или же отчеты их отличались заведомою тенденциозностью, или же, попадая в колонию прямо со школьной скамьи, они на первых порах ограничивались одною лишь теоретическою и формальною стороною дела и для своих отчетов пользовались всё теми же сведениями, которые собирали для канцелярий нижние чины¹. Казалось бы, самые вер-

¹ В своей резолюции на отчете инспектора сельского хозяйства за 1890 г. начальник острова говорит: «Наконец есть документ, может быть, далеко еще не совершенный, но основанный по крайней мере на данных наблюдения, сгруппированных специалистом и освещенных без желания кому-нибудь нравиться». Этот отчет он называет «первым шагом в этом направлении»; значит, все отчеты до 1890 г. писались с желанием кому-нибудь понравиться. Далее в своей резолюции ген. Кононович говорит, что единственным источником сведений о сельском хозяйстве на Сахалине служили до 1890 г. «праздные измышления».

Чиновник-агроном на Сахалине называется инспектором сельского хозяйства. Должность VI класса с хорошим окладом. После двухлетнего пребывания на острове теперешний инспектор представил отчет; это — небольшая кабинетная работа, в которой личные наблюдения автора отсутствуют и выводы его не отличаются определенностью, но зато в отчете излагаются вкратце сведения по метеорологии и флоре, дающие довольно ясное представление об естественных условиях населенной части острова. Отчет этот напечатан и, вероятно, будет включен в литературу, относящуюся к Сахалину. Что же касается тех агрономов, которые служили раньше, то всем им страшно не везло. Я уже не раз упоминаю о М. С. Мпцуле, который был агрономом, потом стал заведующим, в конце концов умер от грудной жабы, не дожив и до 45 лет. Другой агроном, как рассказывают, силился доказать, что на Сахалине сельское хозяйство невозможно, все посылал куда-то бумаги и телеграммы, и тоже кончил, по-видимому, глубоким нервным расстройством; по крайней мере о нем вспоминают теперь как о честном и знающем, но сумасшедшем человеке. Третий «заведующий по агрономической части», поляк, был уволен начальником острова с редким в чиновнических летописях скандалом: приказано было выдать ему

ные сведения можно было получать от людей, которые сами пашут и сеют, но и этот источник оказался ненадежным. Из страха, чтобы их не лишили пособий, не перестали давать зерно в ссуду, не оставили бы их на Сахалине на всю жизнь, ссыльные обыкновенно показывали количество разработанной земли и урожая ниже действительности. Зажиточные ссыльные, которые не нуждаются в пособиях, тоже не говорили правды, но эти уже не из страха, а из тех самых побуждений, которые заставляли Полония соглашаться, что облако в одно и то же время похоже и на верблюда и на хорька. Они зорко следили за модой и направлением мыслей, и если местная администрация не верила в сельское хозяйство, то они тоже не верили; если же в канцеляриях делалось модным противоположное направление, то и они тоже начинали уверять, что на Сахалине, слава богу, жить можно, урожай хорошие и только одна беда — народ нынче избаловался и т. п., и при этом, чтобы угодить начальству, они прибегали к грубой лжи и всякого рода уловкам. Например, они выбирали в поле самые крупные колосья и приносили их к Мицулю, и последний добродушно верил и делал заключение об отличном урожае. Приезжим показывали картофель величиной с голову, полупудовые редьки, арбузы, и приезжие, глядя на эти чудовища, верили, что на Сахалине пшеница родится сам-40¹.

прогонные деньги в том только случае, когда он «предъявит заключенное им условие с каюром на отвоз его до г. Николаевска»; начальство, очевидно, боялось, что агроном, взявши прогонные деньги, останется на острове навсегда (приказ № 349, 1888 г.). Про четвертого агронома, немца, ничего не делавшего и едва ли понимавшего что-нибудь в агрономии, о. Иракий рассказывал мне, будто после одного августовского мороза, побившего хлеб, он поехал в Рыковское, собрал там сход и спросил важно: «Почему у вас был мороз?» Из толпы вышел самый умный и ответил: «Не можем знать, ваше превосходительство, должно, милость божия изволила так распорядиться». Агроном вполне удовлетворился этим ответом, сел в тарантас и уехал домой с чувством исполненного долга.

¹ «Приехавший на Сахалин новый агроном (пруссский подданный), — пишет корреспондент во «Владивостоке», 1886 г., № 43, — ознаменовал себя устройством и открытием 1 октября

При мне сельскохозяйственный вопрос на Сахалине находился в каком-то особенном фазисе, когда трудно было понять что-нибудь. Генерал-губернатор, начальник острова и окружные начальники не верили в производительность труда сахалинских земледельцев; для них уже не подлежало сомнению, что попытка приурочить труд ссыльных к сельскому хозяйству потерпела полную неудачу и что продолжать настаивать на том, чтобы колония во что бы то ни стало была сельскохозяйственной, значило тратить непроизводительно казенные деньги и подвергать людей напрасным мучениям. Вот слова генерал-губернатора, которые я записал под его диктовку:

«Сельскохозяйственная колония преступников на острове неосуществима. Надо дать людям заработок, сельское же хозяйство должно быть лишь подспорьем к нему».

Младшие чиновники высказывали то же самое и в присутствии своего начальства безбоязненно критиковали прошлое острова. Сами ссыльные на вопрос, как идут дела, отвечали нервно, безнадежно, с горькою усмешкой. И, несмотря на такое определенное и единодушное отношение к сельскому хозяйству, все-таки ссыльные продолжают пахать и сеять, администрация продолжает выдавать им в ссуду зерно, и начальник острова, меньше всех верующий в сахалинское земледелие, издает приказы, в которых, «в видах приурочения ссыльных к заботам о сель-

сахалинской сельскохозяйственной выставки, экспонентами которой были поселенцы Александровского и Тымовского округов, а также казенные огороды... Выставленные поселенцами хлебные семена ничем особенным не отличались, если не считать, что в числе семян, якобы уродившихся на Сахалине, попадались и семена, выписанные от известного Грачева для посева. Выставивший пшеницу поселенец Тымовского округа Сычов при удостоверении тымовского начальства, что он имеет от нынешнего урожая такой пшеницы 70 пудов, был уличен в обмане, то есть что выставил пшеницу выбранную». Об этой выставке есть и в № 50 той же газеты: «В особенности удивило всех присутствие необыкновенных образцов овощей, например, кочан капусты весом в 22½ ф., редька по 13 ф., картофелины в 3 фунта и т. д. Могу смело сказать, что лучшими образцами овощей не могла бы похвалиться центральная Европа».

ском хозяйстве», подтверждает, что перечисление в крестьянское сословие поселенцев, которые не подают основательной надежды на успех своих хозяйских дел на отведенных им участках, «не может состояться никогда» (№ 276, 1890 г.). Психология таких противоречий совсем непонятна.

Количество разработанной земли до сих пор было показываемо в отчетах дутыми и подобранными цифрами (приказ № 366, 1888 г.), и никто не скажет с точностью, сколько в среднем приходится земли на каждого владельца. Инспектор сельского хозяйства определяет количество земли в среднем на участок по 1555 кв. саж., или около $\frac{2}{3}$ дес., а в частности для лучшего, то есть Корсаковского, округа — в 935 кв. саж. Помимо того, что цифры эти могут быть неверны, значение их умалается еще тем, что земля распределена между владельцами крайне неравномерно: приехавшие из России с деньгами или нажившие себе состояние кулачеством имеют по 3—5 и даже 8 десятин пахотной земли, и есть немало хозяев, особенно в Корсаковском округе, у которых всего по нескольку квадратных сажен. По-видимому, количество пахотной земли абсолютно увеличивается каждый год, средний же размер участка не растет и как бы грозит остаться величиной постоянной¹.

Сеют казенное зерно, получаемое каждый раз в ссуду. В лучшем, то есть Корсаковском, округе в 1889 г. «на всю пропорцию посеянного зерна 2060 пуд. имелось собственных семян только 165 пуд., а из

¹ С увеличением населения становится все труднее отыскивать удобную землю. Приречные долины, покрытые лиственным лесом — ильмом, бояркой, бузиной и проч., где почва глубока и плодородна, представляют редкие оазисы среди тундр, заболочин, гор, покрытых горелым лесом, и низменностей с хвойными лесами и с дурно пропускающей воду подпочвой. Даже на южной части острова эти долины, или елани, чередуются с горами и трясины, на которых скудная растительность мало отличается от полярной. Так, вся громадная площадь между Такойскою долиной и Маукой — местами культурными — занята трясиной совершенно безнадежной; быть может, удастся провесги по этой трясины дороги, но изменить ее суровый климат не во власти человеческой. Как ни велика, по-видимому, площадь Южного Сахалина, но до сих пор земли, годной под пахотные поля,

610 человек, которые посеяли это количество, имели свое зерно только 56 человек» (приказ № 318, 1889 г.). По данным инспектора сельского хозяйства, на каждого взрослого жителя средним числом высевается зернового хлеба только 3 пуда 18 фунтов и меньше всего в южном округе. Интересно при этом заметить, что в округе с более благоприятными климатическими условиями сельское хозяйство ведется менее успешно, чем в северных округах, и это, однако, не мешает ему быть на самом деле лучшим округом.

В двух северных округах ни разу не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полного вызревания овса и пшеницы, и только два года дали сумму тепла, достаточную для созревания ячменя¹. Весна и начало лета бывают почти всегда холодные; в 1889 г. морозы были в июле и августе, и дурная осенняя погода началась с 24 июля и продолжалась до конца октября. С холодом бороться можно, и акклиматизация хлебных растений на Сахалине представляла бы благодарнейшую задачу, если бы не исключительно высокая влажность, борьба с которой едва ли будет когда-либо возможна. В период колошения, цветения и налива и в особенности созревания количество выпадающих на острове осадков несоразмерно велико, отчего поля дают не вполне вызревшее, водянистое, морщинистое и легковесное зерно. Или же благодаря обильным дождям хлеб пропадает, сгнивая или прорастая в снопах в поле. Время уборки хлебов, особенно яровых, здесь почти всегда совпадает с самую дождливую погоду, и, случается, весь урожай остается в поле благодаря дождям, не-

огороды и усадьбы, удалось найти только 405 десятин (приказ № 318, 1889 г.). Между тем комиссия, с Власовым и Мицулем во главе, решавшая вопрос о пригодности Сахалина для штрафной сельскохозяйственной колонии, нашла, что в средней части острова земли, которую можно привести в культурное состояние, «должно быть гораздо больше, чем 200 тысяч десятин», а в южной части количество такой земли «простирается до 220 тысяч».

¹ Подробности в «Отчете о состоянии сельского хозяйства на острове Сахалине в 1889 г.» г. фон Фрикена.

прерывно идущим с августа до глубокой осени. В отчете инспектора сельского хозяйства приводится таблица урожаев за последние пять лет, составленная по данным, которые начальник острова называет «праздными вымыслами»; из этой таблицы можно заключить приблизительно, что средний урожай зерновых хлебов на Сахалине составляет сам-три. Это находит подтверждение и в другой цифре: в 1889 г. из собранного урожая зернового хлеба на каждого взрослого приходилось в среднем около 11 пуд., то есть в три раза больше того, что было посеяно. Зерно получалось от урожаев плохое. Осмотрев однажды образцы зернового хлеба, доставленного поселенцами, желающими обменять на муку, начальник острова нашел, что одни из них вовсе непригодны для посева, а другие содержат в примеси значительное количество зерна недозрелого и прохваченного морозами (приказ № 41, 1889 г.).

При таких тощих урожаях сахалинский хозяин, чтобы быть сытым, должен иметь не менее 4 дес. плодородной земли, ценить свой труд ни во что и ничего не платить работникам; когда же в недалеком будущем однопольная система без пара и удобрения истощит почву и ссыльные «сознают необходимость перейти к более рациональным приемам обработки полей и к новой системе севооборота», то земли и труда понадобится еще больше и хлебопашество поневоле будет брошено, как непроизводительное и убыточное.

Та отрасль сельского хозяйства, успех которой зависит не столько от естественных условий, сколько от личных усилий и знаний самого хозяина,—огородничество, по-видимому, дает на Сахалине хорошие результаты. За успех местной огородной культуры говорит уже то обстоятельство, что иногда целые семьи в продолжение всей зимы питаются одною только брюквой. В июле, когда одна дама в Александровске жаловалась мне, что у нее в садике еще не взошли цветы, в Корсаковске в одной избе я видел решето, полное огурцов. Из отчета инспектора сельского хозяйства видно, что из урожая 1889 г. в Тымовском

округе приходилось на каждого взрослого $4\frac{1}{10}$ пуд. капусты и около 2 пуд. разных корнеплодных овощей, в Корсаковском по 4 пуда капусты и по $4\frac{1}{8}$ пуд. корнеплодов. В том же году картофеля приходилось на каждого взрослого в Александровском округе по 50 пуд., в Тымовском по 16 пуд. и в Корсаковском по 34 пуда. Картофель вообще дает хорошие урожаи, и это подтверждается не только цифрами, но и личным впечатлением; я не видел закромов или мешков с зерном, не видел, чтобы ссыльные ели пшеничный хлеб, хотя пшеницы здесь сеется больше, чем ржи, но зато в каждой избе я видел картофель и слышал жалобы на то, что зимою много картофеля сгнило. С развитием на Сахалине городской жизни растет мало-помалу и потребность в рынке; в Александровске уже определилось место, где бабы продают овощи, и на улицах не редкость встретить ссыльных, торгующих огурцами и всякою зеленью. В некоторых местах на юге, например в Первой Пади, огородничество уже составляет серьезный промысел¹.

¹ До сих пор слабо поддавался культуре почему-то только один лук. Недостаток этого овоща в экономии ссыльного пополняется черемшой (*allium victoriale*), растущей здесь на воле. Это луковичное растение с сильным чесночным запахом когда-то у постовых солдат и ссыльных считалось верным средством от цинги, и по тем сотням пудов, которые ежегодно заготавливались на зиму военной и тюремной командами, можно судить, как распространена была здесь эта болезнь. Черемша, говорят, вкусна и питательна, но не всякому приятен ее запах; когда не только в комнате, но даже на дворе ко мне близко подходил человек, употребляющий в пищу черемшу, то мне становилось душно.

Как велика площадь, занимаемая на Сахалине сенокосами, еще неизвестно, хотя в отчете инспектора сельского хозяйства и приведены цифры. Каковы бы ни были цифры, но пока несомненно только, что далеко не всякий хозяин знает весною, где он будет косить летом, и что сена не хватает и к концу зимы скот тощает от недостатка корма. Лучшие покосы забирают себе те, кто сильнее, то есть тюрьма и военные команды, поселенцам же остаются или самые дальние покосы, или такие, где сено можно жать, а не косить. Вследствие дурно пропускающей почвы здешние луга большею частью болотисты, всегда мокры, и оттого растут на них лишь кислые злаки и осока, дающие грубое, малопитательное сено. Инспектор сельского хозяйства

Хлебопашество считается главным занятием ссыльных. К второстепенным, дающим сторонние заработки, относятся охота и рыболовство. С точки зрения охотника, фауна позвоночных животных на Сахалине роскошна. Из зверей, наиболее ценных для промышленника, в особенно громадном количестве водятся здесь соболь, лисица и медведь¹. Соболь распространен по всему острову. Говорят, будто за последнее время, вследствие порубок и лесных пожаров, соболь удался от населенных мест в более дальние леса. Не знаю, насколько это справедливо; при мне во Владимировке, около самого селения, надзиратель застрелил из револьвера соболя, который переходил по бревну через ручей, и те ссыльные-охотники, с которыми мне приходилось говорить, охотятся обыкновенно неподалеку от селений. Лисица и медведь тоже живут на всем острове. В прежнее время медведь не обижал людей и домашних животных и считался смиренным, но с тех пор, как ссыльные стали селиться по верховьям рек и вырубать тут леса и преградили ему путь к рыбе, которая составляла его главную

говорит, что здешнее сено по своей питательности едва ли может быть приравнено половинному количеству обыкновенного сена; ссыльные тоже находят сено плохим, и зажиточные не дают его чистым, а в примеси с мукой или картофелем. Сахалинское сено совсем не имеет того приятного запаха, что наше русское. Могут ли считаться хорошим кормовым средством те гигантские травы, которые растут в лесных долинах и по рекам и о которых так много говорят, судить не берусь. Кстати замечу, что семена одной из этих трав, а именно сахалинской гречи, уже появились у нас в продаже. О том, нужно ли на Сахалине травосеяние и возможно ли оно, в отчете инспектора сельского хозяйства не говорится ни одного слова.

Теперь о скотоводстве. В 1889 г. одна дойная корова в Александровском и Корсаковском округах приходилась на $2\frac{1}{2}$ хозяйства, а в Тымовском на $3\frac{1}{3}$. Почти такие же цифры показаны и для рабочего скота, то есть для лошадей и волов, причем и на этот раз беднее всех оказывается лучший, то есть Корсаковский, округ. Впрочем, эти цифры не рисуют настоящего положения дела, так как весь сахалинский скот распределен между хозяевами крайне неравномерно. Все наличное количество скота сосредоточено в руках только богатых хозяев, имеющих большие земельные участки или занимающихся торговлей.

¹ Подробности у А. М. Никольского: «Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных».

пищу, в сахалинских метрических книгах и в «ведомости происшествий» стала появляться новая причина смерти — «задран медведем», и в настоящее время медведь уже третируется, как грозное явление природы, с которым приходится бороться не на шутку. Встречаются также олень и кабарга, выдра, россомаха, рысь, редко волк и еще реже горностаи и тигр¹. Несмотря на такое богатство дичи, охота как промысел в колонии почти не существует.

Ссылные-кулаки, наживающие здесь состояния торговлей, промышленяют обыкновенно и мехами, которые они приобретают у инородцев за бесценки и в обмен на спирт, но уж это относится не к охоте, а к промышленности иного рода. Охотники из ссыльных здесь все наперечет, их очень немного. В большинстве это не промышленники, а охотники по страсти, любители, охотящиеся с плохими ружьями и без собаки, только ради забавы. Убитую дичь они сбывают за бесценки или пропивают. В Корсаковске один поселенец, продавая мне убитого им лебедя, запросил

¹ Волки держатся далеко от жилищ, так как боятся домашних животных. Чтобы такое объяснение не показалось невероятным, я укажу на другой подобный же пример: Буссе пишет, что айно, увидев в первый раз в жизни свиней, испугались; да и Миддендорф говорит, что когда на Амуре в первый раз были разведены овцы, то волки не трогали их. Дикае олени распространены особенно на западном берегу северной части острова; здесь зимою они собираются на тундре, весною же, по словам Глена, когда они ходят к морю, чтобы лизать соль, их можно видеть в бесчисленном множестве стадами на широких равнинах этой части острова. Из птиц водятся гусь, утки разных пород, белая куропатка, глухарь, рябчик, кроншнеп, вальдшнеп; тяга продолжается до июня. Я приехал на Сахалин в июле, когда в тайге была уже гробовая тишина; остров казался безжизненным, и приходилось верить наблюдателям на слово, что тут водятся камчатский соловей, синица, дрозд и чиж. Черных ворон много, сороч и скворцов нет. Поляков видел на Сахалине только одну деревенскую ласточку, да и та, по его мнению, попала на остров случайно, потому что заблудилась. Мне однажды показалось, что я вижу в траве перепелку; взглядевшись попристальнее, я увидел маленького красивого зверька, которого зовут бурндуком. В северных округах это самое маленькое млекопитающее. По А. М. Никольскому, тут нет домашней мыши, между тем в бумагах, относящихся еще к началу колонии, уже упоминаются «упыл, утрус и мышеедие».

«три рубля или бутылку водки». Надо думать, что охота в ссыльной колонии никогда не примет размеров промысла, именно потому, что она ссыльная. Чтобы промышлять охотой, надо быть свободным, отважным и здоровым, ссыльные же, в громадном большинстве, люди слабохарактерные, нерешительные, неврастеники; они на родине не были охотниками и не умеют обращаться с ружьем, и их угнетенным душам до такой степени чуждо это вольное занятие, что поселенец в нужде скорее предпочтет, под страхом наказания, зарезать теленка, взятого из казны в долг, чем пойти стрелять глухарей или зайцев. Да и едва ли может быть желательным широкое развитие этого промысла в колонии, куда для исправления присылаются главным образом убийцы. Нельзя позволить бывшему убийце часто убивать животных и совершать те зверские операции, без которых не обходится почти ни одна охота,— например, закалывать раненого оленя, прикусывать горло подстреленной куропатке и т. п.

Главное богатство Сахалина и его будущность, быть может, завидная и счастливая, не в пушном звере и не в угле, как думают, а в периодической рыбе. Часть, а быть может, и вся масса веществ, уносимая реками в океан, ежегодно возвращается материку обратно в виде периодической рыбы. *Кета*, или кита, рыба из лососевых, имеющая размеры, цвет и вкус нашей семги, населяющая северную часть Великого океана, в известный период своей жизни входит в некоторые реки Северной Америки и Сибири и с неудержимою силой, в количестве буквально бесчисленном, мчится вверх против течения, доходя до самых верхних, горных потоков. На Сахалине это бывает в конце июля или в первой трети августа. Масса рыбы, наблюдаемая в это время, бывает так велика и ход ее до такой степени стремителен и необычаен, что кто сам не наблюдал этого замечательного явления, тот не может иметь о нем настоящего понятия. О быстроте хода и о тесноте можно бывает судить по поверхности реки, которая, кажется, кипит, вода принимает рыбий вкус, весла вязнут и, задевая за рыбу, подкидывают ее. В устье рек кета входит здо-

ровая и сильная, но затем безостановочная борьба с быстрым течением, теснота, голод, трение и ушибы о карчи и камни истощают ее, она худеет, тело ее покрывается кровоподтеками, мясо становится дряблым и белым, зубы оскаливаются; рыба меняет свою физиономию совершенно, так что люди непосвященные принимают ее за другую породу и называют не кетой, а зубаткой. Она ослабевает мало-помалу и уже не может сопротивляться течению и уходит в затоны или же стоит за карчей, уткнувшись мордой в берег; здесь ее можно брать прямо руками, и даже медведь достает ее из воды лапой. В конце концов, изнуренная половым стремлением и голодом, она погибает, и уже в среднем течении реки начинают встречаться во множестве уснувшие экземпляры, а берега в верхнем течении бывают усеяны мертвой рыбой, издающей зловоние. Все эти страдания, переживаемые рыбой в период любви, называются «кочеванием до смерти», потому что неизбежно ведут к смерти, и ни одна из рыб не возвращается в океан, а все погибают в реках. «Неодолимые порывы эротического влечения до издыхания,— говорит Миддендорф,— цвет идеи кочевания; и такие идеалы в тупоумной влажно-холодной рыбе!»

Не менее замечателен ход *сельди*, которая периодически появляется по побережьям моря весной, обыкновенно во второй половине апреля. Сельдь идет громадными стадами, «в невероятном количестве», по выражению очевидцев. Приближение сельди всякий раз узнается по следующим характерным признакам: круговая полоса белой пены, захватывающая на море большое пространство, стаи чаек и альбатросов, киты, пускающие фонтаны, и стада сивучей. Картина чудесная! Китов, следующих в Аниве за сельдью, такое множество, что корабль Крузенштерна был окружен ими и на берег должно было ездить «с осторожностью». Во время хода сельди море представляется кипящим¹.

¹ Один из авторов видел японскую сеть, которая «занимала в море окружность в три версты и, прикрепленная к берегу, обрывать род мешка, откуда постепенно вычерпывали сель-

Нет возможности даже приблизительно определить, какое количество рыбы может быть поймано каждый раз во время ее хода в сахалинских реках и у побережий. Тут годилась бы всякая очень большая цифра.

Во всяком случае, без преувеличения можно сказать, что при широкой и правильной организации рыбных ловель и при тех рынках, какие давно уже существуют в Японии и Китае, ловля периодической рыбы на Сахалине могла бы приносить миллионные доходы. Когда еще на юге Сахалина распоряжались японцы и рыбные ловли в их руках едва начинали развиваться, то уж рыба приносила около полумиллиона рублей ежегодно. По расчету Мишуля, добывание ворвани в южной части Сахалина требовало 611 котлов и до 15 000 саж. дров, и одна лишь сельдь давала 295 806 руб. в год.

С занятием Южного Сахалина русскими рыбные ловли перешли в стадий упадка, в котором находятся до сего дня. «Где недавно кипела жизнь, давая пищу инородцам-аинцам и солидные барыши промышленникам,— писал в 1880 г. Л. Дейтер¹,— там теперь почти пустыня». Рыбные ловли, производимые теперь в обоих северных округах нашими ссыльными, ничтожны, иначе их и назвать нельзя. Я был на Тыми, когда уже в верховьях шла кета и на зеленых берегах там и сям попадались одинокие фигуры рыболовов, вытаскивавших крючками на длинных палках полуживую рыбу. В последние годы администрация, ищущая заработков для поселенцев, стала делать им заказы на соленую рыбу. Поселенцы получают соль

дей». Буссе в своих записках говорит: «Японские невода часты и чрезвычайно велики. Один невод окружает пространство сажен на 70 от берега. Но каково было мое удивление, когда, не дотавив невод сажен на 10 от берега, японцы оставили его в воде, потому что эти 10 сажен невод до того был наполнен сельдями, что, несмотря на все усилия 60 работников, они не могли более притянуть невод к берегу... Гребцы, закладывая весла для гребки, выбрасывали ими по нескольку сельдей и жаловались, что они мешают грести». Ход сельди и ловля ее японцами подробно описаны у Буссе и Мишуля.

¹ «Морская газета» 1880 г., № 3.

по льготной цене и в долг, тюрьма затем покупает у них рыбу по дорогой цене, чтобы поощрить их, но об этом их новом ничтожном заработке стоит упомянуть только потому, что тюремные щи из рыбы местного поселенческого приготовления, по отзывам арестантов, отличаются особо отвратительным вкусом и нестерпимым запахом. Ловить и заготавливать рыбу поселенцы не умеют, и никто их этому не учит; тюрьма в районе теперешних ловель забрала себе лучшие места, им же предоставила пороги и мели, где они рвут свои дешевые самодельковые сети о карчи и камни. Когда я был в Дербинском, там каторжные ловили для тюрьмы рыбу. Начальник острова ген. Кононович приказал собраться поселенцам и, обратясь к ним с речью, упрекнул их, что в прошлом году они продали в тюрьму рыбу, которую нельзя было есть. «Каторжный — ваш брат, а мой сын, — сказал он им. — Обманывая казну, вы этим самым наносите вред вашему брату и моему сыну». Поселенцы согласились с ним, но по их лицам видно было, что и в будущем году брат и сын будут есть вонючую рыбу. Даже если поселенцы как-нибудь научатся заготавливать рыбу, то все-таки этот новый заработок не даст населению ничего, так как санитарный надзор рано или поздно должен будет запретить употребление в пищу рыбы, пойманной в верховьях.

На тюремных рыбных ловлях в Дербинском я присутствовал 25 августа. Надолго затянувшийся дождь наводил на всю природу уныние; было трудно ходить по скользкому берегу. Сначала мы зашли в сарай, где 16 каторжных под руководством Василенки, бывшего таганрогского рыбалки, солили рыбу. Было уже посолено 150 бочек, около 2000 пудов. Впечатление такое, что если бы Василенко не попал на каторгу, то никто бы тут не знал, как надо обращаться с рыбой. Из сарая спуск к берегу, на котором 6 каторжных очень острыми ножами пластают рыбу, выбрасывая ее внутренности в реку; вода красная, мутная. Тяжелый запах рыбы и грязи, смешанной с рыбьей кровью. В стороне группа каторжных — все мокрые и босиком или в чирках — закидывает небольшой невод. При мне

вытащили два раза, и в оба раза невод был полон. Вся кета имеет крайне подозрительный вид. У всех оскалены зубы, сгорбились спины и тела покрыты пятнами. Почти у каждой рыбы брюхо окрашено в бурый или зеленый цвет, выделяются жидкие испражнения. Выброшенная на берег рыба засыпает очень скоро, если она уже не заснула в воде или пока билась в неводе. Те немногие экземпляры, на которых не было пятен, назывались серебрянками; их бережно откладывали в сторону, но не для тюремного котла, а «на балычки».

Здесь нетвердо знают естественную историю рыбы, заходящей периодически в реки, и еще нет убеждения, что ее следует ловить только в устьях и в нижнем течении, так как выше она становится уже негодной. Плывая по Амуру, я слышал от местных старожилов жалобы, что у устья-де вылавливают настоящую кету, а до них доходит только зубатка; и на пароходе шли разговоры о том, что пора упорядочить рыбные ловли, то есть запретить их в нижнем течении¹. В то время как в верховьях Тыми тюрьма и поселенцы ловили тощую, полуживую рыбу, в устье ее контрабандным образом промышляли японцы, загородив частоколом реку, а в нижнем течении гильяки ловили для своих собак рыбу несравненно более здоровую и вкусную, чем та, которая заготавливалась в Тымовском округе для людей. Японцы нагружали джонки и даже большие суда, и то красивое судно, которое Поляков в 1881 г. встретил у устья Тыми, вероятно, приходило сюда и этим летом.

¹ Кстати сказать, на Амуре, очень богатом рыбою, рыбные промыслы организованы довольно слабо, и, как кажется, потому, что промышленники скупают пригласить из России специалистов. Здесь, например, ловят во множестве осетров, но никак не могут приготовить икру так, чтобы она походила на русскую, хотя бы по внешнему виду. Искусство здешних промышленников остановилось на кетовых балыках и не пошло дальше. Г-н Л. Дейтер писал в «Морской газете» (1880 г., № 6), что будто бы некогда на Амуре составила компания рыбного промысла (из капиталистов), затеяли дело на широких основаниях и сами себя угощали икрой, фунт которой им самим обходился, как говорят, от 200 до 300 рублей серебром.

Чтобы рыболовство получило значение серьезного промысла, надо придвинуть колонию ближе к устью Тыми или Пороная. Но это не единственное условие. Необходимо также, чтобы с ссыльным населением не конкурировал свободный элемент, так как нет такого промысла, в котором, при столкновении интересов, свободные не брали бы верха над ссыльными. Между тем с поселенцами конкурируют японцы, производящие ловлю контрабандным образом или за пошлины, и чиновники, забирающие лучшие места для тюремных ловель, и уже близко время, когда с проведением сибирской дороги и развитием судоходства слухи о невероятных богатствах рыбы и пушного зверя привлекут на остров свободный элемент; начнется иммиграция, организуются настоящие рыбные ловли, в которых ссыльный будет принимать участие не как хозяин-промышленник, а лишь как батрак, затем, судя по аналогии, начнутся жалобы на то, что труд ссыльных во многих отношениях уступает труду свободных, даже манз и корейцев; с точки зрения экономической, ссыльное население будет признано бременем для острова, и с увеличением иммиграции и развитием оседлой и промышленной жизни на острове само государство найдет более справедливым и выгодным стать на сторону свободного элемента и прекратить ссылку. Итак, рыба составит богатство Сахалина, но не ссыльной колонии¹.

¹ Для тех ссыльных, которые живут теперь у устьев небольших речек и у моря, рыболовство может служить подспорьем в хозяйстве и давать некоторый заработок, но для этого надо снабжать их хорошими сетями, селить у моря только тех, кто и на родине жил у моря, и т. д.

В настоящее время японские суда, которые являются на юг Сахалина для ловли рыбы, платят пошлину по 7 к. с пуда золотом. Обложены пошлиной также все продукты, приготовленные из рыбы, например удобрительный тук, селедочный и тресковый жир, но доход со всех этих пошлин не достигает и 20 тысяч, и это почти единственный доход, получаемый нами от эксплуатации сахалинских богатств.

Кроме кеты, в сахалинские реки периодически заходят также родственные ей горбуша, кунджа или гой и чевица; постоянно живут в пресных водах Сахалина форель, щука, чебак, карась, пескарь и корюшка, которая называется огуречником, так как

О добыче морской капусты я говорил уже при описании селения Мауки. На этом промысле в период времени с 1 марта по 1 августа поселенец зарабатывает от 150 до 200 рублей; треть заработка идет на харчи, а две трети ссыльный приносит домой. Это хороший заработок, но, к сожалению, он пока возможен только для поселенцев Корсаковского округа. Плату за труды рабочие получают задельную, и потому размер самого заработка находится в прямой зависимости от навыка, усердия и добросовестности,—

сильно пахнет свежим огурцом. Из морских рыб, кроме сельди, ловятся треска, камбала, осетр, бычок, который здесь так велик, что глотает корюшку целиком. В Александровске один каторжный промышляет длиннохвостыми раками, очень вкусными, которые называются здесь чиримсами или шримсами.

Из морских млекопитающих у берегов Сахалина водятся в громадном количестве киты, сивучи, или морские львы, тюлени и котики. Подходя на «Байкале» к Александровску, я видел много китов, которые гуляли парочками по проливу и резвились. Близ западного берега Сахалина возвышается над морем одинокая скала, называемая «Камнем Опасности». Очевидец, находившийся на шхуне «Ермак» и хотевший исследовать этот камень, писал. «Еще за 1½ мили от камня нам стало очевидным, что скала занята сплошь громадными сивучами. Рев этого громадного дикого стада поразил нас; звери достигали баснословной величины, так что издали казались целыми скалами... Сивучи были величиною около 2 саженей и более... Кроме сивучей, как скала, так и море вокруг камня кишели морскими котиками» («Владивосток» 1886 г., № 29). О том, каких размеров могут в наших северных морях достигать китоловный и тюлений промыслы, видно из страшной цифры, приводимой одним из авторов: по вычислениям американских китоловных арматоров, в продолжение 14 лет (до 1861 г.) вывезено из Охотского моря жиру и уса на двести миллионов рублей (В. Зышевский, Замечания о китоловном промысле в Охотском море — «Морской сборник» 1863 г., № 4). Но, несмотря на их, по-видимому, блестящее будущее, эти промыслы не обогатят ссыльной колонии, потому именно, что она ссыльная. По свидетельству Брема, «охота за тюленями есть повальная, беспощадная бойня, где грубость соединяется с совершенною бесчувственностью. Поэтому и не говорят — охотиться за тюленями, а бить тюленей». И «самые дикие племена поступают при этой охоте гораздо человечнее цивилизованного европейца». А когда убивают палками котиков, то мозг брызжет во все стороны и глаза у бедных животных выскакивают из орбит. Ссылных, особенно тех, которые прислапы за убийство, должно беречь от подобных зрелищ.

качества, которыми обладает далеко не всякий ссыльный, потому и не всякий ходит в Мауку¹.

Среди ссыльных много плотников, столяров, портных и проч., но большинство их сидит без дела или занимается хлебопашеством. Один каторжный слесарь делает берданки и уже четыре продал на материк, другой — делает оригинальные цепочки из стали, третий — лепит из гипса; но все эти берданки, цепочки и очень дорогие шкатулки так же мало рисуют экономическое положение колонии, как и то, что один поселенец на юге собирает по берегу китовую кость, а другой — добывает трепангу. Все это случайно. Те изящные и дорогие поделки из дерева, которые были на тюремной выставке, показывают только, что на каторгу попадают иногда очень хорошие столяры; но они не имеют никакого отношения к тюрьме, так как не тюрьма находит им сбыт и не тюрьма обучает каторжных мастерствам; до последнего времени она пользовалась трудом уже готовых мастеров. Предложение труда мастеров значительно превышает спрос. «Тут даже фальшивых бумажек сбывать негде», — сказал мне один каторжный. Плотники работают по 20 коп. в день на своих харчах, а портные шьют за водку².

Если теперь подвести итог доходам, какие получает в среднем ссыльный от продажи зерна в казну, охоты, рыболовства и проч., то получится довольно

¹ Благодаря морской капусте и сравнительно мягкому климату юго-западное побережье я считаю единственным пока местом на Сахалине, где ссыльная колония возможна. В 1885 г. в одном из заседаний «Общества изучения Амурского края» было прочитано интересное сообщение о морской капусте теперешнего владельца промысла Я. Л. Семенова Сообщение это напечатано во «Владивостоке» 1885 г., №№ 47 и 48.

² До сих пор мастера находили себе заработок только в постах у чиновников и богатых ссыльных. К чести местной интеллигенции сказать, за услуги мастеров она платит всегда щедро. О таких случаях, как доктор, кладущий в околоток сапожника под видом больного, чтобы тот шил для его сына сапоги, или чиновник, записывающий к себе в прислуги модистку, которая шьет даром на его жену и детей, — о таких случаях говорят здесь как о печальных исключениях.

жалкая цифра: 29 руб. 21 коп.¹. Между тем каждое хозяйство должно в казну в среднем 31 р. 51 коп. Так как в сумму дохода вошли также кормовые и пособия от казны и деньги, полученные по почте, и так как доход ссыльного составляет главным образом из заработков, которые дает ему казна, платя ему подчас умышленно высокую цену, то добрая половина дохода оказывается фикцией, и долг в казну на самом деле выше, чем он показан.

ХІХ

*Пища ссыльных.— Что и как едят арестанты — Одежда.—
Церковь.— Школа.— Грамотность.*

Сахалинский ссыльный, пока состоит на казенном довольствии, получает ежедневно: 3 ф. печеного хлеба, 40 зол. мяса, около 15 зол. крупы и разных приварочных продуктов на 1 копейку; в постный же день мясо заменяется 1 фунтом рыбы. Для определения, насколько эта дача согласуется с истинными потребностями ссыльного, далеко недостаточно общепринятого кабинетного приема, заключающегося в сравнительной и притом чисто внешней оценке цифровых данных, относящихся к пищевому довольствию разных групп населения за границей и в России. Если в саксонских и прусских тюрьмах заключенные получают мясо только три раза в неделю, каждый раз в количестве, не достигающем и $\frac{1}{5}$ фунта, и если тамбовский крестьянин съедает 4 ф. хлеба в день, то это не значит, что сахалинский ссыльный получает много мяса и мало хлеба, а значит только, что германские тюрьмоведы боятся быть заподозренными в ложной филантропии и что пища тамбовского мужика отличается большим содержанием хлеба. Очень важно в практическом отношении, чтобы оценка пищевых порционов какой-либо группы населения начиналась не с количественного, а качественного их анализа, и при этом изучались бы естественные и бытовые усло-

¹ По данным инспектора сельского хозяйства.

вия, при которых эта группа живет; без строгой же индивидуализации решение вопроса будет односторонне и убедительно, пожалуй, для одних только формалистов.

Однажды я и инспектор сельского хозяйства г. фон Фрикен возвращались из Красного Яра в Александровск: я в тарантасе, он верхом. Было жарко, а в тайге душно. Арестанты, работавшие на дороге между постом и Красным Яром без шапок и в мокрых от поту рубахах, когда я поравнялся с ними, неожиданно, приняв меня, вероятно, за чиновника, остановили моих лошадей и обратились ко мне с жалобой на то, что им выдают хлеб, которого нет возможности есть. Когда я сказал, что лучше бы им обратиться к начальству, то мне ответили:

— Мы говорили старшему надзирателю Давыдову, а он нам: вы — бунтовщики.

Хлеб был в самом деле ужасный. При взломе он отсвечивал на солнце мельчайшими капельками воды, прилипал к пальцам и имел вид грязной, осклизлой массы, которую неприятно было держать в руках. Мне было поднесено несколько порций, и весь хлеб был одинаково недопечен, из дурно смолотой муки и, очевидно, с невероятным припеком. Пекли его в Ново-Михайловке под наблюдением старшего надзирателя Давыдова.

Три фунта хлеба, входящие в пищевой пай, очень часто, вследствие злоупотреблений припеком, содержат муки гораздо меньше, чем следует по табели¹. Хлебопеки-каторжные в только что упомянутой Ново-Михайловке свою порцию хлеба продавали, а сами питались избытком, который получался от припека. В Александровской тюрьме те, которые довольствуются из котла, получают порядочный хлеб, живущим же по квартирам выдается хлеб похуже, а работающим вне поста — еще хуже; другими словами, хорош только тот хлеб, который может попасться на глаза

¹ «Табель о довольствии ссыльнокаторжных мужчин и женщин пищею» составлена на основании высочайше утвержденного 31 июля 1871 г. положения о провиантском и приварочном довольствии войск.

начальнику округа или смотрителю. Чтобы увеличить припек, хлебопеки и надзиратели, прикосновенные к пищевому довольствию, пускаются на разные ухищрения, выработанные еще сибирскою практикой, из которых, например, обваривание муки кипятком — одно из самых невинных; чтоб увеличить вес хлеба, когда-то в Тымовском округе муку мешали с просеянной глиной. Злоупотребления подобного рода совершаются тем легче, что чиновники не могут целый день сидеть в пекарне и сторожить или осматривать каждую порцию, а жалоб со стороны арестантов почти никогда не бывает¹.

Независимо от того, хорош хлеб или плох, съедается обыкновенно не весь паек. Арестант ест его с расчетом, так как, по обычаю, давно уже установившемуся в наших тюрьмах и в ссылке, казенный хлеб служит чем-то вроде ходячей разменной монеты. Хлебом арестант платит тому, кто убирает камеру, кто работает вместо него, кто мирволит его слабостям; хлебом он платит за иголки, нитки и мыло; чтобы разнообразить свою скудную, крайне однообразную, всегда соленую пищу, он копит хлеб и потом меняет в майдане на молоко, белую булку, сахар, водку... Кавказские уроженцы в большинстве болеют от чер-

¹ Припек — это демон-искуситель, перед чарами которого устоять, как оказывается, очень трудно. Благодаря ему очень многие потеряли совесть и даже жизнь. Смотритель Селиванов, о котором я упоминал уже, пал жертвой припека, так как был убит хлебопеком-каторжным, которого распекал за то, что у того выходило мало припеку. В самом деле, есть из-за чего похлопотать. Положим, что в Александровской тюрьме пекут хлеб для 2870 человек. Если удержать с каждого пайка только по 10 зол., то получится около 300 фунтов в день. Вообще операции с хлебом очень выгодны. Так, например, чтобы сделать растрату 10 тысяч пудов муки и потом покрыть ее исподволь мукою же, удерживаемую по золотникам с арестантских пайков, достаточно 2—3 лет.

Поляков писал: «Хлеб в Мало-Тымовском поселении был до такой степени плох, что не всякая собака решается есть его; в нем была масса неперемолотых, целых зерен, мякины и соломы; один из присутствовавших при осмотре хлеба моих сотоварищей справедливо заметил: «Да, этим хлебом так же легко завязать все зубы, как и найти в них зубочистку для их очистки».

ного хлеба и стараются поэтому спускать его. И таким образом, если следуемые по табели три фунта кажутся вполне достаточными в количественном отношении, то при знакомстве с качеством хлеба и с бытовыми условиями тюрьмы, это достоинство пайка становится призрачным, и цифры уже теряют свою силу. Мясо употребляется в пищу только соленое, рыба также;¹ дают их в вареном виде, в супе. Тюремный суп или похлебка представляет полужидкую кашу от разварившейся крупы и картофеля, в которой плавают красные кусочки мяса или рыбы и которую хватают некоторые чиновники, но сами не решаются есть. Суп, даже тот, который варят для больных, имеет очень соленый вкус. Ожидают ли в тюрьме посетителей, виден ли на горизонте паровой дым, поругались ли в кухне надзиратели или кашевары — все это обстоятельства, которые имеют влияние на вкус супа, его цвет и запах; последний часто бывает противен, и даже перец и лавровый лист не помогают. Особенно дурною славою в этом отношении пользуется суп из соленой рыбы — и понятно почему: во-первых, этот продукт легко портится, и потому обыкновенно спешат пускать в дело ту рыбу, которая уже начала портиться; во-вторых, в котел поступает и та большая рыба, которую в верховьях ловят каторжные поселенцы. В Корсаковской тюрьме одно время кормили арестантов супом из соленой селедки; по словам заведующего медицинской частью, суп этот отличался безвкусицей, селедка очень скоро разваривалась на мелкие кусочки, присутствие мелких костей затрудняло проглатывание и производило катары желудочно-кишечного канала. Как часто аре-

¹ Случается, в тюрьме варят похлебку из свежего мяса; это значит, что медведь задрал корову или произошло какое-нибудь несчастье с казенным быком или коровой. Но к подобной убоине арестанты часто относятся как к падали и отказываются есть ее. Вот еще строки из Полякова: «Очень нехороша была также и местная солонина; она готовилась из мяса казенных быков, истощенных работой на плохих и трудных дорогах и убитых нередко накануне гибели, если им не перерезывалось горло полуиздохшим» Во время хода периодической рыбы арестантов кормят свежей рыбой, отпуская по одному фунту на человека.

станты выплескивают из мисок суп за невозможностью есть его, неизвестно, но это бывает¹.

Как едят арестанты? Столовых нет. В полдень к бараку или пристройке, в которой помещается кухня, тянутся арестанты гусем, как к железнодорожной кассе. У каждого в руках какая-нибудь посуда. К этому времени суп обыкновенно бывает уже готов и, разваренный, «преет» в закрытых котлах. У кашевара к длинной палке приделан «бочо́к», которым он черпает из котла и каждому подходящему наливает порцию, причем он может зачерпнуть бочко́м сразу две порции мяса или ни одного кусочка, смотря по желанию. Когда наконец подходят самые задние, то суп уже не суп, а густая тепловатая масса на дне котла, которую приходится разбавлять водой². Получив свои порции, арестанты идут прочь; одни едят на ходу, другие сидя на земле, третьи у себя на нарах. Надзора за тем, чтобы все непременно ели, не продавали и не меняли своих порций, нет. Никто не спрашивает о том, все ли обедали, не заснул ли кто; и если тем, которые распоряжаются в кухне, сказать, что на каторге, в среде угнетенных и нравственно исковерканных людей, немало таких, за которыми надо следить, чтобы они ели, и даже кормить их насильно, то это замечание вызовет только недоумелое выражение на лицах и ответ: «Не могу знать, ваше высокоблагородие!»

¹ Все это администрации известно. По крайней мере вот мнение на этот счет самого начальника острова: «В местных операциях по приварочному довольствию каторжных есть обстоятельства, невольно набрасывающие на это дело сомнительную тень» (Приказ № 314, 1888 г.). Если чиновник говорит, что он целую неделю или месяц питался арестантскою пищею и чувствовал себя прекрасно, то это значит, что в тюрьме для него готовили особо.

² Как легко кашеварам ошибиться и приготовить по объему больше или меньше порций, видно из тех количеств, которые кладутся в котел. В Александровской тюрьме 3 мая 1890 г. довольствовались из котла 1279 чел.; в котлы было положено: 13¹/₂ пуд. мяса, 5 пуд. рису, 1¹/₂ пуда муки на подболтку, 1 пуд соли, 24 пуда картофеля, ¹/₃ ф. лаврового листу и ²/₃ ф. перцу; в той же тюрьме 29 сентября для 675 человек: 17 п. рыбы, 3 п. крупы, 1 п. муки, ¹/₂ п. соли, 12¹/₂ п. картофеля, ¹/₆ ф. листу и ¹/₃ ф. перцу.

Из тех, которые получают казенный пай, довольствуются из тюремного котла только 25—40%¹, остальным же провизия выдается на руки. Это большинство делится на две категории: одни съедают пай у себя на квартирах со своими семьями или половинщиками, другие, командированные на работы далеко за пределы тюрьмы, съедают его там, где работают. Каждый рабочий из второй категории, по окончании рабочего урока, варит для себя обед отдельно в жестяном котелке, если не мешает дождь и если после тяжелой работы не клонит ко сну; он устал, голоден и часто, чтобы не хлопотать долго, съедает соленое мясо и рыбу в сыром виде. Если он уснул во время обеда, продал или проиграл в карты свой пай, или испортилась у него провизия, размок на дожде хлеб, то все это не касается надзора. Случается, некоторые съедают трех- и четырехдневную дачу в один день, а затем едят только хлеб или голодают, причем, по словам заведующего медицинской частью, работая на берегу моря и рек, не брезгают выброшенными ракушками и рыбой, а тайга дает различные корни, подчас ядовитые. Работавшие в рудниках, по свидетельству горного инженера Кеппена, ели сальные свечи².

¹ 3 мая в Александровской тюрьме из 2870 чел. довольствовались из котла 1279, а 29 сентября из 2432 чел. только 675.

² Администрация и местные врачи находят довольствие, получаемое арестантами, недостаточным и в количественном отношении. По данным, взятым мною из медицинского отчета, пай содержит в граммах: белка — 142,9, жиров — 37,4, углеводов — 659,9 в скоромные дни и 164,3, 40,0 и 671,4 — в постные. По Эрисману, скоромная пища наших фабричных содержит жиров 79,3, а постная — 67,4 гр. Чем больше человек работает, чем сильнее и продолжительнее физическое напряжение, тем больше, по правилам гигиены, он должен получать жиров и углеводов. О том, как мало надежды можно возлагать в этом отношении на хлеб и суп, читатель может судить по всему вышесказанному. Рудничные арестанты в четыре летние месяца получают усиленное довольствие, состоящее из 4 ф. хлеба и 1 ф. мяса и 24 золотн. крупы; по ходатайству местной администрации, такую же порцию стали назначать и тем рабочим, которые заняты на дорожных работах. В 1887 г. на Сахалине, по мысли начальника главного тюремного управления, был поднят вопрос «о возможности изменения существующей на о. Сахалине табели с целью уде-

Поселенцы в первые два и редко три года по увольнении от работ получают довольствие от казны и затем кормятся на свой счет и свой страх. Цифр или каких-нибудь документальных данных, относящихся к питанию поселенцев, нет ни в литературе, ни в канцеляриях; но если судить по личным впечатлениям и тем отрывочным сведениям, какие можно собрать на месте, то главную пищу в колонии составляет картофель. Он и еще корнеплоды, как репа и брюква, часто бывают единственной пищей семьи в течение очень долгого времени. Свежую рыбу едят только во время хода ее, соленая же доступна по цене только более

шевления стоимости продовольствия ссыльнокаторжных без ущерба для питания организма» и были произведены опыты продовольствия по способу, рекомендованному Доброславиным. Покойный профессор, как видно из его рапорта, находил неудобным «ограничивать размер пищи, уже столько лет выдаваемой ссыльнокаторжным, не входя в ближайшее изучение тех условий работы и содержания, в которые эти арестанты поставлены, так как едва ли можно составить здесь точное понятие о качествах того мяса и хлеба, которые на месте выдаются»; тем не менее все-таки он находил возможным ограничение в году употребления дорогих мясных порций и предложил три таблицы: две скромных и одну постную. На Сахалине эти таблицы были предложены на рассмотрение комиссии, назначенной под председательством заведующего медицинской частью. И сахалинские врачи, участвовавшие в ней, оказались на высоте своего призвания. Они, не обинуясь, заявили, что, ввиду условий работ на Сахалине, сурового климата, усиленного труда во всякое время года и при всякой погоде, отпускаемого теперь довольствия недостаточно, что продовольствие по таблицам проф. Доброславина, несмотря даже на сокращение мясных порций, обойдется гораздо дороже, чем по существующей таблице. Отвечая на главный пункт вопроса, касающийся удешевления порций, они предложили свои собственные таблицы, которые, однако, обещали совсем не те сбережения, каких хотело тюремное ведомство. «Сбережения материального не будет,— писали они,— но взамен того можно ожидать улучшения количества и качества арестантского труда, уменьшения числа больных и слабосильных, подыметя общее состояние здоровья арестантов, что отразится благоприятно и на колонизации Сахалина, дав для этой цели полных сил и здоровья поселенцев». Это «Дело канцелярии начальника о-ва Сахалина» об изменении таблицы с целью удешевления содержит в себе 20 всевозможных рапортов, отношений и актов и заслуживает, чтобы с ним короче познакомилась лица, интересующиеся тюремною гигиеной.

зажиточным¹. О мясе и говорить нечего. Те, которые имеют коров, предпочитают продавать молоко, чем есть его; держат они его не в глиняной посуде, а в бутылках — признак, что оно продается. Вообще продукты своего хозяйства поселенец продает очень охотно, даже в ущерб своему здоровью, так как, по его соображениям, деньги ему нужнее здоровья: не скопивши денег, не уедешь на материк, а наесться досыта и поправить здоровье можно будет со временем, на воле. Из некультурных растений употребляются в пищу черемша и разные ягоды, как морошка, голубика, клюква, моховка и проч. Можно сказать, что ссыльные, живущие в колонии, едят исключительно растительную пищу, и это справедливо, по крайней мере для громадного большинства. Во всяком случае, пища их отличается скудным содержанием жиров, и в этом отношении они едва ли счастливее тех, которые довольствуются из тюремного котла².

Одежды и обуви арестанты, по-видимому, получают достаточно. Каторжным, как мужчинам, так и женщинам, выдается по армяку и полушубку ежегодно, между тем солдат, который работает на Сахалине не меньше каторжного, получает мундир на три, а шинель на два года; из обуви арестант изнашивает в год четыре пары чирков и две пары бродней, солдат же — одну пару голенищ и 2½ подошв. Но солдат поставлен в лучшие санитарные условия, у него есть постель и место, где можно в дурную погоду обсушиться, каторжный же поневоле должен гноить свое платье и обувь, так как, за неимением постели, спит на армяке и на всяких обносках, гниющих и своими испарениями портящих воздух, а обсушиться ему негде; зачастую он и спит в мокрой одежде, так что, пока каторжного не поставят в более человеческие

¹ В лавочках копченая кета продается по 30 к. за штуку.

² Здешние инородцы, как я уже говорил, употребляют в пищу очень много жиров, и это, несомненно, помогает им в борьбе с низкой температурой и чрезмерною влажностью. Мне говорили, что где-то по восточному побережью или на соседних островах промышленники-русские тоже уже начинают мало-помалу употреблять в пищу китовый жир.

условия, вопрос, насколько одежда и обувь удовлетворяют в количественном отношении, будет открытым. Что касается качества, то тут повторяется та же история, что с хлебом: кто живет перед глазами у начальства, тот получает лучшее платье, кто же в командировке, тот — худшее¹.

Теперь о духовной жизни, об удовлетворении потребностей высшего порядка. Колония называется исправительной, но таких учреждений или лиц, которые специально занимались бы исправлением преступников, на Сахалине нет; нет также на этот счет каких-либо инструкций и статей в «Уставе о ссыльных», кроме немногих указаний на случай, когда конвойный офицер или унтер-офицер может употребить против ссыльного оружие или когда священник должен «назидать в обязанностях веры и нравственности», объяснять ссыльным «важность даруемого облегчения» и т. п.; нет на этот счет и каких-либо определенных воззрений; но принято думать, что первенство в деле исправления принадлежит церкви и школе, а затем свободной части населения, которая своим авторитетом, тактом и личным примером значительно может способствовать смягчению нравов.

В церковном отношении Сахалин составляет часть епархии епископа камчатского, курильского и благовещенского². Епископы неоднократно посещали Сахалин, путешествуя с такою же простотой и претерпевая на пути такие же неудобства и лишения, как обыкновенные священники. В свои приезды, при за-

¹ Когда капитан Машинский делал просеку для телеграфа вдоль Пороная, то его рабочим-каторжным были присланы короткие рубахи, которые были впору только детям. Арестантское платье отличается рутинным, неуклюжим покроем, который стесняет в движениях рабочего человека, и потому во время нагрузки парохода или на дорожных работах вы не встретите каторжного, одетого в длиннополый армяк или халат; но неудобства от покроя на практике легко устраняются продажей и меной. Так как самым удобным для работы и вообще для жизни является обыкновенный крестьянский покрой, то большинство ссыльных ходит в вольном платье.

² Так как Курильские острова отошли к Японии, то епископу правильнее именоваться теперь сахалинским.

кладке церквей, освящении различных зданий¹ и обходе тюрем, они обращались к ссыльным со словами утешения и надежды. О характере их направляющей деятельности можно судить по следующей выдержке из резолюции преосвященного Гурия на одном из актов, хранящихся в корсаковской церкви: «Если не во всех у них (т. е. ссыльных) имеются вера и раскаяние, то во всяком случае у многих, что мною лично было усмотрено; не что иное, а именно чувство раскаяния и вера заставляли их горько плакать, когда я поучал их в 1887 и 1888 гг. Назначение тюрьмы, кроме кары за преступления, состоит и в возбуждении нравственно-добрых чувств в заключенных, особенно чтобы они в такой своей участи не дошли до совершенного отчаяния». Этот взгляд был присущ и младшим представителям церкви; сахалинские священники всегда держались в стороне от наказания и относились к ссыльным не как к преступникам, а как к людям, и в этом отношении проявляли больше такта и понимания своего долга, чем врачи или агрономы, которые часто вмешивались не в свое дело.

В истории сахалинской церкви до сих пор самое видное место занимает о. Симеон Казанский, или, как его называло население, поп Семен, бывший в семидесятих годах священником анивской или корсаковской церкви. Он работал в те еще «доисторические» времена, когда в Южном Сахалине не было дорог и русское население, особенно военное, было разбросано небольшими группами по всему югу. Почти все время поп Семен проводил в пустыне, передвигаясь от одной группы к другой на собаках и оленях, а летом по морю на парусной лодке, или пешком, через тайгу; он замерзал, заносило его снегом, захватывали по дороге болезни, донимали комары и медведи, опрокидывались на быстрых реках лодки и приходилось купаться в холодной воде; но все это переносил он с необыкновенною легкостью, пустыню называл любезной и не жаловался, что ему тяжело живется. В личных

¹ Об освящении еписк. Мартимианом Крильонского маяка см. «Владивосток» 1883 г., № 28.

сношениях с чиновниками и офицерами он держал себя как отличный товарищ, никогда не отказывался от компании и среди веселой беседы умел кстатi вставить какой-нибудь церковный текст. О каторжных он судил так: «Для создателя мира мы все равны», и это — в официальной бумаге¹. В его время сахалинские церкви были бедно обставлены. Как-то, освящая иконостас в анивской церкви, он так выразился по поводу этой бедности: «У нас нет ни одного колокола, нет богослужебных книг, но для нас важно то, что есть господь на месте сем». Я уже упоминал о нем при описании Поповских Юрт. Слух о нем через солдат и ссыльных прошел по всей Сибири, и поп Семен теперь на Сахалине и далеко кругом — легендарная личность.

В настоящее время на Сахалине четыре приходских церкви: в Александровске, Дуэ, Рыковском и Корсаковске². Церкви вообще не бедны, священникам полагается жалованья по тысяче рублей в год, в каждом приходе есть хор певчих, поющих по нотам и одетых в парадные кафтаны. Служба бывает только по воскресеньям и большим праздникам; накануне служат всенощную и затем в 9 часов утра обедню; вечерни не бывает. Каких-либо особых обязанностей, обусловленных исключительным составом населения, местные батюшки не несут, и их деятельность так же

¹ Оригинален тон его бумаг. Прося у начальства себе на помощь каторжного для исполнения должности причетника, он писал: «Что же касается до того, почему у меня нет штатного причетника, то это объясняется тем, что их в консистории налично нет, да если бы и были, то при условиях жития-бытия здешнего духовенства псаломщику невозможно существовать. Прежнее миновалось. Скоро, кажется, и мне придется из Корсакова удалиться в мою лубезную пустыню и сказать вам: се оставляю дом ваш пуст».

² В районе Рыковского прихода есть еще церковь в Малотымове, где бывает служба только в храмовой праздник в день Антония Великого, и в районе Корсаковского — три часовни: во Владимировке, Крестах и Галкине-Враском. Все сахалинские церкви и часовни построены на тюремные средства, трудами ссыльных, только одна корсаковская — на средства, пожертвованные командами «Всадника» и «Востока» и военными, жившими в посту.

обычна, как наших сельских священников, то есть заключается только в церковных службах по праздникам, требах и школьных занятиях. О каких-либо беседах, увещаниях и т. п. мне не приходилось слышать¹.

В великом посту каторжные говеют; на это дается им три утра. Когда говеют кандалные или живущие в Воеводской и Дуйской тюрьмах, то вокруг церкви стоят часовые, и это, говорят, производит удручающее впечатление. Каторжные чернорабочие обыкновенно в церковь не ходят, так как каждым праздничным днем пользуются для того, чтобы отдохнуть, починиться, сходить по ягоды; к тому же церкви здешние тесны и как-то само собою установилось, что ходить в церковь могут только одетые в вольное платье, то есть одна так называемая чистая публика. При мне, например, в Александровске всякий раз во время

¹ Проф Владимиров в своем учебнике уголовного права говорит, что каторжникам о переводе их в разряд исправляющихся объявляется с некоторою торжественностью. Вероятно, он имеет в виду 301 ст. «Устава о ссыльных», по которой каторжному о переводе его в названный разряд объявляется в присутствии высшего тюремного начальства и приглашенного к тому духовного лица, которое и проч. Но на практике эта статья неудобноисполнима, так как духовное лицо пришлось бы приглашать каждый день; да и подобного рода торжественность как-то не вяжется с рабочей обстановкой. Также не исполняется на практике закон об освобождении арестантов от работ в праздники, по которому исправляющиеся должны быть чаще освобождаемы, чем испытуемые. Такое деление каждый раз требовало бы много времени и хлопот.

Необычно в деятельности местных священников разве лишь то, что некоторые из них несут миссионерские обязанности. При мне еще на Сахалине находился иеромонах Иракий, родом бурят, без бороды и усов, из Посольского монастыря, что в Забайкалье; он пробыл на Сахалине 8 лет и в последние годы был священником в Рыковском приходе. По обязанности миссионера он ездил раз или два в год к Ныйскому заливу и по Поронаю крестить, приобщать и венчать инородцев. Им было просвещено до 300 орочей. Конечно, в путешествиях по тайге, да еще зимою, о каких-либо удобствах нельзя было и думать. На ночь о. Иракий залезал обыкновенно в мешок из бараньей шкуры; в мешке у него были и табак и часы. Спутники его раза два-три в ночь зажигали костер и согревались чаем, а он спал в мешке всю ночь.

обедни переднюю половину церкви занимали чиновники и их семьи; затем следовал пестрый ряд солдат, надзирательских жен и женщин свободного состояния с детьми, затем надзиратели и солдаты, и уже позади всех у стены поселенцы, одетые в городское платье, и каторжные писаря. Может ли, если пожелает, каторжный с бритой головой, с одним или двумя тузами на спине, закованный в кандалы или прикованный к тачке, пойти в церковь? Один из священников, которому я задал этот вопрос, ответил мне: «Не знаю».

Поселенцы говеют, венчаются и детей крестят в церквях, если живут близко. В дальние селения ездят сами священники и там «постят» ссыльных и кстати уж исполняют другие требы. У о. Ираклия были «викарии» в Верхнем Армудане и в Мало-Тымове, каторжные Воронин и Яковенко, которые по воскресеньям читали часы. Когда о. Ираклий приезжал в какое-нибудь селение служить, то мужик ходил по улицам и кричал во все горло: «Вылазь на молитву!» Где нет церквей и часовен, там служат в казармах или избах.

Когда я жил в Александровске, как-то вечером зашел ко мне здешний священник, о. Егор, и, посидевши немного, отправился в церковь венчать. И я пошел с ним. В церкви уже зажигали паникадило, и певчие с равнодушными лицами стояли на клиросе в ожидании молодых. Было много женщин, каторжных и свободных, с нетерпением поглядывавших на двери. Слышалось шушуканье. Вот кто-то у дверей взмахнул рукой и шепнул встревоженно: «Едут!» Певчие стали откашливаться. От дверей хлынула волна, кто-то строго крикнул, и, наконец, вошли молодые: наборщик-каторжный, лет 25, в пиджаке, с накрахмаленными воротничками, загнутыми на углах, и в белом галстуке, и женщина-каторжная, года на 3—4 старше, в синем платье с белыми кружевами и с цветком на голове. Постлали на ковре платок; жених первый ступил на него. Шафера, наборщики, тоже в белых галстуках. О. Егор вышел из алтаря, долго перелистывал на аналое книжку. «Благословен бог наш...» —

возгласил он, и венчание началось. Когда священник возлагал на головы жениха и невесты венцы и просил бога, чтобы он венчал их славою и честью, то лица присутствовавших женщин выражали умиление и радость, и, казалось, было забыто, что действие происходит в тюремной церкви, на каторге, далеко-далеко от родины. Священник говорил жениху: «Возвеличися, женише, яко же Авраам...» Когда же после венчания церковь опустела и запахло гарью от свечей, которые спешил тушить сторож, то стало грустно. Вышли на паперть. Дождь. Около церкви, в потемках, толпа, два тарантаса: на одном молодые, другой — порожнем.

— Батюшка, пожалуйста! — раздаются голоса, и к о. Егору протягиваются из потемок десятки рук, как бы для того, чтобы схватить его. — Пожалуйста! Удостойте!

О. Егора посадили в тарантас и повезли к молодым.

Восьмого сентября, в праздник, я после обедни выходил из церкви с одним молодым чиновником, и как раз в это время несли на носилках покойника; несли четверо каторжных, оборванные, с грубыми испитыми лицами, похожие на наших городских нищих; следом шли двое таких же, запасных, женщина с двумя детьми и черный грузин Келбокиани, одетый в вольное платье (он служит писарем, и зовут его князем), и все, по-видимому, спешили, боясь не застать в церкви священника. От Келбокиани мы узнали, что умерла женщина свободного состояния Ляликова, муж которой, поселенец, уехал в Николаевск; после нее осталось двое детей, и теперь он, Келбокиани, живший у этой Ляликовой на квартире, не знает, что ему делать с детьми.

Мне и моему спутнику делать было нечего, и мы пошли на кладбище вперед, не дожидаясь, пока отпоют. Кладбище в версте от церкви, за слободкой, у самого моря, на высокой крутой горе. Когда мы поднимались на гору, похоронная процессия уже догоняла нас: очевидно, на отпевание потребовалось всего 2—3 минуты. Сверху нам было видно, как вздра-

гивал на носилках гроб, и мальчик, которого вела женщина, отставал, оттягивая ей руку.

С одной стороны широкий вид на пост и его окрестности, с другой — море, спокойное, сияющее от солнца. На горе очень много могил и крестов. Вот два высоких креста рядом: это могилы Мицуля и смотрителя Селиванова, убитого арестантом. Маленькие кресты, стоящие на могилах каторжников, — все под один образец, и все немые. Мицуля будут еще помнить некоторое время, всех же этих, лежащих под маленькими крестами, убивавших, бегавших, бряцавших кандалами, никому нет надобности помнить. Разве только где-нибудь в русской степи у костра или в лесу старый обозчик станет рассказывать от скуки, как в их деревне разбойничал такой-то; слушатель, взглянув на потемки, вздрогнет, крикнет при этом ночная птица — вот и все поминки. На кресте, где похоронен ссыльный фельдшер, стихи:

Прохожий! Пусть тебе напомнит этот стих,
Что все на час под небесами, и т. д.

А в конце:

Прости товарищ мой, до радостного утра!

Е. Федоров.

В свежевырытой могиле на четверть вода. Каторжные, запыхавшись, с потными лицами, громко разговаривая о чем-то, что не имело никакого отношения к похоронам, наконец принесли гроб и поставили его у края могилы. Гроб дощатый, наскоро сбитый, некрасивый.

— Ну? — сказал один.

Быстро опущенный гроб хлюпнул в воду. Комья глины стучат по крыше, гроб дрожит, вода брызжет, а каторжные, работая лопатами, продолжают говорить про что-то свое, и Келбокиани, с недоумением глядя на нас и разводя руками, жалуется:

— Куда я теперь ребят дену? Возись с ними! Ходил к смотрителю, просил, чтобы дал бабу, — не дает!

Мальчик Алешка 3—4 лет, которого баба привела за руку, стоит и глядит вниз в могилу. Он в кофте не

по росту, с длинными рукавами, и в полинявших синих штанах; на коленях ярко-синие латки.

— Алешка, где мать? — спросил мой спутник.

— За-а-копали! — сказал Алешка, засмеялся и махнул рукой на могилу¹.

На Сахалине 5 школ, не считая Дербинской, в которой, за неимением учителя, занятий не было. В 1889—90 гг. обучалось в них 222 человека: 144 мальчика и 78 девочек, в среднем по 44 на каждую. Я был на острове в каникулярное время, при мне занятий не было, и потому внутренняя жизнь здешних школ, вероятно, оригинальная и очень интересная, осталась для меня неизвестной. Общий голос таков, что сахалинские школы бедны, обставлены нищенски, существование их случайно, необязательно и положение крайне неопределенно, так как никому не известно,

¹ Из всего числа записанных мною, православные составляют 86,5%, католики и лютеране вместе — 9%, магометане — 2,7%, остальные — иудеи и армяно-григориане. Раз в год приезжает из Владивостока ксендз, и тогда ссыльных католиков из обоих северных округов «гоняют» в Александровск, и это бывает как раз в весеннюю распутицу. Католики жаловались мне, что ксендз приезжает очень редко; дети подолгу остаются некрещеными, и многие родители, чтобы ребенок не умер без крещения, обращаются к православному священнику. И мне в самом деле приходилось встречать православных детей, у которых отец и мать — католики. Когда умирает католик, то, за неимением своего, приглашают русского священника, чтобы он пропел «Святый боже». В Александровске приходил ко мне один лютеранин, судившийся когда-то в Петербурге за поджог; он говорил, что лютеране на Сахалине составляют общество, и в доказательство показывал мне печать, на которой было вырезано: «Печать общества лютеран на Сахалине»; в его доме лютеране собираются для молитвы и обмена мыслей. Татары выбирают из своей среды муллу, евреи — раввина, но неофициально. В Александровске строится мечеть. Мулла Вас-Хасан-Мамет, красивый брюнет лет 38, уроженец Дагестанской области, строит ее на свой счет. Он спрашивал меня, пустят ли его по окончании срока в Мекку. В Пейсиковской слободке в Александровске стоит ветряная мельница, совершенно заброшенная; рассказывают, будто построил ее какой-то татарин с женой. Оба супруга сами рубили деревья, таскали бревна и пилили доски. никто им не помогал, и работа их продолжалась три года. Получив звание крестьянина, татарин переехал на материк, мельницу же отдал в казну, а не своим татарам, так как был сердит на них за то, что они не избрали его в муллы.

будут они существовать или нет. Заведует ими один из чиновников канцелярии начальника острова, образованный молодой человек, но это король, который царствует, но не управляет, так как, в сущности, школами заведуют начальники округов и смотрители тюрем, от которых зависит выбор и назначение учителей. Преподают в школах ссыльные, которые на родине не были учителями, люди мало знакомые с делом и без всякой подготовки. Получают они за свой труд по 10 руб. в месяц; платить дорожке администрация находит невозможным и не приглашает лиц свободного состояния, потому что этим пришлось бы платить не меньше 25 руб. Очевидно, преподавание в школах считается занятием неважным, так как надзиратели из ссыльных, которые часто несут неопределенные обязанности и состоят только на побегушках у чиновников, получают по 40 и даже по 50 руб. в месяц¹.

Среди мужского населения грамотные, считая взрослых и детей, составляют 29%, среди женского — 9%. Да и эти 9% относятся исключительно к школьному возрасту, так что о взрослой сахалин-

¹ В своем рапорте от 27 февраля 1890 г. начальник Александровского округа, во исполнение предписания начальника острова о подыскании благонадежных лиц свободного состояния или поселенцев для замены ими ссыльнокаторжных, несущих в настоящее время обязанности учителей в сельских школах, доносит, что во вверенном ему округе не имеется ни среди людей свободного состояния, ни среди поселенцев никого, кто удовлетворял бы учительскому назначению. «Таким образом,— пишет он,— встречая непреодолимые затруднения в наборе лиц, по образованию своему хоть сколько-нибудь подходящих для школьного дела, я не решаюсь указать на кого-либо из проживающих во вверенном мне округе из поселенцев или из крестьян из ссыльных, коим возможно было бы поручить учительское дело. Хотя г. начальник округа и не решается поручить ссыльным учительское дело, но они все-таки продолжают быть учителями, с его ведома и по его назначению. Во избежание подобного рода противоречий, казалось бы, проще всего пригласить настоящих учителей из России или Сибири и назначить им такое жалованье, какое получают надзиратели, но для этого понадобилось бы коренным образом изменить свой взгляд на преподавательское дело и не считать его менее важным, чем дело надзирателя.

ской женщине можно сказать, что она грамоте не знает; просвещение не коснулось ее, она поражает своим грубым невежеством, и мне кажется, нигде в другом месте я не видел таких бестолковых и мало понятливых женщин, как именно здесь, среди преступного и порабощенного населения. Среди детей, прибывших из России, грамотные составляют 25%, среди же родившихся на Сахалине только 9%¹.

XX

Свободное население.— Нижние чины местных воинских команд.— Надзиратели.— Интеллигенция.

Солдат называют «пионерами» Сахалина, потому что они жили здесь до учреждения каторги². Начиная с пятидесятых годов, когда Сахалин был занят, и почти до восьмидесятых солдаты, кроме того, что лежало по уставу на их прямой обязанности, исполняли еще все те работы, которые несут теперь каторжные. Остров был пустыней; на нем не было ни жилищ, ни дорог, ни скота, и солдаты должны были строить казармы и дома, рубить просеки, таскать на себе грузы,

¹ Если судить по некоторым отрывочным данным, по намеркам, то грамотные благополучнее отбывают наказание, чем неграмотные; по-видимому, среди последних относительно больше рецидивистов, а первые легче получают крестьянские права; в Сиянцах записано мною 18 грамотных мужчин, и из них 13, то есть почти все взрослые грамотные, имеют крестьянское звание. В тюрьмах нет еще обычая учить взрослых грамоте, хотя зимою бывают дни, когда арестанты, по случаю дурной погоды, сидят безвыходно в тюрьме и томятся без дела; в такие дни они охотно обучались бы грамоте.

По безграмотству ссыльных, письма на родину пишут обыкновенно писаря. Они описывают здешнюю печальную жизнь, бедность и горе, просят мужей о расторжении брака и проч., но таким тоном, как будто описывают вчерашнюю попойку: «Ну, вот наконец пишу я вам письмишко... Освободите меня от брачных уз» и т. п., или же философствуют, так что трудно бывает понять смысл письма. Одного писаря в Тымовском округе за витиеватость другие писаря прозвали бакалавром.

² См. Н. В. Буссе, Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг.

Если приезжал на Сахалин командированный инженер или ученый, то в его распоряжение давалось несколько солдат, которые заменяли ему лошадей. «Мне,— пишет горный инженер Лопатин,— имевшему в виду ходить в глубь сахалинской тайги, нечего было и думать о езде верхом и перевозке тяжестей вьючными. Даже пешком я с трудом перелезал через крутые горы Сахалина, покрытые то густым валежным лесом, то местным бамбуком. Таким образом мне пришлось пройти более 1600 верст пешком»¹. А за ним шли солдаты и тащили на себе его тяжелый груз.

Все небольшое количество солдат было разбросано по западному, южному и юго-восточному побережьям; пункты, в которых они жили, назывались постами. Теперь уже брошенные и забытые, тогда эти посты играли такую же роль, как теперь поселения, и на них смотрели, как на задатки будущей колонии. В Муравьевском посту стояла стрелковая рота, в Корсаковском три роты 4-го сибирского батальона и взвод горной батареи, в прочих же постах, как, например, Мануйский или Сортунайский, было только по шести солдат. Шесть человек, отделенные от своей роты пространством в несколько сот верст, отданные под начало унтера или даже штатского человека, жили совершенными Робинсонами. Жизнь была дикая, крайне однообразная и скучная. Летом, если пост находился на берегу, приходило судно, оставляло солдатам провиант и уходило; зимою приезжал «попостить» их священник, одетый в меховую куртку и штаны и по виду похожий больше на гиляка, чем на священника. Разнообразилась жизнь только несчастьями: то солдата уносило на сеноплавке в море, то задирали его медведь, то заносило снегом, нападали беглые, подкрадывалась цинга... Или же солдат, соскучившись сидеть в сарае, занесенном снегом, или ходить по тайге, начинал проявлять «буйство, нетрезвость, дерзость», или попадался в краже, растрате

¹ Лопатин, Рапорт к г. генерал-губернатору Восточной Сибири — «Горный журнал» 1870 г., № 10.

амунииции, или попадал под суд за неуважение, оказанное им чьей-нибудь содержанке-каторжной¹.

При разнообразии своих занятий солдат не успевал научиться военному делу и забывал то, чему был научен, а вместе с ним отставали и офицеры, и строевая часть находилась в самом плачевном состоянии. Смотры всякий раз сопровождались недоразумениями и выражением неудовольствия со стороны начальства². Служба была тяжкая. Люди, сменившиеся с караула, тотчас же шли в конвой, с конвоя опять в караул, или на сенокос, или на выгрузку казенных грузов; не было отдыха ни днем, ни ночью. Жили они в тесных, холодных и грязных помещениях, которые мало отличались от тюрем. В Корсаковском посту до 1875 года караул помещался в ссыльнокаторжной тюрьме; тут же была и военная гауптвахта в виде

¹ В Корсаковском полицейском управлении я видел следующий, относящийся к 1870 г. «Список нижним чинам, находящимся в poste при Путятинских каменноугольных коях на р. Сортунае»:

Василий Ведерников — за старшего, он же сапожник и за хлебопека и кашевара.

Лука Пылков. Сменен со старшего за нерадение и был арестован за пьянство и дерзость.

Харитон Мыльников. Не попался ни в чем, но ленив.

Евграф Распопов — идиот и ни к какой работе не способен.

Федор Чеглоков
Григорий Иванов } Попались в краже денег и при мне замечены в буйстве, нетрезвости и ослушании.

Заведующий постом при Путятинских каменноугольных ломках на о. Сахалине.

Губернский секретарь *Ф. Литке*

² Н. См—ий рассказывает, что еще так недавно, в 1885 г., генерал, принимая в свое ведение сахалинские войска, спросил у одного солдата-надзирателя:

— Для чего у тебя револьвер?

— Для сокращения (укрощения) ссыльнокаторжных, ваше пр.!

— Стреляй из револьвера в этот пень,— приказал генерал.

Тут произошло большое замешательство. Солдат никак не мог высвободить револьвер из кобуры и сделал это лишь при посторонней помощи, а извлекши револьвер, он так неумело начал с ним обращаться, что приказание было отменено: а то вместо пня он мог свободно пустить пулю в кого-нибудь из публики.— «Кронштадтский вестник» 1890 г., № 23.

темных конур. «Может быть,— пишет врач Синцовский,— для ссыльнокаторжных такая стеснительная обстановка допускается, как мера наказания, но караул солдат тут ни при чем, и за что он должен испытывать подобное наказание — неизвестно»¹. Ели они так же скверно, как арестанты, одеты были в лохмотья, потому что при их работе не хватало никакой одежды. Солдаты, гоняясь в тайге за беглыми, до такой степени истрепывали свою одежду и обувь, что однажды в Южном Сахалине сами были приняты за беглых, и по ним стреляли.

В настоящее время военная охрана острова состоит из четырех команд: александровской, дуйской, тымовской и корсаковской. К январю 1890 г. нижних чинов во всех командах было 1548. Солдаты по-прежнему несут тяжелый труд, несоответственный с их силами, развитием и требованиями воинского устава. Правда, они уже не рубят просек и не строят казарм, но, как и в прежнее время, возвращающийся с караула или с ученья солдат не может рассчитывать на отдых: его сейчас же могут послать в конвой, или на сенокос, или в погоню за беглыми. Хозяйственные надобности отвлекают значительное число солдат, так что чувствуется постоянный недостаток в конвое, и караулы не могут быть рассчитаны на три очереди. В начале августа, когда я был в Дуэ, 60 человек дуйской команды косили сено, и из них половина отправилась для этого пешком за 109 верст.

Сахалинский солдат кроток, молчалив, послушен и трезв; пьяных солдат, которые шумели бы на улице, я видел только в Корсаковском посту. Поет он редко и всегда одно и то же: «Десять девок, один я, куда девки, туда я... Девки в лес, я за ими»,— веселая песня, которую, однако, он поет с такою скукой, что под звуки его голоса начинаешь тосковать по родине и чувствовать всю неприглядность сахалинской природы. Он покорно переносит все лишения и равнодушен к опасностям, которые так часто угрожают его

¹ Синцовский, Гигиеническая обстановка ссыльнокаторжных — «Здоровье» 1875 г., № 16.

жизни и здоровью. Но он груб, неразвит и бестолков и за недосугом не успевает проникнуться сознанием воинского долга и чести и потому бывает не чужд ошибок, делающих его часто таким же врагом порядка, как те, кого он сторожит и ловит¹. Эти свои недостатки он обнаруживает особенно рельефно, когда на него возлагаются обязанности, не соответствующие его развитию, когда он, например, становится тюремным надзирателем.

По 27 ст. «Устава о ссыльных» на Сахалине, «тюремный надзор образуют старшие и младшие надзиратели, число коих, полагая одного старшего на сорок человек и одного младшего на двадцать человек каторжных, определяется ежегодно главным тюремным управлением». Три надзирателя, один старший и два младших, приходится на 40 человек, то есть 1 на 13. Если представить себе, что 13 человек работают, едят, проводят время в тюрьме и проч. под постоянным наблюдением одного добросовестного и умелого человека и что над этим, в свою очередь, стоит начало в лице смотрителя тюрьмы, а над смотрителем — начальник округа и т. д., то можно успокоиться на мысли, что все идет прекрасно. На самом же деле надзор до сих пор был самым больным местом сахалинской каторги.

В настоящее время на Сахалине старших надзирателей около 150, а младших вдвое больше. Места старших заняты грамотными унтер-офицерами и рядовыми, кончившими службу в местных командах, и разночинцами; последних, впрочем, очень мало. Нижние чины, состоящие на действительной службе, составляют 6% всего комплекта старших, зато долж-

¹ В Воеводской тюрьме мне указывали одного каторжного, бывшего конвойного, который в Хабаровке помог бродягам бежать и сам бежал с ними. Летом 1890 г. в Рыковской тюрьме содержалась женщина свободного состояния, обвиняемая в поджоге; сосед ее по карцеру, арестант Андреев, жаловался, что по ночам ему мешают спать конвойные, которые то и дело ходят к этой женщине и шумят, Окружной начальник распорядился запереть ее карцер другим замком, а ключ взял к себе. Конвойные, однако, ключ подобрали, и окружной начальник *ничего* не мог поделать с ними, и ночные оргии продолжались.

ности младших надзирателей исправляют почти одни только рядовые, командируемые от местных команд. В случае неполноты определенного комплекта надзирателей «Устав» разрешает назначать для исполнения надзирательских обязанностей нижних чинов местных воинских команд, и, таким образом, молодые сибиряки, признанные неспособными даже к службе в конвое, призываются к исполнению служебных обязанностей надзирателя, правда, «временно» и «в пределах крайней необходимости», но это «временно» продолжается уже десятки лет, а «пределы крайней необходимости» все расширяются, так что нижние чины местных команд составляют уже 73% всего состава младших надзирателей, и никто не поручится, что через 2—3 года эта цифра не вырастет до 100. Надо заметить при этом, что в надзиратели командируются не лучшие солдаты, так как начальники команд, в интересах строевой службы, отпускают в тюрьму менее способных, а лучших удерживают при частях¹.

В тюрьмах много надзирателей, но нет порядка, и надзиратели служат лишь постоянным тормозом для администрации, о чем свидетельствует сам начальник острова. Почти каждый день в своих приказах он штрафует их, смещает на низшие оклады или же совсем увольняет: одного за неблагонадежность и неисполнительность, другого — за безнравственность, недобросовестность и неразвитие, третьего — за

¹ И это дает повод к явной несправедливости: лучшие солдаты, остающиеся в командах, получают один только солдатский пай, а худшие, служащие в тюрьме, — и пай и жалованье. Кн. Шаховской в своем «Деле» жаловался: «Главный контингент надзирателей (66%) составляют рядовые местных воинских команд, получающие на казенном содержании по 12 р. 50 к. в месяц. Их безграмотность, низкий уровень развития, снисходительный взгляд на возможное в их кругу действий взяточничество, отсутствие прежней воинской строгости в их содержании и несравненно большая свобода действий, за немногими исключениями, ведут или к незаконному произволу в обращении с преступниками, или к неуместному унижению перед ними». А нынешний начальник острова того мнения, что «долголетний опыт показал всю ненадежность надзора, командируемого от местных команд».

кражу казенного провианта, вверенного его хранению, а четвертого — за укрывательство; пятый, будучи назначен на баржу, не только не смотрел за порядком, но даже сам подавал пример к расхищению на барже грецких орехов; шестой — состоит под следствием за продажу казенных топоров и гвоздей; седьмой — замечен неоднократно в недобросовестном заведовании фуражным довольствием казенного скота; восьмой — в предосудительных сделках с каторжными. Из приказов мы узнаем, что один старший надзиратель из рядовых, будучи дежурным в тюрьме, позволил себе войти в женский барак через окно, отогнув предварительно гвозди, с целями романтического свойства, а другой во время своего дежурства в час ночи допустил рядового, тоже надзирателя, в одиночное помещение, где содержатся арестованные женщины. Любовные похождения надзирателей не ограничиваются одною только тесною областью женских барачков и одиночных помещений. В квартирах надзирателей я заставал девушек-подростков, которые на мой вопрос, кто они, отвечали: «Я — сожительница». Войдешь в квартиру надзирателя; он, плотный, сытый, мясистый, в расстегнутой жилетке и в новых сапогах со скрипом, сидит за столом и «кушает» чай; у окна сидит девочка лет 14 с поношенным лицом, бледная. Он называет себя обыкновенно унтер-офицером, старшим надзирателем, а про нее говорит, что она дочь каторжного, и что ей 16 лет, и что она его сожительница.

Надзиратели во время своего дежурства в тюрьме допускают арестантов к картежной игре и сами участвуют в ней; они пьянствуют в обществе ссыльных, торгуют спиртом. В приказах мы встречаем также буйство, непослушание, крайне дерзкое обращение со старшими в присутствии каторжных и, наконец, побои, наносимые каторжному палкой по голове, последствием чего образовались раны.

Люди грубые, неразвитые, пьянствующие и играющие в карты вместе с каторжными, охотно пользующиеся любовью и спиртом каторжных женщин, недисциплинированные, недобросовестные могут иметь

авторитет лишь отрицательного свойства. Ссылное население не уважает их и относится к ним с презрительною небрежностью. Оно в глаза величает их «сухарниками» и говорит им *ты*. Администрация же нисколько не заботится о том, чтобы поднять их престиж, находя, вероятно, что заботы об этом не привели бы ни к чему. Чиновники говорят надзирателю *ты* и бранят его как угодно, не стесняясь присутствием каторжных. То и дело слышишь: «Что же ты, дурак, смотришь?» Или: «Ничего ты не понимаешь, болван!» Как мало уважают здесь надзирателей, видно из того, что многие из них назначаются на «не соответствующие служебному их положению наряды», то есть, попросту, состоят при чиновниках в качестве лакеев и рассыльных. Надзиратели из привилегированных, как бы стыдясь своей должности, стараются выделиться из массы своих сотоварищей хотя чем-нибудь: один носит на плечах жгуты потолка, другой — офицерскую кокарду, третий, коллежский регистратор, называет себя в бумагах не надзирателем, а «заведующим работами и рабочими».

Так как сахалинские надзиратели никогда не вышались до понимания целей надзора, то с течением времени, по естественному порядку вещей, сами цели надзора должны были мало-помалу сузиться до теперешнего своего состояния. Весь надзор теперь сводится к тому, что рядовой сидит в камере, смотрит за тем, «чтобы не шумели», и жалуется начальству; на работах он, вооруженный револьвером, из которого, к счастью, не умеет стрелять, и шашкою, которую трудно вытянуть из заржавленных ножен, стоит, смотрит безучастно на работы, курит и скучает. В тюрьме он — прислуга, отворяющая и запирающая двери, а на работах лишний человек. Хотя на каждые сорок каторжных приходится три надзирателя — один старший и два младших, но постоянно приходится видеть, как 40—50 человек работают под надзором только одного или же совсем без надзора. Если из трех надзирателей один находится при работах, то другой в это время стоит около казенной лавки и отдает проходящим чиновникам честь, а третий — томится

в чьей-нибудь передней или без всякой надобности стоит навтыяжку в приемной лазарета¹.

Об интеллигенции придется сказать немного. Назказывать по долгу службы и присяги своего ближнего, быть способным каждый час насиловать в себе отвращение и ужас, отдаленность места служения, ничтожное жалованье, скука, постоянная близость бритых голов, кандалов, палачей, грошовые расчеты, дразги, а главное, сознание своего полного бессилия в борьбе с окружающим злом,— все это, взятое вместе, всегда делало службу по управлению каторгой и ссылкой исключительно тяжелой и непривлекательной. В прежнее время на каторге служили по преимуществу люди нечистоплотные, небрезгливые, тяжелые, которым было все равно, где ни служить, лишь бы есть, пить, спать да играть в карты; порядочные же люди шли сюда по нужде и потом бросали службу при первой возможности, или спивались, сходили с ума, убивали себя, или же мало-помалу обстановка затягивала их в свою грязь, подобно спруту-осьминогу, и они тоже начинали красть, жестоко сечь...

Если судить по официальным отчетам и корреспонденциям, то в шестидесятых и семидесятых годах сахалинская интеллигенция отличалась полнейшим нравственным ничтожеством. При тогдашних чиновниках тюрьмы обращались в приюты разврата, в игорные дома, людей развращали, ожесточали, засекали домертва. Самым ярким администратором в этом смысле является некий майор Николаев, бывший в

¹ Жалованья старшие надзиратели получают 480, а младшие по 216 руб. в год. Через определенные сроки этот оклад увеличивается на одну и две трети и даже вдвое. Такое жалованье считается хорошим и служит соблазном для мелких чиновников, например телеграфистов, которые уходят в надзиратели при первой возможности. Существует опасение, что школьные учителя, если их когда-нибудь назначат на Сахалин и дадут им обычные 20—25 р. в месяц, непременно уйдут в надзиратели.

За невозможностью найти на месте людей свободного состояния на должности надзирателей или брать их из местных войск, не ослабляя состава последних, начальник острова в 1888 г. разрешил зачислять на должность надзирателей благонадежных в поведении и испытанных уже в усердии поселенцев и крестьян из ссыльных. Но эта мера не привела к добру.

продолжение семи лет начальником Дуйского поста. Имя его часто упоминается в корреспонденциях¹. Он был из крепостных сдаточных. О том, какие способности проложили этому грубому, неотесанному человеку дорогу к майорскому чину, сведений нет. Когда один корреспондент спросил у него, бывал ли он когда-нибудь в средней части острова и что там видел, то майор ответил: «Гора да долина — долина да опять гора; известно, почва вулканическая, извергательная». Он же на вопрос, что за вещь черемша, ответил: «Во-первых, это не вещь, а растение, и, во-вторых, растение преполезное и вкусное; брюхо пучит от него, правда, да нам это наплевать, мы с дамами не бываем». Тачки для перевозки угля он заменил бочками, чтобы удобнее было катать по мосткам; сажал в эти бочки провинившихся каторжных и приказывал катать их по берегу. «С час покатают сердечного, глядишь, точно шелковый станет». Желая выучить солдат числам, он прибегал к игре в лото. «За переключку номеров, кто сам не может, должен платить по гривеннику; раз заплатит, другой раз заплатит, а там и поймет, что это невыгодно. Глядишь, туго возьмется за номера, да в неделю и выучит». Подобные благоглупости действовали на дуйских солдат развращающим образом: случалось, что они продавали каторжным свои ружья. Приступая к наказанию одного каторжника, майор заранее объявил ему, что он жив не останется, и действительно, преступник умер тотчас после наказания. Майор Николаев после этого случая был предан суду и приговорен к каторжным работам.

Когда спросишь какого-нибудь старика поселенца, были ли в его время на острове хорошие люди, то он сначала помолчит немного, как бы припоминая, и потом уж ответит: «Всякое бывало». Нигде старое так скоро не забывается, как на Сахалине, именно благодаря чрезвычайной подвижности ссыльного населения, которое здесь меняется коренным образом каждые

¹ Между прочим, см. Лукашевича «Мои знакомцы в Дуэ, на Сахалине» — «Крошштатский вестник» 1868 г., №№ 47 и 49.

пять лет, и отчасти отсутствию в здешних канцеляриях порядочных архивов. То, что было 20—25 лет назад, считается глубокою стариной, уже забытою, погибшею для истории. Уцелели только кое-какие постройки, уцелел Микрюков, десятка два анекдотов, да остались еще цифры, не заслуживающие никакого доверия, так как ни одна канцелярия тогда не знала, сколько на острове арестантов, сколько бежало, умерло и проч.

«Доисторические» времена продолжались на Сахалине до 1878 года, когда заведующим ссыльнокаторжными Приморской области был назначен кн. Николай Шаховской, отличный администратор, умный и честный человек¹. После него осталось образцовое во многих отношениях «Дело об устройстве о. Сахалина», хранящееся теперь в канцелярии начальника острова. Это был по преимуществу кабинетный работник. Арестантам и при нем жилось так же дурно, как и до него, но, несомненно, его наблюдения, которыми он делился с начальством и со своими подчиненными, и его «Дело», независимое и откровенное, быть может, послужили началом для новых, хороших веяний.

В 1879 году начал функционировать Добровольный флот, и мало-помалу должности на Сахалине стали занимать уроженцы Европейской России. В 1884 г. на Сахалине было введено новое положение, вызвавшее

¹ До 1875 г. каторгой на Северном Сахалине управлял начальник Дуйского поста, офицер, начальство которого жило в Николаевске. С 1875 г. Сахалин делился на два округа: Северо-Сахалинский и Южно-Сахалинский. Оба округа, входившие в состав Приморской области, в гражданском отношении были подчинены военному губернатору, а в военном — командующему войсками Приморской области. Местное управление принадлежало начальникам округов, причем звание начальника Северо-Сахалинского округа было присвоено заведующему ссыльнокаторжными на о. Сахалине и Приморской области, имеющему местопребывание в Дуэ, а звание начальника Южного округа — командиру 4-го восточного сибирского линейного батальона, имеющему местопребывание в посту Корсаковском. В виде окружных начальников сосредоточивалось местное, как военное, так и гражданское, управление. Администрация была сплошь военная.

усиленный прилив, или, как здесь говорят, сплав новых людей¹. В настоящее время на Сахалине мы имеем уже три уездных города, в которых живут чиновники и офицеры с семьями. Общество уже настолько разнообразно и интеллигентно, что в Александровске, например, в 1888 г. могли в любительском спектакле поставить «Женитьбу»; когда здесь же, в Александровске, в большие праздники, по взаимному соглашению, чиновники и офицеры заменяют визиты денежными взносами в пользу бедных семейных каторжных или детей, то на подписном листе обыкновенно число подписей доходит до 40. На приезжего человека сахалинское общество производит благоприятное впечатление. Оно радушно, гостеприимно и во всех отношениях выдерживает сравнение с нашими уездными обществами, а в районе восточного побережья оно считается самым живым и интересным; по крайней мере чиновники отсюда неохотно переводятся, например, в Николаевск или в Де-Кастри. Но как в Татарском проливе бывают сильные бури и моряки говорят, что это отголоски циклона, бушующего в Китайском и Японском морях, так и в жизни этого общества нет-нет да и отзовутся недав-

¹ По этому положению, главное управление Сахалином принадлежит приамурскому генерал-губернатору, а местное — начальнику острова, назначаемому из военных генералов. Остров разделен на три округа Тюрьмы и селения в каждом округе находятся в единоличном заведовании окружных начальников, которые соответствуют нашим исправникам. Они председательствуют в полицейских управлениях. Каждую тюрьмой и селениями в ее районе заведует смотритель тюрьмы; если селениями заведует особый чиновник, то он называется смотрителем поселений; обе эти должности соответствуют нашему становому приставу. При начальнике острова состоит управляющий его канцелярией, бухгалтер и казначей, инспектор сельского хозяйства, землемер, архитектор, переводчик айнского и гиляцкого языков, смотритель центральных складов и заведующий медицинской частью. В каждой из четырех воинских команд должен быть штаб-офицер, два обер-офицера и врач; кроме того, адъютант управления войск о. Сахалина, его помощник и аудитор. Остается еще упомянуть четырех священников и тех служащих, которые не имеют прямого отношения к тюрьме, как, например, начальник почтово-телеграфной конторы, его помощник, телеграфисты и смотрители двух маяков.

нее прошлое и близость Сибири. Какие молодцы попадали сюда на службу уже после реформы 1884 г., видно из приказов о смещении с должностей, о передаче суду или из официальных заявлений о беспорядках по службе, доходивших «до наглого разврата» (приказ № 87-й 1890 г.), или из анекдотов и рассказов вроде хотя бы рассказа о каторжном Золотареве, человеке зажиточном, который водил компанию с чиновниками, кутил с ними и играл в карты; когда жена этого каторжника заставляла его в обществе чиновников, то начинала срамить его за то, что он водит компанию с людьми, которые могут дурно повлиять на его нравственность. И теперь встречаются чиновники, которым ничего не стоит размахнуться и ударить кулаком по лицу ссыльного, даже привилегированного, или приказать человеку, который не снял второпях шапки: «Пойди к смотрителю и скажи, чтобы он дал тебе тридцать розог». В тюрьме до сих пор еще возможны такие беспорядки, что два арестанта почти год считаются в безвестной отлучке, между тем все это время они получают довольствие из котла и даже употребляются на работы (приказ № 87-й 1890 г.). Не всякий смотритель знает наверное, сколько в данное время у него в тюрьме живет арестантов, сколько действительно довольствуется из котла, сколько бежало и проч. Сам начальник острова находит, что «вообще положение дел в Александровском округе по всем отраслям управления оставляет тяжелое впечатление и требует многих серьезных улучшений; что же касается собственно делопроизводства, то оно слишком уж было предоставлено на волю писарей, которые «распоряжались бесконтрольно, судя по некоторым, случайно обнаружившимся подлогам» (приказ № 314-й 1888 г.)¹. О том,

¹ Достаточно один день порыться в канцелярском материале, чтобы прийти в отчаяние от дутых цифр, неверных итогов и «праздных вымыслов» разных помощников смотрителей, старших надзирателей и писарей. Я никак не мог найти «ведомостей» за 1886 г. Попадают «ведомости», где внизу карандашом в виде резолюции написано: «Очевидно, неправда». Особенно сильно наврано в отделах, касающихся семейного положения ссыльных,

в каком печальном положении находится здесь следственная часть, я буду говорить в своем месте. В почтово-телеграфной конторе обращаются с народом грубо, простым смертным выдают корреспонденцию только на четвертый и пятый день по приходе почты; телеграфисты безграмотны, телеграфная тайна не соблюдается. Я не получил ни одной телеграммы, которая не была бы искажена самым варварским образом, и когда однажды по какому-то случаю в мою телеграмму вошел кусок чьей-то чужой и я, чтобы восстановить смысл обеих телеграмм, попросил исправить ошибку, то мне сказали, что это можно сделать не иначе, как только за мой счет.

В новой истории Сахалина играют заметную роль представители позднейшей формации, смесь Держиморды и Яго,— господа, которые в обращении с низшими не признают ничего, кроме кулаков, розог и извозчицъей брани, а высших умиляют своею интеллигентностью и даже либерализмом.

Но, как бы то ни было, «Мертвого дома» уже нет. На Сахалине среди интеллигенции, управляющей и работающей в канцеляриях, мне приходилось встречать разумных, добрых и благородных людей, присутствие которых служит достаточной гарантией, что возвращение прошлого уже невозможно. Теперь уже не катают каторжных в бочках и нельзя засечь человека или довести его до самоубийства без того, чтобы это не возмутило здешнего общества и об этом не заговорили бы по Амуру и по всей Сибири. Всякое

детей, состава ссыльных по роду преступлений. Начальник острова говорил мне, что когда ему однажды понадобилось узнать, сколько ежегодно прибывало из России арестантов на пароходах Добровольного флота, начиная с 1879 г., то пришлось обращаться за сведениями в главное тюремное управление, так как в местных канцеляриях нужных цифр не оказалось. «За 1886 г., несмотря на неоднократные требования, никаких ведомостей представляемо не было,— жалуется начальник округа в одном из своих рапортов.— Я поставлен в еще более невыгодные условия вследствие невозможности восстановить точно требуемые сведения за отсутствием каких-либо данных, которые в предыдущие годы собираемы вовсе не были. Так, например, в настоящее время чрезвычайно трудно привести в известность наличный состав к 1 января 1887 г. даже поселенцев и крестьян».

мерзкое дело рано или поздно всплывает наружу, становится гласным, доказательством чему служит мрачное онорское дело, которое, как ни старались скрыть его, возбудило много толков и попало в газеты благодаря самой же сахалинской интеллигенции. Хорошие люди и хорошие дела уже не составляют редкости. Недавно в Рыковском скончалась фельдшерица, служившая много лет на Сахалине ради идеи — посвятить свою жизнь людям, которые страдают. При мне в Корсаковске однажды унесло каторжного в море на сеноплавке; смотритель тюрьмы майор Ш. отправился в море на катере и, несмотря на бурю, подвергая свою жизнь опасности, плывал с вечера до двух часов ночи, пока ему не удалось отыскать в потемках сеноплавку и снять с нее каторжного¹.

Реформа 1884 г. показала, что чем многочисленнее в ссыльной колонии администрация, тем лучше. Сложность и разбросанность дела требуют сложного механизма, участия многих лиц. Необходимо, чтобы маловажные дела не отвлекали чиновников от их главных обязанностей. Между тем начальник острова за неимением секретаря или чиновника, который постоянно находился бы при нем, большую часть дня бывает занят составлением приказов и разных бумаг, и эта сложная, кропотливая канцелярщина отнимает у него почти все время, необходимое для посещения тюрем и объезда селений. Окружные начальники, помимо председательства в полицейских управлениях, сами должны раздавать бабам кормовые, участвовать

¹ Здешние чиновники при исполнении своих обязанностей часто подвергаются серьезным опасностям. Начальник Тымовского округа г. Бутаков, когда ходил пешком вдоль всего Пороная и обратно, заболел кровавым поносом и едва не погиб. Начальник Корсаковского округа г. Белый плыл однажды на вельботе из Корсаковска в Мауку; на пути захватила буря, пришлось уходить подальше от берега в море. Носило по волнам и мотало чуть ли не двое суток, и сам г. Белый, каторжный рулевой и солдат, случайно находившийся на вельботе, решили, что им пришел конец. Но их выбросило на берег около Крильонского маяка. Когда г. Белый, придя к смотрителю маяка, поглядел на себя в зеркало, то заметил на голове седину, которой раньше не было; солдат уснул, и его никак не могли разбудить в продолжение 40 часов.

В разного рода комиссиях, осмотрах и т. п. На смотрителей тюрем и их помощников возложена следственная и полицейская часть. При таких условиях сахалинский чиновник должен или работать через силу, как говорится, до ошаления, или же, махнув рукой, взвалить громадную часть своей работы на писарей-каторжных, как оно и бывает чаще всего. В местных канцеляриях писаря-каторжные заняты не только перепиской, но и сами составляют важные бумаги. Так как нередко они бывают опытнее и энергичнее чиновников, особенно новичков, то случается, что каторжный или поселенец несет на своих плечах всю канцелярию, всю отчетность и даже следственную часть. В продолжение многих лет писарь, по невежеству или недобросовестности, запутывает все канцелярские концы, и так как он один может разобраться в этой путанице, то становится необходимым, незаменимым, и уже начальство, даже самое строгое, бывает не в состоянии обходиться без его услуг. Избавиться от такого всемогущего писаря можно только одним способом: посадить на его место одного или двух настоящих чиновников.

Где многочисленная интеллигенция, там неизбежно существует общественное мнение, которое создает нравственный контроль и предъявляет всякому этические требования, уклониться от которых уже нельзя безнаказанно никому, даже майору Николаеву. Несомненно также, что, с развитием общественной жизни, здешняя служба мало-помалу теряет свои непривлекательные особенности и процент сумасшедших, пьяниц и самоубийц понижается¹.

¹ Теперь все-таки уже возможны такие развлечения, как любительские спектакли, пикники, вечеринки; в былое же время трудно было составить даже партию в преферанс. И духовные интересы удовлетворяются с большею легкостью. Выписываются журналы, газеты и книги, каждый день получают телеграммы северного агентства; во многих домах есть рояли. Здешние поэты находят себе читателей и слушателей; одно время в Александровске издавался рукописный журнал «Бутончик», который, впрочем, прекратился на 7 №. Старшие чиновники живут в хороших казенных квартирах, просторных и теплых, держат поваров и лошадей, а те, что чином пониже, нанимают квартиры

*Нравственность ссыльного населения.—Преступность.—
Следствие и суд.—Наказания.—Розги и плети.—Смерт-
ная казнь.*

Одни ссыльные несут наказание мужественно, охотно сознаются в своей вине, и когда их спрашиваешь, за что они присланы на Сахалин, то обыкновенно отвечают так: «За хорошие дела сюда не присылают». Другие же поражают своим малодушием и унылым видом, ропщут, плачут, приходят в отчаяние и клянутся, что они не виновны. Один считает на-

у поселенцев, занимая целые дома или отдельные комнаты с мебелью и всею обстановкой. Молодой чиновник, поэт, о котором я упоминал вначале, снимал комнату с множеством образов, парадную кровать с пологом и даже с ковром на стене, на котором изображен всадник, стреляющий в тигра.

Начальник острова получает 7000 руб., заведующий медицинскою частью — 4000 р., инспектор сельского хозяйства — 3500 р., архитектор — 3100 р., окружные начальники — по 3500 р. Через каждые 3 года чиновник получает полугодовой отпуск с сохранением содержания. Через 5 лет — прибавка в размере 25% жалованья. Через 10 лет — пенсия. 2 года считается за 3. Прогонь тоже не маленькие. Помощник смотрителя тюрьмы, не имеющий чина, получает прогонов от Александровска до Петербурга 1945 р. 68³/₄ к., то есть сумму, которой было бы достаточно, чтобы совершить кругосветное путешествие с полным комфортом (приказы №№ 302 и 305-й 1889 г.). Прогонь выдаются уходящим в отставку, а также берущим отпуск по истечении 5—10 лет со дня поступления на службу; последние могут не уезжать, так что прогонь играют роль пособия или награды. Священникам выдаются прогонь на всех членов их семей. Чиновник, уходящий в отставку, требует себе прогонов обыкновенно до Петропавловска по зимнему времени — 13 тысяч верст, или до Холмогорского уезда — 11 тысяч верст; одновременно, подавая прошение об отставке, он посылает в главное тюремное управление телеграмму с просьбой о бесплатном проезде со всею семьей до Одессы на пароходе Добровольного флота. Остается еще прибавить, что, пока чиновник служит на Сахалине, дети его воспитываются на казенный счет.

И все-таки здешние чиновники недовольны жизнью. Они раздражены, спорятся между собою из-за пустяков и скучают. У них и членов их семейств замечается предрасположение к чахотке, к нервным и психическим заболеваниям. При мне в Александровске один молодой чиновник, добрейший человек, ходил все время, даже днем, с громадным револьвером. На мой во-

казание благом, так как, по его словам, он только на каторге узнал бога, другой же старается убежать при первой возможности и, когда его ловят, отмахивается дубиной. Вместе с закоренелыми, неисправимыми злодеями и извергами живут под одною крышей случайные преступники, «несчастные», невинно осужденные¹. И потому ссыльное население, когда затрогивается вопрос об его нравственности вообще, производит чрезвычайно смешанное и спутанное впечатление, так что при существующих способах исследования едва ли возможны по этому вопросу какие-либо серьезные обобщения. О нравственности населения судят обыкновенно по цифрам, определяющим преступность, но в отношении к ссыльной колонии даже этот обычный и простой способ оказывается непригодным. У ссыльного населения, живущего при ненормальной, исключительной обстановке, своя особая, условная преступность, свой *устав*, и преступления, которые мы считаем легкими, здесь относятся к тяжелым, и, наоборот, большое число уголовных преступлений совсем не регистрируется, так как они считаются в тюремной сфере явлениями обычными, почти необходимыми².

прос, зачем он таскает в кармане это громоздкое оружие, он ответил серьезно

— А меня тут два чиновника собираются побить и уже раз нападали.

— Что же вы можете сделать револьвером?

— Очень просто, убью, как собаку, не поцеремонюсь.

¹ Г-и Каморский, тюремный инспектор при здешнем генерал-губернаторе, сказал мне: «Если в конце концов из 100 каторжных выходит 15—20 порядочных, то этим мы обязаны не столько исправительным мерам, которые мы употребляем, сколько нашим русским судам, присылающим на каторгу так много хорошего, надежного элемента».

² Естественное и непобедимое стремление к высшему благу — свободе, здесь рассматривается, как преступная склонность, и побег наказывается каторжными работами и плетями, как тяжкое уголовное преступление; поселенец, из самых чистых побуждений, Христа ради, приютивший на ночь беглого, наказывается за это каторжными работами. Если поселенец ленится или ведет нетрезвую жизнь, то начальник острова может сослать его в рудник на один год. На Сахалине и долги считаются уголовным преступлением. В наказание за долги посе-

У ссыльных наблюдаются пороки и извращения, свойственные по преимуществу людям подневольным, поработанным, голодным и находящимся в постоянном страхе. Лживость, лукавство, трусость, малодушие, наущничество, кражи, всякого рода тайные пороки — вот арсенал, который выставляет приниженное население, или по крайней мере громадная часть его, против начальников и надзирателей, которых оно не уважает, боится и считает своими врагами. Чтобы избавиться от тяжелой работы или телесного наказания и добыть себе кусок хлеба, щепотку чаю, соли, табаку, ссыльный прибегает к обману, так как опыт показал ему, что в борьбе за существование обман — самое верное и надежное средство. Кражи здесь обычны и похожи на промысел. Арестанты набрасываются на все, что плохо лежит, с упорством и жадностью голодной саранчи, и при этом отдают преимущество съестному и одежде. Воруют они в тюрьме, друг у друга, у поселенцев, на работах, во время загрузки пароходов, и при этом по виртуозной ловкости, с какою совершаются кражи, можно судить, как часто приходится упражняться здешним ворами. Однажды в Дуэ украли с парохода живого барана и кадку с квашней; баржа еще не отходила от парохода, но покражи найти не могли. В другой раз обокрали командира, отвинтили иллюминаторы и компас; в третий раз забрались в каюты иностранного паро-

ленцев не перечисляют в крестьяне. Постановление полиции об отдаче в работы поселенца, за леность и нерадение к устройству своего домообзаводства и за умышленное уклонение от платежа состоящего за ним в казну долга, сроком на один год, начальник острова утверждает с тем, чтобы этот поселенец был отдан предварительно для заработков на пополнение долга в работу в общество «Сахалин» (приказ № 45-й 1890 г.), Короче, ссыльному часто полагаются каторжные работы и плети за проступки, которые при обыкновенных условиях повлекли бы выговор, арест или тюремное заключение. С другой же стороны, кражи, совершаемые так часто в тюрьмах и селениях, редко дают повод к судебному разбирательству, и если судить по официальным цифрам, то можно прийти к совершенно ложному выводу, что ссыльные относятся к чужой собственности даже с большим уважением, чем свободные.

хода и утащили столовое серебро. Во время выгрузки пропадают целые тюки и бочки¹.

Ссылный развлекается тайно, воровским образом. Чтобы добыть стакан водки, который при обыкновенных условиях обходится только в пятак, он должен тайно обратиться к контрабандисту и отдать ему, если нет денег, свой хлеб или что-нибудь из одежды. Единственное духовное наслаждение — игра в карты — возможно только ночью, при свете огарков, или в тайге. Всякое же тайное наслаждение, часто повторяемое, обращается мало-помалу в страсть; при слишком большой раздражительности ссыльных один арестант заражает другого, и в конце концов такие, казалось бы, пустяки, как контрабандная водка и игра в карты, ведут к невероятным беспорядкам. Как я говорил уже, кулаки из ссыльных на тайной торговле спиртом и водкой наживают состояния; это значит, что рядом с ссыльным, имеющим 30—50 тысяч, надо искать людей, которые систематически растрачивают свою пищу и одежду. Картежная игра, как эпидемическая болезнь, овладела уже всеми тюрьмами; тюрьмы представляют собою большие игорные дома, а селения и посты — их филиальные отделения. Дело поставлено очень широко, и говорят даже, что здешние картежники-организаторы, у которых при случайных обысках находят сотни и тысячи рублей, ведут правильные деловые сношения с сибирскими тюрьмами, например с иркутской, где, как выражаются каторжные, идет «настоящая» игра. В Александровске уже несколько игорных домов; в одном из них, на 2-й Кирпичной улице, произошел даже скандал, характерный для притонов подобного рода: застрелился проигравшийся надзиратель. Игра в шток туманит головы, как дурман, и каторжный, проигры-

¹ Мешки с мукой каторжные бросают в воду и достают их потом со дна, вероятно ночью. Помощник командира на одном пароходе говорил мне: «Не успеешь оглянуться, как уже разокрали целое место. Например, когда разгружают бочки с соленой рыбой, то каждый старается набить себе рыбой карманы, рубаху, штаны... И влетает же им за это! Возьмешь рыбину за хвост — и по морде, и по морде...»

вая пищу и одежду, не чувствует голода и холода и, когда его секут, не чувствует боли, и, как это ни странно, даже во время такой работы, как нагрузка, когда баржа с углем стучит бортом о пароход, плещут волны и люди зеленеют от морской болезни, в барже происходит игра в карты, и деловой разговор мешается с картежным: «Отваливай! Два сбоку! Есть!»

А подневольное состояние женщины, ее бедность и унижение служат развитию проституции. Когда я спросил в Александровске, есть ли здесь проститутки, то мне ответили: «Сколько угодно!»¹ Ввиду громадного спроса, занятию проституцией не препятствуют ни старость, ни безобразие, ни даже сифилис в третичной форме. Не препятствует и ранняя молодость. Мне приходилось встречать на улице в Александровске девушку 16 лет, которая, по рассказам, стала заниматься проституцией с 9 лет. У девушки этой есть мать, но семейная обстановка на Сахалине далеко не всегда спасает девушек от гибели. Рассказывают про цыгана, который продает своих дочерей и при этом сам торгуется. Одна женщина свободного состояния в Александровской слободке держит «заведение», в котором оперируют только одни ее родные дочери. В Александровске вообще разврат носит городской характер. Есть даже «семейные бани», содержимые жидом, и уже называют людей, которые промышляют сводничеством.

Рецидивисты, то есть вновь осужденные окружным судом, к 1 января 1890 г., по данным казенных ведомостей, среди каторжных составляли 8%. Были в числе рецидивистов осужденные в 3, 4, 5 и даже 6-й раз, и таких, которые благодаря рецидивам тянули каторжную лямку уже 20—50 лет, было 175 человек, то есть 3% всего числа. Но все это, так сказать, дутые рецидивы, так как в числе рецидивистов показаны главным образом осужденные за побег. Да и отно-

¹ Полицейское управление, впрочем, дало мне список, в котором было только 30 проституток, свидетельствуемых ежедневно врачом.

сительно беглых эти цифры неверны, так как возвращенных с бегов не всегда отдают под суд, а чаще всего управляют с ними домашним порядком. В какой мере ссыльное население преступно, или, иначе говоря, склонно к рецидиву, пока неизвестно. Правда, здесь судят за преступления, но многие дела прекращаются за ненахождением виновных, многие возвращаются для дополнения или разъяснения подсудности или останавливаются в производстве за неполучением необходимых справок из разных сибирских присутственных мест и в конце концов после долгой волокиты поступают в архив за смертью обвиняемого или за невозвращением его из бегов, а главное, едва ли можно положиться на данные следствия, которое ведут молодые люди, нигде не получившие образования, и хабаровского окружного суда, который судит сахалинцев заочно, по одним только бумагам.

В течение 1889 г. под следствием и судом состояло 243 каторжных, то есть 1 подсудимый приходился на 25 каторжных. Поселенцев под судом и следствием было 69, то есть 1 на 55, крестьян же подсудимых только 4, один на 115. Из этих отношений видно, что с облегчением участи, с переходом ссыльного в более свободное состояние, шансы его попасть под суд всякий раз уменьшаются вдвое. Все эти цифры означают нахождение под судом и следствием, а не преступность за 1889 г., так как в числе дел за этот год показаны также дела, начатые много лет назад и еще не оконченные. Эти цифры могут дать читателю понятие о том, какое громадное число людей на Сахалине томится ежегодно под судом и следствием благодаря тому, что дела тянутся по многу лет, и читатель может себе представить, как губительно должен этот порядок отзываться на экономическом состоянии населения и его психике¹.

¹ Под судом и следствием за побег в 1889 г. находились 171 каторжный. Дело о побеге некоего Колосовского начато в июле 1887 г. и остановилось вследствие неявки к допросу свидетелей. Дела о побеге со взломом тюрьмы начаты в сентябре 1883 г. и предложены г. прокурором на решение приморского

Следствие поручается обыкновенно помощнику смотрителя тюрьмы или секретарю полицейского управления. По словам начальника острова, «следственные дела начинаются без достаточных поводов,

окружного суда в июле 1889 г. Дело Лесникова начато в марте 1885 г. и кончено в феврале 1889 г. и т. д. Наибольшее число дел в 1889 г. дали побеги — 70%, затем убийства и вообще прикосновенность к убийству — 14%. Если бы можно было не считать побегов, то половина всех дел относилась бы к убийствам. Убийство — одно из самых частых преступлений на Сахалине, вероятно, потому, что половину ссыльных составляют осужденные за убийство. Здешние убийцы совершают убийства с необыкновенною легкостью. Когда я был в Рыковском, там на казенных огородах один каторжный хватил другою по шее ножом для того, как объяснил он, чтобы не работать, так как подсудимые сидят в карцерах и ничего не делают. В Голом Мысу молодой столяр Плаксин убил своего друга из-за нескольких серебряных монет. В 1885 г. беглые каторжные напали на айновское селение и, по-видимому, только ради сильных ощущений занялись истязанием мужчин и женщин, последних изнасиловали, — и в заключение повесили детей на перекладинах. Большинство убийств поражают своим бессмыслием и жестокостью. Дела об убийствах тянутся страшно долго. Так, одно дело было начато в сентябре 1881 г., а кончено лишь в апреле 1888 г.; другое дело начато в апреле 1882 г., а кончено в августе 1889 г. Не кончено даже еще только что рассказанное мною дело об убийстве айнских семейств: «Дело об убийстве айнов решено военно-полевым судом, и 11 человек обвиняемых ссыльнокаторжных казнены смертною казнью, о решении же военно-полевого суда по отношению к остальным пяти подсудимым полицейскому управлению неизвестно. Сделаны представления г. начальнику о. Сахалина рапортами от 13 июня и 23 октября 1889 г.». Особенно долго тянутся дела о «перемене имени и фамилии». Так, одно дело началось в марте 1880 г. и продолжается до сих пор, так как еще не получены из якутского губернского правления справки; другое дело начато в 1881 г., третье — в 1882 г. Под судом и следствием «за подделку и сбыт фальшивых кредитных билетов» — 8 каторжных. Говорят, что фальшивые бумажки фабрикуются на самом Сахалине. Арестанты, разгружая иностранные пароходы, покупают здесь у буфетчиков табак и водку и платят обыкновенно фальшивыми бумажками. Тот еврей, у которого украли на Сахалине 56 тысяч, был прислан за фальшивые бумажки; он уже отбыл сроки и гуляет по Александровску в шляпе, пальто и с золотою цепочкой; с чиновниками и надзирателями он всегда говорит вполголоса, полушепотом, и благодаря, между прочим, доносу этого гнусного человека был арестован и закован в кандалы. Много семейный крестьянин, тоже еврей, который был осужден когда-то военным судом «за бунт» в бессрочную каторгу, но на

ведутся вяло и неумело, а прикосновенные арестанты содержатся без всяких оснований». Подозреваемого или обвиняемого берут под стражу и сажают в карцер. Когда в Голом Мысу был убит поселенец, то было заподозрено и взято под стражу четыре человека;¹ их посадили в темные холодные карцеры. Через несколько дней троих выпустили и оставили только одного; этого заковали в кандалы и приказали выдавать ему горячую пищу только через два дня в третий; затем, по жалобе надзирателя, велено было дать ему 100 розог, и так держали его в темноте, впроголодь и под страхом, пока он не сознался. В это время в тюрьме содержалась также женщина свободного состояния Гаранина, подозреваемая в убийстве мужа; она тоже сидела в темном карцере и получала горячую пищу через два дня в третий. Когда один чиновник допрашивал ее при мне, то она заявила, что она давно уже больна и что ее не хотят почему-то показать доктору. Когда чиновник спросил у надзирателя, приставленного к карцерам, почему до сих пор не позаботились насчет доктора, то он ответил буквально так:

— Я докладывал господину смотрителю, но они сказали: пусть издыхает!

Это неуменье отличать предварительное заключение от тюремного (да еще в темном карцере каторжной тюрьмы!), неуменье отличать свободных от каторжных удивило меня тем более, что здешний окруж-

пути через Сибирь в его статейном списке посредством подлога срок наказания был сокращен до 4 лет. В «Ведомости о состоявших под следствием и судом в течение минувшего 1889 г.», между прочим, названы дела «о краже из цейхгауза корсаковской местной команды»; обвиняемый находится под судом с 1884 г., но «сведений о времени начатия и окончания следственного дела в делах бывшего начальника Южно-Сахалинского округа не имеется, когда дело окончено производством — неизвестно», и дело это, по предписанию начальника острова, в 1889 г., передано в окружной суд. И по смыслу выходит так, будто виновного будут судить во второй раз.

¹ По «Уставу о ссыльных», для взятия ссыльного под стражу начальство не стесняется правилами, изложенными в законах судопроизводства; ссыльный может быть задержан во всяком случае, коль скоро есть на него подозрение (ст. 484).

ной начальник кончил курс по юридическому факультету, а смотритель тюрьмы служил когда-то в петербургской полиции.

В другой раз я был в карцерах уже с начальником округа, рано утром. Когда выпустили из карцеров четырех ссыльных, подозреваемых в убийстве, то они дрожали от холода. Гаранина была в чулках без башмаков, тоже дрожала и щурилась от света. Начальник округа приказал перевести ее в светлое помещение. Между прочим, на этот раз я тут заметил грузина, который бродил как тень около входов в карцеры; он уже пять месяцев сидит здесь, в темных сенях, как подозреваемый в отравлении, и ждет расследования, которое до сих пор еще не началось.

Товарищ прокурора на Сахалине не живет, и за ходом следствия наблюдать некому. Направление и быстрота следствия поставлены в полную зависимость от разных случайностей, не имеющих никакого отношения к самому делу. В одной ведомости я прочел, что убийство некоей Яковлевой совершено «с целью грабежа с предварительным покушением на изнасилование, на что указывает сдвинутая на кровати постель и свежие царапины и отпечатки гвоздей от каблуков на задней стенке кровати». Такое соображение предрешает судьбу всего дела, вскрытие же в подобных случаях не считается необходимым. В 1888 г. один беглокаторжный убил рядового Хромятых, и вскрытие было произведено только в 1889 г., по требованию прокурора, когда уже следствие было окончено и дело препровождено в суд¹.

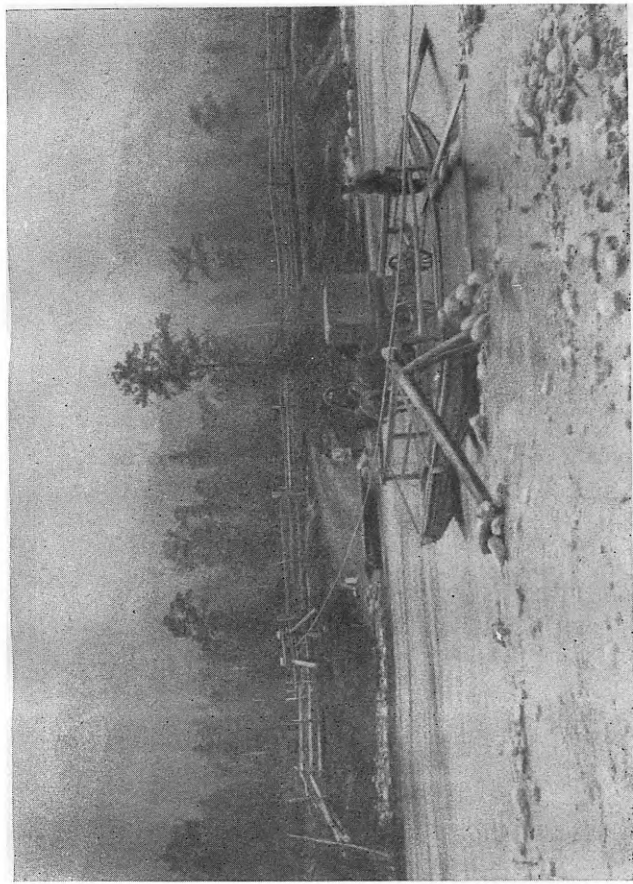
¹ В прежнее время, случалось, дела таинственно исчезали или прекращались вдруг «по загадочной причине» (см. «Владивосток» 1885 г., № 43). Между прочим, раз даже украли дело, решенное полевым судом. Г-н Власов в своем отчете упоминает о бессрочно каторжном Айзике Шапире. Этот еврей жил в Дуэ и торговал здесь водкой. В 1870 г. он обвинялся в растлении 5-летней девочки, но дело, несмотря на существование поличного и улики, было загашено. Следствие по этому делу производил офицер постовой команды, который заложил тому же Шапире ружье и состоял у него в денежной зависимости; когда дело было отобрано от офицера, то не оказалось документов, избличавших Шапире. Последний пользовался в Дуэ большим по-

Ст. 469 «Устава» дает право местному начальству без формального полицейского исследования определять и приводить в исполнение наказания за такие преступления и проступки ссыльных, за которые по общим уголовным законам полагаются наказания, не превосходящие лишения всех особенных прав и преимуществ с заключением в тюрьме. Вообще же мало-важные дела на Сахалине ведает формальная полицейская расправа, которая принадлежит здесь полицейским управлениям. Несмотря на такую широкую компетенцию этого местного суда, которому подсудны все мало-важные дела, а также множество дел, которые считаются мало-важными только условно, население здешнее не знает правосудия и живет без суда. Где чиновник имеет право по закону без суда и расследования наказывать розгами и посадить в тюрьму, и даже послать в рудник, там существование суда имеет лишь формальное значение¹.

Наказания за важные преступления определяются приморским окружным судом, который решает дела по одним лишь бумагам, не допрашивая подсудимых и свидетелей. Решение окружного суда всякий раз представляется на утверждение начальника острова, который в случае несогласия с приговором разрешает дело своею властью, причем о всяком изменении приговора доносит правительствующему сенату. В случае если какое-нибудь преступление кажется администрации из ряда вон выходящим, а наказание, следующее за него по «Уставу о ссыльных», недостаточно высоким, то она ходатайствует о предании виновного военно-полевому суду.

четом. Когда однажды начальник поста спросил, где Шапира, то ему ответили: «Они пошли чай пить».

¹ В селении Андрее-Ивановском в дождливую ночь у С. украли свинью. Подозрение пало на З., у которого панталоны были опачканы в свиной кал. Сделали у него обыск, но свиньи не нашли; тем не менее все-таки сельское общество приговорило отобрать свинью, принадлежащую его квартирохозяину А., который мог быть виновен в укрывательстве. Начальник округа утвердил этот приговор, хотя находил его несправедливым «Если мы не будем утверждать сельские приговоры,— сказал он мне,— то Сахалин тогда совсем останется без суда».

Сахалинский пейзаж. Паром. Фотография. 1890.

Наказания, которые полагаются каторжным и поселенцам за преступления, отличаются чрезмерною суровостью, и если наш «Устав о ссыльных» находится в полном несоответствии с духом времени и законов, то это прежде всего заметно в той его части, которая трактует о наказаниях. Наказания, унижающие преступника, ожесточающие его и способствующие огрубению нравов и давно уже признанные вредными для свободного населения, оставлены для поселенцев и каторжных, как будто ссыльное население подвержено меньшей опасности огрубеть, ожесточиться и окончательно потерять человеческое достоинство. Розги, плети, прикование к тележке,—наказания, позорящие личность преступника, причиняющие его телу боль и мучения,—применяются здесь широко. Наказание плетями или розгами полагается за всякое преступление, будь то уголовное или мало-важное; применяется ли оно, как дополнительное, в соединении с другими наказаниями, или самостоятельно, оно все равно составляет необходимое содержание всякого приговора.

Самое употребительное наказание — розги¹. Как показано в «Ведомости», в Александровском округе в

¹ Туз на спине, бритые половины головы и оковы, служившие в прежнее время для предупреждения побегов и для удобнейшего распознавания ссыльных, утратили свое прежнее значение и сохраняются теперь лишь как позорящие наказания. Туз, четырехугольный лоскут, до двух вершков во все стороны, должен, по «Уставу», быть отличного цвета от самой одежды; до последнего времени он был желтым, но так как это цвет амурских и забайкальских казаков, то барон Корф приказал делать тузы из черного сукна. Но на Сахалине тузы утратили всякое значение, так как к ним давно уже пригляделись и не замечают их. То же самое можно сказать и о бритых головах. На Сахалине бреют головы очень редко, только возвращенным с бегов, подследственным и прикованным к тачкам, а в Корсаковском округе вовсе не бреют. По «Уставу о содержащихся под стражей», вес кандалов должен быть от пяти до пяти с половиною фунтов. Из женщин при мне была закована только одна Золотая Ручка, на которой были ручные кандалы. Для испытываемых ношение оков обязательно, но «Устав» разрешает снимать оковы, когда это необходимо для производства работ, а так как почти на всякой работе кандалы служат помехой, то громадное большинство каторжных освобождено от них. Даже

течение 1889 г. было наказано административным порядком 282 каторжных и поселенцев: телесно, то есть розгами, 265 и иными мерами 17. Значит, из 100 случаев в 94 администрация прибегает к розгам. На самом деле далеко не все число наказанных телесно попадает в ведомость: в ведомости Тымовского округа показано за 1889 г. только 57 каторжных, наказанных розгами, а в Корсаковском только 3, между тем как в обоих округах секут каждый день по несколько человек, а в Корсаковском иногда по десятку. Поводом к тому, чтобы дать человеку 30 или 100 розог, служит обыкновенно всякая провинность: неисполнение дневного урока (например, если сапожник не сшил положенных трех пар котов, то его секут), пьянство, грубость, непослушание... Если не исполнили урока 20—30 рабочих, то секут всех 20—30. Один чиновник говорил мне:

— Арестанты, особенно кандалные, любят подавать всякие вздорные прошения. Когда я был назначен сюда и в первый раз обходил тюрьму, то мне было подано до пятидесяти прошений; я принял, но объявил просителям, что те из них, прошения которых окажутся не заслуживающими внимания, будут наказаны. Только два прошения оказались уважительными, остальные же — чепухой. Я велел высечь сорок восемь человек. Затем в другой раз двадцать пять, потом все меньше и меньше, и теперь уже просьб мне не подают. Я отучил их.

На юге у одного каторжного по доносу другого сделали обыск и нашли дневник, который был принят

далеко не все бессрочные закованы, хотя, по «Уставу», должны содержаться в ручных и ножных кандалах. Как ни легки кандалы, но все же они до известной степени стесняют движение. К ним тоже привыкают, хотя далеко не все. Мне случилось видеть арестантов, уже немолодых, которые при посторонних прикрывали кандалы полами халатов; у меня есть фотография, где изображена толпа дуйских и воеводских каторжных на раскомандировке, и большинство закованных постаралось стать так, чтобы кандалы на фотографии не вышли. Очевидно, как позорящее наказание, цепи во многих случаях достигают цели, но то чувство унижения, которое они вызывают в преступнике, едва ли имеет что-нибудь общего со стыдом.

за черновые корреспонденции; ему дали 50 розог и 15 дней продержали в темном карцере на хлебе и на воде. Смотритель поселений, с ведома окружного начальника, подверг телесному наказанию почти всю Лютогу. Вот как описывает это начальник острова: «Начальник Корсаковского округа доложил мне, между прочим, о крайне серьезном случае превышения власти, которое позволил себе (имярек) и которое состояло в жестоком телесном наказании некоторых поселенцев и в мере, далеко превышающей законом установленную норму. Случай этот, возмутительный сам по себе, представляется мне еще более резким при разборе обстоятельств, вызвавших это наказание правого и виноватого, не исключая даже беременной женщины, без всякого рассмотрения дела, состоявшего в простой и безрезультатной драке между ссыльнопоселенцами» (приказ № 258-й 1888 г.).

Чаще всего провинившемуся дают 30 или 100 розог. Это зависит не от вины, а от того, кто распорядился наказать его, начальник округа или смотритель тюрьмы: первый имеет право дать до 100, а второй до 30. Один смотритель тюрьмы всегда аккуратно давал по 30, когда же ему пришлось однажды исполнять должность начальника округа, то свою обычную порцию он сразу повысил до 100, точно эти сто розог были необходимым признаком его новой власти; и он не изменял этому признаку до самого приезда начальника округа, а потом опять, так же добросовестно и сразу, съехал на 30. Наказание розгами от слишком частого употребления в высшей степени опошлилось на Сахалине, так что уже не вызывает во многих ни отвращения, ни страха, и говорят, что между арестантами уже немало таких, которые во время экзекуции не чувствуют даже боли.

Плети применяются гораздо реже, только вследствие приговоров окружных судов. Из отчета заведующего медицинскую частью видно, что в 1889 г. «для определения способности перенести телесное наказание по приговорам судов» было освидетельствовано врачами 67 человек. Это наказание из всех употребляемых на Сахалине самое отвратительное по

своей жестокости и обстановке, и юристы Европейской России, приговаривающие бродяг и рецидивистов к плетям, давно бы отказались от этого наказания, если б оно исполнялось в их присутствии. От позорного, оскорбляющего чувство зрелища они, однако, ограждены 478 ст. «Устава», по которой приговоры русских и сибирских судов приводятся в исполнение на месте ссылки.

Как наказывают плетями, я видел в Дуэ. Бродяга Прохоров, он же Мыльников, человек лет 35—40, бежал из Воеводской тюрьмы и, устроивши небольшой плот, поплыл на нем к материку. На берегу, однако, заметили вовремя и послали за ним вдогонку катер. Началось дело о побеге, заглянули в статейный список и вдруг сделали открытие: этот Прохоров, он же Мыльников, в прошлом году за убийство казака и двух внучек был приговорен хабаровским окружным судом к 90 плетям и прикованию к тачке, наказание же это, по недосмотру, еще не было приведено в исполнение. Если бы Прохоров не вздумал бежать, то, быть может, так бы и не заметили ошибки и дело обошлось бы без плетей и тачки, теперь же экзекуция была неизбежна. В назначенный день, 13 августа, утром, смотритель тюрьмы, врач и я подходили не спеша к канцелярии; Прохоров, о приводе которого было сделано распоряжение еще накануне, сидел на крыльце с надзирателями, не зная еще, что ожидает его. Увидав нас, он встал и, вероятно, понял, в чем дело, так как сильно побледнел.

— В канцелярию! — приказал смотритель.

Вошли в канцелярию. Ввели Прохорова. Доктор, молодой немец, приказал ему раздеться и выслушал сердце для того, чтоб определить, сколько ударов может вынести этот арестант. Он решает этот вопрос в одну минуту и затем с деловым видом садится писать акт осмотра.

— Ах, бедный! — говорит он жалобным тоном с сильным немецким акцентом, макая перо в чернильницу. — Тебе небось тяжело в кандалах! А ты попроси вот господина смотрителя, он велит снять.

Прохоров молчит; губы у него бледны и дрожат.

— Тебя ведь понапрасну,— не унимается доктор.— Все вы понапрасну. В России такие подозрительные люди! Ах, бедный, бедный!

Акт готов; его приобщают к следственному делу о побеге. Затем наступает молчание. Писарь пишет, доктор и смотритель пишут... Прохоров еще не знает наверное, для чего его позвали сюда: только по одному побегу или же по старому делу и побегу вместе? Неизвестность томит его.

— Что тебе снилось в эту ночь? — спрашивает наконец смотритель.

— Забыл, ваше высокоблагородие.

— Так вот слушай,— говорит смотритель, глядя в статейный список.— Такого-то числа и года хабаровским окружным судом за убийство казака ты приговорен к девяноста плетям... Так вот сегодня ты должен их принять.

И, хлопнув арестанта ладонью по лбу, смотритель говорит наставительно:

— А все отчего? Оттого, что хочешь быть умнее себя, голова. Всё бегаете, думаете лучше будет, а выходит хуже.

Идем все в «помещение для надзирателей» — старое серое здание барачного типа. Военный фельдшер, стоящий у входа, просит умоляющим голосом, точно милостыни:

— Ваше высокоблагородие, позвольте посмотреть, как наказывают!

Посреди надзирательской стоит покатая скамья с отверстиями для привязывания руки ног. Палач Толстых, высокий, плотный человек, имеющий сложение силача-акробата, без сюртука, в расстегнутой жилетке¹, кивает головой Прохорову; тот молча ложится. Толстых не спеша, тоже молча, спускает ему штаны до колен и начинает медленно привязывать к скамье руки и ноги. Смотритель равнодушно поглядывает в окно, доктор прохаживается. В руках у него какие-то капли.

¹ Он был прислан на каторгу за то, что отрубил своей жене голову.

— Может, дать тебе стакан воды? — спрашивает он.

— Ради бога, ваше высокоблагородие.

Наконец Прохоров привязан. Палач берет плеть с тремя ременными хвостами и не спеша расправляет ее.

— Поддержись! — говорит он негромко и, не размахиваясь, а как бы только примериваясь, наносит первый удар.

— Ра-аз! — говорит надзиратель дьячковским голосом.

В первое мгновение Прохоров молчит и даже выражение лица у него не меняется, но вот по телу пробегает судорога от боли, и раздается не крик, а визг.

— Два! — кричит надзиратель.

Палач стоит сбоку и бьет так, что плеть ложится поперек тела. После каждых пяти ударов он медленно переходит на другую сторону и дает отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже после 5—10 ударов тело, покрытое рубцами еще от прежних плетей, побагровело, посинело; кожица лопается на нем от каждого удара.

— Ваше высокоблагородие! — слышится сквозь визг и плач. — Ваше высокоблагородие! Пощадите, ваше высокоблагородие!

И потом, после 20—30 удара, Прохоров причитывает, как пьяный или точно в бреду:

— Я человек несчастный, я человек убитый... За что же это меня наказывают?

Вот уже какое-то странное вытягивание шеи, звуки рвоты... Прохоров не произносит ни одного слова, а только мычит и хрипит; кажется, что с начала наказания прошла целая вечность, но надзиратель кричит только: «Сорок два! Сорок три!» До девяноста далеко. Я выхожу наружу. Кругом на улице тихо, и раздрающие звуки из надзирательской, мне кажется, проносятся по всему Дуэ. Вот прошел мимо каторжный в вольном платье, мельком взглянул на надзирательскую, и на лице его и даже в походке выразился ужас. Вхожу опять в надзирательскую, потом опять выхожу, а надзиратель все еще считает.

Наконец девяносто. Прохорову быстро распутывают руки и ноги и помогают ему подняться. Место, по которому били, сине-багрово от кровоподтеков и кровоточит. Зубы стучат, лицо желтое, мокрое, глаза блуждают. Когда ему дают капель, он судорожно кусает стакан... Помочили ему голову и повели в околоток.

— Это за убийство, а за побег еще будет особо,— поясняют мне, когда мы возвращаемся домой.

— Люблю смотреть, как их наказывают! — говорит радостно военный фельдшер, очень довольный, что насытился отвратительным зрелищем.— Люблю! Это такие негодяи, мерзавцы... вешать их!

От телесных наказаний грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании. Исключения не составляют даже образованные люди. По крайней мере я не замечал, чтобы чиновники с университетским образованием относились к экзекуциям иначе, чем военные фельдшера или кончившие курс в юнкерских училищах и духовных семинариях. Иные до такой степени привыкают к плетям и розгам и так грубеют, что в конце концов даже начинают находить удовольствие в дранье. Про одного зрителя тюрьмы рассказывают, что, когда при нем секли, он насвистывал; другой, старик, говорил арестанту с злорадством: «Что ты кричишь, господь с тобой? Ничего, ничего, поддержишь! Всыпь ему, сыпь! Жигани его!» Третий велел привязывать арестанта к скамье за шею, чтобы тот хрипел, давал 5—10 ударов и уходил куда-нибудь на час-другой, потом возвращался и давал остальные ¹.

¹ Ядринцев рассказывает про некоего Демидова, который, чтобы раскрыть все подробности одного преступления, пытал через палача жену убийцы, которая была женщина свободная, пришедшая в Сибирь с мужем добровольно и, следовательно, избавленная от телесного наказания; потом он пытал 11-летнюю дочь убийцы; девочку держали на воздухе, и палач сек ее розгой с головы до пят; ребенка даже было дано несколько ударов плетью, и когда она попросила пить, ей подали соленого омуля. Плетей дано было бы и больше, если бы сам палач не отказался продолжать бить. «И между тем,— говорит Ядринцев,— жесто-

В состав военно-полевого суда входят местные офицеры по назначению начальника острова; военно-судное дело вместе с приговором суда посылается на конфирмацию генерал-губернатору. В прежнее время приговоренные по два, по три года томились в карцерах, ожидая конфирмации, теперь же судьба их решается по телеграфу. Обычный приговор военно-полевого суда — смертная казнь через повешение. Генерал-губернатор иногда смягчает приговор, заменяя казнь ста плетями, прикованием к тачке и содержанием в разряде испытуемых без срока. Если приговорен к казни убийца, то приговор смягчается очень редко. «Убийц я вешаю», — сказал мне генерал-губернатор.

Накануне казни, вечером и ночью, приговоренного напутствует священник. Напутствие заключается в исповеди и беседе. Один священник рассказывал мне:

«— В начале моей деятельности, когда мне еще было двадцать пять лет, пришлось мне однажды напутствовать в Воеводской тюрьме двух приговоренных к повешению за убийство поселенца из-за рубля

кость Демидова есть естественное последствие того воспитания, которое он должен был получить, долго управляя ссыльною массою» («Положение ссыльных в Сибири» — «Вестник Европы» 1875 г., кн. XI и XII). Власов рассказывает в своем отчете про поручика Евфонова, слабость которого, «с одной стороны, привела к тому, что казарма, в которой жили каторжные, обратилась в кабак с карточной игрой и вертеп преступлений разного рода, а с другой — порывистая его жестокость вызвала ожесточение со стороны каторжных. Один из преступников, желая избавиться от неумеренного количества розог, убил надзирателя перед наказанием».

Теперешний начальник острова ген. Кононович всегда против телесных наказаний. Когда ему представляют на утверждение приговоры полицейских управлений и хабаровского суда, то он обыкновенно пишет: «Утверждаю, кроме телесного наказания». К сожалению, за недосугом, он очень редко бывает в тюрьмах и не знает, как часто у него на острове, даже в 200—300 шагах от его квартиры, секут людей розгами, и о числе наказанных судит только по ведомостям. Однажды, когда я сидел у него в гостинной, он в присутствии некоторых чиновников и одного приезжего горного инженера сказал мне:

— У нас, на Сахалине, прибегают к телесным наказаниям чрезвычайно редко, почти никогда.

сорока копеек. Вошел я к ним в карцер и струсил с непривычки; велел не затворять за собой дверей и не уходить часовому. А они мне:

— Не бойтесь, батюшка, мы вас не убьем. Садитесь.

Спрашиваю: где же сесть? Указывают на нары. Я сел на бочонок с водой, потом, набравшись духу, сел на нары между обоими преступниками. Спросил, какой губернии, то да сё, потом стал напутствовать. Только во время исповеди гляжу — проносят мимо окна столбы для виселицы и всякие эти принадлежности.

— Что это? — спрашивают арестанты.

— Это, говорю им, должно быть, у смотрителя строят что-нибудь.

— Нет, батюшка, это нас вешать. Вот что, батюшка, нельзя ли нам водочки выпить?

— Не знаю, говорю, пойду спрошу.

Я пошел к полковнику Л. и сказал ему, что приговоренные хотят выпить. Полковник дал мне бутылку и, чтобы разговоров не было, приказал разводящему увести часового. Я достал рюмку у караульного и пошел в карцер к арестантам. Налил рюмку.

— Нет, говорят, батюшка, выкушайте вы сначала, а то мы пить не станем.

Пришлось выпить рюмку. А закусить нечем.

— Ну, говорят, от водки мысли прояснились.

После этого продолжаю их напутствовать. Говорю с ними час-другой. Вдруг команда:

— Выводить!

Потом, когда их повесили, я с непривычки долго боялся в темную комнату входить».

Страх смерти и обстановка казни действуют на приговоренных угнетающим образом. На Сахалине еще не было случая, чтобы преступник шел на казнь бодро. У каторжного Черношея, убийцы лавочника Никитина, когда перед казнью вели его из Александровска в Дуэ, сделались спазмы мочевого пузыря, и он то и дело останавливался; его товарищ по преступлению Кинжалов стал заговариваться. Перед казнью надевают саван, читают отходную. Когда каз-

нили убийц Никитина, то один из них не вынес отходной и упал в обморок. Самому молодому из убийц, Пазухину, уже после того, как на него был надет саван и прочли ему отходную, было объявлено, что он помилован; казнь ему была заменена другим наказанием. Но сколько должен был пережить в короткое время этот человек! Всю ночь разговор со священниками, торжественность исповеди, под утро полстакана водки, команда «выводи», саван, отходная, потом радость по случаю помилования и тотчас же после казни товарищей сто плетей, после пятого удара обморок и в конце концов прикование к тачке.

В Корсаковском округе за убийство айно было приговорено к смертной казни 11 человек. Всю ночь накануне казни чиновники и офицеры не спали, ходили друг к другу, пили чай. Было общее томление, и никто не находил себе места. Двое из приговоренных отравились борцом — большая неприятность для военной команды, на ответственности которой находились приговоренные. Начальник округа слышал ночью суматоху, и ему было доложено, что двое отравились, но все же перед самою казнью, когда все собрались около виселиц, должен был задать начальнику команды вопрос:

— Приговорено было к смертной казни одиннадцать, а тут я вижу только девять. Где же остальные два?

Начальник команды, вместо того чтобы ответить ему так же официально, забормотал нервно:

— Ну повесьте меня самого. Повесьте меня...

Было раннее октябрьское утро, серое, холодное, темное. У приговоренных от ужаса лица желтые и шевелятся волосы на голове. Чиновник читает приговор, дрожит от волнения и заикается оттого, что плохо видит. Священник в черной ризе дает всем девяти поцеловать крест и шепчет, обращаясь к начальнику округа:

— Ради бога, отпустите, не могу...

Длинная процедура: нужно надеть на каждого саван, подвести к эшафоту. Когда наконец повесили девять человек, то получилась в воздухе «целая гир-

лянда», как выразился начальник округа, рассказывавший мне об этой казни. Когда сняли казненных, то доктора нашли, что один из них еще жив. Эта случайность имела особое значение: тюрьма, которой известны тайны всех преступлений, совершаемых ее членами, в том числе палач и его помощники, знали, что этот живой не виноват в том преступлении, за которое его вешали.

— Повесили в другой раз,— заключил свой рассказ начальник округа.— Потом я не мог спать целый месяц.

XXII

Беглые на Сахалине.— Причины побегов.— Состав беглых по происхождению, разрядам и проч.

Как на одно из главных и особенно важных преимуществ Сахалина известный комитет 1868 г. указывал на его островное положение. На острове, отделяемом от материка бурным морем, казалось, не трудно было создать большую морскую тюрьму по плану: «кругом вода, а в середине беда», и осуществить римскую ссылку на остров, где о побеге можно было бы только мечтать. На деле же, с самого начала сахалинской практики, остров оказался как бы островом, *quasi insula*¹. Пролив, отделяющий остров от материка, в зимние месяцы замерзает совершенно, и та вода, которая летом играет роль тюремной стены, зимою бывает ровна и гладка, как поле, и всякий желающий может пройти его пешком или переехать на собаках. Да и летом пролив ненадежен: в самом узком месте, между мысами Погоби и Лазарева, он не шире шести-семи верст, а в тихую, ясную погоду не трудно переплыть на плохой гиляцкой лодке и сто верст. Даже там, где пролив широк, сахалинцы видят материковый берег довольно ясно; туманная полоса земли с красивыми горными пиками изо дня в день манит к себе и искушает ссыльного, обещая ему сво-

¹ мнимым островом (лат.).

боду и родину. Комитет, кроме этих физических условий, не предвидел еще, или упустил из виду, побег не на материк, а внутрь острова, причиняющие хлопот не меньше, чем побег на материк, и, таким образом, островное положение Сахалина далеко не оправдало надежд комитета.

Но оно все-таки остается преимуществом. Из Сахалина бежать нелегко. Бродяги, на которых в этом отношении можно положиться, как на специалистов, заявляют откровенно, что бежать из Сахалина гораздо труднее, чем, например, из Карийской или Нерчинской каторги. При совершенной распущенности и всяких послаблениях, какие имели место при старой администрации, сахалинские тюрьмы все-таки оставались полными, и арестанты бегали не так часто, как, быть может, хотели того смотрители тюрем, для которых побег составляли одну из самых доходных статей. Нынешние чиновники сознаются, что если бы не страх перед физическими препятствиями, то при разбросанности каторжных работ и слабости надзора на острове оставались бы только те, кому нравится здесь жить, то есть никто.

Но среди препятствий, удерживающих людей от побегов, страшно главным образом не море. Непроходимая сахалинская тайга, горы, постоянная сырость, туманы, безлюдье, медведи, голод, мошка, а зимою страшные морозы и метели — вот истинные друзья надзора. В сахалинской тайге, где на каждом шагу приходится преодолевать горы валежного леса, жесткий, путающийся в ногах багульник или бамбук, тонуть по пояс в болотах и ручьях, отмахиваться от ужасной мошки, — даже вольные сытые ходоки делают не больше 8 верст в сутки, человек же, истощенный тюрьмой, питающийся в тайге гнилушками с солью и не знающий, где север, а где юг, не делает в общем и 3—5 верст. К тому же он вынужден идти не прямою дорогой, а далеко в обход, чтобы не попасть на кордон. Проходит в бегах неделя-другая, редко месяц, и он, изнуренный голодом, поносами и лихорадкой, искусанный мошкой, с избитыми, опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибает где-

нибудь в тайге или же через силу плетется назад и просит у бога, как величайшего счастья, встречи с солдатом или гиляком, который доставил бы его в тюрьму.

Причиной, побуждающею преступника искать спасения в бегах, а не в труде и не в покаянии, служит главным образом не засыпающее в нем сознание жизни. Если он не философ, которому везде и при всех обстоятельствах живется одинаково хорошо, то не хотеть бежать он не может и не должен.

Прежде всего ссыльного гонит из Сахалина его страстная любовь к родине. Послушать каторжных, то какое счастье, какая радость жить у себя на родине! О Сахалине, о здешней земле, людях, деревьях, о климате говорят с презрительным смехом, отвращением и досадой, а в России все прекрасно и уповательно; самая смелая мысль не может допустить, чтобы в России могли быть несчастные люди, так как жить где-нибудь в Тульской или Курской губернии, видеть каждый день избы, дышать русским воздухом само по себе есть уже высшее счастье. Пошли, боже, нужду, болезни, слепоту, немоту и срам от людей, но только приведи помереть дома. Одна старушка, каторжная, бывшая некоторое время моею прислугой, восторгалась моими чемоданами, книгами, одеялом и потому только, что все это не сахалинское, а из нашей стороны; когда ко мне приходили в гости священники, она не шла под благословение и смотрела на них с усмешкой, потому что на Сахалине не могут быть настоящие священники. Тоска по родине выражается в форме постоянных воспоминаний, печальных и трогательных, сопровождаемых жалобами и горькими слезами, или в форме несбыточных надежд, поражающих часто своею нелепостью и похожих на сумасшествие, или же в форме ясно выраженного, несомненного умопомешательства¹.

¹ В нашем Владивостоке среди чиновников и моряков нередко наблюдается ностальгия; я сам видел там двух сумасшедших чиновников — юриста и капельмейстера. Если эти случаи нередки в среде свободных и живущих при сравнительно здо-

Гонит ссыльных из Сахалина также стремление к свободе, присущее человеку и составляющее, при нормальных условиях, одно из его благороднейших свойств. Пока ссыльный молод и крепок, то старается убежать возможно подальше, в Сибирь или Россию. Обыкновенно его ловят, судят, отправляют назад на каторгу, но это не так страшно; в медленном, пеше-этапном хождении по Сибири, в частой перемене тюрем, товарищей и конвойных и в дорожных приключениях есть своя особенная поэзия и все-таки больше похожего на свободу, чем в Воеводской тюрьме или на дорожных работах. Ослабевши с годами, потеряв веру в свои ноги, он бежит уже куда-нибудь поближе, на Амур или даже в тайгу, или на гору, только бы подальше от тюрьмы, чтобы не видеть постылых стен и людей, не слышать бряцанья оков и каторжных разговоров. В Корсаковском посту живет ссыльнокаторжный Алтухов, старик лет 60 или больше, который убегает таким образом: берет кусок хлеба, запирает свою избу и, отойдя от поста не больше как на полверсты, садится на гору и смотрит на тайгу, на море и на небо; посидев так дня три, он возвращается домой, берет провизию и опять идет на гору... Прежде его секли, теперь же над этими его побегами только смеются. Одни бегут в расчете погулять на свободе месяц, неделю, другим бывает достаточно и одного дня. Хоть день, да мой. Тоска по свободе овладевает некоторыми субъектами периодически и в этом отношении напоминает запой или падучую; рассказывают, будто она является в известное время года или месяца, так что благонадежные каторжные, чувствуя приближение припадка, всякий раз предупреждают о своем побеге начальство. Обыкновенно наказывают плетями или розгами всех бегунов без разбора, но уж одно то, что часто побеги от начала до конца поражают свою несообразностью, бессмыслицей, что часто благоразумные, скромные и семейные люди убегают без одежды, без хлеба, без цели, без плана, с уве-

ровой обстановке людей, то на Сахалине, понятно само собою, они должны быть очень часты.

ренностью, что их непременно поймают, с риском потерять здоровье, доверие начальства, свою относительную свободу и иногда даже жалование, с риском замерзнуть или быть застреленным,— уже одна эта несообразность должна бы подсказывать сахалинским врачам, от которых зависит наказать или не наказать, что во многих случаях они имеют дело не с преступлением, а с болезнью.

К общим причинам побегов следует отнести также пожизненность наказания. У нас, как известно, каторжные работы сопряжены с поселением в Сибири навсегда; приговоренный к каторге удаляется из нормальной человеческой среды без надежды когда-либо вернуться в нее и таким образом как бы умирает для того общества, в котором он родился и вырос. Каторжные так и говорят про себя: «Мертвые с погоста не возвращаются». Вот эта-то полная безнадежность ссыльного и его отчаяние приводят его к решению: уйти, переменить судьбу,— хуже не будет! Если он бежит, то так про него и говорят: «Он пошел менять судьбу». Если его ловят и возвращают, то это называется так: не пофортунило, не пофортовало. При пожизненности ссылки побег и бродяжество составляют неизбежное, необходимое зло и даже служат как бы предохранительным клапаном. Если бы была какая-нибудь возможность отнять у ссыльного надежду на побег, как на единственный способ изменить свою судьбу, вернуться с погоста, то его отчаяние, не находя выхода, быть может, проявляло бы себя как-нибудь иначе и, конечно, в более жестокой и ужасной форме, чем побег.

Есть еще одна общая причина побегов: это — вера в легкость, безнаказанность и почти законность побегов, хотя в действительности они нелегки, караются жестоко и считаются важным уголовным преступлением. Эта странная вера воспитывалась в людях поколениями, и начало ее теряется в тумане того доброго старого времени, когда бежать было в самом деле очень легко и побег даже поощрялись начальством. Начальник завода или смотритель тюрьмы почитал для себя за наказание свыше, если его арестан-

ты почему-либо не бегали, и радовался, когда они уходили от него целыми толпами. Если перед первым октября,—временем, когда выдается зимняя одежда,—убегало 30—40 человек, то это значило обыкновенно, что 30—40 полушубков поступало в пользу зрителя. По словам Ядринцева, начальник завода при приеме каждой новой партии обыкновенно выкрикивал: «Кто хочет оставаться, получай одежду, а кто в бега, тому незачем!» Начальство своим авторитетом как бы узаконивало побег, в его духе воспитывалось все сибирское население, которое и до сих пор побег не считает грехом. Сами ссыльные рассказывают о своих побегах не иначе, как со смехом или с сожалением, что побег не удался, и ждать от них раскаяния или угрызений совести было бы напрасно. Из всех бегавших, с которыми мне приходилось говорить, только один больной старик, прикованный к тачке за многократные побег, с горечью упрекнул себя за то, что бегал, но при этом называл свои побег не преступлением, а глупостью: «Когда помоложе был, делал глупости, а теперь страдать должен».

Частные причины побегов многочисленны. Укажу на недовольство тюремными порядками, на дурную пищу в тюрьме, жестокость кого-либо из начальников, лень, неспособность к труду, болезни, слабость воли, склонность к подражанию, любовь к приключениям... Случалось, что каторжные целыми партиями убегали для того только, чтобы «погулять» по острову, и гулянья сопровождались убийствами и всякими мерзостями, наводившими панику и озлоблявшими население до крайности. Расскажу про побег ради мести. Рядовой Белов ранил при поимке бегло-каторжного Клименко и конвоировал его в Александровскую тюрьму. Клименко, выздоровевши, опять бежал, и на этот раз с единственной целью — отомстить Белову. Он пошел прямо на кордон, и там его задержали. «Веди опять своего крестника,—сказали Белову товарищи,—твое счастье». Тот повел. Дорого конвоир и арестант разговорились. Осень, ветер, холодно... Остановились покурить. Когда солдат под-

нял воротник, чтобы закурить трубку, Клименко выхватил у него ружье и убил его наповал, потом как ни в чем не бывало вернулся в Александровский пост, где был задержан и вскоре повешен.

А вот и любовь. Ссылнокаторжный Артем,— фамилии его не помню,— молодой человек лет 20, служил в Найбучи сторожем при казенном доме. Он был влюблен в аинку, жившую в одной из юрт на реке Найбе, и, говорят, пользовался взаимностью. Его заподозрили как-то в краже и в наказание перевели в Корсаковскую тюрьму, то есть за 90 верст от аинки. Тогда он стал бегать из поста в Найбучи для свидания с возлюбленной и бегал до тех пор, пока его не подстрелили в ногу.

Побеги бывают также и предметом аферы. Вот один из видов аферы, соединяющий в себе жадность к деньгам с самым гнусным предательством. Старый, поседевший в бегах и приключениях бродяга высматривает в толпе новичков, кого побогаче (у новичков почти всегда бывают деньги), и сманивает его бежать вместе. Уговорить не трудно; новичок бежит, а бродяга где-нибудь в тайге убивает его и возвращается назад в тюрьму. Другой вид аферы, более распространенный, рассчитан на те три рубля, которые выдает казна за поимку беглого. Предварительно уговорившись с рядовым или гиляком, несколько человек каторжных бегут из тюрьмы и в условленном месте, где-нибудь в тайге или на морском берегу, встречаются со своим конвоиром; тот ведет их назад в тюрьму, как пойманных, и получает по три рубля за каждого; потом, конечно, происходит дележ. Бывает смешно смотреть, когда маленький тщедушный гиляк, вооруженный одною только палкой, приводит сразу 6—7 плечистых, внушительного вида бродяг. При мне однажды рядовой Л., тоже не отличающийся крепким сложением, привел 11 человек.

Тюремная статистика до последнего времени почти не касалась беглых. Пока можно сказать только, что чаще всего бегут ссыльные, для которых наиболее чувствительна разница климатов Сахалина и их родины. Сюда относятся прежде всего уроженцы Кавка-

за, Крыма, Бессарабии и Малороссии. Случается видеть списки бежавших или возвращенных, иногда человек в 50—60, где нет ни одной русской фамилии, а все Оглы, Сулейманы и Гасаны. Не подлежит также сомнению, что бессрочные и долгосрочные бегают чаще, чем каторжные третьего разряда, и живущие в тюрьме чаще, чем живущие вне ее, молодые и новички чаще, чем старожилы. Женщины бегают несравненно реже, чем мужчины, и это объясняется трудностями, какими обставлен для женщины побег, и отчасти тем, что на каторге она скоро обзаводится прочными привязанностями. Обязанности по отношению к жене и детям удерживают от побега, но случается, что убегают и семейные. Законные супруги бегают реже, чем незаконные. Бабы-каторжные, когда я обходил избы, на мой вопрос, где сожителю, часто мне отвечали: «А кто ж его знает? Поди сыщи».

Наряду со ссыльными из простого звания бегают и привилегированные. Перелистывая в корсаковском полицейском управлении алфавит, я нашел бывшего дворянина, который и бегал, и был судим за убийство, совершенное во время побега, и принял 80 или 90 плетей. Известный Лагиев, присланный за убийство ректора Тифлисской семинарии и бывший в Корсаковске учителем, бежал в пасхальную ночь 1890 г. вместе с каторжным Никольским, сыном священника, и еще с какими-то тремя бродягами. Вскоре после пасхи разнесся слух, что будто видели трех бродяг в «цивильном» платье, пробиравшихся берегом к Муравьевскому посту, но уже Лагиева и Никольского с ними не было; по всей вероятности, бродяги подговорили молодого Лагиева и его товарища бежать вместе и дорогой убили их, чтобы воспользоваться их деньгами и платьем. Сын протоиерея К., присланный за убийство, бежал в Россию, убил там вновь и был возвращен на Сахалин. Как-то рано утром я его видел в толпе каторжников около рудника: необыкновенно тощий, сутулый, с тусклыми глазами, в старом летнем пальто и в порванных брюках навывпуск, заspanный, дрожа от утреннего холода, он подошел к смотрителю, который стоял рядом со мной, и, снявши

картузик, обнажив свою плешивую голову, стал просить о чем-то.

Для того чтобы судить, в какое время года чаще всего совершаются побегии, я воспользуюсь немногими цифрами, какие успел найти и записать. В 1877, 1878, 1885, 1887, 1888 и 1889 гг. убежало 1501 ссыльнокаторжных. Это число распределяется по месяцам так: январь — 117, февраль — 64, март — 20, апрель — 20, май — 147, июнь — 290, июль — 283, август — 231, сентябрь — 150, октябрь — 44, ноябрь — 35 и декабрь — 100. Если начертить кривую побегов, то высшие ее точки будут относиться к летним месяцам и к тем зимним, когда бывают наиболее сильные морозы. Очевидно, благоприятствующими моментами для совершения побегов служат теплая погода, работа вне тюрьмы, ход периодической рыбы, созревание в тайге ягод, а у поселенцев картофеля, затем море, покрытое льдом, когда Сахалин перестает быть островом. Летним и зимним повышениям благоприятствуют также прибытия новых партий в весенний и осенний рейсы. В марте и в апреле бегут менее всего, потому что в эти месяцы вскрываются реки и невозможно бывает добыть пищу ни в тайге, ни у поселенцев, которые обыкновенно к весне уже сидят без хлеба.

Из Александровской тюрьмы в 1889 г. бежало 15,33% ее среднего годового состава; из Дуйской и Воеводской тюрем, где, кроме надзирателей, стерегут арестантов часовые с ружьями, бежало в 1889 г. 6,4%, а из тюрем Тымовского округа — 9%. Эти цифры относятся к одному отчетному году, но если взять наличную массу каторжных за все время ее пребывания на острове, то отношение бегавших в разное время к общему составу выразится не менее, как в 60%, то есть из каждых пяти человек, которых вы видите в тюрьме или на улице, наверное, трое уже бегали. Из разговоров с ссыльными я вынес такое впечатление: все бегали. Редко кто в продолжение своего каторжного срока не устраивал себе каникул¹.

¹ Помнится, когда я подходил однажды на катере к пароходу, от борта отчаливала баржа, битком набитая беглыми;

Обыкновенно побег задумывается еще в парходном трюме или в амурской барже, когда каторжных везут на Сахалин; по пути старики бродяги, уже бегавшие с каторги, знакомят молодых с географией острова, с сахалинскими порядками, с надзором и с теми благами и лишениями, какие сулит побег из Сахалина. Если бы в пересыльных тюрьмах и затем в парходных трюмах бродяг держали отдельно от новичков, то последние, быть может, не торопились бы так с побегом. Новички убегают обыкновенно вскоре и даже немедленно по сдаче их с парохода. В 1879 г. в первые же дни по прибытии бежало сразу 60 человек, перебив караульных солдат.

Для того чтобы бежать, совсем нет надобности в тех приготовлениях и предосторожностях, какие описаны в прекрасном рассказе В. Г. Короленко «Соколинец». Побег строго запрещены и уже не поощряются начальством, но условия местной тюремной жизни, надзора и каторжных работ, да и самый характер местности таковы, что в громадном большинстве случаев помешать побегу бывает невозможно. Если сегодня не удалось уйти из тюрьмы через открытые ворота, то завтра можно будет бежать из тайги, когда выйдут на работу 20—30 человек под надзором одного солдата; кто не бежал из тайги, тот подождет месяц-другой, когда отдадут к какому-нибудь чиновнику в прислуги или к поселенцу в работники. Всякие предосторожности, обман начальства, взломы, подкопы и т. п. нужны бывают только тому меньшинству, которое сидит в кандалных, в карцерах и в Воеводской тюрьме, и, пожалуй, тем еще, кто работает в руднике, где почти по всей линии от Воеводской тюрьмы до Дуэ стоят и ходят часовые. Здесь начало побега сопряжено с опасностью, но все же благоприятные случаи представляются почти ежедневно. К переодеваньям и всяким фокусам, часто совершенно излишним, прибегают искатели и любители приключе-

одни были мрачны, другие хохотали; у одного из них совсем не было ног — отморозил. Их возвращали из Николаевска. Глядя на эту кишашую народом баржу, я мог вообразить, сколько еще каторжных бродит по материку и по острову!

ний, вроде Золотой Ручки, которая для того, чтобы бежать, переодевалась в солдатское платье.

Беглые большею частью пробираются к северу, к узкому месту пролива, что между мысами Погоби и Лазарева, или несколько севернее: здесь безлюдье, легко укрыться от кордона, и можно достать у гиляков лодку или самим сделать плот и переправиться на ту сторону, а если уже зима, то при хорошей погоде для перехода достаточно двух часов. Чем севернее переправа, тем ближе к устью Амура и, значит, меньше опасности погибнуть от голода и мороза; у устья Амура много гиляцких деревушек, недалеко город Николаевск, потом Мариинск, Софийск и казацкие станицы, где на зиму можно наняться в работники и где, как говорят, даже среди чиновников есть люди, которые дают несчастным приют и кусок хлеба. Случается, что беглые, не зная, где север, начинают кружить и попадают обратно в то место, из которого вышли¹.

Бывает нередко, что беглые пытаются переплыть пролив где-нибудь поблизости тюрьмы. Для этого

¹ Однажды беглые украли в Дуэ компас, чтоб отыскать север и обойти кордон у мыса Погоби, и компас привел их как раз к кордону. Мне рассказывали, что в последнее время каторжные, чтобы не идти по охраняемому западному побережью, начинают уже пробовать другой путь, а именно на восток, к Ныйскому заливу, оттуда по берегу Охотского моря на север к мысу Марии и Елизаветы, и затем к югу, чтобы переплыть пролив против мыса Пронге. Рассказывали, что такой путь избрал, между прочим, известный Богданов, который бежал незадолго до моего приезда. Но это едва ли вероятно. Правда, на всем протяжении Тыми есть гиляцкая тропинка и попадают юрты, но круговой путь от Ныйского залива длинен и труден: надо вспомнить, сколько лишений претерпел Поляков, спускаясь от Ныйского залива к югу, чтоб оценить весь риск путешествия от этого залива к северу.

О том, как жутко приходится беглым, я уже говорил. Беглые, особенно рецидивисты, мало-помалу привыкают к тайге и к тундре, ноги их приспособляются, и нет ничего мудреного, что некоторые даже спят на ходу. Мне говорили, что дольше всех могут находиться в бегах китайские бродяги «хунхузы», которых присылают на Сахалин из Приморской области, так как они будто бы могут по целым месяцам питаться одними только кореньями и травами.

нужны исключительная смелость, особенно счастливый случай, а главное, многократный предварительный опыт, научивший, как труден и рискован путь к северу через тайгу. Убегающие из Воеводской и Дуйской тюрем бродяги-рецидивисты пускаются в море немедленно, в первый же или второй день после побега. Тут уж никаких соображений насчет бурь и опасностей, а один лишь животный страх погони и жажда свободы: хоть утонуть, да на воле. Обыкновенно они спускаются верст на 5—10 южнее Дуэ, к Агнево, устраивают тут плот и спешат уплыть к туманному берегу, отделенному от них 60—70 милями бурного, холодного моря. При мне из Воеводской тюрьмы бежал таким образом бродяга Прохоров, он же Мыльников, о котором я говорил в предыдущей главе¹. Уплывают также на баржах-шаландах и на сеноплавках, но море всякий раз безжалостно разбивает эти баржи или выкидывает их на берег. Был один случай, когда каторжные бежали на катере, принадлежащем горному ведомству². Случается, что ка-

¹ 29 июня 1886 г. с военного судна «Тунгус», не доходя 20 миль до Дуэ, заметили на поверхности моря черную точку; когда подошли поближе, то увидели следующее: на четырех связанных бревнах, сидя на возвышениях из древесной коры, плыли куда-то два человека, около них на плоту были ведро с пресной водой, полтора каравай хлеба, топор, около пуда муки, немножко рису, две стеариновые свечи, кусок мыла и два кирпича чаю. Когда их взяли на борт и спросили, кто они, то оказалось, что это арестанты Дуйской тюрьмы, бежавшие 17 июня (значит, бывшие в бегах уже 12 дней), и что плывут они — «вон туда, в Россию» Часа через два поднялся сильный шторм, и пароход не мог пристать к Сахалину. Спрашивается, что случилось бы в такую погоду с беглыми, если бы их не приняли на судно? См. об этом «Владивосток» 1886 г., № 31.

² В июне 1887 г. на Дуйском рейде нагружался углем пароход «Тира». По обыкновению, уголь доставлялся к борту на баржах, которые водил на буксире паровой катер. К вечеру засвежело, и начался шторм. «Тира» не могла держаться на якорях и ушла в де-Кастри. Баржу вытащили на берег около Дуэ, а катер ушел в Александровский пост и укрылся там в речке. Ночью, когда погода несколько утихла, катерная прислуга, состоявшая из каторжных, предъявила надзирателю подложную телеграмму из Дуэ, в которой было приказание немедленно отправиться на катере в море для спасения барж с людьми, будто бы унесенных штормом от берега. Не подозревая обмана, над-

торжные убегают на тех же самых судах, которые они грузят. В 1883 г. на пароходе «Триумф» бежал каторжный Франц Киц, зарывшись в угольную яму. Когда его нашли и вытащили из ямы, то он на все вопросы отвечал только одно: «Дайте воды, я не пил пять дней».

Попав так или иначе на материк, беглые держат путь к западу, питаясь Христовым именем, нанимаясь, где можно, в работники и воруя все, что плохо лежит. Крадут они скот, овощи, платье,— одним словом, все, что можно съесть, надеть на себя или продать. Их ловят, долго держат в тюрьмах, судят и отсылают назад со страшными статейными списками, но многие, как известно читателям по судебным процессам, доходят и до московского Хитрова рынка и даже до родной деревни. В Палеве хлебопек Горячий, простоватый, откровенный и, по-видимому, добрый человек, рассказывал мне, как он дошел до своей деревни, повидался с женою и детками и как опять был сослан на Сахалин, где кончает уже второй срок. Говорят, и в печати, между прочим, высказывалось предположение, будто беглых каторжных принимают на свои суда американские китобои и увозят их в Америку¹. Это, конечно, возможно, но я не слыхал ни об одном таком случае. Американские китобои, промышляющие в Охотском море, редко подходят к Сахалину, и еще реже случается, чтобы они подходили именно в то время, когда на пустынном восточном берегу находятся беглые. По словам

зритель выпустил катер из пристани. Но, вместо того чтобы идти на юг к Дуэ, катер пошел на север. На нем было семь мужчин и три женщины. К утру погода изменилась к худшему. Около мыса Хоэ залило в катере машину; девять человек утонули и были выброшены на берег, и спасся на доске только один, бывший на катере рулевым. Этот единственный спасшийся, по фамилии Кузнецов, служит теперь на руднике в Александровском посту у горного инженера. Он мне подавал чай. Это крепкий, смуглый, довольно красивый мужчина лет сорока, по-видимому, гордый и дикий; он мне напомнил Тома Айртона из «Детей капитана Гранта».

¹ «Американские китобои принимали беглых из Ботанибея,— говорит Нерчинский Старожил,— будут принимать беглых и на Сахалине» — «Московские ведомости» 1875 г., № 67.

г Курбского («Голос» 1875 г., № 312) в Indian-Territory, на правой стороне Миссисипи, живут целые партии вачеро из сахалинских каторжников. Эти вачеро, если они существуют на самом деле, пробрались в Америку не на китобойных судах, а, вероятно, через Японию. Во всяком случае, побеги не в Россию, а за границу, хотя и редко, но бывают, и это не подлежит никакому сомнению. Еще в двадцатых годах наши каторжные бегали из охотского солеваренного завода на «теплые», то есть Сандвичевы, острова¹.

Страх перед беглыми каторжниками велик, и этим объясняется, почему наказание, налагаемое за побеги, так серьезно и так поражает своею суровостью. Когда из Воеводской тюрьмы или из кандалной бежит какой-нибудь известный бродяга, то молва об этом наводит страх не только на сахалинское население, но даже на жителей материка; рассказывают, что когда однажды бежал Блоха, то слух об этом навел на жителей г. Николаевска такой страх, что местный исправник нашел нужным запросить по

¹ Э...в: «Ссылнокаторжные в Охотске» — «Русская старина», т. XXII. А вот, кстати, интересный случай. В 1885 г. в японских газетах появилось известие, что близ Саппоро потерпели крушение девять каких-то иностранцев. Власти послали в Саппоро чиновников, чтоб оказать им помощь. Иностранцы, как умели, объяснили посланным, что они германцы, что шкуна их потерпела крушение и спаслись они на маленькой лодке. Затем их перевели из Саппоро в Хокодате. Здесь с ними заговорили по-английски и по-русски, но ни того, ни другого языка они не понимали и отвечали только «жерман, жерман» Кое-как узнали, кто из них капитан судна, и когда этому капитану предложили атлас и попросили его указать место крушения, то он долго водил пальцем по карте и не нашел Саппоро. Ответы вообще были не ясны. Тогда в Хокодате стоял наш крейсер. Генерал-губернатор обратился к командиру с просьбой — дать переводчика немецкого языка. Командир послал старшего офицера. Подозревая, что это сахалинские каторжники, те самые беглые, которые недавно сделали нападение на Крильонский маяк, старший офицер пустился на хитрости; он выстроил их в шеренгу и скомандовал по-русски: «Налево кругом марш!» Один из иностранцев не выдержал своей роли и тотчас же исполнил команду, и таким образом узнали, к какой нации принадлежали эти хитроумные Одиссеи. См. об этом «Владивосток» 1885 г., №№ 33 и 38.

телеграфу: правда ли, что бежал Блоха?¹ Главная опасность, какую представляют для общества побег, заключается в том, во-первых, что они развивают и поддерживают бродяжество и, во-вторых, ставят почти каждого беглого в нелегальное положение, когда он, в громадном большинстве случаев, не может не совершать новых преступлений. Наибольший контингент рецидивистов составляют беглые; самые страшные и дерзкие преступления на Сахалине до сих пор были совершаемы беглыми.

В настоящее время для предупреждения побегов употребляются главным образом репрессивные меры. Эти меры уменьшают число побегов, но только до известного предела, и репрессия, доведенная до своего идеального совершенства, все-таки не исключала бы возможности побегов. Есть предел, дальше которого репрессивные меры уже перестают быть действительными. Как известно, каторжный продолжает бежать даже в то время, когда в него прицеливается часовая; его не удерживает от побега также ни шторм, ни уверенность, что он утонет. И есть предел, перейдя который репрессивные меры уже сами становятся причиной побегов. Так, например, устрашающее наказание за побег, состоящее из прибавки нескольких лет каторги к старому сроку, увеличивает число бессрочных и долгосрочных и тем самым увеличивает и число побегов. Вообще говоря, репрессивные меры в борьбе с побегими не имеют будущности, они сильно расходятся с идеалами нашего законодательства, которое в наказании видит прежде всего средство к исправлению. Когда вся энергия и изобретательность тюремщика изо дня в день уходит только

¹ Этот Блоха знаменит своими побегими и тем, что перерезал много гилляцких семейств. В последнее время он содержался в кандалной в ручных и ножных кандалах. Когда генерал-губернатор обходил с начальником острова кандалные, то последний приказал снять с Блохи ручные кандалы, и при этом взял с него честное слово, что он уже больше не будет бегать. Интересно, что этот Блоха слывет за *честного*. Когда его секут, то он кричит: «За дело меня, ваше высокоблагородие! За дело! Так мне и надо!» Очень возможно, что он сдержит свое слово. Каторжникам нравится репутация честного.

на то, чтобы поставить арестанта в такие сложные физические условия, которые сделали бы невозможным побег, то тут уже не до исправления, и может быть разговор только о превращении арестанта в зверя, а тюрьмы — в зверинец. Да и непрактичны эти меры: во-первых, они всегда ложатся гнетом на население, неповинное в бегах, и во-вторых, заключение в крепко устроенной тюрьме, кандалы, всякого рода карцеры, темные и тачки делают человека неспособным к работе.

Так называемые гуманные меры, всякое улучшение в жизни арестанта, будет ли то лишний кусок хлеба или надежда на лучшее будущее, тоже значительно понижают число побегов. Приведу пример: в 1885 г. бежало 25 поселенцев, а в 1887 г., после урожая 1886 г., только 7. Поселенцы бегают гораздо реже, чем каторжные, а крестьяне из ссыльных почти совсем не бегают. Меньше всего бегают из Корсаковского округа, потому что здесь урожай лучше, преобладают среди арестантов краткосрочные, климат мягче и легче получить крестьянские права, чем на Северном Сахалине, а по отбытии каторги, чтобы добыть себе кусок хлеба, нет надобности возвращаться в рудник. Чем легче живет арестанту, тем меньше опасности, что он убежит, и в этом отношении можно признать очень надежными такие меры, как улучшение тюремных порядков, постройка церквей, учреждение школ и больниц, обеспечение семейств ссыльных, заработки и т. п.

За каждого пойманного и доставленного в тюрьму беглого, как я уже говорил, рядовые, гиляки и вообще занимающиеся ловлей беглых получают от казны денежное вознаграждение в размере трех рублей за голову. Нет сомнения, что денежное вознаграждение, соблазнительное для голодного человека, помогает делу и увеличивает число «пойманных, найденных мертвыми и убитых», но помощь эта, конечно, совсем не окупает того вреда, какой неминуемо должны причинять населению острова дурные инстинкты, пробуждаемые в нем этими трехрублевками. Кто вынужден, как солдат или ограбленный по-

селенец, ловить беглых, тот поймает и без трех рублей, а кто ловит не по долгу службы и не по нужде, а из соображений корыстного свойства, для того ловля составляет гнусный промысел, а эти три рубля являются поблажкой самого низменного свойства.

По имеющимся у меня данным, из 1501 бежавших поймано и добровольно вернулось 1010 каторжных; найдено мертвыми и убито при преследовании 40; без вести пропало 451 человек. Стало быть, из всей массы бегающих Сахалин теряет одну треть, несмотря на свое островное положение. В «Ведомостях», откуда я брал эти цифры, добровольно вернувшиеся и пойманные показаны в одном числе, найденные мертвыми и убитые при преследовании тоже показаны нераздельно, и потому неизвестно, какое число относится на долю поимщиков и какой процент беглых погибает от солдатских пуль¹.

XXIII

Болезненность и смертность ссыльного населения.— Медицинская организация.— Лазарет в Александровске.

В 1889 г. по всем трем округам было показано слабосильных и неспособных к работе каторжных обою пола 632, что составляло 10,6% всего числа. Таким об-

¹ По степени наказуемости «Устав о ссыльных» различает побег и отлучку, побег в Сибири и вне Сибири, а также побег первый, второй, третий, четвертый и последующие. Для каторжного признается отлучкой, а не побегом, если его ловят ранее трех дней или же он добровольно возвращается ранее семи дней со времени начала побега. Для поселенца эти сроки увеличены в первом случае до семи, во втором — до четырнадцати дней. Побег вне Сибири считается более важным преступлением и карается строже, чем побег в Сибири; это различие построено, вероятно, на том соображении, что для побега в Европейскую Россию требуется гораздо большего напряжения злой воли, чем для побега в какую-нибудь сибирскую губернию. Самое слабое наказание, какое полагается каторжнику за побег, — это сорок плетей и продолжение срока каторжных работ на четыре года, и самое сильное — сто плетей, бессрочная каторга, прикование к тележке на три года и содержание в разряде испытуемых двадцать лет. См. ст. 445 и 446 «Устава о ссыльных», изд. 1890 г.

разом, один слабосильный и неспособный к работе приходится на 10 человек. Что касается способного к работе населения, то и оно не производит впечатления вполне здорового. Среди ссыльных мужчин вы не встретите хорошо упитанных, полных и краснощекых; даже ничего не делающие поселенцы тощи и бледны. Летом 1889 г. из 131 каторжных, работавших в Тарайке на дороге, было 37 больных, а остальные явились к приехавшему начальнику острова «в самом ужасном виде: ободранные, многие без рубах, исцарапанные сучьями деревьев, но никто не жаловался» (приказ 1889 г., № 318).

Обращавшихся за медицинской помощью в 1889 г. было 11 309; в медицинском отчете, откуда я беру эту цифру, ссыльные и свободные показаны нераздельно, но составитель отчета замечает, что главный контингент больных составляли ссыльнокаторжные. Ввиду того что солдаты лечатся у своих военных врачей, а чиновники и их семьи у себя на дому, надо думать, что в число 11 309 вошли только ссыльные и их семьи, причем каторжные составляли большинство, и что, таким образом, каждый ссыльный и прикосновенный к ссылке обращался за медицинской помощью не менее одного раза в год¹.

О болезненности ссыльного населения я могу судить только по отчету за 1889 г., но, к сожалению, он составлен по данным больничных «Правдивых книг», которые ведутся здесь крайне неряшливо, так что мне пришлось еще взять на помощь церковные метрические книги и выписать из них причины смерти за последние десять лет. Причины смерти почти всякий раз регистрируются священниками по запискам врачей и фельдшеров, много тут фантазии², но в общем этот материал по существу тот же, что и в «Правдивых

¹ В 1874 г. в Корсаковском округе заболевшие относились к общему числу, как 227,2 : 100 Синцовский, врач: Гигиеническая обстановка ссыльнокаторжных — «Здоровье» 1875 г., № 16.

² Между прочим, я встречал тут такие диагнозы, как неумеренное питье от груди, неразвитость к жизни, душевная болезнь сердца, воспаление тела, внутреннее истощение, курьезный пневмоний, Шпер и проч.

книгах», не лучше и не хуже. Понятно, что обоих этих источников было далеко не достаточно, и все, что найдет ниже читатель о болезненности и смертности, не картина, а одни лишь слабые контуры.

Те болезни, которые в отчете отнесены к двум отдельным группам — заразно-повальным и эпидемическим, до сих пор на Сахалине имели слабое распространение. Так, корь в 1889 г. была зарегистрирована только 3 раза, а скарлатина, дифтерит и круп ни разу. Смерть от этих болезней, которым подвержен по преимуществу детский возраст, упоминается в метрических книгах за десять лет только 45 раз. В это число вошли «жабы» и «воспаления горла», имевшие заразный и эпидемический характер, на что всякий раз указывал мне ряд детских смертей в короткий промежуток времени. Эпидемии обыкновенно начинались в сентябре или октябре, когда на пароходах Добровольного флота привозили в колонию больных детей; течение эпидемий бывало продолжительное, но вялое. Так, в 1880 г. в Корсаковском приходе «жаба» началась в октябре и кончилась в апреле следующего года, похитив всего 10 детей; эпидемия дифтерита в 1888 г. началась в Рыковском приходе осенью и продолжалась всю зиму, затем перешла в Александровский и Дуйский приходы и погасла здесь в ноябре 1889 г., то есть держалась целый год; умерло 20 детей. Оспа зарегистрирована в отчете один раз, а за десять лет умерло от нее 18 душ; были две эпидемии в Александровском округе: одна в 1886 г. с декабря по июнь и другая в 1889 г. осенью. Тех грозных эпидемий оспы, которые когда-то эпидемически проходили через все острова Японского и Охотского морей до Камчатки включительно и уничтожали порой целые племена, вроде айно, теперь уже не бывает здесь, или по крайней мере про них не слышно. Рябые лица среди гиляков встречаются часто, но виновата в этом ветряная оспа (*varicella*), которая, по всей вероятности, не передается у инородцев¹.

¹ Об эпидемии этой болезни, охватившей весь Сахалин в 1868 г., и об оспопрививании у инородцев в 1858 г. см. Васильева «Поездка на остр. Сахалин» — «Архив судебной меди-

Что касается тифов, то в отчете брюшной был зарегистрирован 23 раза со смертностью в 30%, возвратный же и сыпной по 3 раза, без смертных случаев. В метрических книгах смерть от тифов и горячек показана 50 раз, но все это единичные случаи, разбросанные по книгам всех четырех приходов на протяжении десяти лет. Ни в одной корреспонденции я не встречал указания на тифозные эпидемии, и, по всей вероятности, их не было. По отчету, брюшной тиф наблюдался только в двух северных округах; причиной его указаны недостаток чистой питьевой воды, загрязнение почвы близ тюрем и рек, а также теснота и скученность. Мне лично ни разу не пришлось видеть на Сев. Сахалине брюшного тифа, хотя я обошел там все избы и бывал в лазаретах; некоторые врачи уверяли меня, что этой формы на острове нет вовсе, и она осталась у меня под большим сомнением. Что же касается возвратного и сыпного тифа, то все случаи, до сих пор бывшие на Сахалине, я отношу к привозным, как скарлатину и дифтерит; надо думать, что острые инфекционные болезни до сих пор находили на острове почву, неблагоприятную для своего развития.

«Неточно определенные лихорадочные» болезни зарегистрированы 17 раз. В отчете эта форма описана так: «появлялась она преимущественно в зимние месяцы, выражалась лихорадкой ремиттирующего типа, иногда с появлением *roseola*¹ и общим угнетением мозговых центров, через короткий промежуток времени 5—7 дней лихорадка проходила, и наступало быстрое выздоровление». Этот тифоид очень распространен здесь, особенно в северных округах, но в отчет не попадает и сотая часть всех случаев, так как больные обыкновенно не лечатся от этой болезни и переносят ее на

цины», 1870 г., № 2. Против зуда при *varicella* гиляки употребляют топленый тюлений жир, которым намазывают все тело. Оттого что гиляки никогда не моются, у них ветряная оспа сопровождалась таким зудом, какого никогда не бывало у русских; от расчесывания образовывались язвы. В 1858 г. на Сахалине была настоящая оспа, чрезвычайно злокачественная; один старый гиляк говорил д-ру Васильеву, что из троих двое умирало.

¹ сыпи (лат.).

ногах, а если лежат, то дома на печи. Как мне пришлось убедиться в мое короткое пребывание на острове, в этиологии этой болезни играет главную роль простуда, заболевают работающие в холодную и сырую погоду в тайге и ночующие под открытым небом. Чаще всего встречаются такие больные на дорожных работах и на местах новых поселений. Это настоящая *febris sachalinensis*¹.

Крупозную пневмонией в 1889 г. заболело 27, умерла треть. Эта болезнь, по-видимому, опасна в одинаковой мере как для ссыльных, так и свободных. За десятилетний период в метрических книгах смерть от нее упоминается 125 раз; 28% приходится на май и июнь, когда на Сахалине бывает отвратительная, переменчивая погода и начинаются работы далеко вне тюрьмы, 46% на декабрь, январь, февраль и март, то есть на зиму². К заболеванию крупозной пневмонией располагают здесь главным образом сильные холода зимой, резкие перемены погоды и тяжелые работы в дурную погоду. В рапорте врача окружного лазарета г. Перлина от 24 марта 1889 г., копию которого я привез с собой, между прочим сказано: «Меня постоянно ужасала большая заболеваемость ссыльно-каторжных рабочих острым воспалением легких»; и вот, по мнению д-ра Перлина, причины: «доставка за восемь верст бревен от 6 до 8 вершков в диаметре четырехсаженной длины производится тремя рабочими; предполагая тяжесть бревна в 25—35 пуд. в снежную дорогу, при теплом одеянии, ускоренной деятельности дыхательной и кровеносной систем» и т. д.³.

Дизентерия, или кровавый понос, зарегистрирована была только 5 раз. В 1880 г. в Дуэ и в 1887 г. в Александровске, по-видимому, были эпидемии кровавого

¹ сахалинская лихорадка (лат.).

² В июле, августе и сентябре 1889 г. не было ни одного случая. В октябре за последние десять лет смерть от крупозной пневмонии была только один раз; этот месяц на Сахалине можно считать самым здоровым.

³ Кстати, в этом рапорте я нашел такую подробность: «Каторжные подвергаются жестоким наказаниям розгами, так что прямо из-под наказания бесчувственными приносятся в лазарет».

поноса, и всех смертей за десятилетний период в метрических книгах показано 8. В старых корреспонденциях и рапортах часто упоминается кровавый понос, который в былые времена, по всей вероятности, был на острове так же обыкновенен, как цинга. Страдали им ссыльные, солдаты и инородцы, и при этом, как на причину его, указывалось на дурную пищу и тяжелые жизненные условия¹.

Азиатская холера на Сахалине не была еще ни разу. Рожу и госпитальную гангрену наблюдал я сам, и, по-видимому, обе эти болезни не переводятся в здешних лазаретах. Коклюша в 1889 г. не было. Перемежающаяся лихорадка показана 428 раз, причем на долю Александровского округа приходится больше половины; причинами в отчете названы теплота жилищ без достаточного притока свежего воздуха, загрязнение почвы около жилищ, работы в местностях, подверженных периодическим заливаниям, и устройство поселений в таких местностях. Все эти нездоровые условия налицо, но тем не менее все-таки остров не производит впечатления малярийной местности. Обходя избы, я не встречал больных малярией и не помню ни одного такого селения, где бы жаловались на эту болезнь. Очень возможно, что многие из зарегистрированных были больны лихорадкой еще на родине и прибыли на остров уже с увеличенной селезенкой.

Смерть от сибирской язвы в метрических книгах упоминается только один раз. Ни сап, ни водобоязнь на острове еще не наблюдались.

На долю болезней дыхательных органов приходится одна треть умерших, в частности же бугорчатка берет 15%. В метрических книгах записаны только христиане, но если прибавить еще магометан, умирающих обыкновенно от чахотки, то процент выйдет внушительный. Во всяком случае, взрослые на Сахалине подвержены чахотке в сильной степени; здесь она самая частая и самая опасная болезнь. Больше всего умирают в декабре, когда на Сахалине бывает очень

¹ Д-р Васильев часто встречал на Сахалине гиляков, страдавших кровавым поносом.

холодно, и в марте и апреле; меньше всего — в сентябре и октябре. Вот состав умерших от туберкулеза по возрастам:

От 0 до 20 лет	3 ⁰ / ₀
» 20 » 25 »	6 ⁰ / ₀
» 25 » 35 »	43 ⁰ / ₀
» 35 » 45 »	27 ⁰ / ₀
» 45 » 55 »	12 ⁰ / ₀
» 55 » 65 »	6 ⁰ / ₀
» 65 » 75 »	2 ⁰ / ₀

Стало быть, опасности умереть от чахотки на Сахалине подвержены наиболее всего возрасты 25—35 и 35—45 л., — рабочие, цветущие возрасты¹. Большинство умерших от чахотки — каторжные (66%). Вот это-то преобладание рабочих возрастов и каторжных дает право заключить, что значительная смертность от чахотки в ссыльной колонии зависит главным образом от неблагоприятных условий жизни в общих тюремных камерах и непосильной тяжести каторжных работ, отнимающих у рабочего больше, чем может дать ему тюремная пища. Суровый климат, всякие лишения, претерпеваемые во время работ, побегов и заключения в карцерах, беспокойная жизнь в общих камерах, недостаток жиров в пище, тоска по родине — вот главные причины сахалинской чахотки.

Сифилис в 1889 г. был зарегистрирован 246 раз, с 5 смертями. Все это, как сказано в отчете, были старые сифилитики, со вторичными и третичными формами. Сифилитики, которых мне приходилось видеть, производили жалкое впечатление; эти запущенные, застарелые случаи указывали на полное отсутствие санитарного надзора, который, в сущности, при малочисленности ссыльного населения мог бы быть идеальным. Так, в Рыковском я видел еврея с сифилитической чахоткой; он давно не лечился, разрушался мало-помалу, и семья нетерпеливо ожидала его смерти, — и это в какой-нибудь полуверсте от боль-

¹ Припоминаю читателю, что эти возрасты относятся ко всему ссыльному населению, как 24,3⁰/₀ и 24,1⁰/₀.

ницы! В метрических книгах смерть от сифилиса упоминается 13 раз¹.

Больных цингой было зарегистрировано в 1889 г. 271, умерло 6. В метрических книгах смерть от цинги показана 19 раз. Лет 20—25 назад эта болезнь встречалась на острове несравненно чаще, чем в последнее десятилетие, и от нее погибало много солдат и арестантов. Некоторые старые корреспонденты, стоявшие за учреждение ссыльной колонии на острове, совершенно отрицали цингу и в то же время восхваляли черемшу, как превосходное средство от цинги, и писали, что население заготавливало на зиму сотни пудов этого средства. Цинга, свирепствовавшая на Татарском берегу, едва ли стала бы щадить Сахалин, где условия жизни в постах были нисколько не лучше. В настоящее время чаще всего эту болезнь привозят с собой арестанты на пароходах Добровольного флота. Это удостоверяет и медицинский отчет. Окружной начальник и тюремный врач в Александровске говорили мне, что 2 мая 1890 г. на «Петербург» прибыло 500 арестантов, и из них не менее 100 болели цингой; 51 были положены врачом в лазарет и околоток. Один из этих цинготных, полтавский хохол, которого я еще застал в лазарете, говорил мне, что заболел он цин-

¹ Сифилис чаще всего наблюдается в Александровском посту. В отчете объясняется это скоплением здесь значительного числа вновь прибывших арестантов и их семейств, войск, ремесленников и всего пришлого населения, приходом судов на Александровский и Дуйский рейды, летними отхожими промыслами. В отчете указаны и меры, употребляемые против сифилиса: 1) осмотр каторжных 1-го и 15-го числа каждого месяца; 2) осмотр партий, вновь прибывающих на остров; 3) еженедельный осмотр женщин сомнительной нравственности; 4) наблюдение за бывшими больными сифилисом. Но, несмотря на все эти осмотры и наблюдения, «значительный % сифилитиков ускользает от регистрации».

Д-р Васильев, командированный в 1869 г. на Сахалин для подania медицинского пособия инородцам, не встречал гилияков, больных сифилисом. Айно называют сифилис японской болезнью. Японцы, приезжающие на рыбные промыслы, обязаны представить консулу медицинское свидетельство в том, что они не больны сифилисом.

гою в харьковском центре¹. Из общих расстройств питания, кроме цинги, я упомяну еще о малярии, от которого на Сахалине умирают далеко не старые люди, принадлежащие к рабочим возрастам. Один показан умершим 27, другой 30, остальные 35, 43, 46, 47, 48... лет. И едва ли это описка фельдшера или священника, так как «старческий малярия», как причина смерти у людей не старых и не достигших 60 лет, упоминается в метрических книгах 45 раз. Средняя продолжительность жизни русского ссыльного еще неизвестна, но если судить на глаз, то сахалинцы рано старятся и дряхлеют, и каторжный или поселенец 40 лет большею частью выглядит уже стариком.

С нервными болезнями ссыльные обращаются в лазареты не часто. Так, в 1889 г. невралгии и судороги были зарегистрированы только 16 раз². Очевидно, лечатся только те нервные больные, которых привозят или приводят. Воспаление мозга, апоплексия и паралич дали 24 случая с 10 смертями, эпилепсия зарегистрирована 31 раз, а расстройство умственных способностей 25 раз. Психические больные, как я говорил уже, на Сахалине не имеют отдельного помещения; при мне одни из них помещались в селении Корсаковском, вместе с сифилитиками, причем один даже, как мне рассказывали, заразился сифилисом; другие, живя на воле, работали наравне со здоровыми, сожительствовали, убегали, были судимы. Я лично встречал в постах и селениях немало сумасшедших. Помнится, в Дуэ один бывший солдат все толковал про воздушный и небесный океаны, про свою дочь Надежду и шаха персидского и про то, что он убил Крестовоздви-

¹ Продолжительное пребывание в центральных тюрьмах и пароходных трюмах располагает к заболеванию цингой, и случалось, что арестанты заболевали целыми партиями вскоре по прибытии на остров. «Последний транспорт каторжных с «Костромы», — пишет один корреспондент, — прибыл здоровым, теперь весь в цинге» — «Владивосток» 1885 г., № 30.

² Каторжного с мигренью или ишиасом легко заподозрить в симуляции и не пустить в лазарет; однажды я видел, как целая толпа каторжных просилась у смотрителя тюрьмы в лазарет, и он отказывал всем, не желая разбирать ни больных, ни здоровых.

женского дьячка. При мне однажды во Владимировке некий Ветряков, отбывший пять лет каторги, с тупым, идиотским выражением подошел к смотрителю поселений, г. Я., и по-приятельски протянул ему руку. «Как ты со мной здороваешься?» — удивился г. Я. Оказалось, что Ветряков пришел попросить, нельзя ли ему получить из казны плотничий топор. «Построю себе шалаш, потом буду избу рубить», — сказал он. Это давно уже признанный сумасшедший, был на испытании у врача, параноик. Я спросил, как зовут его отца. Он ответил: «Не знаю». И все-таки ему выдали топор. Не говорю уже о случаях нравственного помешательства, о начальном периоде прогрессивного паралича и проч., где нужна более или менее тонкая диагностика. Эти все работают и сходят за здоровых. Некоторые приезжают уже больными или привозят с собой зародыш болезни; так, в метрической книге записан умершим от прогрессивного паралича каторжный Городов, осужденный за заранее обдуманное убийство, которое, быть может, совершил он, уже будучи больным. Другие же заболевают на острове, где каждый день и каждый час представляется достаточно причин, чтобы человеку некрепкому, с расшатанными нервами, сойти с ума¹.

Желудочно-кишечные заболевания в 1889 г. были зарегистрированы 1760 раз. За десять лет умерло 338; из этого числа 66% относятся к детскому возрасту. Самые опасные месяцы для детей — это июль и особенно август, на долю которых приходится треть всего числа умерших детей. Взрослые от желудочно-кишечных расстройств умирают чаще всего тоже в августе, быть может, оттого, что в этом месяце идет периодическая рыба, которою объедаются. Катар желудка здесь обыкновенная болезнь. Уроженцы Кавказа всегда жалуются, что у них «сердце болит», и после ржаного хлеба и тюремных щей у них бывает рвота.

С женскими болезнями обращались в 1889 г. в лазарет не часто, всего 105 раз. Между тем в колонии

¹ Например, угрызения совести, тоска по родине, постоянно оскорбляемое самолюбие, одиночество и всякие каторжные дризги..

почти нет здоровых женщин. В акте одной из комиссий по продовольствию каторжных, в которой участвовал заведующий медицинской частью, сказано, между прочим: «около 70% ссыльнокаторжных женщин страдают хроническими женскими болезнями». Случалось, что во всей вновь прибывшей партии арестанток не оказывалось ни одной здоровой.

Из глазных болезней чаще всего наблюдается конъюнктивит; эпидемическая форма его не переводится у инородцев¹. О более серьезных страданиях глаз я не могу сказать ничего, так как в отчете все глазные болезни сплошь показаны одною цифрой 211. В избах я встречал одноглазых, с бельмами и слепых; видел и слепых детей.

С травматическими повреждениями, с вывихами, переломами, ушибами и ранами всякого рода обращались в 1889 г. за помощью 1217 человек. Все это повреждения, полученные на работах, при всякого рода несчастных случаях, в бегах (огнестрельные раны), в драке. К этой же группе отнесены 4 случая, когда были доставлены в лазарет ссыльнокаторжные женщины, избитые своими сожителями². Ознобление было зарегистрировано 290 раз.

Случаев неестественной смерти среди православного населения за 10 лет было 170. Из этого числа 20 каз-

¹ Д-р Васильев: «У гиляков имеет большое влияние на происхождение болезни постоянное созерцание снежной пустыни... Я по опыту знаю, что в несколько дней от постоянного созерцания снежной пустыни можно получить бленорейное воспаление слизистой оболочки глаз». Каторжные очень склонны к заболеванию куриною слепотой. Иногда она «наваливает» на целые партии, так что каторжные идут ощупью, держась друг за друга.

² Составитель отчета комментирует эти случаи таким замечанием: «Раздача ссыльнокаторжных женщин в сожительство ссыльнопоселенцам имеет характер принудительный для первых». Некоторые каторжные, чтоб их не посылали на работы, увечат себя, например отрубают себе на правой руке пальцы. Особенно изобретательны в этом отношении симулянты; они прикладывают к телу раскаленные пятаки, нарочно отмораживают себе ноги, употребляют какой-то кавказский порошок, который, будучи всыпан в небольшую рану или даже ссадину, производит язву грязную, с гнилостным распадом; один всыпал себе в уретру нюхательного табаку и т. д. Больше всех любят симулировать манзы, которых присылают сюда из Приморской области.

нены через повешение, 2 повешены неизвестно кем; самоубийств произошло 27, причем в Сев. Сахалине стрелялись (один застрелился стоя на часах), а в Южном отравлялись борцом; много утонувших, замерзших, задавленных деревьями; один разорван медведем. Помимо таких причин, как паралич сердца, разрыв сердца, апоплексия, общий паралич тела и т. п., в метрических книгах показаны еще «скоропостижно» умершими 17 человек; из них больше половины было в возрасте от 22 до 40 лет, и только одному было больше 50.

Вот и все, что я могу сказать о заболеваемости в ссыльной колонии. Несмотря на чрезвычайно слабое развитие инфекционных болезней, я все-таки не могу не признать ее значительной, хотя бы на основании только что приведенных цифр. Больных, обращавшихся за медицинской помощью в 1889 г., было 11 309; но так как большинство каторжных в летнее время живет и работает далеко вне тюрьмы, где лишь при больших партиях находятся фельдшера, и так как большинство поселенцев, за дальностью расстояния и по причине дурной погоды, лишено возможности ходить и ездить в лазареты, то эта цифра касается главным образом той части населения, которое живет в постах, вблизи врачебных пунктов. По данным отчета, в 1889 г. умерло 194, или 12,5%, на 1000. На этом показателе смертности можно было бы построить великолепную иллюзию и признать наш Сахалин самым здоровым местом в свете; но приходится считаться с следующим соображением: при обыкновенных условиях на детские возрасты падает больше половины всех умерших и на старческий возраст несколько менее четверти, на Сахалине же детей очень немного, а стариков почти нет, так что коэффициент в 12,5%, в сущности, касается только рабочих возрастов; к тому же он показан ниже действительного, так как при вычислении его в отчете бралось население в 15 000, то есть по крайней мере в полтора раза больше, чем оно было на самом деле.

В настоящее время на Сахалине имеется три врачебных пункта, по числу округов: в Александровске,

Рыковском и Корсаковске. Лечебницы называются, по-старому, окружными лазаретами, а те избы или камеры, куда помещают больных с легкими формами,— околотками. На каждый округ полагается по одному врачу, а во главе всего дела стоит заведующий медицинской частью, доктор медицины. У военных команд свои лазареты и врачи, и случается нередко, что военные врачи временно исправляют должность тюремных: так, при мне за отсутствием заведующего медицинской частью, уехавшего на тюремную выставку, и тюремного врача, подавшего в отставку, лазаретом в Александровске заведовал военный врач; также в Дуэ при мне во время экзекуции военный врач заменял тюремного. Здешние лазареты руководствуются уставом гражданских лечебных заведений и содержатся на счет тюремных сумм.

Я скажу несколько слов об Александровском лазарете. Состоит он из нескольких корпусов барачной системы¹, рассчитан на 180 кроватей. Когда я подходил к лазарету, новые бараки блестели на солнце своими тяжелыми, круглыми бревнами и издавали хвойный запах. В аптеке все ново, все лоснится, есть даже бюст Боткина, слепленный одним каторжным по фотографии. «Немножко не похож»,— говорил фельдшер, глядя на этот бюст. Как водится, громадные ящики с cortex'ами² и radix'ами³, из которых добрая половина давно уже вышла из употребления. Иду дальше в бараки, где больные. Тут в проходе между двумя рядами кроватей пол устлан ельником. Кровати деревянные. На одной лежит каторжный из Дуэ, с перерезанным горлом; рана в полвершка длины, сухая, зияющая; слышно, как сипит воздух. Больной жалуется, что на работе его придавило обвалом и

¹ Лазарет занимает площадь в 8574 кв. саж., состоит из 11 построек, расположенных на трех пунктах: 1) административный корпус, вмещающий в себе аптеку, хирургическую комнату и приемный покой, 4 барака, кухня с женским отделением при ней и часовня,— это собственно и называется лазаретом; затем 2) 2 корпуса для сифилитиков, мужчин и женщин, кухня и надзирательская; 3) 2 корпуса, занятые эпидемическим отделением.

² кора (лат.).

³ корень (лат.).

ушибло ему бок; он просился в околоток, но фельдшер не принял его, и он, не перенеся этой обиды, покусился на самоубийство,— хотел зарезаться. Повязки на шее нет; рана предоставлена себе самой. Направо от этого больного, на расстоянии 3—4 аршин от него,— китаец с гангреной, налево — каторжный с рожей... В углу другой с рожей... У хирургических больных повязки грязные, морской канат какой-то подозрительный на вид, точно по нем ходили. Фельдшера и прислуга недисциплинированны, вопросов не понимают и производят впечатление досадное. Один только каторжный Созин, бывший на воле фельдшером, видимо знаком с русскими порядками, и, кажется, во всей этой больничной толпе это единственный человек, который своим отношением к делу не позорит бога Эскулапа.

Немного погодя я принимаю амбулаторных больных. Приемная рядом с аптекой, новая; пахнет свежим деревом и лаком. Стол, за которым сидит врач, огорожен деревянною решеткой, как в банкирской конторе, так что во время приемки больной не подходит близко и врач большею частью исследует его на расстоянии. За столом рядом с врачом сидит классный фельдшер и, безмолвствуя, играет карандашиком, и кажется, будто это ассистент на экзамене. Тут же, в приемной, у входной двери стоит надзиратель с револьвером, снуют какие-то мужики, бабы. Эта странная обстановка смущает больных, и, я думаю, ни один сифилитик и ни одна женщина не решится говорить о своей болезни в присутствии этого надзирателя с револьвером и мужиков. Больных немного. Все это или *febris sachalinensis*, или экземы, или «сердце болит», или симулянты; больные-каторжные убедительно просят, чтобы их освободили от работ. Приводят мальчика с нарывом на шее. Надо разрезать. Я прошу скальпель. Фельдшер и два мужика срываются с места и убегают куда-то, немного погодя возвращаются и подают мне скальпель. Инструмент оказывается тупым, но мне говорят, что это не может быть, так как слесарь недавно точил его. Опять фельдшер и мужики срываются с места и после двух-

трехминутного ожидания приносят еще один скальпель. Начинаю резать — и этот тоже оказывается тупым. Прошу карболовой кислоты в растворе — мне дают, но не скоро; видно, что эта жидкость употребляется здесь не часто. Ни таза, ни шариков ваты, ни зондов, ни порядочных ножниц, ни даже воды в достаточном количестве.

В этом лазарете среднее ежедневное число амбулаторных больных 11 человек, среднее годовое число (за пять лет) 2581; среднее ежедневное коечных больных 138. При лазарете старший¹ и младший врачи, два фельдшера, повивальная бабка (одна на два округа) и прислуги, страшно вымолвить, 68 душ: 48 мужчин и 20 женщин. В 1889 г. израсходовано было на эту больницу 27 832 р. 96 к.² По отчету за 1889 г., судебно-медицинских осмотров и вскрытий трупов во всех трех округах было 21. Освидетельствовано повреждений 7, беременных 58 и для определения способности перенести телесные наказания по приговорам судов 67.

Делаю выписки из того же отчета, касающиеся больничного инвентаря. Во всех трех лазаретах было:

¹ Он же заведующий медицинской частью.

² Одежда и белье стоили 1795 руб. 26 коп., пищевое довольствие 12832 р. 94 к., лекарства, хирургические инструменты и аппараты 2309 р. 60 к., расходы комиссариатские, канцелярские и проч. 2500 р. 16 к., медицинский персонал 8300 р. Ремонт зданий на средства тюрьмы, прислуга бесплатная. Теперь прошу сравнить. Земская больница в г. Серпухове, Москов. губ., поставленная *роскошно* и удовлетворяющая вполне современным требованиям науки, где среднее ежедневное число коечных больных в 1893 г. было 43 и амбулаторных 36,2 (13278 в год), где врач почти каждый день делает серьезные операции, наблюдает за эпидемиями, ведет сложную регистрацию и проч. — эта лучшая больница в уезде в 1893 г. стоила земству 12803 р. 17 к., считая тут страхование и ремонт зданий 1298 р. и жалованье прислуге 1260 р. (см. «Обзор Серпуховской земской санитарно-врачебной организации за 1892—1893 гг.»). Медицина на Сахалине обходится очень дорого, между тем лазарет дезинфицируется «через обкуривание хлором», вентиляций нет, и суп, который при мне в Александровске готовили для больных, был очень соленого вкуса, так как варили его из солонины. До последнего времени, якобы «за недоставлением комплекта посуды и неустройством кухни», продовольствие больных производилось из общего тюремного котла. (Приказ начальника острова 1890 г., № 66.)

гинекологический набор 1, ларингоскопический набор 1, максимальных термометров 2, оба разбиты; термометров «для измерения тела» 9,—2 разбиты; термометров «для измерения высокой температуры» 1, троакар 1, шприцов Плевака 3,—в одном сломана игла; оловянных спринцовок 29, ножниц 9,—2 изломаны; клистирных трубок 34, дренажная трубка 1, большая ступка с пестиком 1,—с трещиной; бритвенный ремень 1, банок кровососных 14.

Из «Ведомости о приходе и расходе медикаментов в лечебных заведениях гражданского ведомства на о. Сахалине» видно, что во всех трех округах было израсходовано в течение отчетного года: 36 $\frac{1}{2}$ пудов соляной кислоты и 26 пудов хлорной извести, карболовой кислоты 18 $\frac{1}{2}$ ф. *Aluminium crudum* 56 ф. Камфары — больше пуда. Ромашки 1 п. 9 ф. Хинной корки 1 п. 8 ф. и красного стручкового перца 5 $\frac{1}{2}$ ф. (сколько же израсходовано спирту, в «Ведомости» не сказано). Дубовой коры 1 п. Мята 1 $\frac{1}{2}$ п., арники $\frac{1}{2}$ пуда, алтейного корня 3 п., скипидару 3 $\frac{1}{2}$ п., прованского масла 3 п., деревянного 1 п. 10 ф. Иодоформа $\frac{1}{2}$ пуда... Всего, не считая извести, соляной кислоты, спирта, дезинфекционных и перевязочных средств, по данным «Ведомости», потрачено шестьдесят три с половиной пуда лекарств; сахалинское население, стало быть, может похвалиться, что в 1889 г. оно приняло громадную дозу.

Из статей закона, имеющих отношение к здоровью ссыльных, приведу две: 1) работы, вредно действующие на здоровье, не допускаются даже и по выбору самих арестантов (Выс. утв. мнение гос. сов. 6 янв. 1886 г., ст. 11) и 2) женщины беременные, до разрешения их от бремени, а разрешившиеся до истечения сорока дней после родов освобождаются от работ. После сего срока женщинам, питающим младенцев грудью, работы облегчаются в той мере, в какой это необходимо для предупреждения вреда самой матери или питаемому ею младенцу. На кормление грудью младенцев осужденным женщинам полагается полутрагодичный срок. Ст. 297 «Устава о ссыльных», изд. 1890 г.

**ФЕЛЬЕТОНЫ,
СТАТЬИ**

НА ВОЛЧЬЕЙ САДКЕ

Говорят, что теперь девятнадцатое столетие. Не верьте, читатель.

В среду, шестого января, в европейском и даже в столичном городе Москве, в галереях летнего конского бега, тесно прижавшись друг к другу, теснясь и наступая друг другу на ноги, сидели люди и наслаждались зрелищем. Не только это зрелище, но даже и описание его есть анахронизм... Нам ли, нервным, слезливым фрачникам, променявшим мускул на идею, театралам, либералам *et tutti quanti*¹ описывать травлю волков?! Нам ли?!

Выходит так. что нам... Делать нечего, будем описывать.

Прежде всего я не охотник. Я во всю жизнь мою ничего не бил. Бил разве одних блох, да и то без собак, один на один. Из всех огнестрельных орудий мне знакомы одни только маленькие оловянные пистолетики, которые я покупал своим детям к елке. Я не охотник, а посему прошу извинения, если я перевру. Врут обыкновенно все неспециалисты. Постараюсь обойти те места, где бы мне можно было похвастать незнанием охотничьих терминов; буду рассуждать так, как рассуждает публика, то есть поверхностно и по первому впечатлению...

¹ и всяким другим (*итал.*).

Первый час. Позади галереи толпятся кареты, роскошные сани и извозчики. Шум, гвалт... Экипажей так много, что приходится толпиться... В галереях конского бега в еногах, бобрах, лисицах и барашках заседают жеребятники, кобелятники, борзятники, перепелятники и прочие лятники, мерзнут и сгорают от нетерпения. Тут же заседают, разумеется, и дамы... Без дам нигде дело не обходится. Хорошеньких, сверх обыкновения, почему-то очень много... Дам столько же, сколько и мужчин... Они тоже сгорают от нетерпения. На верхних скамьях мелькают гимназические фуражки. И гимназисты пришли поглазеть, и они тоже сгорают от нетерпения и постукивают калошами. Любители, ценители и критиканы, приперевшие на Ходынку пехтурой и не имеющие рубля, толпятся у заборов, по колена в снегу, вытягивают шеи и тоже сгорают от нетерпения. На арене несколько возов. На возах деревянные ящики. В ящиках наслаждаются жизнью герои дня — волки. Они, по всей вероятности, не сгорают от нетерпения...

Публика, пока еще не началась травля, любитесь российскими красавицами, разъезжающими по арене на хорошеньких лошадах... Самые ужасные, отчаянные охотники критикуют собачню, приготовленную для травли. У всех в руках афиши. В дамских ручках афиши и бинокли.

— Самое приятное занятие-с,— обращается к своему соседу старичок с ошипанной бородой, в фуражке с кокардой, по всем признакам, давным-давно уже промотавшийся дворянин.— Самое приятное занятие-с... Бывало, выедешь это с компанией... Выедешь чуть свет... И дамы тоже.

— С дамами не стоит ездить,— перебивает старичка сосед.

— Почему ж?

— А потому, что при дамах ругаться нельзя. А нешто можно на охоте не ругаться?

— Невозможно. Но у нас были такие дамы, что сами ругались... Бывало, Марья Карловна, если изволите знать-с, барона Глянсера дочь... ругалась страсть как! И ты, кричит, черт, сатана, такой-сякой... И так

далее-с... Многоточие-с... Первая гроза для нижних чинов была. Чуть что — сейчас нагайкой.

— Мама, волки в ящиках? — спрашивает гимназист в огромнейшем башлыке, обращаясь к даме с большими красными щеками.

— В ящиках.

— А они не могут выскочить?

— Отстань! Вечно ты с вопросами... Утри нос! Спрашивай о чем-нибудь умном... Чего о глупостях спрашивать?

На арене замечается усиленное движение... Человек шесть, посвященных в таинства охоты, несут один ящик и ставят его посреди арены... В публике волнение.

— Господин! Чьи собаки сейчас пойдут?

— Можаровские! Мм... нет, не можаровские, а шереметьевские!

— И вовсе не шереметьевские! Борзые Можарова! Вон он, черный Можарова! Видите? Или разве шереметьевские. Да, да, да... Так, так, так... Господа, шереметьевские! шереметьевские, можаровские, вон они.

По ящику стучат молотком... Нетерпение достигает тахітш'а... От ящика отходят... Один дергает веревку, стены темницы падают, и глазам публики представляется серый волк, самое почтенное из российских животных. Волк оглядывается, встает и бежит... За ним мчатся шереметьевские собаки, за шереметьевскими бежит не по уставу можаровская собака, за можаровской собакой борзятник с кинжалом.

Не успел волк отбежать и двух сажен, как он уже мертв... Отличились и собаки и борзятник... и «бравооо! — кричит публика.— Браааво! Bravo! Зачем Можаров спустил не в очередь? Можаров, шшш!.. Бра... вво!» То же самое проделывается и с другим волком...

Раскрывается третий ящик. Волк сидит — и ни с места. Перед его мордой хлопают бичом. Наконец он поднимается, как бы утомленный, разбитый, еле влача за собою задние ноги... Осматривается... Нет спасения! А ему так жить хочется! Хочется жить так же сильно, как и тем, которые сидят на галерее, слу-

шают его скрежет зубовой и глядят на кровь. Он пробует бежать, но не тут-то было! Свечинские собаки хватают его за шерсть, борзятник вонзает кинжал в самое сердце, и — *vae victis!*¹ — волк падает, унося с собою в могилу плохое мнение о человеке... Не шутя, осрамился человек перед волками, затеяв эту quasi²-охоту!.. Другое дело — охота в степи, в лесу, где людскую кровожадность можно слегка извинить возможностью равной борьбы, где волк может защищаться, бежать...

Публика неистовствует, и так неистовствует, как будто бы на нее самое спустили всех собак со всего света...

— Зарежьте в ящике! Хороша охота! Скверно!

— Зачем же вы кричите, если вы не понимаете? Ведь вы никогда не были на охоте?

— Не был.

— Зачем же вы кричите? Что вы понимаете? По-вашему, значит, отдать волку собак, пусть их рвет? Так по-вашему? Так?

— Да послушайте! Какое же удовольствие видеть зарезанного волка? Собакам не дают разбежаться! Ш-ш-ш... Фюйт!

— Чьи это собаки? — неистовствует барин в енотовой шубе. — Мальчик, поди справься, чьи это собаки!

— Лебушевские! Шереметьевские! Можаровские!..

— Чей кобель?..

— Можарова! Славный кобель!.. Можарова!.. В ящике нарежьте!..

Публике не нравится, что волка так рано зарезали... Нужно было волка погонять по арене часа два, истоптать его собачьими зубами, истоптать копытами, а потом уже зарезать... Мало того, что он уже был разтравлен, словлен и отсидел ни за что ни про что несколько недель в тюрьме.

Собаки и борзятник Стаховича берут волка живьем... Счастливого волка сажают опять в ящик. Один волк перескакивает через барьер. За ним гонятся

¹ горе побежденным! (лат.)

² яксбы (лат.).

собаки, борзятники. Сумей он вбежать в город, Москве посчастливилось бы узреть на своих улицах и переулках бесподобную травлю!..

В антрактах, полных томительного ожидания, публика хохочет и (не верите?) кричит браво: ей нравится десятикопеечная лошадка, на которой увозят опустевшие ящики с середины арены на прежнее место. Лошадка не идет, а подпрыгивает, подпрыгивает не ногами, а всем корпусом и в особенности головой. Это нравится публике, и она неистовствует.

Счастливая лошадка! Думала ли когда-нибудь она или ее родители, что ей когда-нибудь будут аплодировать?

Слышится отрывистый лай, и на сцену появляется стая гончих... Большой волк отдается им на растерзание. Гончие рвут, а борзые, которых не пускают, визжат от зависти.

— Бравао! Бравао! — кричит публика. — Браво, Николай Яковлевич!

Николай Яковлевич раскланивается перед публикой с шиком, которому позавидовал бы любой артист-бенефициант.

— Подавай лисицу! — кричит он в исступлении.

На средину арены выносят маленький ящик и выпускают из него хорошенькую лисичку. Лисичка бежит, бежит... за ней бегут гончие. Никто не видел, где собаки схватили лису.

— Ушла лиса! — кричит публика. — Упустили! Ушла!

Николай Яковлевич показывается с лисицей в руке, и публика конфузится. Чтобы собрать гончих в стаю, требуется немало людей и времени. Собаки непослушные, дисциплина плохая... Гончие не нравятся публике.

Вообще публика страшно мерзнет, но очень довольна. Дамы в восторге.

— Хорошо за границей, — говорит одна дамочка. — Там есть бой быков, бой петухов... отчего у нас не введут этого в России?

— А потому, сударыня, что за границей есть быки, а у нас их не водится!.. — отвечает даме старичок с кокардой.

Наконец выпускают последнего волка. Этого волка закалывают, и публика, рассуждая о том, какие собаки хороши, а какие плохи, разъезжается по домам...

В заключение вопросик: какова цель всей этой кукольной комедии? Собаками похвастаться нельзя, потому что места мало; удаль показать также негде. Какова мораль?

Мораль самого скверного свойства. Пощекотали женские нервы, и больше ничего! Сбор, впрочем, тысячный. Но не смею думать, чтобы все это делалось для сбора. Сбором можно окупить все расходы, но нельзя окупить тех маленьких разрушений, которые, быть может, произведены этой травлей в маленькой душе вышеупомянутого гимназистика.

РЯЖЕНЫЕ

Выходите на улицу и глядите на ряженных.

Вот, солидно, подняв с достоинством голову, шагает что-то нарядившееся *человеком*. Это «что-то» толсто, обрюзгло и плешиво. Одето оно щегольски, по моде и тепло. На груди брелоки, на пальцах массивные перстни. Говорит оно чепуху, но с чувством, с толком, с расстановкой. Оно только что пообедало, напилось елисеевского пойла и теперь решает вопрос: отправиться ли к Адели, лечь ли спать или же засесть за винт? Через три часа оно будет ужинать, через пять — спать. Завтра проснется в полдень, пообедает, напьется пойла и опять примется за тот же вопрос. Послезавтра тоже... Кто это?

Это — *свинья*.

Вот мчится в роскошных санях старушечка в костюме *дамы благотворительницы*. Нарядилась она умело: на лице тупая важность, в ногах болонка, на запятках лакей. В саквояже покоятся собранные ею для страждущего человечества 1013 р. 43 к. Из этих денег только 43 коп. получают бедные, остальные же 1013 р. пойдут на расходы по благотворению. Благотворительность она любит, ибо нигде нельзя так много с таким вкусом судачить, перебирать косточки ближних, дьяволить и вылезать сухой из воды, как на почве благотворительности... Хотите знать, кто эта благотворительница?

Это — *чертова перечница*.

Вот бежит *лисица*... Гримировка великолепная: даже рыльце в пушку. Глядит она медово, говорит тенорком, со слезами на глазах. Если послушать ее, то она жертва людской интриги, подвохов, неблагодарности. Она ищет сочувствия, умоляет, чтобы ее поняли, ноет, слезоточит. Слушайте ее, но не попадайтесь ей в лапы. Она обчистит, обделаает под орех, пустит без рубахи, ибо она — *антрепренер*.

Вот шествует нарядившийся *рецензентом*. Этот загримировался неудачно. По его бесшабашному лаю, хватанию за икры, скаленье зубов нетрудно узнать в нем — *цепного пса*.

Несколько поодаль от него прыгает нарядившийся *драматургом*. Этот что-то прячет под полой и робко озирается, словно стянул что-то... Он одет франтом, болтает по-французски и хвастает, что состоит в переписке с Сарду. Талант у него необычайный, печет драмы, как блины, и может писать двумя руками сразу. Но современники не признают его... Они знают, что под оболочкой драматурга скрывается — *закройщик модной мастерской*.

Вот идет субъект, загримировавшийся *забулдыгой*. На нем рваная шапчонка, порыжелое пальто и нечищенные калоши... Он косится на дома и ищет вывески «Питейный дом» или «Трактир». Ему нужно выпить... Пьет он каждые десять минут: днем водку, ночью пиво, утром содовую воду. Состояние «под шефе» — его норма. Только в пьяном виде он и может говорить умно, мыслить, зарабатывать себе кусок хлеба, любить ближнего, презирать. Трезвый же он вял, глуп, жесток. Живет он по-свински. У него ни кола, ни двора. Обитает где-то у черта на куличках, на задворках, снимая у вдовы-чиновницы темную и сырую комнату. Семьи у него нет, да и трудно представить его семейным. Умрет он под забором, но похоронят его с шиком, с некрологами и с речами, потому что он — *талант*.

А вот стоит нарядившийся *талантом*. Он сосредоточен, нахмурен и лаконичен. Не мешайте ему: думает или наблюдает. Раскусить его, что он за птица,

трудно, потому что он редко снисходит до откровенности. Обыкновенно он не разборчив, но [встретив] где-нибудь в ресторане или на вечере благоговейщего перед талантами юнца, он постарается выложить всю свою «программу»: все на этом свете не годится, все испошилось, изгадилось, продалось, истрепалось; если человечеству угодно спастись, то оно должно поступать вот этак, не иначе. Тургенев, по его мнению, хорош, но... Толстой тоже хорош, но... Говоря же о своей «программе», он никогда не прибавляет этого «но». Все его не понимают, все подставляют ему ножку, но тем не менее он всюду сует свой нос, всюду нюхает, везде вертится, как черт перед заутреней. Его выносят, не гонят, потому что на безрыбье и рак рыба и потому что в России до конца дней можно быть «начинающим и подающим надежды». Своей работе он придает громадное значение и потому бережет себя как зеницу ока. Он не пьет, часто ездит лечиться и оберегает себя строгим комфортом. Дома, когда он сидит у себя в кабинете и творит «новое слово», все ходят на цыпочках. Храни бог, если в кабинете не 15 градусов, если за дверью звякнет блюдечко или запищит ребенок — он схватит себя за волосы и грудным голосом скажет: «Пррроклятие... Нечего сказать, хороша жизнь писательская!» Когда он пишет, он священнодействует: морщит лоб, кусает перо, пыхтит, сопит, то и дело зачеркивает... Чтобы выжать из мозгов мысль, остроту, удачное сравнение, он пускает в дело пресс в сорок лошадиных сил; чтобы быть реальным, художественным, он тянется к аршину, фотографии, манекенам. Работает он только для искусства... Впрочем, если г. Вольфу угодно будет предложить ему заказ в 10 листов по 300 руб. за лист, то он возблагодарит создателя... Вероятно, вы его уже узнали...

Это — гусь лапчатый.

МОСКОВСКИЕ ЛИЦЕМЕРЫ

Весною этого года московская дума, состоящая на три четверти из купцов, под давлением администрации, городского головы, духовенства и печати, вынуждена была издать правила об ограничении торговли по воскресным и праздничным дням. Купцы стали торговать по праздникам не десять — двенадцать часов в день, а только три. На днях эта же самая дума, очевидно, пользуясь временным отсутствием лиц, принимавших близко к сердцу приказчиий вопрос, почти единогласно постановила: «Обязательные для городских жителей постановления, действующие под наименованием: «Об ограничении торговли в воскресные и праздничные дни» — отменить».

И отменили. Бакалейная, галантерейная и живорыбная публика, слушавшая прения, кричала «браво!» так громко и единодушно, что ее два раза выводила полиция. Уж воистину браво! Только brave и очень храбрые люди могут говорить публично и не краснея такой вздор, какой выпаливали господа купцы, желающие во что бы то ни стало торговать по воскресеньям. Один сказал, что в «церковь ходят не приказчики, а интеллигентные люди», другой, торгующий на два гроша в день, жаловался на какие-то многомиллионные убытки, третий, купец Ланин, уравновешивающий в себе одном «хозяина и приказчика» (он числится членом общества приказчиков), тоном чело-

века беспристрастного, для которого одинаково дороги интересы обеих сторон, сказал, что правила не нужны, что можно и торговать и в то же время давать приказчикам отдых, то есть и капитал нажить и невинность соблюсти. Он был за границей и видел, как там по праздникам вместо приказчиков торгуют жены и дочери хозяев. Этот обычай можно привить и в России, лишь бы только правила были поскорее отменены и хозяева «пожелали бы торговать сами или поставить своих жен, сыновей и дочерей за прилавок». Этот Ланин, очевидно, изучал заграничную торговлю в Москве в лимонадных будках и в дешевых колбасных, где действительно торгуют жены и дочери хозяев. Чем ссылаться на заграничные порядки, проще было бы этому г. Ланину заглянуть к себе в завод ланинского шампанского. Хватит ли у него дочерей и сыновей, чтобы заменить ими десятки приказчиков, работающих у него в складе и на заводе? Кого бы он сажал по праздникам за прилавок, если бы был холост или бездетен? И почему это, спрашивается, семейство его должно сидеть за прилавком в то время, когда он сам и его приказчики будут гулять? Что за вздор...

Человек говорит глупости, когда бывает не прав и не умен. Каждый день и каждый час говорится много глупостей и в Москве, и в Нижнем, и в Казани; на всякое чиханье не наздравствуешься, трудно отвечать и на всякую глупость. Но вздор московских Ланиных имеет слишком острый и слишком специфический запах, чтобы можно было оставить их без внимания. Слишком уж чувствуется та лисица, которая прячется под маскою московского глупца и юродивого, когда он разглагольствует на ярмарках или в заседаниях думы. Не лицемерие ли, защищая торговлю по праздникам, говорить о церкви? Не лицемерие ли, защищая свой хозяйский карман, называть себя приказчиком и говорить как бы от имени приказчиков? Не лицемерие ли — пугать многомиллионными убытками или антагонизмом приказчиков и хозяев? Не похожи ли эти многомиллионные убытки и приказчичья революция на то «мирное завоевание англичанами Сибири», каким

недавно нижегородские политико-экономы пугали воображение министра финансов? Лондон ведет торговлю по меньшей мере вдесятеро, а может быть, в двадцать и тридцать раз превышающую общий итог торговых оборотов Москвы, а между тем по воскресеньям Лондон не торгует; отдыхают и хозяева и приказчики. И к чему говорить о семействе? Ведь этот г. Ланин отлично знает, что после отмены правил не сядут за прилавок ни его жена, ни дочери, а будут торговать все те же приказчики. И странное дело! Все эти защитники праздничной торговли, желая побить приказчиков их же орудием, стараются придать своим претензиям тоже религиозную подкладку; они говорят, что в праздники гуляющий приказчик будет шататься по трактирам и проч. и этим оскорблять святость праздника. Какие, подумай, святые! Но отчего же они не начинают своих проповедей с четвертой заповеди? Тогда бы приказничий вопрос с религиозной точки зрения был совершенно ясен и не понадобилось бы публично оскорблять тысячи старых и молодых тружеников обвинениями в развратной жизни, в нерелигиозности и проч. Если уж святошам так хочется связать тесно приказничий вопрос с этими обвинениями, то надо бы делать это поумнее, потактичнее и кстати бы уж не забывать, что тысячи развратных канареек или кроликов гораздо лучше, чем один благочестивый волк.

Н. М. Пржевальский, умирая, просил, чтобы его похоронили на берегу озера Иссык-Куль. Умирающему бог дал силы совершить еще один подвиг — подавить в себе чувство тоски по родной земле и отдать свою могилу пустыне. Такие люди, как покойный, во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение. Один Пржевальский или один Стенли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлеченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая школа. Недаром Пржевальского, Миклуху-Маклая и Ливингстона знает каждый школьник и недаром по тем путям, где проходили они, народы составляют о них легенды. Изнеженный десятилетний мальчик-гимназист мечтает бежать в Америку или Африку совершать подвиги —

это шалость, но не простая; безграмотный абхазец говорит вздорные сказки об Андрее Первозванном, но это не простой вздор. Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига.

В наше больное время, когда европейскими обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что, кроме людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, что, кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самою жизнью, стоят вне всякой цены. В этом отношении такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка. Всегда так было, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее. Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятны весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание — продолжать свое дело после смерти, оживлять своею могилу пустыню... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав.

НАШЕ НИЩЕНСТВО

Политико-экономы и полицейское право, ведущие борьбу с уличным нищенством, говорят: «Ради блага человечества не подавайте ни копейки!» Эту фразу следует видоизменить таким образом: «Ради блага человечества не просите милостыни», и вторая форма, кажется, будет ближе к решению вопроса, чем первая. Ведь берут и просят гораздо чаще, чем дают. Редко кто умеет и любит давать. Русский человек, например, ужасно застенчив, когда дает или предлагает, зато просить и брать он умеет и любит, и это даже вошло у него в привычку и составляет одно из его коренных свойств. Это свойство присуще в одинаковой степени всем слоям общества: и уличным нищим и их благодетелям. В низших слоях развита и веками воспитана страсть к нищенству, попрошайничеству, приживальству, а в средних и высших — ко всякого рода одолжениям, любезностям, пособиям, заимствованиям, уступкам, скидкам, льготам... Извозчик просит прибавки, трактирный официант презирает того, кто не дает ему на чай, акушерка не стыдится стоять на крестинах с тарелочкой и собирать с гостей двугривенные, драматург со спокойной совестью заимствует чужие пьесы и выдает их за свои, одна десятая пассажиров в каждом поезде едет бесплатно, в театрах, загородных садах и в цирках даровые посетители составляют необходимое, привычное зло, с которым не

решится вести борьбу ни один антрепренер; в каждом правлении железной дороги или банка вы найдете с десятков порядочных, очень приличных людей, получающих жалованье совершенно даром; ни один чиновник не откажется от пособия или командировки, и любой врач подтвердит, что добрая половина тех медицинских свидетельств, которые прилагаются к прошениям об отпусках и пособиях, выдаются из любезности, а не по совести. У самой щепетильной и совестливой части общества — у молодежи — стипендии, пособия, подписки, концерты с даровыми исполнителями давно уже стали обычаем; общество вспомоществования недостаточным студентам никак не может получить долгов с своих бывших клиентов, и, кажется, не было еще примера, чтобы студент, ставши богатым человеком, считал нужным возратить свою стипендию. О неуважении к мелким долгам и авансам, о зачитывании чужих книг и рукописей, о том, что из ста тысяч читающих за чтение платит только одна тысяча, нечего и говорить. Каждый интеллигентный человек читал Тургенева и Толстого, но далеко не каждый платил за их сочинения.

Красть безнравственно, но брать можно. Адвокат берет за свое участие в бракоразводном процессе *minimum* четыре тысячи не потому, что это должно, а потому, что можно. Художник за свою картину, написанную в пять дней, просит десять тысяч, артист просит за сезон двадцать две тысячи, и никто за это не называет их дурными людьми. Можно брать — и они в глазах общества правы.

И сознание, что «это можно», всякого просящего и берущего спасает от стыда и неловкого чувства. Иная полковница, почтенная мать семейства, стыдится, что у нее седые волосы, но ей нисколько не стыдно ехать в поезде по билету агента или сидеть в партере театра по контрамарке, взятой у знакомого капельдинера. Стыдно лгать, но не стыдно просить у доктора медицинского свидетельства, чтобы одурачить казну и содрать с нее ни за что ни про что 200—300—1000 рублей, не стыдно просить у влиятельной особы места для человека, заведомо неспособного. Порядочный чело-

век не перестает быть порядочным оттого, что даром получает жалованье или едет в командировку, над которой сам же смеется. О пособиях, подписках, даровых жалованьях, о бесплатных билетах и контрамарках, о зачитанных книгах и проч. все говорят вслух, никто не краснеет, все чувствуют себя прекрасно, и все милые люди.

Те, кому все это не симпатично в русском человеке, оправдывают его рудинскими свойствами его характера, именно тем, что русский человек относится одинаково беспечно как к чужой, так и к своей собственности: он зря берет и в то же время зря дает. Пусть так. Но ведь человеку, кроме характера и темперамента, дана еще способность рассуждать; кто берется оправдывать или обвинять, тот не должен забывать об этой способности. Каждый зря просящий и зря берущий, если он не извозчик и не официант, легко может рассудить и понять, что все эти одолжения, любезности, уступки, скидки и льготы не так невинны, как кажется, что за кулисами всего этого чрезвычайно часто кроются несправедливость, произвол, насилие над чужою совестью, эксплуатация чужого чувства, преступление. Разве начальник станции, дающий даровой билет, не крадет? Разве льгота, данная Ивану, не служит в ущерб Петру?

Хуже всего, что беспечность и художественный беспорядок, царящие в отношениях русского человека к чужой собственности, попрошайничество и страсть получать незаслуженно и даром воспитали в обществе дурную привычку не уважать чужой труд. Барин, играющий в винт, нимало не думает о своем кучере, мерзнувшем на дворе; так и наше общество привыкло не думать о том, что сельское духовенство работает почти даром и живет впроголодь, учителя, получающие за свой тяжелый труд гроши, бедствуют, что в городских больницах работает даром, ничего не получая от общества, масса молодых врачей, и что тот же злополучный Дрейпельхер, на которого была возложена громадная ответственность, получал от общества, его осудившего, гроши. Редко кто ратует за прибавку жалованья, например, офицерам или поч-

товым чиновникам, но за убавку готово стоять большинство. Чем дешевле, тем лучше, а если даром, то это еще лучше.

Уличное нищенство — это только маленькая частность большого общего. Нужно бороться не с ним, а с производящею причиною. Когда общество во всех своих слоях, сверху донизу, научится уважать чужой труд и чужую копейку, нищенство уличное, домашнее и всякое другое исчезнет само собою.

В Москве появилась небольшая брошюрка проф. Тимирязева «Пародия науки». Статья, составляющая ее содержание, имеет размеры обыкновенной журнальной заметки, и потому для многих читателей Тимирязева кажется странным, почему он не напечатал ее в «Русской мысли» или в «Русских ведомостях», сотрудником которых он давно уже состоит. Ведь «Русская мысль» и «Русские ведомости» так любят науку! Впрочем, не в них дело.

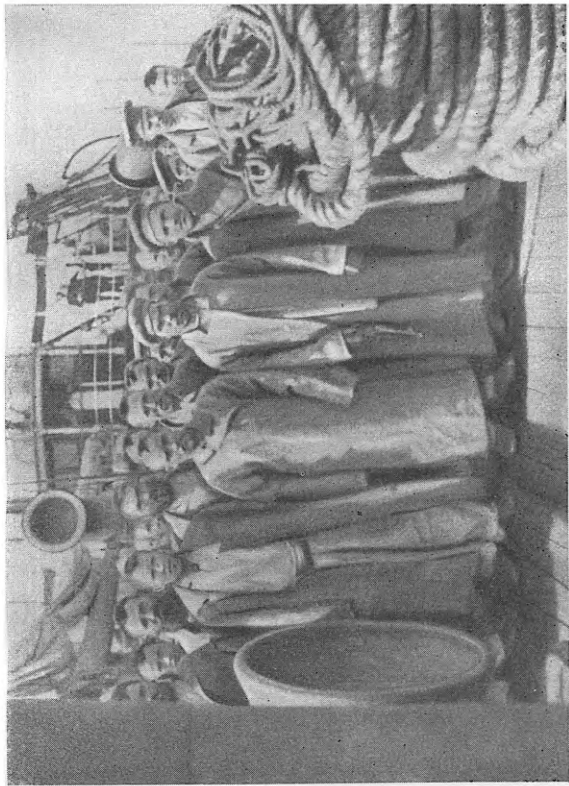
Брошюрка господина Тимирязева особенно интересна тем, во-первых, что он московский профессор и известный ученый, и, во-вторых, тем, что в этой брошюрке он старается доказать, что дирекция Московского зоологического сада, во главе которой стоит тоже московский профессор и тоже известный ученый, занимается *шарлатанством!* Шутка сказать!

При Московском зоологическом саду открыта ботаническая станция. Господин Тимирязев, как известно, ботаник и читает в университете «физиологию растений». Вновь открытая станция близко касается его специальности, и он, как главарь московских ботаников, считает себя обязанным высказать о ней свое мнение. И он не стесняется. Рассказав, что такое представляет из себя вновь открытая «ботаническая опытная станция», он резюмирует свою оценку так: «Можно сказать, что, начиная с оскорбляющей обо-

няние своими аммиачными испарениями всем знакомой атмосферы Зоологического сада, выбора места под навесом деревьев убогого, случайного, во всех отношениях непригодного помещения, жалкого числа опытов и кончая мельчайшими подробностями их неряшливого исполнения — все здесь служит образцом того, как не поступают и как нельзя поступать при такого рода исследованиях» (стр. 9). А дальше: «Если дирекция Зоологического сада имеет смелость публично называть свою жалкую затею «ботанической опытной станцией», то знающие свое дело ботаники нравственно обязаны сказать той же публике: не верьте, это недостойная пародия, свидетельствующая о прискорбном неуважении к науке и публике» (стр. 14).

Итак, значит, станция, открытая учеными мужами «для строго научного исследования по строго научным методам», является жалкой затеей, недостойной пародией и неуважением к науке и публике. Это нехорошо пахнет. Но, быть может, спросит читатель, учредители станции не имели в виду производства ученых исследований, а скромно задавались только популяризацией физиологии растений? Господин Тимирязев, очевидно, предвидел этот вопрос и отвечает на него так: «Популяризатор имеет право выступать перед публикой во всеоружии *настоящей* науки, показывая этой публике завоевания науки, добытые талантом и трудом в тиши *настоящих* лабораторий и кабинетов. А выходить на улицу, публично производить пародию научных исследований в каких-то пародиях лабораторий, в невозможной обстановке, не имеющей ничего общего с действительной обстановкой научного труда, да еще в неряшливой форме, значит сознательно подрывать значение науки» (стр. 12).

Если же ботаническая станция, открытая зоологами, не имеет смысла ни для ученых, в которых, по заявлению автора, может вызвать только справедливое негодование, ни для учащихся, для которых может служить разве образцом того, как не следует относиться к науке, ни, наконец, для публики, потому что представляет собою новый тип не опытной, а по-

Группа ссыльнокаторжных на пароходе. Фотография. 1890.

тешной станции, — то какой же смысл имеет учреждение этой фитобиологической станции в Московском зоологическом саду?

Господин Тимирязев так отвечает на этот вопрос: «Результаты искусственных культур», которыми занимаются на станции, «очень эффективны; они могут производить впечатление даже на профана, — так не воспользоваться ли этими дешевыми научными фокусами для поднятия себя в глазах публики? Наука нашего времени творит чудеса, почему бы не найтись и современным Симонам-волхвам, готовым за недорогую цену приобрести возможность показывать эти чудеса. В самом деле, стоит достать из аптеки несколько фунтов солей, растворить в воде, разлить в банки, сунуть по семени — и фокус готов. Но рассуждающие таким образом забывают, что эти фокусы — плоды таланта и труда поколений ученых и что даже для удачного их повторения, кроме солей, нужно еще знание, умение и добросовестный труд — все продукты, которых из аптек, даже за деньги, не отпускают» (стр. 14).

Господин Тимирязев в своей брошюре ни разу не употребляет слова «шарлатан», но, как видите, он обвиняет ученую дирекцию в настоящем шарлатанстве. В лабораториях сада сидят Симоны-волхвы, которым выгодно не уважать науку и морочить публику. Но не хватает ли через край г. Тимирязев? Не проще ли было бы, думали мы, прочитав его брошюрку, объяснить промахи дирекции не шарлатанством, а склонностью вообще русского человека братья не за свое дело? На Руси не редкость, что сапоги тачает пирожник, а пироги печет сапожник, иначе бы Крылов не написал своей басни. Ведь случалось же у нас, что учебными округами управляли врачи и бывшие прокуроры, в окружных судах председательствовали естественники и ботанику в университетах читали словесники. Мы думали так: если зоологи промахнулись на ботанике, то что за беда? Почитатели их могут утешиться на зоологии...

И мы, чтоб утешиться, поспешили совершить экскурсию в область зоологии...

Но, ах, какой вид!

Здесь мы прежде всего сталкиваемся с странным отношением московской публики к своему ученому саду. Она иначе не называет его, как «кладбищем животных». Воняет, животные дохнут с голода, дирекция отдает своих волков за деньги на волчьи садки, зимою холодно, а летом по ночам гремит музыка, трещат ракеты, шумят пьяные и мешают спать зверям, которые еще не околели с голода... Почему это так? — спрашиваем дирекцию. Что общего между волчьими садками и наукой или между ракетами и самим г. Богдановым? В ответ дирекция настойчиво уверяет, что бедная обстановка сада, жалкий и случайный состав его животных, мизерность и неряшливость их содержания — это одно, а «научная» и «ученая» деятельность стоящего во главе сада кружка зоологов — это другое. Если первое не выдерживает критики «вследствие недостаточного внимания публики к делу зоологов», как говорят зоологи в годичных заседаниях своего Общества акклиматизации, то второе неустанно идет все вперед и вперед. Ладно. В чем же, спрашиваем, состоит собственно ученая зоологическая деятельность сада?

Нам отвечают: она может состоять, во-первых, в решении вопросов сравнительной анатомии и морфологии, с каковыми целями сады, имеющие для этого достаточные средства, организуют свои *лаборатории*; во-вторых, в непрерывных биологических наблюдениях над животными, для чего ведутся подневные записки — *Дневники* сада, а накапливающийся в них материал время от времени подвергается обработке и публикуется; в-третьих, наконец, в устройстве *выставок*, которые имеют целью наглядно ознакомить публику с успехами скотоводства, птицеводства и акклиматизации.

Прекрасно. Идем по саду искать лабораторию. Так как она предназначена «для строго научных исследований по строго научным методам», то мы, конечно, найдем прежде всего хорошее помещение, достаточно обширное для того, чтобы соответствовать широте и сложности своих задач, и обставленное необходимыми

специальными приспособлениями; затем мы найдем, конечно, персонал специально сведущих лиц, хорошо составленную библиотеку, пособия и, наконец, соответствующие инструменты. Только при наличии всех этих условий лаборатория сада имеет право на такое название. Так именно и смотрят на это дело руководители садов за границей. Они или вовсе отказываются от предприятия, если оно не под силу для их кармана, и, если представляется случай, просто жертвуют имеющийся у них материал соответствующим учреждениям, как, например, Гамбургский зоологический сад — Гамбургскому музею, или же обладают такими первоклассными учреждениями, как сравнительно-анатомический музей Jardin des plantes¹ в Париже.

Но напрасно мы ходим по саду и ищем лабораторию. Нам говорят, что она «пока» закрыта. Когда нет курицы, то едят один только бульон; если нет лаборатории, то пусть хотя расскажут нам ее историю. И нам рассказывают, что открытие ее совершалось с большою торжественностью, что предшествовали ему многочисленные публичные заседания, говорились блестящие речи, печатались длинные статьи и проч., и проч., и проч.

В торжественный день открытия был молебен, обед, тосты, благодарности, телеграммы, шампанское... Музыка играет, штандарт скачет... В сладкой полудреме после шампанского мерещились уже слава, членство в академии, Почетный легион и всякие Орлы, Леопольды, Стефаны, Лазари и Полярные звезды... Будущие академики и кавалеры составили из себя «комиссию уполномоченных», и эта комиссия выработала программу, по которой занятия лаборатории Зоологического сада должны были состоять в следующем: 1) во вскрытии умерших животных и в приготовлении из них препаратов для Зоологического музея Московского университета; 2) в приготовлении материала для микроскопических работ и в изготовлении микроскопических препаратов преимущественно

¹ Ботанический сад (франц.).

по паразитам, находимым в павших в саду животных; 3) в определении животных, поступающих как в Зоологический сад, так и непосредственно в лабораторию; 4) в устройстве террариумов и аквариумов как для целей сада в популяризационном отношении, так и для учебных целей Зоологического музея университета и работ Общества акклиматизации; 5) в экскурсиях для получения животных, необходимых и желательных для террариумов и аквариумов, и в производстве над ними наблюдений с целью составления докладов для Общества акклиматизации и любителей естествознания и 6) в организации и устройстве библиотеки из специальных сочинений, необходимой для учено-практических занятий в саду и лаборатории.

Что значит «производство наблюдений с целью составления докладов»? Впрочем, оставим в стороне невинные курьезы этой программы и спросим, что же на самом деле представляла из себя открытая дирекцией лаборатория и чем располагала она для выполнения ее многосторонних, намеченных программой задач? В чем и где плоды ее деятельности? И кто ее «пока» закрыл и почему? Нам говорят, что ответ на это мы можем получить из первого (кстати сказать, единственного) тома «Ученых трудов Общества акклиматизации», изданного под редакцией проф. Богданова. Мы с большим трудом достаем этот очень толстый, объемистый первый том, еще с большим трудом прочитываем его и узнаем, что возродилась лаборатория в начале 1878 года, а «пока» закрыта она в конце 1884 года. Первый отчет лаборатории обнимает период времени всего только за три месяца: за июнь, июль и август 1878 года. В эти месяцы поступило в лабораторию млекопитающих 16 и птиц 199. Вскрыто было первых 15, вторых 76 (т. 1, стр. 121 и 122). То обстоятельство, что птиц было вскрыто меньше половины, в отчете объясняется так: «Вскрытие и делание препаратов главным образом лежало на *одном* лице, которому, очевидно, в течение 90 дней существования лаборатории не было физической возможности в этот период произвести разборку всего поступившего материала, а приходилось выбирать

главнейшее» (стр. 122). Оказывается дальше, что «протоколы вскрытий млекопитающих страдают еще сильною отрывочностью, что происходит, как сказано уже, частью от накопления большого количества работ в лаборатории при малом численном составе, а частью вследствие *неопытности* и новизны дела для лаборантов, от неустановившихся еще требований от «Дневника» лаборатории» (стр. 123).

Таким образом, лаборатория, по ее же собственным печатным отчетам, была открыта, о деятельности ее уже представлялись и печатались отчеты, а между тем у нее не было ни надлежащего личного состава, ни книг, ни пособий, ни инструментов, ни даже установившихся требований от «Дневника» лаборатории. Были только: приятное воспоминание о торжестве открытия да программа, которая не исполнялась.

Отчет за 1879 год занимает несколько писанных страниц, прочитанных в годовом заседании Общества и в свое время напечатанных в газетах. Он начинается с указания на недостатки отчетов европейских зоологических садов, в которых-де излагается дело со всею краткостью и без всяких сообщений о своей будничной жизни. «Не раз,— с важностью заявляет отчет,— приходилось нам слышать такие объяснения по этому предмету: число лиц, входящих в состав администрации сада, не велико; им некогда обрабатывать тот обширный материал, который накапливается каждый год, передавать же в сыром виде — не стоит...» Казалось бы, что нам, новичкам в деле всякого рода ученых предприятий, следовало бы скромно потупиться и воспользоваться указаниями опытных людей и во всяком случае не задирать вверх носа. Но автор отчета иначе смотрит на дело и заявляет публично, что он недоволен заграничными порядками. Пусть за границей дело ведется дурно, но вы-то что сделали, позвольте вас спросить? Вы в своей московской лаборатории ровно *ничего* не сделали даже в смысле собрания сырого материала. Да это и понятно: во второй год существования лаборатории имела опять-таки только *одного* лаборанта-студента, недостаточно подготовленного и занятого

своими лекциями, работавшего, вероятно, зубами и пальцами, так как инструментов не было; не было и книг. Из общего числа доставленных в течение года в лабораторию зверей и птиц не было вскрыто 23 млекопитающих и 109 птиц. Отчет объясняет это таким образом: «В апреле и мае чувствовался большой недостаток в руках, так как и лица, входящие в состав лаборатории, и те лица, которые могли бы оказать помощь, были обременены другими занятиями; в июне и июле вследствие стесненных материальных средств чувствовался *недостаток спирта*; в августе же это последнее обстоятельство осложнилось еще тем, что «пало несколько ценных животных...» и т. д. А далее речь идет о значительном недостатке в пособиях, книгах и инструментах — все та же песня.

Отчет за 1880 год краток. О заграничных беспорядках уже нет разговора. Заключается отчет в том, что, по заявлению секретаря на годовичном собрании Общества, лаборатория вообще составляла коллекцию органов животных и определяла причины смерти некоторых павших животных. Невскрытыми остались 7 млекопитающих и 108 птиц.

В 1881 году $\frac{2}{3}$ трупов остались не вскрытыми, и отчет опять поет о недостатке личного персонала. Затем, в следующие годы, число не вскрытых животных от $\frac{2}{3}$ повышается до $\frac{3}{4}$ и $\frac{9}{10}$; наконец, в 1883 и 1884 гг. вскрытия производятся только в редких, исключительных случаях (всего раза два-три в году), а отчеты о деятельности лаборатории прекращаются вовсе, по крайней мере о них уже не говорят в годовичных заседаниях Общества.

Что же касается помещения лаборатории, то, по отзывам очевидцев, в 1885 году она представляла из себя нечто похожее на кладовую Плюшкина. Это был склад всякого хлама: дрова, посуда с водой, старые поломанные клетки, негодные к употреблению аквариум и террарии; там и сям между этим хламом, в ящиках или просто на полу в кучах, лежали перемешанные между собою кости разных животных, битая посуда, старые калоши, рваные отчеты, а на двух полках в углу стояли запыленные банки с препара-

тами, начинавшими гнить, так как спирт испарялся... Эти кости и эти гнилые препараты вместе со старыми калошами и битой посудой составляют собственно весь результат ученой деятельности лаборатории. Мы говорим — весь результат, потому что за все время своего семилетнего существования лаборатория не дала не только ни одной ученой работы, но даже ни одной заметки, если, впрочем, не считать заявления о неудачных опытах заразить собаку риштой.

Очевидно, что вновь открытая ботаническая станция, на которую так сердится г. Тимирязев, есть родная дочь зоологической лаборатории, что, строго говоря, оба эти учреждения отличаются друг от друга одними только названиями. В сущности, оба служат образчиками прискорбного неуважения к науке и публике. Лаборатория так же, как и теперешняя станция, не была нужна ни для ученых, ни для учащихся, ни тем паче для публики. Наконец, самое возникновение ее, очевидно, имеет тот же мотив, что и у ботанической станции. В самом деле, существование при саде лаборатории есть несомненное доказательство блестящего состояния его дела, и в то же время оно свидетельствует о научном направлении деятельности его руководителей. Если так, то почему же и не устроить лаборатории? Правда, поставить такую лабораторию, которая стояла бы в уровень со своими учеными задачами, и дорого и не легко, потому что ведение ее предполагает деньги, опытность и добросовестное отношение к делу. Но ведь требования рекламы гораздо скромнее; тут не нужно ни денег, ни знаний, ни труда, а закати только при открытии обед с музыкой, скажи речь, упрекни публику в равнодушии к зоологии — и дело в шляпе.

Обратимся теперь ко второму роду деятельности Зоологического сада — к его «Дневнику». Как известно, во многих зоологических садах Европы ведутся дневники, они, несомненно, полезны, и печатание их обставлено непременно условиями, чтобы, во-первых, факты заносились в них в систематической непрерывности и в возможно законченном виде и чтобы, во-вторых, заносимые в дневник факты и наблюдения

имели определенную цель и назначение, вытекающие из научных или хозяйственных интересов сада. Какие же факты и наблюдения нашли место в «Дневнике» нашего Зоологического сада? Перелистываем все тот же первый том, где напечатан «Дневник», и читаем следующее:

Факты:

17 сентября 1878 года. Дразнил зверей молодой человек.

17 сентября. Дразнили зверей трое пьяных.

1 октября. Дразнили зверей посетители.

8 октября. Дразнил зверей офицер.

15 октября. Дразнил зверей кадет.

17 октября. Дразнил зверей посетитель в чуйке.

6 декабря. Дразнила зверей публика.

4 марта 1879 года. Дразнил зверей господин в поддевке.

8 марта. Дразнил зверей посетитель с дамой.

Не правда ли, научно? Господин в поддевке, кадет и посетитель с дамой дразнили зверей, а отсюда вывод: не дразните зверей, ибо этим вы только дразните ученых, а ученые пишут глупости. Но читайте дальше.

Наблюдения. Генваря 1879 года. Беспокоили зверей: двое, ухватившись за рога оленя, старались повиснуть на них; трое много шумели.

2 февраля. Праздник. Дразнили (опять!) животных: тура — за рога, куланов и зебра — за морду, зайцев тыкали руками.

4-го. Воскресенье. Народу много; дразнили (ну, конечно!) животных, по обыкновению.

12-го. Господин с компанией произвел в саду скандал. (А ученые протокол составили, что ли?)

Марта 4-го. Публика дразнила животных, в особенности господин в поддевке.

Далее, какой-то господин «тыкал» тростью сову, офицеры «тыкали» зверей шашками. Затем следуют не менее интересные наблюдения над господином в поддевке, юнкером в мундире, дамой в шляпе, солдатом в фуражке. А вот *случаи*:

24 декабря 1878 года. Ночной сторож привел в контору неизвестного, заподозренного в чем-то, что не оправдалось (?).

Генваря 7-го 1879 года. Один офицер находил (и очень резонно), что медвежонку дают мало корму.

8-го. Одна госпожа предлагала купить для зверей тухлых гусей.

11-го. Господин в собольей шубе бодался с козлом через перегородку.

Открытие: у господина в собольей шубе рога!.. Но далее:

Генваря 26-го. Ночью кто-то из однокопытных кашлял; за темнотою нельзя было разобрать кто.

Октября 13-го. Офицер с женою (!) и дочерью был в отделе аквариев; дочь уронила палку и перебила аквариум. Служитель просил или подождать, или пожаловать в контору, но офицер, пригрозив служителю дать в рожу, ушел.

Июня 4-го. Посетитель с семейством нарвал цвет; остановленный у кассы выругал его (кого его?).

И так далее. Кроме этих наблюдений насчет господина в собольей шубе с рогами и офицера, с которым была жена, а не любовница, и скандалов, ежедневно происходящих в мирном уголке науки, в «Дневнике» нет ровно ничего. В описаниях скандалов есть хоть пикантные подробности насчет рожи и цветов, которые посетитель нарвал, очевидно, для дамы; что же касается тех записей, которые относятся к кашляющим однокопытным и околевающим жвачным, то тут «за темнотою нельзя было разобрать» и лаконизм поразительный.

Просто хоть не читай.

Сентября 21-го. Захворал слон.

Сентября 22-го, 23-го, 24-го и так далее он продолжал болеть.

Сентября 28-го. Выздоровел.

И только. Чем был болен слон? Какие были симптомы его болезни? Чем лечили? Об этом ни слова, а вот насчет того, что «одна компания сильно наскандалила в кассе», а другая компания ругалась и говорила: «Глупо, что сдачи нет и нет контрамарок»,—

об этом сведения самые подробные. Очевидно, ругающаяся компания возбуждает в московских зоологах гораздо больший интерес, чем кашляющий однокопытный или больной слон. 27-го пал кулан. Чем он был болен? Чем лечили? Не сказано. 26 ноября захворал як. 27-го — пал. Чем захворал? Чем лечили? Ответа нет. Не бодался ли с этим яком господин в собольей шубе? Ответ, наверное, есть, но оставим «Дневник» и не будем продолжать из него выписок. Пусть побольше останется для сотрудников «Стрекозы».

Спрашивается, чем можно оправдать появление в печати подобных юродивых «Дневников»? Какая цель их? Ведь ведение «Дневника» есть несомненный признак порядка и наличности постоянных наблюдений. Его ведут, значит хотят, чтобы думали и говорили, что у них есть и порядок и наблюдения, благо — «Дневника» никто не читает. Верили в лабораторию, не заглядывая в нее, поверят и в «Дневник», не читая.

Я московский Гамлет. Да. Я в Москве хожу по домам, по театрам, ресторанам и редакциям и всюду говорю одно и то же:

— Боже, какая скука! Какая гнетущая скука!

И мне сочувственно отвечают:

— Да, действительно, ужасно скучно.

Это днем и вечером. А ночью, когда я, вернувшись домой, ложусь спать и в потемках спрашиваю себя, отчего же это в самом деле мне так мучительно скучно, в груди моей беспокойно поворачивается какая-то тяжесть,— и я припоминаю, как неделю тому назад в одном доме, когда я стал спрашивать, что мне делать от скуки, какой-то незнакомый господин, очевидно не москвич, вдруг повернулся ко мне и сказал раздраженно:

— Ах, возьмите вы кусок телефонной проволоки и повесьтесь вы на первом попавшемся телеграфном столбе! Больше вам ничего не остается делать!

Да. И всякий раз ночью сдается мне, что я начинаю понимать, отчего мне так скучно. Отчего же? Отчего? Мне кажется, вот отчего...

Начать с того, что я ровно ничего не знаю. Когда-то я учился чему-то, но, черт его знает, забыл ли я все, или знания мои никуда не годятся, но выходит так, что каждую минуту я открываю Америку. Например, когда говорят мне, что Москве нужна канализация или что клюква растет не на дереве, то я с изумлением спрашиваю:

— Неужели?

С самого рождения я живу в Москве, но, ей-богу, не знаю, откуда пошла Москва, зачем она, к чему, почему, что ей нужно. В думе на заседаниях я вместе с другими толкую о городском хозяйстве, но я не знаю, сколько верст в Москве, сколько в ней народу, сколько родится и умирает, сколько мы получаем и тратим, на сколько и с кем торгуем... Какой город богаче: Москва или Лондон? Если Лондон богаче, то почему? А шут его знает! И когда в думе поднимают какой-нибудь вопрос, я вздрагиваю и первый начинаю кричать: «Передать в комиссию! В комиссию!»

Я с купцами бормочу о том, что пора бы Москве завести торговые сношения с Китаем и с Персией, но мы не знаем, где эти Китай и Персия, и нужно ли им еще что-нибудь, кроме гнилого и подмоченного сырца. Я от утра до вечера жру в трактире Тестова и сам не знаю, для чего жру. Играю роль в какой-нибудь пьесе и не знаю содержания этой пьесы. Иду слушать «Пиковую даму» и, только когда уже подняли занавес, вспоминаю, что я, кажется, не читал пушкинской повести или забыл ее. Я пишу пьесу и ставлю ее, и, только когда она проваливается с треском, я узнаю, что точно такая же пьеса была уже раньше написана Вл. Александровым, а до него Федотовым, а до Федотова — Шпажинским. Я не умею ни говорить, ни спорить, ни поддерживать разговора. Когда в обществе говорят со мной о чем-нибудь таком, чего я не знаю, я начинаю просто мошенничать. Я придаю своему лицу несколько грустное, насмешливое выражение, беру собеседника за пуговицу и говорю: «Это, мой друг, старо», или: «Вы противоречите себе, мой милый... На досуге мы как-нибудь порешим этот интересный вопрос и споемся, а теперь скажите мне бога ради: вы были на «Имогене»?» В этом отношении я кое-чему научился у московских критиков. Когда при мне говорят, например, о театре и современной драме, я ничего не понимаю, но когда ко мне обращаются с вопросом, я не затрудняюсь ответом: «Так-то так, господа... Положим, все это так... Но идея же где? Где идеалы?» или же, вздохнув, восклицаю: «О бессмертный Мольер, где ты?!» — и, печально махнув рукой,

выхожу в другую комнату. Есть еще какой-то Лопе де Вега, кажется датский драматург. Так вот я и им иногда ошарашиваю публику. «Скажу вам по секрету,— шепчу я соседу,— эту фразу Кальдерон позаимствовал у Лопе де Вега...» И мне верят... Ступай-ка, проверь!

Оттого, что я ничего не знаю, я совсем некультурен. Правда, я одеваюсь по моде, стригусь у Теодора и обстановка у меня шикарная, но все-таки я азиат и моветон. У меня письменный стол рублей в четырехста, с инкрустациями, бархатная мебель, картины, ковры, бюсты, тигровая шкура, но, гляди, отдушина в печке заткнута женской кофтой или нет плевательницы, и я вместе со своими гостями плюю на ковер. На лестнице у меня воняет жареным гусем, у лакея сонная рожа, в кухне грязь и смрад, а под кроватью и за шкафами пыль, паутина, старые сапоги, покрытые зеленой плесенью, и бумаги, от которых пахнет кошкой. Всегда у меня какой-нибудь скандал: или печи дымят, или удобства холодные, или форточка не затворяется, и, чтобы с улицы в кабинет не летел снег, я спешу заткнуть форточку подушкой. А то бывает, что я живу в меблированных комнатах. Лежишь себе в номере на диване и думаешь на тему о скуке, а в соседнем номере, направо, какая-то немка жарит на керосинке котлеты, а налево — девки стучат бутылками пива по столу. Из своего номера изучаю я «жизнь», смотрю на все с точки зрения меблированных комнат и пишу уже только о немке, о девках, о грязных салфетках, играю одних только пьяниц и оскотинившихся идеалистов и самым важным вопросом почитаю вопрос о ночлежных домах и умственном пролетариате. И ничего-то я не чувствую и не замечаю. Я очень легко мирюсь и с низкими потолками, и с тараканами, и с сыростью, и с пьяными приятелями, которые ложатся на мою постель прямо с грязными сапогами. Ни мостовые, покрытые желто-бурым киселем, ни сорные углы, ни вонючие ворота, ни безграмотные вывески, ни оборванные нищие — ничто не оскорбляет во мне эстетики. На узких извозчичьих санках я весь сжался, как кикимора, ветер пронизывает

меня насквозь, извозчик хлещет меня кнутом через голову, паршивая лошаденка плетется еле-еле, но я не замечаю этого. Мне все нипочем! Говорят мне, что московские архитектора вместо домов понастроили каких-то ящиков из-под мыла и испортили Москву. Но я не нахожу, что эти ящики плохи. Мне говорят, что наши музеи обставлены нищенски, ненаучны и бесполезны. Но я в музеях не бываю. Жалуются, что в Москве была одна только порядочная картинная галерея, да и ту закрыл Третьяков. Закрыл, ну и пусть себе...

Но обратимся ко второй причине моей скуки: мне кажется, что я очень умен и необыкновенно важен. Вхожу ли я куда, говорю ли, молчу ли, читаю ли на литературном вечере, жру ли у Тестова — все это я делаю с превеликим апломбом. Не бывает спора, в который бы я не вмешался. Правда, я говорить не умею, но зато я умею иронически улыбаться, пожать плечами, воскликнуть. Я, ничего не знающий и некультурный азиат, в сущности всем доволен, но я делаю вид, что я ничем не доволен, и это мне так тонко удается, что временами я даже сам себе верю. Когда на сцене дают что-нибудь смешное, мне очень хочется смеяться, но я тороплюсь придать себе серьезный, сосредоточенный вид; не дай бог засмеюсь, что скажут мои соседи? Сзади меня кто-то смеется, я сурово оглядываюсь: несчастный поручик, такой же Гамлет, как я, конфузится и, как бы извиняясь за свой нечаянный смех, говорит:

— Как пошло! Какой балаган!

А в антракте я громко говорю в буфете:

— Черт знает, что за пьеса! Это возмутительно!

— Да, балаганщина, — отвечает мне кто-то, — но, знаете ли, не без идеи...

— Полноте! Этот мотив давно уже разработан Лопе де Вегой, и, конечно, сравнения быть не может! Но какая скука! Какая гнетущая скука!

На «Имогене» оттого, что я удерживаю зевоту, мои челюсти хотят вывихнуться; глаза лезут на лоб от скуки, во рту сохнет... Но на лице у меня блаженная улыбка.

— Чем-то отрадным повеяло,— говорю я вполголоса.— Давно, давно уже я не испытывал такого высокого наслаждения!

Иногда у меня бывает желание пошалить, сыграть в водевиле; и я охотно бы сыграл, и знаю, что это по нынешним унылым временам было бы очень кстати, но... что скажут в редакции «Артиста»?

Нет, боже меня сохрани!

На картинных выставках я обыкновенно щурюсь, значительно покачиваю головой и говорю громко:

— Кажется, все есть: и воздуху много, и экспрессия, и колорит... Но главное-то где? Где идея? В чем тут идея?

От журналов я требую честного направления и главным образом, чтобы статьи были подписаны профессорами или людьми, побывавшими в Сибири. Кто не профессор и кто не был в Сибири, тот не может быть истинным талантом. Я требую, чтобы М. Н. Ермолова играла одних только идеальных девиц, не старше двадцати одного года. Я требую, чтобы классические пьесы в Малом театре ставили непременно профессора... Непременно! Я требую, чтобы даже самые маленькие актеры, прежде чем браться за роль, знакомились с литературой о Шекспире, так что, когда актер говорит, например: «Спокойной ночи, Бернандо!», то все должны чувствовать, что он прочел восемь томов.

Я очень, очень часто печатаюсь. Не дальше как вчера, я ходил в редакцию толстого журнала, чтобы справиться, пойдет ли мой роман (56 печатных листов).

— Право, не знаю, как быть,— сказал редактор, конфузясь.— Уж очень, знаете ли, длинно и... скучно.

— Да,— говорю я,— но зато честно!

— Да, вы правы,— соглашается редактор, еще больше конфузясь.— Конечно, я напечатаю...

Девицы и дамы, с которыми я знаком, также обыкновенно умны и важны. Все они одинаковы; одинаково одеваются, одинаково говорят, одинаково ходят, и только та разница, что у одной губы сердечком, а у другой, когда она улыбается, рот широк, как у налим,

— Вы читали последнюю статью Протопопова? — спрашивают меня губы сердечком. — Это откровение!

— И вы, конечно, согласитесь, — говорит налимий рот, — что Иван Иванович Иванов своею страстностью и силой убеждения напоминает Белинского. Он моя отрада.

Каюсь, была у меня *она*... Отлично помню наше объяснение в любви. Она сидит на диване. Губы сердечком. Одета скверно, «без претензий», причесана глупо-преглупо; беру ее за талию — корсет хрустит; целую в щеку — щека соленая. Она сконфужена, ошеломлена и озадачена; помилуйте, как сочетать честное направление с такою пошлостью, как любовь? Что сказал бы Протопопов, если бы он видел? О нет, никогда! Оставьте меня! Я предлагаю вам свою дружбу! Но я говорю, что мне мало одной дружбы... Тогда она кокетливо грозит мне пальцем и говорит:

— Хорошо, я буду любить вас, но с условием, что вы высоко будете держать знамя.

И когда я держу ее в своих объятиях, она шепчет:

— Будем бороться вместе...

Потом, живя с нею, я узнаю, что и у нее тоже одушина в печке заткнута кофтой, и что и у нее под кроватью бумаги пахнут кошкой, и что и она также мошенничает в спорах и на картинных выставках, как попугай, лепечет о воздухе и экспрессии. И ей тоже подавай идею! Она втихомолку пьет водку и, ложась спать, мажет лицо сметаной, чтобы казаться моложе. В кухне у нее тараканы, грязные мочалки, вонь, и кухарка, когда печет пирог, прежде чем посадить его в печь, вынимает из своей головы гребенку и проводит ею борозды на верхней корке; она же, делая пирожные, слюнит изюминки, чтобы они крепче сидели в тесте. И я бегу! Бегу! Мой роман летит к черту, а *она*, важная, умная, презирающая, всюду ходит и пищит про меня:

— Он изменил своим убеждениям!

Третья причина скуки — это моя неистовая, чрезмерная зависть. Когда мне говорят, что такой-то написал очень интересную статью, что пьеса такого-то имела успех, что Х выиграл 200 тысяч и что речь N

произвела сильное впечатление, то глаза мои начинают коситься, я становлюсь совершенно косым и говорю:

— Я очень рад за него, но, знаете, ведь он в семьдесят четвертом году судился за кражу!

Душа моя обращается в кусок свинца, я ненавижу того, кто имел успех, всем своим существом и продолжаю:

— Он истязует свою жену и имеет трех любовниц и всегда кормит рецензентов ужинами. Вообще скотина порядочная... Повесть эта недурна, но, наверное, он где-нибудь ее украл. Бездарность вопиющая... Да и, говоря откровенно, я и в этой-то повести не нахожу ничего особенного...

Но зато, положим, если чья-нибудь пьеса провалилась, то я ужасно счастлив и спешу стать на сторону автора.

— Нет, господа, нет! — кричу я. — В пьесе есть что-то. Во всяком случае, она литературна.

Знайте, что все злое, подлое, гнусное, что говорят о мало-мальски известных людях, распустил по Москве я. Пусть городской голова знает, что если ему удастся устроить, например, хорошие мостовые, то я возненавижу его и распушу слух, что он грабит проезжих на большой дороге!.. Если мне скажут, что у какой-нибудь газеты уже 50 тысяч подписчиков, то я везде стану говорить, что редактор поступил на содержание. Чужой успех — для меня срам, унижение, заноза в сердце... Какой уж тут может быть разговор об общественном, гражданском или политическом чувстве? Если когда и было во мне это чувство, то давно уже сожрала его зависть.

Итак, ничего не знающий, некультурный, очень умный и необыкновенно важный, косой от зависти, с громадной печенкой, желтый, серый, плешивый, брожу я по Москве из дому в дом, задаю тон жизни и всюду вношу что-то желтое, серое, плешивое...

— Ах, какая скука! — говорю я с отчаянием в голосе. — Какая гнетущая скука!

Заразителен я, как инфлуэнца. Жалуюсь я на скуку, важничаю и от зависти клевету на своих ближ-

них и друзей, а глядишь, какой-нибудь подросток-студент уже прислушался, важно проводит рукою по волосам и, бросая от себя книгу, говорит:

— Слова, слова, слова... Боже, какая скука!

Глаза его косятся, он тоже становится косым, как я, и говорит:

— Наши профессора читают теперь лекции в пользу голодающих. Но я боюсь, что половину денег они положат себе в карман.

Я брожу, как тень, ничего не делаю, печенка моя растет и растет... А время между тем идет и идет, я старею, слабею; гляди, не сегодня-завтра заболею инфлуэнцей и умру, и потащат меня на Ваганьково; будут вспоминать обо мне приятели дня три, а потом забудут, и имя мое перестанет быть даже звуком... Жизнь не повторяется, и уж коли ты не жил в те дни, которые были тебе даны однажды, то пиши пропало... Да, пропало, пропало!

А между тем ведь я мог бы учиться и знать все; если бы я совлек с себя азиата, то мог бы изучить и полюбить европейскую культуру, торговлю, ремесла, сельское хозяйство, литературу, музыку, живопись, архитектуру, гигиену; я мог бы строить в Москве отличные мостовые, торговать с Китаем и Персией, уменьшить процент смертности, бороться с невежеством, развратом и со всякою мерзостью, которая так мешает нам жить; я бы мог быть скромным, приветливым, веселым, радушным; я бы мог искренно радоваться всякому чужому успеху, так как всякий, даже маленький, успех есть уже шаг к счастью и к правде.

Да, я мог бы! Мог бы! Но я гнилая тряпка, дрянь, кислятина, я московский Гамлет. Тащите меня на Ваганьково!

Я ворочаюсь под своим одеялом с боку на бок, не сплю и все думаю, отчего мне так мучительно скучно, и до самого рассвета в ушах моих звучат слова:

«Возьмите вы кусок телефонной проволоки и повесьтесь вы на первом попавшемся телеграфном столбе! Больше вам ничего не остается делать».

**ЗАПИСНЫЕ
КНИЖКИ**

КНИЖКА ПЕРВАЯ

1891—1904

- 1*) Сия книга принадлежит А. П. Чехову.
Петербург. М. Итальянская, 18, кв. Суворина.
- 2 1. Выехал 17 марта. Получена от прокурора в подарок бутылка водки.
2. Ивану не нравится Софья, потому что от нее пахнет яблоками.
3. Пробовал приспособление для писанья в вагоне. Ничего, пишется, хотя и плохо.
19-го утром переехали границу.
4. Человечество понимало историю, как ряд битв, потому что до сих пор борьбу считало оно главным в жизни.
5. Приехали в Вену. Stadt Frankfurt. Холодно.
- 3 20-го. Встали в 8 часов. Были в соборе || св. Стефана. Купил порттабак за 4 гульд.
1. 21-го. В соборе св. Стефана играл орган.
2. <Иван не уважает женщин, ибо он непосредственная натура и принимает их такими, какие они есть.> Если пишешь о женщинах, то поневоле должен писать о любви.
3. <Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного

* Цифры на полях указывают страницы Записных книжек Чехова; окончание текста страницы среди строки обозначается значком ||.

счастья; если же оно проистекает не отсюда, а из теоретических или иных соображений, то оно не то.>

- 4 1. 22-го вечером приехали в Венецию. Hôtel Bauer.
23-го. Собор св. Марка. Дворец дождей. Дом Дездемоны. Квартал Гидо. Усыпальница Кановы и Тициана.

24-го. Музыканты. Вечером разговор с Мережковским о смерти.

26-го. Дождь. Попробовать грузди со сметаной.

27-го. Выехали в Болонью.

2. Когда О. И. спит, у нее блаженнейшее выражение лица.

3. 28-го. От Болоньи до Флоренции 48 тоннелей.

- 5 Утром были в || Болонье: косые башни, аркады, Цецилия Рафаэля. В 5¹/₂ часов приехали во Флоренцию.

1. 30-го. Суворин не в духе.

2. <Брат О. И. пил одно только шампанское; ему нравился не столько табак, сколько мундштуки и трубки, любил чашки, подстаканники, запонки, галстуки, трости, духи.>

3. Соломон сделал большую ошибку, что попросил мудрости.

4. Обыкновенные лицемеры <смотрят> прикидываются голубями, а политические и литературные — орлами. Но не смущайтесь их орлиным видом. Это не орлы, а крысы или собаки.

- 6 1. 30-го приехали в Рим.

2. И беда, что эти обе смерти (А. и Н.) в жизни человеческой не случай и не происшествие, а обыкновенная вещь.

3. <Вследствие разницы климатов, умов, энергий, вкусов, возрастов, зрений равенство среди людей никогда не возможно. Неравенство поэтому следует считать непреложным законом природы. Но мы можем сделать неравенство незаметным, как делаем это с дождем или медведями. В этом отношении многое сделают воспитание || и культура. Сделал же один ученый так, что у него кошка, мышь, кобчик и воробей ели из одной тарелки.>

- 7 1. Кто глупее и грязнее нас, те народ <а мы не народ.> Администрация делит на податных и приви-

легированных. Но ни одно деление не годно, ибо все мы народ и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное.

2. 3 апреля. Выехали из Рима.

4-го. Неаполь.

6-го. Театр.

7-го. Пасмурно.

8 1. 11 апр. Рим. Храм Петра в длину 250 шагов.

13-го. Монте-Карло. Рулетка.

2. Если принц Монако имеет рулетку, то каторжным иметь у себя картеж можно и подавно.

3. 18-го. Выехали из Ниццы в Париж.

4. <Тут мимо леса, где хорошая тяга, он ехал с Власовым и пел: не любить — погубить значит жизнь молодую.>

5. 21 апр. Заутреня в посольской церкви.

22-го. Музей Гревен.

6. <Пожизненность наказания породила бродяжничество.>

9 1. <Чтобы оставаться с «инсипидкой»¹, Ивашину нужно было тушить все свечи и нельзя было закурить папиросу. Вдова д-ра.>

2. <В русских трактирах воняет чистыми скатертями.>

3. Пофилософствовать насчет любви Ив. мог, но любить нет.

4. Алеша: Мой ум, мама, ослабел от болезни, и я теперь, как в детстве: то богу молюсь, то плачу, то радуюсь...

10 1. <Прежде> <Теперь стреляются оттого, что жизнь надоела и проч., а прежде — казенные деньги растратил.>

2. <Косил, заболел, чкнулся в землю.>

3. Зачем Гамлету было хлопотать о видениях после смерти, когда самая жизнь посещают видения страшнее?

4. Не я сделал зло этой силе, а она мне.

11 1. <В пользу голодающих от учениц пансиона Ржевской принято 5 р. 84 к.>

¹ от франц. insipide — нелепый.

2. <Изменение вашей физики сверх обыкновенного действия.>

3. <У изв. музыканта я просил места для одного молодого ч-ка; тот ответил мне: «вы не музыкант и потому обратились ко мне». Так я вам скажу: вы не богач...>

4. <От зависти становится косым.>

5. <У дьяконского сына собака называлась Синтаксис.>

6. <Кардинский, подобно князю и Вареникову, дает всем советы:

— Я у себя посеял вику с овсом.

— Напрасно. Лучше бы посеяли trifolium (клевер).

— Я завел свинью...

— Напрасно. Лучше бы лошадь.>

12 1. <Льстят тем, кого боятся.>

2. <Еврей Перчик.>

3. <Пстилают вместо простынь грязные скатерти.>

4. <Брат хочет быть городским головой. Пришел с визитом: на груди палестинское общество, университетский знак и какой-то орден, кажется шведский.>

5. <Братьям и отцу кажется всегда, что их сын и брат женился не на том, на ком следовало бы. Невестки никогда не нравятся.>

6. <Брат дал денег на виноделие в Крыму. Вино было сладковатое, терпкое.>

7. <Он ревновал не к студентам, к-рые возили жену в театр и симфоническое, а к артистам и певцам, которые не могли не нравиться его молодой жене.>

8. <У мужа сестры были дети от любовницы, которых он любил больше, чем законных. Законные: Саша и Зоя.>

9. <Брат по вечерам играл в докторском клубе.>

10. <Отец попечителем школы. Брат в разговоре с учителем принимает начальнический тон. Вообще купцы любят быть начальниками. Отец староста. Певчие боятся.>

13 1. <Юг.-вост. часть Нижег. уезда. 6 волостей. 8 тысяч ревизских душ. Всего около 20 тыс. В одной

волости уродило: средний урожай — хватит до лета, кое-кому придется помочь; это самая маленькая волость. Был там дождь, и почва песчаная. >

Озимь не уродилась совсем. Озимые поля засеяны пособием, к-рое получено было от правительства; засеяли все. Поля, взятые в аренду, не засеяны вследствие физич. невозможности, так, земля Нарышкиной Палицкой волости — не было семян, так как давали одним только надельным. Нарыш. предъявила кр-е
14 стьянам иск: взыскать аренд||ную плату и неустойку по 50 коп. в день. Е[горов] присудил взыскать арендную плату и рассрочить на 3—4 года; съезд, кроме того, присудил неустойку.

Яровые уродило <как возврат сем> 1—1 и 1—2. Явилась нужда в пособии с октября. Яровые придется обсеменять тем же пособием.

Всегда был урожай превосходный. Кр-не обсеменяли свои наделы и арендную землю, к-рой много набирали; все хлебопашцы. В 1889 г. не уродилась рожь; в 90 — яровые, а в 91 — ни того, ни другого. Важно и то, что очень мало засевают картофеля.

В октябре приходили к Е[горову] по 400 ч-к с просьбой о пособии. Муж, жена, мать, 5 детей ели 5 дней похлебку из лебеды. Не едят по 2—5 дней — это зауряд. При мне в метель мужик и баба пришли за 8 верст просить пособия.

Из 20 тыс. мало кто не получает. Не получают только мужики состоятельные, к-рые имеют деньги и могут жить на покупной хлеб. Таких не больше 200 хозяев. На каждого выдается 30 ф. муки. До 1 января выдавалось только 20 ф. старше 2-х лет. Дети ||
15 моложе — не получают. 30 ф. не хватает, и в апреле, когда истощится лебеда, картошка и проч. приправы, совсем хватать не будет.

<Правительство отпустило> Епарх. ведомство до сих пор не помогало. Частные пожертвования: 75 р., 52 пуда муки от земства и 52 п. сухарями — это официально. Неофиц. не больше 25 р. Частными пожертвованиями пополняются: <недостатки> помощь тем, к-рые случайно не попали в списки, и тем, к-рым, очевидно, не хватает 30 ф. 30 ф. даются в ссуду — как

возвратят, мукой или деньгами, неизвестно. Безвозвратно даются только частные пожертвования. Бобыли и сироты получают безвозвратно по 10—15 ф. на едока от земства из благотвор. капитала; правительственной ссуды они не получают.

Все 14 школ получают пособие по 3 коп. на ученика. Е. покупает им муки, пшена. Варят еду. Источник этого пособия — Общество распространения начального образования. Оно кормит с декабря. Столовыми заведуют учителя, учительницы, священники, общий надзор — Егоров.

Склад от земства в амбаре Егорова — 2 тысячи пудов, продавать по удешевленной цене. Продавали 16 сначала по 1 р. 25 коп., потом || 1 р. 35 к., потом 1 р. 45 к.; когда продавали по 1 р. 45 к. на базаре, в это время цена была 1 р. 35 к. Теперь продают по 1 р. 45 к. Покупают, но немного. Продано пока пудов тысячу по мелочам и в школы. Вчера на рынке в селе Константинове была мука по 1 р. 60 к.

Столовых нет; приезжали благотворители, чтобы устроить столовые, но остались недовольны картиной голода.

Пьянства нет. Единственный случай: в Катибитове (?) мужик продал корову за 33 р. и пропил, семья голодает. Свадеб было мало, венчались многие в долг. Мужик священнику: «Хочу женить сына... Могу ли я обратиться за пособием для снохи?» Без бабы еще большее разоренье. Храмовых праздников не празднуют. Не поют.

У кого один душевой надел, тот, пожалуй, может обойтись и без лошади — кто-нибудь ему вспашет, у кого же трех- или пятидушевой надел, тому без лошадей зарез, быть без лошади — значит «рушить крестьянство». Кто имеет лошадей, тот беднее, так как пособие расходуется и на людей и на лошадей. Пособия на лошадей не выдавали. Нет ни сена, ни соломы, ни мякины, ни каких-либо кормовых средств. Цена лошадей стала расти с половины декабря. Если весной не распашет яровых, то разорится досконально, на 2—3 поколения, пойдет в батраки; потому-то держатся за лошадь, как кошка за мышь. Чтобы про-

17 кормить лошадь, про||дают корову, овец; от этого упадок хозяйства. Обессиление лошадей. К-не везли из Нижнего пособие за 70 верст в дер. Дубки Таможник. волости и на полпути <остановились> и сложили пособие <так к> и уехали с пустыми возами, так как лошади были не в силах везти.

<Когда весною начнутся полевые работы, то мужики, во-1-х, будут не в силах работать, во-2-х, будут ложиться спать усталые и голодные.>

<№ подп. листа Свободина № 28.>

1. <Брат мечтал быть городским головой, потом вице-губернатором или директором департамента, потом товарищем министра. Его мечта: напишу патристическую статью, напечатаю в Моск. вед., наверху прочтут ее и позовут меня управлять департаментом.>

2. <И все эти московские разговоры о любви казались ему ничтожными, неинтересными, как будто он вдруг прочел великое произведение, перед которым меркло и бледнело все, что до этого он считал важным.>

18 1. Дочь. В валенках неприлично...

От. В самом деле они неуклюжи. Надо будет их обсоюзить.

Отец заболел, и потому его не отправляют в Сибирь.

Дочь. Ты, папа, вовсе не болен. Смотри, ты в сюртуке, в сапогах...

Отец. А мне хочется в Сибирь. Сидишь где-нибудь на Енисее или Оби с удочкой, а там на пароме арестантики, переселенцы. А здесь я все ненавижу: эту сирень за окном, эти дорожки с песочком...

2. <Костя сам не пел, не имел ни голоса, ни слуха, но любил устраивать концерты, продавать билеты, знакомиться с певцами.>

3. <То, что мы испытываем, когда бываем влюблены, быть может есть нормальное состояние. Влюбленность указывает человеку, каким он должен быть.>

4. В Вене пьют вино Vöslauer,

5. Vol au vent ¹,

¹ Пирожок, волован (франц.).

- 19
1. <Старики прозорливы.>
 2. <Когда он и его жена в черном платье, изящная, прощались перед отъездом с сестрой, то его смущала и тяготила мысль, что ему придется ехать в одном купе с молодой женой.>
 3. <Киш — вечный студент.>
 4. <Она Ярцеву: вы — рубаха.>
 5. <Брат пишет для народа.>
 6. <Он вспомнил, что за все время ни разу не был в хорошем расположении.>
 7. <зятю высылал деньги и после смерти сестры.>
 8. <Мальчиков в амбаре секли.>
 9. <Старается узнать, когда будет столетие фирмы, чтобы хлопотать о дворянстве.>
 10. <Она одевалась по-московски, училась в Москве, и это нравилось ему.>
 11. <Муж сестры после ужина: Все на этом свете имеет конец. Знайте: «если влюбитесь, будете страдать, ошибаться, раскаиваться, если разлюбите, то знайте, что всему этому будет конец». У любовницы зятя — проседь. Зять очень красив был.>
 12. <Зятьпил очень немного или ничего. Он не пропилил, а проел состояние.>
- 20
1. <Он женился на мне из-за денег [неразобр.]. Однако с того света мне все видно будет. Любите моего брата, а то мне тяжело будет смотреть на вас. (обе заплакали).>
 2. <Саша по отношению к Зое уже играла роль старшей.>
 3. [Неразобр.] Он должен был жениться на ней, а не на той [неразобр.]. Она не любила ресторанов. Заставила его полюбить музыку, к которой он был раньше равнодушен.>
 4. <Она [неразобр.] с отчаянием: я вас потеряла. Мне кажется, что я умерла (?).>
 5. <Ярцев хочет жениться на Х, чтобы дать ей приют [неразобр.] в старости, она же соглашается [неразобр.] из соображения, что при ней у него [неразобр.].>
- 21
1. <Х с отчаянием и [неразобр.]. Где у вас были глаза?>

2. <Костя про Зою: из нее выйдет замечательная трагическая актриса.>

3. <Какой там именитый купеческий род. Дранный хамский род! Во мне нет гибкости и смелости, я боюсь за каждый свой шаг, точно меня выпорют. Я робею перед идиотами и скотами. От вашего именитого купеческого рода [неразобр.], вместо того чтобы с презрением отворотиться от этого или [неразобр.], я веду с тобой экспликации [неразобр.], точно оправдываясь. Да, хотя дед уже не был крепостным, но мне известно, что помещики и исправники (?) драли [неразобр.]>

4. <Киш тип добродушного никудышника. Вовсе никуда ни на что не способный человек. Поручения исполняет неправильно.>

22 5. <Ему кажется, что он понимает искусство и древний стиль. Самодурство может [неразобр.]. Он с видом знатока долго рассматривает картину, а антикварий в это время смеется || его невежеству, презирает его и берет с него, сколько хочет. То же и на выставках, в магазинах... Иногда подолгу осматривает картины, эстампы, безделушки и вдруг купит какую-нибудь дрянь, лубочную рамочку и выдаст себя.>

1. <Длинное письмо от брата: пишет о важности здоровья, о влиянии болезней на психику, но ни слова о делах, о Москве. Досадное впечатление.>

2. <Костя в Сокольниках пьяный: — Природа, обними меня! Все были в духе, отказались от экипажа и поехали домой на конке.>

3. <Гувернантке поручено смотреть за библиотекой. Она на каждой книге написала: «Эта книга принадлежит такому-то». Глупа. Не умела объяснить Саше деление.>

4. <Киш во время социального спора:

— Значит, если не будет денег, то все будут брать в лавках в долг?

Когда его посылают взять 2 кресла, то он почему-то берет ложку; покупая в магазине закуски, просит, чтобы сыр и колбасу нарежали на кусочки.>

5. Vol au vent.

6. <Киш по субботам ходит в цирк Соломонского.>

7. <Ему нравилось, что невеста богомольная, что у нее определенные взгляды и убеждения. Когда же она стала женой, то эта определенность уже возмутила его.>

23 1. <Зять приударивает за его молодой женой. Говорит ей: вам нужен любовник.>

2. <В Москве при взгляде на своих новых знакомых она думала: какие в Москве некрасивые мужчины!>

3. <Зять: «Знайте, нет женщины, которая не изменяла бы. Но это ничего не значит. От этого никому не бывает вреда».>

4. <В купе зять ей: «Но чего вы боитесь? Что в этом ужасного? Разве вас убудет от этого?»>

Он привык к тому, что если дама пугалась, протестовала, мучилась, то значит, он производил на нее впечатление и имел успех; если же в ответ на его пристаивание она была равнодушна или смеялась, то это было признаком, что он не нравился.>

5. <Брат Зое: — А ты боженьке молилась?>

6. <Костя про Киша: У него всегда при всех обстоятельствах одинаково безразличное настроение, как у моллюска.>

7. <Она: <При чем.> Для чего тут сравнение с известным музыкантом, не понимаю! при чем тут известный музыкант! (выражение ненависти).>

8. <Если вы будете работать для настоящего, то ваша работа выйдет ничтожной; надо работать, имея в виду только будущее. Для настоящего человечество будет жить только разве в раю, оно всегда жило будущим.>

24 1. <Русский суровый климат располагает к лезанью на печке, к небрежности в туалете.>

2. <Костя уехал в Америку на выставку.>

3. <Костя во время урока девочкам: Потопа собственно говоря не было.>

4. <Гувернантка была нанята по рекомендации Киша, к-рый представил ее, как умную, весьма интеллигентную, отзывчивую.>

5. <Разговор с главным приказчиком:

— Правда ли, что дела наши идут дурно?

— Ни отнюдь.>

6. <На следующий день после симфонического телеграмма:

«Ради всего святого, приходите». Он пошел к ней.

— Вы на меня не сердитесь?.. Нет?

Только за этим и звала.>

7. <Торговля широкая, а бухгалтера нет.>

8. <Мужик без особенного ума, без способностей случайно становится купцом, потом богачом, торгует изо дня в день машинально, самодурствуя, начальствуя над приказчиками и издеваясь над покупателями. Ходят в амбар комиссионеры, немцы, англичане, ходит <пьяный> нищий интеллигент, к-рого зовут фи-тюлькой — он переводит иностранную корреспонденцию.>

25 1. <Для такой торговли, как ваша, нужны приказчики обезличенные, обездоленные, и веру вы воспитываете в детях, заставляя ходить в церковь, кланяться в ноги. Небось универ[ситетского] ч-ка ты к себе в амбар не возьмешь!

— Унив. люди никуда не годятся.

— Неправда! Ложь!>

2. <Сестра во время прощанья: — Если, не дай бог, умру, возьмите к себе моих девочек.

Жена растроганная: О, обещаю вам.>

3. <Отец окончательно ослеп. Брат болен. Пошли в Ново-Троицкий трактир. Разговор:

— Иван Васильевич, в каком положении наши дела?

— Все зависит от волнения векселей.

— Что вы называете волнением векселей?

— Покупатель должен и не хочет платить.>

4. <Узнавши о болезни брата, он заплакал. <Жаль> В детстве и в юности брат был прекрасным человеком. Удивительно, что у этого робкого, кроткого, умного человека болезнь началась с мании величия.>

5. <Она полюбила меня за деньги, т. е. за то, что я люблю в себе меньше всего.>

6. <Старик гордец и хвастун. Про Сашу и Зою: Это незаконные.>

7. <Когда она приехала в родной город на побывку, старая няня, которой она верила с детства, украла у нее 25 руб., это ее еще больше разобидело.>

8. <Старший приказчик Иван Васильич Початкин родом из Каширы. За старика исполняет должность старосты.>

9. <Оба брата брали из кассы без расписки.>

10. <У отца брать деньги неловко, в кассе же можно.>

26 1. <После ликвидации надо ездить по знакомым и просить места для 4 служащих.>

2. <Зять в купе после поцелуев рассказывает про старого пашу, которому подарили гарем.>

3. <Женщина не может долго оставаться без привязанности, и потому Х. сошлась с Ярцевым.>

4. <Заболела дифтеритом Зоя, ребенок и она. Ребенок умер. Она ходила плакать в квартиру Кости.>

5. <Киш картавит.>

6. <Я вас любила за ум, за душу, а ведь она — за деньги!>

7. <Артист. Но зачем вы одни? Как он мог оставить вас одну? (Она беременна.)

— Он поехал в Россию за деньгами.>

8. <О, если б можно было купить себе красоты и гибкости! Если бы уметь петь или красноречиво говорить!>

9. <Х. Ей казался ресторанный воздух отравленным табаком и дыханием мужчин; всех мужчин она считала развратными, способными броситься на нее каждую минуту.>

10. <Зять (кладя в сторону газету): Скучно в нашем богоспасаемом городе.>

11. <Он казался ей умным, серьезным, и потому предложение удивило ее.>

12. <Артист. Не верьте вы буржуазным писателям. Их идеи буржуазны, как они сами. Им, главное, нужно, чтобы женщины получали жалованье из казны, т. е. подобно им жили бы на счет народа. Впрочем, я не против свободы женщин. Я того мнения, что

27 каждый должен жить, как || хочет.>

1. <Артист. Вот немцы молодцы: говорят о ценах на шерсть. А наши русские сейчас бы завели о высоких материях, об эмансипации, о женщинах, о конституции и т. д. А пуще всего насчет женщин.

— А разве это дурно?

— Дурно-с.>

2. <Мне советуют в Москве устроить ночлежный дом.>

3. <Когда> <Артист. Когда она была беременна, то все женщины казались мне жалкими, противными.>

4. <Приказчикам не запрещают жениться, но дело поставлено так, что ни один не женится, потому что боится <потерять место>, не угодить своей женьитьбой хозяину и потерять место. Не женятся, втайне ведут развратную жизнь и болеют.>

5. <Обед в 2, ужин в 10 часов.>

6. <К. не понимала, как это женщины позволяют мужчинам платить за себя в ресторанах.>

7. <Я теперь бы устроил ночлежный дом, но боюсь, что он попадет в руки ханжей, которые будут заставлять ночлежников петь акафисты и станут собирать с них на икону.>

8. <Теперешние женщ.> <Артист. Теперешние женщины годятся только в прислуги. Лучшие из них идут в актрисы.>

9. <Артист. Если бы с Марса свалилась глыба и задавила весь прекрасный пол, то это было бы актом величайшей справедливости.>

10. <Чудесное выражение доброты.>

28 1. <— Голубушка, мне так тяжело! Но я скрывал все время! Я так несчастлив!

Припадок этот сделался с братом при горничной, так что потом, когда он уходил, ему было совестно.>

2. <Спирит толстый, высокий, с маленькой головой, Костя про него: о чем тут говорила эта пустая бутылка?>

3. <Артист. Надо, чтобы она видела во мне равного себе человека, а не самца, которому она должна нравиться.>

4. <Артист. На пароходе. Она с выражением капризного избалованного ребенка:— Твою птичку укачало.>

5. <Артист. Да, может, хорошую фельдшерницу вы найдете, но вы найдите хорошую жену, справедливую женщину.>

6. <На его великолепное, чистое, широкое чувство ответили так мелко!>

7. <Я отдал бы все за то, чтобы вы были моей женой. Отдал все — совсем по-купчески. Кому нужно это твое все!>

8. <Он хотел устроить в городе что-нибудь в память сестры, пока еще ее не забыли; но ни зять, ни тещь не помогли ему в этом. Тещь <даже> по-видимому даже боялся хлопот. А член управы ответил на письмо только через 2 месяца, не написавши ничего определенного.>

9. <В середине, после смерти ребенка, глядя на нее, вялую, молчаливую, думает: женишься по любви или не по любви — результат один.>

29 1. <Старик с маленькими блестящими глазами.>

2. <Брату подали пиво в стеклянной пивной кружке.>

Он пишет о «русской душе». Этой душе присущ идеализм в высшей степени. Пусть западник не верит в чудо, сверхъестественное, но он не должен дерзать разрушать веру в русской душе, так как это идеализм, которому <суждено> предопределено спасти Европу.

— Но тут ты не пишешь, от чего надо спасти ее.

— Понятно само собой.>

3. <После всенощной она не переодевалась и не пила чаю, очевидно собиралась идти в гости.>

4. <Гомеопатия, гипнотизм, буддизм, вегетарианство — все это у спирита как-то мешалось вместе.>

5. <— Ты, дядя Костя, где был?

— В суде. Защищал вора. Человек забрался на чердак и украл у прачек белье.

Хохот.

— Я объяснил судьям, что он сделал это от го-

лода, по невежеству, и они его оправдали. Теперь он опять украдет.

Хохот. <Оля> Лида вспомнила, как она однажды украла в гостях колокольчик, и захохотала еще громче. Крик радости: Ярцев пришел!>

6. <В жизни он получал наслаждение только из двух источников: писатели и иногда природа.>

7. <Когда после припадка брата он возвращается домой, то с ней тоже делается припадок: страшно жить... видела сегодня на улице слепого ребенка. Скопить бы 20 миллионов...>

8. <Не бросаешь богатства, потому что думаешь, что в конце концов сделаешь из него что-нибудь.>

30 1. <Нет прочной и постоянной привязанности. Он досадует на Х. за то, что она сошлась с Я., и на себя за то, что чувство его к жене стало ослабевать.>

2. <Временами ему казалось, что и душой он так же неуклюж, как телом, так же неловок, груб, быть может, нечестен, несправедлив, жесток. И тогда он хватал себя за голову и бранил себя, придумывал свои вины и недостатки.>

3. <Костя тайно пишет романы, но никто не печатает их по крайней тенденциозности и бездарности.>

4. <У нее не было определенного выработанного вкуса, но ее пугала мишура (золотые карнизы, зеркала с цветами, плохие картины), и она старалась уходить в свой уголок, устроенный как дома.>

5. <Пошли на картинную выставку всем домом, по-купчески: он, она, Костя, гувернантка, обе девочки. Заплатил он за всех. Он не понимал и вглядывался, подставляя к глазу кулак, Костя возмущался бессодержательностью, гувернантка смотрела, чтобы девочки не шалили, и когда подошли к голой нимфе, постаралась отвлечь их внимание. Она скучала, но вдруг перед одним пейзажем расчувствовалась. Она вдруг поняла живопись, этот пейзаж купили.>

31 6. <Он и она поехали в окружной суд || послушать Костю, который приглашал их. Дело неинтересное, и Костя несколько не взволнованный, с сердитыми глазами, басом говорил длинно, общие места, растрогал публику и, когда вора оправдали, не захотел ехать

домой, а пошел объясняться с кем-то по поводу какой-то дерзости.>

1. <Костя девочкам после рассказа о воре: Когда вырастете и будете богаты, все отдайте бедным, все! Когда богатые отдадут лишнее бедным, тогда воров не будет.>

2. <Ярцев был красив, смеялся заразительно.>

3. <Жена Киша в красной кофточке, влюблена в Киша и Ярцева.>

4. <Он не может простить старику прошлого. А ей жаль старика. Поехала к нему. Он ей: — Отчего это Федор захворал? От простуды, что ли? Вот я так никогда не хворал. Я никогда не лечился.

И пошел хвастать. Детей все-таки любит.>

5. <— Но неужели нельзя предотвратить рецидив? Ее отец, доктор, вздохнул и пожал плечами, как бы желая сказать, что врачи не боги.>

6. <— Я не помешаю?

— Нет, сестреночка, разговор у нас принципиальный.>

7. <В Сокольниках она, гуляя, рассказывает Ярцеву, как приятно иметь ребенка. Он ей:

— Скажите, оттого, что вы любите ребенка, не уменьшается ваша любовь к мужу?

— Не знаю. Я не по любви шла. Сначала мучилась, а теперь успокоилась и думаю, что любви нет и что ее не нужно.>

32 1. <Бранят наше поколение, говорят, что никуда оно не годится, но и отцы наши тоже хороши! Мой волком смотрит, а твой совсем равнодушен. Писал я ему насчет проект. и т. д.>

2. <В амбаре. Говорят на о, г произносят, как латинское g, и часто употребляют с, так что иная быстро произнесенная фраза бывает похожа на «свыссс!..»>

3. <Ярцев про Костю: он не имеет слуха в музыке — то же и в жизни. Тому, который не имеет слуха, кажется, что музыканты дерут и что он один это замечает.

Ярцев далее говорит: а жизнь, поверьте, идет своим естественным порядком, и никто не дерет, каждый дует в свою трубу то, что ему дуть надлежит.>

4. <Артист. Она была достаточно худа для того, чтобы нравиться. Я не люблю полных.>

5. <У духовенства и актеров много общего.>

6. <Костя предпочитает плохую серенькую погоду. Когда стучит дождь и рано наступают сумерки, ему приятно. Ярцев и Костя без памяти любят Россию.>

7. <Я чувствую, как в моем мозгу бьет пульс.>

8. <Артист. Она говорит, что Болеслав Марквич лучше Тургенева. Но ведь подобных вещей мужчины не говорят даже в шутку!>

9. <Скучно с ним, или не замечаешь его. И чтобы докопаться до того, что он добрый, неглупый ч-к и что у него есть свои несомненные достоинства, нужно с ним съесть 3 пуда соли.>

33 1. <Он лежал по целым часам на диване то у Ярцева, то у Кости.>

2. <Он питал к спириту брезгливое чувство, потому что застал, как тот читал чужое письмо. Спирит принадлежит к числу тех порядочных, но бесхарактерных и безвольных людей, к-рые, несмотря на воспитание, не могут удержаться, чтобы не прочесть письма, если оно лежит перед ними на столе.

Она не любила спирита; ей казалось, что он своими белыми пухлыми пальцами роется в ее душе.>

3. <Девочки ждали, когда он их перекрестит.>

4. <Ему говорили, что на Театральной площади просят наемные дети, он верил, но все-таки останавливался и подавал.>

5. <Во время объяснения у него жалкое лицо.>

6. <С доктором он не мог сойтись так, чтобы бывать у него запросто.>

7. <Когда хлопотали перед свадьбой, д-р говорил всем, что ему надоело быть лакеем у дочери, что он не может выпить стакана вина и выкурить сигару.>

8. <Сестреночка, я Нину видел.>

9. <Сестра умерла внезапно.>

10. <У доктора прислуга часто менялась.>

11. <Он боялся, что сестра очутится без копейки денег, оставил д-ру 2000 кредитных и просил доктора выдавать ей. Доктор потом прислал длинный счет.>

12. Язык Кости ей не понравился: выставил, заехал в харю, мразь.>

34 1. <Отец: и барышню свою привез?>

2. <С тех пор, как умерла Нина, я стал верить, что мы бессмертны.>

3. <Больные у доктора ожидали в холодных сенях.>

4. <Костя ей: русского ч-ка, в частности вашего мужа, не узнаешь, пока он не раскочается. Он не блещит — вот беда!>

5. <В конце октября получено было письмо от д-ра: все взвалили на него, никто ему не сочувствует, Нина плоха. 1-го ноября телеграмма: умерла внезапно.>

6. <Доктор за ужином: чем-то воняет, долго не подают, от этой говядины схватишь катар желудка. С чувством обсасывает кости и шевелит над тарелкой пальцами. 4 рюмки водки. Ресторатор делает ему 30% скидки.>

7. <Когда она приехала в родной город, то дома показались ей ниже, людей меньше; пронесли покойника в открытом гробе, с хоругвями.>

8. <Гувернантка послала обер-полиц. донос на Костю.>

9. <Со слов старика выходило так, что жену и ее родню он осчастливил, детей наградил, приказчиков и служащих облагодетельствовал и всю улицу заставил за себя бога молить.>

10. <Мать его вышла за отца 17 лет, когда ему было уже 42 года, она трепетала перед ним.>

11. <У отца ни тени раскаяния. Строг, несправедлив. Его бог любит, а других нет. У людей плохо идут дела, потому что не хотят посоветоваться с ним. Без его совета никогда дело не удастся. Что он делает, все хорошо.>

35 1. <И оба читают запоем: он лежа на диване, она сидя в кресле и положив ноги на стул.>

2. <В одном флигеле живет Костя, в другом Пиготы. Костя смотрит в бинокль.>

3. <К ним в Москве ходил приходский поп.>

4. <Зять: я, знаете ли, пойду пройдуся.>

5. <От старика принесли бриллиантовую брошь.>

6. <Она боялась, что влюбилась в Ярцева, и крепилась под одеялом.>

7. <Панауров, провожая ее на вокзал: как я вам завидую! Как завидую!>

8. <Предок плел лапти, и звали его просто Лапоть.>

9. <Панауров остановился в Москве в Дрездене.>

10. <Когда приехала к отцу с визитом, подали закуску.>

11. <Артист. Вы знаете! Она, когда хотела, могла заболеть астмой.>

12. <Подарил ты меня сестреночкой, подари и племянником. Уж очень бы ты мне угодил!>

13. <Какая он рубаша? Он просто старая тряпка из бабьей юбки.>

14. <Такие люди, как Лаптев, не могут дать отпора нахамам и наглецам, и потому в нашем обществе рядом с развитием высоких идей встречаются всякие безобразия.>

15. <Был счастлив только раз в жизни — под зонтиком.>

16. <В прачешной на чердак забрался вор и унес белья на сумму 74 р. Прачки заподозрили отставного солдата, который на суде все говорил: «выпил я баночку». Бабам во что бы то ни стало хотелось упечь его. Костя в речи: честь нельзя отнять, ее можно потерять.>

17. <У отца ни тени раскаяния.>

36 1. <Девочки одевали гувернантку и учили ее.>

2. <Сознание, что он может купить все эти картины, придавало ему уверенность.>

3. <Очень многие русские интеллигентные женщины пишут свои письма прекрасным литератур. языком.>

4. <Нужно всегда думать о школах, больницах и тюрьмах. Это единственный способ победить природу. Он с удовольствием заметил, что доктора уже смущали ее и показывали клиники, которые очень понравились.>

5. <Она не имела обыкновения плакать, но во время припадка, после ухода Федора, заплакала.>

6. <Когда она молилась, ему приходило на мысль: вот молится, а ведь со мною поступила, как про-
дажная.>

7. <К новому своему дому в Москве она относилась, как к прежнему, т. е. как к сараю, и старалась по-прежнему ограничиваться одной комнатой.>

8. <Вы не умеете ходить с дамами под руку! кричала она Косте.

Но почему она на него (мужа) так искренно не кричала?>

9. <Он сам иногда ловил себя на самодурстве.>

10. <Немка: мой муж был большой <охотник> любовник ходить на охоту.>

11. <Талант> <Про Ярцева: Необычайный ли это талант или же необычайный дилетантизм.>

12. <Старик считал себя высшим существом и непогрешимым.>

13. <Она, приехав в свой город и проходя мимо дома, где жила покойная Нина, увидала на окнах белые билетки. У отца ни тени раскаяния.>

14. <Она хотела наставить старика на путь истинный, намекала на то, что он скоро умрет, что надо
37 каяться, но все это разбивалось о самообожание.>

1. <Ярцев: Я так дорожу жизнью, к-рая дается однажды, что не отдам ее настоящему, злобам дня.>

2. <Федор пьет много чаю.>

3. <Со стороны Алексея Федорыча заслуга храбрости: женское сердце упорнее Шамиля.>

4. <Про Початкина: служит он у Лаптевых с детства, начавши с мальчиков, ему доверяли вполне, и, когда по вечерам, уходя из амбара, он забирал из кассы деньги и набивал ими карманы, то это не возбуждало никаких подозрений. Он был главным в амбаре и в доме, а также в церкви, где за старика исполнял обязанности старосты.>

5. <Рассудина пришла вся в слезах. У нее коробка из-под конфет, с картинкой. Говорит, что выпросила у Морозовой 100 р. на бедных студентов, вложила в эту коробку вместе с ключом и потеряла.

— Поезжайте сейчас в университет и внесите за этих олухов.>

6. <Ярцев в восторге от своих учениц.>

7. <Локидин кутил и много ухаживал, но это мешало ему быть прекрасным акушером.>

8. <Везде в Москве играли в карты, но если придумывали вместо этого играть, рисовать, читать, то выходило еще скучнее, и гости, расходясь, говорили в воротах про хозяев: не распорядители, бог знает что. Недоставало темперамента и искренней веселости.>

38

1. <Костя девочкам: я вашей матери обязан. И глаза у него наполнились слезами.>

2. <Початкин в Бубновском трактире: подай-ка полдиковинки и 24 неприятности.>

3. <Юлия хорошо переносила беременность, только стала курить и сердилась за то, что ее зовут Юлией, говоря, что так зовут только хорошеньких горничных. Ярцев и Костя стали звать ее Констанцией.>

4. <Лиду отдали в ту гимназию, где преподавал Ярцев, и он был в восторге.>

5. <Панаурова сделали вице-губернатором.>

6. <разговор на даче: напишу историческую пьесу. Ярцев и Костя возвращались в город просекой.>

7. <Панауров в купе: был я мировым судьей, председателем мирового съезда, наконец советником губернского правления; кажется, имею право на внимание со стороны начальства, но просил вот в Петербурге, там мне ответили как-то неопределенно.>

8. <Костя: в честь вашей матери я поклялся отдавать другим все, что имею. Мой идеал: умереть, не имея ни гроша денег.>

9. <Петру: какая у тебя душеспасительная физиономия, точно ты ее два года ладаном обкуривал.

— Не могу знать.>

10. <Лаптев: я боюсь дворников, швейцаров, капельдинеров, полных дам.>

11. <Панауров получил перевод с производством в Д[ействительные] с[татские] с[оветники], но не хочет брать с собой свою незаконную семью, ссылаясь на

то, что в его теперешней должности неловко жить, как хочешь.>

39

1. <Любовь есть благо. Недаром в самом деле во все времена почти у всех культурных народов любовь в широком смысле и любовь мужа к жене называются одинаково любовью. Если любовь часто бывает жестокой и разрушительной, то причина тут не в ней самой, а в неравенстве людей.>

Когда одни сыты, умны и добры, а другие голодны, глупы и злы, то всякое благо ведет только к раздору, увеличивая неравенство людей.>

2. <Счастье и радость жизни не в деньгах и не в любви, а в правде. Если захочешь животного счастья, то жизнь все равно не даст тебе опьянеть и быть счастливым, а то и дело будет огорошивать тебя ударами.>

3. <Когда Я. вернулся из Сокольников, то свечи на рояли догорали и Рассудина крепко спала на диване. — Эка, умаялась!>

4. <Был только раз счастлив — под зонтиком.>

5. <Прожили еще только три года, но ведь придется жить 13, 30 лет. Дедушка ослеп, дядя Федя скоро умрет, дядя Костя кланяется вам в письме — он в Америке на выставке, а дядя Алеша утомлен.>

6. <Она: родителям кажется, что лучше их детей на свете нет, что посторонним приятно целовать их детей и проч. Но все же моя Оля необыкновенная.>

7. <Мы все только говорим и читаем о любви, но сами мы мало любим. Долина Дагестана.>

40

1. <Гаврилыч, что прежде приходит: мрачное настроение и потом уже мрачные мысли или наоборот? — У психопатов мрачное настроение предшествует.>

2. <Она вернулась от старика, уставшая: Надо перебираться на Пятницкую.>

Он, взявши ее за руку: а у меня такое чувство, будто жизнь наша уже кончилась и теперь начнется полужизнь, скука. Когда я узнал о болезни брата и проч. <Зон> Был однажды счастлив: под зонтиком.>

3. <У несвободных людей всегда путаница понятий.>

4. <Дай-ка порцию главного мастера клеветы и злословия с картофельным пюре.

Половой не понял и смутился за свою недогадливость и хотел что-то возразить, но Поч. строго поглядел на него и сказал: Кроме!

Немного погодя половой принес языка с пюре — значит, понял.>

41 1. Спальня. Лунный свет бьет в окно, так что видны даже пуговики на сорочке.

2. Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой.

3. <А-а-а, стонало море (Тат[арский] пр[олив]).>

4. Один действительный статский советник взглянул на красивый ландшафт и сказал: — Какое чудесное отправление природы!

42 5. <Земец растратил и застрелился. Я со становой поехал вскрывать его. Приезжаем. Лежит на столе. Поздно. Отложили вскрытие до завтра. Становой уехал к соседу || играть в карты. Я лег спать. Дверь то открывалась, то закрывалась опять. Казалось, что мертвец ходит.>

1. <Брат еретик от скуки рассматривает дома изразцы на печке.>

2. <Я презираю свою материальную оболочку и все, что этой оболочке свойственно.>

3. <Лакей Василий, приехав из Петербурга домой в Верейский уезд, рассказывает жене и детям разные разности, а они не верят, думают, что он хвастает, и хохочут. Он наедается баранины.>

43 4. <Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь || соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой.>

1. <Около трактира осенью и весной всегда грязь. Держат трактир и для видимости винную лавку, но вином торгуют в трактире. Терехов № 1 служит у себя дома (триодь постная, триодь цветная, кафизмы), в церковь перестал ездить, потому что поп пьяница и играет в карты. Терехов № 2 (изразцы) доказывает ему, à la Паисий, что надо жить обыкновенно. Он роздал свои деньги бедным, и за это его ненавидит сестра||

44 Анна, в белой косыночке.>

1. <— Лучше бы ты эти деньги племяннице Дашутке оставил, под нее подписал бы. Ведь она с бельмишком, не возьмут ее без денег. Лучше бы ты послал их в Белев Марьиным сиротам. А то бы в монастырь: по крайности помянули бы.>

2. <Всю ночь Т. № 2 прошептал с Дашуткой, проповедуя ей. Наутро она, смущенная, отцу: «Дядя говорит, что поститься не нужно». Дядя из другой комнаты — Не грехи, Даша. Я говорил только, что без добрых дел и пост не спасет. Я ничего. И Христос постился 40 дней. После того как>

45 1. <После того, как убили, потушили лампы, утром не молились. Положили убитого брата в винной лавке, сказали, что его убил недобрый ч-к. Но до этого возили его за линию, хотели в снегу закопать.>

2. <В Париже. Ей казалось, что если бы французы увидели, как она сложена, то были бы восхищены.>

3. <Сию книгу читал я, Углицкий мещанин, Иван Дмитриев Моховой, и нахожу ее из всех читанных мною книг самую наилучшую, в чем и приношу мою признательность Михаилу Ивановичу <Незнаеву> Жукову, как владельцу оной бесценной книги. Января дня 18.>

46 1. <Дашутка на следствии показала, что тетенька всегда с дяденькой из-за денег ругались.>

2. <Бывший городской голова: город лишился во мне труженника: вот Покровскую улицу я покрыл гравием; выкрасил собор и колонны расписал под малафтит.>

3. <Телеграфист на> <Жандарм на станции <мещанин>, унтер-офицер, вольнодумец, дающий книги читать (лучше).— Я прихожу к становому с бумажкой, говорит он Терехову 2-му, а он мне: напрасно вы марку приклеили. Так и тебе на том свете скажут: напрасно ты ел постное.

47 — Нельзя, Филипп Иванович, без воздер||жания.>

1. <Бедная девушка, гимназистка, имеющая 5 братьев-мальчиков, выходит за богатого чиновника, к-рый попрекает ее каждым куском хлеба, требует послушания, благодарности (осчастливил), издевается над ее родней. «Каждый ч-к должен иметь свои обя-

занности». Она все терпит, боится противоречить, чтобы не впасть в прежнюю бедность. Приглашение на бал от начальника. На балу она производит фурор. Важный человек влюбляется в нее, делает любовницей <она обеспечена и теперь>. Когда она увидела, что начальство у нее заискивает, что мужу она нужна, то уже говорит дома мужу с презрением: — Подите вы прочь, болван!>

2. <Младший Терехов страдал бессонницей «от мысли» и по ночам стонал.>

48 1. <Была женой артиста — любила театр, писателей, казалось, вся ушла в дело мужа, и все удивлялись, что он так удачно женился; но вот он умер; она вышла за кондитера, и оказалось, что ничего она так не любит, как варить варенье, и уж театр презирала, так как была религиозна в подражание своему второму мужу.>

2. <Глаза нехорошие, как у человека, который спал после обеда.>

3. <Бабушка высекла внучку Машу. Маша потихоньку (из мести) налила ей в суп молока, чтобы она оскоромилась (был великий пост), и потом воображала, как бабушка горит за это в аду. Бабка целый день ругается, ругает зятя, бедного, к-рого «взяли в дом».>

49 1. Из записок старой собаки: «Люди не едят помоев и костей, которые выбрасывает кухарка. Глупцы!»

2. У него ничего не было за душой, кроме воспоминаний кадетской жизни.

3. <Крестьяне, которые больше всего трудятся, не употребляют слово «труд».>

4. <Между «есть бог» и «нет бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из двух этих крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало.>

50 1. <Ариадна превосходно говорит на трех языках. Ж[енщи]на усваивает скоро языки, потому что в голове у нее много пустого места.>

2. <Надо воспитать женщину так, чтобы она умела

сознавать свои ошибки, а то, по ее мнению, она всегда права.>

3. <Почему так часто описывают константинопольских собак?>

4. <Сын и отец, оба шалопаи и сангвиники, поссорились: — Так будь же ты проклят! — вспыллил отец. — Будь и ты проклят! — ответил сын.>

5. <Труп Терехова № 2 лежал 4 дня, пока приехали следователь и доктор.>

6. <Прошло уже 5 лет. Он, Терехов, понял на Сахалине, что главное — возноситься к богу, а как возноситься — не все ли равно?>

7. <Терехов 2: хочу наставить братца и сестру, хочу.>

51 1. <Сначала был там полустанок и назывался разъездом, а теперь целая станция.>

2. <На изразцовом заводе у него была душенька, имел от нее сына, потом сознал, что это грех, отдал ей с ребенком свои деньги и ушел.>

3. <А сестра не смирилась и после суда.>

4. <Слабый здоровьем Терехов 2-й по совету доктора пил в пост молоко.>

5. <Идите, идите по лестнице, которая называется цивилизацией, прогрессом, культурой — идите, искренно рекомендую, но куда идти? право, не знаю. Ради одной лестницы этой стоит жить.>

6. <Тереховых в народе звали Богомолеры.>

52 1. <Девичий или Машкин Бор.>

2. <Делиться разориться, надо вместе жить.>

3. <Старик Т. бегал, принял 40 плетей, потом привык.>

4. <Слышно было, как на пароходе убирали якорную цепь.>

5. Название для рассказа: Т [неразобр.] — Ма [неразобр.]

6. <Sarcasmus senilis¹.>

7. <Писать на чужих книгах Т. 2-й считал долгом вежливости.>

8. <Пока строился мост, инженер нанял усадьбу

¹ Старческий сарказм (лат.).

и жил с семьей, как на даче. Он и жена помогали крестьянам, а они воровали, производили потравы... Он явился на сход и сказал:

53 — Я сделал для вас то-то и то-то, а вы платите мне за добро злом. Если || бы вы были справедливы, то за добро платили бы добром.

Повернулся и ушел. Сход почесался и говорит:

— Платить ему надо... Да... А сколько платить, неизвестно...

— Спросим у земского.

Итого: слух о вымогательстве инженера.>

1. <Без веры человек жить не может.>

2. <Он проснулся от шума дождя.>

3. <Терехов 1-й видел во всем этом обычную отговорку пустых и нерадивых людей, которые говорят о любви к ближнему, о прощении раньше жертвы и проч. для того только, чтобы не молиться, не постить и не читать святых книг.>

4. <За обедом на страстной Терехов 2 попросил по слабости здоровья масла. Брань. Сестра подала масло и с ненавистью смотрит, что от этого выйдет? Он стал есть. Тогда всем стало противно его присутствие.>

5. <По ночам не спал, тосковал по заводу.>

6. <Судя по> Глядя на склад и выражение лица, хочется думать, что у нее под корсажем есть жабры.>

54 1. <И перед ней так же стоял он теперь с тем же заискивающим, сладким выражением, с каким она привыкла видеть его в присутствии сильных и знатных, и с восторгом, с негодованием, с презрением, зная, что ей за это ничего не будет, она сказала, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Подите прочь, болван!>

2. <Вещать новое и художественное свойственно наивным и чистым, вы же, рутинеры, захватили в свои руки власть в искусстве и считаете законным лишь то, что делаете вы, а остальное вы давите.>

55 1. <Пьеса: Она курит, пьет, она рыжая, живет с любовником, имя ее треплют в газетах; я ничего не имею против, <но> и все это меня крайне утомляет.>

2. <Пьеса: учитель 32 лет, с седой бородой.>

3. <Пьеса: если общество носится со своими артистами и видит в них необыкновенных, то оно, значит, проникнуто идеальными стремлениями.>

4. <Пьеса: иногда во мне говорит эгоизм простого смертного: бывает жаль, что у меня мать актриса, и кажется, что будь это обыкновенная смертная, то я был бы счастливее. Дядя, что может быть отчаяннее и глупее положения, когда у нее соберутся сплошь великие артисты и писатели, и между ними только один ты ничто и тебя терпят только потому, что ты ее сын. Я угадываю их мысли, когда они глядят на меня, и отвечаю им презрением.>

56 1. Франц. пословица: Laid comme une chenille — скверен, как гусеница («дурен, как смертный грех»).

2. <В легкий час сказать, ничего дурного не случилось.>

3. Второй член управы: Алексей Диомидыч. Покупали земский дом, послали 5 тыс. задатку, а получено было с члена только 500. В земской книге: дано NN задатку 5 тыс., а NN при ревизии удивился, сказав, что получил только 500.

4. <Говорят: на этой станции хорошие пирожки.>

5. <Заглавие: Крыжовник. Х. служит в департаменте, страшно скуп, копит деньги. Мечта: женится, купит имение, будет спать на солнышке, пить на зеленой травке, есть свои щи. Прошло 25, 40, 45 лет.

57 Уж он отка||зался от женитьбы, мечтает об имении.

Наконец 60. Читает многообещающие соблазнительные объявления о сотнях десятинах, рощах, реках, прудах, мельницах. Отставка. Покупает через комиссионера именишко на пруде... Обходит свой сад и чувствует, что чего-то недостает. Останавливается на мысли, что недостает крыжовника, посылает в питомник. Через 2—3 года, когда у него рак желудка и подходит смерть, ему подают на тарелке его крыжовник. Он поглядел равнодушно... А в соседней комнате уже хозяйничала грудастая племянница, крикливая особа. (Посадил крыж. осенью, зимою слег и уже не вставал. Глядя на тарелку с крыж.: вот все, что дала мне в конце концов жизнь). Он — сын разорившихся

помещиков, часто вспоминает детство, проведенное в деревне.>

1. <Когда сильная буря качает деревья, то как они страшны!>

58 1. Не женятся и сидят в старых девах, потому что не представляют друг для друга никакого интереса, даже физического.

2. <Убийство, Весь март и начало апреля валил снег.— Терехова 1-го все не любили; относились к его вере и к нему не серьезно, радуясь, что он пьет водку, что он скуп и проч. Ненавидел и жандарм. Вообще у нас беспричинно, даже свободомыслящие и равнодушные к вере, ненавидят верующих по-своему.>

3. Взрослые дети, говоря за обедом о религии, критикуют посты, монахов и пр. Старуха мать сначала выходит из себя, потом, очевидно привыкнув, только усмехается, и потом, наконец, неожиданно заявляет

59 детям, что они убедили ее, || что она ихней веры. Дети почувствовали себя нехорошо, и им было непонятно, что теперь старуха станет делать.

1. Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука.

2. Шел по улице такс, и ему было стыдно, что у него кривые лапы.

3. <Учитель: из чего сделано сердце?

Девушка (подумав): Из хряща.>

4. <Убил не Терехов 1-й, а сестра, он только держал за плечи и тряс.>

5. Разница между мужчиной и женщиной: ж-на, старея, все более и более углубляется в бабьи дела, а мужчина, старея, все более и более уходит от бабьих дел.

60 1. <Когда в доме кто долго болеет, то все внутренно желают его смерти, кроме, впрочем, детей, которые боятся смерти, и, например, при мысли о смерти матери приходят в ужас.>

2. <Наживай.> <Приобретайте друзей богатством неправедным. Так сказано, потому что вообще нет и не может быть богатства праведного.>

3. <В пьесе. Дочь (гостю). Моя лошадь постарела. Надо бы новую.

Мать (рассеянно). Куда ушла лошадь?

Дочь. Мама, слушать нужно.

Мать. Мне и поговорить не сметь.>

4. Эта внезапно и некстати происшедшая любовная история похожа на то, как если бы вы повели мальчиков куда-нибудь гулять, если бы гулянье было интересно и весело, — и вдруг бы один обожрался маляной краской.

5. <Сестрица все полы моет и сердится. В трактире парадные верхи запирались, все жили внизу, так что слышно было, когда пьяные ругались. Дашутка 61 спа||ла на лежанке в комнате у дяди.>

1. <У Серг. Ник. <на каторге> перед судом на месте бакенов выросла уже борода.>

2. <Молясь, руки воздевал.

Петр Осипович без образования, но дальнего ума человек.

С. Н. любит поговорить о крющоне и стерляжьей ухе.

Татарин Кадылов сдает дело за 1500 р. (Можно дать 500, а на остальные вексель).>

3. <Все поколения Богомолых были всегда религиозны и всегда не тверды в вере, б. м. оттого, что жили, как медведи, в своей берлоге и не бывали в обществе.>

4. <После убийства Даша забралась на второй этаж и там просидела всю ночь.>

5. <Матвея по ночам кусали клопы.>

6. <С. Н. умел говорить только о буфете. Все эти дни была отвратительная серая погода, располагающая к унынию и злобе.>

7. <Чиновник, обозванный болваном, говорил жене, что долг прежде всего, что семейная жизнь есть долг, что деньги нужно беречь, что копейка рубль бережет и т. д.>

62 1. Если кто говорил против денег, против процентов, наживы и проч., то Я. И-у это казалось вздором, болтовней человека, не любящего работать. Ведь быть

бедным, ничего не копить легче, чем быть богатым. Что ж оно такое?>

2. <У С. Н. и у жандарма никакой веры.>

3. <При жандарме и буфетчике совестно было петь, и они не служили вечерни, ждали, когда уйдут эти господа.>

4. <Крыжовник был кисел. Как глупо, сказал чиновник и умер.>

5. <Дело, по к-рому он поехал, показалось ему вдруг очень неважным, и он вернулся.>

6. <Жена чиновника (болван) воспитывалась с мальчиками.>

7. <Одинокие ходят в рестораны и в баню, чтобы разговаривать.>

63 1. <Он льстит властям, как поп.>

2. <В деревне: он ложится в 10, встает в 9. От такого долгого сна мозг прилип к черепу, потом после обеда нечаянно опять заснул, и уже потом до вечера кошмары наяву.>

3. <Мертвые срама не имут, но смердят страшно.>

4. <Пьеса: актриса, увидав пруд, зарыдала, вспомнила детство.>

5. <Пьеса: надо изображать жизнь не такую, какая она есть, и не такую, какая она должна быть, а такую, какая она в мечтах.>

6. <Пьеса: у актеров и литераторов круговая порука: раз они приняли тебя в свою среду, ты становишься известным на всю Россию.>

7. <Пьеса: Бел[летрист]: каждый пишет, как хочет и может.>

8. <Киевский мещанин.>

64 9. <Умрет какой-нибудь знаменитый астроном или политик, так они напечатают некролог всего || в пять строк, а умри актер или литератор, так закатят некролог в два столбца да еще на первой странице черной каймой обведут.>

1. <Я так стар, что от меня даже, кажется, псиной пахнет, а ты, сестра, все еще молода.>

2. <Учитель все время толчется в к-тах. В III акте он мешаает говорить, и его просят удалиться.>

3. <Про учителя и Кав.: они из себя ничего не представляют, ничем не замечательны — хоть бы мошенниками были, что ли...>

4. <Сорин: Я страшно хотел быть литератором! Я хотел двух вещей: жениться и хотел стать литератором, но не удалось ни то, ни другое.>

5. <Свою повесть прочел, а моей даже не обрезал.>

6. <Противиться злу нельзя, а противиться добру можно.>

7. <Тригорин (записывая): Тентер-вентер... нюхает табак... несчастна, не удовлетворена и потому разыгрывает из себя шутовку... Пьет водку...>

8. <В III акте: Приживал! Пролетарий! Киевский мещанин! Бездарность!>

9. <В своих письмах она подписывалась Чайкой.>

65 10. <В IV акте постель постилает Машенька и мать, || все время мать ставит Т[реплев]у пиво.>

1. Действующее лицо говорит всем: — это у вас глисты. — И дочь свою лечит от глистов; она пожелтела.

2. <Если бы я мог вырвать из груди сердце, которое стало у меня таким тяжелым.>

3. Бездарный ученый, тупица, прослужил 24 года, не сделав ничего хорошего, дав миру десятки таких же бездарных узких ученых, как он сам. Тайно по ночам он переплетает книги — это его истинное призвание; здесь он артист и испытывает наслаждение. К нему ходит переплетчик, любитель учености. Тайно по ночам занимается наукой.

4. Кавказский князь в белом шербите ехал в открытом фельетоне.

5. <Сотни верст пустынной, однообразной выгоревшей степи не могут нагнать такой скуки, как один человек.>

6. <Тля ест растения, ржа металлы, а лжа душу.>

7. Наша вселенная, быть может, находится в зубе какого-нибудь чудовища.

8. Держи права, желтоглазый!

9. Вы хотите есть?

— Нет, наоборот.

66 1. Беременная дама с короткими руками и длинной шеей, похожая на кенгуру.

2. Какое наслаждение уважать людей! Когда я вижу книги, мне нет дела до того, как авторы любили, играли в карты, я вижу только их изумительные дела.

3. Любить непременно чистых — это эгоизм; искать в женщине того, чего во мне нет, — это не любовь, а обожание, потому что любить надо равных себе.

4. <Жена воинского начальника распределяет рекрутов; кому, наприм., не хочется в Польшу, тот платит 5—10 рублей. Торгуется и пьет с клиентами водку. Раз в соборе, пьяная, стала на колени и не могла встать.>

<Чепр.: Я матери своей боюсь. Боюсь, как бы меня не прокляла. И мыслей своих насчет нее боюсь. У меня насчет нее ужасные мысли.>

5. <Действующее лицо: помещик, которому молотилкой оторвало руку.>

6. Так называемая детская чистая жизненная радость есть животная радость.

7. <Небогатые врачи и фельдшера не имеют даже утешения думать, что служат они одной идее, так как все время думают о жалованье, о куске хлеба.>

67 1. <Прав тот, кто искренен.>

2. <Варенье. Молодая, недавно вышедшая дама варит варенье. Возле сидит татап¹.> У дочери деспотические руки, короткие рукава. Мать обожает дочь. Священнодействуют. Чувствуется мучительство.>

3. Я терпеть не могу, когда кричат дети. Но когда плачет мой ребенок, я не слышу.

4. <Садовник изменник, когда он продает наsturции.>

5. <Калигула <сказал, что если бы он> посадил в сенате лошадь, так вот я происхожу от этой лошади.>

6. <А это, рекомендую, мать моих сукиных сынов.>

¹ мамаша (франц.).

7. Гимназист угощает даму обедом в ресторане. Денег у него 1 р. 20 к. Счет 4 р. 30 к. Денег нет, он заплакал. Содержатель выдрал за уши. С дамой разговор об Абиссинии.

8. <Изба. Девочка в валенках, на печи. Отца нет дома. Кошка.

— А кошка у нас глухая.

— Отчего?

— Так. Побили.>

68

1. <Легкость, с какою евреи меняют веру, многие оправдывают равнодушием. Но это не оправдание. Нужно уважать свое равнодушие и не менять его ни на что, так как равнодушие у хорошего человека есть тоже религия.>

2. <Провинция. В ложе непременно губернаторская дочь в боа.>

3. Человек, к-рый, судя по наружности, ничего не любит, кроме сосисок с капустой.

4. Дела определяются их целями; то дело называется великим, у которого велика цель.

5. Едешь по Невскому, взглянешь налево на Сенную: облака цвета дыма! Багровый шар заходящего солнца — Дантов ад!

6. Доход в 25—50 тысяч, но все-таки застреливается от нужды.

7. Страшная бедность. Положение безвыходное. Мать вдова, дочь девушка, очень некрасивая. Мать наконец собралась с духом и советует дочери идти на бульвар. Она когда-то в молодости тайком от мужа ходила, чтобы заработать на наряды; у нее есть некоторый опыт. Она учит дочь. Та идет, хо||дит до утра, но ни один мужчина не берет ее: безобразна. Дня через два шли по бульвару три каких-то безобразника и взяли ее. Она принесла домой бумажку, которая оказалась лотерейным билетом, уже никуда не годным.

69

1. Две жены: одна в Петербурге, другая в Керчи. Постоянные скандалы, угрозы, телеграммы. Едва не довели до самоубийства. В конце концов нашел средство: поселил обеих жен вместе. Они в недоумении, точно окаменели; и молчали, стали тихи.

2. У вас хороший умолот в поле... полон пруд коростелей.

3. <Гимназист: это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности.>

4. Действ. лицо так неразвито, что не верится, что оно было в университете.

5. <Чудаки казались ему прежде больными, а теперь он считает, что это нормальное состояние у человека — быть чудаком.>

70 1. И мне снилось, будто то, что я считал действительностью, есть сон, а сон есть действительность.

2. <Если кто присасывается к делу, ему чуждому, например, к искусству, то неминуемо становится чиновником. Сколько чиновников около науки, театра и живописи! Тот, кому чужда жизнь, кто не способен к ней, тому ничего больше не остается, как стать чиновником.>

3. Игра в радушие и хлебосольство.

4. Савина среди актеров то же, что Крылов Виктор среди писателей.

5. <Полная девочка похожа на булку.>

6. Я заметил, что, женившись, перестают быть любопытными.

7. Для ощущения счастья обыкновенно требуется столько времени, сколько его нужно, чтобы завести часы.

8. Грязный трактир у станции. И в каждом таком трактире непременно найдешь соленую белугу с хреном. Сколько же в России солится белуги!

9. <Земский врач в большинстве — это неискренний семинарист, византиец, который держит за пазухой камень.>

71 1. В отсутствие своих господ лакей показывает своим гостям комнаты.

2. Z. ходит в воскресенье под Сухаревкой около книг, находит брошюру соч. своего отца с надписью: «Милой Наде от автора».

3. Чиновник носит на груди портрет губернаторши; откармливает орехами индейку и подносит ей.

4. <За дверью счастливого человека должен стоять кто-нибудь с молоточком, постоянно стучать и напо-

минать, что есть несчастные и что после непродолжительного счастья непременно наступит несчастье.>

5. Надо быть ясным умственно, чистым нравственно и опрятным физически.

6. <Голодная собака верит только в мясо.>

7. Про одну барыню говорили, что у нее кошачий завод; любовник мучил кошек, наступая им на хвосты.

8. Офицер с женой ходили в баню вместе, и мыл их обоих денщик, которого, очевидно, они не считали за человека.

9. — И вот вышел он во всех своих регалиях.

— А какие у него регалии?

— Бронзовая медаль за труды по переписи 97 г.

10. <Иногда при заходе солнца видишь что-нибудь необыкновенное, чему не веришь потом, когда это же самое видишь на картине.>

72 1. Чиновник дерет сына за то, что он по всем предметам получил 5. Это кажется мало. Потом, когда ему разъяснили, что он не прав, что 5 — это лучшая отметка, он все-таки высек сына — с досады на себя.

2. У очень хорошего человека такая физиономия, что его принимают за сыщика; думают, что он украл запонки.

3. Серьезный мешковатый доктор влюбился в девушку, которая очень хорошо танцует, и, чтобы понравиться ей, стал учиться мазурке.

4. <Придет время, когда интеллигент и тебя, мужика, будет воспитывать и холить, как своего сына и свою дочь, и даст тебе науку и искусство, и не одни лишь крохи, как теперь, до тех же пор ты — раб, мясо для пушек.>

5. <Киприан: Японцы все равно что Черногорцы.>

6. Март. Градус мороза, пасмурно, дует ветерок, сыро, промозгло — скверная погода, но все-таки весна недалеко.

7. <Это не женщина, а петарда.>

8. <Пословица: попал в стаю, лай не лай, а хвостом вилай.>

73 9. Воробье кажется, что ее воробей || не чирикает, а поет очень хорошо.

1. Когда живешь дома, в покое, то жизнь кажется обыкновенною, но едва вышел на улицу и стал наблюдать, расспрашиваешь, например, женщин, то жизнь — ужасна. Окрестности Патриарших прудов на вид тихи и мирны, но на самом деле жизнь в них — ад <и так ужасна, что даже не протестует.>

2. Эти краснощекие дамы и старушки так здоровы, что от них даже пар идет.

3. <Когда женщина любит, то ей кажется, что предмет ее любви устал, избалован женщинами — и это ей нравится.>

4. <Женщина-врач затянута в корсет, высокие рукава, уже седеет, впадает в мистицизм.>

5. Имение скоро пойдет с молотка, кругом бедность, а лакеи все еще одеты шутами.

6. Увеличилось не число нервных болезней и нервных больных, а число врачей, способных наблюдать эти болезни.

7. Чем культурнее, тем несчастнее.

8. Жизнь расходится с философией: счастья нет без праздности, доставляет удовольствие только то, что не нужно.

74 1. Дедушке дают покушать рыбы, и если он не отравляется и остается жив, то ее ест вся семья.

2. <Девочка моет в пруде отцовские сапоги.>

3. Переписка. Молодой человек мечтает посвятить себя литературе, пишет постоянно об этом отцу, в конце концов бросает службу, едет в Петербург и посвящает себя литературе — поступает в цензора.

4. <Один старик богач, почувствовав приближение смерти, приказал подать тарелку меда и вместе с медом съел свои деньги.>

5. <Человек, у которого колесом вагона отрезало ногу, беспокоился, что в сапоге, надетом на отрезанную ногу, 21 рубль.>

6. Спальный вагон I класса. Пассажиры № 6, 7, 8, 9. Говорят о невестках. В народе страдают от свекровей, а у нас в интеллигенции от невесток.

— Жена моего старшего сына, образованная и в воскресных школах, и библиотечки, но бестактна, жестока, капризна и физически противна; за обедом

вдруг истерика деланная по поводу какой-то газетной статьи. Ломака.

75 Другая невестка: в обществе держится ничего, но в домашней жизни это халда, курит, скупа, и ког||да пьет чай вприкуску, то держит сахар между губами и зубами — и при этом говорит.

1. Мещанкина.

2. В людской Роман, развратный в сущности мужик, считает долгом смотреть за нравственностью других.

3. Толстая, пухлая трактирщица — помесь свиньи с белугой.

4. На Мл. Бронной. Девочка, никогда не бывавшая в деревне, чувствует ее и бредит о ней, говорит о галках, воронах, жеребятках, представляя себе бульвары и на деревьях птицы.

5. Два молод. офицера в корсетах.

6. <X. приехал к приятелю Z. ночевать, Z. вегетарианец. Ужинают. Z. объясняет, почему он не ест мяса. X. все понимает, но недоумевает: «Но для чего же в таком случае свиньи?» X. понимает всякое животное на свободе, но не понимает свободных свиней. Ночью он не спит, мучается и спрашивает: «Для чего же в таком случае свиньи?»>

7. <Как у арестанта неловко спрашивать, за что он приговорен, так и у очень богатого человека неловко спрашивать, на что ему так много денег и отчего так дурно он распоряжается своим богатством. И разговор об этом выходит обыкновенно стыдливый, неловкий, после которого наступает взаимное охлаждение нежданно-негаданно.>

76 1. Один капитан учил свою дочь фортификации.

2. <И от радости, что гости наконец уходят, хозяйка сказала: Вы бы еще посидели.>

3. Путевой дневник.

4. <27 июля. У Лейкина в Ивановском.>

5. За новыми формами в литературе всегда следуют новые формы жизни (предвестники), и потому они бывают так противны консервативному человеческому духу.

6. <Лавочник бранится: сатана бесхвостая.>

7. <Недавнушка.>

8. Правовед неврастеник, приехав домой в глухую деревню, читает французские монологи — и выходит глупо.

9. Человек любит поговорить о своих болезнях, а между тем это самое неинтересное в его жизни.

10. <От кредиток бумажник пахнет ворванью.>

77

1. <4 сент. приехал в Париж, Moulin Rouge. Danse du ventre. Café du Néan[t], Café du Ciel...>

8 сент. Биарриц, Суругин, Соболевский... Victoria. 10—12 сент. Байона.>

2. <Каждый русский в Биаррице жалуется, что здесь много русских.>

3. <14 сент. Байона, grande course landaise¹. Коровы.>

22 сент. Из Биаррица в Ниццу через Тулузу с Соболевским.

23-го в Ницце — Pension Russe.

24 сент. Ницца. Болье. Знакомство с М. Ковалевским.

25 сент. Завтрак у М. Ковалевского. Якоби. Рулетка.

26 сент. Юрасовы.

29 сент. Обед. Якоби, Ковалевский. Соболевский. Смех.

1 окт. Могилы Герцена и Гамбетты. Уехал Соболевский.>

4. <Обыватель в разговоре любит прибавлять: «и всякая штука».>

5. <7 окт. Признания шпиона.

9 окт. Видел, как мать Башкирцевой играла в рулетку. В Таганрог посылается Maximilian Harden. Literatur und Theater².>

6. <Образчик семинарской грубости. На одном из обедов к Максиму Ковалевскому подошел критик Протопопов и сказал, чокаясь с ним: «Пью за науку, если она не вредна народу».>

¹ большие состязания в Ландах (франц.).

² Максимилиан Гарден. Литература и театр (нем.).

78 7. <Учительница в селе. Из хорошей семьи. Брат где-то офицером. Осиротела, пошла в учительницы по нужде. Дни за днями, бесконечные вечера, без дружеского участия, без ласки, личная жизнь погибает; удовлетворения нет, так как некогда подумать о великих целях, да и не видать плодов... Увидела в вагоне мимо медленно проходившего поезда даму, похожую на покойную мать, вдруг вообразила себя девочкой, || почувствовала себя, как 15 лет назад, и, ставши на колени, на траву, проговорила нежно, ласково, с мольбой: о мама! И, очнувшись, тихо побрела домой. Раньше: писала брату, но не получала ответа, должно быть отвык, забыл. Огрубела, застыла... Вставала уже при входе инспектора или попечителя и говорила о них: они. Поп говорил ей: вашему [неразобр.] прощался: рандеву... Доля.>

1. Чиновник, носивший портрет губернаторши, дает деньги под проценты, богат втайне. Бывшая губернаторша, портрет которой он носил 14 лет, живет под городом, вдова, больная; сын ее попался, нужны 4 тысячи. Она едет к этому чиновнику, он выслушивает ее скушаяще и говорит:

— «Я ничего не могу сделать для вас, сударыня».

2. <Разговор о свиньях. Помещик перед сном, голый по случаю жары, ходит из угла в угол и говорит: А я, извините, по случаю жаркого климата предпочитаю спать в костюме Адама.>

3. Женщины без мужского общества блекнут, а мужчины без женского глупеют.

4. Больной трактирщик просит д-ра: «Когда я заболею, то, ради бога, услышав, приезжайте, не дожидаясь приглашения. Сестра моя ни за что не пригласит вас: она скупа, вы же берете 3 р. за визит». Через 1—2 месяца д-р слышит, что трактирщик тяжело болен, и едва собрался ехать к нему, как получает от сестры письмо «брат мой скончался».— Через 5 дней доктор едет случайно в эту деревню и узнает, что трактирщик умер только сегодня утром. Возмущенный, идет в трактир. Сестра в черном стоит в углу и читает псалтырь. Доктор начинает упрекать ее в скупости, в жестокости. Сестра читает псалом и через каждые

2—3 фразы перерывает грызотней («Много вас тут... Носит вас, шутов»). Она староверка, ненавидит страстно, ругается отчаянно.

79 1. Вновь назначенный губернатор обратился к своим чиновникам с речью. Призвал купцов — речь. На акте в женской гимназии — речь об истинном просвещении. Представителям печати — речь. Собрал евреев. «Евреи! я призвал вас...» Но проходит 1—2 месяца — ничего не делает. Опять созывает купцов — речь. Опять евреев: «Евреи! Я призвал вас...» Надоел всем. Наконец говорит правителю канцелярии: «Нет, не под силу мне это, голубчик. Подаю в отставку!»

2. Семинарист в деревне зубрит латынь. Каждые $\frac{1}{2}$ часа побежит в девичью и, зажмурив глаза, шупает их, щиплет, они визжат, хохочут — потом опять за книгу. Это он называет «освежиться».

3. <«Крик»: с ее мужем он раз встретился у кокотки и после этого не бывает у нее, было неловко, так как, зная тайну ее мужа, он участвовал в измене...>

4. <дер. Нижние Городищи.>

5. Губернаторша пригласила чиновника, у него тонкий голосок, своего обожателя (портрет на груди) на чашку шоколада, и потом он неделю испытывал блаженство. Он копил деньги и ссужал их без процентов. — Я не могу дать вам, зять ваш проиграет. Нет-с, не могу. — Муж дочери, той самой, к-рая когда-то сидела в ложе, в боа, проигрался и растратил. Чиновнику, привыкшему к селедке и водке и никогда раньше не пившему шоколада, стало тошно от него. У губернаторши выражение: я миленькая; массу денег тратила на туалеты и жаждала случая щегольнуть этими туалетами — устройство вечеров.

6. <У животных постоянное стремление раскрыть тайну (найти гнездо), отсюда у людей уважение к чужой тайне, как борьба с животным инстинктом!>

80 1. Ехать с женой в Париж все равно что ехать в Тулу со своим самоваром.

2. Молодежь не идет в литературу, потому что лучшая часть ее теперь работает на паровозах, на фабриках, в промышленных учреждениях; вся она

ушла в индустрию, которая делает теперь гром. успехи.

3. <Что прикажете делать с ч-ком, к-рый наделал всякой мерзости, а потом рыдает.>

4. В семье, где женщина буржуазна, легко культивируются панамисты, пройдохи, безыдейные скоты.

5. <«Крик» — Он, т. е. муж, имел и имеет успех у ж-н; они про него говорят, что он добрый, и потому и расточителен и не практичен, что он идеалист. И они (жена и докторша) не могут удержаться от маленькой жестокости, чтобы не попрекнуть молодого ч-ка: «а ваше поколение, Жорж, уже не то». При чем тут поколение? Ведь разница в годах только 8—10 лет, они почти сверстники.>

6. <15 ноябрь. Монте-Карло. Я видел, как крупье украл золотой.>

7. Мнение профессора: не Шекспир главное, а примечания к нему.

8. Пусть грядущие поколения достигнут счастья: но ведь они должны же спросить себя, во имя чего жили их предки и во имя чего мучились.

81 1. <«Крик»: У жены есть сестра, на которой его хотят женить.>

2. Петруша: «Мама, приезжай, дома не все ладно. Приезжай, умоляю тебя».

3. Не так связывают любовь, дружба, уважение, как общая ненависть к чему-нибудь.

4. <Взглянешь на фабрику, где-нибудь в захолустье — тихо, смирно, но если взглянуть вовнутрь, какое непроходимое невежество хозяев, тупой эгоизм, какое безнадежное состояние рабочих, дразги, водка, вши.>

5. 13 дек. Видел владелицу фабрики, мать семейства, богатую русскую женщину, которая никогда не видела в России сирени.

6. В письме: «русский за границей если не шпион, то дурак». Сосед уезжает во Флоренцию, чтобы излечиться от любви, но на расстоянии влюбляется еще сильнее.

7. Ялта. Молодой ч-к, интересный, нравится 40-летней даме. Он равнодушен к ней, избегает ее. Она му-

чается и в конце концов с досады устраивает ему скандал.

8. Мать Петруши и теперь, в старости, подмазывает глаза.

9. Порочность — это мешок, с которым человек родится.

10. <Слепая нищая пела про любовь.>

11. Боборыкин серьезно говорил, что он русский Мопассан. И Случевский тоже.

12. Фамилия еврея: Чепчик.

13. Барышня, похожая на рыбу хвостом вверх: рот как дупло, хочется положить туда копейку.

1. Русские за границей: мужчины любят Россию страстно, женщины же скоро забывают о ней и не любят ее.

2. Провизор Проптер.

3. <Дама 35 лет, обывательница средней руки. И когда он соблазнил ее и уже держал в объятиях, она думала о том, сколько он будет выдавать ей в месяц и почему теперь говядина.>

4. Розалия Осиповна Аромат.

1. <Мальчик лакей: умри, несчастная!>

2. <Фабрика. 1000 рабочих. Ночь. Сторож бьет в доску. Масса труда, масса страданий — и все это для ничтожества, владеющего фабрикой. Глупая мать, гувернантка, дочь... Дочь заболела, звали из Москвы профессора, но он не поехал, послал ординатора. Ординатор ночью слушает стук сторожа и думает. Приходят на ум свайные постройки. «Неужели всю свою жизнь должен работать, как и эта фабрика, только для этих ничтожеств, сытых, толстых, праздных, глупых?»>

— «Кто идет?» Точно тюрьма.>

1. <Здравствуйте вам пожалуйста.>

Какое вы имеете полное римское право.>

2. <Мы не признавались друг другу в любви и скрывали ее робко и ревниво. Мне казалось невероятным то, что моя тихая, грустная любовь могла бы нарушить жизнь мужа, детей, всего этого дома, где меня так любили. И куда бы я мог увлечь ее? Другое дело, если бы у меня была интересная жизнь, если бы я,

например, боролся за освобождение родины, если бы я был необыкновенным человеком, а то ведь из обычной <мещанск.> будничной обстановки пришлось бы увлечь ее в такую же будничную. И она тоже, по-видимому, рассуждала, боясь сделать меня несчастным, хотела, чтобы я женился на хорошей, достойной девушке, и часто говорила об этом. И потом уж, обнимая ее в вагоне, я со жгучей болью в сердце понял, как ненужны, неважны были все эти наши рассуждения. Да, рассуждать нужно, но исходить нужно не с точки зрения счастья чьего-либо, а с чего-то более высшего и важного.>

85 1. У бедных просить легче, чем у богатых.

2. И она стала заниматься проституцией и уже спала на кровати, а обнищавшая тетя уже ложилась на коврик около ее постели и вскакивала, когда звонились гости; а когда они уходили, она говорила жеманно, с кокетливой гримасой:

— Оставьте что-нибудь горничной.

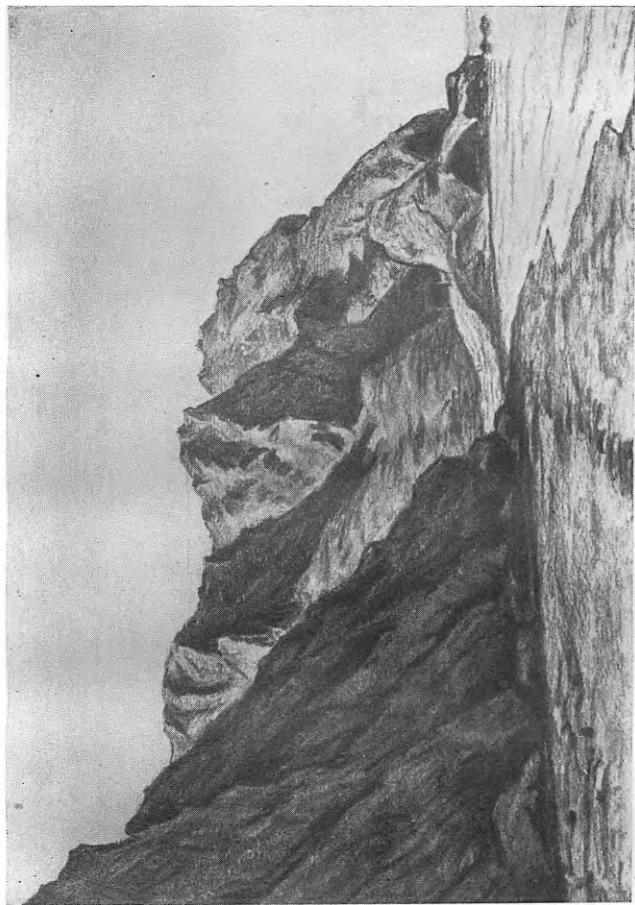
И ей иногда оставляли 15 копеек.

3. <Москва с юбилеями, плохим вином, мрачными самолюбиями.>

4. Кокотки в Монте-Карло, кокоточный тон; кажется, и пальма кокотка и пулярка кокотка...

5. <Филимоновы талантливая семья, так говорят во всем городе. Он, чиновник, играет на сцене, поет, показывает фокусы, острит («здравствуйте, пожалуйста»), она пишет либеральные повести, имитирует: «Я в вас влюблена... ах, увидит муж!» — это говорит она всем при муже. Мальчик в передней: умри, несчастная! В первый раз в самом деле все это в скучном сером городе показалось забавно и талантливо. Во второй раз — тоже. Через 3 года я пошел в 3-й раз, мальчик был уже с усами, и опять «Я в вас влюблена... ах, увидит муж!», опять та же имитация: «умри, несчастная», и когда я || уходил от Филимоновых, то мне казалось, что нет на свете более скучных и бездарных людей.>

86 1. Верзила. Фельдшерица Н. из Петерб. рождественских курсов, идейная, влюбилась в учителя Х., думая, что он тоже идейный, труженик во вкусе по-

Мыс Жошкьер, Тоннель.
Художник С. М. Чехов. 1958.

вестей и романов, которые она так любила. Он мало-помалу оказался пьяницей, лентяем, добродушным и недалеким. Его уволили, он стал жить при жене, обедать ее. Это был нарост вроде саркомы, который истощал ее совершенно. Как-то она лечила интел. помещиков, ездила к ним каждый день; было неловко платить ей — и они подарили ее мужу костюм, к ее великой досаде. Он подолгу пил чай, и это ее возмущало. Живя с мужем, она стала тощенькой, некрасивой, злою; топала ногами и кричала ему: «Оставь меня, низкий человек!» Ненавидела его. Она работала, а ему платили, так как платы она как земская не брала, и ей было досадно, что знакомые его не понимали и тоже считали идейным.

2. <Человек в футляре, в калошах, зонт в чехле, часы в футляре, нож в чехле. Когда лежал в гробу, то, казалось, улыбался: нашел свой идеал.>

3. Молодой человек собрал миллион марок, лег на них и застрелился.

4. <Помещик: я сначала тоже жил на интеллигентный манер, подавал после завтрака кофе с ликерами, но поп выпил мои ликеры в два присеста, и я бросил так жить и стал обедать в кухне.>

5. лампадка, вспыхивают волосы.

87 6. «Эта женщина»... Я женился 20 лет, не выпил во всю мою жизнь ни одной рюмки водки, не выкурил ни одной папиросы. После того, как он согрешил, его полюбили и стали ему больше || верить, и, гуляя по улице, он стал замечать, что все стали ласковой и добрей — оттого, что он грешен.

1. <Барин мужику: «если ты не бросишь пить, то я буду тебя презирать». Дома бабы: «что барин сказал?» «Говорит, буду приизирать». Бабы рады.>

2. Женятся, потому что обоим деваться некуда.

3. Сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать.

4. <Хлеб твой черный, дни твои черные.>

5. <Название для книжки: старые грехи.>

6. <Попадья берет выигрыш и не платит проигрыша.>

7. Мужчина без усов все равно что женщина с усами.

8. Кто не может взять лаской, тот не возьмет и строгостью.

9. <— Человеку нужно только 3 арш. земли.

— Не человеку, а трупу. Человеку нужен весь земной шар.>

10. <Летом было мало комаров и вредных насекомых, потому что вследствие бесснежной зимы личинки вымерзли. Вымерзли цветы (диэлитры, маргаритки).>

11. <На похоронах фабриканта дьячок съел всю зернистую икру. Его толкал поп, но он окоченел от наслаждения, ничего не замечал и только ел. Потом на обратном пути батюшка не отвечал на его вопросы, сердился. Вечером дьячок поклонился ему в ноги:
88 Простите меня, Христа ради! И про икру не забыли. Когда спрашивали: какой дьячок? А тот самый, что на похоронах у Хрымова съел всю икру.— Это какое <деревня> село? — А то самое, где живет дьячок, к-рый съел всю икру.— Кто это? — А тот дьячок, к-рый съел всю икру.>

1. На одного умного полагается тысяча глупых, и на одно умное слово приходится 1000 глупых, и эта тысяча заглушает, и потому так туго подвигаются города и деревни. Большинство, масса всегда остается глупой, всегда она будет заглушать; умный пусть бросит надежду воспитать и возвысить ее до себя; пусть строит жел. дороги, телеграфы, телефоны, и с этим он победит и подвинет вперед жизнь.

2. Порядочных в настоящем смысле можно встретить только среди людей, имеющих определенные консервативные или либеральные убеждения; так же называемые умеренные весьма склонны к наградам, пособиям, крестикам, прибавкам.

3. <Когда любишь, то такое богатство открываешь в себе, сколько нежности, ласковости, даже не верится, что так умеешь любить.>

4. <Зачем мне ждать, пока ров зарастет или затянет его водой? Лучше я перескочу через него или построю мост.>

5. — Отчего умер ваш дядя?

— Он вместо 15 капель Боткина, как прописал д-р, принимал 16.

89

1. Молодой, только что окончивший филолог приезжает домой, в родной город. Его выбирают в церковные старосты. Он не верует, но исправно посещает службы, крестится около церквей и часовен, думая, что так нужно для народа, что в этом спасение России. Выбрали его в председатели земской управы, в почетные мировые судьи, пошли ордена, ряд медалей — и не заметил, как исполнилось ему 45 лет, и он спохватился, что все время ломался, строил дурака, но уже переменять жизнь было поздно. Как-то во сне вдруг точно выстрел: «Что вы делаете?» — и он вскочил весь в поту.

2. Противиться злу нельзя, а противиться добру можно.

3. Он льстит властям, как поп.

4. Мертвые срама не имут, но смердят страшно.

5. <Одинокие ходят в рестораны и в баню, чтобы разговаривать.>

6. Вместо простынь грязные скатерти.

7. Еврей Перчик.

8. Обыватель в разговоре: и всякая штука.

9. Богач в большинстве нагл, самомнение у него громадное, но свое богатство он носит, как порок. Если бы дамы и генералы не благодворили на его счет, если бы не бедные студенты, не нищие, то он испытывал бы тоску и одиночество. Если бы бедные сделали стачку и согласились бы не просить у него, то он сам пришел бы к ним.

90

1. Вечный еврей.

2. <Приход села Новоселок, по свидетельству священника, продал грибоварам грибов на 2 тыс. руб. по 5 к. за ф.>

3. <Братская помощь армянам.>

4. <Кружева на панталонах, точно чешуя у ящерицы.>

5. Муж приглашает приятелей в Крым к себе на дачу, а жена потом, тайно от мужа, подает им счета и получает за квартиру и стол.

6. Потапов привязывается к брату, и это служит началом любви к сестре. Развод с женой. Сын потом присылает ему планы: помещение для кроликов.

7. <У дьяконского сына собака называется Синтаксис.>

8. — Я посеял у себя вику с овсом.

— Напрасно. Лучше бы посеяли trifolium (клевер).

— Я завел свинью.

— Напрасно. Невыгодно. Лучше держать кобылок.

9. Девица, преданный друг, из самых добрых побуждений ходила с подписным листом для Х., который не нуждался.

10. Почему так часто описывают константинопольских собак?

91 1. Болезнь: у него гидротерапия.

2. Приезжаю к знакомому, застаю ужин, много гостей. Очень весело. Мне весело болтать с соседками и пить вино. Настроение чудесное. Вдруг поднимается Н. с важным лицом, точно прокурор, и произносит в честь мою тост. Чародей слова, идеалы, в наше время, когда идеалы потускнели... сейте разумное, вечное... У меня такое чувство, точно я был покрыт раньше колпачком, а теперь колпачок сняли, точно в меня прицелились. После тоста чокались, молчание. Пропало веселье.— Вы теперь должны сказать,—говорит соседка.—Но что я скажу? Я охотно бы пустил в него бутылкой. И спать ложусь с осадком в душе. «Смотрите, смотрите, господа, какой дурак сидит среди вас!» <В виде interview: Я иначе не могу. Я сам мучаюсь.> <Со мной сестра или жена.>

3. горничная, убирая постель, всякий раз бросает туфли под кровать, к самой стенке. Хозяин-толстяк наконец выходит из себя и хочет прогнать девочку-горничную. Оказывается, что это доктор приказал ей забрасывать подальше туфли, чтобы вылечить толстяка.

4. В клубе забаллотировали порядочного челове-

ка, потому что были все не в духе; испортили ему все будущее.

5. Большой завод. Молодой хозяин говорит всем ты и грубит своим подчиненным, имеющим университетский диплом. И лишь один садовник-немец осмелился обидеться: «Как ты смеешь, золотой мешок?»

92 1. Маленький, крошечный школьник, по фамилии Трахтенбауэр.

2. Узнает из газет о смерти великих людей и по каждом из них носит траур.

3. В театре. Господин просит даму снять шляпу, к-рая мешает ему. Ропот, досада, просьба. Наконец признание:— Сударыня, я автор! — Ответ:— А мне все равно. <Автор в театре тайно от всех.>

4. чтобы умно поступать, одного ума мало. <Достоевский.>

5. У А. и Б. пари. А. на пари съедает 12 котлет, Б. не платит пари, не платит даже за котлеты.

6. Ужасно обедать каждый день с человеком, который заикается и говорит глупости.

7. Взглянув на полную, аппетитную женщину: это не женщина, а полнолуние!

8. *Sarcasmus senilis.*

9. Хочется думать (судя по лицу), что под корсажем у нее жабры.

10. У стены стоял ряд новых, недавно купленных стульев, на которые еще никто не садился.

11. Для водевиля: Капитон Иваныч Чирый.

12. Податной инспектор и акцизный, чтоб оправдать себя, что занимают такое место, говорят, хотя его и не спрашивают: дело интересное, масса работы, живое дело.

93 13. 20-ти лет любила Z., 24 вышла за N. не по любви, а по расчету, что это добрый, умный, идейный человек. Супруги N. живут хорошо, все завидуют, и в самом деле жизнь проходит гладко, ровно, она довольна и, когда говорят о любви, высказывает то мнение, что для семейной жизни нужна не любовь, не страсть, || а привязанность. Но как-то вдруг заиграла музыка, внутри груди вдруг все тронулось,

точно весенний лед, она вспомнила Z., свою любовь к нему и с отчаянием подумала, что ее жизнь сгублена, испорчена навеки, что она несчастна;—потом прошло. Через год опять был такой же припадок при встрече Нового года, когда поздравляли с новым счастьем, и в самом деле захотелось нового счастья.

1. Z. идет к доктору, тот выслушивает, находит порок сердца. Z. резко меняет образ жизни, принимает строфант, говорит только о болезни—и весь город знает, что у него порок сердца; и доктора, к которым он то и дело обращается, находят у него порок сердца. Он не женится, отказывается от любительских спектаклей, не пьет, ходит тихо, чуть дыша. Через 11 лет едет в Москву, отправляется к профессору. Этот находит совершенно здоровое сердце. Z. рад, но вернуться к нормальной жизни уже не может, ибо ложиться с курами и тихо ходить он привык, и не говорить о болезни ему уже скучно. Только возненавидел врачей, и больше ничего.

2. Женщина находится под обаянием не искусства, а шума, производимого состоящими при искусстве.

3. Рецензент N. живет с актрисой X. Бенефис. Пьеса подлая, игра бездарная, но N. обязан хвалить. Он пишет кратко: «И пьеса и бенефициантка имели большой успех. Подробности завтра». Написал последние два слова и легко вздохнул. На другой день идет к X., та отворяет дверь, дает поцеловать себя и обнять и с ядовитым лицом говорит:—«Подробности завтра!»

94 1. Z. в Кисловодске или в другом курорте сошелся с девочкой 22 лет; бедная, искренняя, он пожалел ее и сверх платы положил ей на комод еще 25 р. и вышел от нее с чувством человека, сделавшего доброе дело. Придя к ней в другой раз, он увидел дорогую пепельницу и папаху, купленные на его 25 р.,—а девочка опять голодна, и щеки втянуты.

2. N. закладывает имение в дворянском банке по 4%, а сам дает эти деньги под залог имения по 12%.

3. Аристократы? То же безобразие форм, физи-

ческая нечистота, мокрота, те же беззубая старость и отвратительная смерть, что и у мешанок.

4. N., когда снимаются, всегда становится впереди группы, первый подписывается на адресах, первый говорит на юбилеях. Всегда удивляется: а, суп! а, пирожное!

5. Z-ту надоели визиты, тогда он нанял французенку, которая жила у него за жалованье под видом содержанки, это шокировало дам — и к нему перестали ходить.

6. Архимандрит <Нафанаил> Питирим отдает на комиссию 50 экз. книги своей «Плоть и дух». Жена книгопродавца Z. делает расчет, хотя и не было продано ни одного экземпляра. Растеряла подписные квитанции <как Мих. С.>, подписчики бранились.

7. Z. служит факельщиком в погребальном бюро. Идеалист. «В бюро».

8. N. и Z. кроткие, нежные друзья, но как только вместе попадают в общество, то начинают острить друг над другом — из конфузливости.

95 Жалоба: сын мой Степан слаб здоровьем, его поэтому я отдал учиться в Крыму, а там его выдрали виноградной лозой, от этого у него || ниже спины завелась филоксера, и теперь доктора ничего не могут поделать.

1. Митя и Катя слышали, как папа взрывает скалы на каменоломне. И они тоже захотели взорвать сердитого дедушку, взяли в кабинете у папы фунт пороху, насыпали полную бутылку, провели фитиль и положили под кресло дедушки, когда он дремал после обеда; но прошли солдаты с музыкой — и только это помешало им привести в исполнение свою затею.

2. Сон есть дивное таинство природы, обновляющее все силы человека, телесные и духовные. <Епископ Порфирий Успенский. Книга бытия моего.>

3. <В волостном правлении поставили телефон, но скоро он перестал действовать, так как в нем завелись тараканы и клопы. Девица постоянно: дивно!>

4. <Действ. лицо: Соленый.>

5. <Писарь посылает жене из города фунт икры с запиской:— «Посылаю Вам фунт икры для удовлетворения Вашей физической потребности».>

6. Дама воображает, что у нее особенный, исключительный организм, к-рый болеет по-особенному — не переносит обыкн. лекарств. Ей кажется, что у нее сын не такой, как у всех, что его нужно воспитывать по-особенному. Она верит в принципы, но думает, что они обязательны для всех, кроме нее, так как она живет при исключительных условиях. Вырастает сын, и она ищет для него какую-то особенную невесту. Окружающие страдают. Сын вышел негодяй.

96 1. Бедное многострадальное искусство!

2. — Барыня, иже херувиму несут! (хоругвь).

97 1. Человек, помешанный на том, что он привидение: ходит по ночам.

2. Сентимент. ч[еловек], вроде Лаврова, переживая сладкие минуты умиления, просит об одолжении:— Напишите моей тетушке письмо в Брянск, она очень милая.

98 1. В сарае дурно пахнет: 10 лет назад в нем ночевали косари, и с тех пор этот запах.

2. <X., бывший подрядчик, на все смотрит с точки зрения ремонта и жену себе ищет здоровую, чтобы не потребовалось ремонта; N. прельщает его тем, что при всей своей громаде идет тихо, плавно, не громыкает; все, значит, в ней на месте, весь механизм в исправности, все привинчено.>

3. Офицер у доктора. Деньги на блюде. Д-р видит в зеркале, как больной берет с блюда 25 р. и потом платит этими деньгами.

4. Россия страна казенная.

5. Z., говорящий только банальные вещи: с ловкостью молодого медведя, на любимую мозоль.

6. <В провинции с упорством спорят о том, чего не знают.

— В Москве два университета.

— Нет, один.

— Два!

— Но ведь я там учился, знаю.

— Вы учились, а я вам говорю: два!>

7. Сберегательная касса: чиновник, очень хороший человек, презирает кассу, считает ее ненужной,— и тем не менее служит.

8. Радикалка, крестящаяся ночью, втайне набитая предрассудками, втайне суеверная, слышит, что для того, чтобы быть счастливой, надо ночью сварить черного кота. Крадет кота и ночью пытается сварить.

99 1. 25-летний юбилей издателя. Слезы, речь: «Жертвую 10 руб. в пользу литературного фонда для выдачи процентов беднейшим и с тем, чтобы была назначена особая комиссия для выработки правил выдачи».

2. <Мальчик, сын прачки, спрашивает на почте у чиновника:

— Вы получаете поденно или помесечно?>

3. Он ходил в рубахе и презирал тех, кто ходил в сюртуке. Сбитень из штанов.

4. Мороженое из молока, в котором будто бы купали больных.

5. Х. Х. постоянно рассказывает свою жизнь.

6. Был прекрасный строевой лес; назначили лесничего — и через 2 года леса нет, шелкопряд.

100 1. Х.: от квасу у меня начались в животе холерные беспорядки.

2. Есть писатели, у которых каждое произведение в отдельности блестяще, но в общем же эти писатели неопределенны, у других же каждое произведение не представляет ничего особенного, но зато в общем они определены и блестящи.

3. Д[ействительный] с[татский] с[оветник] пудрится.

4. <Служащий в сыском отделении приезжает домой в деревню, он в калошах, штаны навывпуск, родне его приятно, что он вышел в хорошие люди. Глядит на одного мужика и все беспокоится: «У него рубаха краденая!» Оказалось верно.>

5. Н. звонится к артистке; он смущен, сердце бьется, в конце концов трусит и убегает; горничная отворяет и не видит никого. Он опять подходит, звонит — и опять не решается войти. Кончается тем, что выходит дворник и бьет его по шее

6. Слова нет, он хороший человек.

7. Кроткая, тихая учительница втайне бьет учеников, потому что верит в пользу телесных наказаний.

101

1. N: выли не только собаки, но даже лошади.

2. <Ваше лицо просится на полотно.>

3. N. женится. Мать и сестра видят в его жене тьму недостатков, скорбят и лишь через 3—5 лет убеждаются, что она такая же, как они.

4. Жена рыдала. Муж взял ее за плечи, встряхнул, и она перестала плакать.

5. <Педагогу: Его местоимению Ив. Ив. Груздеву.>

6. После того как он женился, все — политика, литература, общество — не казались ему интересными, как раньше; зато всякий пустяк, касавшийся жены и ребенка, выростал в очень важное дело.

7. — Почему твои песни так коротки? — спросили раз птицу. — Или у тебя не хватает дыхания?

— У меня очень много песен, и я хотела бы поведать их все.

Альф. Додэ.

8. Собака ненавидит учителя, ей запрещают лаять на него, она глядит, не лает, но плачет от злобы.

9. Вера есть способность духа. У животных ее нет, у дикарей и неразвитых людей — страх и сомнения. Она доступна только высоким организациям.

10. Смерть страшна, но еще страшнее было бы сознание, что будешь жить вечно и никогда не умрешь.

11. Публика в искусстве любит больше всего то, что банально и ей давно известно, к чему она привыкла.

12. Либеральный, образованный, молодой, но скупой попечитель училища каждый день ходит в школу, много говорит, не дает ни гроша, школа разрушается, но он искренно считает себя необходимым и полезным. Учитель ненавидит его, и он этого не замечает. Зло громадное. Учитель однажды не выдерживает и, глядя со злобой, с отвращением, раздражается бранью.

102 1. Учитель: Не следует праздновать столетие Пушкина, он ничего не сделал для церкви.

2. <Купец: собственный дом.>

3. Гитарова (актриса).

4. Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай.

5. Муж и жена всю жизнь ревниво следовали идее Х (икс) и по ней, как по формуле, строили свою жизнь. И только перед смертью спросили себя: а может быть, эта идея несправедлива? Может быть, неправду говорит пословица: *mens sana in corpore sano*¹.

6. Мне противны: игривый еврей, радикальный хохол и пьяный немец.

7. Университет развивает все способности, в том числе — глупость.

8. Принимая во внимание, милтисдарь, исходя из того положения, милтисдарь.

9. Самые несносные люди — это провинц. знаменитости.

10. При нашей несерьезности, при неумении и непривычке большинства вглядываться и вдумываться в явления жизни, нигде, как у нас, так часто не говорят: «какая — пошлость!», нигде не относятся так слегка, часто насмешливо к чужим заслугам, к серьезным вопросам. И, с другой стороны, нигде так не давит авторитет, как у нас, русских, приниженных вековым рабством, боящихся свободы.

11. <Зять Андреева стал богатым подрядчиком, но по старой привычке все еще ходит пешком.>

103 12. Доктор посоветовал купцу (из образованных) есть бульон || и цыпленка. Купец отнесся иронически. Сначала съел обед с ботвиньей и с поросенком, потом, как бы вспомнив приказ д-ра, велел подать бульон и цыпленка — и это тоже сожрал, думая, что это очень смешно.

1. Иеромонах о. Эпаминонд ловит рыбу и кладет в карман, потом дома, когда нужно, вынимает из кармана по рыбке и жарит.

¹ здоровый дух в здоровом теле (лат.).

2. Дворянин X. продал свое имение N-у с обстановкой и с инвентарем, и унес все, даже печные отдушины, и после этого N. возненавидел всех дворян.

3. Богатый, интеллигентный X., по происхождению крестьянин, умоляет своего сына: «Миша, не меняй своего звания. Будь до самой смерти крестьянином, не уходи ни в дворяне, ни в купцы, ни в мещане. Если, говорят, земские начальники имеют теперь право наказывать крестьян, то пусть будет так, чтобы он имел право и тебя наказывать». Он гордился крест. званием и был даже надменен.

4. Праздновали юбилей скромного человека. Придрались к случаю, чтобы себя показать, похвалить друг друга. И только к концу обеда хватились: юбиляр не был приглашен, забыли.

5. Милая, тихая дама, выйдя из себя, говорит:

— Если бы я была мужчиной, то так и дала бы ему в морду!

6. Мусульманин для спасения души копает колодезь. Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно.

7. Мы переутомились от раболепства и лицемерия.

8. <Мужик пишет про старосту: они, и каждое слово начинается с большой буквы.>

9. N. когда-то порвали собаки, и теперь он, когда входит куда-нибудь, то спрашивает:— А здесь собак нет?

104

1. Петр Демьяныч Источников.

2. Гг. Груш и Полкатыцкий.

3. Альфонсирующий молодой ч-к поддерживает свои силы тем, что постоянно ест кабуль.

4. Попечитель школы. Вдовый священник играет на фисгармонии и поет «со святыми упокой»!

5. Я тебе зададу!

6. В июле иволга поет целое утро.

7. <Он попросил: подайте милост. Христа ради. Я ему подала. Это был ангел.

— Почему же вы думаете, что это был ангел?

— Он посмотрел на меня так. И когда я вернулась туда, его уже не было там.>

8. Механическое пианино.

9. «Большой выбор сигов»,— так читал Х., проходя каждый день по улице, и все удивлялся, как это можно торговать одними сигами и кому нужны сиги. И только через 30 лет прочел, как следует, внимательно: «Большой выбор сигар».

10. Взятка инженеру: динамитный патрон, набитый сторублевками.

11. Я не читала Спенсера. Расскажите мне его содержание. О чем он пишет? — Я хочу написать для парижской выставки панно. Дайте мне сюжет (Надоедливая дама).

12. Не рабочие, так называемые правящие классы не могут оставаться долго без войны. Без войны они скучают, праздность утомляет, раздражает их, они не знают, для чего живут, едят друг друга, стараются наговорить друг другу побольше неприятностей, изо всех сил стараются, что|бы не надоест друг другу и себе самим. Но приходит война, овладевает всеми, захватывает, и общее несчастье связывает всех.

105

1. Рыцборский.

2. Изменившая жена — это большая холодная котлета, которой не хочется трогать, потому что ее уже держал в руках кто-то другой.

3. <— Катя, кто там внизу все отворяет и затворяет дверь? Скрипит и стонет?

— Я не слышу, дедушка.

— Да вот сейчас кто-то прошел... Слышишь?

— Да это у вас в животе, дедушка!>

4. Старая дева пишет трактат: «Трамвай благочестия».

5. Товбич, Гремухин, Коптин.

6. 16 верст пешком. Станция. До поезда остался еще час. Пошел в трактир пить чай. Пил жадно, чашку за чашкой, и чем больше пил, тем крепче становился чай. Потом спросил у полового: сколько тебе за чай? — 6 коп.

7. <Русскому в высшей степени свойственен возвышенный образ мысли, но почему же в жизни хватает он так невысоко?>

8. <русский ч[елове]к, если послушать его, с женой замучился, с домом замучился, с имением замучился, с лошадьми замучился.>

9. На лице у нее не хватало кожи: чтобы открыть глаза, надо было закрыть рот — и наоборот.

10. Пензенские мореходные классы.

11. Когда она приподнимает платье и показывает свою нарядную юбку, то видно, что она одевается, как женщина, которая привыкла к тому, что ее часто видят мужчины.

106 1. X. философствует: «Вот взять бы хоть слово нос. У нас это черт знает что, можно сказать, неприличная часть тела, а у французов свадьба». И в самом деле у X. нос был неприличной частью тела.

2. <Арх[иерей] плачет, как в детстве больной, когда его жалела мать; плакал просто от общей душевной протрации, толпа плакала. Он веровал, достиг всего, что было доступно ч-ку в его положении, но все же душа болела: не все было ясно, чего-то еще недоставало и не хотелось умереть... Скоро назначили нового архиерея, старого забыли, никто уже не помнил, и только вдова дьяконица, когда выходила с другими женщинами на выгон за стадом, чтобы встретить свою корову, рассказывала, что у нее был сын архиерей — и ей не верили.— Разговор архиерея с матерью про племянника: а Степан в б[ога] верует? Эконом собирается в Москву, св. синод разрешил продать старинные вещи, и это теперешнему архиерею не нравится.>

3. Барышня, кокетничая, болтает: «Меня все боятся... и мужчины и ветер... Ах, оставьте! Я никогда не выйду замуж!» А дома бедность, отец пьет запоем. И если бы увидели, как она работает с матерью, как прячет отца, то прониклись бы к ней глубоким уважением и удивились бы, почему она так стыдится бедности, труда и не стыдится этой болтовни.

4. <Мужик, желая похвалить: «господин хороший, специальный».>

107 5. Ресторан. Ведут либеральный разговор. Андрей Андреич, благодушный буржуа, вдруг заявляет: «А знаете, ведь и я когда-то был анархистом!» Все изумлены. А. А. рассказывает: суровый отец, ремесленное училище, которое открыли в уездном городе, увлекшись разговорами о профессион. образовании, ничему там не учили и не знали, чему учить (ибо, если всех жителей сделать сапожниками, то кто же будет сапоги заказывать?), его выгнали, отец то||же выгнал; пришлось поступить к помещику в младшие приказчики; стало досадно на богатых, и сытых, и толстых; помещик сажал вишни, А. А. помогал ему, и вдруг пришло сильное желание отрубить лопатой белые, полные пальцы, как бы нечаянно: и, закрыв глаза, изо всей силы хватил лопатой, но попал мимо. Потом ушел, лес, тишина в поле, дождь, захотелось тепла, пошел к тетке, та напоила чаем с бубликами, и анархизм прошел. После рассказа проходит мимо стола Д. С. С. Тотчас же А. А. встает и поясняет, как Л.: Д[ействительный] С[татский] С[оветник], имеет дом и т. д.

Отдали меня по портняжному. Скроили брюки, я стал шить, а лампас-то очутился вот где, через колесо пошел. Тогда отдали меня по столярному. Как-то стругаю рубанком, а он вырвался у меня из рук да в окно; стекло разбил.— Помещик из латышей, звали Штопор; и у него выражение было такое, точно он собирался подмигнуть и сказать: «А хорошо бы теперь выпить!» По вечерам пил, пил один—и мне обидно стало.

1. <Там хорошо, где нас нет: в прошлом нас уже нет, и оно кажется прекрасным.>

2. <Цыбукин.>

3. У купца, торгующего квасом, ярлыки с короной. Иксу досадно, обидно, он мучается от мысли, что купчина узурпирует корону; Икс жалуется, ко всем пристаёт, ищет возмездия и т. д., умирает от огорчения и хлопот.

4. Гувернантку дразнят так: Жестикуляция.

5. <Село с особо почитаемой иконой. Всегда толпа. Отец Алексей, чтобы успевать на проскомидии,

108 брал своего племянника Иллариона помогать; Ил. читал записочки || и записи на просфорах, читал 18 лет и ни разу не спросил себя, хорошо это или дурно, а только получал по четвертаку с обедни. Веровал он или нет в то, что делал, неизвестно, так как он ни разу не подумал об этом, и вдруг, через 18 лет, на бумажке написано: «Да дурак же ты, Илларион!»>

1. Шапчерыгин, Цамбизебульский, Свинчутка, Чембураклия.

2. <Учитель из семинаристов, пьяница, бил учеников; и у него висел на стене пучок березовых розог, под ними подпись: *betula kinderbalsamica secuta* ¹.>

3. <Ах, если бы к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие!>

4. Старческая важность, старческое ненавистничество. И сколько я знал презренных стариков!

5. Как приятно, когда в ясный, морозный день привозят новые сани с ковриком.

6. Слезы капали на твои руки, которые я целовал.

7. <Поп Демьян напивался до зеленого змия, и его зовут Демьян-Змеевидец.>

8. X. приехал в N. на службу, являет себя деспотом: не любит, когда кто-нибудь, кроме него, имеет успех, меняется в присутствии третьего лица; увидев женщину, меняет тон; наливая вино, сначала сливает с горлышка немного себе в стакан, потом наливает собеседникам; гуляя с дамой, берет ее под руку, вообще старается выказать культурность. Не смеется чужим острогам: «Вы повторяетесь», «Это не ново». Надоел всем, пристаёт с нотациями. Старухи прозвали его «Дзыга».

9. Человек, который ничего не умеет, как сделать, как войти, как спросить.

10. Красивая, но с неприятным голосом.

1. Утужный.

2. Человек, к-рый всегда предупреждает:— У ме-

Шуточное соединение разноязычных слов, примерно: целебная секущая береза для детей.

ня нет сифилиса. Я честный человек. Жена моя честная женщина.

3. Х. всю жизнь говорил и писал об испорченности прислуги и о способах, как исправить и обуздать ее, и умер, покинутый всеми, кроме своего лакея и кухарки.

4. Девочка с восхищением про свою тетю: она очень красива, красива, как наша собака!

5. <[неразобр.] просты, как буры, должны жить, как буры, не допуская изнеженности.>

6. <Когда в церкви пели «днесь спасения нашего главизна», то он дома велел варить борщ с головизной. Усекновение — не ел круглого, сек детей.>

7. — Барин заругает!

8. Марья Ив. Колотовкина.

9. <Попович в гневе обозвал наймичку: «Ах ты, ослица Иегудиилова!» И поп не сказал ни слова и устыдился, так как не мог вспомнить, где в св. писании упоминается такая ослица.>

10. В любовном письме: «прилагаю на ответ марку».

11. Из деревни лучшие люди уходят в город, и потому она падает и будет падать.

12. <Дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра.>

13. <Все действующие лица спрашивают про Н.: что это от него псиной пахнет?>

110

1. Вытри, Ваня, ножичек!

2. Вы человек самонадеянный и неприятный.

3. Павел 40 лет готовил и сам брезговал тем, что готовил, никогда не ел.

4. Консервативные люди оттого делают так мало зла, что робки и не уверены в себе; делают же зло не консервативные, а злые.

5. Разлюбил женщину, чувство нелюбви, спокойное состояние, длинные, спокойные мысли.

6. <Припоминается архиерею, как он был архимандритом в посольской церкви, как слепая нищая каждый день под окном пела о любви.>

7. Что-нибудь одно: сиди в кузове или вылезай из кузова.

8. Для пьесы: либеральная старуха, одевается, как молодая, курит, не может без общества, симпатична.

9. В поезде *luxe* — это отбросы общества.

10. Эти там Черномозги или Запорожцы Репина.

11. На груди у барыни портрет толстого немца.

12. Человек, который на всех выборах, всю свою жизнь, всегда клал налево.

13. Раздели труп, но не успели снять перчаток; труп в перчатках.

14. О пошлые женщины, как я вас ненавижу!

15. Обедающий помещик хвастает: в деревне дешево жить — куры свои, свиньи свои — дешево жить!

111 1. Таможенный чиновник из любви к делу обыскивает пассажиров, ища у них политически неблагонадежных документов, и приводит в негодование даже жандармов.

2. Барин в I классе, лакей со мной во II, беседуем.

3. Настоящий мужчина состоит из мужа и чина.

4. Воспитание: «Жуйте как следует», — говорил отец. И жевали хорошо, и гуляли по два часа в сутки, и умывались холодной водой, все же вышли несчастные, бездарные люди.

5. торгово-промышленная медицина.

6. N. 40 лет женился на 17-летней. Первая ночь, он привез ее к себе, на шахты, она легла спать и вдруг зарыдала оттого, что не любит его. Он добряк, смущен, убит горем и идет спать к себе в кабинетик.

7. На месте когда-то бывшей усадьбы и следа нет, уцелел один только куст сирени, который не цветет почему-то.

8. Сын. Сегодня, кажется, четверг.

М а т ь (не расслышав). Что?

Сын (сердится). Четверг! (покойно). Надо бы в баню.

М а т ь. Что?

Сын (сердито, обиженно). В баню!

9. N. ходит к X. каждый день, беседует, сочувствует ему искренно; вдруг X. уезжает из дому, где ему было так хорошо. N. спрашивает его мать, отчего

уехал. Та отвечает: оттого, что вы ходили каждый день.

10. Было такое поэтическое венчание, а потом — какие дураки! какие дети!

11. Любовь. Или это остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьется в нечто громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, дает гораздо меньше, чем ждешь.

112

1. Про чай — согревающий напиток.

2. Человек, очень интеллигентный, всю свою жизнь лжет про гипнотизм, спиритизм — и ему верят; а человек хороший.

3. В первом акте X., порядочный человек, берет у N. сто рублей взаймы и не отдает в течение всех четырех актов.

4. у бабушки 6 сыновей и 3 дочери, и она больше всех любит неудачника, который пьет и сидел в остроге.

5. Отец Иерохиромандрит.

6. N. директор завода, молодой со средствами, семейный, счастливый, написал «Исследование X-го водяного источника», был расхвален, был приглашен в сотрудники, бросил службу, поехал в Петер., разошелся с женой, разорился — и погиб.

7. Ночевка у Старого и разговор с ним.

8. (глядя в альбом).— Это что за рожа?

— Это мой дядя.

9. Увы! ужасны не скелеты, а то, что я уже не боюсь этих скелетов.

10. Мальчик из хорошей семьи капризен, шалун, упрямый, измучил всю семью. Отец, чиновник, играющий на рояли, возненавидел его, завел в глубину сада и с удовольствием высек, а потом стало противно; сын вышел в офицеры, а ему все было противно.

11. N. долго ухаживал за Z. Она была очень религиозна и, когда он сделал ей предложение, положила сухой, когда-то им подаренный цветок в молитвенник.

12. Z.: ты идешь в город, опусти там письмо в почтовый ящик. N. (встревоженно): Где? я не знаю, где

ящик. Z.: зайдешь в аптеку, возьмешь нафталину.
N. (встревоженно): Я забуду. Нафталин я забуду.

113

1. дорогая кузинна!

2. Морская буря. Юристы должны смотреть на нее, как на преступление.

3. X. поехал к приятелю в имение погостить. Имение роскошное, лакеи третировали X., жилось ему неудобно, хотя приятель считал его большим человеком. Постель была жесткая, ночной сорочки не было, а спросить посовестился.

4. Моя фамилия не Кúрицын, а Курíцын.

5. Репетиция. Жена:

— Как это в «Паяцах»? Посвисти, Миша.

— На сцене свистать нельзя. Сцена — это храм.

6. Подвыпила, одна щека горит.

7. Умер оттого, что боялся холеры.

8. Похож, как гвоздь на панихиду.

9. Разговор на другой планете о земле через 1000 лет: помнишь ли ты то белое дерево... (березу).

10. анахтема!

11. Зигзаковский, Ослицын, Свинчутка, Дербалыгин.

12. Женщина с деньгами, всюду запрятаны — деньги: и на шее и между ногами.

13. Ку-ку-ку-ха-ха-ха!

14. вся эта председаура.

15. Отнеситеесь ко всему этому (к прогону со службы) как к атмосферическому явлению.

16. Разговор во время съезда врачей. 1-й доктор: все излечивается солью, 2-й доктор, военный: все излечивается, когда не употребляется соль. И первый указывает на свою жену, другой — на дочь.

17. Мать идейная, отец — тоже; читают лекции: школы, музеи и проч. Наживают деньги. А дети их обыкновеннейшие люди: проживают, играют на бирже...

114 1. Солдат: на театре военных действий.

2. N. вышла за немца, когда ей было 17 лет. Он увез ее в Берлин. Она овдовела 40 лет и уже плохо говорила по-русски и плохо по-немецки.

3. Муж и жена любили гостей, потому что без гостей ссорились.

4. Это абсурд! это анахронизм!

6. Закройте окно! У вас пот! Наденьте пальто! Наденьте калоши!

6. Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, ничего не делай.

7. Голова ты моя удалая, долго ль буду тебя я носить.

8. «Немец обезьяну выдумал» — выдумать это гораздо интереснее, чем самое обезьяну.

9. Ей первый раз в жизни поцеловали руку, и она не выдержала, разлюбила мужа, закружила.

10. Глухой господин из Уфы: там дамы не бывают... там были дамы... в это время дамы носили шубки...

11. Вокзал. Почтовый ящик висит высоко, не достанешь, скамей нет, вонь.

12. <От действующего лица пахнет рыбой, все говорят ему об этом.>

13. Какие чудесные названия: богородицыны слезки, малиновка, вороны глазки...

14. Лесничий с погонями, который никогда не видел леса.

15. Летним утром в воскресенье слышен стук экипажа: это поехали к обедне.

16. Господин владеет виллой близ Ментоны, которую он купил на деньги, вырученные им от продажи имения в Тульской губ. Я видел, как он в Харькове, куда приехал по делу, проиграл эту виллу, потом служил на железной дороге, потом умер.

115 17. Увидел за ужином хорошенькую и — поперхнулся; потом увидел другую хорошенькую — и опять поперхнулся, || так и не ужинал, много было хороших.

1. Разговор на кумысе со здоровым, пьющим кумыс.

2. Сидит человек à la донской Троилин в каком-нибудь Пьяном Бору и изучает и воспекает этот Пьяный Бор. И река Хопр, и гора Лютая, и Пятигорская редька... Изучает и изредка печатает в губерн-

ских ведомостях с опечатками. Но вот построился в Пьяном Бору завод — и все пошло к черту, вся поэзия.

3. Доктор, только что кончивший, в ресторане наблюдает. «Кушанья под наблюдением врача». Он списывает состав воды «Нарзан», студенты верят — и все хорошо.

4. Он не ел, а вкушал.

5. Женатый на актрисе во время бенефиса жены сидел в ложе сияющий, вставал и кланялся.

6. Обед у гр. Орлова-Дав. Толстые, ленивые лакеи, невкусные котлеты, чувствуется масса денег, невылазное положение, невозможность изменить порядки.

7. Уездный врач — «кого же другого понесет в такую непогоду, кроме доктора?» — гордится этим, всюду ропщет и свою должность с гордостью считает самой беспокойной; не пьет и часто потихоньку пишет в медицин. журналы, где его не печатают.

8. N., жена тов. прокурора, потом члена суда, потом члена судебной палаты, человека среднего, неинтересного, очень любит мужа, любит до гробовой доски, пишет ему трогательные кроткие письма, когда узнает об его ошибках, и умирает с трогательным выражением любви. Она любила, очевидно, не мужа, а кого-то другого, высшего, прекрасного, не существующего, а на муже изливала эту любовь. Потом после ее смерти слышались в доме ее шаги.

9. в обществе трезвости состоят и выпивают иногда по рюмочке.

116 1. говорят: в конце концов правда восторжествует, но это неправда.

2. умный говорит: «это ложь, но так как народ жить без этой лжи не может, так как она исторически освящена, то искоренять сразу ее опасно; пусть она существует пока, лишь с некоторыми поправками». А гений: «это ложь, стало быть, это не должно существовать».

3. не было еще случая, чтобы с меня не взяли лишнего по накладной — и на железной дороге и на парходе.

4. он подписывался так: Гаврыленко.

5. М. И. Кладовая.

6. Гимназист с усами, из кокетства прихрамывает на одну ногу.

7. бездарный, долго пишущий писатель, важностью своей напоминает первосвященника.

8. Г. N. и г-жа Z. в городе X., оба умны, образованны, либеральны, и оба работают на пользу ближнего, но оба едва знакомы друг с другом и в разговоре всегда посмеиваются друг над другом, в угоду глупой и грубой толпе.

9. Он сделал рукою так, как будто взял кого за волосы, и сказал: ты у меня из-под энтакой штуки не выйдешь.

10. N. никогда не был в деревне и думал, что зимой там ездят только на лыжах. «Теперь бы я с наслаждением покатался на лыжах!»

11. Г-жа N., торгующая собой, каждому говорит: я люблю тебя за то, что ты не такой, как все.

12. Интеллигентная, или, вернее, принадлежащая к интеллигентному кругу, женщина отличается лживостью.

117 13. N. всю жизнь боролся с невежеством, изучая болезнь, || изучая ее бацилл; он посвятил жизнь этой борьбе, отдал все силы, и вдруг незадолго до смерти оказалось, что эта болезнь нисколько не заразительна и совсем не опасна.

1. Антрепренер-режиссер читает новую пьесу, лежа в постели. Прочитал 3—4 страницы и с досады хлопнул о пол, потушил свечу, укрылся; немного погодя, подумав, опять взял пьесу, стал читать, потом, рассердившись на бездарное, длинное произведение, опять хлопнул о пол, опять потушил свечку. Немного погодя взялся вновь за пьесу и т. д. Потом поставил, она провалилась.

2. N. угрюмый, мрачный, тяжелый, говорит: я люблю пошутить, всегда шучу.

3. Жена пишет, мужу это не нравится, но он из деликатности молчит и страдает всю жизнь.

4. Судьба актрисы: начало — богатая хорошая семья в Керчи; скука жизни, бедность впечатлений;

сцена, добродетель, пламенная любовь, потом любовники; конец — отравилась неудачно, потом Керчь, жизнь у пухлого дяди, наслаждение от одиночества. Опыт показал, что артисту надо обходиться без вина, без брака, без большого живота. Сцена станет искусством лишь в будущем, теперь же она лишь борьба за будущее.

5. (сердито и наставительно).— Отчего ты не даешь мне читать писем твоей жены? Ведь мы родственники.

6. Боже, не позволяй мне осуждать или говорить о том, чего я не знаю и не понимаю.

7. Зачем изображают одних слабых, кислых и грешных, и каждый, советуя брать только сильных, здоровых, интересных, разумеет самого себя.

8. <Тетка из Новозыбкова.>

9. Для пьесы: лицо, постоянно врущее ни с того ни с сего.

10. Дьякон Катакомбов.

118

1. N. N. литератор-критик, обстоятельный; уверенный, очень либеральный, говорит о стихах; он признает, он снисходит,— и я вижу, что это бездарнейший человек (я не читал его). Предлагают ехать на Ай-Петри, я говорю: будет дождь. Но все-таки едем. Дорогою грязь, идет дождь, рядом сидит критик, я чувствую его бездарность. За ним ухаживают, его носят, как архиерея. И назад, когда прояснилось, я ушел пешком. Как люди охотно обманываются, как они любят пророков, вещателей, какое это стадо! Едет с нами еще другой: действ. стат. советник, нестарый, все молчит, потому что считает себя правым, презирает критика и потому что тоже бездарен. Барышня, которая боится улыбнуться, потому что находится среди умных.

2. Алексей Иваныч Прохладительный, или Душеспасительный. Барышня: — я бы пошла за него, да боюсь фамилии — Прохладительная.

3. Сон зрителя зоологического сада. Снится, что жертвуют в сад сначала байбака, потом имуранга, потом ястреба, потом козу, потом опять иму-

ранга; жертвуют без конца, сад переполняется,— и зритель в ужасе просыпается, обливаемый потом.

4. Со мной сестра или жена... Ночью она вдруг плачет.— Что с тобой? Отчего ты? — Молчание.

5. медленно запрягать, но быстро ездить — в характере этого народа, сказал Бисмарк.

6. Когда у актера есть деньги, то он шлет не письма, а телеграммы.

7. <12 сентября 1901 г. был у Льва Толстого.>

8. X. целый день режет купоны.

9. У насекомых из гусеницы получается бабочка, а у людей наоборот: из бабочки гусеница.

10. Собаки в доме привязывались не к хозяевам, которые их кормили и ласкали, а к кухарке, чужой бабе, которая была их.

11. Софи боялась, чтобы собака ее не простудилась от сквозного ветра.

12. Ч-к, которого боятся, так как он стесняет; едва кто скажет, как он: «а что вы хотите этим сказать?» И при нем молчат.

119 13. Почва такая хорошая, что если посадить в землю ог//лоблю, то через год вырастет тарантас.

1. X. и Z., очень либеральные и развитые, поженились. Вечером беседовали хорошо, потом рассердились, потом подрались. Утром совестно, удивлены оба, думают, что это произошло вследствие исключительных нервных влияний. На другую ночь опять ссора и драка. И так каждую ночь — и в конце концов увидели, что они вовсе не образованны, а дикие, как большинство.

2. Во Францию два гренадера, в стороне от веселых подруг.

3. Пьеса. Чтобы гости не ходили, Z. изображает запойного пьяницу, хотя ничего не пьет.

4. Когда у нас появляются дети, то все слабости, как-то: склонность к компромиссам, к мещанству,— оправдываем так: «это для детей».

5. — Граф, я уезжаю в Мордегундию.

6. Варвара Недотепина.

7. Зеркало.

8. пьеса: В бельмах.

9. Инженер или врач Z. пришел к дяде редактору, увлекся, стал часто бывать, потом стал сотрудником, бросил мало-помалу свое дело; как-то идет из редакции ночью, вспомнил, схватил себя за голову — все погребло! Поседел. Потом вошло в привычку, весь поседел, обрюзг, стал издателем, почтенным, но неизвестным.

10. тайный советник, старик, глядя на своих детей, сам стал либералом.

11. Я видел свой плохой портрет в безвкусной раме.

12. Пьеса: N. спит от утомления.

13. Газета «Бублик».

14. Клоун в цирке — это талант, а говорящий с ним лакей во фраке — толпа; лакей с насмешливой улыбкой.

120

1. тетушка из Новозыбкова.

2. <Guter Mensch, aber schlechter Musikant¹.>

3. Действ. лицо все хочет поговорить по душам, идейно (à la Миров).

4. У него разжижение мозга, и мозг в уши вытек.

5. Мальчик, который очень много ест за обедом.

6. Что? писатели? Хочешь, я за полтинник сделаю тебя писателем?

7. Вместо переводчик — подрядчик.

8. 40-летняя бездарная актриса, некрасивая, ела за обедом куропатку, и мне было жаль куропатки и вспоминалось, что в жизни своей эта куропатка талантливее и умнее этой актрисы.

9. Утром чем свет встали.

10. Мне доктор сказывал: ежели, говорит, твоя натура выдержит, пей в свое удовольствие. (Горбунов.)

11. Карл Кремертартарлау.

12. Поле с далью, одна березка. Подпись под картиной: одиночество.

13. гости ушли; они играли в карты, после них беспорядок: накурено, бумажки, тарелки, но главное — рассвет и воспоминания.

14. <7 декабря говорил с Л. Толстым в телефон.>

¹ Хороший человек, но плохой музыкант (нем.).

15. Лучше от дураков погибнуть, чем принять от них похвалу.

16. Зачем деревья растут и так пышны, если хозяева умерли?

17. действ. лицо держит кабинет для чтения, но сидит постоянно в гостях; нет читателей.

18. <Благочинный ставит священникам и всему причту отметки за поведение, а после всех даже их женам и детям.>

19. жизнь кажется великой, громадной, а сидишь на пяточке.

20. Золотоноша? Нет такого города! Нет!

21. Когда смеется, то показывает зубы и десны.

22. Он любил литературу, которая его не беспокоила, т. е. Шиллера, Гомера и т. п.

121 1. Красная дама N., идя вечером домой, услышала от знакомой, будто X. влюбился в нее, хочет сделать предложение. N. некрасивая, никогда раньше не думавшая о браке, придя домой, долго дрожит от страха, потом не спит, плачет, под утро влюбляется в X.; а в полдень узнает, что то было только предположение, что X. женится не на ней, а на Y.

2. сошелся с 45-летней женщиной, потом стал писать страшные рассказы.

3. снилось мне, будто я был в Индии и будто кто-то из местных князей, владетельных особ, подарил мне слона, даже двух слонов. Я так мучился от слонов, что проснулся.

4. старик 80 лет говорит другому 60 лет: стыдно, молодой человек!

5. Когда в церкви пели «днесь спасения нашего главизна», то дома у себя он варил щи из головизны, в день усекновения не ел ничего круглого, сек детей своих.

6. корреспондент лгал в газетах, но ему казалось, что он писал правду.

7. <умирает в человеке лишь то, что поддается нашим пяти чувствам, а что вне этих чувств, что, вероятно, громадно, невообразимо, высоко и находится вне наших чувств, остается жить.>

8. Если боитесь одиночества, то не женитесь.

9. Сам богат, а мамаша во вдовьем доме.

10. Дай ему в рыло.

11. Женился, завел обстановку, купил письменный стол, убрал его, а писать нечего.

12. Фауст: чего не знаешь, то именно и нужно тебе; а что знаешь, тем не можешь пользоваться.

13. тебе поверят, хоть лги, только говори с авторитетом.

14. Как я буду лежать в могиле один, так в сущности я и живу одиноким.

15. Немец: Господи, помилуй нас грешников.

16. горбатый, но высокий.

17. Ах ты, мой прыщик! ск[азала] невеста нежно. Жених подумал, потом обиделся — разошлись.

122

1. от Гуниади Янос бутылки, и в них какая-то маринованная ягода.

2. Актриса, которая портила все роли, играла пре-скверно и так всю жизнь, до самой смерти. Ее не любили, ее игры боялись, она губила лучшие роли, но все же была актрисой до 70 лет.

3. только тот не хорош, тот может каяться, кто чувствует себя неправым.

4. Протодиакон прокликает «сомневающих», а они стоят на клиросе и поют сами себе анафему (Скиталец).

5. он мечтал: лежит его жена без ног, а он ходит за ней за спасение души...

6. мадам Гнусик.

7. тараканы ушли, дом сгорит.

8. «Лжедмитрий и актеры», «Тургенев и тигры» — такие статьи писать можно, и они пишутся.

9. заглавие: Лимонная корка.

10. У меня сегодня будет болеть горло; я наверное простужусь, как бы не разболелась у меня грудь.

11. тирли-тирли-солдатирли.

12. я твой законнорожденный муж.

13. выкидыш оттого, что волна ударила во время купанья, океанская волна; оттого, что происходило извержение Везувия.

14. мне кажется: море и я — и больше никого.

15. Трепыханов.

16. воспитание: 3-летний мальчик ходил у него в черном сюртуке, сапогах, жилете.

17. с гордостью: я не Юрьевского, а Дерптского университета! (вып. 1881 г.)

18. Курорт. Он: Скажи барину, чиновник из Сарапуля.

19. борода походила на рыбий хвост.

20. еврей Цыпчик.

21. барышня, когда хохочет, издает такие звуки, как будто окунается в холодную воду.

123 1. — Мама, из чего сделана молния?

2. наша постоянная ложь (напр., школа) есть ли постоянная борьба, которая закаляет и в конце концов приведет к чему-нибудь, даст что-нибудь в будущем, или же она развращает только, ослабляет и в конце концов губит?

3. в имени дурной запах, дурной тон; деревья посажены как-нибудь, нелепо; а далеко в углу сторожика стирает целый день белье для гостей — и никто не видит ее; и этим господам позволяют говорить по целым дням о правах своих, о благородстве.

4. она кормила свою собаку зернистой икрой.

5. самолюбие и самомнение у нас европейские, а развитие и поступки азиатские.

6. черная собака — похоже, как будто она в калошах.

7. у русского человека единственная надежда — это выиграть двести тысяч.

8. дурная, а детей научила хорошему.

9. у каждого человека что-нибудь спрятано.

10. заглавие повести N.: «Сила созвучий».

11. а как было бы хорошо, если бы назначали холостых или вдовых губернаторов!

12. московская актриса отродясь не видела индейки.

13. от стариков я слышу <только> или глупость, или клевету.

14. — «Мама, Петя богу не молился!» Петю будят, он молится и плачет, потом ложится и грозитя кулаком тому, кто пожаловался.

15. он полагал, что одни только врачи могут определить, мужчина это или женщина.

16. один ушел в попы, другой — в духоборы, третий — в философы, и это потому, инстинктивно, что никто, ни один не хочет работать как следует, с утра до ночи и не разгибаясь.

124 17. пристрастие к слову единоутробный: братец мой единоутробный, || жена моя единоутробная, зять и пр.

1. Доктору N., незаконнорожденному, никогда не жившему с отцом и мало знавшему его, друг детства Z. говорит в смущении:

— «Дело в том, что отец твой затосковал, болен, просит позволения взглянуть на тебя хоть одним глазком». Отец держит «Швейцарию». Жареная рыба, которую он берет руками, а потом уже вилкой. Водка отдает сивухой. N. пошел, посмотрел, пообедал — никакого чувства, кроме досады, что этот толстый мужик с проседью торгует такой дрянью. — Но однажды, проходя в 12 часов ночи мимо, взглянул в окно: отец, сгорбившись, сидит за книгой. Узнал себя, свои манеры...

2. бездарен, как сивый мерин.

3. барышню продразнили касторкой, и поэтому она не вышла замуж.

4. N. всю жизнь писал известным певцам, актерам, писателям ругательные письма: «ты думаешь, подлец»... и т. д. — без подписи.

5. Когда он (факельщик) показался в трехуголке, во фраке с галунами и с лампасами, то она полюбила его.

6. Сияющая, жизнерадостная натура, живущая как бы для протеста нытикам; полон, здоров, ест много, его все любят, но только потому, что боятся нытиков; он — ничто, хам, только ест и смеется громко, и только когда умирает, все видят, что ничего им не сделано, что он был принимаем за кого-то другого.

7. После осмотра здания комиссия, бравшая взятки, завтракала с аппетитом, и точно это был поминальный обед по чести.

8. кто лжет, тот грязен.

9. в 3 часа ночи его будят: нужно идти на должность на вокзал. И так каждый день уже 14 лет.

125 1. Он не понимал музыки, но ему казалось, что он понимает.

2. Дама жалуется: пишу сыну, чтобы каждую субботу менял белье. Он отвечает: почему же в субботу, а не в понедельник? Я отвечаю: ну, хорошо, в понедельник. А он: почему же в понедельник, а не во вторник? Честный, хороший ч-к, а замучилась я с ним.

3. герой целый день пьет чай.

4. Умный любит учиться, дурак учить (поговорка).

5. проповеди попов, архимандритов и архиереев удивительно похожи одна на другую.

6. вспоминаются споры о братстве людей, о пользе народу, о работе, между тем никогда в сущности споров этих не было, а только пьянствовал, когда был студентом. Пишут: «стыдно за людей с университетскими значками, когда-то ратовавших за человеческие права и свободу религии и совести», — а никогда они не ратовали.

7. Управляющий именем, вроде Букишона, никогда не видел хозяина. Живет иллюзией: воображает хозяина очень умным, порядочным, высоким и детей своих воспитал в таком же направлении. Но вот приехал хозяин, ничтожный, мелкий — и разочарование полнейшее.

8. Муж каждый день, пообедав, пугает жену, что он уйдет в монахи, жена плачет.

9. Мордохвостов.

10. Супруги живут 18 лет и ссорятся. Наконец он признается ей в измене, какой никогда не было, и оба расходятся к великому его удовольствию и к великому гневу всего города.

11. Вещь не нужная, альбом с забытыми неинтересными фотографиями лежит в углу на стуле, лежит уже лет 20, и никто не решается его выбросить.

12. N. рассказывает, как 40 лет назад X., чудный человек, необыкновенный, спас пятерых, и ему странно, что все слушают хладнокровно, что история этого X. уже забыта, неинтересна..

1. Напали на зернистую икру с жадностью и съели ее в одну минуту.
2. Г-жа N. много ела. «Я бы еще съела мороженого».
3. баталпашинский мещанин.
4. Среди серьезной речи мальчику сыну: застегни брюки!
5. Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть.
6. Морда сизая —
7. Помещик кормит голубей, канареек, кур перечными семенами, марганцовокислым кали и всякой чепухой, чтобы они меняли свой цвет — и в этом единственное его занятие, этим хвастает перед всяким гостем.
8. наняли знаменитого певца читать на свадьбе апостола, он прочел, имел успех, но денег ему (2 тыс.) не заплатили.
9. водевиль: у меня есть знакомый Кривомордый — и ничего. Не то чтобы Кривоногий или Криворукый, а Кривомордый, и женат был, и жена любила.
10. N. каждый день пил молоко и каждый раз клал в стакан муху, потом спрашивал строго у лакея: «это что такое?» С лицом жертвы. Без этого он не мог дня прожить. Она хмурая, пахнет от нее баней.
11. в своих записках N. называл свою мать обыкновенно умной и доброй. А его мать: толстая, глупая, надменная...
12. N. узнал об измене жены. Возмущен, огорчен, но медлит, молчит. Молчит и кончает тем, что берет у любовника Z. денег взаймы, продолжая считать себя честным человеком.
13. Когда я перестал пить чай с калачом, то говорю: аппетита нет! Когда же перестал читать стихи или романы, то говорю: не то, не то!
14. Нотариус берет большие проценты, оправдываясь тем, что все он оставляет Моск. университету.
15. Дьячок, оказавшийся либералом: теперь наш брат выползает из всякой щели, откуда не ждете.
16. помещик N. ссорится постоянно с соседями молочанами, судится, ругает их, клянет; но когда нако-

127 нец || они переселяются, он чувствует пустое место, он быстро старится и чахнет.

1. Мордуханов.

2. У N. и его жены проживает брат жены, молодой, слезливый человек, который то ворует, то лжет, то якобы покушается на самоубийство; N. и его жена не знают, что делать, боятся удалить его, а то убьет себя, и хотели бы удалить, да не знают, как это сделать; за подделку векселя попал в тюрьму, и N. и его жена чувствуют себя виноватыми, плачут, тоскуют. Она умерла с горя, он тоже немного погодя умер, и все осталось ему, а он прокутил и опять попал в арестантские роты.

3. <Мать послала сына гимназиста за огурцами. Полмерки. Он ехал верхом и съел все огурцы.>

4. если бы, положим, мне выйти замуж, то я бы убежал через два дня, а женщина свыкается в доме мужа так скоро, точно родилась в нем.

5. — Мама, дай колбаски!

6. вот ты титулярный «советник», а кому ты советуешь? не дай бог никому твоих советов слушать.

7. <— Ваша невеста хороша?

— да они все одинаковы.>

8. Торжок. Заседание думы. О поднятии средств городских. Решение: пригласить папу римского перебраться в Торжок, избрать его резиденцией.

9. У плохого поэта был стих: как саранча летел он на свиданье.

10. храм послѣ телесный весь осквернен;
я же удави плинфа или персть посы́па.

11. Но эти тонкие детали до нас почти не долетали (Lolo).

12. логика С: я за веротерпимость, но против веродопустимости, нельзя допускать того, что не православно в строгом смысле.

13. св. Пиония и Епимаха 11 марта, Пуплия 13 м.

14. поэзия и художеств. произведения содержат не то, что нужно, а то, что хочется; они не идут дальше толпы и выражают только то, что хотят лучшие из толпы.

128 1. господинчик очень осторожен: он даже поздравительные письма посылает заказными с обратной распиской.

2. <N. не говорит ни на одном языке, потому что за 10 лет свой родной язык забыл, а по-русски не научился.>

3. Россия — громадная равнина, по которой носится лихой человек.

4. Платонида Ивановна.

5. Если ты политически благонадежен, то этого достаточно, чтобы быть вполне удовлетворительным гражданином; то же самое и у либеральных: достаточно быть неблагонадежным, чтобы все остальное было как бы не замечаяемо.

6. У ч-ка бывают очи отверзты во время неудач.

7. Зюзииков.

8. Статский советник, почтенный человек, вдруг оказалось, что он втайне содержит дом терпимости.

9. N. написал хорошую пьесу; и всякий не хвалит, не радуется, а говорит: посмотрим то, что вы теперь напишете!

10. Кто поважнее, те прошли через парадное крыльцо, а кто попроще, те задним проходом.

11. Он: — а вот у нас был один господин, которого по фамилии звали так: Кишмиш. Он звал себя Кишмиш, но все отлично знали, что он Кишмиш.

— Она (подумав): Как это неприятно... хоть бы изюмом звали, а то — Кишмиш.

12. фамилия: Благовоспитанный.

13. многоуважаемейший Ив. Ив.!

14. <у человека бывают очи отверзты только во время неудач.>

15. если читать на N. 108 псалом, то N. и его семья разоряются.

16. как порой невыносимы люди, которые счастливы, которым все удается.

129 17. когда начинают говорить о том, что N. живет с Z., то мало-помалу создается атмосфера, при которой связь N. и Z. становится неизбежной.

1. когда была саранча, я писал против саранчи и приводил всех в восторг, был славен и богат, а теперь,

когда саранчи давно уже нет и она забыта, я смешался с толпой, я забыт и ненужен.

2. весело, жизнерадостно: — честь имею представить, Ив. Ив. Изгоев, любовник моей жены.

3. в усадьбе везде надписи: «посторонним вход воспрещается», «цветов не топтать» и проч.

4. в имении богатая библиотека, о которой говорят, но которой совсем не пользуются, варят жидкий кофе, к-рый пить нельзя, в саду безвкусица, нет цветов,— и все это выдается за нечто, якобы толстовское.

5. чтобы изучить Ибсена, выучился по-шведски, потратил массу времени, труда и вдруг понял, что Ибсен неважный писатель, и никак не мог понять, что ему теперь делать со шведским языком.

6. дочь читает вслух соч. Марлит, мать слушает и изредка делает замечания насчет безнравственности автора и соврем. направления.

7. N. выводит клопов и питается этим; и с точки зрения своего ремесла смотрит на произведения. Если в «Казаках» не говорится о клопах, то значит «Казаки» плохи.

8. рисунки Репина — это работа переспавшего, ленивого, но претенциозного человека.

9. во что человек верует, то и есть.

10. Она, девица умная: — я не умею притворяться... я никогда не лгу... я с принципами... — и все я... я... я...

11. N. сердит на свою жену актрису (или певицу) и тайно от нее печатает ругательные рецензии.

12. дворянин хвастает: этот мой дом был построен еще при Дмитрие Донском.

13.— он, господин мировой судья, обозвал мою собаку так: сукин сын.

14. снег падал и не ложился на землю, обогрел кровью.

15. он оставил все на добрые дела, чтобы ничего не досталось родственникам и детям, которых он ненавидел.

130 1. <Недотепа, <которого> на кресте кто-то написал: «Здесь лежит недотепа».>

2. очень влюбчив; едва познакомится с барышней, как уже становится козерогом.

3. дворянин Дрекольева.

4. мне ужасно подумать, что на открытии моего памятника будут камер-юнкеры.

5. был рационалист, но, грешный человек, любил, когда в церкви звонили.

6. отец — генерал известный, хорошие картины, дорогая мебель; он умер; дочери его получили воспитание, но нечистоплотны внешне, читают мало, ездят верхом, скучны.

7. честны и не лгут, пока не нужно.

8. богатый купец хочет, чтобы у него ватерклозет был с душем.

9. <богатый барин всегда говорит: меня мужик любит.>

10. рано утром ели окрошку.

11. на улице живут только старухи; и потому она назыв. Грибная.

12. когда потеряешь этот талисман, ск[азала] бабушка, то умрешь. И вдруг я потерял, я долго мучился, боялся смерти. И вот, можете себе представить, совершилось чудо: я нашел талисман и остался жив.

13. каждый идет в театр, чтобы, глядя на мою пьесу, научиться чему-нибудь тотчас же, почерпнуть какую-нибудь пользу, а я вам скажу: некогда мне возиться с этой сволочью.

14. все новое и полезное народ ненавидит и презирает: он ненавидел и убивал врачей во время холеры, и он любит водку; по народной любви или ненависти можно судить о значении того, что любят или ненавидят.

15. гованская цыгара.

16. глядя в окно на покойника, которого несут: — ты умер, тебя на кладбище несут, а я завтракать пойду.

17. чех Вшичка.

18. 40-летний женился на 22-летней, которая читала только писателей последнего времени, носит зеленые банты, спит на желтых подушках, и верит

в свой вкус, и свое мнение высказывает, как закон, она и хороша, и не глупа, и смирна, но он расходится с ней.

19. Когда хочется пить, то кажется, что выпьешь целое море — это вера; а когда станешь пить, то выпьешь всего стакана два — это наука.

131 1. для водевиля: Фильдекосов, Попрыгуньев.

2. раньше человек хороший, с правилами, любивший, чтобы его уважали, уходил в генералы, в попы, а теперь он идет в писатели, профессора.

3. нет ничего такого, чего бы история не освящала.

4. Зевуля.

5. хороший ребенок безобразно плачет, так иногда в плохих стихах узнаешь хорошего автора — человека.

6. <шкаф стоит в присутствии сто лет, что видно из бумаг; чиновники серьезно справляют ему юбилей.>

7. если хочешь, чтобы тебя любили, будь оригинален; я знаю человека, который ходил в валенках зиму и лето, и в него влюблялись.

8. Приезжаю в Ялту. Все занято. Прихожу в «Италию» — ни одного свободного номера. — А мой 35 №? — Занят. Какая-то дама. Говорят: — не угодно ли с дамой остановиться, дама ничего не имеет против. Остаюсь. Разговор. Вечер. Входит татарин проводник. Мне завязывают уши, голову; я сижу, ничего не вижу и не слышу...

9. барышня жалуется: бедный мой брат получает так мало — 7 тысяч!

10. Она: — теперь я вижу только одно: у тебя большой рот! большой рот! громадный рот!

11. лошадь животное ненужное, вредное; для нее обрабатывается много земли, она отучает человека от мышечной работы, часто бывает предметом роскоши; она разнеживает ч-ка. В будущем — ни одной лошади!

12. N. певец; ни с кем не говорит, горло подвязано — бережет голос, но никто не слышал ни разу, как он поет.

13. решительно обо всем: что ж хорошего! тут ничего нет хорошего!

14. ходит в валенках зиму и лето, и объясняет это так: голове легче, так как кровь от жары оттягивает к ногам — мысли ясней.

15. женщину в шутку зовут Федор Иванович.

16. водевиль: N., чтобы жениться, вымазал плешь на голове мазью, о которой читал публикацию, и у него неожиданно стала расти на голове свиная щетина.

17. чем ваш муж занимается? — Касторку принимает.

132 1. барышня пишет: — «мы будем жить невыносимо близко от вас».

2. N. давно любит Z., к-рая вышла замуж за X.; года через 2 после свадьбы Z. приходит к N., плачет, хочет поговорить; N. по всему ждет жалоб на мужа; но оказывается, что Z. пришла поговорить о своей любви к K.

3. N. известный адвокат в Москве: Z. родился там же, где и N., в Таганроге; приехав в Москву, идет посмотреть знаменитость; его радушно принимают, но он вспоминает гимназию, где учился с N., вспоминает самого N. в мундире, волнуется от зависти, видит, что и квартира-де плоха, что и N. много говорит, и уходит разочарованный от зависти и своей подлости, которой он раньше и не подозревал у себя.

4. название пьесы: Летучая мышь.

5. все, чего не могут старики, запрещено или считается предосудительным.

6. он женился уже сильно пожилым на молоденькой, и та так и зачахла и захирела с ним.

7. всю жизнь писал о капитализме, о миллионах, а денег никогда не было.

8. барыня влюбилась в красивого городского.

9. присяжного поверенного выкреста N. назвали жидишкой.

10. N. был очень хороший, ценный портной, но его губили и сгубили мелочи: то шил пальто без карманов, то ставил очень высокий воротник.

11. водевиль; агент общества транспортирования кладей и страхования от огня.

12. всякий человек может написать пьесу, которую можно поставить.

13. человек дурного тона.

14. Имение. Зима. N. больной сидит у себя. Вечером со станции вдруг приезжает неизвестная Z., молодая девушка, представляется и говорит, что она приехала ходить за больным N. Этот сконфужен, испуган, отказывается, тогда Z. говорит, что все-таки она останется ночевать. Проходит день-два, и она все живет. Характер у нее невыносимый, она отравляет существование.

134

1. Отдельный кабинет. Богатый Z., повязывая на шею салфетку, трогая вилкой стерлядь: — «закушу, хоть перед смертью» — и так уж давно, каждый день.

2. своими рассуждениями о Стриндберге и вообще о литературе Л. Л. Толстой очень напоминает Лухманову.

3. опечатка: вместо пива — цива.

4. Дедлов, когда говорит о вице-губернаторе и губернаторе, то становится романтиком, напоминая «Приезд вице-губернатора» в сборнике «Сто русских литераторов».

5. Пьеса: «Боб жизни».

6. а, коновал, жеребьячьего звания.

7. мой папа имел до Станислава 2-й степени включительно.

8. консуляция.

9. тяжело жить человеку на этом свете... после обеда... желаю вам всевозможных бед, печалей и напастей... избежать...

10. солнце светит, а в душе моей темно.

11. В С. познакомился с адвокатом Z. — вроде Ники Прекрасного. Много детей, со всеми ими он наставителен, нежен, ласков, ни одного грубого слова; скоро узнаю — есть у него еще другая семья; потом зовет он меня на венчание своей дочери; молится и говорит, сделав земной поклон: — «во мне сохранилось еще религиозное чувство, я верую». И когда при нем говорят о воспитании, о женщинах, у него наивное лицо, точно не понимает. Когда говорит в суде речь, умоляющее лицо.

12. — мамаша, вы не показывайтесь гостям, вы очень толстая.

13. N. все время от утра до ночи чай пьет.

14. любовь? влюблен? Никогда, я коллежский асессор.

15. Знает мало, как младенец, не вышедший из чрева матери.

16. у N. страсть к шпионству с детства до глубокой старости.

17. — говори умные слова, вот и все... философия... экватор... (для пьесы).

18. Звезды погасли уже давно, но все блестят для толпы.

135 1. едва сделался ученым, как стал ждать чествования.

2. был суфлером, потом опротивело, бросил; лет 15 не ходил в театр, потом пошел, видел пьесу, заплакал от умиления, стало грустно, и когда жена спросила дома, как ему понравилось в театре, ответил: «не правится мне!»

3. горничная Надя влюбилась в морильщика тараканов.

4. статский советник, оказалось после его смерти, ходил в театр лаять собакой, чтобы получить 1 р.; был беден.

5. была неволя!

6. вы должны иметь приличных, хорошо одетых детей, а ваши дети тоже должны иметь хорошую квартиру и детей, а их дети тоже детей и хорошие квартиры, а для чего это — черт его знает.

7. Перкатурин.

8. каждый день производит себе рвоту — для здоровья, по совету друга.

9. тетушка Степанида Семеновна.

10. инженер-технологу 43 года, но он еще не нашел себе места и служит в конторщиках.

11. Чиновник зажил особенной жизнью; на даче очень высокая труба, зеленые панталоны, синяя жилетка, выкрашенная собака, обед в полночь; через неделю все это бросил.

12. в шутку телеграфистке Z., незаконнорожденной, сказали, что N. ее отец, она поверила.

13. Успех уже лизнул этого человека своим языком.

14. N. обеднял.— Как? Не слышу.— Я говорю: N. обеднял.

— Что собственно ты говоришь? Я не понимаю. Какой N.?

— Тот N., который женат на Z.— Так что же? — Я говорю, что ему надо бы помочь.— А? кому это ему? Почему помочь? в каком смысле? и т. д.

15. В счете, поданном хозяином гостиницы, было между прочим: клопы 15 коп. Объяснение.

16. неудобный человек.

17. Как приятно сидеть дома, когда по крыше стучит дождь и когда знаешь, что в доме твоём нет тяжелых, скучных людей.

136 1. N. всегда, даже после 5 рюмок водки, принимает валериановые капли.

2. он живет с горничной, которая робко величает его ваше высокоблагородие.

3. я нанял под дачу усадьбу; владелица, очень полная, пожилая дама, жила во флигеле, я в большом доме; она потеряла мужа, всех детей, была одинока, очень толста, имение продавалось за долги, обстановка у нее старая, вкусная; все читала письма, которые писали ей когда-то муж и сын. И все-таки оптимистка. Когда у меня заболел кто-то, она, улыбаясь, все говорила: — «милый, бог поможет!»

4. N. и Z.— институтские подруги, каждой по 17—18 лет; и вдруг N. узнает, что Z. забеременела от ее отца, г. N.

5. Цвищенник пришел... цвитой, цлава тебе господи...

6. какие пустые звуки — эти разговоры о правах женщин! Если собака напишет талантливо, то ведь и собаку признают.

7. Кровохаркание: — это в тебе прорвало нарыв... ничего, выпей еще водочки.

8. интеллигенция никуда не годна, потому что много пьет чаю, много говорит, в комнате накурено, пустые бутылки...

9. Для пьесы: Анна Егоровна.

10. В молодости ушла с евреем-доктором, имела от него дочь; теперь ненавидит свое прошлое, ненавидит рыжую дочь, отец все еще любит и ее и дочь, и ходит под окнами, полный, красивый.

11. почистил зубы и положил зубочистку обратно в рюмку.

12. Супругам плохо спится; разговорились о том, как плоха стала литература и что хорошо бы издавать журнал; эта идея увлекла обоих; полежали, помолчали.— Боборыкина пригласить? — спросил он.— Конечно, пригласи.— В пятом часу утра он отправляется на службу в депо, она провожает по снегу до ворот, запирает за ним. «А Потапенку пригласить?» спрашивает он уже за калиткой.

13. Когда он узнал, что отец его получил дворянство, то стал подписываться так: Алексей.

137 1. Учитель: «крушение поезда с человеческими жертвами»... Это не так. Надо: «крушение поезда, имевшее своим последствием человеческие жертвы»... «по причине собравшихся гостей»...

2. название пьесы: Золотой дождь.

3. Ни одна наша смертная мерка не годится для суждения о небытии, о том, что не есть человек.

4. патриот: «а вы знаете, что наши русские макароны лучше, чем итальянские! Я вам докажу! Однажды в Ницце мне подали севрюги — так я чуть не зарыдал!» И сей патриот не замечал, что он патриотичен только по съедобной части.

5. N. любит часто говорить: во-первых, во-вторых...

6. недовольный: разве индюшка пища? разве икра пища?

7. У очень умной, ученой барышни, когда она купалась, он увидел узкий таз и тощие жалкие бедра — и возненавидел ее.

8. Часы. У слесаря Егора часы то отстают, то бегут вперед, точно назло, умышленно показывают то 12, то вдруг 8. Это они по злобе, точно в них нечистый. Слесарь старается поймать причину, окунул раз в святую воду...

9. Прежде герои повестей и романов (Печорин, Онегин) были 20 лет, а теперь нельзя брать героя мо-

ложе 30—35 лет. То же самое скоро будет и с героинями.

10. N. сын знаменитого отца; он хорош, но что бы он ни сделал, все говорят: да, но все-таки это не отец. Однажды он участвовал в вечере, читал, все имели успех, а про него говорили: да, но все-таки это не отец. Вернувшись домой и ложась спать, он взглянул на портрет отца и погрозил ему кулаком.

11. Мы хлопочем, чтобы изменить жизнь, чтобы потомки были счастливы, а потомки скажут, по обыкновению: прежде лучше было, теперешняя жизнь хуже прежней.

138 1. Мой девиз: мне ничего не нужно.

2. Теперь, когда порядочный рабочий человек относится критически к себе и своему делу, то ему говорят: нытик, бездельник, скучающий; когда же праздный пройдоха кричит, что надо дело делать, то ему аплодируют.

3. Когда женщина разрушает, как мужчина, то это находят естественным и это все понимают, когда же она хочет или пытается создавать, как мужчина, то это находят неестественным и с этим не мирятся.

4. Когда я женился, я стал бабой.

5. взглянул на мир с высоты своей подлости.

6. — ваша невеста хорошенькая! — для меня все одинаковы.

7. Герасим Ящерица.

8. Он мечтал о том, чтобы выиграть 200 тысяч 2 раза подряд, так как 200 тысяч для него было бы мало.

9. N., отставной д. с. с., живет в деревне, ему 66 лет. Он образован, либерален, читает, любит поспорить. От гостей слышит, что новый следователь Z. ходит в одной туфле и в одном сапоге и живет незаконно с какой-то особой. N. все время думает о Z., все время говорит о нем, как это он-де ходит в одной туфле и живет с чужой женой; все говорит об этом, наконец даже идет к своей жене спать (он не спит с ней уже 8 лет), волнуется и все говорит об Z. Наконец его хватает удар, отнимается рука и нога — все от волнения. Доктор. Разговор и с ним о Z. Д-р

говорит, что он знаком с Z., что Z. носит уже два сапога (нога уже здорова) и женился на своей даме.

10. Мне хочется, чтобы на том свете я мог думать про эту жизнь так: то были прекрасные видения.

11. Помещик N., глядя на студента и 17-летнюю девушку — детей своего управляющего Z., думает: — ведь Z. ворует у меня, широко живет на краденые деньги, студент и девушка знают это или должны знать, отчего же они имеют такой порядочный вид?

139

1. Скважина!

2. она любит слово компромисс и часто употребляет его: «я не способна на компромисс»... «доска, имеющая форму параллелепипеда»...

3. потомств. поч. гражд. Озябушкин постоянно старается дать понять, что предки его имели право на графское достоинство.

4. по этой части он съел собаку, — ох, ах, не говорите так, наша мама очень брезглива.

5. — теперь я за третьим замужем... Первого звали Иван Макарычем... второго Петр... Петр... за-была!

6. Писатель Гвоздиков думает, что он очень знаменит, что его знают все. Приехал в С., встречается с офицером, к-рый долго жмет ему руку, восторженно глядя в лицо. Г. рад, тоже горячо жмет руку... Наконец офицер спрашивает: «а как ваш оркестр? ведь вы капельмейстер?»

7. утро; у N. усы завернуты в бумагу.

8. и ему казалось, что его везде уважают и высоко ценят, везде, даже в железнодорожных буфетах, и потому он ел всегда с улыбкой.

9. поют петухи, и уже кажется ему, что они не поют, а ноют.

10. отец семейства N. слушает, как сын студент читает вслух семье Ж.-Ж. Руссо, и думает: «Как бы там ни было, у Ж.-Ж. Руссо золотой медали на шее не было, а у меня вот есть».

11. Презрения достоин

Мой меркантильный путь.

12. N. кутит с пасынком-студентом, потом едет в дом терпимости. Утром студент уезжает, пора ему

уехать, N. провожает. Студент читает нотацию за дурное поведение, ссорятся. N.: — я тебя, как отец, проклинаю.— И я тебя проклинаю.

13. врача пригласить, а фельдшера позвать.

140 14. Н. Н. В. никогда не соглашается ни с чьим мнением — «да, это потолок белый, допустим, но белый цвет, насколько || известно, состоит из семи цветов спектра, и очень возможно, что здесь один из этих цветов темнее или светлее, чем нужно для того, чтобы был белый цвет; я сначала подумал бы, прежде чем сказать, что он белый».

1. он держится, точно икона.

2. — вы влюблены? — есть отчасти.

3. что бы ни случилось, он говорит: — это все попы.

4. Фырзиков.

5. N-у снится, что он едет из-за границы и что в Вержболове берут с него пошлину за его жену, не смотря на его протесты.

6. Когда этот либерал, пообедав без сюртука, шел к себе в спальню и я увидел на его спине помочи, то было так понятно, что этот либерал — обыватель, безнадежный мещанин.

7. кто-то видел, как Z., человек неверующий, кощунствующий, тайно молился в соборе перед иконой, и потом все его поддразнивали.

8. зовут антрепренера четырехтрубным крейсером, потому что он уже четыре раза в трубу вылетал.

9. он не глуп, учился долго и прилежно, был в университете, но пишет с грубыми ошибками.

10. ненавидит телефон и велосипеды, хотя и умен.

11. воспитанница графини Надин мало-помалу обратилась в экономку, очень робка и умеет говорить только «нет-с» и «да-с», и руки у нее постоянно дрожат. Как-то посватался земский начальник, вдовец, она вышла за него; тоже «да-с» и «нет-с», очень боялась своего мужа и не любила его; раз как-то он громко кашлянул, она испугалась и умерла.

12. она ласкается к любовнику: — мой коршун!

13. шепотом почтительно: он на двух факультетах курс кончил!

14. Перепентьев.

15. пьеса: ты бы хоть смешное рассказал что-нибудь, а то 20 лет живем вместе — и все о серьезном; возненавидела я это серьезное.

16. Кухарка врет: я в гимназии училась (она с папироской)... жнаю, жачем жемля круглая

141

1. Стулья на высоких ножках: нужно сидеть, не касаясь пола, иначе с годами может произойти искривление спинного хребта.

2. ...что совершается следующим образом...

3. «Общество отыскания и поднятия якорей с речных пароходов и барж», и представитель этого общества обязательно на всех юбилеях читает речь à la Сахаров и обязательно обедает.

4. сверхмистицизм.

5. когда я разбогатею, то открою себе гарем, в котором у меня будут голые толстые женщины, с ягодицами, расписанными зеленой краской.

6. робкий молодой ч-к приехал в гости, остался ночевать; вдруг вошла старуха лет 80, глухая, с клистирной кружкой и поставила ему клистир; он, думая, что это так принято, не протестовал; наутро оказалось, что старуха ошиблась.

7. фамилия: Верстак.

8. чем человек (кресть[янин]) глупее, тем легче его понимает лошадь.

КНИЖКА ВТОРАЯ

1892—1897

- 11 1. <De gustibus aut bene, aut nihil¹.>
2. <Попали в запендю.>
- 12 1. <Поликрат.>
2. <Гроб для Ольги. У гробовщика умирает жена; он делает гроб. Она умрет дня через три, но он спешит с гробом, потому что завтра и в следующие затем
- 13 дни — праздник, напр. пасха. || На 3-й день она все-таки не умерла; приходят покупать гроб. Он, находясь в неизвестности, продает; она умирает. Он бранит ее, когда ее соборуют. Когда она умирает, он записывает гроб в расход. С живой жены снял мерку. Она: помнишь 30 лет назад у нас родился ребенок с белокурыми волосиками? Мы сидели на речке. После ее смерти он пошел на речку; за 30 лет верба значительно выросла.>
- 14 1. 6072: Кружок — 77
Мельников — 53
6063: Потоцкая — 31
Обед — 29
6073: Хор[ошая] новость — 111
6074: Фигнер — 16
6075: Речь министра — 51

¹ О вкусах — или хорошо, или ничего. Сочетание двух латинских изречений: «О вкусах не спорят» и «О мертвых — или хорошо, или ничего».

2. Убийство. Труп в овраге. Следователь молодой, неопытный. Маленький городок. Ищет убийцу долго и не находит. Сосед лавочник приходит и говорит: дай тысячу рублей, найду убийцу; у меня много || знакомых. Получив тысячу: я убийца... И смеется. Следователь не может доказать, что он убийца, и подает в отставку.
- 17 1. Обед медиков 84 г. 25 мая.
2. Спросить у Сабанеева «Ландсберг на охоте». Быть может, тогда же на охоте, при виде зверских операций, определилось уже будущее Ландсберга.
- 19 1. <Благоволите донести Одесск. градоначальнику об неимении препятствий отъезду за границу.>
- 21 1. Молодая, очень приличная девушка из хорошей
- 22 семьи, дешевле 15 руб. не берет. || <Обо всем этом слышит брат девушки, мальчик, который лежит на кровати и делает вид, что он спит. Потом, лет через 20—30, когда в обществе заходит речь о сытости, он рассказывает об этом и сознается, что он ничего не сделал потом для бедных, хотя был потрясен слышанным. Разговор в компании начинался так:
— Господа, все мы когда-то были бедны и возмущались, теперь мы богаты, но сделали ли мы что-нибудь для бедных?>
- 23 1. К пьесе:
Из Тургенева: здравствуй, моя жена перед богом и людьми!
2. Наборщик Сеня, прозванный Чижиком и Чижичком.
- 33 1. Только никому не говорите, что я пью. Ж-ны пьют чаще, чем вы думаете.
- 35 1. <11 февраля юбилей Русск. мысли.>
2. <Он пошел домой и все такое, я сел обедать и так далее.>
3. Мисюсь: — Я так уважаю и люблю сестру, что не хотела бы ее оскорбить и обидеть.
- 37 1. <Понятная вещь.>
2. <Треплев не имеет определенных целей, и это его погубило. Талант его погубил. Он говорит Нине в финале: — Вы нашли дорогу, вы спасены, а я погиб.>

- 38 1. <Дочь про отца: он и теперь иногда ходит за кочегара, но ведь это забава.>
- 40 1. <В Кисловодск приехал 24 августа.)
2. Дама с мопсом.
3. <23 авг. выехал из Таганрога, Ростов, Нахичевань.>
4. <Мы почти всегда извиняем то, что понимаем (Лермонтов).>
5. <Под 29 авг. ночевал на Бермамуте.>
- 41 1. 1 сентября 96 г. на ст. Минеральные воды шел «Медведь».
- 43 1. «Каштанка» 9 л.
«Повести и рассказы» 30 л.
«Сумерки» 16 л.
- 46 1. <Муж все сопел, обзывал гостя милым, дорогим. Он был знаком с ж. врачом, когда она еще была девочкой, тогда она была умна, теперь же постарела и многого не понимает.>
- 47 1. <У мужа однобортный куцый пиджак застегнут так, что, кажется, лопнет под напором толстой груди.>
2. <Докторша затянута в корсет, большие рукава.>
3. <Муж все время озабочен тем, как удовлетворить свою животную натуру.>
- 48 1. <В пос[ледней] книжке Русской мысли ст[атья] Феликсова «Педаг. курсы». Кто он и чем занимается?>
- 93 1. Палата № 6.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

1897—1904

На обложке.

1. <Вишневый сад.>
2. для пруда: рыба-кошка или американский сом.
- 1 1. <15 ф[евраля]. Обед. Блины у Солдатенкова. Поехали к Левитану. Купили картин на 1 100 р.>
2. <13-го обед у В. А. Морозовой.>
3. <16 февр. вечером в ред. Р[усской] м[ысли] совещание о народном театре.>
4. <18 обед в Континентале. Скучно и нелепо.>
- 3 1. <Поговорить с Голяшкиным о том, что приговоры, написанные самими крестьянами, не утверждаются.>
2. <Купить для Михайлова хрестоматию Покровского.>
3. <Надежда Грачева: ручку, промокат. бумагу. Григорий Барабанов: ручка, карандаш.>
4. <Говорят о нуждах и кормах, потом начинают ссориться, есть друг друга; они друг другу не верят, боятся. Кто кабак держит и спаивает народ? Мужик. Кто растратил школьные деньги? Мужик. Кто в собраниях говорит против мужиков? Мужик.>
- 4 1. <28 приходил Толстой.>
- 8 1. <Крыж.: Семейная жизнь имеет свои неудобства. Балкон, чайку попить.>
- 10 1. <Корректурa «Мужиков» была получена впервые 13 июня в листах, а не в полосах.>

- 11 1. Мировой съезд — съест.
- 14 1. Институтка: «25 горячих!» Отец обманывает ее, что прислугу еще дерут.
- 16 1. <Очевидно, есть прекрасное, вечное, но оно вне жизни; надо не жить, слиться с остальным (?), потом в тихом покое равнодушно смотреть.>
- 17 1. <Крик: Он имеет успех у ж-н, про него говорят, что он идеалист.>
- 18 1. <18 ноября вешался в осеннем пальто, в шляпе, с палкой — 72 кил.>
2. <Три совы. От выстрела упали все три. Почему? — Сов-падение.>
- 19 1. <Этот Культяпкин глуп.>
- 20 1. <Молодая баронесса нарочно опоздала к завтраку, чтобы показать нам свою новую шляпу.>
- 30 1. <26 приезжал Собол.>
- 31 1. Тверь. Тверская мануфактура. Попову. Еду Поповское. Прошу лошадей.
2. <Ионыч. Ожирел. По вечерам ужинает в клубе за большим столом и, когда заходит речь о Туркиных, спр[ашивает]:
— Это вы про каких Турк.? Про тех, у которых дочка играет на фортепьянах.
Практикует в городе очень, но не бросает и земства: одолела жадность.>
- 33 1. <У дьявола (фабрика)
2. собака, похожая на свинью
3. дер-дер-дер
дрин-дрин-дрин
жак-жак-жак.>
- 35 1. <«Зимние слезы».
«Житейская мелочь».
«На страстной неделе».
«Страхи».
«В лесу».>
2. <Крыж.: от сытости начинается либеральная умеренность.>
- 36 1. <Господа, даже в человеческом счастье есть что-то грустное!>
2. <Надобно воспитывать в людях совесть и ясность в уме.>

3. <Самомнение развилось, уже ему наша фамилия Ч[имша]-Г[ималайский] казалась звучной и великолепной.>
4. <Умеренный либерализм: нужна собаке свобода, но все-таки ее нужно на цепи держать.>
5. <Все-таки протестует одна только статистика.>
- 37 1. <у мужа смиренный вид, точно его привели продавать.>
2. <женится Н. Мать и сестра видят в его жене тьму недостатков и лишь через 2—3 года убеждаются, что она такова же, как они.>
- 43 1. <Эта девица меня раздражает.>
2. «Брак по расчету». «Р[азвлечение]». 84, № 43.
«Страшная ночь». «Р[азвлечение]» 84, № 50.
«Лишние люди». «П[етербургская] г[азета]». 86, № 169.
«В потемках». «П[етербургская] г[азета]». 1886, № 253.
- 45 1. 4-го янв. поздравить врачей через Куркина.
2. <Н. Ф. Корш сделать попечительницей поближе к Никольск.-Лысцово Алексинского уезда.>
3. Владимир Аркадьевич Теляковский.
- 46 1. XII 1899 — 10 тыс.
I 1900 — 20 тыс.
XII 1900 — 10 тыс.
I 1901 — 15 тыс.
2. <Ольга Леонардовна Книппер.>
3. <Рокс[анова] Мария Людомировна. Петровские ворота. д. Золоторского.>
- 52 1. <Я должен Синани 1 экз. «В сумерках».>
- 54 1. <4 октября юбилей Джаншиева.>
- 60 1. Бермамут.
- 65 1. <Прежде были войны, походы, теперь этого не хватает, нужно заменить чем-нибудь однородным.>
- 66 1. <25 ноября юбилей Михайловского, послать телеграмму в Москву, Литературн. Худож. Кружок.>
2. <Как ваше здоровье? — Как масло коровье.>
3. <Нат[аша] играет «Молитву девы».>
- 70 <Школа пропадет, если Кругликов не будет директором.>
- 71 1. <Ослицын.>

2. <Мастер гробов.>
- 79 1. для пьесы: не шипи.
- 80 1. <Воскресенье 17. Лакей: — рыбу ловить — это невежество! лет 40 назад здесь не было ни одной деревни, а теперь...>
- 81 1. <«Конец мечтам» — Витте Епиходов.>
- 82 1. <Почему так? Раз хороший человек, то уж дурно одевается, не бережет свое здоровье.>
2. Из Люцерна на Риги-Кульм.
3. Трунти-пунти-перепунти.
4. <Отец Лоп[ахина] был крепостным у Т[ербецкого].>
5. <Фирс: — перед несчастьем так гудело.— Перед каким несчастьем? — Перед волей.>
6. <Мужики стали пить шибко — Л[опахин]: это верно.>
- 83 1. <Гаев-Тербецкий.>
2. <Лоп.: купил себе именишко, хотел устроить покрасивее и ничего не придумал, кроме дощечки: вход посторонним строжайше запрещается.>
3. <II: мать:— где это играет музыка? — не слышу.>
4. <Лоп. Ришу: — в арестантские бы тебя роты.>
- 84 1. <15 июля юбилей Короленко.>
2. <Мы не знаем труда настоящего.>
3. Бунин и Бабурин (Найденов.)
- 86 1. Подкатит брюки.
2. Общество вспомоществования учащимся женщинам в Москве.
3. По крайней мере.
4. <Комитет по оказанию помощи больным и раненым на Д. Востоке.>

[ЗАПИСИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТКАХ]

Л. 1.

СВАДЬБА

Женится этот Петя самый на Елене Петровне Смурьгиной, а она, понимаете ли, дочь чиновника, который только шесть лет назад получил дворянство. На ее гербе должны быть судак, лещ, бутылка сивухи, так как дед ее торговал в Харькове рыбой, понимаете ли, а отец служил по акцизу. Старик же Боев, как хотите, настоящий столбовой, женат на графине, гофмейстер и прочее. Его предок Казань брал некоторым образом. Но все-таки, я полагаю, главная причина тут не мезальянс, а то, что молодому Боеву, Пете-то этому самому, только двадцать четвертый год. В такие годы нужно не жениться, а учиться. На месте отца я высек бы его розгами...

Л. 2.

Соломон (*один*). О, как темна жизни! Никакая ночь во дни детства не ужасала меня так своим мраком, как мое непостижимое бытие. Боже мой, отцу Давиду ты дал лишь дар слагать в одно слова и звуки, петь и хвалить тебя на струнах, сладко плакать, исторгать слезы из чужих глаз и улыбаться красоте, но мне же зачем дал еще томящийся дух и не спящую, голодную мысль? Как насекомое, что родилось из праха, прячусь я во тьме и с отчаянием, со страхом, весь дрожа и холодея, вижу и слышу во всем непостижимую тайну. К чему это утро? К чему из-за храма

выходит солнце и золотит пальму? К чему красота жен? И куда торопится эта птица, какой смысл в ее полете, если она сама, ее птенцы и то место, куда она спешит, подобно мне, должны стать прахом? О, лучше бы я не родился или был камнем, которому бог не дал ни глаз, ни мыслей. Чтобы утомить к ночи тело, вчера весь день, как простой работник, таскал я к храму мрамор, но вот и ночь пришла, а я не сплю... Пойду опять и лягу. Форзес говорил мне, что если вообразить бегущее стадо овец и неотступно думать о нем, то мысль смешается и уснет. Я это сделаю... (Уходит.)

Л. 3.

...лучом благодати твоей просвети мою душу.

Она читала молитву, написанную на листке почтовой бумаги и сочиненную одним стариком, товарищем ее покойного мужа. Эта молитва была тем хороша, что в ней в сжатой форме и на обыкновенном разговорном языке говорилось обо всем, что нужно: и о счастье, и о детях, и о сомнениях, и об усопших. Ольга Ивановна молилась редко и всякий раз находила в этой молитве все новые и новые прелести. Теперь ей особенно понравилось выражение, которого она раньше как-то не замечала: «Солнце светит, а в душе моей темно». Зеленые и красные окошечки лампадки отражались в золотой ризе маленькой иконы, и это было так красиво и ласково, что Ольга Ивановна пожалела, что дочитала до конца молитву и что ей уже не о чем говорить богу.

Алеше не хотелось спать. Сегодня утром он был в аптеке и видел мертвеца, потом пять часов, не слезая, просидел на лошади и сильно озяб, потом завтракал с одним товарищем и выпил бутылку вина; обедал он не дома и тоже пил вино, потом, вернувшись домой, долго ходил по комнатам и думал; когда мать и сестра приехали из театра и привезли с собой Ивашина, он очень обрадовался и не заметил, как прошло время. Теперь он почувствовал, что ему чего-то недостает и что-то еще нужно. Весь день он молчал, и ему хотелось теперь говорить, но говорить долго, часа три...

«...[ска]зал:

— Мама все говорит о бедности. Все это странно. Во-первых, странно, что мы бедны, побираемся, как нищие, и в то же время отлично едим, живем в этом большом доме, на лето уезжаем в собственную деревню и вообще не похожи на бедняков; очевидно, это не бедность, а что-то другое, похуже; во-вторых, мне странно, что вот уже десять лет всю свою энергию мама тратит только на то, чтобы доставать деньги на уплату процентов; если бы, мне кажется, эту страшную энергию мама тратила на что-нибудь другое, то мы имели бы уже двадцать таких домов; в-третьих, мне странно, что самую тяжелую обязанность в семье несет мама, а не я. Для меня это самое странное и ужасное. У нее, как она сейчас сказала, гвоздик в голове, она просит, унижается, долги наши растут с каждым днем, а я до сих пор палец о палец не ударил, чтобы помочь ей! И что я могу сделать? Я думаю, думаю, и ничего не понимаю. Я вижу ясно только, что мы быстро летим вниз по наклонной плоскости, а куда — черт его знает. Говорят, что нам грозит бедность, а в бедности будто бы позор, но я и этого не понимаю, так как никогда не был бедным.

К старым отживающим креслам, стульям и кушеткам Ольга Ивановна относилась с такою же почти-тельной нежностью, как к старым собакам и лошадям, и комната ее была поэтому чем-то вроде богадельни для мебели. Около зеркала, на всех столах и этажерках стояли фотографии неинтересных, наполовину забытых людей, на стенах висели картины, на которые никто никогда не смотрел, и всегда в комнате было темно, потому что горела только одна лампа с синим абажуром.

1. то, что тетушка страдает и не морщится, производило на него впечатление фокуса.

2. <в древности, когда был антропоморфизм и уподобление стихийных сил и богов человеку, поклоне-

ние пластике и красоте ч-ского тела имело смысл, теперь же, когда мы имеем систему мироздания и т. д. >

3. О. И. была в постоянном движении; такие ж-ны, как пчелы, разносят оплодотворяющую пыль...

4. Не женися на богатой — бо выжене с хаты; не женися на убогой — бо не будешь спаты, а женись на вольной воле, на казацкой доле.

5. Алеша: часто я слышу, как говорят: до свадьбы поэзия, а там — прощай, иллюзия. Как это бессердечно и грубо.

6. Пока ч[елове]ку нравится плеск щуки, он поэт; когда же он знает, что этот плеск не что иное, как погоня сильного за слабым, он мыслитель; когда же он не понимает, какой смысл в погоне и зачем это нужно равновесие, к-рое достигается истреблением, он опять становится глуп и туп, как в детстве. И чем больше знает и мыслит, тем глупее.

Л. 7.

1. Ивашин любил Надю Вишневскую и боялся этой любви. Когда швейцар сказал ему, что барыня только что уехала, а барышня дома, он порывлся в шубе и во фраке, достал визитную карточку и сказал: — Отлично...

Но было совсем не отлично. <Когда он выехал> Выезжая утром из дому делать визиты, <то ему казалось> он думал, что к этому побуждали его условия светской жизни, которыми он тяготился, теперь же <он понимал> ему было понятно, что выехал он делать визиты только потому, что где-то далеко в глубине души, словно под вуалью, таилась в нем надежда, что он увидит Надю... И ему стало вдруг жаль, грустно, немножко страшно...

2. А у него на душе, как казалось ему, шел снег и все уже увяло. Он боялся любить Надю, потому что был стар для нее, считал свою наружность непривлекательною <и потому что> и не верил, чтобы такие молодые девушки, как Надя, могли любить мужчин только за ум и душевные качества. Но все-таки у него иногда бродило в душе что-то похожее на надежду. Теперь же, с той минуты <когда впереди затихли>,

как прозвучали и потом затихли офицерские шпоры, затихла и его робкая любовь... Все было кончено, <и он> надежда невозможна... «Да, теперь все кончено, думал он. Я рад, очень рад...»

3. Своею женою он воображал не Надю, а почему-то всегда полную даму с высокой грудью, покрытой венецианскими кружевами.

Л. 8.

1. <Тет. про Жд.: он ей нравится, а ему все равно, и если он не хочет, то и не нужно!>

2. <Ив. по возвращении от Виш. гов. Я-у: в баню <лень> <идут> идешь, то словно подвиг совершаешь, а вернешься, и хорошо; так идти к В. лень, не хочется, а <вер> сходишь к ним и тоже хорошо.>

3. <Вся жизнь должна состоять из того, чтоб предвидеть (Ялта).>

4. <Чтобы решать вопросы о богатстве, смерти и пр., нужно сначала ставить эти вопросы правильно, а для этого нужна положительная умственная и душевная работа.>

5. <Эти девы дурачат тетушку.>

6. <про тетушку: она любит не меня, а свои обязанности по отношению ко мне.>

7. <Про офицера Лизе: не люблю я такой музыки; судя по ней, этот молодой человек большой педант.>

8. <В комнате у матери кресло с ямкой.>

9. <Стремление любить непременно чистых <это эгоистическая любовь> обличает эгоизм: искать в женщине того, чего во мне нет, это не любовь, потому что любить надо равных себе.>

10. <Это ты? Это ты?>

11. Комитет грамотности.

По выбору комитета грамотности

12. <Москва — город, которому придется много страдать.>

13. <Ив. в библиотеке говорит: какое наслаждение уважать людей! Мне <нет де>, когда я вижу книги, нет дела до того, как авторы любили, играли в карты, я вижу только их изумительные дела. Все бледнеет перед книгами.>

Л. 9.

У писарей в канцелярии начальника острова с похмелья болят головы. Хочется выпить. Денег нет. Что делать? Один из них, каторжник, присланный за фальшивые бумажки, изобретает способ. Он идет в церковь, где на клиросе поет бывший офицер, присланный за пощечину, и говорит ему, запыхавшись:

— Идите, вам пришло помилованье. Телеграмму сейчас в канцелярии получили.

Бывший офицер бледен, дрожит, еле идет от волнения.

— А за такое известие с вас на водку следовало бы,— говорит писарь.

— Возьми все! Все.

И отдает ему рублей пять... Приходит в канцелярию. Офицер боится умереть от радости и держится за сердце.

— Где телеграмма?

— Бухгалтер спрятал. (Идет к бухгалтеру.)

Общий смех и приглашение выпить.

— Какой ужас!

Потом офицер неделю болен.

Л. 10.

у Кербалая русская сожительница Лопушина. Имеет от нее трех детей.

Л. 11.

...как глупо, а главное — фальшиво, потому что, когда один человек хочет съесть другого или сказать ему неприятное, то Грановский тут решительно ни при чем.

Вышел я от Григория Ивановича, чувствуя себя побитым и глубоко оскорбленным. Я был раздражен против хороших слов и против тех, кто говорит их, и, возвращаясь домой, думал так: одни бранят свет, другие толпу, хвалят прошлое и порицают настоящее, кричат, что нет идеалов и т. п., но ведь все это было и двадцать — тридцать лет назад, это отживающие формы, уже сослужившие свою службу, и, кто повторяет их теперь, тот, значит, не молод и сам отживает,

с прошлогоднею листвою гниют и те, кто живет в ней. Я думал, и мне казалось, что мы некультурные, отживающие люди, банальные в своих речах, шаблонные в намерениях, заплеснели совершенно и что пока мы в своих интеллигентных кружках роемся в старых тряпках и, по древнему русскому обычаю, грызем друг друга, вокруг нас кипит жизнь, которой мы не знаем и не замечаем. Великие события застанут нас врасплох, как спящих дев, и вы увидите, что купец Сидоров и какой-нибудь учитель уездного училища из Ельца, видящие и знающие больше, чем мы, отбросят нас на самый задний план, потому что сделают больше, чем все мы вместе взятые. И я думал, что если бы теперь вдруг мы получили свободу, о которой мы так много говорим, когда грызем друг друга, то на первых порах мы не знали бы, что с нею делать, и тратили бы ее только на то, чтобы обличать друг друга в газетах в шпионстве и пристрастии к рублю и запугивать общество уверениями, что у нас нет ни людей, ни науки, ни литературы, ничего, ничего! А запугивать общество, как мы это делаем теперь и будем делать, значит отнимать у него бодрость, то есть прямо расписываться в том, что мы не имеем ни общественного, ни политического смысла. И я думал также, что прежде чем заблестит заря новой жизни, мы обратимся в зловещих старух и стариков и первые с ненавистью отвернемся от этой зари и пустим в нее клеветой.

Л. 12.

1. <Мишка ходил так, как будто начинал первую кадриль. Богомолен. Бывает у гадалок. После случая со Сливой долго с раскаянием молился богу. Кадит у себя в к-те ладаном.>

2. <3 февраля за обедом: — А ты, д[олжно] б[ыть], имеешь большой успех у ж-н.

А[нна] А[кимовна] сильно покраснела.>

3. <Мысли ночью: Что ее так сильно тянет к рабочей среде? Грязь, клопы, вонь? Нет, это противно. Нецивилизованность? Нет, и не это. Она бы ни за что не согласилась отказаться от своего образования,

напр. от французского яз. и умения читать хорошие книги. Бедность? Нет, она не хотела бы быть бедной... Что же? А то, что-то очень здоровое, сильное, божеское, что было у ее отца и у матери, а у нее вот нет.>

4. <Адвокат, поверенный по делам завода, здоров, сыт, богат, выиграл кроме того 75 тысяч и молчит об этом, любит хорошо поесть, в особенности сыры и трюфли; говорит складно, без запинки, но изредка из кокетства тянет «мммне» и запинаясь; во все то, что он говорит на суде, он давно уж не верит, т. е., б. м., и верит, но не дает этому никакой цены: все это давно уже надоело, наскучило, старо...; он любит одно только оригинальное. Прописная мораль в оригин. форме возбуждает слезы; проповедай самый гнилой и подлый разврат, но в оригин. форме, и он в восторге. Он говорит А[нне] А[кимов]не после обеда 3-го февр.:

— Самостоятельная, независимая ж[енщи]на — я разумею богатую и молодую — должна быть умна, изящна, интеллигентна, смела и немножечко развратна... Чуть-чуть! Развратна в меру, немножко, потому что сытость есть тоже зло... Она должна не жить, как все, а смаковать жизнь; а легкий разврат есть соус к жизни...>

5. <Жены своей не любит. Влюблен в А[нну] А[кимовну] и в то же время развратничает со Сливой. Украл на шпалах 20 тыс.>

6. <А[нна] А[кимовна]: Я не люблю своего городского дома; в нем страшно — удар сделался с отцом.>

7. <Когда Пим[енов] вечером 3-го марта увидел массу карет и саней, то подумал: «Нет, то невозможно»...>

Л. 13.

1. А[нна] А[кимовна] со Сливой на простом извозчике, потом в санях — в Аркадию; смех, отдельный кабинет, таинственность, порция зернистой икры, устрицы, вино, от лакея совестно, потом разговоры в санях.

2. Пименов презирает благотворительность, считает ее недействительным средством: «Если бы каждый человек знал хорошо свое дело, не было бы бед-

ных», заводчик — знай рабочих, судья — подсудимых, механик — кочегаров...

3. <Адв[окат]: Вот вы, ваше пр[евосходительство], скажите ей, чтобы она нас как-нибудь обедать по-звала. Повар у нее удивительный.

А. А. Я не стану звать. Приходите запросто.

Адв. Кстати, именины у нее скоро... 3-го февр. Приходите, ваше пр.

К а н и ц ы н (со станисл. лентой). Сочту за приятный долг.

Адв. Миша, скажешь повару, чтобы на именины непременно был матлот из налимов. Ваше пр., делает он матлот — ну просто не матлот, а откровение.>

4. <А. А. разницы особенной между нами и рабочей средой — нет, и потому отчего бы не сравнять?>

5. Никакого капитализма нет, а есть только то, что какой-то сиволапый мужик случайно, сам того не желая, сделался заводчиком. Случай, а не капитал.

6. Адвокат посылает Мишу за закусками.

7. Голос в нос, точно в телефонной трубке слышишь.

8. Он любил Тургенева, певца <чист>³ девств. любви, чистоты, молодости, красивого слова и грустной русской природы. Но сам он любил девств. любовь не вблизи, а понаслышке, как нечто отвлеченное, существующее вне дейст. жизни.

9. Он любил литературу и знал всех даже соврем. писателей. Но совр. литер. он недолюбливал: она должна быть такою, какая есть; если она такая, то и должна быть такою, но... какой-то особый тон. Жизнь — это шествие в тюрьму. Литер. по-настоящему должна учить, как бежать, или обещать свободу, а она: как темно и сыро в тюрьме! ах, как тебе будет там скверно! ах, ты погибнешь!

10. На улице пьяный Чаликов делал ей под козырек.

11. <А. А. (кучеру): Тебя ведь уволила тетушка. У нее и проси.

Тет. Что тетушка? Ты тут хозяйка, а по мне, их, подлецов, хоть бы и вовсе не было. Ну, вставай, боров! <В другой раз.> В последний раз прощает тебя

Анна Акимовна, вон, хам, а случится опять грех — не проси милости!>

12. <Адв.: Нет, милая, вы обмозгуйте это! Обмозгуйте!>

13. И она видела, как внизу оба они дали Мишеньке по рублю.

14. <М.: Ее дразнят Мишенькина Машенька, а я этого не желаю.>

15. <Лыс[евич], когда ел сыр, даже замурлыкал от удовольствия.>

16. Вкусы наши не совпадают: вы должны быть развратной, я же уже пережил этот фазис и хочу любви <эфирной, тонкой и неуловимой, состоящей из тончайших и невидимых> тончайшей и не материальной, как солнечный луч.

17. <Любовь предполагает обязанности к мужу, детям, к дому. В моем мирозерцании не хватает большого куска, точно оно месяц на ущербе, и мне кажется, что этот ущерб может пополнить только любовь.>

18. Жуж[елица]. Приняла закон и тогда — гуляй, Малашка!

19. <Продолжать эту жизнь и, м[ожет], выйти за такого же праздного человека — было бы просто преступлением.>

Л 14.

1. <Его не пригласили с собой за город под тем предлогом, что у него гость, между тем он понимал, что им не хочется его общества.>

2. <Я. говорил так, как будто объяснял ученикам.>

3. <Ф. открыл часы и долго глядел в них.>

4. <— Прости, но в последнее время ты ужасно переменялся!

— Да, может быть. Я переменялся, потому что стал сознавать себя истинно русским, православным человеком.>

5. <Ей уж были противны не слова <его>, а уж одно то, что он заговорил!>

6. Смерть ребенка. Только что успокоишься, а судьба тебя — трах!

7. Волчиха нервная, заботливая, чадолюбивая, утащила в Зимовье Белолобого, приняв его за ягненка. Она знала раньше, что там ярка, а у ярки дети. Когда тащила Белолобого, вдруг кто-то свистнул, она встревожилась и выпустила его изо рта, а он за ней... Пришли на место. Он стал сосать ее вместе с волчатами — <Через> К следующей зиме он мало изменился, только похудел, и ноги у него стали длинней, да белое пятно на лбу приняло совершенно трехугольную форму. У волчихи было слабое здоровье.

8. Приглашали на эти вечера знаменитостей, и было скучно, потому что талантливых <певцов и чтецов> людей в Москве мало и на всех вечерах участвовали все одни и те же певцы и чтецы.

9. <Д-р выразил неудовольствие, что его не поздравили с днем рождения.>

10. <Никогда> она еще не чувствовала себя с мужчиной так легко и свободно.

11. Ужо, погоди подрастешь, я буду тебя декламации учить.

12. Ей казалось, что на выставке много одинаковых картин.

13. Случалось ему платить дорого за вещи, к-рые потом оказывались грубой подделкой.

14. Перед вами дефилировал целый ряд прачек.

15. Костя бил на то, что они сами у себя украли.

16. Л[аптев] поставил себя на место прис. заседателя и понял так: <была кража со взломом, но без> взлом <не было> был, но кражи не было, так как белье пропили сами прачки, а если кража была, то без взлома.

17. За этот промежуток времени осталось также приятное впечатление от поездки в Сокольники, когда ездили смотреть дачу.

18. <У бедности есть привилегия: не одолжаться у <Ва> вас и презирать. Не отнимайте у меня этой привилегии. О, я знаю, вам было бы... Прислала его книги, фотографии, письма и записку, состоящую только из одного слова: баста.>

19. <Я[рцев] хвалил девочек и говорил, что растет замечательное поколение.>

20. Федору льстило, что его брат застал за одним столом с известным артистом.

21. <О, есть кое-что выше богатства, чего не купишь. Я не Юлечка!>

22. <Религиозность ее была заставой, к-рая прятала все.>

23. <Мне того... не хорошо как будто.>

24. <Костя начал <читать> рассказывать содержание повести, к-рую он когда-то читал.>

25. <Саша побежала через двор по снегу; на лавочке сидела одна только нянька. Ни один богатый ч-к не бросает своих денег, так как у него нет еще уверенности, что бросать деньги хорошо.>

26. <Неизвестно было, когда Петр спит.>

27. <Сегодня сам старик, француз, ванну принимал.>

28. Когда Я. говорил или ел, то борода у него двигалась так, как будто у него во рту не было зубов.

29. <Передержал и недодержал.>

30. <Костя, чокаясь: дай бог, чтобы не так душно жилось и ч[елове]к идеи имел бы больше значения, чем старший дворник.>

31. <Она лгала, что его романы ей очень нравятся. Он во всякое время мог доставать билеты. У него была страсть описывать деревню и помещицкие усадьбы, хотя он в них бывал не больше пяти раз в жизни.>

32. Гувернантка Марья Васильевна хохочет и никак не может остановиться. <Вообще эту книжицу читайте и не особенно ей доверяйте.>

33. Когда я ездил в Волоколамск.

34. Прекрасная смуглянка. Преподает девочкам нервы.

35. О любви важное и новое.

36. <— Нет, брат, это у тебя нервы расстроены. — Неужели, если не соглашаться, то это уж значит, что нервы расстроены?>

37. Одно могу сказать, господа: как вы счастливы, что живете не в провинции!

38. <Брать взятки и писать доносы — это дурно, а любить — это никому не вредит.>

39. <История должна быть историей не королей и битв, а идей.>

40. <Романов его нигде не печатали, и он объяснял это цензурными условиями.— Правда, я не гениальный администратор, но зато порядочный, честный ч-к, а по нынешним временам это дорогого стоит. Каюсь, обманывал я ж-н, но по отношению к русско-му правительству я всегда был джентльменом.>

41. <Чем меньше действуют на преступника хорошие влияния (напр., чтение, Белинский), тем меньше надежды на его исправление.>

42. <Я думаю, что только на том свете будет равенство людей, <так> а на земле оно невозможно. Даже религия признает господ и рабов, богатых и бедных... ск[азала] Ю[лия] С[ергеевна].>

Л. 15.

1. <Бабы мечтают: как Сергей (лакей) помрет, Федору (солдату) льгота выйдет, вернут назад.>

2. <Муку в трактире брали.>

3. <За водой надо было ходить далеко вниз.>

4. <О. любила слово аще (аще ударят тя в одну щеку, подставь <в> другую).>

5. Ольга посылала на могилку мужа и старикам.

6. <Сережа, вот раздолье!>

7. <Да <теперь> об эту пору в Слав. Баз. уже обед.>

8. <Кирьяк догнал Ольгу под самой Москвой.>

9. Потом Ольга получала в Москве письма из дому: жалобы, что старики все еще не умерли, даром хлеб едят.

10. Кирьяк и в Москве приходил бушевать.

11. <Николаю было стыдно перед женой за свою деревню.>

12. <Изба заштрафована.>

13. <Жену учил, это не ваше дело.>

14. <Кирьяк пришел, похоже.>

15. За 5 лет Ольга нисколько не изменилась.

16. <В Москве и Кирьяк снимался, взявши у кого-то сюртук.>
17. Про пьяного: не очень чтоб.
18. <У старосты портрет Батенберга.>
19. <Во время пожара и на другой стороне зазвонили.>
20. <Заподозрили поджог — это непременно.>
21. <Н-й про омоновского лакея: это мой благодетель, я через него хорошим ч-ком стал. Видя бедность и невеж[ество], он возненав. брата и мать.>
22. <Гончары жгут горшки.>
23. Ольгу рассчитали, потому что часто приходил к ней Кирьяк и криком беспокоил жильцов.
24. <Горничная служит в №№ без жалованья, на одних чаях.>
25. Ей известны все моск[овские] мебл. комнаты.
26. <Старый лакей от Омона. Сын наборщик.>
27. <Мужик за перегородкой: «Барина привел» (обиженным голосом). Его никто никогда не видит!>
28. <Ольга давно уже не была в церкви, некогда.>
29. <Нищие то и дело заходили в избу.>¹
30. <Пухлую морду в Москве нагуляла, толстомясая.>
31. <Каждому мешало жить что-то назойливое; деду боль в спине, бабке — злость и заботы, невесткам горе, детям голод, чесотка и страх, одной Ольге было покойно, она была всегда одинакова и равна.>¹
32. <Во всем земство виновато, они не понимали, что же такое земство. Но это стали говорить с легкой руки фабрикантов и купцов.>
33. Шестой день, как Ольга ушла из мебл. к[омн-на]т, дома не ночевала, дочь беспокоилась; вечером томилась, плакала и в этот же вечер пошла добывать денег.
34. <Мужики смерти не боятся, но болезней боятся; кутаются, лечатся; старухи часто соборовались. «У-ми-ра-а-ю». Богатые муж. не боятся смерти и не верят в царство небесное.>
35. <Брат Кирьяк, лесной сторож, пьяный, шурил

насмешливо глаза и говорил в нос: «тоже, московские! тоже, московские!», повторяя без конца.>

36. <Молодые лучше стариков.>

37. <Грубость в населении поддерживают сами чиновники, особенно мелкие, тыкающие даже на старшин, церк. старост, и сами законы, третирующие мужиков как низших животных.>

Л. 16.

1. <весной разлив.>

2. <В городе ни разу не были ни бабы, ни бабка.>

3. Тетечка милая, отчего мне так радостно?

4. Сидя на бульваре ночью, Саша думала о боге, о душе, но жажда жизни пересиливала эти мысли.

5. <Господа приезжали с той стороны покупать горшки(?), сахар(?).>

6. <Младшая невестка красивая гуляла за рекой; злилась на приезжих за то, что они съедали лишний кусок: когда здоров был, ничего не слал, а заболел, к нам же тебя принесло.>

7. Когда Кирьяк буянил, Саша шептала: Господи, смягчи его сердце!

8. <Бабка любила Кирьяка. Он послал ей из Москвы свою фотографию.>

9. <К осени Кирьяка рассчитали, и он жил в избе.>

10. К. А. хотела сводить Сашу к сводне, но та не хотела: «не надо, чтобы кто-нибудь видел».

11. <Кто не говел, с того 15 коп.>

12. Метранпаж всегда был на отлете, говорил отрывочно; скажет: «все мы братья» и уйдет, не объяснив.

13. <богатые взяли себе все, даже церковь, единственное убежище бедных.>

14. <Денис не вернулся, остался в Польше.>

15. Когда Саша рассказывала про деревню, то и метранпаж, сидя в своей к[омна]те, слушал.

16. <Фекла «определилась» в Мл. Колосов пер.: сначала была кухаркой и судомойкой в Стрельне — по протекции старого лакея.>

17. <Сестрица Клавдия Абрамовна.>

18. Саша безропотно работала в прачешной: мы не можем быть счастливы, потому что мы простые...

19. <Стадо широколобых голавлей.>

20. <Из Жукова много лакеев, благодаря протекции Луки Ивановича, старика, жившего когда-то очень давно, легендарного. От него пошла эта порча...>

21. Саша пила много чаю: выпивала зараз стаканов 6.

22. Черти проклятые, что же сапоги?

23. <Осень. Лунная холодная ночь. На той стороне Феклу раздели, и она прибежала домой голая, постучала в сарай; попросила платье, оделась, села и тогда уже заревела, ее, вероятно, тронуло, что ей ничего обидного не сказали ни Марья, ни Ольга.>

24. <Хозяйство маленькое, бедное, но работы всем много, чем беднее дом, тем больше нужды, тем больше заботы и работы.>

25. Как ж-нам таких лет, как К. А., хочется, чтобы девушки выходили замуж, так ей хотелось, чтобы к девушкам ходили <гости> хорошие гости.

26. Метранпажа утомляло многолюдство в типографии, так что дома он старался оставаться один.

27. <Жуковское звали Хамское, Холуевка.>

28. По бульвару ходили студенты, взявшись за руки, шумно; один из них руками помял Саше грудь.

29. <Марья рожала уже 13 раз.>

30. Ночью приходил Кирьяк и шумел. Иеромонах в кальсонах. Метранпаж дал ему денег. Дворник спустил по лестнице, т. что покатился кубарем, и было удивительно, что остался жив.

31. Саша, ставши 13—14 лет, считала себя серьезнее рассеянной матери и заботилась о ней.

32. <Ольга в религиозном увлечении забывала про все и потом вспоминала, точно делала радостное открытие, что у нее есть муж, дочь.>

33. <На стене фотография, на которой К. А. снята с мужем-почтальоном; с ним прожила только один год и ушла от него, влекомая своим призванием.>

34. К. А. не верила, но приличия того требовали, по ее мнению, чтобы креститься и говеть, и если про-

стой народ будет не верить, то всех будут на улице убивать.

35. Ничто так не усыпляет и не опьяняет, как деньги; когда их много, то мир кажется лучше, чем он есть.

36. Ив. Мак. во всякую погоду ходил с зонтом и в калошах.

37. <Староста: потрудитесь, православные, на случай такого несчастного происшествия.>

38. <Хоронили Николая. Около каждой избы оставались и служили панихиду.>

Л. 17.

1. <Староста: слова эти без последствия, ваше выс., действительно Чикильдеевы недостаточного класса, но народ [неразобр.] они не достоверный, <пьют шибко и по <этой> такой> а по какой причине [неразобр.] что пьют шибко, не дай бог как, и озорной народ. Без всякого понимания.>

2. <становой сказал Осипу покойно, как «дай воды», ровным тоном: «пошел вон».>

3. <Клавд. Абр. прежде ходила по бульвару и на маскарады, теперь же с годами <сидела дома> стала дома сидеть, и к ней ходили ее старые клиенты, к-рых все становилось меньше и меньше.>

4. Чисто наказание.

5. <На покров прест[ольный] праздник. Пропили общ. денег 50 р.; налог на непьющих, бабы в отчаянии. Гуляли 3 дня.>

6. <Староста строгий, держит руку начальства; у общества никаких тайн, ничего такого, что не было бы известно посторонним, никаких разговоров о грамоте с золотой печатью, как раньше.>

7. <Старик не верил в бога <или вернее> потому что почти никогда не думал о нем; сорочья, животная жизнь.>

8. Господа порядочны, говорят о любви к ближнему, о свободе, о помощи бедному, но все же они крепостники, так как не обходятся без лакеев, к-рых унижают каждую минуту. Они что-то скрыли, солгали святому духу.

9. <Кл. Абрамовна исправно говела.>
10. <Что-то снилось Марье, и она сказала: «нет, воля лучше!»>
11. <Строгий Антип Сед. часто сажал в арестантскую, раз даже бабку посадил.>
12. Лакей говорит вслух сам с собой. Он просит Сашу рассказывать ему про деревню. Ему уже 76 лет, но он говорит, что 60.
13. Лакей презирает купцов и их барышень.
14. <Любит произносить в разговоре умные слова, и за это его уважали, хотя не всегда понимали.>
15. <Марья, проводив немного Ольгу, упала на землю и заголосила: «опять я одна, бедная головонька!»>
16. <от земского начальника все зависящее, а ежели ты останешься недоволен, тот, кому покажется не по закону или не по форме, может в администр. заседании 26 числа <может иметь> выразить повод к своему неудовольствию словесно или на бумаге.>
17. Саша брезговала запахом белья, нечистотой, <жизнью> смрадной лестницей, брезговала жизнью, но была убеждена, что такая жизнь в ее положении неизбежна.
18. <Осип верил в сверхчувственное, но думал, что это может касаться одних лишь баб, и когда <давеча рассказывали про какое-то чудо> говорили о чудесах, задавали ему какой-нибудь вопрос, то он нехотя гов.: — А кто ж его знает!>
19. Саша: до смерти еще далеко, и нужны, пока живешь, правила жизни — и потому-то она так любила прислушиваться к отрывочным фразам метранпажа.
20. <детей не учили молиться и думать о боге, не внушали им никаких правил, а только запрещали в пост есть скоромное.>
21. Как теперь мы удивляемся жестокостям, какими отличались христианские мучители, так и со временем будут удивляться лжи, с какою теперь борются со злом, служа лицемерно тому же злу; наприм., говорят о свободе, широко пользуясь услугами рабов.

Л. 18.

и с неумением брать от нее то, что она может дать, и с страстной жаждой того, чего нет и не может быть на земле.

Л. 19.

1. <Кто-то стучит внизу в пол. Ирина отвечает тоже стуком. Это внизу жилец.>

2. Нат.: Я в истерику никогда не падаю. Я не неженка.

3. <Феогност> <Ферапонт из земской управы пришел, глуховатый старик: «колдобинку, ровчечок, то эта я за тово... но и того словно бы и ничего. И буравчиком я немножко того». Он в старом отрепанном пальто с поднятым воротником. «Тут маленькую цвистелочку нужно, дудочку то есть».>

4. Нат. Фед. всегда сестрам: ах, как ты подурнела! ах, как ты постарела!

5. <Ирина: буду в Таганроге, займусь там серьезной работой, а здесь пока служу в банке.>

6. <Варя: отчего я так седею!>

7. <Бальзак венчался в Бердичеве.>

8. <В III акте Соленый приходит прощаться: переводится в другую бригаду.>

9. Чтобы жить, надо иметь прицепку... В провинции работает только тело, но не дух.

10. <В III акте Ирина: ты ничего не делаешь! Маша: я отравилась.>

11. <Чиб.: Если бы меня полюбила какая, я бы теперь любовницу имел... Надо работать, но и любить, надо находиться в постоянном движении. Так-то-с.>

12. <Ирина телеграфистка, придя во II акте, рассказывает: сейчас одна дама телеграфирует своему <сыну> брату в Саратов, что у нее сын умер, и никак не может вспомнить адреса... Так и послала без адреса, просто в Саратов... И плачет.>

13. Чужими грехами свят не будешь.

14. Кулыгин. Я веселый человек, я заражаю всех своим настроением.

15. Кул. дает уроки у богатых людей.

16. Ирина в конце III акта. Жалобы на одиночество.
17. <Кул., узнав, что Маша отравилась, прежде всего боится, как бы не узнали в гимназии.>
18. <Ирина: как гадко работать! и никакого сознания, никаких мыслей.>
19. Кулыг. в IV акте без усов.
20. <Кулыгин ходит только затем, чтобы отдохнуть, посидеть, потолковать, успокоиться, закусить...>
21. <Незадолго до смерти отца гудело в печке... И теперь гудит. Слышите? Как странно!>
22. <Маша с предрассудками, прекрасная музыкантша.>
23. <ваша жена артистка — да, она очень нравится директору и учителям; я ее очень люблю, Машу. Она славная.>
24. <Кул.: дом стоит 50 тысяч, нужно делить на всех, т. е. на 4 части, а брат один все забрал. Он хочет делить, но Маша и сознать не хочет.>
25. <Д-р Чеб. всегда причесывается, приглаживается, любит свою наружность: «черт с нами, голубчик».>
26. Жена умоляет мужа: не толстей.
27. <не рассчитывайте, не надейтесь на настоящее; счастье и радость могут получаться только при мысли о счастливом будущем, о той жизни, которая будет когда-то в будущем, благодаря нам.>
28. О, если бы такая жизнь, чтобы становилось все моложе и красивее.
29. Ир. Трудно жить без отца, без матери.— И без мужа.— Да, и без мужа. Кому скажешь? Кому пожалуешься? <Кто> С кем порадуешься? Нужно любить кого-нибудь крепко.
30. Кул. (жене). Я до такой степени счастлив, что женат на тебе, что считаю неблагородным и неприличным говорить и даже упоминать о приданом. Молчи, не говори...
31. <Бел. провожает Ирину каждый вечер, когда она возвращается со службы.>
32. <то, что муж проигрывает, от жены скрывают.>

33. <Д-р: У вас сегодня Демилерский будет? — А что? — Да я ему должен.>
34. <Барон Тузенбах, Николай Карлович, Кроне-Альшауер, Николай <Карлович> Львович.>
35. Д[окто]р присутствует на дуэли с удовольствием.
36. Тяжело без денщиков: Не дозвонишься.
37. Мать все рассказывает, то про Бобика, то про Сою, какие они замечательные.
38. 2, 3 и 6 батареи ушли в 4 часа, а мы выходим ровно в 12.
39. <Ир.: в городе говорят, будто ты играл вчера в клубе, проиграл тысячу рублей. Правда это? — Да, правда.>
40. <Боже мой, как все эти люди страдают от умствования, как они встревожены покоем и наслаждением, которое дает им жизнь, как они не усидчивы, непостоянны, тревожны; зато сама жизнь такая же, как и была, не меняется и остается прежней, следуя своим собственным законам.>
41. <До тех пор человек будет сбиваться с направления, искать цель, быть недовольным, пока наконец не отыщет своего бога. Жить во имя детей или человечества нельзя. А если нет бога, то жить не для чего, надо погибнуть.>
42. <человек или должен быть верующим, или ищущим веры, иначе он пустой человек.>
43. Ир.: в городе говорят, что ты вчера 300 р. проиграл! (то же говорит и Ольга).
44. <Туз.: Зачем ждать то, что будет через 300 лет? И теперешняя жизнь прекрасна.>
45. для детей особый обед; нельзя пить воду, есть черное мясо, овощи, нельзя вспотеть.
46. Днем разговоры о распущенности женской гимназии, вечером лекции о вырождении и упадке всего, а ночью после всего этого застрелиться хочется.
47. в жизни наших городов нет ни пессимизма, ни марксизма, никаких веяний, а есть застой, глупость, бездарность...
48. У сестры каждый год рождались дети.

49. Феня бегаёт по лестнице то вверх, то вниз, спускается по перилам, у него даже в голове зашумело.

50. Фил.: он видел в Фене олицетворение той жизни, которую он потерял.

51. Он у себя во дворе устроил для неё каток, и она вошла в к-ту на коньках.

52. он повёз <Митю> Глеба в Москву в кадетский корпус.

53. была жажда жизни, а ему казалось, что это хочется выпить, и он выпил вина.

54. Фил. в думе: Серг. Ник. жалобным голосом: г-да, где же взять средств? Наш город беден.

55. быть праздным значит поневоле прислушиваться всегда к тому, что говорят, видеть, что делают; тот же, кто работает и занят, мало слышит и мало видит.

56. На катке он гонялся за Л., хотелось догнать, и казалось, что он это хочет догнать жизнь, ту самую, которой уже не вернешь, и не догонишь, и не поймаешь, как не поймаешь своей тени.

57. отвык ходить быстро и прямо, но заставил себя: вдруг выпрямился и пошёл.

58. одно только соображение мирило его с д-ром: как он пострадал от невежества д-ра, так, быть м., кто-нибудь страдает от его ошибок.

59. од. попеч. гор. училища: учитель глуп: Пуш- <кин> ничего не сделал для церкви.

60. С. обеднела, давала уроки музыки.

61. но не странно ли: во всем городе ни одного музыканта, ни одного оратора или выдающегося ч-ка.

62. обречен на больную, одинокую, праздную жизнь.

63. почетный мир. с[удья], почетный член детс. приюта — все почетный.

64. Л. училась, все училась — он же, остановившийся в своем развитии, не понимал ни ее, ни молодежи.

65. <слышно как> Ut consecutivum¹.

66. д-р с палкой.

¹ Латинский грамматический оборот.

Л. 20.

Внутреннее содержание этих женщин так же серо и тускло, как их лица и наряды; они говорят о науке, литературе, тенденции и т. п. только потому, что они жены и сестры ученых и литераторов; будь они женами и сестрами участковых приставов или зубных врачей, они с таким же рвением говорили бы о пожарах или зубах. Позволять им говорить о науке, которая чужда им, и слушать их значит льстить их невежеству.

Л. 21.

Все это, в сущности, грубо и бестолково, и поэтическая любовь представляется такою же бессмысленной, как снеговая глыба, которая бессознательно валится с горы и давит людей. Но когда слушаешь музыку, все это, то есть, что одни лежат где-то в могилах и спят, а другая уцелела и сидит теперь седая в ложе, кажется спокойным, величественным, и уж снеговая глыба не кажется бессмысленной, потому что в природе все имеет смысл. И все прощается, и странно было бы не прощать.

Л. 22.

Если вы зовете вперед, то непременно указывайте направление, куда именно вперед. Согласитесь, что если, не указывая направления, выпалить этим словом одновременно в монаха и революционера, то они пойдут по совершенно различным дорогам.

Л. 23.

В священном писании сказано: «Отцы, не раздражайте чад ваших», даже дурных и никуда не годных чад, но отцы меня раздражают, страшно раздражают; им слепо вторят мои сверстники, за ними подростки; <и> меня каждую минуту бьют по лицу хорошими словами.

Л. 24.

Иванову сказал Федя <племян.> брат жены управляющего, что за лесом пасутся дрохвы. Он зарядил ружье картечью. Вдруг — волк. Он выпалил.

Размозжил ischiadic в обоих бедрах. Волк обезумел от боли и не замечает его. «Что же я могу сделать, милый!» Думал-думал, пошел домой, позвал Петра... Тот с палкой. Сделав ужасное лицо, стал бить... Бил, бил, бил, пока тот не издох... Вспотел и отошел, не сказав ни слова.

Л. 25

1. он брюнет с бачками, одет франтом; темные глаза, жгучий брюнет. Выводит клопов, о землетрясении, о Китае. У невесты 8 тыс. приданого, очень красивая, как говорит тетушка. Агент анонимного общества страхования и проч.— Ты ужасно красивая, душечка, ужасно! да еще 8 тыс.! [неразобр.]. Ты красавица, я как взглянула на тебя сегодня, так вся похолодела.

2. Он: — землетрясение от испарений воды.

3. Фамилии: Гусыня, Кастрюля, Устрица.

— будь я за границей, мне бы за такую фамилию медаль дали.

4. — нельзя сказать, чтобы я была <хорош> красива, но я хорошенькая.

Л. 26.

1. Он ехал на извозчике и думал, глядя на уходящего сына: — «Быть может, он принадлежит к людям, которые уже не будут трепыхаться на паршивых извозчиках, как я, а летать на шарах в поднебесье».

2. Красива, что даже страшно; черные брови <умствование>.

3. Сын ничего не говорит, но жена чувствует в нем врага, чувствует! он все подслушивал...

4. Сколько между дамами идиоток! К этому так привыкли, что не замечают этого.

5. Ходят часто в театр и читают толстые журналы — и все же злы и безнравственны.

6. <Играли все очень плохо>

Л. 27.

1. Вера: Я не уважаю тебя за то, что ты так странно женился, за то, что из тебя ничего не вышло... Оттого я и имею тайны от тебя.

2. Беда в том, что самые простые вопросы мы стараемся решать хитро, а потому и делаем их необыкновенно сложными. Нужно искать простое решение.

3. Я счастлив, доволен, сестра, но если бы я родился во второй раз и меня бы спросили: хочешь жениться? Я ответил бы: нет. Хочешь иметь деньги? Нет...

4. Нет того понедельника, который не уступил бы своего места вторнику.

5. Леночке в романах нравились герцоги и графы, но мелкогы она не любила. Любила главы, где любовь, но <не терпела чувственных описаний> чистая, идеальная, а не чувственная. Описаний природы не любила. Разговоры предпочитала описаниям. Читая начало, нетерпеливо заглядывала в конец. Не знала и не помнила имен авторов. Писала карандашом на полях: дивно! прелесть! или: и поделом!

Л. 28.

1. Леночка пела, не открывая рта.

2. Post coitum: — Мы, Болдыревы, всегда отличались крепким здоровьем...

Л. 29.

первые ручейки
надо, чтобы он нежно любил мать
аферист
говорит только о себе
Стала вдовой
Бычков — глухой

Л. 30.

У нас единственный, если хотите, неоцененный писатель — это Жулябко, писавший в 1867 г.

Он больше всего любил литературу, которая его не беспокоила, — Шекспира, Гомера...

Находил общие черты у Гомера, Гюго и Диккенса, называл их стихийными; не читал никого из русских авторов, но ненавидел их.

Это мой товарищ; когда-то, лет 15 назад, я получил от него письмо с просьбой пристроить рассказ, но

он, по-видимому, забыл об этом, не помнил; теперь мы встретились случайно, в имении.

Литература, очевидно, ела его, сосала его кровь, не давала ему спать; он любил ее страстно, но она не отвечала ему взаимностью.

И когда утром я уезжал, он стоял в спальне, еще не одетый, и смотрел на меня в окно с ненавистью — ведь я писатель!

Единственный человек, который бывал у него, это Гавриленко (писавший свою фамилию: Гаврыленко), который говорил только одно: премного вам благодарен! Давал деньги по 12%, сам брал в Двор[янском] банке по 4% и все-таки считался добрым и порядочным человеком.

Был и еще один знакомый: отставной военный, пьяный, который тоже все время молчал и только напевал за картами: тирли-тирли-солдатирли.

Не читал, но ненавидел, презирал.

Он, выйдя из себя, кричал за обедом: «лижи свою тарелку!»

Теперь мода говорить про психопатов, но какие там психопаты! просто мошенники, которые представились сумасшедшими — и больше ничего.

ДНЕВНИКИ

ИЗ САХАЛИНСКОГО ДНЕВНИКА

1890

18 сентябрь. Корсаковский пост. Допрашивали в полицейском управлении американцев-китобоев, потерпевших крушение. Пять американцев и один черный. Они рассказали, что капитан судна и послал их на шлюпке вдогонку за китом; они загарпунили кита и пошли за ним на буксире, от сильного хода шлюпка дала течь; пришлось обрезать буксир и пустить кита. Наступили потемки, судна не было видно. Утром туман. Штормовали потом в море четверо суток, имея при себе только 10 фунтов хлеба. Выбросило их на юго-восточном берегу Сахалина у м[ыса] Тонина.

1896

Мой сосед В. Н. Семенович рассказывал мне, что его дядя Фет-Шеншин, известный лирик, проезжая по Моховой, опускал в карете окно и плевал на университет. Харкнет и плюнет: тьфу! Кучер так привык к этому, что всякий раз, проезжая мимо университета, останавливался.

В январе я был в Петербурге, останавливался у Суворина. Часто бывал у Потапенко. Виделся с Короленко. Часто бывал в Малом театре. Как-то я и Александр спускались по лестнице; из редакции вышел одновременно Б. В. Гей и сказал мне с негодованием: «Зачем это вы вооружаете старика (т. е. Суворина) против Буренина?» Между тем я никогда не отзывался дурно о сотрудниках «Нового времени» при Суворине, хотя большинство из них я глубоко не уважаю.

В феврале проездом через Москву был у Л. Н. Толстого. Он был раздражен, резко отзывался о декадентах и часа полтора спорил с Б. Чичериным, который все время, как мне казалось, говорил глупости. Татьяна и Мария Львовны раскладывали пасьянс; обе, загадав о чем-то, попросили меня снять карты, и я каждой порознь показал пикового туза, и это их опечалило; в колоде случайно оказалось два пиковых туза. Обе они чрезвычайно симпатичны, а отношения их к отцу трогательны. Графиня весь вечер отрицала художника Ге. Она тоже была раздражена.

5 май. Дьячок Иван Николаевич принес мой портрет, написанный им с карточки. Вечером В. Н. Се-

менкович привозил ко мне своего друга Матвея Никаноровича Голубоковского. Это заведующий иностранным отделом «Московских ведомостей», редактор журнала «Дело» и врач при моск. имп. театрах. Впечатление чрезвычайно глупого человека и гада. Он говорил, что «нет ничего вреднее на свете, как подлиберальная газета», и рассказывал, будто мужики, которых он лечит, получив от него даром совет и лекарство, просят у него на чаек. Он и Семенкович о мужиках говорили с озлоблением, с отвращением.

1 июня был на Ваганьковском кладбище и видел там могилы погибших на Ходынке. В Мелихово со мною поехал И. Я. Павловский, парижский корреспондент «Нового времени».

4 августа. Освящение школы в Талеже. Талежские, бершовские, дубеченские и шелковские мужики поднесли мне четыре хлеба, образ, две серебр. солонки. Шелковский мужик Постнов говорил речь.

С 15 по 18 августа у меня гостил М. О. Меньшиков. Ему запрещено печататься, и он теперь презрительно отзывается о Гайдебурове (сыне), который сказал новому начальнику главного управления по делам печати, что из-за одного Меньшикова он не станет жертвовать «Неделей» и что «мы всегда предупреждали желания цензуры». М. в сухую погоду ходит в калошах, носит зонтик, чтобы не погибнуть от солнечного удара, боится умываться холодной водой, жалуется на замирение сердца. От меня он поехал к Л. Н. Толстому.

Из Таганрога выехал 24 авг. В Ростове ужинал с товарищем по гимназии Львом Волкенштейном, адвокатом, уже имеющим собственный дом и дачу в Кисловодске. Был в Нахичеване — какая перемена! Электричеством освещены все улицы. В Кисловодске на похоронах ген. Сафонова встреча с А. И. Чупровым, потом встреча в парке с А. Н. Веселовским, 28-го поездка на охоту с бароном Штейнгелем, ночевка на Бермамуте; холод и сильнейший ветер. 2-го сентября в Новороссийске. Пароход «Александр II». 3-го приехал в Феодосию и остановился у Суворина. Видел И. К. Айвазовского, который сказал мне: «Вы не

хотите знать меня, старика», — по его мнению, я должен был явиться к нему с визитом. 16-го в Харькове был в театре на «Горе от ума». 17-го дома: погода чудесная.

Влад. С. Соловьев говорил мне, что он носит всегда в кармане брюк чернильный орех — это, по его мнению, радикально излечивает геморрой.

17 окт. В Александринском театре шла моя «Чайка». Успеха не имела.

29 был на земском собрании в Серпухове.

10 ноября получил письмо от А. Ф. Кони, который пишет, что ему очень понравилась «Чайка».

26 ноября вечером у нас в доме был пожар. В тушении участвовал С. И. Шаховской. После пожара князь рассказывал, что однажды, когда у него загорелось ночью, он поднял чан с водой, весивший 12 пуд., и вылил воду на огонь.

4 декабрь. О спектакле 17 октября см. «Театрал», № 95, стр. 75. Это правда, что я убежал из театра, но когда уже пьеса кончилась. Два-три акта я просидел в уборной Левкеевой. К ней в антрактах приходили театральные чиновники в вицмундирах, с орденами, Погожев со звездой; приходил молодой красивый чиновник, служащий в департаменте государственной полиции. Если человек присасывается к делу, ему чуждому, например к искусству, то он, за невозможностью стать художником, неминуемо становится чиновником. Сколько людей таким образом паразитирует около науки, театра и живописи, надев вицмундиры! То же самое, кому чужда жизнь, кто не способен к ней, тому больше ничего не остается, как стать чиновником. Толстые актрисы, бывшие в уборной, держались с чиновниками добродушно-почтительно и льстиво (Левкеева изъявляла удовольствие, что Погожев такой молодой, а уже имеет звезду); это были старые, почтенные экономки, крепостные, к которым пришли господа.

21 дек. У Левитана расширение аорты. Носит на груди глину. Превосходные этюды и страстная жажда жизни.

31 дек. Приехал худ. П. И. Серегин, пейзажист.

С 10 января по 3 февраля — перепись. Я счетчик 16-го участка и наставляю прочих (15) счетчиков нашей Бавыкинской волости. Работают прекрасно все, кроме попа Староспасского прихода и земского начальника Голяшкина (заведующего переписным участком), который живет почти все время в Серпухове, ужинает там в собрании и телеграфирует мне, что он болен. Про других земских начальников нашего уезда говорят, что они тоже ничего не делают.

Такие писатели, как Н. С. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха [...] У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский; и Гоголь уже не смещит ее.

Между «есть бог» и «нет бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересует его; и потому обыкновенно он не знает ничего или очень мало.

Легкость, с какою евреи меняют веру, многие оправдывают равнодушием. Но это не оправдание. Нужно уважать и свое равнодушие и не менять его ни на что, так как равнодушие у хорошего человека есть тоже религия.

13 февраля. Обед у В. А. Морозовой. Были Чупров, Соболевский, Бларамберг, Саблин и я.

15 февр. Блины у Солдатенкова. Были только я и Гольцев. Много хороших картин, но почти все они дурно повешены. После блинов поехали к Левитану, у которого Солдатенков купил картину и два этюда за 1100 р. Знакомство с Поленовым. Вечером был у проф. Остроумова; говорит, что Левитану «не миновать смерти». Сам он болен и, по-видимому, трусит.

16 февр. вечером собрались в редакции «Русской мысли», чтобы поговорить о народном театре. Проект Шехтеля всем нравится.

19-го февр. Обед в «Континентале» в память великой реформы. Скучно и нелепо. Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т. п. в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, и на улице, на морозе ждут кучера,— это значит лгать святому духу.

22 февр. поехал в Серпухов на любительский спектакль в пользу Новосельской школы. До Царицына меня провожала Ганнеле-Озерова, маленькая королева в изгнании,— актриса, воображающая себя великой, необразованная и немножко вульгарная.

С 25 марта по 10 апреля лежал в клинике Остроумова. Кровохарканье. В обеих верхушках хрипы, выдох; в правой притупление. 28 марта приходил ко мне Толстой Л. Н.; говорили о бессмертии. Я рассказал ему содержание рассказа Носилова «Театр у вогулов» — и он, по-видимому, прослушал с большим удовольствием.

1 май. Приезжал ко мне Иван Щеглов. Благодарит за чай и обед, извиняется, боится опоздать на поезд, много говорит, часто вспоминает о своей жене, как гоголевский Мижуев, сует для прочтения корректуру своей пьесы — то один лист, то другой, хохочет, бранит Меншикова, которого «проглотил» Толстой, уверяет, что застрелил бы Стасюлевича, если бы последний в качестве президента республики присутствовал на параде, опять хохочет, пачкает свои усы щами, мало ест — и все-таки в конце концов добрый человек.

4 май. Приходили в гости монахи из монастыря. Приезжала Даша Мусина-Пушкина, вдова инженера Глебова, убитого на охоте, она же Цикада. Много пела.

24 мая экзаменовал в Чиркове две школы: Чирковскую и Михайловскую.

13 июля было освящение школы в Новоселках, которую я строил. Крестьяне поднесли мне образ с надписью. Земство отсутствовало.

Меня пишет художник Браз (для Третьяковской галереи). Позирую по два раза в день.

22 июля. Получил медаль за перепись.

23 июля. Я в Петербурге. Остановился у Суворина, в зале. Виделся с Вл. Тихоновым, который жаловался на свою истерию и хвалил свои произведения; виделся с П. Гнедичем и с Евт. Карповым, показавшим мне, как Лейкин играл испанского гранда.

27 июля у Лейкина в Ивановском. 28-го в Москве. В редакции «Русской мысли», в диване клопы.

4 сент. Приехал в Париж. Moulin rouge, danse du ventre, Café du Néap[t] с гробами, Café du Ciel и проч.

8 сент. В Биаррице. Здесь В. М. Соболевский и В. А. Морозова. Каждый русский в Биаррице жалуется, что здесь много русских.

14 сент. Байона. Grande course landaise¹. Бой с ковами.

22 сент. Из Биаррица в Ниццу через Тулузу.

23 сент. Ницца. Поселился в Pension Russe. Знакомство с Максимом Ковалевским, завтраки у него в Beaulieu, в обществе Н. И. Юрасова и художника Якоби. В Монте-Карло.

7 окт. Признание шпиона.

9 окт. Видел, как мать Башкирцевой играла в рулетку. Неприятное зрелище.

15 ноябрь. Монте-Карло. Я видел, как крупье украл золотой.

1898

16 апрель. В Париже. Знакомство с М. М. Антокольским и переговоры насчет памятника Петру В.

5 май. Вернулся домой.

26 май. Приезжал в Мелихово Соболевский. Нужно записать, что в Париже, несмотря на дождливую, прохладную погоду, я провел 2—3 недели не скучно. Приехал сюда с Макс. Ковалевским. Много интересных знакомств: Paul Boyer, Art. Roë, Bonnier, Матвей Дрейфус, Де-Роберти, Валишевский, Онегин. Завтраки и обеды у Ив. Ив. Щукина. Выехал на nord-

¹ Большие состязания в Ландах (франц.).

express в Петербург, оттуда в Москву. Дома застал чудесную погоду.

Образчик семинарской грубости. На одном из обедов к Максиму Ковалевскому подошел критик Протопопов и сказал, чокаясь с ним: «Пью за науку, пока она не вредна народу».

[1899]

Сентябрь

7. Поставлен телефон.

8. Приехали Е. Я. и М. П. Чеховы.

9. Мустафе 48 р. Почта за передачу телеграмм по телефону 10 р.

17. Знакомство с нач. гл. тюр. упр. Саломоном.

30. В Юрьев 20 р. В Байдары 28 р. 60 к.

Октябрь

2. На горах снег, холодно. Послано в «Синоп» 70 р. Третьего дня уехал Куркин.

11. Вексель во Вл. Кр. 1000 р.

13. то же в 2 тыс. Тепло.

25. Уехала Маша. Чудесная, теплая погода.

26. Андриюшковичу 20 р. В Художеств. театре в первый раз «Дядя Ваня».

31. В Сухум 34 р., в Байдары 28 р. 60 к.

Ноябрь

1. Дождь. Из Москвы 3500 р. Из Худ. театра 260 р.

2. Дождь.

8. Все время чудесная погода.

9. Уплачено И. Ф. Чернявскому 3000 р. по закладной. Ушел Мустафа. Дождь.

11. Арсений нанялся вечером по 18 в м-ц.

14. Холодно, идет снег, 0.

17. Уже второй день дует сильный ветер, идет дождь.

26. Послано в Юрьев 20 р. Водопровод.
27. Снег. Все бело.
28. Земля бела. Дождь.
29. В Байдары 28 р. 60 к.

Декабрь

8. Очень бурно на море. Мороз. Застрахован дом.

[1900]

Январь

16. Известие об избрании в почетные академики.
17. Нездоров.
23. Послано Александру 1000 р.

Февраль

3. Чудесная весенняя погода.
5. Дождь. Холодно.
6. Нанят садовник М. И. Соколов. Елпатьевскому дано 1000 р.
23. Послано в «Синоп» 20 р. Холодно — $\frac{1}{2}$. Все эти дни цвела камелия.

Март

4. Снег. В Ялте Вишневский.

1901

- 12 сент. Был у Льва Толстого.
- 7 дек. Говорил с Толстым Л. Н. в телефон.

1903

8 янв. «Исторический вестник», 1902, ноябрь, «Артистическая жизнь Москвы в семидесятих годах» И. Н. Захарьина. В этой статье сказано, будто я подавал пьесу «Три сестры» в театрално-литературный комитет. Это неправда.

**[ЗАПИСИ А. П. ЧЕХОВА
В МЕЛИХОВСКОМ ДНЕВНИКЕ П. Е. ЧЕХОВА]**

1893

Март 15 } Баран прыгает. Марьюшка радуется.
 16 }

17. Уехал в Москву П. Г. Чехов. Днем +2. Привезли овес.

18.—1. Идет снег. Слава богу, все уехали и остались только двое: я и М-те Чехова.

19.—5. Приехали Маша и Мизинова. Ясный день.

20.—5. Ясный день. Парники готовы. Мамаше снилась коза на горшке.

21.+5. Приехал Семашко. Ели жареное вымя.

22.+6. Уехал Семашко.

23.+3. Мамаше снился гусь в камилавке. Это к добру. Больна животом Машка. Зарезали свинью.

1895

Май 13. По этому дневнику Саша справлялся для Антоши и Маши, скоро ли будет дождь. Облака есть, дождем пахнет, а Саша, хоть и умный, а все-таки — дурак (А. Чехов).

Октябрь 8-го. Ясное утро; ходили с таксами на охоту, но барсука в норе не нашли. Вечером приезжали Семеновичи и, испугавшись пожара, уехали.

9-го. Пасмурно. П.+4. Покрыли навозом спаржу. М. Р. Семашко и Маша уехали в Москву. Приехал Левитан. В <Лешине> Окшене вечером пожар.

10-го. Ут.—3; сад и поле белые от изморози. Цветы померзли. Ясный день. П.+15. Сажали тюльпаны. На огороде пахали.

11. Пасмурно +6. Левитан уехал.

12. У.+5. Мороза не было ночью, возят из леса дрова. Тепло и ясно весь день. Покрыли соломой розы.

13. Ночью и утром было +8. Пасмурно. П.+11.

1896

Апрель 8. Послано в сберегательную кассу страховых: за 5 коров и быка 6 рублей и за 5 телков 2 рубля 50 копеек, итого 8 р. 50 к.

Май 10.—Вчера вылупились птенцы в скворешнях; скворцы перестали петь. Цветут тюльпаны. Полдень +25. Приехал Миша с женой. Вечером дождь.

11. Утро пасмурно. Полдень тоже, +15. Сеют клевер. Приехал Ваня с семьей.

12. Троицын день. Ночью был сильный дождь. Утром дождь. Погода наводит уныние. +10. Полдень +17. Миша и его жена приготовили к обеду сморчки. После обеда сильный ливень с грозой.

13. Утро ясное, в 8 часов утра +20. Сев.-вост. ветер. П. +27. Теплый хороший день. Высаживали в грядки цветы. Вечером тихо, роса. Луна.

14. Тихое, безоблачное утро, +16 в тени. П. +22. Обедал учитель. Звон. Господин Вареников весь день стрелял.

15. Утром тихо, пасмурно, идет дождь, +12. Пересаживали перец, томаты и баклажаны. Сеяли огурцы. П. +26, солнечно. Приехал из Москвы П. Е. Чехов.

1898

Август 20. Утром чудесная погода. После обеда пасмурно, небольшой дождь. Тепло. Н. М. Линтварева и Т. Л. Щепкина-Куперник уехали.

21-го. С утра теплый дождь. П. +30°, солнечно. К вечеру пасмурно. Луна.

573

22. Утром пасмурно. В полдень ясно. Приехал М. О. Меньшиков. Приезжали д-ра Витте и Соснин. Заседание у Варэныкова.

23. Утро +8, П. +9. С утра дождь. Ездили в Угрюмово за кирпичом для школы.

24. Утро +3, после холодной ночи. Ветер. Солнечно. Уехал М. О. Меньшиков.

25. Утро +5, пасмурно; днем солнечно. Роман уехал хоронить свою жену Олимпиаду.

26. В 6 часов утра +3, холодно, трава была покрыта росой и имела белесоватый вид; к полудню потеплело, +14, стало солнечно, тихая, ясная погода, в пруде тучами ходят караси. Грибов почти нет. Приехал И. П. Чехов.

27. Ясная, теплая погода; утром +3, но в П. +24, на солнце жарко. Приносили образ Саввы Звенигородского. Приходил свящ. Виноградов, пил чай и обедал. Маша уехала в Москву. Приезжал Н. М. Ежов. В 4 часа переменялась погода, пошел дождь.

28. У. +7, пасмурно, холодно. П. +7. Серая скучная погода. Уехал И. П. Чехов в 6 ч. веч. в Москву. Приехала мелиховская учительница и В. Н. Ладыженский.

29. У. +5. Дождь, холодно, около трактиров грязно. <Освящали> Молебен в Мелиховской школе. Священник обедал у нас. В доме топили печи. П. +8. <Вечером> Был литературный вечер: Ладыженский читал свои стихи в присутствии дачниц.

30. У. +4. Сырая промозглая погода; дождь. П. +8. Опять литературный вечер.

31. У. +7. Ясно, но солнце часто прячется за облака. П. +17. Уехал В. Н. Ладыженский.

Сентябрь. 1-го. У. +4. Прекрасный теплый день. П. +26. Обедал свящ. Виноградов. В школе начало учения. Ушел обратно в Москву солдат Александр Кретов. Начали убирать овощи в огороде. Ночью сильный дождь.

2-го. У. +11. Дождь. Появились шампиньоны.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИЗ СИБИРИ

Впервые напечатано в газете «Новое время», 1890, № 5142, 5143, 5144, 5145, 5146, 5147 (24, 25, 26, 27, 28 и 29 июня); № 5168, 5172 (20 и 24 июля); № 5202 (23 августа). В очерках II—VII и IX под текстом — авторские даты: 8, 9, 12, 13, 15, 18 мая и 20 июня. Подпись: Антон Чехов.

Первые шесть глав были названы «Из Сибири», последние три главы — «По Сибири». Посылая очерки редактору А. С. Суворину, Чехов писал ему 20 мая 1890 г.: «Общее название можно дать «Из Сибири».

Помещая в № 5168 седьмой очерк, редакция газеты «Новое время» сделала примечание: «Предыдущие шесть заметок напечатаны в нескольких номерах «Нового времени». Автор предпринял поездку на остров Сахалин, приготовившись к такой поездке изучением всей литературы путешествий на этот остров. Обратное путешествие он совершит, смотря по обстоятельствам, или на ближайшем рейсе Добровольного флота, или через Великий океан, Америку и Атлантический океан. Последние телеграфные известия о нем мы имеем из Николаевска-на-Амуре».

Очерки написаны были Чеховым летом 1890 г., во время путешествия на Сахалин.

В пути Чехов «вел короткий дневник», где наряду с описаниями природы, зарисовками различных типов, картин быта, эпизодов записывал свои мысли о будущем этого края.

Отправляясь в путешествие, Чехов предупредил Суворина, что с дороги он будет присылать для газеты «субботники» (статьи) не раньше Томска, «ибо до Томска все уже заезжено, исписано и неинтересно» (18 апреля 1890 г.). Эти «субботники», разбитые автором на главы, оборвались на описании Енисейского края.

Из Москвы Чехов выехал 21 апреля 1890 г. До Ярославля он ехал по железной дороге, от Ярославля до Перми — пароходом по Волге и Каме, от Перми до Тюмени — по железной дороге (с остановкой в Екатеринбурге); от Тюмени до Байкала — на лошадях (с остановками в Тюмени, Ишиме, Томске, Красноярске и Иркутске); на пароходе через Байкал, затем снова на лошадях до Сретенска; от Сретенска — пароходом по Шилке и Амуру до Николаевска и через Татарский пролив — на Северный Сахалин. Сибирской железной дороги в то время еще не было, и Чехову пришлось проехать на лошадях по «убийственным дорогам» четыре тысячи с лишним верст. В течение почти двух месяцев «конно-лошадиного странствия» по Сибири писатель вел, по его словам, «отчаянную войну» с холодом, с разливами рек, «с невылазною грязью, с голодухой, с желанием спать».

Несмотря на неблагоприятные условия поездки, на все пережитое в пути, Чехов был доволен предпринятым путешествием: «Ехать было тяжело, временами несносно и даже мучительно» (письмо И. Л. Леонтьеву-Щеглову от 5 июня 1890 г.), «тем не менее, все-таки я доволен и благодарю бога, что он дал мне силу и возможность пуститься в это путешествие» (Н. А. Лейкину, 5 июня 1890 г.). Приподнятое «кипучее» настроение не покидает Чехова в продолжение всего пути. По воспоминаниям поэта Вс. Долгорукова, встречавшегося с Чеховым в Томске, писатель «выглядел вполне здоровым человеком, полным сил и энергии» («Сибирский наблюдатель», 1904, № 7—8, стр. 217). В дневнике И. В. Багашева — корреспондента сибирских газет, видевшего Чехова в г. Нерчинске, — имеется такая запись: «Вчера у Мокеева (содержатель гостиницы) познакомился с беллетристом г. Чеховым; он едет на Сахалин. Ночевать не стал, боится не попасть на пароход. Человек любознательный, не чета чиновникам. Спрашивал о Нерчиноке и Каре, о врачах, удивился, что здесь есть музей. Мокеев — старая лиса: всех проезжающих называет «ваше превосходительство», и никто не возражает, только г. Ч[ехов] ему по поводу себя сделал замечание» («Забайкалье», Чита, 1954, кн. 7, стр. 208).

По письмам из Восточной Сибири можно судить о большом впечатлении, произведенном на писателя природой этого края. «Роскошнейшие пейзажи», «оригинальное и новое, встреченное... в Сибири»: леса, горы, Енисей, Ангара, Байкал, Амур «подарили меня такими ощущениями, которые сторицею вознаградили меня

за все пережитые кувырколлегии и которые заставили меня обругать Левитана болваном за то, что он имел глупость не поехать со мной»,— писал он М. П. Чеховой 6 июня 1890 г.

10 июля 1890 г. Чехов прибыл на Сахалин, и напряженная работа, которую он вел в течение своего трехмесячного пребывания на острове, отвлекла его от окончания сибирских очерков.

Поездка Чехова через Сибирь на Сахалин с целью изучения быта ссыльных совершалась в ту пору, когда вопрос о заселении Сибири стал злободневным. К концу прошлого века, в связи с оживлением общественной жизни России, в прогрессивных кругах Сибири все чаще и чаще раздавались голоса протеста против насильственной колонизации Сибири и Сахалина, против произвола властей и бесправного положения ссыльных и каторжных, против всего, что тормозило нормальное развитие края. Несмотря на цензурные запреты, эти вопросы все настойчивее проникали в печать («Восточное обозрение», 1890, № 9, 25 февраля; № 17, 29 апреля; № 19, 13 мая; № 22, 3 июня).

Незадолго до Чехова, в 1888 г., Гл. Успенский совершил путешествие по Сибири и опубликовал «Письма с дороги», в которых ярко изобразил тяжелое положение сибирских переселенцев. В 1885—1886 гг. американский журналист Кеннан, изучавший в Сибири положение русских политических ссыльных, написал цикл очерков «Сибирь и ссылка».

Местные сибирские газеты, откликнувшиеся в свое время на приезд Гл. Успенского, Кеннана, с интересом следили и за путешествием Чехова, иногда перепечатывая целиком или в выдержках его очерки («Сибирский вестник», 1890, № 59, 27 мая; № 91, 10 августа, «Восточное обозрение», 1890, № 23, 10 июня; № 30, 29 июля; № 34, 26 августа; 1891, № 4, 20 января).

Талантливость очерков была отмечена в отзывах современников писателя. «Какое тут превосходное было письмо А. Чехова из Сибири!»— пишет И. Е. Репин В. В. Стасову 25 июля 1890 г. («Переписка», т. 2, изд. «Искусство», М.—Л. 1949, стр. 153). «Какая могучая, чисто стихийная сила—Антон Чехов... Вот он теперь уехал на Сахалин и пишет с дороги свои корреспонденции, прочтешь и легче станет: не оскудели мы, есть у нас талант, сделавший честь всякой бы эпохе»,— писал В. А. Тихонов в своем дневнике («Литературное наследство», т. 68, изд. АН СССР, М. 1960, стр. 496).

Стр. 15. *Баттенберг* Александр (1857—1893) — в 1879—1886 гг. был болгарским князем. Ярый противник русско-болгарской дружбы, он проводил политику, всецело отвечавшую австрийским и германским интересам, чем вызвал резкое недовольство болгарского народа.

Стр. 30. *Рибо* Теодюль (1839—1916) — французский психолог.

Стр. 37. *Вигель* Филипп Филиппович (1786—1856) — мемуарист, путешественник, автор «Воспоминаний» (изданы в 1864—1865 гг.) о дворянском обществе и быте России первой четверти XIX века.

Гончаров Иван Александрович (1812—1891) — писатель. А. П. Чехов имеет в виду его книгу «Фрегат «Паллада».

Стр. 38. *Сибиряков* Александр Михайлович (1849—1893) — золотопромышленник, занимался освоением Северного морского пути. Чехов говорит о плавании в 1880 г. через Карское море в устье Енисея. Отчет о плавании печатался в «Известиях Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества».

ОСТРОВ САХАЛИН

Из путевых записок

Первые девятнадцать глав были напечатаны в журнале «Русская мысль», 1893, № 10, октябрь; № 11, ноябрь; № 12, декабрь; 1894, № 2, февраль; № 3, март; № 5, май; № 6, июнь; № 7, июль. С незначительными изменениями и с добавлением XX, XXI, XXII, XXIII глав вышло в отдельном издании журнала «Русская мысль», 1895. Глава XXII была еще до выхода книги опубликована в научно-литературном сборнике «Помощь голодающим», издание газеты «Русские ведомости», 1892. С новыми исправлениями включено автором в том X Собрания сочинений.

В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ЛБ) хранится черновой автограф «Острова Сахалина» с большой правкой (первые четыре страницы находятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР — ЦГАЛИ). В ЦГАЛИ хранятся также отрывки из XVIII, XIX, XX, XXI глав белой рукописи и гранка «Русской мысли» с правкой Чехова.

Книга «Остров Сахалин» явилась результатом путешествия А. П. Чехова на Сахалин в 1890 г. Некоторым современникам писателя, его родным и знакомым эта поездка казалась «случайной», «неожиданной»; это объяснялось в значительной степени

тем, что Чехов тщательно скрывал свои намерения. «Я же лично еду за пустяками»,— сообщал он А. С. Суворину 9 марта 1890 г. И впоследствии, в «Острове Сахалине», он писал: «Мое путешествие кажется мне крайне легкомысленным» (стр. 45). На самом же деле, путешествие на Сахалин — подлинный гражданский подвиг Чехова—является фактом вполне закономерным в жизни и творчестве писателя. Оно было связано со все растущим у Чехова к концу 80-х годов критическим отношением к социальной действительности, чувством ответственности перед народом и своей страной, с неудовлетворенностью своим творчеством. «Если опять говорить по совести, то я еще не начинал своей литературной деятельности» (письмо Суворину от 27 октября 1888 г.). «Сам я от своей работы благодаря ее мизерности.. удовлетворения не чувствую... Рано мне жаловаться, но никогда не рано спросить себя: делом я занимаюсь или пустяками» (ему же, 26 декабря 1888 г.). Так писал взыскательный художник в годы всеобщего признания его таланта, когда за один из выпущенных сборников («В сумерках», 1887) он получил от Академии наук Пушкинскую премию, когда были созданы уже такие значительные произведения, как «Степь», «Иванов», «Огни» и др. «1888—1889 годы были какими-то необыкновенными по душевному подъему у Антона Павловича»,—вспоминал брат его Михаил («Антон Чехов и его сюжеты», М. 1923, стр. 49). Поездка на Сахалин обострила чувство протеста, нараставшее в творчестве Чехова со второй половины 80-х годов. В ответ на письмо И. Л. Леонтьева-Щеглова, в котором тот сетовал на «печальные новости», не находя им объяснения («Фофанов сидит в сумасшедшем доме, Глеб Успенский страдает галлюцинациями... Баранцевич жаждет вызвать на дуэль какого-нибудь прохвоста и умереть, как Лермонтов» (20 марта 1890 г.)), Чехов писал о необходимости искать ответ на мучающий всех вопрос. «Что делать?» Если бы этот ответ был найден, то «Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор, Баранцевич не хандрил бы, и нам бы не было так скучно и нудно, как теперь, и Вас не тянуло бы в театр, а меня на Сахалин» (22 марта 1890 г.).

Изучая литературу о Сахалине еще до поездки, Чехов живо интересовался русскими путешественниками Пржевальским, Невельским, Бошняком. Они привлекали писателя своей горячей любовью к родине, к делу, мужеством и трудолюбием, самоотверженным служением общественному долгу, нравственной чистотой

той. О «громадном воспитательном значении», о «могучей школе» личного примера, «подвижничества» сказал Чехов в некрологе о путешественнике Пржевальском. «В наше больное время... подвижники нужны, как солнце... Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что... есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанный цели» (стр. 410).

Стремлением отыскать ответ на мучившие его вопросы, познать родную страну, запастись новыми, свежими впечатлениями объясняется «бродяжий» образ жизни Чехова в конце 80-х годов. Поездки на Украину, на Кавказ и в Крым лишь ненадолго удовлетворяют писателя. Возникают новые планы путешествий: на Волгу, в Среднюю Азию, в Персию. Летом 1889 г., после смерти брата Николая, которая глубоко потрясла Антона Павловича, он снова было отправился в Крым, но поездка оказалась какой-то «машинальной», бесцветной: «Я еду в Ялту и положительно не знаю, зачем я туда еду» (И. П. Чехову, 16 июля 1889 г.). Чехов изменил план дальнейшего путешествия и возвратился в Москву. В это время и созрело, по-видимому, у него решение отправиться на Сахалин. Чехов хотел заглянуть в такие уголки России, где несправедливость, деспотизм, насилие были особенно обнажены, и, сделав это достоянием гласности, вызвать в обществе чувство ответственности за то, что происходит в стране. «Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей,— писал он Суворину,— сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей» (9 марта 1890 г.).

Поездкой на Сахалин Чехов как бы отвечал на установившееся в либеральной, народнической критике мнение о нем, как о бесстрашном, беспринципном, политически индифферентном писателе. В связи с заметкой в «Русской мысли» (1890, № 3, март) он за несколько дней до отъезда писал редактору журнала В. М. Лаврову: «Я пожалуй, не ответил бы и на клевету, но на днях я надолго уезжаю из России, быть может никогда уж не вернусь, и у меня нет сил удержаться от ответа. Беспринципным писателем, или, что одно и то же, прохвостом, я никогда не был» (10 апреля 1890 г.).

Вполне представляя всю сложность и трудность предстоящего путешествия, Чехов понимал большое общественное значение задуманного им дела, хотя с присущей ему скромностью и сомневался в своих силах. «Сахалин нужен и интересен,— писал он

Суворину 9 марта 1890 г.,— и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе...» «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий... Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ездил, но благодаря тем книжкам, которые прочел теперь по необходимости, я узнал многое такое, что следует знать всякому под страхом 40 плетей и чего я имел невежество не знать раньше. К тому же, полагаю, поездка— это непрерывный полугодовой труд, физический и умственный, а для меня это необходимо, так как я хохол и стал уже лениться. Надо себя дрессировать». Уже по этому письму видно, что писателю приходилось преодолевать сопротивление сомневающихся в пользе задуманного им путешествия. «Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен,— продолжает он.— Будто бы это верно? Сахалин может быть не нужным и не интересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов... Сахалин— это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный... Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку».

К своему путешествию Чехов готовился с исключительной энергией и тщательностью несколько месяцев (с конца 1889 г. до середины апреля 1890 г.). Он изучал уголовное право, историю тюремного заключения и ссылки в России, историю колонизации Сахалина, знакомился с работами исследователей острова: геологов, этнографов и др., с книгами русских и иностранных путешественников (Крузенштерна, Гончарова и др.), с произведениями русских писателей о каторге и ссылке (С. Максимов, Достоевский, Короленко), с газетными и журнальными корреспонденциями, с официальными отчетами Главного тюремного управления. Решительно осуждая тех современных писателей, которые не знали «ни истории, ни географии, ни естественных наук, ни религии родной страны, ни администрации, ни судопроизводства» (Суворину, 15 мая 1889 г.), Чехов с увлечением работал над материалами для будущей книги. Еще до поездки он в основном

составил библиографию (шестьдесят пять названий)¹ и написал по имевшимся в его распоряжении источникам некоторые части будущей книги, которые не требовали личных наблюдений: краткий географический очерк, историю исследования Сахалина (вошло в первую и вторую главы книги). «Я начал уже писать про Сахалин. Написал страниц пять «истории исследования». Вышло ничего себе, как будто по-умному и авторитетно. Начал и географию с градусами и с мысами...» — писал он Суворину 4 марта 1890 г. «Я сижу безвыходно дома и читаю о том, сколько стоил сахалинский уголь за тонну в 1863 году и сколько стоил шанхайский, читаю об амплитудах и NO, NW, SO и прочих ветрах, которые будут дуть на меня, когда я буду наблюдать свою собственную морскую болезнь у берегов Сахалина. Читаю о почве, подпочве, о супесчанистой глине и глинистом супесчанике» (письмо М. И. Чайковскому 16 марта 1890 г.).

Собираясь на Сахалин, Чехов заботился о том, чтобы получить свободный доступ во все тюрьмы и поселения острова. Он обратился за содействием к начальнику Главного тюремного управления Галкину-Враскому и к баронессе Иксуль, как это советовали ему знакомые. «Если,— писал ему, например, Р. Чагин,— Вы не запаслись вескими документами из какого-нибудь общества... за печатью и подписью влиятельного лица,— *ничего Вы не добьетесь на всем Сахалине*» (18 апреля 1890 г.). Однако писатель скоро понял бессмысленность подобных обращений к влиятельным лицам: «Галкин не писал обо мне ни слова. Ни Галкин, ни баронесса Выхухоль (Иксуль.— М. С.), ни другие гении, к которым я имел глупость обращаться за помощью, никакой помощи мне не оказали; пришлось действовать на собственный страх» (Суворину, 11 сентября 1890 г.). «Вооруженный» только паспортом и корреспондентским билетом, выданным газетой «Новое время», Чехов имел все основания думать о возможности «неприятных столкновений с предрержащими властями» и опасался, что поездка его не достигнет полностью желаемой цели. В самом деле, «предрержащие власти» не только не оказали содействия отправившемуся на Сахалин писателю, но всячески старались препятствовать ему. Галкин-Враский дал секрет-

¹ Тетрадь с библиографическими записями Чехова хранится в ЦГАЛИ. Кроме указанных здесь Чеховым шестидесяти пяти работ, он использовал для своей книги еще более пятидесяти названий (см. Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, т. 10, М. 1948, стр. 519—527).

ное предписание не допускать его до общения с политическими ссыльными. Хотя Чехов и говорил позднее, что на каторге «видел все, кроме смертной казни» (Суворину, 9 декабря 1890 г.), но он высказывал подозрение, что какие-то значительные стороны сахалинской действительности были от него скрыты местным начальством: «У меня такое чувство, как будто я видел все, но слона-то и не заметил» (Суворину, 11 сентября 1890 г.). Это подозрение имело вполне реальные основания. Секретное распоряжение Галкина-Враского вызвало, в свою очередь, секретное предписание начальника острова генерала Кононовича, разосланное по округам. «Выдав свидетельство лекарю Антону Павловичу Чехову в том, что ему разрешается собирать разные статистические сведения и материалы, необходимые для литературной работы об устройстве на острове Сахалине каторги и поселений, с правом посещения им тюрем и поселений, поручаю Вам иметь неослабное наблюдение за тем, чтобы Чехов не имел никаких сношений с ссыльнокаторжными, сосланными за государственные преступления и административно сосланными, состоящими под надзором полиции» (Н. И. Гитович, *Летопись жизни и творчества А. П. Чехова*, Гослитиздат, М. 1955, стр. 272). Следуя предписанию Галкина-Враского, приамурский генерал-губернатор барон Корф взял с Чехова честное слово, что он не будет общаться с политическими (письмо Чехова Д. Л. Манучарову от 21 марта 1896 г.— *«Литературное наследство»*, т. 68, изд. АН СССР, М. 1960, стр. 197).

На Сахалин Чехов прибыл 10 июля 1890 г. В течение своего трехмесячного пребывания на острове писатель напряженно работал. Чтобы ближе познакомиться с условиями жизни заключенных в тюрьмах и ссыльных в колонии, он единолично произвел перепись сахалинского населения, заполнив десять тысяч статистических карточек (часть их хранится в ЛБ и ЦГАЛИ). «Я объездил все поселения, заходил во все избы...— писал он Суворину,— вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано...» (11 сентября 1890 г.) Чехов вел дневник, в который вносил свои впечатления, наблюдения, факты. Эти записи были своего рода литературными «заготовками» для будущей книги. Их и некоторые другие материалы (копии статейных списков ссыльнокаторжных, донесения врача Перлина, стихи и записка ссыльнокаторжного Дмитриева и др. хранятся в ЦГАЛИ и ЛБ) он имел в виду, когда писал, что привез с собой

с Сахалина «целый сундук всякой каторжной всячины, которая, как сырой материал, стоит чрезвычайно дорого» (Суворину, 9 декабря 1890 г.).

Писатель оказывал на Сахалине личную (материальную и моральную) помощь многим ссыльным, о чем красноречиво свидетельствуют письма «сахалинцев» и их родных. «В бытность Вашу в прошлом году на о-ве Сахалине,— писал Чехову С. Коратаев,— Вы осчастливили меня своим разговором относительно моей судьбы, завлекшей меня в каторжные работы, рассказав Вашему Высокоблагородию положительно справедливо о том, что я совершенно незаслуженно переношу возложенную на меня кару» (1 сентября 1891 г.). «Телка, которую Вы изволили меня наградить в 90-м году, растет, в настоящее время стоящая ценою сорок рублей серебром, в которой сосредоточиваются все мои надежды. Смотря на это животное, ежедневно благодарю Вашей милости, и вечно буду молиться богу и благодарить Вас, Ваше высокородие, за такую великую для меня, несчастного человека, сделанную Вами награду» (М. Хоменко А. П. Чехову, 21 сентября 1891 г.). Сахалинский чиновник С. А. Фельдман, который под влиянием Чехова вышел в отставку, пишет: «Вы в нашу дикую жизнь внесли что-то новое, совсем не сахалинское» (12 ноября 1892 г.); и несколько позднее: «Не могу позабыть Вашего пребывания в Корсаковске, которое нас всех заставило очнуться от той безобразной, бесцельной жизни, свидетелем которой Вы были сами» (27 ноября 1892 г.).

13 октября 1890 г. Чехов покинул Сахалин. Через Японское море, Индийский океан, Суэцкий канал, Черное море, Одессу он, после восьмимесячного отсутствия, возвратился в Москву (8 декабря 1890 г.). Напряженная работа, сильные переживания на Сахалине («В итоге я расстроил себе нервы»,— письмо Суворину, 11 сентября 1890 г.), лишения во время трудного сибирского пути сказались на здоровье писателя. «Со дня моего приезда домой у меня началась так называемая перемежающаяся деятельность сердца, или, как я привык называть сию болезнь, перебои сердца: каждую минуту сердце останавливается на несколько секунд, причем ощущается в груди присутствие резинового мячика; это бывает каждый вечер, по утрам легче» (Н. А. Лейкину, 27 декабря 1890 г.). Кроме того, в дороге у Чехова открылось кровохарканье. Но, несмотря на нездоровье и утомление, он горел желанием поделиться с читателем своими впечатлениями о царской каторге — Сахалине,

представлявшемся ему «целым адом» (А. С. Суворину, 9 декабря 1890 г.).

У современников Чехова поездка писателя на Сахалин вызвала разноречивые мнения. Литературные друзья Чехова приветствовали ее, считали переломным этапом в творческой жизни писателя: «Ваша поездка возбуждает большие ожидания. Вы приготовили себе отличную почву для нового периода Вашей деятельности»,— пишет Вл. И. Немирович-Данченко Чехову 15 июня 1890 г. «То, что Вы едете на Сахалин,— очень хорошо и дельно придумано, и я желаю Вам ото всего моего... сердца здоровья, удачи и самых счастливых встреч и впечатлений,— откликается И. Л. Леонтьев-Щеглов 20 марта 1890 г.— Раз Вы опишете Ваше путешествие не мудрствуя лукаво, с присущими Вам наблюдательностью и остротой, то будет уже громадная заслуга перед обществом, и книга должна получиться захватывающего интереса и поучительности. Помимо того, узнав чуть не $\frac{3}{4}$ России, Вы в Ваших творческих работах будете иметь уже ту живую, руководящую нить, без которой все мы выглядим по справедливости какими-то недовершившимися и немогузнайками».

Настроенные враждебно по отношению к Чехову реакционные журналисты стремились дискредитировать этот значительный факт его биографии и творчества. Так, «нововременец» В. П. Буренин разразился злобным экспромтом:

«Талантливый писатель Чехов,
На остров Сахалин уехав,
Бродя меж скал,
Там вдохновения искал.
Но не найдя там вдохновенья,
Свое ускорил возвращенье..
Простая басни сей мораль —
Для вдохновения не нужно ездить вдаль».

(Из письма Александра Чехова А. П. Чехову 24 января 1890 г. «Письма А. П. Чехову его брата, Александра Чехова», Соцэкгиз, М. 1939, стр. 234). С иронией отзывался Буренин о поездке Чехова и в газете «Новое время» (1891, № 5341, 11 января). Фельетонист «Нового времени» Н. М. Ежов в своих пасквильных воспоминаниях о Чехове объясняет поездку на Сахалин тем, что Чехов, «произведший сам себя в гении, искал гениального сюжета», а «Остров Сахалин» Ежов считает образчиком того, «как

не надо писать подобные книги» («Исторический вестник», 1909, № 8).

Книгу «Остров Сахалин» Чехов писал в продолжение 1890—1894 гг. Хотя многочисленные посетители и «работа ради куска хлеба» мешали ему «заниматься Сахалином» (Суворину, 5 января 1891 г.), хотя он был отвлечен поездкой за границу (май 1891 г.), большой общественной деятельностью (помощь голодающим, подготовка к борьбе с надвигающейся эпидемией холеры), созданием таких художественных произведений, как «Дуэль», «В ссылке», «Палата № 6» и др., но сознание большого значения предпринятого труда заставило его упорно и систематически работать над книгой. «Сие мое детище я не могу бросить»,— писал он Суворину 16 августа 1892 г. Работа над «Сахалином» подвигалась довольно быстро, что объяснялось еще и наличием «сахалинского дневника», «заготовок», привезенных писателем. К концу 1891 г. Чехов закончил собиранье и систематизацию материала, написал начерно первые главы, литературно оформил XXII главу о беглых.

Затрудняла работу над книгой постоянная оглядка на цензуру. Галкин-Враский поставил Чехову непременно условием представление ему «Острова Сахалина» в корректуре, писал доносы в Главное управление по делам печати на содержание отдельных глав. «Пока на тюремном престоле сидит Галкин-Враский, выпускать книгу мне сильно не хочется»,— писал Чехов Суворину 16 августа 1892 г.; и позднее, при публикации «Сахалина»: «Галкин-Враский жаловался Феоктистову (начальнику Главного управления по делам печати.— М. С.); ноябрьская книжка «Русской мысли» была задержана дня на три» (ему же, 25 ноября 1893 г.). Публикация в журнале была приостановлена цензурой на девятнадцатой главе; остальные главы в «Русской мысли» не появились, несмотря на энергичные хлопоты Чехова и редакторов журнала — В. А. Гольцева и В. М. Лаврова.

Основательно изучив официальные документы, в частности отчеты Главного тюремного управления, Чехов отнесся к ним весьма скептически: «Если увидите Галкина-Враского,— писал он А. Н. Плешееву 15 февраля 1890 г.,— то скажите ему, чтобы он не очень заботился о рецензии для своих отчетов. Об его отчетах я буду пространно говорить в своей книге и увековечу имя его». Такой «рецензией» на «Отчеты» Галкина-Враского и другие документы, рекламировавшие правительственную идею создания земледельческой колонии на Сахалине силами ссыльнокаторж-

ных, во имя якобы «исправления преступников», явилась вся книга Чехова «Остров Сахалин» Изучив литературу, а затем, на месте, познакомившись с сахалинской действительностью, писатель разоблачил тех, кто писал о «благополучной колонизации».

Чехов пришел к выводу, что освоение Сахалина, развитие на острове сельского хозяйства возможны только при условии свободного труда, больших земельных наделов, разумного выбора мест для земледелия. В условиях же насильственной колонизации, рабского каторжного труда, неустроенности быта, отсутствия орудий труда — существование сельскохозяйственной колонии невозможно, и «гуманная» идея исправления «преступников» оказывается глубоко лицемерной. В соответствии с этой ведущей мыслью Чехов противопоставлял дутым цифрам, искаженным фактам, ложным выводам официальных отчетов центральной и местной администрации, приукрашивавшей положение на Сахалине свои цифры, наблюдения и выводы. Так, например, вместо идеализированной картины жизни и труда сахалинских поселенцев, будто бы обеспеченных «машинами, орудиями, приборами, инструментами и материалами, которые необходимы для производимых на острове работ» («Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления 1879—1889 гг.», Спб. 1889, стр. 139), Чехов создает правдивую картину: «Поселенцы отправились к месту буквально с голыми руками. Из жалости им были даны из тюрьмы старые топоры, чтобы они могли нарубить себе лесу». «На новое место, обыкновенно болотистое и покрытое лесом, поселенец является, имея с собой только плотничий топор, пилу и лопату. Он рубит лес, корчует, роет канавы, чтобы осушить место, и все время, пока идут эти подготовительные работы, живет под открытым небом, на сырой земле» Вопреки официальному восторженному отзыву о постройке на Сахалине «Туннеля императора Александра III» — «замечательного сооружения», которое якобы «служит хорошим началом полезных общественных работ в этом отдаленном крае» («Отчет по Главному тюремному управлению за 1883 г.», Спб. 1885, стр. 28) Чехов пишет: «Рыли его, не посоветовавшись с инженером, без затей, и в результате вышло темно, криво и грязно. Сооружение это стоило очень дорого, но оно оказалось ненужным, так как, при существовании хорошей горной дороги, нет нужды ездить по береговой, проезд по которой стеснен условиями отлива и прилива... Рыли туннель, заведующие работами катались по рельсам в вагоне с надписью «Александровск — Пристань», а каторж-

ные в это время жили в грязных сырых юртах, потому что для постройки казарм не хватало людей».

Большое общественное значение книги Чехова увидели уже некоторые его современники. Были попытки определить особенности жанра «Острова Сахалина» и найти связь между ним и художественными произведениями писателя. Интересен отзыв А. Богдановича («Мир божий», 1902, № 9, сентябрь); автор называет «Сахалин» по содержанию и языку «бесспорно классическим произведением». Он отмечает и великолепное художественное описание жизни «гиблого места» «...наряду с исчерпывающей полнотой научного, этнографического и географического, статистического и бытового материала... Не подчеркивая и отнюдь не стараясь ставить точки над *i*,— говорит Богданович,— автор превосходной группировкой фактов и личных наблюдений вырисовывает такую потрясающую картину жизни на Сахалине, что, совершенно подавленный и глубоко пристыженный, закрываешь книгу и долго не можешь отделаться от полученного впечатления. Если бы г. Чехов ничего не написал более, кроме этой книги, имя его навсегда было бы вписано в историю русской литературы и никогда не было бы забыто в истории русской ссылки. Сказанным достаточно определяется огромное общественное значение его книги, тем более что лучшей книги о Сахалине до сих пор не было и нет».

«Остров Сахалин» представляет собой своеобразное сочетание научного, публицистического и художественного элементов, он ближе всего к жанру очерка, вернее, серии очерков. В современной Чехову критике суждения о жанре книги были противоречивы. Так, А. Скабичевский, сравнивая «Сахалин» с тематически родственными ему произведениями — «Записками из Мертвого дома» Ф. Достоевского и «В мире отверженных» Л. Мельшина,— приходит к выводу, что книга Чехова представляет собою, в противоположность художественным описаниям Достоевского и Мельшина, «научно серьезное и обстоятельное... исследование быта каторжных и поселенцев» («Русская мысль», 1898, № 9—10). Автор статьи в «Неделе» (1895, № 38, 17 сентября) писал: «Остров Сахалин» — очень серьезный вклад в изучение России, будучи в то же время интересным литературным трудом». О «сухости изложения», обилии в отдельных главах сырого материала говорят анонимный автор «Русских ведомостей» (1894, № 81, 23 марта) и В. Дорошевич («Русское слово», 1904, № 183, 3 июля). Для М. Неведомского «Остров Сахалин» лишь «дело-

вой доклад», в котором, правда, есть «истинно чеховские п с красоте и силе места». «Непонятно скуден этот «Сахалин» Чехова»,— пишет Неведомский («Юбилейный Чеховский сборник», изд. «Заря», М. 1910, стр. 93—95). А. Дивильковский, который нашел, что «Остров Сахалин» дает очень много для понимания всего творчества Чехова, считает, однако, что по своей форме это — «довольно сухой, добросовестный прозаический очерк, в основе которого лежит разработка статистических материалов» (журн. «Правда», 1905, № 7) И. Малиновский не только увидел связь книги Чехова с другими его произведениями, но и отметил, что здесь писатель также «остаётся... художником; многие страницы «Острова Сахалина» прямо могут быть перенесены в художественную литературу» («Известия императорского Томского университета», кн. XXV, Томск, 1905). Е. Ляцкий в некрологе о Чехове («Вестник Европы», 1904, № 8) ставит перед исследователями писателя задачу «уловить признаки внутренней связи между впечатлениями Чехова, вывезенными из поездки на Сахалин», и художественными произведениями, изображающими современную жизнь. На близость «Острова Сахалина» художественным произведениям Чехова указывал также А. Огнев в журнале «Колосья» (1893, № 11): «Здесь автор «Степи»,— пишет он,— является по-прежнему неизменно чутким и впечатлительным художником».

В «Русской мысли» очерки Чехова о Сахалине во многих номерах открывали беллетристический отдел журнала. Издатель собрания сочинений Чехова А. Ф. Маркс, помещая очерки в десятом томе, писал автору: «Я считаю «Остров Сахалин» произведением более беллетристическим, чем этнографическим!» (13 декабря 1901 г.)

Подготавливая «Остров Сахалин» сначала для журнала, затем для отдельного издания и собрания сочинений, Чехов искал наиболее удовлетворяющую его форму изложения. Строго научное освещение фактического материала должно было, по замыслу автора, сочетаться с художественными зарисовками быта каторжных и ссыльных, при этом повествование должно было оставаться объективным. «То, что Вы когда-то читали у меня (первоначальный вариант книги, не дошедший до нас.— М. С.), забудьте, ибо то фальшиво. Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока наконец не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и вместе с тем что-то скрываю и сдержи-

ваю себя. Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко...» (Суворину, 28 июля 1893 г.)

Чехов избегал поучающего тона, но многими способами давал почувствовать свое отношение к изображаемому. Один из способов, как мы видели, была полемика с официальными отчетами. Для автора «Острова Сахалина» характерно не только критическое отношение к изученной литературе («статьи писались или людьми, никогда не бывавшими на Сахалине и ничего не смыслящими в деле, или же людьми заинтересованными, которые на сахалинском вопросе и капитал нажили и невинность соблюли» — Ал. Чехову, 25 февраля 1890 г.), но и творческое использование источников. Пользуясь фактическими материалами, писатель добивался максимальной выразительности. Вот как сам он рассказывает о своей работе над таким специальным предметом, как описание климата Сахалина: «Вчера я целый день возился с сахалинским климатом. Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов поймал черта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно» (Суворину, 18 мая 1891 г.). Знакомясь с «сахалинской» литературой и включая некоторые данные в свою книгу, Чехов делал тщательный отбор материала.

Дать факты, проверенные и точные,— основная цель Чехова. Поэтому в очерках писатель, необыкновенно изобретательный на фабулы, отказывается от них, как и от колоритных жанровых сцен, от развернутых пейзажей, ярких биографий, хотя некоторые из них, по словам самого Чехова, могли бы служить сюжетом «для большой и нескучной повести» (черновая рукопись, стр. 141). Как будто бы не связанные между собою факты, неяркие картины, обыденные сцены жизни, быт, труд каторжных, поселенцев, пища, одежда арестантов, правовое их положение, наказания, портреты, судьбы самых обыкновенных людей, измученных в ссылке и на каторге,— вот что является предметом изображения Чехова, что находится в центре его внимания. Не «стадо», не «отребье человечества», а рядовых людей, попавших в Сибирь и на сахалинскую каторгу зачастую в результате «судебных ошибок», произвола, царившего в России, видим мы в книге Чехова.

Писатель высмеивает изображение каторжных в литературе того времени, традиционно представлявшей их не иначе, как с орудием убийства в руках и с зверским выражением лица: «При-

дешь к знакомому,— пишет Чехов,— и, не заставши дома, сядешь писать ему записку, а сзади в это время стоит и ждет его слуга каторжный с ножом...» Под пером автора «Сахалина» эта «страшная картина» в духе уголовных романов иронически разрешается самым обыденным образом: «...с ножом, которым он только что чистил в кухне картофель. Или, бывало,— продолжает Чехов,— рано утром, часа в четыре просыпашься от какого-то шороха, смотришь — к постели на цыпочках, чуть дыша, крадется каторжный. Что такое? Зачем? «Сапожки почистить, ваше высокоблагородие».

В своих сибирских и сахалинских очерках Чехов не дает развернутых биографий, не обрисовывает всесторонне внешний и внутренний облик героев. Чтобы создать впечатление массовости явлений, чтобы иметь право делать обобщения, выводы, автор прибегает к другому методу: бегло знакомит читателя со многими людьми, со многими случаями, обстоятельствами. Это соответствовало и самому жанру путевых очерков. Как бы мимоходом схваченные сцены, разговоры, характеры воспроизводят общую картину, пронизанную единой мыслью писателя о бесправном, униженном человеке. В подтверждение своих наблюдений автор ссылается на рассказы местных жителей («по отзывам арестантов», «по словам врача», «по словам инженера», «по рассказам старожилов», «как говорят», «мне рассказывали» и т. д.).

Но Чехов был так потрясен всем виденным на острове, что часто не хотел скрывать своего тяжелого душевного состояния, вызванного сахалинскими впечатлениями, глубоким состраданием к каторжным и поселенцам: «Становится грустно и тоскливо», «Кажется... будь я каторжным, то бежал бы отсюда непременно, несмотря ни на что». В ходе повествования он делает отступления лирического характера, которые раскрывают читателю отношение автора к изображаемому: «Тут, на берегу, овладевают не мысли, а именно думы». «Море раскидывается перед глазами (с вершины маяка.— М. С.)... и тут только сознаешь, как скучно и трудно живется внизу» Некоторые места, где субъективные авторские чувства, настроения, мечты были выражены прямо, Чехов не включил в окончательный текст, по соображениям, быть может, цензурным или из желания избежать излишней патетики. Например, в черновой рукописи имеются такие слова: «Татарский берег красив, смотрит ясно и торжественно... Быть может, в будущем, здесь, на этом берегу, будут жить... люди... счастли-

вее, чем мы, в самом деле наслаждаться свободой и покоем. Мы уже осквернили эти берега и эти воды насилем... Этими прекрасными берегами проводили арестантов, звенели кандалы... шел смрад от солонины из трюмов, а когда долго смотришь на него... внушает особенное чувство, как будто я... вступаю в какой-то новый, спокойный и свободный мир» (черновая рукопись, стр. 11).

Чаще всего Чехов предоставлял право говорить самим фактам, оставляя в тени свое авторское «я». Так, в сцене телесного наказания Чехов передает с кажущимся бесстрастием лишь внешние, доступные взгляду наблюдателя проявления чувств наказываемого: Прохоров сидит беззаботно на крыльце, «сильно побледнел» (когда узнал, что будет сейчас подвергнут экзекуции); во время самого наказания Прохоров молчит, затем молит, причитает и вновь молчит. Какое впечатление произвела на самого Чехова эта сцена телесного наказания, мы знаем из его письма: «Присутствовал при наказании плетьюми, после чего ночи три-четыре мне снился палач и отвратительная кобыла» (Суворину, 11 сентября 1890 г.). В черновой рукописи были такие слова о Дуэ, где Чехов присутствовал при наказании: «Я обязан ему многими сильными впечатлениями и не желаю читателю видеть его даже во сне» (стр. 75). Не вошли в печатную редакцию и общие рассуждения о вредном влиянии телесных наказаний на окружающих: «Наказания, например, виселица и плеть... часто повергают население острова в не меньший ужас, чем сами преступления. Они, главным образом, имеют целью унижение личности преступника, возможно чувствительнее... способствуют огрубению нравов» (черновая рукопись, стр. 248). «Плети исстари пользуются мрачной славой; ссыльные говорят о них, как о несчастье, наказании божием, которое может постигнуть всякого. Когда на Сахалин прибывает новая партия, то прежде всего выбирается из новичков один, который обходит партию и собирает на палача; и палач ежемесячно сам обходит всех мастеровых и каторжных, которые имеют деньги. И идут разговоры о том, что такого-то палач забил до смерти, такой-то после пятого удара впал в бесчувствие, его облили водой, потом опять начали и т. д. Наказываемый перед началом экзекуции обыкновенно просит, чтобы его «били не до смерти», а после экзекуции ссыльные ведут его под руки бережно, и с тем благоговением, которое люди невольно чувствуют при виде страдания. И надо видеть, как все

население относится к плетям и заплочному мастеру, надо присутствовать при наказании, чтобы понять, до какой степени все это не похоже на русское. Наказывать мы учились сначала у татар, потом у немцев, и в экзекуции есть разве только то русское, что перед началом ее наказуемый крестится» (черновая рукопись, стр. 250). В окончательной редакции очерков глубокая взволнованность писателя, его негодование не обнаружены прямо. Они лишь угадываются читателем по ряду косвенных замечаний. Автор — свидетель наказания — выходит из надзирательской, где происходит экзекуция, вновь входит и выходит; он фиксирует внимание на числе ударов: раз, пять, десять, двадцать, тридцать, сорок два, «наконец девяносто», — и в этом чувствуется беспокойство, мучительное ожидание конца «отвратительного зрелища». Возмущение писателя угадывается и в создании кратких отрицательных характеристик исполнителей наказания; смотритель «равнодушно посматривает в окно», палач методично, не спеша приготавливает все для наказания и со вкусом наносит удары плетью; военный фельдшер, «точно милостыни», просит разрешения посмотреть экзекуцию; доктор «в одну минуту» решает вопрос, сколько ударов может вынести арестант. В черновой редакции здесь было такое добавление: «Доктор знает, что я врач, но ему нисколько не стыдно решать этот вопрос в моем присутствии, вопрос неразрешимый даже приблизительно» (стр. 251). Включая двадцать вторую главу (о беглых) в отдельное издание книги, Чехов снял и такие слова: «Во многих случаях глубокомысленное выслушивание сердца и легких для того, чтобы удостовериться, что пойманный может вынести 60 или 100 плетей, есть только ненужная, фальшивая и дутая процедура» (сб. «Помощь голодающим», 1892, стр. 230).

Наряду с собирательным портретом «сахалинца», черты которого читатель восстанавливает по рассеянным в книге замечаниям, беглым зарисовкам, Чехов дал и индивидуальные портреты, — например, ссыльнокаторжного Егора. Ему автор посвящает целую главу — шестую — и дает ей название: «Рассказ Егора». Автор не ставит задачей дать всю биографию своего героя, а поручает Егору самому рассказать об обстоятельствах «преступления», которое привело его на Сахалин. Здесь особенно ясно чувствуется, что внимание писателя было обращено прежде всего на рядовых людей из народа, попавших на каторгу большей частью в результате «судебной ошибки». Вместо «увлекательного» уголовного рассказа Чехов передает путаную, косно-

язычную речь темного, простодушного мужика, прерываемую лаконичными репликами слушателя-автора. Акцент сделан не на преступлении, а на личности «преступника»; некоторые слова Егора и подтекст всей главы заставляют читателя восстановить картину допроса Егора и суда над ним.

Черновая рукопись, поздние редакции книги, а также письма сахалинского чиновника Булгаревича дают возможность восстановить процесс создания шестой главы, которой писатель придавал большое значение. На Сахалине Чехов был знаком с Егором, который добровольно прислуживал Булгаревичу и судьбой которого живо интересовался писатель. В одном из писем Булгаревич передает Антону Павловичу благодарность Егора за оставленный ему Чеховым полшубок: «Приказал мне благодарить тебя и пожелать тебе от бога, чего ты сам и просишь и молишь» (5 июня 1891 г.) и сообщает: «Егор вышел на поселение и теперь строит дом по Корсаковской дороге». По просьбе писателя Булгаревич записал рассказ Егора, который Чехов слышал и сам, будучи на Сахалине. «Оказии Егора я списал с его слов, вышло, по-моему, довольно неплохо; не было подходящего времени и расположения. После Вашего отъезда мне предложили убраться с той квартиры... Переноски, перетасовки, возня, скупность зверя и человека — все это было весьма неблагоприятно для настроения Егора» (письмо Булгаревича от 22 октября 1890 г.) «Ну, как? Егор вышел неудачно? Правда? — спрашивал Булгаревич в письме от 5 июня 1891 г.— Одно дело видеть и понимать его, а другое дело писать то, что он говорит. Если бы во всем «Егоре» нашлась хотя одна строчка, которая бы Вам напомнила настоящего Егора, то я и тогда остался бы доволен». Чехов одобрил запись Булгаревича. «Кстати, вы пишете, что Егор вышел удачно... Сознаюсь, что охотно писал рассказываемую Егором белиберду в надежде, что, быть может, хотя одна фраза, одно слово из егоровских перлов настроит даровитого художника на мотив о беспощадности законов, применяемых понапрасну к массе добродушных Егоров» (21 января 1892 г.). Но писатель не просто скопировал присланную ему Булгаревичем запись. Стремясь создать обобщенный образ сахалинского ссыльнокаторжного, он значительно переработал запись: сократил рассказ за счет мест, не имевших непосредственного отношения к главной цели, например, за счет описания шторма, кораблекрушения; внес многие реплики слушателя, сделал вступление от автора, в котором зарисовал портрет Егора, сказал о его прошлом, вос-

произвел существенные черты его характера и речи, устранив при этом лишние диалектизмы (например, лапти вместо сутунки). Он заботился о сохранении единого колорита устной речи, определенного ритма повествования. В речи Егора преобладают в окончательной редакции простые предложения. Но писатель хотел передать также неуменье Егора отобрать факты, последовательно и четко изложить события. Ясно, что запутанный, алогичный, неумелый рассказ Егора о «преступлении» при формальном отношении судей предрешил его судьбу. Он не был виновен в убийстве, но не сумел защитить себя, толково рассказать, где и когда он расстался с пострадавшим, где был во время убийства. Чехов устраняет реплики Егора, в которых выражено сознательное отношение его к происходившему. Так, снято недовольство Егора судьями: «Да и говорить не дают. Прежнего урядничьего протокола не показывали, а облыжности поверили» (черновая рукопись, стр. 56). Таким образом, не закоренелого преступника, а безграмотного, невежественного человека «с простодушным, на первый взгляд глуповатым лицом» рисует в шестой главе Чехов. Рассказ Егора типичен по своей бесцветности и незанимательности. Писатель слил в нем «сотни рассказов», услышанных им от сахалинских арестантов. Он заставил читателя увидеть в «преступнике» простого, бесправного человека, трудолюбивого и доброго, сказал правду о суде, присылающем на каторгу «много хорошего, надежного элемента», о равнодушии общества, не реагирующего на вопиющую несправедливость, насилие, произвол.

Поставив перед собой такие гуманные цели, Чехов настойчиво освобождал очерки от всего сенсационного, необычайного. Так, в печатную редакцию не была включена встреча с «таинственным» Колосовским: «В одной из камер, между прочим, мне показывали некоего Колосовского; это блондин лет сорока, с интеллигентной, довольно выразительной физиономией и с курчавыми волосами; он в халате из темно-серого сукна и постоянно запахивается, чтобы я не увидел его кандалов, которых он, по видимому, стыдится. Существует подозрение, что он принимал деятельное участие в разгроме кордона, бывшем лет семь назад, и что он вовсе не Колосовский. «Помилуйте,— говорит он с достоинством, и его густой баритон дрожит от волнения,— сижу здесь уже шесть лет, в этих кандалах, и положительно не понимаю за что. Хотя прикажите расковать меня». — «Я тебя, Колосовский, знаю», — холодно отвечает ему окружной начальник.

Колосовский со вздохом пожимает плечами» (черновая рукопись, стр. 44). Чехов снял и такой «необычный» эпизод: сахалинские чиновники «просто ради потехи помогли бежать одному каторжному из привилегированных, для чего даже одели его в шинель со светлыми пуговицами. Этот каторжный побывал в России, убил там извозчика и живет теперь на Сахалине. Его я видел, но насколько верен рассказ про шинель, я не знаю» (сб. «Помощь голодающим», 1892, стр. 241). Были сжаты до нескольких строк те биографии сахалинцев, которые могли вызвать специфический, нездоровый интерес, например, биография известной авантюристки Соньки Золотой Ручки. Особенно ясным становится этот принцип Чехова, когда сравниваешь его очерки с книгой популярного в конце XIX века либерального журналиста В. Дорошевича, побывавшего на Сахалине через несколько лет после Чехова («Сахалин», 1903). Приспосабливаясь к мещанским вкусам, Дорошевич смакует сенсационные случаи, эффектно подает биографии «героев» громких процессов, сахалинских «знаменитостей». Так, он подробно рассказывает о нашумевшей истории офицера Ландсберга. В 80-е годы дело Ландсберга, убившего ростовщика, который, как выяснилось позднее, завещал ему свое состояние, вызвало огромный наплыв публики в зал суда (см. А. Ф. Кони, «На жизненном пути»). Чехов видел Ландсберга на Сахалине, даже был у него на званом обеде. Но известная писателю история «светского убийцы» опущена в книге. Показывая этого «героя» совершенно акклиматизировавшимся в новых условиях, Чехов не обнаруживает к нему ни повышенного интереса, ни сочувствия. Обозначен он в очерках лишь первой буквой фамилии — Л.

В. Дорошевича привлек и другой «знаменитый» процесс — баронессы Геймбрук, сосланной на каторгу за поджог, на который толкнул ее любимый человек. Дорошевич, стремясь реабилитировать преступницу, бесцеремонно пытается проникнуть в ее интимную жизнь. Чехов имеет в виду Геймбрук, когда говорит о «каторжной модистке», которая поставлена дербинским смотрителем в положение крепостной. Писатель отказывается от описания ее нашумевшего дела, не упоминает об обстоятельствах ее личной жизни, не желая, видимо, вызывать у читателей нездоровый интерес и оберегая Геймбрук от обнародования ее переживаний. О гуманности Чехова, сострадании его чужому несчастью свидетельствует отрывок из черновой рукописи, не включенный в печатную редакцию: «Вернувшись из Сахалина, я получил

письмо от матери одной каторжной, бывшей дворянки; спрашивая меня, жива ли ее единственная дочь и что с ней, бедная мать пишет: «За эти семь лет я выпила полную чашу страданий, все силы душевные и телесные точно отупели, а только сердце страшно поет». «И в моем сознании это письмо,— продолжает Чехов,— совсем не укладывалось с двумя десятками бойких, холодных строк, которые несколько лет назад мне случилось прочесть в одном юмористическом журнале, именно об этой самой каторжной, бывшей титулованной дворянке» (черновая рукопись, стр. 178). Характерно письмо матери Геймбрук Чехову: «Единственная дочь моя, бывшая баронесса Ольга Васильевна Геймбрук, ныне каторжная, писала, как Вы, в бытность свою на Сахалине, приняли в ней участие, пристыдили генерала за дурное с ней обращение... Благодарю Вас, добрейший человек, молюсь за Вас, заступник несчастных!» (11 марта 1894 г.).

Гуманизм Чехова выразился в книге о Сахалине и в негодовании, остром обличении чиновников всех рангов: от маленького чиновника, смотрителя, до генерал-губернатора Амурского края барона Корфа. Писатель срывает маску с сахалинских «деятелей», которые под видом гуманной цели — исправления преступников — осуществляют античеловечную идею насильственной колонизации Сахалина.

Так, за внешней гуманностью барона Корфа Чехов заставляет увидеть равнодушие к судьбе ссыльных, а порою и сознательное лицемерие, ложь. Этот «великодушный и благородный» человек не проявлял в продолжение пяти лет никакого интереса к положению ссыльных на острове, и только на основании беглого осмотра приукрашенных специально к его приезду тюрем и селений делает заключение о «значительном прогрессе». За ласковым и внимательным отношением Корфа к арестантам Чехов видит иное: барон возбуждает несбыточные надежды на возвращение на родину, в Россию. Резко говорится об этом в черновой рукописи: «В самом деле, чтобы надавать много обещаний и потом не исполнить их и чтобы заманить людей в холодную болотистую тайгу и бросить их там на произвол судьбы,— для этого, кроме обычной неумелости, нужна была также и исключительная нравственная неряшливость» (стр. 149). В «похвальном слове» Корфа, сказанном на торжественном обеде, писатель видит преступное для человека, в распоряжении которого находится жизнь людей всего отверженного острова, незнание истинного положения дел. Сказанное им «не мирилось в

сознании,— говорит Чехов,— с такими явлениями, как голод, повальная проституция ссыльных женщин, жестокие телесные наказания...» Но слушатели речи Корфа должны были верить в то, иронизирует Чехов, что настоящее острова является «чуть ли не началом золотого века». Прямым лицемерием и ложью веет от предложенного Корфом «сочинения» в сентиментальном духе, которое он советовал озаглавить «Описание жизни несчастных». Чехов цитирует Корфа без комментариев: «Пожизненности наказания нет. Каторжные работы не тягостны... Целей нет, часов нет, бритых голов нет». Комментарии не нужны, их заменяет вся книга Чехова, из которой ясно, что на острове осталось еще очень много прикованных к тачкам, закованных в ручные и ножные кандалы, кстати, по приказанию того же Корфа. Чехов записал все сказанное ему Корфом «очень охотно». Иронический смысл этих слов также раскрывается всем содержанием книги, автор которой протестует против пожизненности наказания, тяжести каторжных работ, то есть как раз против того, чего, по мнению «великодушного» барона, нет на Сахалине. Для характеристики своеобразия обличительной манеры писателя интересен такой пример. В очерках дан образ смотрителя рыковской тюрьмы — Ливина. Чехов заключает его краткую характеристику словами: «Капитан Венцель в гаршинских «Записках рядового Иванова», очевидно, не выдуман». Писатель замечает «ни с чем не сообразное» противоречие, характерное и для гаршинского Венцеля: добросовестное отношение к делу, интеллигентность молодого чиновника, инициатива, забота о подчиненных и — садическое «упоение телесными наказаниями, жестокость». Может показаться, что Чехов уравнивает достоинства и недостатки Ливина. На самом же деле, отношение к нему автора совершенно определено и резко отрицательно, хотя и высказано не прямо. Обратим, например, внимание на фразу: «На него, как на зверя, с ножом бросился арестант, и это нападение имело гибельные последствия для нападавшего». Чехов сознательно переносит сравнение, «как зверь», с арестанта на Ливина, и это сразу меняет положение. Ливин уже не воспринимается как жертва; напротив, автор напоминает нам о его жестокости, и таким образом оправдывает арестанта, вынужденного на преступление самим Ливиним. Отдавая свое сочувствие арестанту, писатель тем самым показал, кто является подлинной жертвой в этом событии. Работая над образом Ливина, Чехов хотел подчеркнуть в нем деспотизм и затушевать его примерное

отношение к делу. Уже в черновой рукописи писатель зачеркнул слова: «Я с большим удовольствием ходил с ним по тюрьме». В последней редакции очерков было снято: «Его горячее, почти страстное отношение к делу» и добавлено: «Упоение телесными наказаниями, жестокость».

Интересно, что Ливин выступил в печати с возражением автору «Острова Сахалина». Он оправдывал себя; уверял, например, что уменьшал количество ударов розгами (вместо 30 — только 20), но тут же проговаривался, что в целях большего воздействия «на моральные чувства людей» он обставлял наказание «возможно большею парадностью». И при этом сам признавался, что многие каторжные соглашались «лучше получить 100—150 ударов розог в стенах, без лишних свидетелей, чем 15—20 ударов парадно» («Тюремный вестник», 1901, № 9—10)¹.

Чехов воспринимает Ливина как типичное явление сахалинской действительности 80-х годов: «Времена изменились, теперь для русской каторги молодой чиновник более типичен, чем старый, и если бы, положим, художник изобразил, как наказывают плетью бродягу, то на его картине место прежнего капитана-пропойцы, старика с сине-багровым носом, занимал бы интеллигентный молодой человек в новеньком вицмундире».

Но Чехов видел на Сахалине и других людей, «маленьких героев», самоотверженных тружеников. Он радостно делился с читателем каждой своей находкой. Фельдшерница, М. А. Кржижевская, служившая много лет на Сахалине, «ради идеи — посвятить свою жизнь людям, которые страдают»; доктор Супруненко, собравший коллекцию, которая может «послужить основанием для превосходного музея», положивший на это «полезное дело» много «знания, труда и любви»; капитан парохода Лемешевский и его помощник, мужественно переносящие опасности; священник Симеон, сделавшийся на Сахалине легендарной личностью, — все эти рядовые люди привлекают писателя своим подвижничеством, оптимизмом, трудолюбием, своей неутомимостью. В черновой рукописи Чехов более прямо выразил свое отношение к этим людям, деятельность которых, по его

¹ Это не единственный случай полемики с Чеховым разоблаченных им сахалинских деятелей. Так, члены акционерного общества «Сахалин», ведшие, по словам Чехова, разработку копей «недобросовестно, на кулаческих началах», «хищнически», пользовавшиеся бесплатно трудом каторжных, тоже написали опровержение («Русская мысль», 1894, № 4).

словам, имела большее историческое и воспитательное значение: «Отброшенные от родины так далеко и навсегда, эти труженики обречены на пожизненную борьбу с норд-остами, туманами и опасностями, которыми им постоянно угрожают неприступные, плохо исследованные берега; труд, о котором мы, живя в Петербурге или Москве, не можем иметь даже представления. Но им можно позавидовать! Какой бы скромной и обыденной ни казалась их деятельность в настоящее время, они займут в истории Восточного побережья не последнее место. А эта история единственная в своем роде: она замечательна тем, что делали ее люди маленькие, не полководцы и не знаменитые дипломаты, а мичманы и шкиперы дальнего плавания, работавшие не пушками и не ружьями, а компасом и лотом» (черновая рукопись, стр. 4).

Рядовые люди, «маленькие герои» внушали писателю веру в будущее Сахалина, оптимистические надежды: «Край еще молодой, пустынный, но история... уже богатая. Труда и подвижничества в прошлом было много, но это еще только начало, и в будущем предстоит немало хорошей и интересной работы» (черновая рукопись, стр. 9).

В настоящем же сахалинская жизнь представлялась Чехову такой тягостной, что его не радовала даже своеобразно красивая, хотя и суровая, природа острова. Писатель-гуманист постоянно думает здесь о страдающем человеке.

В очерке порою теряется грань между сказанным, переживаемым слыльными и самим автором; так выражается сочувствие писателя. «Заняться нечем, есть нечего, говорить и браниться надоело, на улицу выходить скучно — как все однообразно, уныло, грязно, какая тоска!» Чьи это мысли: сахалинца или самого писателя?

Все художественные средства в книге подчинены одной цели: вызвать сострадание читателя к несвободному человеку. Определенный выбор образов, деталей пейзажа помогает «сообщить читателю то или другое настроение» (письмо А. В. Жиркевичу, 2 апреля 1895 г.). Маяк на мысе Жонкьер, «как обвинительное око», «глядит на мир своим красным глазом» из мрака сахалинской ночи. «Жуткое чувство» вызывает Северный Сахалин, оберегаемый с моря рифами «Три брата», похожими впотьмах на трех черных монахов. Мрачное настроение сообщается одушевлением антагонистичной сахалинцу суровой природы:

небо хмурится, море глухо, сердито ворчит, «в природе готовится что-то недоброе».

Хотя в очерках неоднократно говорится о «мертвой тишине» на Сахалине: «В Дуэ тихо», в Дербинском «было спокойно», но автор заставляет читателя улавливать в этой тишине злобный шум моря, звон кандалов, стоны, вздохи, слова отчаянья, которыми как бы насыщен весь воздух, и этим «звучаньем тишины» достигает впечатления, воспроизводящего истинное положение на Сахалине молчаливых «немых людей», бродящих по «мертвому острову», «как тени». В черновой рукописи оставлено такое интересное замечание Чехова: «Воображаю, если бы здесь проехал композитор и почувствовал вдохновение, то какую бы он написал музыку!» (черновая рукопись, стр. 71).

Интересен процесс работы писателя над языком. И в очерках о Сахалине сказался Чехов-художник, стилист. От редакции к редакции устраняет он местные, псевдонародные, иностранные слова, заменяя их тождественными по значению русскими литературными словами: индифферентизм — равнодушие, конкурируя — соперничая и т. д. Важно, что и в жанре очерка Чехов стремился к лаконизму, простоте, избегал «красот стиля», литературных штампов. Слова «издал радостное восклицание», он заменяет: «очень обрадовался», «хранил глубокое молчание» — «все время молчал». Показательно также, что Чехов снимает «книжное» сравнение в следующей фразе (оставленное выделено курсивом): «*Хорошо помнит он только давно прошедшее*, и в этом отношении похож на очень интересную и полезную книгу, в которой пообтерлось несколько передних страниц» (черновая рукопись, стр. 105).

Изучая литературу о Сахалине, Чехов огорчался, что многие сочинения написаны бледно, скучным языком, а порою и недостаточно грамотно: «Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять» (А. С. Сузорину, 28 февраля 1890 г.). Особенно негодовал он на «канцелярский» язык, сухость многих документов, статей, исследований: «Какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны — и все это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили, Я читаю и отплевываюсь. Особенно паршиво пишет молодежь. Неясно,

холодно и неуютно; пишет, сукин сын, точно холодный в гробу лежит» (Суворину, 24 августа 1893 г.).

Напротив, с удовлетворением отмечал писатель те сочинения, которые были написаны живым, образным языком. «Прекрасный язык. Чувство первого впечатления»,— говорит, например, он о воспоминаниях командира шкуны «Восток» Римского-Корсакова. Но таких, удовлетворяющих Чехова-стилиста сочинений оказалось не много. В «Острове Сахалине» писатель неоднократно ссылается на чужие статьи, репортерские заметки, если фактический материал их мог иллюстрировать его мысли, высказывания. При этом ему приходилось изменять порою и композицию заметки, и ее интонации, конструкцию фраз. Вот один из таких примеров. *Газета «Владивосток»* (1886 г., № 31, 3 августа): «29-го июня шкуна «Тунгус», не доходя 20 миль до Дуэ, увидела в море черную точку. По мере приближения ее, она казалась как бы шлюпкой, с двумя пловцами, но, подходя ближе, стало ясно видно, что это четыре связанные бревна и на них два беглых арестанта, соорудившие себе сиденья из древесной коры; между ними, по длине, приготовлено ведро с пресною водою, полтора каравая хлеба, топор, около пуда муки, несколько рису, две стеариновые свечи, кусок мыла и два кирпича чаю; одним словом, путешествие с запасом. Когда пароход, подойдя к ним, взял их на борт, то это оказались один плюгавенький, а другой здоровый рыжий, курчавый детина, арестанты Дуйской тюрьмы, бежавшие 17 июня. На вопрос: куда они плыли? было ответом: «Вон туда, в Россию» (зри по направлению указательного пальца). Судно дало ход, и плот еще с кое-каким оставшимся на нем запасом отправился без мореплавателей гулять по морю. Часа чрез два поднялся здоровый шторм, и пароход не мог пристать к Сахалину. Что могло случиться в такую непогоду с беглыми мореплавателями? Шкуне «Тунгус» приходилось не раз подбирать подобных путешественников и доставлять их по принадлежности». У А. П. Чехова: «29 июня 1886 г. с военного судна «Тунгус», не доходя 20 миль до Дуэ, заметили на поверхности моря черную точку; когда подошли поближе, то увидели следующее: на четырех связанных бревнах, сидя на возвышениях из древесной коры, плыли куда-то два человека, около них на плоту были ведро с пресною водою, полтора каравая хлеба, топор, около пуда муки, немножко рису, две стеариновые свечи, кусок мыла и два кирпича чаю. Когда их взяли на борт и спросили, кто они, то оказалось, что это арестанты Дуйской

тюрем, бежавшие 17 июня (значит, бывшие в бегах уже 12 дней), и что плывут они — «вон туда, в Россию». Часа через два поднялся сильный шторм и пароход не мог пристать к Сахалину. Спрашивается, что случилось бы в такую погоду с беглыми, если б их не приняли на судно?» Оставляя без изменения самый эпизод, Чехов подвергает тщательной обработке язык и тон корреспонденции. Бойкому репортерскому остроумию, ироническим интонациям в отношении к беглым («мореплаватели», «путешественники») в чеховских очерках противостоит доброжелательный тон повествования, отчетливо видно желание автора пробудить у читателя сочувствие к беглым каторжникам. Чехову в самом деле «приходится фразы переделывать», чтоб уничтожить стилистический «беспорядок», ведущий к смысловой нелепости.

Книга Чехова выполнила ту задачу, которую ставил перед собой автор,— она «возбудила интерес в обществе» к Сахалину. Результатом этого явилось, в частности, создание на острове библиотек, школ, приютов на средства, собранные при активном участии Чехова. «Купил книги,— читаем в его письме брату Ивану.—Очень много книг пожертвовано издателями и авторами. Я очень рад. Сахалинские школы будут иметь свои библиотечки» (27 января 1891 г.). О том же в письме В. О. Кононовичу от 19 февраля 1891 г. («Литературное наследство», т. 68, изд. АН СССР, М. 1960, стр. 183—186). Эта деятельность Чехова встречает благодарный отклик на Сахалине. «Посланные Вами письма, бандероли, книги... и проч. проч. я получил. Книги пришли на «Костроме»... Мы еще не успели их разобрать и разослать по Вашему желанию. В рассортировке учебников я принимаю участие...» — читаем в письме заведующего школами на Сахалине Булгаревича Чехову от 5 июня 1891 г. «Еще большое спасибо за ту часть книг, высланных Вами, которая выпала на долю школ и народа Тымовского округа», — пишет Чехову начальник Тымовского округа А. Бутаков 14 декабря 1891 г.

Нельзя забывать, однако, что писатель считал благотворительность отнюдь не самой важной мерой помощи сахалинским детям. «Мне кажется,— пишет он Кони,— что благотворительностью и остатками от тюремных и иных сумм тут ничего не поделаешь; по-моему, ставить вопрос в зависимость от благотворительности... вредно» (26 января 1891 г.).

Очерки Чехова вызвали внимание и интерес читателей — сибиряков и сахалинцев («Енисейский листок», 1893, № 52,

26 декабря; «Приамурские ведомости», 1904, № 668, 1 августа; «Сибирский вестник», 1893, № 138, 26 ноября; 1894, № 96, 19 августа, № 115, 1 октября, и пр.). Но, разумеется, эта книга произвела впечатление не только на «местных» читателей. С. А. Толстая записывает в своем дневнике 15 ноября 1898 г.: «Вечером читали вслух «Сахалин» Чехова. Ужасные подробности телесного наказания! Маша расплакалась, у меня все сердце надорвалось» («Дневники Софьи Андреевны Толстой», т. 3, изд. «Север», 1932, стр. 94). Заметим, что это чтение «Сахалина» в семье Толстого происходило в ту пору, когда Лев Николаевич работал над «Воскресением».

Чехов вызывал своей книгой и активное, действенное желание помочь сахалинцам. На Международном конгрессе о женской деятельности (в Версале, в июне 1904 г.) В. Моно рассказала о подвиге русской женщины среди каторжных на о. Сахалине — Евгении Мейер. Эта девушка из дворянской семьи добровольно уехала на Сахалин и самоотверженно работала там среди ссыльнокаторжных. Толчком к ее поездке послужила книга Чехова. «Как-то раз ей попала в руки книга Чехова о Сахалине и его обитателях. С этого дня она лишилась покоя. Ей все казалось, что с проклятого острова поднимается отчаянный вопль, с призывом: «Идите к нам, спасите нас» («Тюремный вестник», 1904, № 8).

Все писавшие о Сахалине после Чехова единодушно отмечали, что писатель был «виновником интереса», возбужденного в обществе «островом изгнания» (Н. Лобас, «Каторга и поселения на острове Сахалине», 1903; А. Панов, «Сахалин как колония», М. 1905, и др.). Авторы ссылались на книгу Чехова в подтверждение своих выводов, использовали его библиографию, наблюдения над жизнью ссыльнокаторжных («Русская мысль», 1904, № 6, 7, 9, 10, 11 — А. Сеич; «Землеведение», 1912, № 1—4 — Д. Соколов, и др.). Так оправдалось предположение Чехова, что книга «Остров Сахалин» будет жить и после него как «литературный источник» (Суворину, 30 августа 1891 г.).

Царское правительство вынуждено было обратить внимание на положение на Сахалине и послать туда своих представителей из Главного тюремного управления: М. Н. Галкина-Враского (в 1894 г.), Д. А. Дриля (в 1896 г.) и А. П. Саломона (в 1898 г.), которые, убедившись в справедливости сведений, сообщенных Чеховым, характеризовали «положение дел» на Сахалине, как «во всех отношениях неудовлетворительное» (М. Галкин-Вра-

ский, записка — «Тюремный вестник», 1895, № 5; Д. Дриль, «Ссылка и каторга в России» — «Журнал министерства юстиции», 1898, № 4; «Ссылка во Франции и России», Спб. 1899; А. Саломон, «Доклад министру юстиции от 18 февраля 1899 г.», Спб. 1899; речь его на о. Сахалине — «Тюремный вестник», 1899, № 1; книга «Ссылка в Сибирь», Спб. 1900; отчет — «Тюремный вестник», 1901, № 1, 2). Посылая свой отчет и книгу о ссылке А. П. Чехову, Саломон писал: «Позволяю себе покорнейше просить Вас принять эти две работы как дань моего глубокого уважения к Вашим трудам по исследованию Сахалина, трудам, которые одинаково принадлежат и русской науке и русской литературе» (23 марта 1902 г.).

Некоторые реформы в положении каторжных и ссыльных, проведенные правительством в начале 90-х годов в России, современники склонны были расценивать как уступку общественному мнению, вызванному книгой Чехова.

В середине 90-х годов, также не без воздействия книги Чехова, пробудился интерес к Сахалину и за границей. На V Международном тюремном конгрессе (1895) русским представителям неоднократно задавали вопросы о постановке дела на Сахалине (см. протокол заседания в журнале «Тюремный вестник», 1897, № 9). В 1903 г. на французском языке вышла книга о Сахалине (Labbé, «Un bagne russe. L'île de Sakhaline»), явившаяся результатом путевых впечатлений автора, повторявшая в основном уже рассказанное Чеховым. Эта книга была переведена на русский язык Н. А. Васиным. Переводчик дополнил ее высказываниями и художественными зарисовками из книг Чехова, Дорошевича, Миролюбова, на что просил разрешения у Чехова в письме от 15 ноября 1903 г. Автор другой французской работы о Чехове (Henri Bernard Duclo, «Anton Tchecov, le medecin et l'écrivain», Paris, 1927) говорит, что «Сахалин» произвел огромное впечатление на читающую публику.

Поездка Чехова на Сахалин и очерки о Сибири и Сахалине категорически разрушают легенду о «безыдейности», бесстрашном «объективизме» писателя. Они дают интересный материал для изучения особенностей творческого метода художника. Но эти очерки, подводящие итог непосредственным наблюдениям, явились далеко не единственным творческим результатом путешествия Чехова. Отчетливо и непосредственно воздействие сахалинской поездки чувствуется в рассказах начала 90-х годов: «Гусев», «Бабы», «В ссылке», «Убийство». По словам современника

писателя В. Л. Кигна (Дедлова), сахалинские «краски сильно пристали к... палитре» Чехова-художника (Чехову, 17 января 1904 г.). Некоторые современники ожидали, что писатель создаст художественное произведение о Сахалине. Разнесся даже слух, будто он написал пьесу «Генерал Кокет», действующие лица которой — сахалинские чиновники. Но сам Чехов отвергал это как «диффамацию» (П. И. Вейнбергу, 28 июля 1893 г.).

Писатель считал путешествие на Сахалин переломным моментом в своей творческой жизни, говорил, что оно пробудило в нем «чертову пропасть планов», содействовало «возмужалости» его мировоззрения и творчества. «После сахалинских трудов... моя московская жизнь кажется мне теперь до такой степени мещанскою и скучною, что я готов кусаться...», «если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества... это не жизнь...» (Суворину, 5 января и 19 октября 1891 г.)

Сахалинские впечатления привели Чехова к окончательному преодолению и решительному осуждению теорий пассивности Достоевского, Толстого. Наблюдения над сахалинской жизнью, вступив во взаимодействие с другими жизненными наблюдениями, в 90-е годы утвердили писателя в отрицательном отношении к современной ему действительности, дали как бы еще одно существенное реальное обоснование его критике и побудили к широким обобщениям, заставили настойчивее искать истину. «...Как дурно понимаем мы патриотизм! — писал Чехов по возвращении с Сахалина. — Пьяный, истасканный забулдыга муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний — нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство, справедливости нет...» (Суворину, 9 декабря 1890 г.). В конце 1891 г. появляется повесть «Дуэль», а в 1892 г. — «Палата № 6». И в дальнейшем творчество писателя идет по восходящей линии; в каждом новом произведении ставятся и освещаются важнейшие вопросы жизни: «Рассказ неизвестного человека», «Моя жизнь», «Человек в футляре», «Ионыч» и др.

В 90-е годы Россия переживала революционный подъем. Начинался третий — пролетарский — этап освободительного движения в стране. Оживилась вся общественная жизнь. И Чехов особенно остро чувствовал потребность участвовать

в ней Со времени своей поездки по Сибири и Сахалину он не только острее обличал «страшную действительность», но все настойчивее искал в России положительное начало, положительные типы, Оптимистически провидел он счастливое будущее и выражал в художественных произведениях свою мечту о новых формах жизни — «высоких и разумных, накануне которых мы уже живем, быть может, и которые «предчувствуем иногда».

Стр. 46. *Командир парохода г Л.*— Лемешевский П. Г., капитан «Байкала», парохода, курсировавшего по Татарскому проливу в пору путешествия Чехова на Сахалин.

Стр. 47. *Иван Мартыныч* — И. М. Эрикссон, старший офицер на «Байкале». Сохранились письма Эрикссона к писателю с благодарностью за присланные фотографию и письмо.

Стр. 53. *Морской офицер г. Б.*— Богданов, друг редактора «Недели» М. О. Меньшикова.

Стр. 58. *Коллежский регистратор Д.*— Дучинский Эдуард, почтовый чиновник на Сахалине. В письме Чехова к Суворину читаем: «На Сахалине я встретил некоего Дучинского, родственника Скальковского, почтового чиновника, который писал стихи и прозу. Он писал «Сахалино» — пародию на «Бородино», всегда таскал в кармане брюк громадный револьвер и сильно зашибал муху. Это был сахалинский Лермонтов» (2 декабря 1896 г.). Сохранилась «защитительная речь» Дучинского по делу ссыльно-каторжного, «бывшего военного матроса» Догинова, со следующей запиской к Чехову: «Многоуважаемый Антон Павлович! Присылая здесь свою защитительную речь, которой Вы интересовались, прошу Вас только эту присылку оставить между нами. Готовый к услугам Э. Дучинский». В письме Булгаревича к Чехову находим характеристику Дучинского: «А помните Вы Дучинского, который добивался на Сахалине литературной славы и имел удивительную рожу и не менее удивительный большой нос. Представьте, он и в изгнании не чужд геройских подвигов. Где-то, в... сибирской глуши... какого-то папашу вызвал на дуэль... за то, что... папаша... отказал Дучинскому в любви своей дочери, которая также отказала» (20 августа 1891 г.).

Стр. 62. *...старик... похожий лицом на драматурга Ибсена* — Перлин Борис Александрович, врач окружного лазарета в Александровске. Упоминание о Перлине имеется в письме Булгаре-

вича Чехову: «А что, и теперь не перестает Вам снится старик Перлин? Он во Владивостоке городovým врачом» (20 августа 1891 г.). Чехов привез с собой образцы его донесений и прошений.

Стр. 64. *Ж. Кеннан* (1845—1924) — американский путешественник, публицист. Посетил сибирские тюрьмы в 1885—1886 гг. и написал разоблачающие царскую ссылку и каторгу очерки; они были напечатаны в американском журнале «The Century Illustrated Monthly Magazine» (1888) и обратили на себя внимание в Европе. В России очерки были запрещены до 1906 г. (в этом году появились в нескольких изданиях). За границей в русских переводах очерки печатались и ранее (например, «Сибирь и ссылка», 1890, изд. Фонда вольной русской прессы в Лондоне). Русские переводы проникали в Россию нелегальным путем и вызывали живой интерес русской общественности (см., например, письмо к Кеннану Л. Н. Толстого от 8 августа 1890 г.— Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 65, М. 1953, стр. 138), отклики сибирских газет, например, «Восточного обозрения» (1888, № 39, 2 октября; 1891, № 3, 13 января). Чехов был знаком с очерками Кеннана в годы их появления в заграничной печати — см. замечания писателя в книге «Остров Сахалин» и в письмах (например, в письме А. С. Суворину от 9 марта 1890 г. о «кеннановских планах»).

Стр. 66. *Один корреспондент* — См—кий Н., автор известной Чехову корреспонденции: «На Сахалине» («Кронштадтский вестник», 1890, № 15, 18, 23, 26 — 4, 14, 25 февраля и 4 марта). Этого корреспондента имеет в виду Чехов, когда, не называя фамилии, цитирует его слова: «Каторга — в общем стадо баранов».

Стр. 84. *Красивый* — Никита Трофимов, сахалинский ссыльный перевозчик. По-видимому, он послужил прототипом паромщика Толкового в рассказе «В ссылке».

Стр. 86. *Ираклий* — иеромонах, сахалинский миссионер, вместе с Чеховым возвращавшийся с Сахалина. Сохранилось его письмо к писателю: «Добрый Антон Павлович! Истинно и искренно приношу Вам мою благодарность за Вашу простую и добрую любовь, оказанную мне от Сахалина до Москвы и здесь» (17 февраля 1891 г.).

Стр. 88. *Начальник округа* — Таскин Сергей Иванович, начальник Александровского округа. Фамилия его, не названная в книге, восстанавливается нами по описанию Сахалина А. Н. Красновым («На острове изгнания» — «Книжки «Неде-

ли», 1893, № 8, 9) и письмам к Чехову Булгаревича, который весьма иронически сообщает: «Теперь остров управляется пока милым Сережей». «Все же мы, собственно, состоим под высокой рукой нашего благодетеля Сережи Таскина» (5 июня и 20 августа 1891 г.). В письме к Чехову от 27 ноября 1892 г. Фельдман говорит о доносах, отправляемых Таскиным в Петербург.

Стр. 104. *Механик-самоучка* — Лукьянов, заведующий литейной мастерской в Александровске на Сахалине.

Стр. 105. *...у одного молодого чиновника...* — Имеется в виду Булгаревич Даниил Александрович, чиновник, заведовавший школами на Сахалине. Сохранились его письма к Чехову, в которых он описывает сахалинскую жизнь после отъезда писателя, дает характеристики местных администраторов, ставит Чехова в известность о прибытии посылок с книгами, направляемыми из России по инициативе Чехова, сообщает сведения о некоторых ссыльнокаторжных.

Стр. 144. *Фома в селе Степанчикове* — персонаж произведения Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

Стр. 153. *Майн Рид* (1818—1883) — английский писатель, автор приключенческих романов.

Стр. 155. «*30 лет, или Жизнь игрока*» — пьеса французского драматурга В. Дюканжа (1783—1833).

Стр. 168. *Проф. Эрисман* Федор Федорович (1842—1915) — русский гигиенист, профессор Московского университета.

Стр. 169. *Ссылный, бывший мичман* — Миролюбов И. П., политический ссылный, заведовал метеорологической станцией на Сахалине в пору пребывания там Чехова. Автор книги «Восемь лет на Сахалине», Спб. 1901:

Стр. 173. *...К., интеллигентный и добрейший молодой человек* — сахалинский чиновник Д. С. Климов,

Стр. 181. *Кутейкин* — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

Стр. 190. *Интендантский чиновник* — Баранович Г., автор заметки о посещении Чеховым Сахалина, напечатанной в газете «Восточное обозрение», 1904, № 162, 9 июля.

Стр. 194. *Щербак* Александр Викторович (1848—1884) — судовой врач «Добровольного флота», сопровождавший партии ссыльных на Сахалин. Автор многих корреспонденций, печатавшихся в «Новом времени» в 1880—1890 гг. В одной из них есть упоминание о «симпатичном докторе» А. П. Чехове и его «любопытной экскурсии на Сахалин» («Новое время», 1891, № 5381,

20 февраля). Сохранились письма А. В. Щербака к Чехову. В письме Чехова Суворину — отзыв о Щербаке: «Познакомился с д-ром Щербаком. По-моему, это замечательный человек. Там, где он служит, все его любят, а я с ним почти подружился. В прошлом у него такая каша, что сам черт увязнет в ней» (17 декабря 1890 г.).

Стр. 196. *И. И. Белый* — юрист, чиновник на Сахалине, начальник Корсаковского округа. О нем есть упоминание в письме Чехова А. И. Смагину от 14 января 1892 г. Характеристику Белого находим в письме Чехову врача Щербака: «Белый жестокий и ужасный эгоист» (4 августа 1892 г.).

Стр. 197. *Секретарь полицейского управления* — Фельдман С. А., служил на Сахалине несколько лет, уволился в 1892 г. В письмах Чехову жалуется на скуку и ужасы сахалинской жизни, с большой теплотой вспоминает о пребывании писателя на острове.

Г фон Ф. — фон Фрикен Алексей Александрович, агроном, инспектор сельского хозяйства на Сахалине. Чехову был известен его «Отчет о состоянии сельского хозяйства на острове Сахалине в 1889 г.» — Д. А. Булгаревич писал Чехову 8 октября 1890 г.: «Два отчета Фрикена... один — печатный — я посылаю для Вас». В окончательной редакции книги Чехов исключил данные об образовании Фрикена, приняв во внимание замечание М. О. Меньшикова в письме от 15 июля 1895 г.: «В отзыве об А. А. фон Фрикене Вы впали в небольшую ошибку, полагая, что он, Фрикен, не имеет высшего агрономического образования».

Стр. 209. «*Белый свет занялся над столицей...*» — из стихотворения Н. А. Некрасова «Маша».

Стр. 213. *Гретхен* — героиня трагедии Гете «Фауст».

Один ссыльнокаторжный — Михаил Дмитриев, сахалинский каторжный поэт, подвергавшийся наказаниям за свои поэтические и публицистические опыты. «Конфиденциально» передал он Чехову записку обличительного содержания и стихи: «Песня сахалинцев», «Иллюзия», «Отпетый» и др. (ЦГАЛИ). Чехов привез с собой эти материалы.

Стр. 218. *Плевако* Федор Никифорович (1843—1908) — адвокат, выдающийся судебный оратор.

Симеон Казанский — подробно о нем см. очерк «Поп Семен» в книге А. Я. Максимова «На Далеком Востоке», т. 2, Спб. 1894.

Стр. 262. *Мистрис Фрей* Е. (1789—1845) — английская филантропка, стремившаяся к улучшению состояния тюрем. Автор

мемуаров, опубликованных после ее смерти: «Memoirs of the life of Elisabeth F.», Лондон, 1847.

Фойницкий Иван Яковлевич (1847—1913) — русский криминалист. Его книгу «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением» (1889) Чехов брал с собой на Сахалин. «Простите... меня,— пишет Чехову Булгаревич,— за то, что я не выслал Вашей книжки Фойницкого. Кононович (начальник острова — М. С.)... пристал, чтобы я ее Вам не посылал... Янсона Вы мне можете не присылать: пусть идет взачет Фойницкого» (8 октября 1890 г.).

Стр. 282. ...за которую Н. С. Лесков так не любит «несытых архиерейских скотин». — Имеются в виду выражения, встречающиеся у Н. С. Лескова в «Соборянах», «Мелочах архиерейской жизни» и др. и взятые им из «Духовного регламента» Петра I.

Стр. 284. *Янсон* Юлий Эдуардович (1835—1892) — экономист и статистик, автор известной Чехову работы «Теория статистики».

Стр. 294. *Полоний* — персонаж трагедии В. Шекспира «Гамлет».

Стр. 308. *Брем* Эдмунд (1829—1884) — немецкий зоолог, автор популярной книги «Жизнь животных»

Стр. 338. «*Женигьба*» — пьеса Н. В. Гоголя.

Стр. 340. *Держиморда* — персонаж пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор».

Яго — персонаж трагедии В. Шекспира «Отелло».

«*Мертвого дома*» уже нет... — Имеется в виду книга Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома».

Стр. 341. *Мрачное онорское дело*. — Несколько подробнее о событии в селении Онор известно из черновой рукописи Чехова: «В известном онорском деле, обнаруженном после моего отъезда, окружной начальник писал надзирателю Ханову, оказавшемуся потом главным убийцей: «Пусть дубинка не прогуливается по плечам ссыльных, взамен ее даю тебе право наказывать людей 30-ю ударами розог». И это право так хладнокровно дается надзирателю из ссыльных, убийце!» (Черновая рукопись, стр. 253.)

скончалась фельдшерица — Кржижевская Мария Антоновна, фельдшерица-акушерка, самоотверженно работала на Сахалине много лет, умерла там от чахотки. Подробно о деятельности ее рассказывает Миролюбов («Восемь лет на Сахалине», 1901).

ФЕЛЬЕТОНЫ, СТАТЬИ

НА ВОЛЧЬЕЙ САДКЕ

Впервые напечатано в Литературном приложении к журналу «Москва», 1882, № 5 (разр. ценз. 3 февраля). Подпись: Антоша Ч.

РЯЖЕННЫЕ

Впервые напечатано в «Петербургской газете», 1886, № 1, 1 января. Подпись: Рувер.

Стр. 404. *Сарду* Викторьен (1831—1908) — французский драматург, пользовался большой популярностью в мешанских кругах.

Стр. 405. *Вольф* Маврикий Осипович (1825—1883) — книгопродавец и издатель. Основал издательство на паях, существовавшее до 1918 г.

МОСКОВСКИЕ ЛИЦЕМЕРЫ

Впервые напечатано в газете «Новое время», 1888, № 4531, 9 октября. Без подписи.

[Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ]

Впервые напечатано в газете «Новое время», 1888, № 4548, 26 октября. Без заглавия и подписи.

Принадлежность статьи Чехову устанавливается на основании его письма к Е. М. Линтваревой от 27 октября 1888 г., где он пишет: «Сегодня в «Новом времени» (среда, 26 октября) есть мой короткий вопль по адресу покойного Пржевальского — образчик монах передовиц. Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно».

Стр. 409. *Стенли* Генри Мортон (1841—1904), *Ливингстон* Давид (1813—1873) — английские путешественники, исследователи Африки.

НАШЕ НИЩЕНСТВО

Впервые напечатано в газете «Новое время», 1888, № 4587, 4 декабря. Без подписи.

Принадлежность статьи Чехову устанавливается на основании его писем к брату Ал. П. Чехову от 18 ноября: «Сегодня я

послал третью передовую», и к Е. М. Линтваревой от 23 ноября, где он сообщал: «Пишу я статьи в 100—200 строк, не больше, пишу о чем угодно: о путешественниках, о татарах, об уличном нищенстве, о всякой всячине».

ФОКУСНИКИ

Впервые напечатано в газете «Новое время», 1891, № 5608, 9 октября. Подпись: Ц.

Статья написана Чеховым при участии зоолога В. А. Вагнера. Поводом для статьи послужила брошюра К. А. Тимирязева «Пародия науки» (Типография т-ва И. Н. Кушнерева и К^о, М. 1891), в которой разоблачалось шарлатанство некоторых дельцов из Московского зоологического сада. Осведомленный Вагнером о подобной же антинаучной постановке дела и в зоологической лаборатории, Чехов посетил Зоологический сад и лично в этом убедился. В письме к Суворину от 28 августа он писал: «Посылаю Вам злобу дня, брошюрку нашего московского профессора Тимирязева, наделавшую много шума... Как добавление к брошюре посылаю заметку. Тимирязев воюет с шарлатанской ботаникой, а я хочу сказать, что и зоология стóит ботаники... Подписываюсь я буквой Ц, а не собственной фамилией на том основании, что... автор должен быть неизвестен, ибо... известно, что Вагнер живет с Чеховым, а Вагнеру надо защищать докторскую диссертацию и т. д.— и ради грехов моих Вагнеру могут без всяких объяснений вернуть назад его диссертацию...» 13 октября он снова повторяет: «А «Фокусники» напечатаны! Ладно, только Вы никому не говорите, кто автор».

Стр. 418. *Богданов* Анатолий Петрович (1834—1896) — антрополог и зоолог, профессор Московского университета. В описываемое Чеховым время Богданов был уполномоченным по улучшению Зоологического сада.

В МОСКВЕ

Впервые напечатано в газете «Новое время», 1891, № 5667, 7 декабря. Подпись: Кисляев.

Новым псевдонимом Чехов рассчитывал скрыть свое авторство. В письме к Суворину от 4 декабря он писал: «Посылаю

Вам московский фельетон. Хотел изобразить кратко московского интеллигента... Но никому не говорите, что я автор». Однако псевдоним этот был скоро разгадан. Артист П. М. Свободин в письме от 10 декабря обратился к Чехову: «Как Ваше здоровье, г Кисляев?» («Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», М. 1954, вып. 16, стр. 228).

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Записные книжки печатаются по оригиналам, хранящимся в Отделе рукописей ЛБ.

Сохранились четыре Записные книжки А. П. Чехова с литературными заметками. Они относятся к последним четырнадцати годам жизни писателя. Самые ранние записи сделаны в них во время первой заграничной поездки Чехова в марте — апреле 1891 г, последние — в 1904 г. в Баденвейлере.

Из Записных книжек нами полностью публикуются литературные заметки и дневниковые записи. Но в Записных книжках содержится много и другого материала: деловые записи, связанные с литературной работой и общественной деятельностью Чехова, хозяйственные заметки, списки книг, адреса, рецепты. Из деловых записей печатаются немногие, представляющие литературный и общественный интерес. Полный текст Записных книжек издан Отделом рукописей ЛБ в книге «Из архива А. П. Чехова. Публикации», М. 1960.

Литературные записи обычно представляют собой отрывочные заметки, изредка сюжетные схемы, чаще отдельные фразы или слова. Использованные наброски зачеркнуты. Неиспользованные заметки, оказавшиеся среди вычеркнутых, Чехов, очевидно, опасаясь, чтобы они не затерялись, переписал заново на последующих страницах первой Записной книжки. Почти все заметки делались Чеховым первоначально карандашом; в самые последние годы часть из них (неиспользованные) была им обведена чернилами. Каждая заметка отделялась слева небольшой горизонтальной черточкой. Заметки для одного произведения перемежаются с заметками для другого, поэтому, чтобы разобраться в них, писатель размечал их значками, различными по форме и цвету. Многие заметки вносились без уточнения, к какому произведению они должны быть отнесены, и только в даль-

нейшем, в процессе работы, писатель привлекал их. Таковы, например, заметки (почти на протяжении всей первой книжки) о быте мелкого духовенства, которые только в 900-х годах вошли в рассказ «Архирей».

Записи не датировались Чеховым, поэтому датировка литературных заметок представляет большие трудности; границами дат являются, с одной стороны, дневниковые записи, между которыми написаны заметки, и с другой — время публикации произведения, к которому относится та или иная запись.

Главным литературным «архивом» Чехова была Записная книжка (условно — первая), содержащая записи 1891—1904 гг. Приблизительно с 1897 г. Чехов стал переносить в нее литературные заметки, вписанные в две следующие книжки и не использованные им к этому времени в своих произведениях. Переписанные заметки из второй книжки расположены в первой на страницах 68—73, из третьей — начиная со страницы 80 до последней — 141, перемежаясь с записями, непосредственно вносимыми в первую. Другая книжка (условно — вторая) содержит записи с последних чисел декабря 1891 г. до 1896 г. включительно. Почти все эти записи относятся к мелиховскому периоду. Следующая книжка (условно — третья) начинается записями, сделанными также в Мелихове, но в основном Чехов пользовался ею в ялтинский период, с 1897 г. до конца жизни. Последняя запись сделана не ранее 28 июня 1904 г. в Баденвейлере. В четвертую книжку Чехов переписал из первой неиспользованные литературные заметки, обведенные чернилами, со стр. 2 по 118. Судя по почерку, это было сделано им в последние два-три года. Последняя переписанная заметка предшествует дневниковой записи от 12 сентября 1901 г. Поскольку текст четвертой книжки дублирует записи первой, он не воспроизводится.

Нумерация книжек, страниц в книжках и заметок на каждой странице у Чехова отсутствовала и дана редакцией при публикации. Записи зачеркнутые даны в угловых скобках < >, редакторские добавления некоторых недописанных слов — в квадратных скобках []. Записи, первоначально внесенные во вторую или третью книжку, а затем переписанные в первую (и вычеркнутые во второй и третьей), воспроизводятся только в первой книжке.

При комментировании не всегда можно установить принадлежность зачеркнутой заметки к тому или иному произведению,

потому что Чехов вносил их иногда только в ранние редакции и вычеркивал в последующих; могло быть также, что заметка вычеркивалась, находясь на странице, полностью вычеркнутой Чеховым (таковы заметки 10 на стр. 36, 6 на стр. 53, 6 на стр. 64, и др.). Подобные случаи в примечаниях не оговариваются.

КНИЖКА ПЕРВАЯ

*Стр. 2*¹. Дневниковые записи на стр. 2—8 относятся к первой заграничной поездке Чехова, предпринятой им вместе с А. С. Сувориным в 1891 г. и длившейся полтора месяца, с половины марта до конца апреля. Чехов посетил Австрию, Италию и Францию, останавливаясь в Вене, Венеции, Болонье, Флоренции, Риме, Неаполе, Ницце, Париже, Монте-Карло. Венецианские впечатления писателя отразились в гл. XVI «Рассказа неизвестного человека». 1. *Прокурор* — Константин Федорович Виноградов (род. 1852), товарищ главного военно-морского прокурора, петербургский знакомый Чехова. 2 и 4. Заметки к произведению, которое в процессе создания распалось на две самостоятельные повести: «Три года» и повесть, оставшаяся в набросках. О ней Чехов писал сестре из Ниццы 17 декабря 1897 г. и просил прислать ему листки, хранящиеся в его письменном столе с заметками «начатой, но оставленной повести» (это название нами условно сохраняется за произведением). С повестью «Три года» ранние наброски совпадают отдельными чертами некоторых персонажей и сюжетными положениями. Так, «Иван», или «Ивашин», (чаще обозначаемый — «Ив») имеет сходство с Лаптевым, и некоторые заметки могут считаться ранним вариантом этого образа; «брат О. И.» — в дальнейшем Панауров (стр. 5, запись 2), «инсипидка» — Рассудина (стр. 9, запись 1). 5. *Stadt Frankfurt* — отель в Вене, в котором останавливался Чехов.

Стр. 3. 2 и 3. «Три года».

Стр. 4. 1. *Мережковский* Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — писатель-декадент, выступавший со стихами, исполненными мистики и пессимизма. 2. *О. И.* — персонаж, задуманный для повести «Три года», но не вошедший в нее. 3. «*Цецилия*» — одна из наиболее прославленных картин Рафаэля Санти (1483—1520).

¹ Отсылки даны к страницам Записных книжек.

Стр. 5. 2. «Три года» — Панауров. 3. О Соломоне Чеховым была задумана пьеса. Кроме этой заметки о Соломоне, имеется еще одна (Записи на отдельных листках, л. 2).

Стр. 6. 3. «Три года».

Стр. 8. 2. К «Острову Сахалину», гл. V, Майдан. 4. «Соседи»; в окончательной редакции рассказа фамилия «Власов» изменена на «Власич». 6. «Остров Сахалин», гл. XXII. Работая над книгой, Чехов не раз высказывал эту мысль (см. его письма к Суворину от 13 и 20 мая 1891 г.).

Стр. 9. 1. «Три года» — Лаптев и Рассудина (см. прим. к стр. 2, записи 2 и 5). 2. «Жена», гл. VII. 3 и 4. [Начатая, но оставленная повесть] (см. прим. к стр. 2, записи 2 и 4).

Стр. 10. 1. «По делам службы». 2. «Жена».

Стр. 11. 1. Запись пожертвования, сделанного через М. П. Чехову, преподававшую в гимназии Ржевской (см. прим. к стр. 13—17) 2 и 3. «Три года». 4. Фельетон «В Москве». 5. «Архиерей»; дьяконский сын заменен учителем; вычеркнуто, так как переписано ниже, на стр. 90. 6. Вычеркнуто, так как переписано на стр. 90. Заметка сделана не ранее 1892 г., когда Чехов поселился в Мелихове; князь (Сергей Иванович Шаховской) и Иван Аркадьевич Вареников — соседи Чеховых в Мелихове.

Стр. 12. 1 и 4—10. «Три года», некоторые заметки не вошли в окончательную редакцию; имя второй девочки изменено на «Лиду».

Стр. 13—17. В январе 1892 г. Чехов ездил в пострадавшую от неурожая Нижегородскую губернию, где работал по организации помощи голодающим совместно с земским начальником Е. П. Егоровым, давнишним знакомым семьи Чеховых. Записи сделаны на месте, на основании собранных сведений. *Свободин Павел Матвеевич* (1850—1892) — артист Александринского театра, близкий приятель Чехова; ему, как и многим другим своим хорошим знакомым, писатель давал подписные листы для сбора пожертвований в пользу голодающих.

Стр. 17. 1 и 2. «Три года».

Стр. 18. 2 и 3. «Три года».

Стр. 19. 1—12. «Три года».

Стр. 20—21. Текст этих страниц, записанный мягким карандашом, сильно стерся и поддается прочтению с большим трудом. В настоящем издании впервые в собрании сочинений Чехова публикуется текст прочтенных связанных заметок этих страниц. Все они относятся к повести «Три года». Часть их вошла только

в раннюю, журнальную редакцию произведения. Заметки о девочках Сапе и Зое и разговор Нины Федоровны с Юлией остались неиспользованными.

Стр. 22. 1—7. «Три года».

Стр. 23. 1—7. «Три года».

Стр. 24—25. «Три года».

Стр. 26. 1—6, 8—11. «Три года». 7 и 12. «Ариадна». Рассказ предназначался первоначально для журнала «Артист» и заметки к нему записывались под этим названием; впоследствии рассказ был опубликован в журнале «Русская мысль».

Стр. 27. 1, 3, 8 и 9. «Ариадна». 2, 4—7, 10. «Три года».

Стр. 28. 1, 6—9. «Три года». 2. По имени персонажа (Костя) можно предположить, что заметка предназначалась для повести «Три года»; однако некоторыми чертами образа спирита Чехов воспользовался для рассказа «Ариадна» — брат Ариадны Котлович. 3—5. «Ариадна».

Стр. 29. 1—3, 5—8. «Три года». 4. «Ариадна» — Котлович, хотя первоначально было задумано для повести «Три года» и в журнальной редакции есть реплика Лаптева, близкая по содержанию к этой заметке: «...И я заметил, что все то, что непонятно, неясно, смутно, не досказано, все эти господа валят в одну кучу, и получается странная каша. Если кто из нашей братии занимается спиритизмом или магнетизмом, тот уж непременно и голеопат, и метафизик, и символист, верует в три свечи и в тринадцатое число, ругает цивилизацию во имя китаизма, о котором он понятия не имеет, так как не был в Китае...»

Стр. 30—31. «Три года».

Стр. 32. 1—3, 5—7, 9. «Три года»; из них 3 вошла только в первую редакцию 4 и 8. «Ариадна».

Стр. 33. 1, 3—12. «Три года». 2. Было намечено для повести «Три года»; включено в «Ариадну».

Стр. 34. 1—11. «Три года».

Стр. 35. 1—10, 12—17. «Три года». Заметка 2 имеет автобиографический характер. Когда Чеховы жили в одном из флигелей дома Фирганга на Малой Дмитровке (ныне улица Чехова), младшие братья Чеховы и их приятели иногда смотрели в бинокль в окна «квартиры Пиготов, живших напротив (см. письмо Чехова к А. И. Смагину от 21 ноября 1891 г.)». Заметка 9 — имеется в виду гостиница «Дрезден». 11. «Ариадна».

Стр. 36. 1—2, 4—9, 11—14. «Три года». 3. «Ариадна».

Стр. 37. 1—6, 8. «Три года». 7. «Чайка» — Дорн.

Стр. 38—39. «Три года».

Стр. 40. 1, 2 и 4. «Три года». 3. «Ариадна».

Стр. 41. 3. «Убийство». 5. Сюжет рассказа «По делам службы».

Стр. 42. 1. «Убийство». 2 «Чайка» — Дорн. 3. В измененном виде вошло в повесть «В овраге» 4. «Дом с мезонином».

Стр. 43—44. «Убийство». *Триодь постная, триодь цветная* — книги церковных песнопений; *кафизмы* — чтения из псалтыри за всенощной. *Паусий* — иеромонах. В качестве простого землекопа работал в Таганроге у дяди писателя, М. Е. Чехова.

Стр. 45. 1 и 3. «Убийство». 2. «Ариадна».

Стр. 46. 1—3. «Убийство».

Стр. 47. 1. Сюжет рассказа «Анна на шее». 2. «Убийство».

Стр. 48. 1. Сюжет рассказа «Душечка». 2. «По делам службы». 3 «Мужики»

Стр. 49. 3. «Моя жизнь». 4. Запись сделана также в дневнике Чехова за 1897 г.

Стр. 50. 1—2. «Ариадна». 4. Переписано на стр. 139 (запись 12) в несколько измененном и распространенном виде. 5—7. «Убийство».

Стр. 51. 1—4, 6 «Убийство». 5. «Моя жизнь».

Стр. 52. 1. «Чайка» — Тригорин. 2—4, 7. «Убийство». 8. «Новая дача».

Стр. 53. 2. «Чайка» — Треплев. 3—5. «Убийство».

Стр. 54. 1. «Анна на шее». 2 «Чайка» — Треплев.

Стр. 55. 1—4. «Чайка».

Стр. 56. 5 Первоначальный вариант сюжета рассказа «Крыжовник».

Стр. 57. 1. «Убийство».

Стр. 58. 2. «Убийство».

Стр. 59. 4. «Убийство».

Стр. 60. 1. «Мужики». 2. «Моя жизнь». 5. «Убийство».

Стр. 61. 1—6. «Убийство». 7. «Анна на шее».

Стр. 62. 1—3, 5. «Убийство». 4. «Крыжовник». 6. «Анна на шее». 7. «О любви».

Стр. 63. 2, 5—9. «Чайка». 4. Было намечено для «Чайки»; в измененном виде вошло в «Вишневый сад».

Стр. 64. 1—5, 7—10. «Чайка».

Стр. 65. 2 и 5. «Дом с мезонином». 4. Шуточная замена слов: «шербет» вместо «бешмет» и «фельетон» вместо «фаэтон». 6. «Моя жизнь».

Стр. 66. 2. [Начатая, но оставленная повесть]. 4. «Моя жизнь». 7. «На подводе».

Стр. 67. 1. «Моя жизнь». 2. «В родном углу». 5. «Вишневый сад» — Симонов-Пищик. 6. «Печенег». 8. «Мужики».

Стр. 68. 1. Запись сделана также в дневнике за 1897 г. 2. «Дама с собачкой». 7. Перенесена из второй книжки, где записана двумя отрывками; перед вторым из них помета: «пятница, 9 часов утра». Во второй книжке текст несколько подробнее.

Стр. 69. 1. Перенесено из второй книжки, с незначительными изменениями: вместо «Керчи» было «Феодосия»; вместо «едва не довели до самоубийства» было: «хотел застрелиться». Добавлены слова «В конце концов» и последняя фраза. 2. Шуточная замена слов: «умолот» вместо «урожай» и «коростелей» вместо «карасей». 3. «Три сестры» — Чебутыкин. 5. «Дядя Ваня» — Астров; перенесено из второй книжки; последняя фраза изменена, было: «считать нормальным, что люди чудаки».

Стр. 70. 2. Запись сделана также в дневнике от 4 декабря 1896 г. 5. «У знакомых».

Стр. 71. 2. *Сухаревка* — площадь около Сухаревой башни в Москве (ныне «Колхозная площадь»), на которой был большой рынок и, в частности, большой книжный ряд. 4. «Крыжовник». 6. «Вишневый сад» — Симонов-Пищик. 10. «Мужики».

Стр. 72. 5. «Архиерей» — отец Сисой. 8. «Вишневый сад» — Симонов-Пищик.

Стр. 73. 3 и 4. «У знакомых». 7. Перенесено из второй книжки, опущены последние слова: «тем нездоровее».

Стр. 74. 2. «В овраге». 4 и 5. «Крыжовник».

Стр. 75. 2. К «Вишневому саду» — Яша. 6. «Печенег». 7. «Случай из практики».

Стр. 76. 2. «В родном углу». 4. Заметка датируется 1897 г. *Лейкин* Николай Александрович (1841—1906) — издатель и редактор журнала «Осколки». 6. «Новая дача». 10. «Ионыч».

Стр. 77. 1—3, 5, 6. Дневниковые записи относятся к третьей поездке Чехова за границу в 1897—1898 гг. После резкого обострения процесса в легких в марте 1897 г. Чехову было предписано провести зиму на юге. С конца сентября 1897 г. до середины апреля 1898 г. он жил в Ницце. По пути Чехов заезжал ненадолго в Париж и Биарриц. В Ницце им были написаны рассказы «В родном углу», «Печенег», «На подводе», «У знакомых». В несколько измененном виде запись сделана также в

дневнике за 1897—1898 гг. «*Moulin rouge*» — «Красная мельница» — название одного из парижских кафешантанов. «*Danse du ventre*» — «Танец живота». «*Café du Néant*» — «Кафе небытия». «*Café du ciel*» — «Небесное кафе». *Сутугин* Василий Васильевич, доктор медицины. *Соболевский* Василий Михайлович (1846—1913) — публицист, один из редакторов умеренно-либеральной газеты «Русские ведомости». «*Victoria*» — отель в Биаррице. «*Pension Russe*» — «Русский пансион», отель, в котором жил Чехов. *Ковалевский* Максим Максимович (1851—1916) — юрист, историк и социолог, умеренный либерал. В 1887 г. был уволен из состава профессоров Московского университета и эмигрировал в Париж. Позднее жил близ Ниццы в Болье, где и познакомился с Чеховым. *Якоби* Валериан Иванович (1834—1902) — художник. *Юрасовы* — семья русского консула в Ницце. *Могилы Герцена и Гамбетты* — в Ницце. *Мать Башкирцевой* — Марии Константиновны (1860—1884), художницы. *Протопопов* Михаил Алексеевич (1848—1915) — литературный критик-публицист. 7. Сюжет рассказа «На подводе».

Стр. 78. 2. К рассказу «Печенег».

Стр. 79. 3. «У знакомых». 4. «На подводе». 6. К «Даме с собачкой».

Стр. 80. 3 и 5 «У знакомых». 6. Заметка датируется 1897 г.

Стр. 81. 1. «У знакомых». 4. «Случай из практики». 5. 13 декабря — 1897 г. 10 «Архиерей» 11. *Боборыкин* Петр Дмитриевич (1836—1921) — писатель. *Случевский* Константин Константинович (1837—1904) — поэт и беллетрист.

Стр. 82. 3. «О любви».

Стр. 83. 1. «Ионыч». 2 «Случай из практики».

Стр. 84. 1. «Ионыч» 2. «О любви».

Стр. 85. 2. К продолжению рассказа «Мужики». 5. «Ионыч».

Стр. 86. 2 «Человек в футляре». 4. «О любви».

Стр. 87. 1. «Новая дача». 4 и 11. «В овраге». 9. «Крыжовник».

Стр. 88. 3. «О любви». 4. «Крыжовник».

Стр. 89. 5. «О любви».

Стр. 90. 2. *Село Новоселки* — близ Мелихова. 3. Речь идет о литературном сборнике «Братская помощь армянам, пострадавшим в Турции», в котором в 1898 г. был перепечатан рассказ А. П. Чехова «На подводе». 4. «Дама с собачкой». 7. «Архиерей».

Стр. 91. 1. «*Гидротерапия*» вместо «гидрофобия».

Стр. 95. 3 и 5. «В овраге». 4. «Три сестры».

Стр. 96. 2. *Иже херувимы* — начальные слова церковного песнопения.

Стр. 97. 2. *Лавров* Вукол Михайлович (1852—1912) — редактор-издатель журнала «Русская мысль».

Стр. 98. 2. «В овраге» 6. «Три сестры».

Стр. 99. 2. «Архиерей».

Стр. 100. 4. «В овраге».

Стр. 101. 2. Из третьей книжки; вначале опущено слово «комплимент». 8. «Учитель словесности».

Стр. 105. 3. «Архиерей». 7 и 8. «Три сестры».

Стр. 106. 2. «Архиерей». 4. «В овраге».

Стр. 107. 1 и 5. «Архиерей». 2. «В овраге».

Стр. 108. 2 и 7. «Архиерей». 3. «Три сестры» — Вершинин

Стр. 109. 9. «Архиерей». 12. «Три сестры». 13. «Вишневый сад» — Яша.

Стр. 110. 6. «Архиерей». 8. Намечалось для «Вишневого сада».

Стр. 112. 3. «Вишневый сад» — Симеонов-Пищик.

Стр. 113. 5. «*Паяцы*» — опера итальянского композитора Леонкавалло (1858—1919).

Стр. 114. 12. «Вишневый сад».

Стр. 115. 2. *Троилин* — книгоиздатель в Новочеркасске. *Пьяный бор* — местечко на Каме; Чехов проезжал его в конце мая 1901 г., по пути на кумыс в Аксеново Уфимской губернии.

Стр. 118. 5. Вошло в черновую рукопись рассказа «Невеста». 7. Запись сделана также в дневнике за 1901 г.

Стр. 119. 2. Соединение строк из стихотворений Г. Гейне «Два гренадера» и Н. А. Некрасова «Тройка». 6 и 12. К «Вишневому саду».

Стр. 120. 2. «Вишневый сад». 3. *Миров* — Миролюбов Виктор Сергеевич (1860—1939) — редактор-издатель «Журнала для всех». 10. *Горбунов* Иван Федорович (1831—1895) — писатель и актер, мастер устных комических рассказов преимущественно из народного быта. 14. 1901 г. Запись сделана также в дневнике Чехова за этот год. 18 «Архиерей».

Стр. 121. 7. «Вишневый сад» — Трофимов.

Стр. 122. 1. *Гуниади Янос* — минеральная слабительная вода. 17. Юрьев и Дерпт — старые название города Тарту.

Стр. 125. 7. Букишон К.—служащий в имени Орловых-Давыдовых в Серпуховском уезде.

Стр. 127. 10. Отрывки из церковных песнопений.

Стр. 129. 6. Марлит—псевдоним Евгении Ион (1825—1887)—немецкая писательница, автор многочисленных романов, пользовавшаяся популярностью в мелкобуржуазной среде. 9. «На дне» М. Горького — Лука.

Стр. 130. 1 и 9. «Вишневый сад».

Стр. 131. 6. «Вишневый сад».

Стр. 134. 2. Стриндберг Август (1849—1912) — шведский писатель. Л. Л. Толстой — Лев Львович (1869—1945), сын Л. Н. Толстого, беллетрист. Лухманова Надежда Александровна (1840—1907) — писательница, пользовавшаяся популярностью в мещанских кругах. 4. Дедлов — псевдоним Кигна Владимира Людвиговича (1856—1908), беллетрист, критик и публицист. 7. Станислав 2-й степени — один из низших орденов царской России. 10. [Начатая, но оставленная повесть.]

Стр. 136. 12. Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929)—беллетрист и драматург.

Стр. 141. 8. Из третьей книжки; в обеих книжках эта запись является последней; внесена в III книжку в Баденвейлере не ранее 28 июня 1904 г.

КНИЖКА ВТОРАЯ

Стр. 11. 1 и 2. «Чайка» — Шамраев.

Стр. 12. 1. Имя легендарного счастливец, упоминается в рассказе «Черный монах». 2. Сюжет рассказа «Скрипка Ротшильда». Написание «групп», вероятно, имитирует собственноручную запись гробовщика Якова в расходной книжке.

Стр. 14. 1. Перечень фельетонов, опубликованных Чеховым в газете «Новое время» в 1893 г. Первая цифра означает номер газеты, вторая — количество строк: «Столичный литературно-артистический кружок»; «И. А. Мельников», «М. А. Потоцкая», «Беллетристические обеды», «Хорошая новость», «Н. Н. и М. И. Фигнер», «Речь министра И. Д. Делянова». Эта запись установила авторство неизвестных ранее фельетонов Чехова (опубликованы в т. VIII Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова, М. 1947).

Стр. 17. 1. В 1894 г. Чехов и его бывшие однокурсники

гражданами 10-летие окончания университета. 2. *Сабанев* Леонид Павлович (1844—1898) — зоолог, редактор-издатель журнала «Природа и охота» и «Охотничьей газеты». *Ландсберг* Карл Христович — бывший гвардейский офицер, уголовный преступник, отбывавший каторгу на Сахалине, где его встречал Чехов.

Стр. 19. 1. Запись является текстом телеграммы Чехова в сентябре 1894 г. по поводу его хлопот о поездке за границу. Эту поездку он собирался предпринять вместе с Сувориным, у которого гостил тогда в Крыму. Путешествие длилось около месяца. Они посетили Львов, Вену, Аббаццию, Триест и Венецию.

Стр. 22. Является продолжением записи, перенесенной в первую Записную книжку, стр. 68, заметка 7.

Стр. 23. 1. Цитата из романа И. С. Тургенева «Накануне».

Стр. 33. 1. «Чайка» — Маша.

Стр. 35. 1. 11 февраля 1895 г. 2. «Чайка» — Сорин. 3. «Дом с мезонином».

Стр. 37. 1 и 2 «Чайка».

Стр. 38. 1. «Моя жизнь» — Маша.

Стр. 40. 1, 3, 5. Дневниковые записи, относящиеся к поездке Чехова на Кавказ в 1896 г. 2. Первоначальное название «Дамы с собачкой». 4. «Герой нашего времени» («Журнал Печорина. Предисловие»).

Стр. 41. 1. Дневниковая запись, относящаяся к поездке Чехова на Кавказ в 1896 г. «*Медведь*» — водевиль А. П. Чехова.

Стр. 43. 1. Издания произведений Чехова, вышедшие в 1897 г.: «Каштанка» (5 издание), сборники «Рассказы» (11 издание), «В сумерках» (10 издание).

Стр. 46 и 47. «У знакомых».

Стр. 48. 1. Феликсов Н. А. «Педагогические курсы и учительские съезды», журнал «Русская мысль», 1896, кн. IX—XI.

Стр. 93. 1. Заглавие рассказа А. П. Чехова, напечатанного в «Русской мысли», 1892, кн. XI.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ

На обложке. Заглавие последней пьесы Чехова, а может быть, мысль о реальном вишневом саде в Мелихове, как и следующая запись — о разведении рыбы в мелиховском пруду.

Стр. 1. Короткие дневниковые записи относятся к 1897 г. (см. также дневник за этот год). 1. *Солдатенков* Козьма Терентьевич

(1818—1901) — московский купец, издатель, коллекционер картин. 2. *Морозова* Варвара Алексеевна — московская миллионерша, гражданская жена В. М. Соболевского, редактора «Русских ведомостей». 3 и 4. В более распространенном виде записи сделаны также в дневнике за 1897 г.

Стр. 3. 1—3. Записи, связанные с заботами Чехова о мелиховских крестьянских делах и о сельских школах. *Голяшкин* Константин Андреевич — земский начальник в Серпуховском уезде. *Михайлов* Алексей Антонович — школьный учитель в селе Талеже. *Грачева*, *Барбанов* — ученики. 4. «Мужики». При первой публикации в журнале «Русская мысль» этот отрывок был исключен цензурой, в отдельном издании восстановлен автором.

Стр. 4. 28 марта 1897 г. Л. Н. Толстой навещил больного Чехова в Остроумовской клинике. Более подробную запись см. в дневнике Чехова за 1897 г.

Стр. 8. 1. «Крыжовник».

Стр. 10. 1. Речь идет о корректуре отдельного издания «Мужиков».

Стр. 14. 1. «В родном углу».

Стр. 17. 1. «У знакомых».

Стр. 18. 1. В 1897 г. во время жизни в Ницце.

Стр. 20. 1. Из наблюдений в «Pension Russe» в Ницце.

Стр. 30. 1. 26 мая 1898 г. В. М. Соболевский посетил Чехова в Мелихове. Запись сделана также в дневнике за 1898 г.

Стр. 31. 1. Текст телеграммы управляющему имением В. А. Морозовой «Поповское», куда Чехов ездил в конце июля или начале августа 1898 г. 2. «Ионыч».

Стр. 33. 1. «Случай из практики».

Стр. 35. 1. Заглавия произведений, записанные Чеховым, вероятно, в 1898 г. при подготовке им сборника, который должен был выйти в издательстве И. Д. Сытина; издание не было осуществлено. 2. «Крыжовник».

Стр. 36. 1—5. «Крыжовник».

Стр. 37. 1. «У знакомых».

Стр. 43. 2. Заглавия произведений, записанные Чеховым, вероятно, в 1899 г. при подготовке к изданию собрания сочинений по договору с А. Ф. Марксом.

Стр. 45. 1. *Куркич* Петр Иванович (1858—1934) — земский врач в Серпуховском уезде, приятель Чехова. 2. *Корш* Нина Фе-

доровна — дочь Ф. А. Корша, владельца театра в Москве, московская благотворительница. 3. *Теляковский* Владимир Аркадьевич (1861—1924) — директор петербургских и московских императорских театров.

Стр. 46. 1. Сроки получения денег по договору с А. Ф. Марксом. 2 и 3. Артистки Московского Художественного театра, исполнительницы главных ролей в «Чайке»

Стр. 52. 1. *Синани* Исаак Абрамович (ум. 1917) — владелец книжного и табачного магазина в Ялте, где часто собирались приезжавшие в Ялту литераторы, художники и артисты.

Стр. 54. 1. *Джаншиев* Григорий Аветович (1851—1900) — публицист, сотрудник «Русских ведомостей». Заметка относится к 1901 г. (юбилей по поводу 50-летия Г. А. Джаншиева).

Стр. 66. 1. В 1900 г. отмечался 40-летний юбилей литературной деятельности Н. К. Михайловского (1842—1904), критика и публициста. 2 и 3. «Три сестры».

Стр. 79 и 80. К «Вишневому саду».

Стр. 81. *Витте* Иван Германович (1854—1905) — земский врач-хирург, знакомый Чехова по его медицинской деятельности в Серпуховском уезде. *Епиходов* — персонаж из «Вишневого сада».

Стр. 82. 4—6. «Вишневый сад».

Стр. 83. 1—4. «Вишневый сад».

Стр. 84. 1. 1903 г. — 50 лет со дня рождения и 25 лет литературной и общественной деятельности Владимира Галактионовича Короленко (1853—1921). 3. *Бунин и Бабурин* — шутовское соединение фамилий (по заглавию повести Тургенева «Пушин и Бабурин»). *Найденов* Сергей Александрович (1869—1922) — писатель.

Стр. 86. 4. 1904 г., война с Японией.

[ЗАПИСИ НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТКАХ]

Записи на отдельных листках печатаются по подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ (лл. 1, 2, 4—7, 9, 11, 14—17, 19—28), в Отделе рукописей ЛБ (лл. 8, 10, 12, 13, 18, 29, 30) и в Музее А. П. Чехова в Мелихове (л. 3). Большая часть записей представляет собою вырезки из рукописей Чехова, некоторые заметки написаны на оборотах писем, полученных Чеховым.

Заметки относятся к большому периоду времени, — с середины 80-х годов до последних лет жизни Чехова.

Листы сгруппированы по принадлежности к отдельным произведениям, и последовательность их установлена по хронологии первых публикаций этих произведений, по упоминаниям о замыслах в письмах и Записных книжках или по почерку.

Л. 1. Отрывок «Свадьба» относится, судя по почерку, к середине 80-х годов.

Л. 2. См. прим. к первой Записной книжке, стр. 5, запись 3.

Л. 3—8 [Начатая, но оставленная повесть] (см. прим. к первой Записной книжке, стр. 2, записи 2 и 4). Запись 12 на л. 8 относится к повести «Три года».

Л. 9—10. «Остров Сахалин».

Л. 11. Вероятно, запись сделана для «Рассказа неизвестного человека»; в печатную редакцию не вошла.

Л. 12—13. «Бабы царство».

Л. 14. 1—6, 8—10, 12—32, 34, 36, 40, 42 — «Три года». 7. Сюжет рассказа «Белолосбый».

Л. 15—17. «Мужики» (многие заметки не вошли в печатную редакцию). Запись 36 на л. 16 была использована в рассказе «Человек в футляре». См. также запись о Меньшикове в дневнике за 1896 г.

Л. 18. «У знакомых».

Л. 19. 1—44, 65—66. «Три сестры».

Л. 22. Эту мысль Чехов высказывал и в беседе с А. Н. Тихоновым («А. П. Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, М. 1960, стр. 649).

ДНЕВНИКИ

ИЗ САХАЛИНСКОГО ДНЕВНИКА

Отрывок из Сахалинского дневника 1890 г. печатается по тексту альбома «Пером и карандашом» (премия журнала «Осколки» за 1891 г.), Спб. 1891.

[ДНЕВНИКИ 1896—1903]

Дневники печатаются по подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ. Дневник за 1896—1898, 1901 и 1903 гг. записан в альбоме; дневник за 1899—1900 гг. — в маленькой тетрадке.

Семенкович Владимир Николаевич — сосед Чехова в Мелихове. *Суворин* Алексей Сергеевич (1834—1912) — редактор-издатель реакционной газеты «Новое время». *Александр* — Александр Павлович Чехов (1855—1913), брат писателя. *Гей* (Гейман) Богдан Вениаминович — сотрудник «Нового времени». *Буренин* Виктор Петрович (1841—1926) — фельетонист и критик «Нового времени». *Чичерин* Борис Николаевич (1828—1904) — юрист, философ. *Павловский* Исаак Яковлевич (псевдоним: Иван Яковлев; 1852—1924) — парижский корреспондент «Нового времени», уроженец Таганрога, с детства знакомый Чехову. *Школа в Таллеже* — выстроена на средства и при непосредственном участии Чехова. *Меньшиков* Михаил Осипович (1859—1919) — журналист, в 90-х годах редактор «Недели», позднее сотрудник «Нового времени». Последние строки записи были перенесены Чеховым в Записную книжку как литературный сюжет («Человек в футляре»). *Гайдебуров* Василий Павлович — редактор газеты «Неделя». *Чупров* Александр Иванович (1842—1908) — экономист, публицист, профессор Московского университета. *Веселовский* Алексей Николаевич (1843—1918) — историк литературы, председатель Общества любителей российской словесности. *Штейнгель* И. Р. — член правления Владикавказской железной дороги. *Айвазовский* Иван Константинович (1817—1900) — художник-маринист. *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ-идеалист и поэт-мистик. *Кони* Анатолий Федорович (1844—1927) — юрист, писатель и общественный деятель либерально-демократического направления. *Левкеева* Елизавета Ивановна (1851—1904) — артистка Александринского театра; в ее бенефис состоялся первый спектакль «Чайки». *Погожев* Владимир Петрович — управляющий конторой петербургских императорских театров.

Максимов Сергей Васильевич (1831—1901) — писатель-этнограф. *Бларамберг* А. И. — управляющий ялтинским имением кн. Юрьевской, морганатической жены Александра II. *Саблин* Михаил Алексеевич (1842—1898) — член редакции газеты «Русские ведомости». *Гольцев* Виктор Александрович (1850—1906) — публицист, журналист, редактор журнала «Русская мысль». *Поленов* Василий Дмитриевич (1844—1927) — художник-пейзажист

и жанрист. *Остроумов* Алексей Александрович (1844—1908) — врач-терапевт, профессор Московского университета. *Шехтель* Федор (Франц) Осипович (1859—1926) — архитектор и художник, друг Н. П. Чехова. *Озерова* Людмила Ивановна — артистка театра литературно-художественного кружка, исполнявшая роль Ганнеле в одноименной пьесе Г. Гауптмана. *Щеглов* (Леонтьев) Иван Леонтьевич (1856—1911) — писатель, близкий знакомый Чехова. *Стасюлевич* Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк и публицист, редактор-издатель журнала «Вестник Европы». *Музина-Пушкина* (по мужу Глебова) Дарья Михайловна — артистка Александринского театра. *Браз* Иосиф Эммануилович (1872—1936) — художник, писавший портрет Чехова по заказу П. М. Третьякова. *Тихонов* Владимир Алексеевич (1857—1914) — писатель, редактор журнала «Север». *Гнедич* Петр Петрович (1855—1927) — писатель. *Карпов* Евтихий Павлович (1859—1926) — режиссер Александринского театра.

1898

Антокольский Марк Матвеевич (1843—1902) — скульптор; по его проекту поставлен памятник Петру I в Таганроге. *Буаье* Поль (Boyer Paul) — французский ученый, лингвист, специалист по русскому языку. *Art. Roë* — псевдоним французского военного писателя П. Магона (Patrice Mahon). *Бонье* (Bonnier) Гастон (1853—1922) — французский ученый, ботаник. *Дрейфус* Матвей (правильно — Матьё) — брат Альфреда Дрейфуса, которого в 1894 г. французская реакционная военщина обвинила в шпионаже. М. Дрейфус в 1896 г., когда стало известно, что немецким шпионом был Эстергази, возбудил против последнего дело. Однако военный суд оправдал настоящего преступника. *Де-Роберти* Евгений Валентинович (1843—1915) — русский социолог, профессор Русской высшей школы общественных наук в Париже. *Валишевский* Казимир (1849—1935) — польский историк и писатель. *Онегин* (Отто) Александр Федорович — собиратель рукописей Пушкина и материалов о нем. *Шукин* Иван Иванович (1862—1908) — филолог, профессор, один из основателей русской высшей школы в Париже.

[1899]

Чехова Евгения Яковлевна (1835—1919) — мать А. П. Чехова. *Чехова* Мария Павловна (1863—1957) — сестра А. П. Чехова. *Мустафа* — рабочий на ауткинском участке А. П. Чехова.

[1900]

Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854—1933) — писатель, врач. *Вишневский* Александр Леонидович (1861—1943) — артист Московского Художественного театра, уроженец Таганрога, товарищ Чехова по гимназии.

[ЗАПИСИ А. П. ЧЕХОВА
В МЕЛИХОВСКОМ ДНЕВНИКЕ П. Е. ЧЕХОВА]

В архиве Чехова (ЦГАЛИ) сохранился дневник, который вел его отец, П. Е. Чехов, в Мелихове, с марта 1892 по октябрь 1898 г.

Он ежедневно записывал погоду, температуру воздуха, сколько-нибудь выдающиеся семейные события, хозяйственные дела, приезды гостей и т. п. В дни редких отлучек П. Е. Чехова дневник заполняли другие члены семьи. Большею частью это делал А. П. Чехов, нередко пародируя записи отца. В дневнике имеются также записи, сделанные Ал. П. Чеховым, Т. Л. Щелкиной-Куперник и другими гостями чеховского дома.

1893

Марьюшка — Мария Дормидонтовна Беленовская, кухарка Чеховых в Мелихове. *Чехов* Павел Егорович (1824—1898) — отец А. П. Чехова. *Маша* — М. П. Чехова. *Мизинова* Лидия Стахиевна (1870—1937) — близкий друг семьи Чеховых. *Семашко* Мариан Ромуальдович — виолончелист, знакомый Чеховых.

1895

Саша — Ал. П. Чехов.

1896

Миша — Михаил Павлович Чехов (1865—1936). *Ваня* — Иван Павлович Чехов (1861—1922).

Линтварева Наталья Михайловна (1863—1943) — учительница, знакомая Чеховых. *Щепкина-Куперник* Татьяна Львовна (1874—1952) — писательница и переводчица, приятельница семьи Чеховых. *Роман* и *Олимпиада* — работницы в Мелихове. *Ежов* Николай Михайлович (1862—1942) — писатель, знакомый Чехова, впоследствии автор пасквильных воспоминаний о нем. *Ладыженский* Владимир Николаевич (1859—1932) — литератор и земский деятель; после Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

**УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА,
ЗАПИСИ В КОТОРЫМ ВСТРЕЧАЮТСЯ В ЗАПИСНЫХ
КНИЖКАХ И НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТКАХ**

Римскими цифрами обозначены номера записных книжек.

„Анна на шее“ — I — стр. 47, 54, 61, 62.

„Ариадна“ — I — 26, 27, 28, 29, 32, 33, 35, 36, 40, 45, 50.

„Архиерей“ — I — 11, 72, 81, 90, 99, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 120.

„Бабые царство“ — отд. листки — 12, 13.

„Беллетристические обеды“ — II — 14.

„Белолобый“ — отд. листки — 14.

„Брак по расчету“ — III — 43.

„В лесу“ — III — 35.

„В Москве“ — I — 11.

„В овраге“ — I — 42, 74, 87, 95, 98, 100, 106, 107.

„В родном углу“ — I — 67, 76; III — 14.

„В потемках“ — III — 43.

„В сумерках“ — II — 43; III — 52.

„Вишневый сад“ — I — 63, 67, 71, 72, 75, 109, 110, 112, 114, 119, 120, 121, 130, 131, III — на обложке, стр. 79, 80, 81, 82, 83.

„Дама с собачкой“ — I — 68, 79, 90; II — 40.

„Дневник“ — I — 2, 4, 8, 11, 13—17, 49, 68, 70, 77, 80, 81, 118, 120; II — 40, 41; III — 1, 4, 18, 30.

„Дом с мезонином“ — I — 42, 65; II — 35.

- „Душечка“—I—48.
 „Дядя Ваня“—I—69.
- „Жена“—I—9, 10.
 „Житейская мелочь“—III—35.
- „Зимние слезы“—см. «Рассказ г-жи NN».
- „И. А. Мельников“—II—14.
 „Ионыч“—I—76, 83, 84, 85; III—31.
 „Каштанка“—II—43.
 „Крыжовник“—I—56, 62, 71, 74, 87, 88; III—8, 35, 36.
- „Лишние люди“—III—43.
- „М. А. Потоцкая“—II—14.
 „Медведь“—II—41.
 „Моя жизнь“—I—49, 51, 60, 65, 66, 67; II—38.
 „Мужики“—I—48, 60, 67, 71, 85; III—3, 10, отд. листки—15, 16, 17.
- „Н. Н. и М. И. Фигнер“—II—14.
 „На подводе“—I—66, 77, 79.
 „На страстной неделе“—III—35.
- [Начатая, но оставленная повесть]—I—2, 9, 66, 134; отд. листки—3, 4, 5, 6, 7, 8.
 „Невеста“—I—118.
 „Новая дача“—I—52, 76, 87.
- „О любви“—I—62, 82, 84, 86, 88, 89.
 „Остров Сахалин“—I—8; отд. листки—9, 10.
- „Палата № 6“—II—93.
 „Печенег“—I—67, 75, 78.
 „По делам службы“—I—10, 41, 48.
 „Повести и рассказы“—II—43.
- „Рассказ госпожи NN“—III—35.
 „Рассказ неизвестного человека“ (?)—отд. листки—11.
 „Речь министра И. Д. Делянова“—II—14.
- „Свадьба“ (набросок)—отд. листки—1.
 „Скрипка Ротшильда“—II—12, 13.
 „Случай из практики“—I—75, 81, 83; III—33.
 [„Соломон“]—I—5; отд. листки—2.
 „Соседи“—I—8.
 „Столичный литературно-артистический кружок“—II—14.
 „Страхи“—III—35.
 „Страшная ночь“—III—43.
- „Три года“—I—2, 3, 4, 5, 6, 9, 11, 12, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40; отд. листки—8, 14.
 „Три сестры“—I—69, 95, 98, 105, 108, 109; III—66; отд. листки—19.

„У знакомых“—I—70, 73, 79,
80, 81; II—46, 47; III—17, 37;
отд. листки—18.

„Убийство“—I—41, 42, 43, 44,
45, 46, 47, 50, 51, 52, 53, 57,
58, 59, 60, 61, 62.

„Учитель словесности“— I —
101.

„Хорошая новость“—II—14.

„Чайка“—I—37, 42, 52, 53,
54, 55, 63, 64; II—11, 33,
35, 37.

„Человек в футляре“—I—86;
отд. листки—16.

„Черный монах“—II—12.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. П. Чехов. 1891.

Пост Дуэ, поселок ссыльных. Фотография¹. 1890. Стр. 32—33.

Каторжные работы. Фотография. 1890. Стр. 96—97.

Александровск. Домик, в котором жил А. П. Чехов. Художник С. С. Чехов. 1958. Стр. 160—161.

Карточка переписи ссыльнокаторжных, заполненная А. П. Чеховым. 1890. Стр. 224—225.

Заковывают в кандалы. Фотография. 1890. Стр. 288—289.

Сахалинский пейзаж. Паром. Фотография. 1890. Стр. 352—353.

Группа ссыльнокаторжных на пароходе. Фотография. 1890. Стр. 416—417.

Мыс Жонкьер, Тоннель. Художник С. М. Чехов. 1958. Стр. 480—481.

¹ Все фотографии привезены с Сахалина А. П. Чеховым.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИЗ СИБИРИ	7
ОСТРОВ САХАЛИН	43

Ф Е Л Ь Е Т О Н Ы , С Т А Т Ь И

На волчьей садке	397
Ряженые	403
Московские лицемеры	406
[Н. М. Пржевальский]	409
Наше нищенство	411
Фокусники	415
В Москве	427

З А П И С Н Ы Е К Н И Ж К И

Книжка первая	437
Книжка вторая	527
Книжка третья	530
[Записи на отдельных листках]	534

Д Н Е В Н И К И

Из Сахалинского дневника	563
[Дневники 1896—1903 гг.]	564
[Записи А. П. Чехова в мелиховском дневнике П. Е. Чехова]	572
Примечания	577
Указатель произведений А. П. Чехова, записи к ко- торым встречаются в Записных книжках и на отдельных листках	635
Перечень иллюстраций	638

Антон Павлович

Ч Е Х О В

Собрание сочинений, т. 10

Редактор В. Пересыпкина

Художественный редактор И. Жихарев

Технический редактор Ф. Артемьева

Корректор Г. Сурис

*

Сдано в набор 12/IX 1961 г. Под-
писано к печати 2/VIII 1963 г.
Бумага 84×108¹/₃₂—20 печ. л.
32,80 усл. печ л. 31,75 уч.-изд.
л.+9 вкл.=32,2 л. Заказ 2192.
Тираж 597 000 экз.

Цена 1 р. 10 к.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басмальная, 19.

*

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.

